

Studia uralo-altaica 56

Redigunt:

András Róna-Tas

Sándor Szeverényi

Sándor Papp

Siberica et Uralica:
In memoriam Eugen Helinski

Edited by Valentin Gusev, Anna Urmanchieva, Aleksandr Anikin

Szeged, 2022

© University of Szeged,
Department of Altaic Studies,
Department of Finno-Ugrian Philology

All rights reserved. No part of this book may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by other means, electronic, mechanical, photocopying, recording or otherwise, without the prior permission in writing of the author or the publisher.

DOI 10.14232/sua.2022.56

ISBN 978-963-306-908-0 (pdf)

Contents

Предисловие	1
Auflösung eines ungarischen lautgeschichtlichen Rätsels:	
U * <i>pesä</i> 'Nest' > ungarisch <i>fészék</i> ~ finnisch <i>pesä</i>	5
László Honti	
On 'on' in Uralic and Ossetic: from adpositions to case suffixes.....	15
Sampsa Holopainen, Jussi Ylikoski	
Рефлексы прасамодийских * <i>a</i> и * <i>ä</i> и нганасанский сингармонизм	39
В. Ю. Гусев	
К вопросу о ранних контактах между самодийскими языками:	
заметки об истории нган. <i>колииң</i>	63
Кайсла Ф. Кахейнен	
A history of Northern Samoyedic: adding details to the dialect continuum hypothesis.....	77
Olesya Khanina	
Система послелогов со значением 'рядом', 'в направлении', 'напротив'	
в северносамодийских языках и в прасеверносамодийском	95
А. Ю. Урманчиева	
Syntax of multiple questions in Tundra Nenets	127
Nikolett Mus	
Nganasan language materials in space and time.....	139
Beáta Wagner-Nagy, Sándor Szeverényi	
Nganasan loanword phonology: A typological approach	
to the repair strategies of Russian loanwords in Nganasan.....	165
Marianne Bakró-Nagy	

Типология переключения кодов на примере русско-финских и нганасанско-русских языковых контактов.....	179
Лариса Лейсиё	
The concept ‘half’ in Selkup language	197
Ulrike Kahrs	
Syntax and semantics of the Selkup noun phrase	209
Chris Lasse Däbritz, Josefina Budzisch	
Ударение в камасинском и его ареальные параллели	229
Ю. В. Норманская	
Kamas <i>bāzo?</i> ‘again’	241
Gerson Klumpp	
Чередования гласных в именных и глагольных основах в сургутском диалекте хантыйского языка.....	259
Н. Б. Кошкарёва	
Cognate maximization versus cognate minimization: in search of a “golden middle” for Altaic etymology	277
George Starostin	
More Inebra: An unnoticed meaning of PIE $\sqrt{*}\text{kelH}$ and a bit more	293
Alexis Manaster-Ramer	
Yukaghir-Uralic comparison: kinship and social terminology	317
Václav Blažek	
Prädikative Kasus und depiktive sekundäre Prädikation in Nordeurasien — eine Vorstudie unter Berücksichtigung der Verhältnisse im Tundrajukagirischen.....	335
Florian Siegl	
(Nostratische?) Anmerkungen zur Teiledition von J. E. Fischers „Vocabularium Sibiricum“	359
Michael Knüppel	
О неидентифицированном способе выражения диминутивности в енисейских языках	365
А. Ф. Журавлев	

Раритетная дисемия и языковые контакты.....	371
А. М. Певнов	
A Childhood Reminiscence of Bear Ceremonialism among the Northern Selkups.....	379
Olga Kazakevich	
Трикстеры-пройдохи в ненецком фольклоре.....	395
М. Д. Люблинская	
Хождение канинского самоедина Якушки Пирчикова самовольством в Аглинскую землю и обратно: к истории ненецко-английских контактов в I пол. XVII в.....	
	415
Д. В. Арзютов, М. К. Амелина	
Au cœur du chamanisme : une logique du renversement.....	453
Jean-Luc-Lambert	
Шаманские напевы нганасан вне обрядовой ситуации (по материалам записей Салира Порбина 1990 г.)	
	463
О. Э. Добжанская	
Zur Stellung des Matorischen innerhalb der samojedischen Sprachen	479
Eugen Helinski	

This volume is dedicated to the memory of Eugene Helimski — an eminent linguist, specialist in Uralic, Tungusic, Turkic and Slavic descriptive and comparative linguistics. He was author of several dictionaries, did a great amount of work concerning the history of Uralic languages, published many old archival records, spent much time in the field, collecting data from poorly described languages and dialects, and did much more.

It was conceived as an homage to Helimski from the modern linguistics and ethnography. The call for papers was open, and anybody could participate with a contribution on any subject that was connected to, continued or argued with Helimski's works. That has resulted in 27 papers written by his former colleagues, by his students or by those who did not know him personally, but feel themselves influenced by his work. We hope that he would have liked them.

Предисловие

Настоящий сборник статей посвящен памяти выдающегося лингвиста Евгения Арнольдовича Хелимского (1950—2007), работавшего главным образом в России, но и за ее пределами (в Венгрии, Польше), в последние годы жизни — в Германии. Он широко известен своими трудами в разных областях сравнительно-исторического, дескриптивного и общего языкознания, лингвоэтнической и культурной истории уральских и других народов Евразии. Его научное наследие велико и разнообразно.

Е. А. Хелимский был одним из крупнейших в мире специалистов в области исторической и описательной самоедологии, диалектологии уральских языков и общей уралистики, а также тюркологии и алтаистики, славистики, ностратики, этнолингвистики и исторической антропологии, языковых и культурных контактов в Сибири и Евразии, исследования ранних источников по Сибири, проблем языковой политики и языкового строительства малых сибирских народов. С 1968 по 1999 гг. он был участником и организатором экспедиций по изучению селькупского, энецкого, нганасанского и других языков, автором и издателем многих трудов по уралистике.

Перу Е. А. Хелимского принадлежат основополагающие исследования в области ранней этнической и языковой истории прауральцев, самодийцев и финно-угров (проблемы прародин), древних контактов уральских народов, ностратической, уральской и самодийской реконструкции¹ и диалектного членения самодийских языков (в том числе на основе анализа рукописных архивных материалов XVIII—XIX вв., особенно по вымершим южносамодийским языкам), описания живых самодийских языков (словарь, фонология, морфология, социоллингвистика) и культур (фиксация и анализ устной традиции — метр и ритм северносамодийского стиха, поэтика шаманских песнопений и др.). При его участии, в частности, проведены и опубликованы исследования, значительно обогатившие имеющиеся в науке сведения о селькупском языке². Из его важнейших достижений можно также назвать выявление угро-самодийских параллелей в грамматике и лексике и их лингвоэт-

¹ Говоря о довольно распространенном неприятии ностратики среди компаративистов, Е. А. Хелимский подчеркивал, что в ее рамках получено немало важных результатов, не требующих признания ностратической теории, с которыми стоило бы считаться и отвергающим ностратiku ученым.

² В конце жизни Е. А. Хелимский говорил, что в прежние годы ему стоило бы больше заниматься нганасанским языком как лингвистически более интересным.

ническую интерпретацию, создание фундаментального описания маторского языка, исследования шаманизма у нганасан и других самодийских народов, запись и публикацию текстов шаманских камланий.

Е. А. Хелимский — автор многочисленных работ по истории и диалектологии других уральских языков (помимо самодийских), ранним славяно-венгерским и славяно-финским языковым отношениям, славянской и русской этимологии, исторической фонетике тюркских языков, языку аваров. Ряд работ Е. А. Хелимского посвящен анализу прибалтийско-финского и иного языкового материала в новгородских берестяных грамотах и ранним славянским заимствованиям в финно-угорских языках, этимологическому описанию ранних топонимических и апеллятивных данных по истории русского освоения севера Восточной Европы и Сибири.

Им существенно расширен и проанализирован круг сведений об истории русских слов по архивным материалам XVIII в.; проведено исследование русской субстратной топонимии севера европейской части России, повлекшее важные выводы о раннем диалектном членении уральских языков; выявлен ранее практически не изученный пласт селькупских заимствований в русских говорах Западной Сибири. Его представленные на люблянском съезде славистов (2003 г.) аварско-славянские этюды дали важные аргументы в пользу пересмотра роли тунгусо-маньчжурского компонента в Аварском каганате.

Размаху и многогранности научной деятельности Е. А. Хелимского соответствовали его разносторонняя одаренность, огромное обаяние, темперамент, остроумие, юмор. Помимо лингвистических, он имел несомненные способности к математике³, бесспорные литературные и педагогические способности, что как нельзя лучше проявилось в его работе как научного руководителя и просветителя (в научно-популярных публикациях). У него были и задатки политического деятеля, ярко проявившиеся в период борьбы за установление демократии в СССР и России (конец 1980-х — начало 1990-х гг.), когда он на какое-то время практически полностью посвятил себя этой борьбе, отойдя от науки. Отъезд из страны (главным образом, из-за безденежья), к счастью, положил конец его политической карьере.

Два последних года его жизни были омрачены тяжелой болезнью, все более усиливающимися болями и одновременно — мужественной борьбой с недугом, позволившей ему за короткое время решить многие научные задачи, которые он ставил себе сам. Уже не имея возможности писать, он до последнего дня перед ут-

³ Он учился сначала на механико-математическом факультете Московского университета, но затем перешел на Отделение структурной и прикладной лингвистики того же университета (которое успешно и закончил). Как-то раз, вспоминая об этом переходе на другую специальность, он мотивировал его большей «задачностью» лингвистики в сравнении с математикой (!).

ратой сознания диктовал комментарии и дополнения к селькупскому словарю Я. Алатало, касаясь также других научных соображений и оставляя удивительный пример мужества и преданности науке. Неизданными, но хорошо известными специалистами остались его собственные тундровый энецкий, нганасанский и северно-селькупский словари и этимологические комментарии к «*Uralisches Etymologisches Wörterbuch*» К. Редеи, а также ряд небольших работ и учебных материалов; одна из этих работ публикуется в приложении к данному сборнику.

Научное наследие Е. А. Хелимского не теряет своей актуальности, жива и память об этом необыкновенном человеке и ученом. За прошедшие после его ухода из жизни годы, насыщенные разнообразными и далеко не всегда благоприятными научными и ненаучными событиями, многих не раз посещала и посещает мысль о том, как же не хватает Жени...

* * *

Предлагаемая книга является третьим мемориальным сборником (*Gedenkschrift* немецкой традиции), посвященным памяти Е. А. Хелимского: первый из них составил специальный том журнала «*Studia Etymologica Cracoviensia*» (v. 14, 2009, Краков), второй — аналогичный том журнала «*Finnisch-Ugrische Mitteilungen*» (Bd. 32/33, 2010, Гамбург). Обе эти публикации стали серьезным вкладом в развитие областей науки, в которых трудился Е. А. Хелимский, и есть все основания полагать, что таким вкладом станет и данный сборник, публикуемый в специальном томе журнала «*Studia Uralo-Altaica*» (Сергед). Надо заметить, что эту книгу фактически инициировал А. Ф. Журавлев из Института славяноведения РАН (где многие годы работал Е. А. Хелимский), первым представивший статью в еще не существовавший сборник, который по его убеждению следовало бы посвятить памяти Е. А. Хелимского по случаю 10-летия его смерти. Сложности, возникшие при подготовке настоящей книги, отодвинули ее издание от этой даты, которая все же осталась определенным временным ориентиром.

Первый из названных сборников памяти Е. А. Хелимского состоял почти исключительно из статей по этимологической, по большей части индоевропейской, тюркской, венгерско-славянской и общесибирской тематике, что предопределялось направлением журнала «*Studia Etymologica Cracoviensia*». Второй был тематически гораздо шире (в том числе и из-за большего количества авторов) и включал такие топики, как фонетика, грамматика и синтаксис самодийских и других уральских языков, происхождение финно-угорских слов, границы расселения селькупов, раннетюркские заимствования в венгерском, тюркизация Турции, ранние славяно-финские и самодийско-кетские контакты, «изополисемия» в языках северной Азии, мерянская топонимия, музыкальная терминология самодийских языков, эволюция религиозных представлений обско-угорских народов, проблема лето-

писного отождествления кавказских и «угорских» гор в контексте ранних славянско-уральских контактов и др.

Предлагаемое издание по содержанию ближе ко второму из названных сборников, но задумано не только как дань памяти ученому от его друзей, но и как продолжение его идей и его результатов в современной науке. Участие в сборнике было открыто для всех желающих, поэтому среди авторов много тех, кто не знал Е. А. Хелимского лично. Нетрудно заметить, что теперь явно доминирует тематика, прямо или косвенно относящаяся к сфере изучения самодийских языков (сюда примыкает статья по хантыйскому) и культур, о чем говорится в большинстве статей сборника. Кроме того, представлены статьи по алтайской, уральской, уральско-юкагирской и енисейской этимологии, а также по уральско-осетинской типологии и языковым контактам.

Концентрация на самодийской и смежной тематике, скорее всего, вполне устроила бы Е. А. Хелимского, который в последние месяцы жизни немало думал о перспективах развития самодологии и уралистики в Германии и других странах. Его порадовали бы, конечно, и другие статьи, а также участие в сборнике многих молодых ученых. Дело Хелимского продолжится.

Редакторы

Auflösung eines ungarischen lautgeschichtlichen Rätsels U **pesä* 'Nest' > ungarisch *fészék* ~ finnisch *pesä*

László Honti

Károli Gáspár Universität der Reformierten Kirche in Ungarn

1. Der Konsonant *sz* von ung. *fészék* 'Nest' war in den uralistischen etymologischen Forschungen dafür bekannt, dass er der einzige so sichere und unerwartete Vertreter von U/FU **s* war, dass er in Wirklichkeit durch den Lautwandel **s* > **ʃ* > Ø hätte verschwinden müssen. Überraschenderweise hat Lakó (1968: 70) dieses phonetische Problem nicht erwähnt, und auch die beiden damals erschienenen ungarischen etymologischen Wörterbücher – MSzFE (1: 205) und TESz (1: 898) – haben sich nicht mit ihm beschäftigt.

Sehr viel früher war schon Moór (1947: 40–41) darauf aufmerksam geworden, dass es in allen drei uralischen Sprachen solche Wörter gibt, in deren U/FU Vorgängern es anlautendes **s* gegeben haben muss, und statt des zu erwartenden ostj. *l-*, *t-*, *ʌ-*, *j-*, Ø-, wog. *-t* und ung. Ø- sich ostj.-vog. *s-*, ung. *sz-* (= *s-*) findet. Moór zählte insgesamt fünf derartige Wortfamilien auf, die diese unübliche obugrische Vertretung aufweisen:¹

1. wog. T *sāj*, So *saj* 'Eiter' ~ ostj. V *lōj*, DN *těj* 'id.', ung. dial. *ev*, *év* 'id.' ~ mord. *sij* 'id.' < U **sāje* 'Eiter; eitern' (UEW 1: 434)

2. wog. T *sāt*, So *sāt* 'sieben' ~ ostj. V *lāwət*, DN *tāpat* 'id.', ung. *hét* 'id.' < Ug **ʒāptʒ* 'id.' (UEW 2: 844)

3. ostj. V *sōyəs*, DN *sēwəs* 'Herbst' ~ wog. T *tüks*, So *tak.s* 'id.', ung. *ősz* 'id.' ~ fi. *syksy*, *syys* 'id.' < FU **sikše*, **sūkše* 'id.' (UEW 1: 443)

4. ostj. V *sort*, DN *surt*, O *sorəs*(!) 'Spanne' ~ wog. KU *tōrəs*, So *tōras* 'id.', ung. *arasz* 'id.' ~ tscher. *šorž*, *sorž*, *šor* 'id.' < FU **sorʒ* ~ **sorʒsʒ* 'id.' (UEW 1: 448)

5. ostj. V *sos-*, DN O *sās-* 'trocknen' ~ wog. *tāš-*, So *tās-* 'id.' ung. *asz-* 'id.' < Ug **ʒasʒ-* 'id.' (UEW 2: 844)

Aus dieser Beispielsammlung zog Moór den Schluss: „Diese Entsprechungsregelwidrigkeit zeigt sich darin, dass man in den angeführten wogulischen und ostjakischen Wörtern nicht der Fortsetzung von fgr. **s*, sondern von fgr. **ś* begegnet. Dem können wir jedoch auch einen Grund geben. In den ersten drei Fällen ist die Entsprechung deshalb re-

¹ Die Angaben zitiere ich aus modernen Quellen.

gelwidrig, weil das in diesen Wörtern zu vermutende fgr. *s- im **Sonderleben** der wogulischen bzw. ostjakischen Sprache unter Einfluss des nach dem ursprünglichen s folgenden Palatalvokal mouillierte. Es kann in dieser Hinsicht keinen Zweifel geben, dass alle drei Wörter auch ursprünglich palatal waren” (Moór 1947: 39–40; hervorgehoben im Original, L. H.). „Im Inlaut finden wir in den obugrischen Sprachen ... dieselbe Entsprechung wie im Anlaut auch bei s. Das Wort ung. *fészék* würde jedoch bezeugen, dass im Ungarischen bezüglich des fgr. s im Inlaut eine andere Entsprechung erwartet werden könnte als im Anlaut, also statt $\emptyset$ eher sz. Diese Annahme resultiert jedoch bloß aus der fälschlichen Interpretation dieses einzigen Beispiels bzw. seiner Nichtinterpretation. Die regelwidrige Inlautentsprechung von *fészék* hängt nämlich eng mit den obigen drei Anlaut-Entsprechungsregelwidrigkeiten zusammen, deren Grund in der Mouillierung festgestellt wurde, die im Sonderleben der obugrischen Sprachen eingetreten war. Ebenso mouillierte aber auch der Vorgänger von *fészék* im Urungarischen; denn in den obugrischen Sprachen finden sich in den Entsprechungen dieses Wortes die regulären wogulischen und ostjakischen Entwicklungen des fgr. *s: ostj. *pit-*, *pəl-* ~ wog. *piti*, *pit*” (Moór 1947: 40–41).

Zwei vorzügliche Vertreter der uralischen Sprachwissenschaft — Rédei (1972: 233, Anm. 1) und Hajdú (1973: 106, Anm.) — haben, offensichtlich auf Moórs Einfall gestützt, ebenfalls den Grund des auf Wirkung der palatal phonetischen Umgebung eingetretenen Wandels U/FU/Ug *-s- > *-ś- > ung. -sz- in der unerwarteten Lautvertretung gesehen.

Die Lösung dieses lautgeschichtlichen Rätsels lässt sich kurz so formulieren: Zur Zeit der ugrischen Grundsprache kann die Lautform von 'Nest' nach dem Lautwandel U/FU *s- > Ug *θ- *peθz gewesen sein, welches Wort nach dem Lautwandel urungarisch *p- > *φ- > f die Lautform *φeθz > *feθz > *feθz-k annahm. Da f ein rauer [+strident] Konsonant und θ nicht rau [-strident] ist, geschah eine Teilassimilation bezüglich der Rauheit (stridency): θ → s/fV__, denn s- ist ebenfalls rau [+strident]. Die Dehnung des Erstsilbenvokals ist sekundär, eine Erscheinung der urungarischen Zeit, ebenso das Erscheinen des Suffix -k, und diese beeinflussen keinesfalls die Etymologie von *fészék*. All dies s. Honti 1983: 115, 2017: 40–41, 169–170, 2019a: 125.

Nachdem ich entdeckt hatte (Honti 1983: 115), dass ein völlig regulärer Teilassimilierungs-Lautwandel die unübliche Lautvertretung von ung. *fészék* verursacht hatte, nahmen die damaligen und die später erschienenen etymologischen Wörterbücher (UEW 1: 375, EWUng 1: 383, SSA 2: 343–344) Kenntnis davon, jedoch ohne auf die früher als Anomalie erscheinende Lautform einzugehen.

Für diesen Lautwandel war nur diese eine ungarische Angabe 1983 bei Erscheinen meiner Studie bekannt, aber Helimskij (1987) bestätigte mit drei analogen motorisch-taigikaragassischen Etymologien die Wahrscheinlichkeit dieses Lautwandels, dessen Lautentwicklung jedoch kein genau ebensolches Ergebnis zeigt. Beim Vergleich dieser und anderer Beispiele, die Inlautkonsonanten enthalten, habe ich den Verdacht, dass in dieser süd-samojedischen Gruppe die Stimmhaftwerdung p- > b- auf die Dissimilationswirkung des

stimmlosen -s- in der Lautverbindung *pVs- erfolgte: „самод. p- отражается в МТК в виде h-. Приводимая подборка содержит по одному примеру для каждого из различающихся между собой согласных в инициальной последовательности самод. *pVC-“ (Helimskij 1987: 58); z. B. *pāktā 'икра, голень' > /huktə/, *pelā 'половина, кусок' > /hālā/, *pā 'дерево, лес' > /hā/ ↔ *pāsi(-) 'cunnius' > /bisigä/, *pisin- 'смеяться' > /bisin-/, *posā 'стать гнилым, трухлявым' > /bosomo/“ (Helimskij 1987: 58–59). Wegen des sehr spärlichen sprachlichen Materials konnte ich nicht kontrollieren, ob sich ein ähnlicher Wandel auch in den Sequenzen *kVs- und *tVs- verwirklicht hat (Honti 2017: 171).

Der im Wort *fészék* als Teilassimilation aufgrund der phonetischen Umgebung vor sich gegangene Wandel FU *-s- > Ug *-ʒ- > ung. -sz- erfolgte auch noch in ung. *ezüst* 'Silber' und *vész* 'Not'. Jetzt untersuche ich den geschichtlichen Hintergrund dieser beiden Wörter.

Ungarisch *ezüst* 'Silber'

Die Benennung des Silbers entstand in den den ugrischen und permischen Sprachen aus der attributiven Wortverbindung aus 'weiß, glänzend', 'schwarz, dunkel' und 'Blei', 'Zinn', 'Eisen', z. B. ostj. V *näyi wāy*, DN *nōwə-wāχ* 'Silber', vgl. *näyi* usw. 'weiß', *wāy* usw. 'Metall, Eisen' (DEWOS 631–632, 991, 1567), Kaz *šel-wōχ*, Sy *šel-ōχ*, O *šel-ōχ* 'Silber(geld)', vgl. Kaz *šel*, O *šel* 'чистый; rein' (DEWOS 1512); wog. TJ *etküš*, KU *ṓṓ.t.kβš*, P *a't.βš*, So *āt.βš* 'Blei' (K-WWb 131), vgl. T *sairəŋ-khar* 'Silberrubel', *sairəŋ* 'weiß', *khar* 'etwas, Wesen' (M-WWb 80–81, 515); einst wurden auch im Ungarischen Blei und Zinn mittels Farbennamen voneinander unterschieden: *fekete ólom* ~ *fekete ón* 'Blei', *fehér ólom* ~ *fehér ón* 'Zinn' (MSzFE 3: 498–499), vgl. *ólom* 'Blei', *ón* 'Zinn', *fekete* 'schwarz', *fehér* 'weiß' (Honti 2017: 92–93). Auch im Tschermissischen ist die Lage ähnlich: *βulnq* 'Zinn' ~ *βüt-βulnq* 'Blei', vgl. *βüt* 'Wasser' (s. Honti 2017: 149–154).

Die 'Silber' und 'Zinn' bedeutenden permischen Wörter sind Zusammensetzungen aus identischen Elementen, die zur Unterscheidung der ähnliche visuelle Wirkung auslösenden zwei Metalle Bedeutungsspaltung und phonetische Differenzierung erlitten. Meiner Meinung nach ist es gerade solchem Hintergrund zu danken, dass wog. TJ *etküš* usw. die Bedeutung 'Blei' erhielt. Aufgrund all dessen riskiere ich sogar, dass es auch in der finno-ugrischen Grundsprache eine Zusammensetzung mit der Lautform *äśš-waśkš und der Bedeutung 'irgendein hellfarbiges Metall' gegeben haben kann. Dieses Rekonstrukt kann der einwandfreie Vorgänger der permischen Wörter (syrj. *ez-iš* ~ wotj. *az-veš*, syrj. *oz-iš* ~ wotj. *uz-veš*) sein, aber das Wort wogulisch *āt.βš* usw. würde auch die Form FU *äťš-waśkš erlauben, wogegen ungarisch *ezüst* nur diese letztere, in Kenntnis der allgemeinen lautgeschichtlichen Tendenzen. Dennoch halte ich die Form *äśš-waśkš für sehr wahrscheinlich, vor allem wegen der permischen Angaben. Im Falle dieses Rekonstrukts wäre das z des Wortes *ezüst* wie sz des *fészék* zu interpretieren: In der ugrischen Grundsprache musste

der Wandel FU **äš-waš* > Ug **äð-waš* geschehen sein, dann hat im Urungarischen das š im zweiten Glied der Zusammensetzung bezüglich der Bildungsstelle das *ð sich teilweise assimiliert: Ug **äð-waš* > urung. **äš-waš*, und daraus kann sich mit sporadischer Stimmhaftwerdung *-s- > *-z- die heutige Lautform des ungarischen Wortes herausgebildet haben. Die einzelnen Elemente dieses grundsprachlichen Wortes verblassten in den Nachfolgesprachen (im Permischen, Wogulischen und Ungarischen) und mögen auch deshalb unerwartete Lautwandel erlitten haben (Honti 2017: 93–94). Die bisher angeführten Angaben und Napolskichs Artikel von 2010 gab die Idee, dass im FU grundsprachlichen Vorgänger der obigen permischen Wörter und ung. *ezüst* 'Silber' ein Wort mit der Bedeutung 'weiß' verborgen sein kann.² Zu all dem vgl. noch Munkácsi 1901: 248 (Honti 2019a: 125).

Ungarisch *vész* 'Not'

Unlängst entdeckte ich, dass es noch ein drittes ungarisches Wort gibt, das den Wandel des vermutlich nicht rauen Reibelautes *ð in der Nähe eines rauen Reibelautes doch zu einem rauen Reibelaut belegt. Und das ist die Wortfamilie *veszik* 'umkommen, sich verlieren', *vész* 'id.', *vész* 'Not, Unglück', *veszekszik* 'zanken', *veszély* 'Gefahr', als dessen fraglichen Verwandten die Fachliteratur wotj. *vez-* 'sich entfernen, sich aus dem Staube machen' registriert, das aus der FU Grundform **wäs-* 'verschwinden, verlorengehen' des ungarisch-wotjakischen Wortpaars abzuleiten ist (UEW 1: 566). Diese Vergleichung stammt von Bereczki, der nur festgestellt hat, dass „es auch aus semantischer Hinsicht keine Schwierigkeit für die Zusammengehörigkeit des ungarischen und wotjakischen Verbs gibt“ (Bereczki 1964: 385). Die phonetische Entsprechung erschien im Licht der damaligen lautgeschichtlichen Kenntnisse jedoch als regelwidrig, worauf das erste ernsthafte ungarische etymologische Wörterbuch aufmerksam machte und in Moórs Sinne zu erklären versuchte: „Die Entsprechung kann nur dann angenommen werden, wenn das ungarische -sz- — als Ergebnis der auf Wirkung des darauffolgenden palatalen Vokals eingetretenen Mouillierung — als letzte Station der Entwicklungsreihe fgr. *-s- ugr. (dialektal) oder frühurung. *-ś- > urung. *-sz- gelten kann. Eine ebensolche Entwicklungsreihe nehmen wir bei unserem Wort *fészék* an...“ (MSzFE 3: 688). Ähnlich beurteilte diese Etymologie auch das TESz (3: 1126). UEW (1: 566) war derselben Meinung, es beruft sich sogar bezüglich des Schicksals der ungarischen Sibilanten auf das Wort *fészék* und verweist den Leser auf das Wort U **pesä* 'Nest' (UEW 1: 375) auf ziemlich inkonsequente Art, ist doch dort schon die von mir stammende Lösung zu lesen. Und EWUng (2: 1626) vertritt einen noch zwei-

² Aber das von Napolskich (2010: 456–457) rekonstruierte **ōš* 'weiß' ist wegen des **ō* natürlich nonsens! Statt **š* müssen wir **s* voraussetzen, denn das verlangt das *z* im Vorderglied der permischen Angaben und der im wog. *ät/βs* vor sich gegangene Lautwandel U/FU **-s- > Ug *-ð- > wog. -t-*.

felhafteren Standpunkt als das TESz, es qualifizierte die Etymologie nämlich als kaum wahrscheinlich. Diese drei ungarischen Wörter (*ezüst*, *fészék*, *vész*) belegen eindeutig die Raulautigwerdung, weiterhin konnte sich *ʒ bezüglich der Stimmhaftwerdung auch angleichen, also teilweise dem den Lautwandel induzierenden rauen Konsonanten assimilieren:

(a) *wVʒ > *wVs > *wVz > *vVz (*ezüst*, **vezš*),

(b) **vezš* hat offensichtlich eine störende Homonymie geschaffen mit dem Stamm des Verbs *vez-et* 'führen' (< FU **wetā-* 'führen, leiten, ziehen', UEW 1: 569), und um dies zu vermeiden, entstand **vezš*,

(c) im Falle von *fészék* verwirklichte sich nur die (U **pVs* > Ug **pVʒ* >) urung. **φVʒ* > **φVs* > **fVs* (s = sz) Rauigkeits-Teilassimilation (Honti 2017: 169–170).

Angesichts der Angaben syrj. *oz-īs* 'Zinn; zinnern' (SWSch 187), *oz-īs* 'Zinn' (SWb 1: 714) ~ wotj. *uz-veš* 'олово, Zinn; lyijy; Blei' (WWSch 304); syrj. *ez-īs* 'Silber' (SWSch 43), *ezīs* 'Silber; Silber-' (SWb 1: 195) ~ wotj. *az-veš*, *oz-veš* 'reines Silber' (WWSch 11, 185) bin auch ich der Meinung, dass das Vorderglied dieser Zusammensetzungen tatsächlich ein Wort mit der Bedeutung 'weiß' gewesen sein kann, obgleich — wie MSzFE (3: 676) schreibt — sich das nicht beweisen lässt, aber, wie ich meine, mit den eben angeführten Fakten indirekt doch sehr wahrscheinlich gemacht werden kann. Für diese Anschauung sprechen die genannten wogulischen, ostjakischen und ungarischen Metallnamen. Gleichfalls übereinstimmend mit Wichmanns (SWSch 43, WWSch 11, 185) Auffassung bin ich der Ansicht, dass die permischen Wörter mit der Bedeutung 'Silber' und 'Zinn' aus identischen Elementen entstandene Zusammensetzungen sind, die zur Unterscheidung der beiden einen ähnlichen visuellen Eindruck auslösenden Metalle Bedeutungsspaltung und phonetische Absonderung erlitten. Genau solchem Hintergrund ist zu danken, dass wog. TJ *etküš* usw. die Bedeutung 'Blei' bekam. Aufgrund all dessen riskiere ich auch, dass es in der finnougri-schen Grundsprache auch die Zusammensetzung mit der Lautform **äsš-waškš* 'irgendein hellfarbiges Metall' gegeben hat. Dieses Rekonstrukt kann der einwandfreie Vorläufer der permischen Wörter (syrj. *ez-īs* ~ wotj. *az-veš*, syrj. *oz-īs* ~ wotj. *uz-veš*) sein, aber wog. *a'tβš*, *ātβšs* usw. würde auch die Form FU **ätš-waškš* erlauben, wogegen ung. *ezüst* nur letzteres ermöglicht, zumindest im Wissen der allgemeinen lautgeschichtlichen Tendenzen. Dennoch halte ich die Form **äsš-waškš* für sehr wahrscheinlich, vor allem wegen der permischen Angaben, aber auch die Lautform des ungarischen Wortes ist aus einer solchen Form interpretierbar. Im Falle des Rekonstrukts **äsš-waškš* ist das z des ungarischen Wortes ähnlich dem sz von *fészék* zu interpretieren:

(a) musste der Wandel FU **äsš-waškš* > Ug **äʒš-waškš* geschehen,

(b) später assimilierte im Urungarischen das š des zweiten Gliedes der Zusammensetzung bezüglich der Bildungsstelle das *ʒ teilweise sich selbst (ebenfalls [–strident] > [+strident]): Ug **äʒš-waškš* > urung. **äsš-waškš*,

(c) und daraus konnte mit sporadischer Mouillierung *-s- > *-z- die heutige Form des Wortes entstehen.

Die einzelnen Elemente dieses grundsprachlichen Wortes verblassten in den Nachfolgesprachen (im Permischen, Wogulischen und Ungarischen) und mögen auch deshalb unerwartete Lautwandel erlitten haben (Honti 2017: 92–94).

Als ich die Erklärung des *sz* von *fészék* formulierte, musste ich mit Bedauern feststellen, dass für den Wandel „Ug **φ* > ung. *sz*“ nur diese eine Angabe vorliegt. Auf diese Tatsache wies auch Helimskij (1987: 58) hin, ebenso Kotliarov (2009: 233) und Róna-Tas – Berta (2011: 1027). Heute muss man jedoch in drei ungarischen Wörtern mit diesem Lautwandel rechnen, so dass dieses Argument statistischer Art wegfällt.

2. Die Lautvertretung der von Moór (1947: 40–41) am Anfang seiner Studie angeführten fünf obugrischen Wörter und des ung. *fészék* ist also eine nur scheinbare Anomalie. Über die Auflösung dieser Rätsel schrieb ich bereits bei mehreren Gelegenheiten, weshalb ich es jetzt für genügend halte, wenn ich meine eventuellen Leser darauf aufmerksam mache, in welcher russisch-sprachigen Publikation sie eine Lösung solcher phonetischer Probleme finden, s. Honti 2019a (vor allem: 122–124).

Loránd Benkő schlug vor, bei der Untersuchung gewisser Anomalien sei es empfehlenswert, mit den traditionellen Ansichten zu brechen. Ich zitiere ihn: „In der ungarischen Lautgeschichtsforschung hat sich von zunehmend mehr früher als »regulär« betrachteten Lautwandeln – sowohl in finnougriisch-ungarischer Relation als auch innerhalb der ungarischen inneren Entwicklungen – erwiesen, dass der Glaube an ihren gleichartigen, ausnahmslosen Charakter unhaltbar ist. Und in der phonetischen Entwicklung der Zusätze steht geradezu ein ganzes Heer von Momenten vor uns, die vom Üblichen abweichen. Deshalb können auf Lautentwicklungsabweichungen, Oppositionen – besonders bei der Beurteilung der Formfragen von Zusätzen – keine entscheidend bestimmenden Thesen über ihren Typ und die Chronologie gebaut werden. Diese lautgeschichtliche Überlegung bezieht sich selbstverständlich auch auf die Geschichte der ungarischen Possessivsuffixe: Charakter und Zeit der Suffigierung einstiger Personalpronomen können nicht grundsätzlich durch die fallweisen Unterschiede der in ihnen abgelaufenen Lautentwicklungen determiniert werden“ (Benkő 1980: 191); das trifft natürlich auch auf die historische Beurteilung der ungarischen Verbalsuffixe und sonstigen morphologischen Probleme zu.

Mit Berufung auf Benkös Stellungnahme empfehle ich den russischen Finnougriisten, die sich für die ungarische Sprachgeschichte interessieren, zwei meiner Studien, die das Erbe aus uralisch-finnougriischer Zeit der ugrischen Sprachen in etwas anderes Licht setzen.

Seit systematische uralistische Forschungen stattfinden, waren wir der Meinung, vom uralischen Ablativsuffix **-ta/*-tä* gebe es keine Spur in den ugrischen Sprachen. Bei der historischen Untersuchung der Adverbien dieser Sprachen stellte sich aber eindeutig heraus, dass alle drei Sprachen die Spuren dieser einstigen Kasusendung bewahren. Im Ungarischen gibt es sie in solchen Adverbien wie *innét* (~ *innen*) 'von hier', *onnét* (~ *onnan*) 'davon', im Wogulischen und Ostjakischen entstand es, zumeist mit dem Ablativsuffix **-l*

kombiniert, das einst ein Adverb mit Nachdruckfunktion bildete, vgl. wog. K *tīlt* 'davon' (Honti 2019b: 393), ostj. Tra *mantem iwəΛ ~ ma iwəΛtemi*³ 'von mir' (Honti 2019b: 390).

Für die Konsonanten *-d-*, *-n-* usw. der Adverbien ung. *ide* 'hierher', *oda* 'dahin', *innen* 'von hier', *onnan* 'davon' usw. kann man in der Fachliteratur nur auf vorsichtige, äusserst unsichere Erklärungen stoßen. Im Bildungssuffix **t* dieser uralisch-finnougrischzeitlichen Demonstrativpronomen **e* und **o* handelt es sich um eine urungarischzeitliche doppelte, offensichtlich dialektale Unterschiede aufweisende Entwicklung **-t- > *-δ- ~ *-z- > -d- ~ -z-*, wie auch ung. *íz* 'Geschmack' ~ *édes* 'süß', *bűz* 'Gestank' ~ *bűdös* 'stinkend', *víz* 'Wasser' ~ *vides/vizes* 'wässrig', *vedel* 'saufen' diese Doppelheit belegen (Honti 2018). Eine ähnliche Doppelheit weisen die ungarischen Demonstrativa *ez* 'dies', *az* 'jenes': **-t- > *-δ- > -z(-) ~ -d-* (z. B. *ez* 'dies', *az* 'jenes' ~ *eddig* 'bisher', veraltet *ad* ~ gegenwärtig *az* bestimmter Artikel, *addig* 'bis dahin') auf (s. Honti 2018: 28).

3. Mein lieber Kollege und Freund, der von uns Ungarn Jenő genannte Evgenij Helimszki, und ich waren gemeinsam immer darum bemüht, die in Traditionen befangenen Ansichten hinter uns zu lassen und zu versuchen, einige Probleme zu lösen, die sich als harte Nüsse erwiesen hatten. In Erinnerung an ihn wählte ich zum Thema dieser Studie ein lautgeschichtliches Problem, zu dem wir uns völlig übereinstimmend geäußert haben.

Literatur

- Benkő, Loránd (szerk.) 1967. *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára*. Első kötet. A–Gy. Budapest: Akadémiai Kiadó. = TESz 1.
- Benkő, Loránd (szerk.) 1976. *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára*. Harmadik kötet. Ö–Zs. Budapest: Akadémiai Kiadó. = TESz 3.
- Benkő, Loránd 1980. *Az Árpád-kor magyar nyelvű szövegelemélei*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Benkő, Loránd (Hrsg.) 1993. *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen*. Band I. A–Kop. Budapest: Akadémiai Kiadó. = EWUng 1.
- Benkő, Loránd (Hrsg.) 1995. *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen*. Band II. Kor–Zs. Budapest: Akadémiai Kiadó. = EWUng 2.
- Bereczki, Gábor 1964. Etimológiai megjegyzések. *Nyelvtudományi Közlemények* 66: 385–388. DEWOS = Steinitz 1966–1993.
- EWUng 1. = Benkő 1993.
- EWUng 2. = Benkő 1995.
- Fokos-Fuchs, D. R. 1959. *Syrjänisches Wörterbuch. I*. Budapest: Akadémiai Kiadó. = SWb 1.
- Hajdú, Péter 1973. *Bevezetés az uráli nyelvtudományba. (A magyar nyelv finnugor alapjai)*. Második kiadás. Budapest: Tankönyvkiadó.

³ In der Angabe *iwəΛtemi* wird der Ablativ mit einem dreifachen Suppletivismus zum Ausdruck gebracht: *-Λ-*, *-t-*, *-i*.

- Helimskij, E. A. [Хелимский, Е. А.] 1987. Правило Хонти для венг. *fészek* и его аналог в маторско-тайгийско-карагасском языке. *Советское финно-угроведение* 23: 57–60.
- Honti, László 1983. Zur ugrischen Lautgeschichte (Beiträge zur relativen Chronologie einiger Lautwandel in den ugrischen Sprachen). *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae* 33: 113–122.
- Honti, László 2012. *Anyanyelvünk atyafiságáról és a nyelvrokonság ismérveiről. Tények és vágyak.* (Segédkönyvek a nyelvészet tanulmányozásához 143.) Budapest: Tinta Könyvkiadó.
- Honti, László 2017. *A magyar és a nyugati őtörök szókészleti kapcsolatairól.* (Segédkönyvek a nyelvészet tanulmányozásához 196.) Budapest: Tinta Könyvkiadó.
- Honti, László 2018. Ósmagyar hangtörténeti talányok 2. U/FU/Ug *-t- ősm. *-δ- > *-z- > m. -d(-) ~ -z(-). *Magyar Nyelv* 114: 23–43.
- Honti, László 2019a. Bemerkungen zum Bestand der dentalen Spiranten der U/FU/Ug Grundsprache. *Ural-Altaic Studies / Урало-алтайские исследования* 4(35): 119–135.
- Honti, László 2019b. Ősi esetragok „rejtőzködő” ugor képviselői. *Magyar Nyelv* 115: 385–407.
- Kannisto, Artturi, Vuokko Eiras, Arto Moisio 2013. *Wogulisches Wörterbuch.* Gesammelt und geordnet von A. K., bearbeitet von V. E., herausgegeben von A. M. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXXV. Kotimaisten Kielten Keskuksen Julkaisuja 173.) Helsinki: Société Finno-Ougrienne – Kotimaisten Kielten Keskus. = K-WWb.
- Kotliarov, Ivan 2009. Laws of Non-Indo-European Languages. *Studia Etymologica Cracoviensia* 14: 227–235.
- Kulonen, Ulla-Maija (toim.) 1995. *Suomen sanojen alkuperä. 2. L–P.* (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 556 – Kotimaisten Kielten Tutkimuskeskuksen julkaisuja 62.) Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura – Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. = SSA 2.
- K-WWb = Kannisto et al. 2013.
- Lakó, György 1968. *Proto Finno-Ugric Sources of the Hungarian Phonetic Stock.* (Uralic and Altaic Series 80.) Budapest – Bloomington: Akadémiai Kiadó.
- Lakó, György (szerk.) 1967. *A magyar szókészlet finnugor elemei. Etimológiai szótár.* I. kötet. A–Gy. Budapest: Akadémiai Kiadó. = MSzFE 1.
- Lakó, György (szerk.) 1978. *A magyar szókészlet finnugor elemei. Etimológiai szótár.* III. kötet. N–Zs. Budapest: Akadémiai Kiadó. = MSzFE 3.
- Moór, Elemér 1947. A magyar nyelvtörténet őstörténeti vonatkozásai. *Magyar Nyelvőr* 71: 39–42, 85–87, 151–154.
- MSzFE 1. = Lakó 1967.
- MSzFE 3. = Lakó 1978.
- Munkácsi, Bernát 1901. *Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben.* Budapest: Magyar Tudományos Akadémia.
- Munkácsi, Bernát, Béla Kálmán 1986. *Wogulisches Wörterbuch.* Budapest: Akadémiai Kiadó. = M-WWb.
- M-WWb = Munkácsi – Kálmán 1986.
- Napolskich, Vladimir 2010. Über die Herkunft der Benennungen 'Silber' und 'Blei/Zinn' in den permischen Sprachen. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen* 32–33: 447–460.
- Rédei, Károly 1972. L'évolution en hongrois des mots à structure proto-ouralienne et finno-ougrienne VC/s̥V et CVC/s̥V. *Études Finno-Ougriennes* 8: 231–236.

- Rédei, Károly (Hrsg.) 1988a. *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*. Band I. Uralische und finnisch-ugrische Schicht. Budapest – Wiesbaden: Akadémiai Kiadó – Otto Harrassowitz. = UEW 1.
- Rédei, Károly (Hrsg.) 1988b. *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*. Band II. Finnisch-permische und finnisch-wolgaische Schicht. Ugrische Schicht. Budapest – Wiesbaden: Akadémiai Kiadó – Otto Harrassowitz. = UEW 2.
- Róna-Tas, András, Árpád Berta 2011. *West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian. Part 2: »L–Z«.* *Conclusions, Apparatus*. (Turcologica 84.) Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Steinitz, Wolfgang 1966–1993. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Lieferung 1–15. Berlin: Akademie-Verlag. = DEWOS.
- SSA 2. = Kulonen 1995.
- SWb 1. = Fokos-Fuchs 1959.
- SWSch = Wichmann – Uotila 1942.
- TESz 1. = Benkő 1967.
- TESz 3. = Benkő 1976.
- UEW 1. = Rédei 1988a.
- UEW 2. = Rédei 1988b.
- Wichmann, Yrjö, T. E. Uotila 1942. *Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre*. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae VII.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. = SWSch.
- Wichmann, Yrjö, T. E. Uotila, Mikko Korhonen 1987. *Wotjakischer Wortschatz*. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXI.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. = WWSch.
- WWSch = Wichmann et al. 1987.

On ‘on’ in Ossetic and Uralic: from adpositions to case suffixes

¹Sampsa Holopainen, ²Jussi Ylikoski

¹University of Vienna ²University of Turku

1. Introduction

In comparison to Indo-European languages, the Uralic language family is quite famous for its rich case inventories, although the number of Proto-Indo-European cases is usually reconstructed slightly higher (eight or nine) than that of Proto-Uralic (six to eight) (Janhunen 1982: 30–31; Clackson 2007: 92–100; Beekes 2011: 185–189; Aikio 2022). In other words, while Indo-European languages have largely driven their cases system down, some branches of Uralic languages have doubled or even tripled the number of cases since the dispersal of Proto-Uralic. However, increase of case inflection is not non-existent in Indo-European either, although it is remarkable that new cases have almost always emerged in languages with close contacts to other language families with more cases than Indo-European languages in general. Examples include the secondary cases in Lithuanian, Tocharian, Sinhala and Ossetic, spoken in the vicinity of Uralic, Turkic, Dravidian and Northeast Caucasian languages, respectively (Kulikov 2011; Milizia 2020: 25). Most of the Indo-European languages that have extended their case systems also show other traits of agglutinative morphology, atypical for most Indo-European languages (Belyaev 2020). However, as it happens, the largest and best-known inventories of Uralic cases are found in the Finnic languages such as Finnish and Estonian, as well as in Hungarian, although all them have always had a number of contacts with Indo-European.

Most studies of the development of Uralic and Indo-European case systems have focused on the general trends, or drifts, within the two families: Uralicists have been largely occupied with trying to understand the rise of new cases, while Indo-Europeanists have been concerned about the reconstruction of ancient case systems and the causes and effects of their gradual loss. This paper takes an alternative stance to a small part of the phenomena in question and provides a diachronic and synchronic comparison of a semantically restricted set of secondary cases in Uralic and Indo-European.

As the main focus of the present study is on the comparison of languages as distant as Finnic and Ossetic, it is instructive to begin by referring to the well-known fact that all Finnic languages except for Livonian have more than dozen morphological cases. Ossetic

in turn has eight (Digor) to nine (Iron) cases, which is one of the richest case inventories in Indo-European. To zoom into the main subject of the present paper, both language groups have cases labeled as “adessives” (in Ossetic grammatical tradition also known as the superessive) that are surprisingly similar in both form and function, as seen in Table 1.

Table 1. Nominative and adessive case forms in Livvi Karelian and Iron Ossetic

Livvi Karelian		Iron Ossetic			
Nominative	Adessive	Nominative	Adessive		
<i>divan</i>	: <i>divanal</i>	<i>диван</i>	: <i>диваныл</i>	‘couch’	: ‘on a couch’
<i>stola</i>	: <i>stolal</i>	<i>стол</i>	: <i>столыл</i>	‘table’	: ‘on a table’
<i>autobussu</i>	: <i>autobusal</i>	<i>автобус</i>	: <i>автобусыл</i>	‘bus’	: ‘by bus’
<i>pojezdu</i>	: <i>pojezdal</i>	<i>поезд</i>	: <i>поездыл</i>	‘train’	: ‘by train’
<i>dollar</i>	: <i>dollaral</i>	<i>доллар</i>	: <i>долларыл</i>	‘dollar’	: ‘for a dollar’
<i>tämä minuuttu</i>	: <i>täl minuutal</i>	<i>ацы минут</i>	: <i>ацы минутыл</i>	‘this minute’	: ‘right now; in this minute’

To be sure, it is a sheer coincidence that these inflectional forms have nearly identical forms and functions in two unrelated languages spoken on the northwestern and southern borders of the Russian language that has given both languages the nouns seen in Table 1. However, it is worthwhile to address the questions of how and why these two adessive cases have emerged and what we can learn about these languages, and even Uralic and Indo-European morphology and syntax in general, by comparing the two cases and their cognates and functional analogues in other languages of the two families.

This paper is a modest tribute to the memory of Eugene Helimski (1950–2007), whose interests in language comparison lay mostly on the distant common past of Uralic and the neighboring language families. From a more historical perspective, this study also honors the work by Anders Johan Sjögren (1794–1855), the pioneering Uralicist who is also famous for his *Ossetische Sprachlehre* (1844) but barely combined these two fields of his expertise.

The structure of the paper is as follows: Section 2 provides a diachronic overview of the adpositional origins of the Ossetic adessive case (Iron *-ыл* [-əl], Digor *-бæл* [-bəl]; also known as the superessive case) as well as the analogous origins of the Karelian adessive and the entire threefold set of so-called *l*-cases in Finnic; attention is also given to the development of analogical cases in the Permic and Hungarian branches of Uralic. Section 3 brings together the Ossetic and Uralic cases in a synchronic perspective. In particular, the substantial functional similarities and certain differences between the Finnic *l*-cases and Ossetic

adessives are discussed by comparing the latter to the North Karelian adessive(-allative), perhaps the most striking analogue to its Ossetic namesake.

Section 4 draws the threads together and provides a general comparison of the Ossetic and Uralic cases in question. It is concluded that while the development of new case affixes from adpositions is typologically common and natural (Kahr 1976; Hopper & Traugott 2003: 110–111; Heine 2009), such grammaticalization processes also always entail features of exceptionality: just like it is impossible to predict which adpositions will turn to case markers, and in what form, it would be next to impossible to reconstruct the origin of a case affix internally only, without its unaffixed cognates elsewhere. However, it is possible to identify factors that make certain languages and certain types of adpositions more prone to morphologization than others. This in turn helps us understand why the Karelian and Ossetic adessives seen in Table 1 can be so similar and so different at the same time¹.

2. The origins of the surface cases in Ossetic and Uralic

2.1. The origin of the Ossetic adessive

To begin with, the Ossetic case on which the present article focuses is also known as the *superessive* case (e.g., Belyaev 2010; Erschler 2020), but is here called the *adessive* case in line with Abaev (1964), Christol (1990), Kim (2003) and Cheung (2008); the case is also known as *æddagbɛnaton ɣawɛn* [æddagbɛnaton ɣawɛn] (“external local case”) in Ossetic or *местный внешний падеж* in Russian. An important reason for the present choice is the purpose of comparing the Ossetic adessive with its namesakes in Finnic.

The development of the case system of Ossetic and its agglutinative morphology in general has received much attention during last decades, and also competing views have been presented regarding the origins of some cases. As the development of the case system is very well described by Belyaev (2010; see also Kim 2003, Cheung 2008), we will not describe the development of other cases in detail here, with the exception of some details relevant for the development of the adessive case. Suffice to say that Ossetic cases include both elements inherited from the Proto-Iranian case system and later cases that have arisen from postpositions relatively recently, probably due to contact influence, although there has been dispute on the exact role and extent of it, and it has also been considered possible that the development of the agglutinative morphology of Ossetic in general might show traces of developments that are shared with some Middle Iranian languages, such as Sogdian (Belyaev 2020: 477–478).

Regarding the development of the Ossetic adessive case (Iron *-al*, Digor *-bɜl*), there is a consensus that the Ossetic case developed from the Old Iranian adposition **upári* ‘upon’

¹ We wish to thank David Erschler for many important comments and corrections to an earlier version of this paper.

(Miller 1903; Cheung 2002; Kim 2003: 44), even if some phonological details remain unclear. Proto-Iranian **upári* is reflected by Avestan *upairi* and Old Persian *upariy* and it also has a cognate in Vedic *upári*. These forms go back to Proto-Indo-European **upér*. (AiWb s.v. *upairi*; EWAia I 220–221.) In the Old Iranian languages, reflexes of **upári* are used both as adverbs and adpositions: the meanings are given in AiWb as (Adv.) ‘oben; von oben her’, (Prep.) ‘oben, über, oben auf; über hin, über hinaus’. Avestan *upairi* also appears as a part of various compounds such as the adjectives *upairi.dahyav-* ‘der über dem Land ist’ and *upairi.karya-* ‘des Wirksamkeit oben gelegt ist, von oben hier wirkend’. Cheung (2002: 87) argues more precisely that the Digor Ossetic adverb *b3l3* ‘on, upon, by, for’ is probably derived from the locative singular form **upár(y)ai*. Ossetic *l* regularly develops from Proto-Iranian **ri* from Proto-Iranian **ry/ri*.

However, it is uncertain at which point of Ossetic linguistic prehistory did **upári* become a postposition; in the Old Iranian languages it is used mostly as a preposition. A reflex of the same adposition is also used as a postposition in Khotanese Saka (Bailey 1979 s.v. *vīra*). Khotanese *vīra* ‘on, upon; in; into; before?’ can also be used as a preposition, however, and it is unlikely that the postpositional use in these two East Iranian languages is a common development. As many adpositions could be used as both prepositions and postpositions in the Old Iranian languages, it is plausible to assume that **upári* could have been used as a postposition already in Proto-Iranian. It is also noteworthy that Ossetic adpositions are usually prepositions instead of postpositions, *æð* [ʒd] ‘with’ and *æhæ* [ʒnɜ] ‘without’ being the most remarkable exceptions; from this perspective it is, in a sense, more fitting for the postposed reflex of **upári* to manifest itself as a bound morpheme. On the other hand, the first grammarians such as Sjögren (1844: 191, 221–223 *et passim*) did label *-əl/-b3l* as a postposition, although he wrote Iron *-əl* as a suffix (e.g., *хохвл* mountain.ADE but Digor *хонх б3л* id.; cf. Example 2a below).

Although it is widely accepted that Ossetic adessive reflects **upári*, Abaev (1958–1989) compares the Ossetic case rather with the Proto-Iranian adposition **awari* ‘upon’. This adposition is reflected by Ossetic *w3l3*, *w3l-* ‘upper’. According to Cheung (2002), the development Iron *-əl*, Digor *-b3l* < **awari* is unlikely for phonological reasons. However, the relationship between Iron *-əl* and its Digor counterpart is irregular, as no reflex of **b-* is attested in Iron. The Iron case ending cannot be regularly derived from either **upári* or **awari*, so it remains a possibility that **awari* has influenced the development of the Iron case and this could explain the lack of *b* in Iron, as is noted by Christol (1990: 33). The oldest attested form of the Iron adessive is *-wəl* (Christol 1990: 33; Thordarson 2009: 153–155), and it could be assumed that here *-w* is a reflex of earlier (Proto-Iranian) **-w-* or **-b-*, even though this would not be completely regular (according to Cheung 2002: 18–19, **b* should be retained here and **w* should give Ossetic *w*). It has also been considered possible that the absence of *-b-* in the Iron form is due to analogy from the inessive ending *-ə* (Cheung 2008: 94; Kulikov 2009: 446, footnote 9). In any case, despite the obvious irregular relationship between the Iron and Digor forms, it appears that no one has suggested

that these case endings developed independently but it is usually assumed that we are dealing with a Proto-Ossetic phenomenon.

It is difficult to determine more precisely at which point of Ossetic linguistic history the adessive case was formed, but it must have been quite recently (Cheung 2008; Thordarson 2009; Belyaev 2010). There is some information on the relative chronology of the development of the case system. Belyaev (2010: 300–301) notes that the adessive appeared later than the dative: the Old Iranian evidence shows that the Proto-Iranian postpositions **upári* and **ana/anu* (which yielded the Ossetic dative) were attached to accusative, and the *-m-* that appears in the accusative of pronominal forms of Ossetic (for example, the demonstrative *am3n*) can be explained as a trace of an accusative form of pronouns. However, in no adessive forms any trace of earlier accusative can be found, so it must have appeared when the old accusative had been completely lost in Ossetic.

One additional problem is the idea that *b3l3* is derived from the locative form **upár(y)ai*, as no such locative form is attested anywhere else: in Old Persian, Avestan and Vedic, no declension of the preposition/adverb **upári* is found (AiWb 394–395; EWAia I 220–221), and it would be strange if a locative ending *-ai* had been added to this adverb which already has two old locative endings, *-i* (still productive in Indo-Iranian) and *-r* which probably had a locative function in Proto-Indo-European but was opaque in Proto-Indo-Iranian already (Dunkel 2014 s.v. *upér*). One could, theoretically, assume that the Ossetic adessive ending has a slightly more complicated history: from the adverb **upári* 'up, upon', a noun for 'surface' could have been formed, and this could have been grammaticalized and then used as a postposition and eventually as a case ending. This chain of development is admittedly speculative, but at least the Armenian noun *verj* 'Ende, Grenze' has been derived from the adverb **upér* (see Dunkel 2014 s.v. *upér*).

Regarding the development of Ossetic case system in general, it has been argued that the development of the rich case-system has been influenced by Georgian (Belyaev 2010: 312), as modern Georgian shows similar recent developments from postpositions (see Section 4 below). In addition to the adessive, also the comitative in *-im3* (only found in Iron) is of postpositional origin (Cheung 2008: 95; Belyaev 2010: 302–303), cf. the postposition *iwm3/ewm3* 'together'. Belyaev (2010: 294) also argues that two cases recently derived from postpositions should be added, the directive *-(ə)rd3m/(ə)rd3m3* and the regressive *-(ə)rdəg3j/-(ə)rdig3j*.

2.2. The origin of Uralic surface cases

Among the Uralic languages, the Finnic languages, Hungarian and the southern dialects of Komi Permyak (Permic) display entire subsystems of surface cases. As mentioned above, the Proto-Uralic case system was much simpler, including only 6–8 cases, so the surface cases in these particular languages are much later innovations. Among these languages, Permyak has a system that is the most transparent from a diachronic point of view:

the Southern Permyak series of adessive *-l(l)jn ~ -v(v)jn*, superlative *-l(l)ε ~ -v(v)ε*, sublative *-l(l)jś ~ -l(l)iś ~ -v(v)jś ~ -v(v)iś*, perlative *-l(l)εf ~ -v(v)εf* and superterminative *-l(l)εž ~ -v(v)εž* has developed from inflected forms of the postpositional stem *vjl-* (*vjljn* ‘on, upon’, *vjlε* etc.) which are still retained as postpositions in most varieties of the language as well as in Komi Zyryan and Udmurt (Uotila 1938: 48; Bartens 2000: 79; Aikio & Ylikoski 2016: 111–113). The Permic postpositional or relational noun stem *vjl-* reflects Proto-Uralic **ülü-*.

The Finnic system of surface cases can be derived from the reflex of the same postpositional stem as the Permyak cases, as has been recently shown by Aikio and Ylikoski (2016). Finnic adessive **-l-nA*, ablative **-l-tA-* and allative **-l(l)-en* (> Finnish *-lla/ä, -lta/ä, -lle*) can be derived from earlier postpositional use of **ülü-*; the functions of the Finnic cases are very similar to the etymologically related postpositions throughout the Uralic family – from South Saami, the westernmost Uralic language, up to Nganasan in the farthest east. Reflexes of **ülü-* are used as postpositions in almost all branches of Uralic, with the notable absence in “Ugric” (see also Jalava & Grünthal 2020: 120–121 for a recent survey). Also in Finnic, in addition to the *l*-cases a set of postpositions *yllä, yltä, ylle* is found, but their use has traditionally been more limited to certain dialects and highly specific functions, and the current wide-spread use in modern Finnish is a later development (Aikio & Ylikoski 2016: 105).

In earlier research, there were attempts to derive the Finnic *l*-cases from Proto-Uralic or Proto-Finno-Permian, and possible cognates in Mari and Permic have been suggested. The Mari and Permic case forms with **-l-* have rather possessive functions, and any connection with the Finnic *l*-cases is refuted by Aikio and Ylikoski (2016: 63). For other, now outdated theories on the development of the Finnic **l*-cases, see Aikio and Ylikoski (2016: 65–72). It can be mentioned here as a curiosity that also the late Eugene Helimski dealt shortly with the **l*-cases in his seminal work from 1982, mentioning in connection with his discussion of the **n*-element in various Ugric and Samoyedic cases (Helimski 1982: 101–102) that the “Finno-Permian coaffix **l*” is of Nostratic origin, and that related elements can be found in Ob-Ugric (e.g., Mansi *ēlal* ‘forward’) and possibly Samoyedic (Kamass *d’üllä* ‘на землю’). In light of modern Uralic historical comparative studies, Helimski’s ideas regarding the **l*-cases do not seem plausible.

Hungarian displays a system of surface cases that, in line with most other local cases of Hungarian, is clearly of recent origin (see Sárosi 2003: 171 for a survey of diachrony of Hungarian case system), but many details in the development of this system are uncertain and not much modern research exist. The Hungarian delative *-ról, -ről* and sublative *-ra, -re* cases are usually derived from a Proto-Ugric noun **raŋV* that is reflected in Mansi as an adverb, for example South Mansi (TJ) *raŋ* ‘außer’ (Sárosi 2003: 169–172; UEW s.v. **raŋʒ*; EWUng s.v. *râ*).² This explanation seems plausible, although it is difficult to reconstruct

² The *-l* element in the sublative case is usually assumed to be a reflex of the Proto-Ugric ablative **-l* (Honti 1997: 14). The same element is also found in elative *-ból, -ből* and probably in the es-

the detailed developments due to the reductive developments that have led to the modern Hungarian case markers. In any case, the development of these cases has taken place during the independent development of Hungarian as a separate language, probably through use of postpositional constructions, but no definite evidence of the postpositional stage exists. It seems that the *r*-cases were still postpositions in Old Hungarian when they were first attested in the 11th century *Establishing charter of the abbey of Tihány* and developed into case forms after that (Bárczi 1987: 512; Papp 2003: 79; Hegedűs 2013: 92).³

The Hungarian series of surface cases differs from those of Finnic and Permyak in that it is etymologically less symmetrical: the delative and sublative cases are recent developments that share the same origin, but the superessive case *-Vn* (expressing ‘on’) is inherited from the Proto-Uralic locative case ending **-nA*, although it remains unclear how the originally unmarked locative case has developed a more limited and highly marked function (see Aikio & Ylikoski 2016: 115–116, 169–172). Here one can note, however, that the Hungarian superessive case is still used in various functions, certainly expressing more than simply ‘on’: for example, it is used in locative meaning with several place names (*Budapesten* ‘in Budapest’, *Magyarországon* ‘in Hungary’, *Balatonon* ‘at the lake Balaton’), as well in temporal expressions such as *télen* ‘in winter’ and *nyáron* ‘in summer’, and in various kinds of spatial expressions (*egyetemen* ‘at/in the university’, *napon* ‘in the sun(shine)’). It is also usually assumed that the *-an/-en/-on* in manner adverbs such as *szomorúan* ‘sadly’ and *vakon* ‘blindly’ also stems from the old **-nA* locative, with some kind of split happening in Proto-Hungarian or Old Hungarian; needless to say, details of this “split” are highly unclear (Sárosi 2003: 172). It is also known that the Uralic locative has developed highly marked meanings in other languages too, such as in Finnic and Saami, where it is used as essive cases.

Many details concerning the developments of local cases in various Uralic languages are insufficiently known, and more research is needed. This is true especially regarding the history of various Ugric cases, such as the ablative **-l* mentioned above and the series

sive *-ul*, *-ül*, and its presumable ablative origin is most clearly visible in various adverbs such as *alul* ‘from under’. Very little is known about the background and origin of this Proto-Ugric (?) case ending.

³ The first attestation of the sublative case includes several phrases in the *Establishing charter*, such as the often quoted example (i), where *rea*, the predecessor of the modern Hungarian sublative in *-ra/-re*, was still probably a postposition:

(i) Old Hungarian (11th century)

- a. *feheruuaru rea meneh hodu utu rea*
 Fehérvár to go.PRS.PTCP military road to

Modern Hungarian (21th century)

- b. *Fehérvárra menő hadiútra*
 Fehérvár.SUBL go.PRS.PTCP military.road.SUBL
 ‘to the military road leading to Fehérvár’

of local cases including the “coaffix” *-n (see Helimski 1982: 101–102 and Honti 1997: 49 for possible explanations).

3. On the functions of the surface cases in Ossetic and Uralic

While the Ossetic and Uralic cases have been duly described in their respective grammatical traditions, and comparison of Uralic case systems has naturally had a central role in historical Uralistics, cases like the Karelian adessive seen in Table 1 have not been compared with its Ossetic namesake. Needless to repeat, the striking similarity of forms like *divanal* ‘on a couch’ and *autobusal* ‘by bus’ in Karelian and *диваныл* [*divanəl*] and *автобусыл* [*avtobuʃəl*] id. in Ossetic is only accidental, but it is nevertheless intriguing to have a closer look at the similarities and differences of such forms and their semantic counterparts in other Uralic languages. In what follows, the comparison is extended from single word forms to full sentences that manifest the cases in question in actual use. The description of the Finnic cases is mostly based on the authors’ personal knowledge (cf., e.g., EKG; Vainik 1995; Grünthal 2003; Hakulinen et al. 2004; Aikio & Ylikoski 2016); the use and functions of the Ossetic adessive are described in more detail in numerous grammars (e.g., Sjögren 1844: 191, 221–223 *et passim*; Axvlediani 1963: 99–100; 1969: 28–30; Abaev 1964: 19; Bagaev 1965: 158–159; 1982: 17–18, 33; Isaev 1966: 43, 110).

Although the Finnic branch of the Uralic languages is most often represented by the national state languages Finnish and Estonian, it is illustrative to continue with North Karelian (or White Sea, Viena or Dvina Karelian) whose adessive(-allative) case is a result of the merger of the adessive and allative cases that have remained separate in the rest of Finnic. For the present purposes, the example sentences come from the Gospel of John, as this widely translated text enables us to find parallel translations in not only both Iron and Digor Ossetic, but also in many individual Uralic languages. The modern translations used here are generally considered idiomatic and of a high standard, which makes them reliable representatives of the languages in question, as well as a handy tool for future extensions of the present study. Bibliographical information on the sources is given under References according to the language labels.

To begin with the most prototypical common functions of the Ossetic and Karelian adessives, the following examples describe a state of affairs in which fish is being fried on (the surface of) burning coals (1).

(1) a. Iron Ossetic

БЫЛМæ куы рахызтысты, уæд **цæхæрыл** федтой кæсаг, йæ фарсмæ та — дзул.
bəlmz kwə raxəʒtaʃtə, wəd sɜχɜrəl fedtoj kɜʂag,
 shore.ALL when PV.climb.PST.3PL then ember.ADE PV.sec.PST.3PL fish
jɜ farʃmz ta – zʊl.
 3SG.PROCL.GEN near PTCL bread

b. North Karelian

Rannalla nouštuo opašsettavat nähtih, jotta šielä oli
 shore.ALL ascend.CVB disciple.PL see.PST.3PL COMP there be.PST.3SG

hiilillä paistumašša kalua ta viereššä oli leipä.
 coal.PL.ADE bake.PROG fish.PART and beside be.PST.3SG bread

‘When they got out on land, they saw a fire of burning coals there with fish on it, and some bread.’ (John 21:9)

Before continuing with more examples, it is illustrative to note that *цæхæрыл* [*sɬɬɬɬɬɬ*] ‘on embers’ (1a), as well as virtually all examples of the Iron Ossetic adessives provided below, are matched by analogous adessives in the Digor Ossetic translation (1c). Similar adessives could also be provided from other Finnic languages (e.g., Finnish *hiilillä* ‘on coals’ or *hiilloksella* ‘on embers’). As regards the origins of the Finnic *l*-cases (see Section 2), some of the cognates of the Karelian adessive marker *-lla/-llä* (1b) are seen in the postpositional phrases in the translations of this verse into South Saami, Komi Permyak and Tundra Nenets: *nelnie* (1d), *вылын* [*vɨlɨn*] (1e) and *ниня* [*nyɨnya*] (1f) all go back to the Proto-Uralic postposition or the locative relational noun **ülñä* (Aikio & Ylikoski 2016: 74–75).

(1) c. Digor Ossetic

Билæмæ ку рахизтæнцæ уæд уинунцæ цæхæр, **цæхæрбæл** кæсалгæ, цæхæ-
 рæн æ рази ба дзол.

bilɬmɬ ku raxɨztɬncɬ wɬd winuncɬ cɬɬɬɬ, cɬɬɬɬbɬl kɬsɬlgɬ,
 shore.ALL when PV.climb.PST.3PL then see.PST.3PL ember ember.ADE fish

cɬɬɬɬɬɬ ɬ razi ba zol.
 ember.DAT 3SG.PROCL.GEN in.front.of.INE PTCL bread

d. South Saami

Gosse gaadtan bætieh, dållem vuejnieh, jïh guelieh laejpieh sjïjli nelnie.
 when shore.ILL come.3PL fire.ACC see.3PL and fish.PL bread.PL coal.PL.GEN on

e. Komi Permyak

Ния петисö васис, казялисö керöм бисö. **Öгыррес вылын** вöли чери, ордчöн
 куйлис нянь.

nija petise vašis, kažalise kerəm bišɐ.
 3PL depart.PST.3PL water.ELA.3SG notice.PST.3PL make.PST.PTCP fire.ACC.3SG

egirres viļin vɛli čeri, ordčɛn kujlis nañ.
 ember.PL.3SG on be.PST.3SG fish beside lie.PST.3SG bread

f. Tundra Nenets

Я’ ни’ тана”махадандо’ есабарта ту’ ясо манэ”на”, ту’ ясо” **ниня** халя юседавы,
 тикы’ хавна нянь’ таниявы.

yah nyih tanaqmaxadantoh yesabarta tuh yaso mənɛqnaq.
 land.GEN onto ascend.AN.ABL.3PL sparkling ember.GEN see.3PL

tuh yasoq nyinya xalya yúsyedawi°, tyikih xaw° na nyany°h tányawi°.
 ember.PL.GEN on fish lie.PST.PTCP that.GEN beside bread.GEN exist.PST.PTCP

To give only one more example of this most prototypical meaning ('on (the surface of)') of the Ossetic and Finnic adessives, (2) refers to the ancestors of the Samaritan who have been praying on (the surface of) a mountain:

(2) a. Iron Ossetic

Hæ фыдæлтæ ацы хохыл куывтой.
nз fædæltæ asə xoχəl kwəvtəj.
 1PL.PROCL.GEN father.PL this mountain.ADE pray.PST.3PL

b. North Karelian

Miän tuatot kumarrettih ta molittih Jumalalla tällä vuaralla, — —
 1PL.GEN father.PL bow.PST.3PL and pray.PST.3PL God.ADE this.ADE mountain.ADE
 'Our ancestors worshiped on this mountain — —' (John 4:20)

Again, the Digor Ossetic equivalent of Iron *ацы хохыл* [*asə xoχəl*] is the adessive phrase *ацы хонхбæл* [*aci xoŋχbəl*], whereas the grammatical cognates of Karelian *tällä vuaralla* include Finnish *tällä vuorella*, South Saami *daan vaerien nelnie*, Permyak *эма керөс व्यлын* [*eta kereš vīlīn*] and Tundra Nenets *тюку хой' ниня* [*tyuku° xo'y°h nyinya*] id.

From a general Finnic perspective, the similarity between the Ossetic and Karelian adessives is all the more remarkable in the following examples:

(3) a. Iron Ossetic

Уыцы Адæймаг мын сыджыты змæст æрæвæрдта мæ цæстытыл, æз мæхи цæхсадтон æмæ райдыдтон уынын.
wəsə adzɯmag mən səʒətə ʒmɜʃt ɜrɜvɜrdta mɜ sɜʃtətəl,
 that person 1SG.ENCL.DAT soil.GEN stir.PST.PTCP PV.put.PST.3SG 1SG.GEN eye.PL.ADE
ʒ mɜχi sɜχʃadton ɜmɜ rajdɛdton wənən.
 1SG 1SG.REFL.GEN wash.PST.1SG and PV.begin.PST.1SG see.INF

b. North Karelian

Hiän pani šylen ta muan ševošta miun šilmillä,
 3SG put.PST.3SG saliva.GEN and soil.GEN mixture.PART 1SG.GEN eye.PL.ADE
šiitä kävin pešeytymäššä ta nyt mie niän.
 then go.and.return.PST.1SG wash.PROG and now 1SG see.1SG
 'He put mud on my eyes, the man replied, and I washed, and now I see.' (John 9:15)

While the use of the adessive in this function is all-Ossetic (Iron *мæ цæстытыл* [*mɜ sɜʃtətəl*] = Digor *мæ цæстумæбæл* [*mɜ cɜstɯmbəl*]), the situation is different in Finnic where the Karelian adessive or adessive-allative *šilmillä* does not equal to the Finnish adessive *silmillä* in this context, but the explicitly directional, non-stative allative *silmi-lle(-ni)* [eye-PL-ALL-1SG] 'onto my eyes' is used instead. Indeed, it is only Karelian that has

merged the two cases into one, whereas even the remotest Uralic languages with unmorphologized postpositions have retained the distinction ‘on’ vs. ‘onto’ (e.g., South Saami *nělnie* vs. *nille*, Permyak *вылын* vs. *вылӧ* and Tundra Nenets *ниня* [*nyinya*] vs. *ни* [*nyih*]).

As regards the spatial functions of the cases in question, the most remarkable difference between Ossetic and Finnic — Karelian included — is that the Ossetic adessive is also used to refer to paths and routes, not unlike its distant cognates such as Greek *ὕπερ* and English *over* (see Dunkel 2014 s.v. *upér*). Interestingly, such use is not found in Old Iranian or Old Indo-Aryan reflexes of **upári* (AiWb s.v. *upairi*; EWAia I 220–221). However, while Finnic languages possess a number of adpositions and so-called prolative cases for similar functions (Tikka 1992; Suoniemi-Taipale 1994), none of the *l*-cases is used. As pointed out by Aikio and Ylikoski (2016: 109), the lack of pre-existing prolative cases as a model for a new case seems to have prevented the postposition *yli* ‘over’ (Karelian, Finnish) from grammaticalizing into a case suffix. On the other hand, the “prolative” function of the Ossetic adessive is by no means limited to surfaces as paths, such as the surface of the Sea of Galilee in (4a), but instead it has a more general, dimension-neutral meaning ‘by; through’ (5a, 6a). Karelian, like other Finnic languages, may resort to various adpositions (4b, 5b) and the secondary prolative function of the elative ‘from’ case (6b).

(4) a. Iron Ossetic

— — куы ацыдысты, уæд Йесойы фæдтой денджызыл къахæй цæугæ, — —
kwə asədaštə, wəd ješojə fedtoj denǰəzəl k’aχəj səwgə
 when land.PST.3PL then Jesus.GEN PV.see.PST.3PL sea.ADE leg.ABL go.PTCP

b. North Karelian

— — *kun nähtih, jotta Iisussa astuu järven ualtoja myöte ta* — —
 when see.PST.3PL COMP Jesus walk.3SG lake.GEN wave.PL.PART along and
 ‘— — when they saw Jesus walking on the sea and — —’ (John 6:19)

(5) a. Iron Ossetic

Йæ фæндаг уыди Самарийыл.
jə fəndag wədi Šamarijəl.
 3SG.PROCL.GEN path be.PST.3SG Samaria.ADE

b. North Karelian

Hänen piti matata Samarijan kautti.
 3SG.GEN must.PST.3SG travel.INF Samaria.GEN through
 ‘He had to go through Samaria on the way.’ (John 4:4)

(6) a. Iron Ossetic

Дуарыл бацæуæг та фыстæн сæ фыййау у.
dwarəl basəwəg ta fəstən šə fəjjaw u.
 door.ADE PV.go.PTCP PTCL sheep.PL.DAT 3PL.PROCL.GEN shepherd be.3SG

b. North Karelian

Ken mänöy ovešta, še on lampahien paimen.

who go.3SG door.ELA that be.3SG sheep.PL.GEN shepherd

‘But the one who enters through the gate is the shepherd of the sheep.’ (John 10:2)

To return to the similarities between the two adessives, both are commonly used to code instruments and means such as vehicles of transportation, as already seen in the word forms for ‘by bus’ and ‘by train’ above (Table 1). The semantic motivation for this kind of (most obviously) secondary functions is seen in the potentially ambiguous example (7b) (cf. Aikio & Ylikoski 2016: 118–122).

(7) a. Iron Ossetic

Ма тæрс, Сионы чызг! Мæнæ дæ Паддзах фæцæуы къæлæуыл бадгæйæ.

ma tɜrʂ, Šionə čəʒg!

NEG fear.IMP.2SG Zion.GEN daughter

mɜnɜ dɜ padzax fɜsɜwə k'ɜlɜwəl badgɜʒ.

there 2SG.PROCL.GEN emperor PV.go.3SG donkey.foal.ADE sit.PTCP.ABL

b. North Karelian

Elä varaja, Siijonin tytär, šiun Čuari tulou!

NEG.IMP.2SG fear.CNG Zion.GEN daughter 2SG.GEN Tsar come.3SG

Hiän račaštau nuorella oslalla.

3SG ride.3SG young.ADE donkey.ADE

‘Fear not, daughter of Zion! Your King is coming, sitting/riding on a donkey’s colt!’ (John 12:15)

Less ambiguous instrumentals are seen in the following examples denoting means of communication (8).

(8) a. Iron Ossetic

Фыст уыди дзуттаг, ромаг æмæ бердзенаг æвзæгтыл.

fəst wədi zuttəg, romag ɜmɜ berzenag ɜvʒɜgtəl.

write.PST.PTCP be.PST.3SG Hebrew Roman and Greek language.PL.ADE

b. North Karelian

Šanat oli kirjutettu jevrein, latinan ta kreikan kielillä.

word.PL be.PST.3SG write.PST.PASS.PTCP Hebrew.GEN Latin.GEN and Greek.GEN language.PL.ADE

‘It was written in the Hebrew, Latin and Greek languages.’ (John 19:20)

Another example of instrumental adessives is the fact that both Ossetic and Finnic cases are used to express prices of transactions, e.g. Karelian *dollaral* ‘with a dollar (buy, sell for a dollar)’ and Ossetic *долларыл* [*dollarəl*] id. (see Table 1 above). From a typological perspective, the instrumental functions of the adessive are very natural especially in Ossetic, where the case is also used to mark paths and routes (see above and cf. Latin *via*,

English *by way of* etc.). However, it may be added that in Ossetic, also the ablative case in *-æŭ [-ɜj]* is used for similar functions, and even more so than the adessive.

Although the above examples present the Ossetic and Karelian adessives as highly similar to each other, they certainly have many differences as well. Most importantly, the Karelian case has important functions in expressing possession: In all Finnic languages with *l*-cases, the adessive case is used for marking predicative possessors, and its directional counterpart, allative, is not only a case for coding goals ('onto') but also recipients ('to; for'); in Karelian, the adessive(-allative) has both functions. In Ossetic, the adessive is not commonly used in this way, but instead, the dative case codes both recipients and inalienable possessors; for alienable possessors, the allative case is used, but not the adessive (Belyaev 2010: 314–315). However, the adessive may occasionally occur with some inalienably possessed items (David Erschler, p.c.).

As for the third main role in sentences expressing possessive relationships, donors are coded with the cases labeled as ablatives in both languages, but the crucial difference between the two is that while the Ossetic ablative in *-æŭ [ɜj]* is the only case for sources and donors (or "possessive sources" or "sources of possession"; see Kittilä & Ylikoski 2011: 58), Karelian and other Finnic ablatives express source only on a par with the other *l*-cases, i.e., movement off a surface. The default case for 'from' is the elative (in contrast to the 'off' ablative).

Although it is possible to present a number of functions, example sentences and individual word pairs (Table 1) that make the Ossetic and Karelian adessives look very similar to each other, it is also possible and certainly useful to look at both cases within the contexts where they belong in their respective languages. To keep things simple, Table 2 still confines the two adessives and other local cases into some of their most prototypical functions within the realm of spatial and possessive expressions.⁴

Table 2 shows that the division of labor among the five cases of both languages is quite different after all. On the other hand, the table does not even depict the instrumental or prolativ functions of the adessives in question, and the list of functions of these cases could be continued with many less salient similarities and differences that can be easily detected by comparing the two adessives in the existing descriptions or parallel texts. For example, both languages also use their adessives in expressions of time, as will be seen in the following example. Some verbs such as Ossetic *æууæндын [ɜwwɛndɛn]* 'believe (in)' may take the adessive as its obligatory argument in one language but not in the other. However, occasionally one comes across parallel passages in which the two languages use their adessives in multiple similar ways. To give an example from Karelian and Digor⁵ Ossetic, (9) is a case in point:

⁴ For a wider picture of Uralic local case systems from a similar perspective, see Kittilä and Ylikoski (2011).

⁵ Although the preceding Ossetic example sentences come from Iron, all Iron adessives seen above have analogous adessives in the Digor translation of the Gospel of John: In addition to

Table 2. The markers of directions, locations and sources,
and their possessive counterparts in North Karelian and Iron Ossetic

	Direction		Location		Source	
Karelian:						
Default local cases	illative	<i>-h</i>	inessive	<i>-šša</i>	elative	<i>-šta</i>
Surface cases	adessive	<i>-lla</i>	adessive	<i>-lla</i>	ablative	<i>-lta</i>
Cases of possession	adessive	<i>-lla</i>	adessive	<i>-lla</i>	ablative	<i>-lta</i>
Ossetic:						
Default local cases	allative	<i>-mз</i>	inessive	<i>-ə</i>	ablative	<i>-зj</i>
Surface cases	adessive	<i>-əl</i>	adessive	<i>-əl</i>	ablative	<i>-зj</i>
Cases of possession	dative	<i>-зn</i>	dative (inalienable)	<i>-зn</i>	ablative	<i>-зj</i>
			allative (alienable)	<i>-mз</i>		

(9) a. Digor Ossetic

Надбæл æлдарбæл фембалдæнцæ æ цагъартæ æма ин загътонцæ: «Дæ биццеу фæдздзæбæх æй». «Цал сахаттебæл ин фенцондæр æй?» — фæрсуй сæ е. Загътонцæ ин: «Æзинæ имæ, бонæй, фиццаг сахатбæл, тæвдæ нæбал адтæй».

nadbzl zldarbzl fembaldzncз з савартз
way.ADE lord.ADE PV.meet.PST.3PL 3SG.PROCL.GEN slave.PL
зma in заktonцз: dз biccew фзззбзх зj.
and 3SG.ENCL.DAT say.PST.3PL 2SG.PROCL.GEN son PV.healthy be.PRS.3SG
cal сахаттебзл in fencondзr зj?
how.many hour.PL.ADE 3SG.ENCL.DAT PV.easy.CPV be.PRS.3SG
фзрсuj сз je. заktonцз in: зzinз
ask.3PL 3PL.PROCL.GEN 3SG say.PST.3PL 3SG.ENCL.DAT yesterday
имз, bonзj, ficcag сахатбзл, тзvdз нзбал адтзj.
3SG.ENCL.ALL by.day first hour.ADE heat no.longer be.PST.3SG

цæхæрбæл [сзхзrbзл] seen in (1c) and the phrases *аци хонхбæл* [aci хонхбзл] and *мæ цæститæбæл* [mз cзstitзбзл] mentioned in connection to (2a) and (3a), Iron *денджызыл* [denžəžəл] (4a), *Самарийыл* [Šamarijəл] (5a), *дуарыл* [dwarəл] (6a), *кæлæуыл* [k'əłwəл] (7a) and *дзуттаг, ромаг æмæ бердзенаг æвзæгтыл* [zuttəg, roməg этз berzenəg звззgtəл] (8a) are echoed by *денгизбæл* [dengizbзл], *дуарбел* [dwarbel], *Самарий бæстæбæл* [Samarij бзstəбзл], *кæлæуыбæл* [k'əłwbзл] and *дзуйуттаг, ромаг æма грекæг æвзæгтæбæл* [ziwittəg, roməg зma grek'əg звззgtəбзл] in Digor.

b. North Karelian

Matalla hänen käskyläiset tultih **hänellä** vaštah ta
 journey.ADE 3SG.GEN servant.PL came.PST.3PL 3SG.ADE towards and

šanottih: «Poikaš on terveh». Mieš kyšy heiltä,
 say.PST.3PL son.2SG be.3SG healthy man ask.PST.3SG 3PL.ABL

mih aikah poika alko toipuo. Hyö šanottih:
 which.ILL time.ILL son begin.PST.3SG recover.INF 3PL say.PST.3PL

«Eklein šeiččemennellä tunnilla kuume läksi».

yesterday seven.ORD.ADE hour.ADE fever depart.PST.3SG

‘And while he was still on the way, his servants met him with the news that his son was healthy. When he inquired as to the time when his son got better, they said to him, ‘Yesterday, at one in the afternoon (at the seventh hour), the fever left him.’’
 (John 4:51–52)

In what follows, we will evaluate the reasons behind the similarities and differences of these and analogous cases from a diachronic perspective.

4. Discussion and conclusion

It goes without saying that the functional and even formal similarity of the Ossetic and Karelian adessives is in many ways coincidental, but on the other hand both appear as quite natural outcomes of the cross-linguistically common tendencies in which postpositions may be grammaticalized into case suffixes, and spatial expressions acquire more abstract functions such as expressing instrumental and possessive relations.

The cases and case systems described above are not typologically unique, but not common either. Although Ossetic with its eight or nine cases has clearly more cases than what is typical in Indo-European languages or even globally (Iggesen 2013), and Finnic with more than dozen cases is even more remarkable — also within the Uralic family — similar cases can be found especially in Northeast Caucasian languages. As pointed out by Blake (2001: 151), when “languages have large case systems it is always through the elaboration of the local cases”, but on the other hand, local cases specialized on coding location on the vertical axis are not common either. In fact, it appears that such cases may be limited to the Uralic family and the Caucasus region (cf. Blake 2001: 151–154; Levinson 2003: 98–110; Lingtyp 2021). In any case, development of new local cases seems to be one of the easiest ways to increase the number of cases in a language, as a grammaticalization process of a series of spatial adpositions may result in the emergence of a new series of three or even four or five local cases simultaneously (Aikio & Ylikoski 2016: 111–113), whereas other less common innovations such as the Komi consecutive case specialized for coding cause and reason — as well as much more common comitative cases — are bound to develop individually.

While the Finnic, Hungarian as well as Permyak surface cases have developed as full series, this can happen in many ways. In Finnic, a series of three *l*-cases developed simultaneously, although two of those later merged into one in Karelian. In Southern Permyak, as many as five surface cases have been grammaticalized in analogy to the pre-existing five local cases. In Hungarian, two *r*-cases have developed and been accompanied by an earlier unmarked case as the third member of the new case series. On the other hand, the series of the three vicinal cases in Hungarian provides a fascinating example of analogy, or the Neogrammmarian *Systemzwang*, as the three case suffixes come from three entirely different (yet somewhat unclear) sources, and the series of the three default “*b*-cases” in *-ba*, *-ban* and *-ból* are functionally paralleled by the etymologically asymmetric series of case suffixes *-hoz*, *-nál* and *-től*.

To turn our eyes to the Caucasus, Northeast Caucasian languages are known for their extremely large and symmetrical case systems that almost blow up the traditional Eurocentric concept of case (Comrie & Polinsky 1998; Kibrik 2003). Quite interestingly, the Ossetic language with its sole surface case appears as an outlier within its Caucasian context; this fits the detailed arguments of Belyaev (2010; 2020: 478–480), who has noted that Georgian (and not other neighboring languages) is the most probable source of influence in the development of the secondary cases, as modern Georgian shows developments of similar cases from postpositions as Ossetic, including the superessive and comitative. (See also Erschler (2009) for a recent case study of contact-induced features in Ossetic grammar.)

In fact, even though belittlingly characterized as a “secondary case” at best (Vogt 1971: 68–69) and most often entirely dismissed in the inflectional paradigms of the language, the Georgian superessive in *-ze* appears to be the closest imaginable analogue to the Ossetic adessive (superessive) case: it is used not only in the stative ‘on’ function and as its directional ‘onto’ counterpart, but also to refer to instruments such as vehicles of transportation as well as time. In the modern Bible translation, the verses discussed in (1–2) and (7) in Section 3 are translated with superessives such as — ნაკვერცხლები და მათზე — (*nak’vertskhlebi da mat-ze* ember.PL and they-SUPER ‘— embers and on those (embers) —’), ამ მთაზე (*am mta-ze* this.DAT mountain-SUPER ‘on this mountain’), თვალებზე (*tvaleb-ze* eye.PL-SUPER ‘on(to) the eyes’, ჩოჩორზე (*chochor-ze* young.donkey-SUPER ‘on a young donkey’).

In any case, one cannot avoid the impression that if an Indo-European language will ever again turn the PIE preposition **upér* into a case suffix, it is most likely that this will also happen in a relatively agglutinative language in the vicinity of case-rich languages of neighboring families⁶. The significance of agglutinative morphology might be the reason why the Indo-European neighbors of Uralic have not developed analogous cases.

⁶ It was not until reading the final proofs of this paper that we learned that this may actually have already happened, as the enclitic postposition — or the superessive case suffix — *-(ce)r* in Kon-

When the Ossetic adessive is viewed from a Uralic as well as from a more global perspective, perhaps the most interesting feature is that the adessive has actually a rather asymmetric position within the Ossetic case system (the same could be said of the Georgian superessive as well). In light of the system of the local and possessive cases presented in Table 2, the most symmetric counterpart of the Ossetic adessive is the dative in *-ʒn*, the case specialized for coding recipients and inalienable possessors. When compared with the Karelian adessive as presented in the same table, the main functions of this case mostly cover those of the Ossetic adessive and dative together. However, this holds true only within the confines of the spatial and possessive functions represented in Table 2; it must be remembered that while the two adessives also share the function of coding instruments and time, one of the major differences between the two is that the Ossetic adessive also commonly expresses paths and routes on not only surfaces ('over') but also in other dimensions ('by; through') (see Section 3).

Although the position of the Ossetic adessive in the language may seem unfamiliar to those more acquainted with large Uralic and Northeast Caucasian case series, the difference becomes fully understandable in light of the origins of these cases. Although both Karelian *-l(la)* and Ossetic *-əl* go back to adpositions whose semantics can be condensed into the meaning 'on (the surface of)', only the latter seems to go back to a single word (Old Iranian **upári* < Proto-Indo-European **upér*). In Karelian and the rest of Finnic, as well as in Permic and Hungarian, new case series have emerged as series because postpositions based on **üli-* and other relational nouns (see, e.g., Baker 1985; Tikka 1992; Aikio & Ylikoski 2016) occur in series of postpositions and have most likely done so ever since Proto-Uralic. Northeast Caucasian case systems are even more overwhelming in this respect (Comrie & Polinsky 1998; Kibrik 2003).

It is common to see references to the popular idea of tripartite source–location–goal local case systems as typical of Uralic, but what is more characteristic of the family is the fact that new local cases come not only in threes but even fives – the governing factor being the symmetrical relationship of most local case series and postpositional series that may ultimately lose their independence and grammaticalize into case markers (see Ylikoski 2011: 244–246). The popular idea of multiple tripartite local case series as especially typical of Uralic is apparently based on the coincidence that the best-known languages of the family – Hungarian, Finnish and Estonian – are the best representatives of this type which is, however, foreign to all other branches of the family.

As regards the prerequisites of new cases in Ossetic, it is plausible that one of the most important factors in developing the adessive in *-əl* as well as other secondary cases

kani (Indo-Aryan, spoken in the vicinity of Kannada (Dravidian)) has been considered a descendant of Old Indo-Aryan *upári* and ultimately that of Proto-Indo-European **upér* (see, e.g., Janardhan 1991: 118–119; Miranda 2003: 743–744; Peterson 2022: 246). We wish to thank John Peterson for making us aware of this phenomenon.

such as the comitative is that for an Indo-European language, Ossetic nominal inflection is highly agglutinative and in many other ways a rather exceptional representative of Indo-European or even its Iranian branch (Kahr 1976: 142; Milizia 2020: 1). Although Belyaev (2020: 479) notes that agglutinative morphology has developed in various Indo-European languages (Tocharian, Armenian, various Indo-Aryan languages) and argues that it is possible but thus not necessary for language contacts to be the reason for such developments, it seems obvious that in most of these cases language contact has played an important role. It is in any case true that some other East Iranian languages (Sogdian, Yaghnobi) too have developed agglutinative morphology, with the same collective suffix (> Ossetic *-t3*) using to form plurals (Belyaev 2020: 479), so developments towards agglutinative morphology may have started early in some form of Pre-Ossetic and they have since been enforced by language contacts in the Caucasus.

Finally, a few words can be added about the nearly identical form of the Ossetic and Finnic adessives despite their disparate origins. Much of this can be explained by referring to the global and local tendencies that have directed the development of Proto-Uralic **ülñä* to *-l(la)* in Finnic, and Proto-Indo-European **upér* to *-al* and *-bal* in Iron and Digor Ossetic, respectively. Individual sound laws aside, a major factor that has made the two ancient adpositions to diminish into a single lateral – possibly preceded or followed by a vowel – is that grammaticalization (univerbation) of adpositional phrases to new case forms of nouns is, by definition, something unexpected in light of the general, regular phonological and morphophonological development of a given language. It has also been observed that the other Ossetic cases, such as the comitative, also include unexpected phonological developments (Cheung 2008); this is also in line with Finnic comitatives. In fact, the Finnish inessive case form of *kansa* ‘people’, *kansassa* is the only truly expected (and in this case virtually unchanged) successor of its Proto-Finnic predecessor **kansassa*, whereas its grammaticalized offsprings such as the Estonian comitative *-ga* or the Finnish colloquial postposition *kaa* ‘with’ are definitely not.

In other words, there are no regular phonological rules in the history of Ossetic or Finnic – or Permyak or Hungarian for that matter – that would have automatically turned adpositions into affixes. The only regular alternative would have been to preserve the original adpositions as such. However, the resulting case suffixes are exactly the opposite: their outward appearance is such that they hardly could function as free-standing words. As in most other languages, bound morphemes in Ossetic and Finnic are short, often consisting of only one or two phonemes and zero to one syllable.

One may also be reminded of Jakobson’s (1965: 29) statement that “affixes, particularly inflectional suffixes, in languages where they exist, habitually differ from the other morphemes by a restricted and selected use of phonemes and their combinations”, but in light of Bybee’s (2005: 181) re-evaluation of this claim, the lateral phonemes seen in the adessives in question are not that special to the way or another: At least in a typological per-

spective, the use of liquids are no more or less common in affixes than lexical stems. On the other hand, when trying to understand why **ūlnā* has turned into *-l(la)* and **upér* to *-əl* and not something different, it must be remembered that if case suffixes are to consist of minimally one phoneme in these languages, there are not many unused, vacant phonemes to choose from, however haphazardly a bisyllabic adposition may be reduced to only one syllable or even less.

In conclusion, the comparison of the Ossetic and Uralic surface cases shows that while their development has been entirely natural *per se*, grammaticalization of independent words to bound morphemes is always an exceptional process whose end result cannot be foreseen. Only free words like Persian (*a*)*bar* and Komi *vilin* are mostly regular reflexes of Proto-Indo-European **upér* and Proto-Uralic **ūlnā*, respectively, but new cases like the adessives in Iron Ossetic (*-əl*) and Livvi Karelian (*-l*) are far from it. However, it has been possible to identify a number of factors – such as relatively agglutinative morphology as well as language contacts – that have made these quite similar yet typologically less common although not unique cases emerge and develop in the way they have done and found their individual niches within their language-specific environments.

Acknowledgments

Sampsa Holopainen is a fellowship holder of the Austrian Academy of Sciences (APART-GSK) at the Department of European and Comparative Literature and Language Studies of the University of Vienna

Nonstandard abbreviations used in glosses

ADE	adessive	ELA	elative	PROCL	proclitic
AN	action nominal	ENCL	enclitic	PTCL	particle
CNG	connegative	ILL	illative	PV	preverb
CPV	comparative	INE	inessive	SUBL	sublative
CVB	(anterior) converb	ORD	ordinal	SUPER	superlative
		PART	partitive		

References

Data sources

Digor Ossetic = *Йæсо Киристей Евангели Иоанни финст*. Мæску: Библи тæлмацигæнæг институт, 2002.

Georgian = *ბიბლია. ძველი და ახალი აღთქმა. სტოკჰოლმი: ბიბლიის თარგმნის ინსტიტუტი*, 2002.

Iron Ossetic = *Ног Фæдзæхст*. Мæску: Библийы тæлмацы институт, 2004.

- Komi Permyak = *Бур Юöp*. Хельсинки: Библия вуджотан институт, 2019.
- North Karelian = *Uusi Šana vienankarjalaksi*. Helsinki: Piipijankiännösintuutti, 2013.
- South Saami = *Åarjelsaemien bijpeleteksth. Teksth Båeries testamenteste jih Orre testamenteste*. Nöör-jen bijpelesiebrie, 2018.
- Tundra Nenets = *Иоани” падвы Маймбабцо Юн*. Москва: Нум” Падарм” нэртя Институт, 2014.
- Other references*
- Abaev = Абаев, В. И. 1958–1989. *Историко-этимологический словарь осетинского языка. I–IV*. Москва & Ленинград: Издательство АН СССР.
- Abaev, Vasilij I. 1964. *A grammatical sketch of Ossetic*. Bloomington, Indiana: Indiana University Center in Anthropology, Folklore and Linguistics.
- Aikio = Luobbal Sámmol Sámmol Ánte (Ante Aikio) 2022. Proto-Uralic. In: Marianne Bakró-Nagy, Johanna Laakso, Elena Skribnik (eds.): *The Oxford guide to the Uralic languages*. Oxford: Oxford University Press, 3–27.
- Aikio, Ante, Jussi Ylikoski 2016. The origin of the Finnic *l*-cases. *Fenno-Ugrica Suecana Nova Series* 15: 59–158.
- AiWb = Bartholomae, Christian 1961. *Altiranisches Wörterbuch*. 2., unveränderte Auflage. Berlin: De Gruyter.
- Axvlediani = Ахвледиани, Г. С. 1963 (ed.): *Грамматика осетинского языка. I. Фонетика и морфология*. Орджоникидзе.
- Axvlediani = Ахвледиани, Г. С. 1969 (ed.): *Грамматика осетинского языка. II. Синтаксис*. Орджоникидзе.
- Bagaev = Багаев, Н. К. 1965. *Современный осетинский язык. I. Фонетика и морфология*. Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство.
- Bagaev = Багаев, Н. К. 1982. *Современный осетинский язык. II. Синтаксис*. Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство.
- Bailey, Harold 1979. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Baker, Robin 1985. *The development of the Komi case system. A dialectological investigation*. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 189.) Helsinki: Finno-Ugrian Society.
- Bárczi, Géza 1987. A magyar nyelvtörténet összefoglaló áttekintése. In: Géza Bárczi, Lóránd Benkő, Jolán Berrár (eds.): *A magyar nyelv története*. Ötödik kiadás. Budapest: Tankönyvkiadó, 487–592.
- Bartens, Raija 2000. *Permiläisten kielten rakenne ja kehitys*. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 238.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Beekes, Robert Stephen Paul 2011. *Comparative Indo-European linguistics*. Second edition. Revised and corrected by Michiel de Vaan. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins.
- Belyaev, Oleg 2010. Evolution of case in Ossetic. *Iran and the Caucasus* 14(2): 287–322.
- Belyaev, Oleg 2020. Contact influences on Ossetic. In: Anthony P. Grant (ed.): *The Oxford handbook of language contact*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199945092.013.38>
- Blake, Barry J. 2001. *Case*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bybee, Joan 2005. Restrictions on phonemes in affixes: A crosslinguistic test of a popular hypothesis. *Linguistic Typology* 9: 165–222.
- Cheung, Johnny 2002. *Studies in the historical development of the Ossetic vocalism*. (Beiträge zur Iranistik 21.) Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.

- Cheung, Johnny 2008. The Ossetic case system revisited. In: Alexander Lubotsky, Jos Schaecken, Jeroen Wiedenhof (eds.): *Evidence and counter-evidence. Essays in honour of Frederik Kortlandt. Vol. 1: Balto-Slavic and Indo-European linguistics*. (Studies in Slavic and General Linguistics 32.) Amsterdam; New York: Rodopi, 87–105.
- Christol, Alain 1990. Introduction à l'ossète. Éléments de grammaire comparée. In: *LALIES: Actes des sessions de linguistique et de littérature* 8: 7–50.
- Clackson, James 2007. *Indo-European linguistics. An introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Comrie, Bernard, Maria Polinsky 1998. The great Daghestanian case hoax. In: Anna Siewerska, Jae Jung Song (eds.): *Case, typology and grammar. In honor of Barry J. Blake*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 95–114.
- Dunkel, George 2014. *Lexikon der indogermanischen Partikeln und Pronominalstämme*. Band 2: Lexikon. Heidelberg: Winter.
- EKG I–II = Erelt, Mati, Reet Kasik, Helle Metslang, Henno Rajandi, Kristiina Ross, Henn Saari, Kaja Tael, Silvi Vare 1993–1995. *Eesti keele grammatika. I–II*. Tallinn: Eesti Keele Instituut.
- Erschler, David 2009. Possession marking in Ossetic: Arguing for Caucasian influences. *Linguistic Typology* 13(3): 417–450. <https://doi.org/10.1515/LITY.2009.021>
- Erschler, David 2020. Ossetic Iron Ossetic. In: Maria Polinsky (ed.): *The Oxford handbook of languages of the Caucasus*. Oxford: Oxford University Press, 641–685. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190690694.001.0001>
- EWAia = Mayrhofer, Manfred 1986–2001. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen I–III*. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter.
- EWUng = *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen*. Hrsg. von Loránd Benkő. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1992–1997.
- Grünthal, Riho 2003. *Finnic adpositions and cases in change*. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 244.) Helsinki: Finno-Ugrian Society.
- Hakulinen, Auli, Maria Vilkkuna, Riitta Korhonen, Vesa Koivisto, Tarja Riitta Heinonen, Irja Alho 2004. *Iso suomen kieliooppi*. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 950.) Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Hegedűs, Attila 2013. A morfémák története. In: Katalin É Kiss, Károly Gerstner, Attila Hegedűs (eds.): *Kis magyar nyelvtörténet. Egyetemi jegyzet*. Piliscsaba: Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Bölcsészettudományi Kar. <https://www.mek.oszk.hu/15000/15090/15090.pdf>
- Heine, Bernd 2009. Grammaticalization of cases. In: Andrej Malchukov, Andrew Spencer (eds.): *The Oxford handbook of case*. Oxford: Oxford University Press. 458–469.
- Helimski = Хелимский, Е. А. 1982. *Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. Лингвистическая и этногенетическая интерпретация*. Москва: Наука.
- Honti, László 1997. *Az ugor alapnyelv kérdéséhez*. Budapesti finnugor füzetek 7. Budapest: ELTE Finnugor Tanszék & Numi-Tórem Finnugor Alapítvány.
- Hopper, Paul, Elizabeth Closs Traugott 2003. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Iggesen, Oliver A. 2013. Number of cases. In: Matthew S. Dryer, Martin Haspelmath (eds.): *The world atlas of language structures online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. <<http://wals.info/chapter/49>> 31.3.2021.

- Isaev = Исаев, М. И. 1966. *Дигорский диалект осетинского языка. Фонетика. Морфология*. Москва: Наука.
- Jakobson, Roman 1965. Quest for the essence of language. *Diogenes* 51: 21–37. <https://doi.org/10.1177/039219216501305103>
- Jalava, Lotta, Riho Grünthal 2020. Vanhimmat uralilaiset postpositiot kielen muutoksen ilmentäjinä. In: Sampsa Holopainen, Juha Kuokkala, Janne Saarikivi & Susanna Virtanen (eds.), *Ёмас сымың нэке вөртур ётност самын натум. Scripta miscellanea in honorem Ulla-Maija Forsberg*. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 275.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 112–128.
- Janardhan, Pandarinath Bhuvanendra 1991. *A Higher Konkani grammar*. Madras: Anantheshwara Print Packs.
- Janhunen, Juha 1982. On the structure of Proto-Uralic. *Finnisch-Ugrische Forschungen* 44: 23–42.
- Kahr, Joan Casper 1976. The renewal of case morphology: sources and constraints. In: *Working Papers on Language* 20. Stanford: Department of Linguistics, Stanford University (California), 107–151.
- Kibrik, Aleksandr 2003. Nominal inflection galore: Daghestanian, with side glances at Europe and the world. In: Frans Plank (ed.): *Noun phrase structure in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 37–112.
- Kim, Ronald 2003. On the historical phonology of Ossetic: The origin of the oblique case suffix. *Journal of the American Oriental Society* 123(1): 43–72.
- Kittilä, Seppo, Jussi Ylikoski 2011. Remarks on the coding of Goal, Recipient and Vicinal Goal in European Uralic. In: Seppo Kittilä, Katja Västi, Jussi Ylikoski (eds.): *Case, animacy and semantic roles*. (Typological Studies in Language 99.) Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 27–64.
- Kulikov, Leonid 2009. Evolution of case systems. In: Andrej Malchukov & Andrew Spencer (eds.): *The Oxford handbook of case*. Oxford: Oxford University Press, 439–457.
- Kulikov, Leonid 2011. The Proto-Indo-European case system and its reflexes in a diachronic typological perspective: Evidence for the linguistic prehistory of Eurasia. *Rivista degli studi orientali* 84: 289–309.
- Levinson, Stephen C. 2003. *Space in language and cognition. Explorations in cognitive diversity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lingtyp 2021 = Terminological question about local cases/adpositions. [Discussion thread on the Lingtyp mailing list, March 2021.] <<http://listserv.linguistlist.org/pipermail/lingtyp/2021-March/thread.html8671>> 31.3.2021.
- Milizia, Paolo 2020. Morphology in Indo-European languages. In: *Oxford Research Encyclopedias, Linguistics*. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199384655.013.634>
- Miller, Wsewolod 1903. *Die Sprache der Osseten*. Grundriss der iranischen Philologie. Anhang zum ersten Band. Straßburg: Trübner.
- Miranda, Rocky V. 2003. Konkani. In: George Cardona, Dhanesh Jain (eds.): *The Indo-Aryan languages*. London: Routledge, 729–765.
- Papp, Zsuzsanna 2003. Az ómagyar kor. In: Ferenc Kiefer (ed.): *A magyar nyelv kézikönyve*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 63–85.
- Peterson, John 2022. A sociolinguistic-typological approach to the linguistic prehistory of South Asia. *Language Dynamics and Change* 12(2): 224–273. <https://doi.org/10.1163/22105832-bja10018>

- Sárosi, Zsófia 2003. Az ősmagyar kor: morfématörténet. In: Jenő Kiss & Ferenc Pusztai (eds.): *Magyar nyelvtörténet*. Budapest: Osiris Kiadó, 129–173.
- Sjögren, Andr. Joh. 1844. *Ион æвзгæхъуу да ист Оссетисче Sprachlehre, nebst kurzem ossetisch-deutschen und deutsch-ossetischen Wörterbuche*. St.-Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.
- Suoniemi-Taipale, Inga 1994. Itämerensuomalaisten kielten prolatiivi. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 616.) Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Thordarson, Fridrik 2009. *Ossetic grammatical studies*. Sonja Fritz (ed.). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Tikka, Toivo 1992. *Vepsän suffiksoituneet postpositiot. Kieliopillisiin sijoihin liittyvä suffiksoituminen*. (Studia Uralica Upsaliensia 22.) Uppsala.
- UEW = Redei, Károly 1988. *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Band I–II: Unter Mitarbeit von Marianne Bakró-Nagy, Sándor Csúcs, István Erdélyi †, László Honti, Éva Korenchy †, Éva K. Sal und Edit Vértes, Band III: Register zusammengestellt von Attila Dobó und Éva Fancsaly. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Uotila, T. E. 1938. *Syrjänische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und etymologischem Wörterverzeichnis*. Hilfsmittel für das Studium der finnisch-ugrischen Sprachen VI. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Vainik, Ene 1995. *Eesti keele väliskohakäänete semantika kognitiivse grammatika vaatenurgast*. Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Eesti Keele Instituut.
- Vogt, Hans 1971. *Grammaire de la langue géorgienne*. Oslo: Universitetsforlaget.
- Ylikoski, Jussi 2011. A survey of the origins of directional case suffixes in European Uralic. In: Seppo Kittilä, Katja Västi, Jussi Ylikoski (eds.): *Case, animacy and semantic roles*. Typological Studies in Language 99. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 235–280.

Рефлексы прасамодийских *a и *ä и нганасанский сингармонизм

В. Ю. Гусев

Институт языкознания РАН / Universität Hamburg

Нганасанский язык, вместе с тундровым энецким, северным селькупским и маторским, занимает место в ряду самодийских идиомов, изучение которых невозможно представить без вклада Евгения Арнольдовича Хелимского. Ему принадлежат первое практически полное описание нганасанской фонологии и морфонологии, значительные дополнения к морфологии и словарные материалы более чем на 6000 входов. О его интересе к исторической фонетике самодийских языков не нужно специально напоминать. Одним из последних, к сожалению, достижений в его жизни стал пересмотр прасамодийского вокализма — добавление «тринадцатой гласной» *e, которая реконструируется на основе нганасанского *ĩ*, соответствующего *i* во всех остальных языках (Helimski 2005). Впрочем, двенадцатая гласная, «передняя шва» ä, была добавлена в систему тоже им (Хелимский 2000/1993) и тоже на основании данных нганасанского языка, особую фонологическую архаичность которого и, соответственно, важность для реконструкции он неоднократно подчеркивал.

Таким образом, в результате дополнений Хелимского, система прасамодийского вокализма приобрела следующий вид:

«Классическая» система (см., например, SW: 9)				Дополненная система			
u	ĩ	ü	i	u	ĩ	ü	i
o	e	ö	e	o	e	ö	e
â			ä	â	a		ä
	ê			ê			ä

Курсивом в таблице выше отмечены добавленные фонемы, а полужирным — те, которые оказались «передвинуты»: *e было переинтерпретировано как *ä, а *ä как *a.

Заметим, что эта система, по-видимому, хорошо отражает ранний прасамодийский этап, т. е. переход от прауральского к прасамодийскому, но хуже отражает

поздний и вынуждает записывать **ä* в тех многочисленных случаях, где все самодийские языки имеют *e*, например нган. *merə*, эн. Т *mero*, Л *mer(u)*, нен. Т. *мер-'* (*myer°-h*), сельк. *mer(ə)*, мат. *ber* < ПС **mārā* 'быстро, скоро' (SW **merā*, MS **mer(ə)*). Кроме того, неизбежной стала путаница символов *e* и *ä* в старой и новой записи, как и *a*, которое в ряде работ (Janhunen 1998, MS, Aikio 2002) писалось вместо **ä*, но в новой системе обозначает отдельную фонему. Более удобной казалась бы предложенная в той же статье Хелимского запись 13-й прасамодийской фонемы как *ɛ* без реинтерпретации остальных символов. Однако новая система была принята в ряде последующих работ (Aikio 2006, Salminen 2012), и мы будем соблюдать уже фактически сложившуюся новую традицию.

Данная статья посвящена рефлексам двух прасамодийских гласных — **ä* и **a* (**e* и **ä* в старой записи). Мы постараемся показать, что эти рефлексy коррелируют с сингармоническим рядом соответствующего нганасанского корня.

Для удобства напомним здесь систему нганасанских фонем (см. Хелимский 1994; Wagner-Nagy 2019: 34–61):

Гласные				Согласные			
u	ĩ	ũ	i		t	t̥	k
o		ə	e		b	d	d̥/j
		a			m	n	ń
ʷa			ʷa			s	ś
						δ	
						l	ɭ
							r

Звуки *d* и *j* находятся в дополнительном распределении: *d* встречается перед гласными, а *j* — перед согласными и на конце слова (в некоторых идиолектах во всех позициях произносится *j* либо эти звуки свободно варьируются).

Губные и заднеязычные согласные (*b*, *m*, *k*, *g*, *h*), а также *r* и *δ* всегда в той или иной степени палатализованы перед гласными переднего ряда (*ĩ*, *i*, *e*, *ʷa*) и никогда — перед гласными заднего ряда; таким образом, эта палатализация автоматическая и в транскрипции не отмечается.

Что же касается парных по палатальности фонем, то перед *e* возможны только палатальные, перед *u*¹, *ĩ*, *ʷa* и *ə* — только непалатальные. Перед *ĩ*, *ũ*, *ʷa* не встречаются

¹ Последние исследования (С. А. Архипов, Б. Вагнер-Надь, л. с.) показывают, что палатальные перед *u* все же возможны; однако минимальных пар на *Ću* vs. *Ćũ*, по-видимому, нет.

ся твердые *s* и *l*; твердые *t*, *d* и *n* в этой позиции могут встречаться, но только в анлауте (за одним исключением: *tii* ‘вы двое’²). Перед *o*, наряду с твердыми, могут быть *d'* и *ñ*³. Перед *a* могут быть любые согласные. Наконец, дифтонг *i'a* после мягких согласных нейтрализуется с *a*; таким образом, нет отдельных сочетаний *ś'a*, *l'a*, *t'a*, *d'a*, *ñ'a*: они не отличаются от *śa*, *la*, *ta*, *da*, *na*, соответственно⁴. Сказанное можно суммировать в виде таблицы:

	<i>u</i>	<i>j</i>	<i>o</i>	<i>ʷa</i>	<i>ə</i>	<i>e</i>	<i>ʷ</i>	<i>i</i>	<i>a</i>	<i>i'a</i>
<i>s, l</i>	+	+	+	+	+				+	
<i>ś, l'</i>						+	+	+	+	
<i>t, d, n</i>	+	+	+	+	+		+	+	+	+
<i>t'</i>			+			+	+	+	+	
<i>d', ñ</i>			+			+	+	+	+	

Для дальнейшего изложения нам будет важно, что а) перед *e* согласные автоматически палатализируются; б) для первого слога запись *Śa* и *Ci'a* фактически эквивалентна; в) *d'* и *ñ* — этимологически отдельные фонемы, поэтому палатализация *d'* в начале слова никогда не зависит от следующей гласной (твердого *d* в анлауте не может быть), а *ñ* может восходить как к **n* перед палатализирующей гласной, так и к **ñ* перед любой гласной.

² Впрочем, поскольку *ni* и *ñi* акустически близки, для их различения в некоторых случаях требуется инструментальное исследование, которое пока не проводилось.

³ Отсюда можно предположить, что только *d'* и *ñ* — этимологически отдельные фонемы, что так и есть: **ñ* надежно восстанавливается для прауральского уровня, а *d'* — это просто рефлекс **j* перед гласными. Остальные же палатальные фонемы возникли в результате ассимиляций.

⁴ Здесь можно заметить, что систему согласных можно было бы записать более экономно. Если *s* и *ś*, *l* и *l'* противопоставлены только перед *a* и при этом не встречаются перед *i'a*, то можно вместо *śa*, *la* писать *s'i'a*, *l'i'a* и, таким образом, вовсе избавиться от *ś* и *l'* как отдельных фонем. По-видимому, для современного языка такое решение было бы антиинтуитивным: *ś* и *l'* могут возникать из *s* и *l* под влиянием предшествующего *j*, ср., например инфинитив *tuj-śa* ‘прийти’ vs. *ñam-sa* ‘съесть’; кажется неправильным отражать влияние *j* на гласном, который не имеет к этому процессу отношения. (Впрочем, в кириллической записи именно так и происходит: *туйся* vs. *нэмса*.) Однако, как мы увидим ниже, в ряде случаев этимологически именно гласная *i'a* служила причиной палатализации.

Наконец, напомним нганасанскую систему сингармонизма. Как известно (см. Хелимский 1994: 199–200, Wagner-Nagy 2019: 78–81 и предшествующие работы), многие суффиксы могут иметь два варианта гласных (либо два набора гласных в случае многосложных суффиксов), которые выбираются в зависимости от класса корня, при этом класс приписывается корню словарно и не выводится из его фонетического облика. К разным классам могут относиться фонетически похожие и даже омонимичные корни; в качестве примера последних часто приводят *hon-* ‘плести’ и *hon-* ‘иметь’:

	<i>hon-</i> ‘плести’	<i>hon-</i> ‘иметь’
инфинитив	<i>hon-sa</i>	<i>hon-sj</i>
прошедшее время	<i>hon-suə</i>	<i>hon-sjə</i>
инференциальная форма	<i>hoŋ-hʷaɖi</i>	<i>hoŋ-hʷaɖi</i>

Принято считать, что первый класс корней имел когда-то гласные заднего ряда, а второй — переднего; в результате многочисленных передвижений различие по ряду утратилось, но деление на классы в целом сохранилось, хотя в отсутствие фонетической мотивации некоторые корни демонстрируют варьирование, которое особенно усилилось в ситуации языкового сдвига (Хелимский 1994: 200, 2000/1993: 197).

По наиболее распространенной сингармонической паре гласных в аффиксах *u ~ i* мы будем обозначать классы основ как U («задний класс») и I («передний класс»).

Эта статья посвящена вероятным нганасанским рефлексам ПС **ä* и **a*. Статья основана в первую очередь на сравнении нганасанских данных с тундровыми ненецкими. Тундровый ненецкий язык, с одной стороны, является ключевым языком для реконструкции прасамодийского вокализма (Janhunen 1975–1976: 170), а с другой, благодаря хорошей зафиксированности и большому фонду общей с нганасанским лексики, дает много материала для сравнения. При наличии даются также энецкие и лесные ненецкие данные. В заключительной части статьи приводится имеющийся селькупский, камасинский и, по возможности, маторский материал.

Нганасанские данные даются по материалам Е. А. Хелимского (ХелНган), а также, при необходимости, по данным корпуса нганасанского языка (см. Brykina et al. 2018). Тундровый ненецкий цитируется по стандартному словарю Н. М. Терещенко (1965) и в фонологической транскрипции Т. Салминена (Salminen 1998). Тундровый энецкий дается по материалам Е. А. Хелимского (ХелЭн), лесной — по современным полевым данным О. В. Ханиной и А. Б. Шлуинского и, в случае расхождений, по материалам А. Ю. Урманчиевой (с пометой «АУ»). Лесной ненецкий —

по словарю Я. Н. Поповой (1978, в латинской транскрипции), при необходимости также по словарю М. Я. Бармич и И. А. Вэлло (2002, в кириллической графике). Иногда привлекаются и другие источники, которые специально указываются.

Мы практически не используем данные М. А. Кастрена, поскольку в интересующем нас отношении они, как это ни неожиданно, не соответствуют современным. По крайней мере, в публикации А. Шифнера (Castrén 1855) многие гласные написаны более открыто, причем, на первый взгляд, несистематическим образом, ср. *jaragâ* ‘толстый’ (совр. *đerägä*), но *jer* ‘середина’ (совр. *der*), *beari'em* ‘прошел мимо’ (совр. *beri'am*), но *beari'ema* ‘открыл’ (совр. *b'ari'amä*). Данные Кастрена в этом отношении нуждаются в осмыслении, но напрямую использованы быть не могут, поэтому ниже они приводятся только в нескольких случаях, когда в более новых записях слово отсутствует.

2. ПС *ä > нган. e в корнях переднего ряда, a в корнях заднего ряда

По стандартной реконструкции (см. Janhunen 1975–1976: 171) ПС *ä (у Янхунена *e) дает в тундровом ненецком *Ĉe* (где *Ĉ* обозначает палатализацию предыдущей согласной), а нганасанском *Ĉa*, *e*.

Соответствие ТН *Ĉe* ~ нган. *Ĉa* мы обсудим в следующем разделе. Соответствие ТН *Ĉe* ~ нган. *Ĉe* (напомним, что в нганасанском палатализация согласных перед *e* автоматическая) представлено большим количеством примеров, ср.:

ТН *mer'* (*myer'h*) — нган. *merä*; ЛН *met?*, ТЭ *mero*, ЛЭ *mer(u)* (SW **merä*, MS *mer(a)*) ‘соро, быстро’;

ТН *met* (*tyet°*) — нган. *fetä*; ЛН *t'ēt*, ТЭ *teto*, ЛЭ *tet(u)* (SW **tet²tä*, MS **tettä*, **tet²tä*) ‘четыре’.

Есть, однако, заметное количество корней, где ТН *Ĉe* соответствует нган. *Ca* (с твердым согласным), ср. хотя бы такое известное слово, как ‘человек’:

ТН *nenčb'(n)* (*nyenesu°h*) — нган. *ḡana'sa*; ЛН *ñěšañ*, ТЭ *ene'e°*, ЛЭ *entfe?* ‘человек’;

Оказывается, что эти два типа соответствий хорошо коррелируют с сингармонической характеристикой нганасанского корня: в словах переднего ряда (I) ТН *Ĉe* соответствует нган. *Ĉe*; в словах заднего ряда (U) ТН *Ĉe* соответствует нган. *Ca* (включая *ḡa* и *ña*).

Ниже даны известные ненецко-нганасанские соответствия этих двух типов; для нганасанского в скобках указывается ряд: «U» или «I», если данные однозначно указывают на соответствующий тип; «U/I», если у корня зафиксированы формы обоих рядов приблизительно в одинаковом количестве; «?», если ряд неизвестен.

А. ТН *Ĉe* — нган. *Ĉe*

ТН *edë* (*yedyo*) — нган. *betu* (I); ЛН *β'eĥo* (< ТН), *β'et'u* (L 121a), ТЭ *bede*, ЛЭ *bezi* (SW **wetə*(-), MS **wetō*) 'кишка'⁵;

ТН *едю-рця* (*yedyurcyu*) 'чир, пыжъян' — нган. *bet'a-ŋə* (I) 'чир'; ЛН *ĥe'fu* 'плотва', ТЭ *bedi-d'i*, ЛЭ *bej-si*, *bedise* (AY);

ТН *ембă-с-* (*yemṗə-s-*) — нган. *deŋhi-s-* (I); ЛН *ĥem'ṗa-*, ТЭ *dēbi-s-*, ЛЭ *d'ebi-s-* (SW **jemṗə*) 'одежда, одеть';

ТН *емня(св)* (*yemnyə(sy°)*) — нган. *dēmñi(-)* (I); ЛН *ĥeñ'ma-* 'заплата', ТЭ *dēñi-*, ЛЭ *dēñi-* (SW **jemñā-*) 'ставить заплату';

ТН *ен* (*yen°*) — нган. *dēnti* (I); ЛН *ĥeñ*, *β'en°*, ТЭ *dēdi*, ЛЭ *d'edi* (SW **jentā*) 'тетива лука';

ТН *Ензя'* (*Yen°syə'h*) — нган. *D'entādiā* (I); ТЭ *D'edoši'*, ЛЭ *D'ettfi?* (SW **jentāśā*) 'Енисей';

ТН *ēnā(св)* (*yepə(sy°)*) — нган. *dēbi-'mā-* (I/U) 'наступить (ногой)';

ТН *ер"* (*yer*) — нган. *dēr* (I); ЛН *ĥeĥ(i)* (SW **jer*, MS **jer*) 'середина'⁷;

ТН *ерем-* (*yeryem-*) — нган. *dēri-* (I); ЛН *ĥe't'emš*, ТЭ *dēre-*, ЛЭ *d'ere-* 'попасть';

ТН *ēpā(св)* (*yepə(sy°)*) — нган. *beri-* (I); ЛН *β'eta(š)*, ТЭ *beri-*, ЛЭ *beru-/beri-* 'резать, пороть';

ТН *ея* (*yeyu*) — нган. *d'ei* (I); ЛН *ĥeĥa*, ТЭ *d'ee(i)*, ЛЭ *d'ii* 'нюк';

ТН *лен(св)* (*lyenyə(sy°)*) — нган. *lenti-* (I); ЛН *lēneš*, ТЭ *lede-*, ЛЭ *ledi-* (AY) 'застыть (например, о жире)';

? ТН *ле"мă(св)* (*lyeqmā(sy°)*) — нган. *lebku-* (I) 'поперхнуться, захлебнуться';

ТН *меңга* (*myeŋka*) — нган. *meŋg'a* (I); ЛН *mēŋka*, ТЭ *menga* (< ТН), ЛЭ *mēga* 'заводь, тихое глубокое место в воде';

ТН *мер'* (*myer'h*) — нган. *merə-* (I/U); ЛН *mēl?*, ТЭ *mero*, ЛЭ *mer(u)* (SW **merā*, MS *merə*) 'быстрый';

ТН *мерё* (*myeryo*) — нган. *meru* (I); ЛН *mīl'u*, ТЭ *mere* (SW **merājā*) 'болячка, рана';

ТН *небя* (*nyebu*) — нган. *ñemj* (I); ЛН *ñemā*, ТЭ *ee*, ЛЭ *εε* (SW **emā*, MS **eme*) 'мать';

ТН *нелă(св)* (*nyelə(sy°)*) — нган. *ñelə-* (I); ЛН *ñel-pā(š)*, ТЭ *niro-*, ЛЭ *niro-da-* 'скоблить (шкуру)';

⁵ В нганасанском нечередующееся *t* должно восходить к кластеру **Cl*, однако тундровый ненецкий и энецкий указывают на одиночное *t*. Звонкий звук *d'* в ЛН *β'eĥo* (Попова 1978: 148), видимо, под влиянием тундрового ненецкого, ср. ожидаемое *t'* в материалах Т. Лехтисало.

⁶ Неожиданный вариант *β'en* с начальным *w-* и твердым *n*, приводимый наряду с ожидаемым *ĥeñ* Я. Н. Поповой (1978: 148), но не подтверждаемый другими источниками.

⁷ В SW этот корень объединен с приведенным далее глаголом **jere-* 'попасть (в цель)', что из соображений семантики не кажется очевидным.

ТН *нензәрць* (*nyensər/cy°*) — нган. *néñdir-* (I/U); ЛН *nen'sat'(š)* (SW **ñensā-*) ‘ползти’;
 ТН *нензел'ʔ(ə)* (*nyensyel*) — нган. *néñdal-tuə* (U); ЛН *неньшај*, ТЭ *edēʔ(r)* (MS **ensa-lʔ*)
 ‘простой, несложный’;

ТН *нензець* (*nyensye/cy°*) — нган. *néñda-* (U); ЛН *неньшаиш*, ТЭ *edes-*, ЛЭ *esis-* ‘ходить свободно, без упряжи (об олене)’;

ТН *неньянг* (*nyenyəŋk°*) — нган. *neniŋkə* (I); ЛН *ne'haŋk*, ТЭ *nenogo*, ЛЭ *nenogo/nenego* (SW **(n)enāŋkə*, MS **(n)eneŋkə*) ‘комар’;

ТН *нер* (*nyer°*) — нган. *nerə-* (I); ЛН *net-*, ТЭ *ere/ore*, ЛЭ *er(i)/ɔr(u)* (SW **nerā* ‘Spitze, Ende’ (sjs), ‘das Vordere’ (adv., postp.), MS **(n)erə*) ‘перед; кончик’⁸;

ТН *нерцью* (*nyercyu°*) ‘горячий, злой’ — нган. *nersə* ‘враждебный, противный’, *nersə-ɖi-* ‘брезговать’ (I); ТЭ *nedo-ɖe-/noɖo-ɖa-*, ЛЭ *nesəza-/nəsza-* ‘не любить, брезговать’;

ТН *несрə(сь)* (*nyes'rə(sy°)*) — нган. *nekj-* (U); ТЭ *nexi-*, ЛЭ (непер.) *nəxi-* ‘быть грязным’;

ТН *неля* (*pyelya*) — нган. *helj* (I); ЛН *pet'a*, ТЭ *pere-*, ЛЭ *pere* (SW **pelā*, MS **pele*) ‘половина’;

ТН *пензəр* (*pyensy'r*) — нган. *heñdir* (I/U); ЛН *pen'sat*, ТЭ *pedi'*, ЛЭ *ped'i?* (SW **penkär*, MS **penkir*) ‘бубен’;

ТН *пензя* (*pyensya*) — нган. *hensj* (I); ЛН *pen'se*, ТЭ *pedori*, ЛЭ *peder* ‘овраг, лог’;

ТН *се'н* (*syeh*) — нган. *s'eŋ (n)* (I); ЛН *še*, ТЭ *señi*, ЛЭ *sen* (SW **ken*) ‘чехол, ножны’;

ТН *седə(сь)* (*syedə(sy°)*) — нган. *šetə-* (I); ЛН *šē'tā(š)* (SW **ket¹-*, MS **ket¹-*, **ket¹ə-*) ‘обвязать, укутать’;

ТН *сел* (*syel°*) — нган. *šelu* (I); ЛН *šel*, ТЭ *seri*, ЛЭ *seri* (AY) (SW **kelā*) ‘свояк’;

ТН *селə* (*syelw°*) — нган. *šelbi* (I); ЛН *šelβ*, ТЭ *semo*, ЛЭ *sem* ‘сгусток крови’;

ТН *сенг* (*syenŋk°*) — нган. *šenŋkə* (?); *шенк-мю* ‘черная утка’, ТЭ *sego*, ЛЭ *sego* ‘черный (вообще или о животных)’;

ТН *сенгə(сь)* (*syenŋkə(sy°)*) — нган. *šenŋkə-* (I); ЛН *š'enŋka(š)*, ТЭ *sego-*, ЛЭ *sega-*, *sego-* (SW **kenkə-*, MS **kenkə-*) ‘ночевать’;

ТН *серə(сь)* (*syerə(sy°)*) — нган. *šerə-* (I); ЛН *šēlā(š)*, *šəla(š)*, ТЭ *sere-*, ЛЭ *seru-*, *sere-* (SW **ker-* ~ **kerə-*) ‘надеть’;

ТН *сересь* (*syeryesy°*) — нган. *šer-uku* (?); ЛН *šē'l'eš-a,ta(š)*, ТЭ *serusu*, ЛЭ *serufi* ‘напильник’;

ТН *те'эм* (*tyeqm°*) — нган. *temə* (U); ЛН *t'eļem*, ТЭ *te'o*, ЛЭ *teu* (SW **t'et³mā*) ‘завязка на одежде, обуви’;

ТН *теб* (*tyeb°*) — нган. *tehə* (I); ТЭ *tebo*, ЛЭ *teb(u)*, *tebo* (SW **tepā* (nsm) ~ **tipā* (sk)) ‘гвоздь, колышек’;

⁸ Открытое *o* как вариант или как единственный рефлекс **e* в энецком встречается в нескольких корнях, см. ряд примеров ниже.

ТН *тебт* (*tyebt*^o) — нган. *tebtə* (I); ЛЭ *ченм*, ТЭ *teto*, ЛЭ *tetu*, *teto* (SW **teptə*) ‘сок’;

ТН *медă(св)* (*tyedə(sy^o)*) — нган. С *tadiéma* (I)⁹; ЛН *teta*- L 509b (SW **tet¹z* ~ **tit¹z*) ‘вынуть (из воды)’;

ТН *мене(св)* (*tyenyə(sy^o)*) — нган. *tenj-* (I); ЛН *t'eheṃa(š)* ‘знать’, *t'en* ‘память’, *t'ēñš* ‘вспоминание’, ТЭ *tene-*, ЛЭ *tene* (SW **tenä-*, MS **tene-*) ‘помнить, знать, думать’;

ТН *тер* (*tyer^o*) — нган. *təra* (I); ЛН *чəḏ*, ТЭ *tero*, ЛЭ *ter(o)*, *tero* (SW **terə* ~ **tirə*) ‘содержимое’;

ТН *тет* (*tyet^o*) — нган. *təta* (I); ЛН *t'ēt*, ТЭ *teto*, ЛЭ *tet(u)*, *teto* (SW **tet²tə*, MS **tetta*, **tet²tə*) ‘четыре’;

ТН *теця(св)* (*tyecyə(sy^o)*) — нган. *tēsə-* (I); ЛН *чешаш*, ТЭ *teti-*, ЛЭ *tetfi* (SW **tet³sə* (? **tet³šə*), MS **te(w)t³si-*) ‘быть холодным’.

Б. ТН *Се* — нган. *Ca*

ТН *еʔ(д)* (*yeqə*^o) — нган. *dəʔ*, *d'aə*- (U); ЛН *heʔ*, ТЭ *dədoʔ*, ЛЭ *d'ez* (SW **jet-*) ‘к, для’ (последлог)¹⁰;

ТН *ебц* (*yebc^o*) — нган. *labsə* (U); ЛН *hepsə(an)*, ТЭ *liṭo*, ЛЭ *liṭu* (SW **jepsə* (? **jeəpsə*) ~ **leəpsə*, MS **le(ə)psə*) ‘колыбель’;

ТН *ева* (*yeqwa*) — нган. *dabu* (U); ЛН *jieββa* (L106a), ТЭ *e'a*, ЛЭ *bəgu-d'eu* ‘рогатина’ (*bəgu* ‘медведь’ ‘развилка’;

ТН *едте(св)* (*yed^otye(sy^o)*) — нган. *dātə-btu-* (U); ТЭ *dədo-te-*, ЛЭ *d'ezi-t* ‘попасть’;

ТН *ерв* (*yerw^o*) — нган. *baarbə* (U); ЛН *β'ēlβ*, ТЭ *biomo*, ЛЭ *bem(o)* ‘хозяин’;

ТН *ерцуде(св)* (*yercy^odye(sy^o)*) — нган. *darsədi-* (I); ЛН *deḡyichei*, ТЭ *dədo-de-*, ЛЭ *d'ed'oze-* ‘любить’;

ТН *ес(н)* (*yəs^oh*) — нган. *dadiC(n)* (U); ЛН *henš?*, *денс*, ТЭ *dəši*, ЛЭ *d'etfi?* (SW **je'sən²* (? **je'sən²* ~ **je'säjn²*) ‘силок’;

ТН *е-* (*yə-*) — нган. *baa-* (U); ЛН *β'eš* ‘не спать’, *веш* ‘дежурить; караулить, стереж, пасти оленей’; *вена* ‘пастух, дежурящий ночью; сторож’, ТЭ *bii-* ‘быть на дежурстве’, ЛЭ *be-* ‘бодрствовать, не спать’;

ТН *еся* (*yesyə*) — нган. *basa* (U); ЛН *β'eša*, ТЭ *bese*, ЛЭ *bese* (SW **wesä*, MS **wesä*) ‘железо’;

ТН *ехэна* (*yexəna*) — нган. *bakuni* (U); ЛН *hehe^ona*, ТЭ *bəxəna*, ЛЭ *bəxəna* (SW **wekānā*) ‘осетр’;

⁹ Нганасанская форма известна только из материалов М. А. Кастрена. Как было сказано, у Кастрена не вполне различаются *e* и *a*, однако мягкое *t* позволяет предположить, что здесь имеется в виду *tədi'ətə* и во всяком случае не *ta-*

¹⁰ Вероятно, к этому же корню восходит и слово ‘пай, доля’: ТН *еʔəй* (*yeqy^o*) — нган. *dədikü* (U); ТЭ *də'o*, ЛЭ *dīə*.

?ТН *лека* (*lyeka*) — нган. *laku* (U?); ЛН *l'ěka*, ТЭ *leka*, ЛЭ *leka* 'болезнь: копытница? туберкулез?'¹¹;

ТН *мернортä(сь)* (*myernortä(sy°)*) 'быть с большими, выпуклыми глазами' — нган. *marbaj-*;

ТН *неда* (*nyeda*) — нган. *ɲatu-ɬuə* (U); ЛН *'ñeta*, ТЭ *oðae*, ЛЭ *uzu* (SW **etā*, MS **eta?*) 'дорога, след';

ТН *нема* (*nyema*) — нган. *ɲambu* (U); ЛН *ñeɲ'βa*, ТЭ *ema*, ЛЭ *пэма* (SW **eɲwā* (> ssm **äɲwā*), MS **eɲwa*) 'сон';

ТН *ненадо* (*nyenado*) — нган. *ɲanidi* (U); ЛН *'ñēna, tu-mta(š)* 'замечать, примечать', *ненату*, ТЭ *enaɬi*, ЛЭ *ɛnzu*, *ɛnaz-* (SW **enā-*) 'заметный';

ТН *нензäpць* (*nyenzər/cy°*) — нган. *ñañsü-* (U); ЛН *ñenša'xatš* 'подвинуться', ТЭ *eɬu-*, ЛЭ *eɬu-* (SW **ñensā-*) 'скользить; ехать на санях';

ТН *ненэй* (*nyeneu°*) — нган. *ɲaniə* (U/I); ЛН *ñe'naj*, ТЭ *onae*, ЛЭ *ɲeɲ* (SW **enā-* (sk **ānā-*), MS **ena*) 'настоящий';

ТН *ненэць(н)* (*nyenesy°h*) — нган. *ɲana'sa* (U); ЛН *'ñěšaj*, ТЭ *enete'*, ЛЭ *entfe?* 'человек';

? ТН *нея* (*nyeya*) — нган. *ɲaa-ga* (U); ЛН *'ñeħä*, ТЭ *eja*, ЛЭ *eja* (AY) 'младшая сестра матери, другие женщины из рода матери моложе ее'¹²;

ТН *пена* (*pyena*) — нган. *h'antu* (U/I); ЛН *'pēna*, ТЭ *peɬa*, ЛЭ *peɬa* (SW **pāncā ~ pēncā*) 'камус';

ТН *се* (*syē*) — нган. *saa* (U); ЛН *ue*, ? ТЭ *sôɟi* (SW **sä ~ *se*, MS **sä*) 'смола';

ТН *сенга* (*syenka*) — нган. *saŋku* (U); ЛН *šeɲ'ka*, ТЭ *sega*, ЛЭ *sega* 'колокольчик';

ТН *сесäpць* (*syēsər/cy°*) — нган. *kasi-r-* (U); ЛН *šē'satš*, ТЭ *sesa-na-*, ЛЭ *seso-na* (AY) 'шелестеть, шуршать';

Исключения, как видно, немногочисленны. Из более чем 40 соответствий ТН *Се* — нган. *Се* для четырех более или менее надежно зафиксирован задний ряд; это нган. *ñeñdal-muə*¹³ 'простой', *ñeñda-* 'ходить без упряжи', *ñeki-* 'грязь' и *temə* 'за-

¹¹ В ненецком и в энецком это слово обозначает болезнь оленей, копытницу; в нганасанском — туберкулез. При этом в обоих энецких диалектах туберкулез обозначается сходным словом *luxi*, ср. ТН *loxota'a* 'Lungenschwindtsucht' (L 228a). Ср., с другой стороны, эвенк. *лекин* 'туберкулез', фонетически более близкое к нен. и эн. формам на *le-* (вопреки Аникин, Хелимский: 113). Вероятно, эти два схожих корня, обозначающих серьезные болезни, как-то контактировались — возможно, через табуистическую замену.

¹² Нганасанское *-ga* неясно, во всяком случае это не продуктивный суффикс. Ненецкие и энецкие формы могут отражать и **-ñ-*, и **-j-*, но в нганасанском интервокальное *ñ* не выпадает. См. ниже про предположительно родственные селькупские формы.

¹³ Поскольку это прилагательное, словоизменительные формы, которые позволили бы определить ряд, от него не засвидетельствованы, но сам суффикс *-muə*, по-видимому, указывает на заднерядность основы.

вязка на одежде или обуви'. Из 24 соответствий ТН *Ĉe* — нган. *Ca* лишь в одном случае нганасанский имеет передний ряд: в корне *ĉarsədi-* 'любить'.

3. ПС **a* > нган. *Ca* в корнях заднего ряда, *Ĉa/C'a* в корнях переднего ряда

А. Соответствие ПС **a* (у Янхунена **ä*) > ТН *Ĉa*, нган. *Ca* (включая *ĉa* и *ña*) хорошо известно. Оказывается, что практически все нганасанские корни, входящие в этот класс, относятся к заднему ряду¹⁴. Ниже приводится полный список корней из SW с **a* в первом слоге, имеющих нганасанские рефлексy:

нган. *kaŋha* (U); ТЭ *sebuā* (SW **kāmpā*) 'весна; наст';

нган. *kasu* (U); ТЭ *sesa*, ЛЭ *sesa* (SW **kāsā*, MS **kāsa*) 'кора';

нган. *kati* (U) (SW **kātə*-) 'чистить рыбу от чешуи';

нган. *kati-* (U); ЛН *šata'la(š)*, ТЭ *seḍir-*, ЛЭ *seḍiṇado'* (C) (SW **kācsə*-, MS **kāci-r-*) 'чихать';

нган. *ñatə-gəə* (I) (SW **ñāmtə*-) 'мягкий';

ТН *лѣмбѣ(сь)* (*lyampə(sy)*) — нган. *ḍaŋhi-s-* 'плавать (о животном); идти вброд' (U); ЛН *l'āt'ramš* 'вспорхнуть', *lyampəlyš* '1) плавать (о человеке, животном); 2) нырять' (SW **lāmpā-*) 'плыть (или делать похожие движения)';

ТН *мѣ(д)* (*myaq*) — нган. *ta'* (U); ЛН *mā?*, ТЭ *me'*, ЛЭ *mε?* (SW **māt*) 'чум';

ТН *мѣн'* (*myan'h*) — нган. *mantə* (U) (SW **māncə*, MS **māncə*) 'как';

ТН *мѣнѣ* (*myan'kə*) — нган. *maŋkə* (?); ЛН *maŋk* (SW **māŋkə*) 'ребенок старшей родственницы родителей';

ТН *ня* (*nya*) — нган. *ña* (U); ЛН *ñaj(?)*, *ña* (SW **ñā*, MS **ñā*) 'товарищ';

ТН *ня-* (*nyana*) — нган. *na-* (U/I); ТЭ *ne*, ЛЭ *ne* (SW **nā*, MS **nā*) 'к, на (последлог)';

ТН *ня'(н)* (*nyah*) — нган. *ŋaŋ* (U); ЛН *ñān-ši*, ТЭ *e'*, ЛЭ *naʔ*, *na'* (SW **āŋ*, MS **āŋ*) 'рот';

ТН *няба* (*nyaba*) — нган. *ŋahu* (U); ЛН *ñapa*, ТЭ *ôba*, ЛЭ (AY) *ôba* (SW **āpā*, MS **āpa*) 'старшая сестра';

ТН *няби* (*nyabyi*) — нган. *ŋam'aj* (U); ЛН *ŋими*, *nee* 'тот, другой'¹⁵ (AY) (SW **āmāj*, MS **āmā'*, **āmā'j*) 'другой';

ТН *нямд* (*nyamtə*) — нган. *ŋamtə* (U); ЛН *ñāmt*, ТЭ *edo*, ЛЭ *nad(u)* (SW **āmtā*, MS **āmtā*) 'рог';

ТН *нянд* (*nyantə*) — нган. *ŋatə* (U)¹⁶; ЛН *ñant*, ТЭ *edo*, ЛЭ *nadu* (SW **āŋtā*) 'лезвие';

ТН *нянко* (*nyan'ko*) 'желудок; брюшная полость (человека); отделение желудка, куда поступает пережёванная пища (у оленя)' — нган. *nantəə* 'сетка желудка';

¹⁴ «Заднерядный характер» ПС **a* в первых слогах отмечался неоднократно: см. Janhunen 1998: 466, Helimski 2005: 37, Salminen 2012: 347–348.

¹⁵ Сюда же, возможно, ЛЭ *nebe* 'новый'; с другой стороны, рефлексy этого корня, видимо, сохранились в составе числительного 'девять':

¹⁶ К развитию в нганасанском см. сноску 28.

ЛН *'nānku* ‘брюшина’, ТЭ *nedi*, ЛЭ *nedi* ‘отделение желудка, куда поступает пережеванная пища (у оленя)’ (SW **āncā* (*mt-tg*) ~ **nāncā*, MS **āncā* ~ **nāncā*) ‘сетка (рубец?) желудка у оленей’;

ТН *няцоць* (*nyāŋo/cy°*) — нган. *ñatā-gāā* (I); ЛН *ñāŋotš*, ЛЭ *nau-s-* ‘быть толстым’ (SW **ñāŋ-* (? **ñā2ŋ-*, *ñā2ŋā-*)) ‘толстый’¹⁷;

ТН *няр* (*nyar°q*) — нган. *ŋaru-* (U); ЛН *ñāl?*, ТЭ *eru-*, ЛЭ *naru-* (AY) (SW **ārV*) ‘поперек’;

ТН *няра* (*nyā°ra*) — нган. *ñāŋaru* (U); ЛН *ñāla*, ТЭ *eara*, ЛЭ *naara* (SW **ñāŋā-*) ‘мездра’;

ТН *няхәр* (*nyax°r*) — нган. *ŋagür* (U); ЛН *ñāxa(ŋ)*, ТЭ *nexu°*, ЛЭ *nexu?* (SW **nākār* (? ~ **nākār*), MS **nākur*) ‘три’;

ТН *пи́ва* (*pyíwa*) — нган. *h°ajmu* (U); ЛН *peña* (SW **pājma*) ‘обувь, сапог’;

ТН *пя* (*pya*) — нган. *h°a-a* (U); ЛН *pa*, ТЭ *pe*, (SW **pä*, MS **pä*) ‘дерево’;

ТН *пяддә* (*pyadā-*) — нган. *h°ati-* (U); ЛН *pāta(š)*, ТЭ *peḍi-*, ЛЭ *pezi-* (SW **pāt-* (*ssm*) ~ **pātz-* (*nsm*)) ‘положить в воду (чтобы сварить)’;

ТН *сябар-* (*syabār-*) — нган. *kabü-* (U); ЛН *šāpatš* ‘острый; быть острым’, ТЭ *seboro-*, ЛЭ *sebru-* (SW **kāpā-*) ‘тесать, строгать (топором)’;

ТН *сяв* (*syaw°*) — нган. *kamu*¹⁸; ЛН *šaβ*, ТЭ *sei*, ЛЭ *sej* (SW **kāmā*, MS **kāmā*) ‘чешуя’;

ТН *сякәльць* (*syakəl/cy°*) — нган. *sakā-lā-* (U); ЛН *šākāłš*, ТЭ *seko-ro-*, ЛЭ *sek(u)ru-* (SW **sāc-kāl-lā-*) ‘кусать’;

ТН *сял’(н)* (*syal°h*) — нган. *kal’i(n)* (U/I); ЛН *šāl*, ТЭ *seri°*, ЛЭ *seri°* (AY) (SW **kālŋ* (? **kālŋ* ~ **kālŋŋ*)) ‘подмышка’;

ТН *сян* (*syān°*) — нган. *kanā* (U/I); ЛН *šan*, ТЭ *seno*, ЛЭ *sen* (SW **kā-nā*) ‘сколько’;

ТН *сянако-* (*syānako-*) — нган. *sanā°kā-* (U); ЛН *šāna°ku* ‘игрушка’, ТЭ *señiku-*, ЛЭ *senoku-*, (SW **sānā-*, MS **sānā-*) ‘играть’;

ТН *сярә(сь)* (*syarā(sy°)*) — нган. *sarā-* (U); ЛН *šāla(š)*, ТЭ *sero-*, ЛЭ *seru-* (SW **sārā*, MS **sārā-*) ‘связать’;

ТН *сято-ку-(с)* (*syatoku-(s)-*) — нган. *satā-* (U) (SW **sāc-*) ‘кусать’;

ТН *тянө* (*tyānyo*) — нган. *tan°a* (U); ЛН *čadyo*, ТЭ *tene*, ЛЭ *teni* (SW **tānā*) ‘мало’;

ТН *тянөй* (*tyānyoyo°*) — нган. *tantā-* (U/I); ТЭ *tede*, ЛЭ *tede*, *tede* (SW **cāncā*, MS **cāncā*) ‘широкий’;

ТН *тярць* (*tyar/cy°*) — нган. *taru-* (U); ТЭ *ter-*, ЛЭ *ter-* (SW **tār-* ~ **tārā-*, MS **tār-*) ‘разделить(ся)’;

ТН *тяхәд* (*tyaxəd°*) — нган. *takā-* (U); ЛН *čaxu* ‘тот (дальний)’, ТЭ *texo-*, ЛЭ *texe*¹⁹ (SW **tāk* (*ssm*) ~ **tākā-* (*nsm*)) ‘место за чем-то, по ту сторону’;

¹⁷ См. сноску 28.

¹⁸ Данные А. Ф. Миддендорфа, цит. по SW.

¹⁹ Впрочем, ср. также ЛЭ *taxa-* ‘место за чем-то’.

ТН *ядă(сь)* (*yadə(sy°)*) — нган. *dātə-* (U); ЛН *ʰāt'ala(š)*, ТЭ *d'edo-*, ЛЭ *d'ado-* (AY), ср. *d'ieza* 'кузнец' (SW **jäcə-*) 'ковать';

ТН *якэ* (*yake*) — нган. *dakə-* (U); ЛН *ʰakə*, ТЭ *daki*, ЛЭ *d'ake* (SW **jäcə*) 'дым';

ТН *яля* (*yalya*) — нган. *dalī* (I); ЛН *ʰat'a*, ТЭ *dere*, ЛЭ *d'eri* (SW **jälä*) 'день';

ТН *ям'* (*yam*) — нган. *dam* (U); ЛН *ham?* (SW **jäm*) 'море, большая река';

ТН *яңго* (*yəŋko*) — нган. *dəŋku* (U); ЛН *ʰi'kü(š)*, ТЭ *digu-*, ЛЭ *dagu-* (SW **jäŋkə/-ä*, MS **jäŋko*, **jäŋkə(-)*) 'нет, отсутствовать'²⁰;

К этому можно добавить еще несколько подобных соответствий (без сомнения, их значительно больше):

ТН *ляса(сь)* (*lyasa(sy°)*) — нган. *lasa-tu-* (U); ТЭ *lese-* < **lasa-* 'растопырить, распялить, лежать распластавшись';

ТН *мяля(сь)* (*myal'ya(sy°)*) 'быть красивым (об одежде, обуви)' — нган. *malī* (U) 'орнамент, узор, многоцветная отделка на одежде, пятно', *malīə* (U) 'пестрый' *markütü-* (U) 'сверкать; быть ярко расшитой — об одежде'; ТЭ *mereder-*, ЛЭ *meredir-* (AY) 'пестреть' < **malV-*;

ТН *мялкада(сь)* (*myalkada(sy°)*) — нган. *marku-δə-* (U); ТЭ *megado-*, ЛЭ *megado-* (AY) < **markā-* 'мелькнуть';

ТН *сямб* (*syamp°*) 'болото' — нган. *saŋhə* 'сухая низина на берегу реки' (U); ЛН *šump* 'болото', ТЭ *sebo* 'место, где растет густой тальник', ЛЭ *sebu* 'место, покрытое кустарником' < **səmpə*;

ТН *тяңгад* (*tyaŋkad°*) — нган. *taŋkadə* 'рука (arm)' (U); ЛН *t'āŋkat*, ЛЭ *t'āŋgaz* 'бицепс; верхняя часть руки' < **taŋkatə*;

ТН *яб* (*yab°*) — нган. *bahi* 'дикий олень' (U); ЛН *β'āp*, ТЭ *dabo*, ЛЭ *d'abu* < **wapi* 'удача' (Janhunen 1998: 465)²¹;

нган. *ŋatu-* (U); ТЭ *edu-*, ЛЭ *nazuda-* (MS **ä't'ä'-*) 'ранить (выстрелом)';

Как видно, исключений из правила, согласно которому корень, содержащий нган. *sa* < **a*, является заднерядным, всего два — это нган. *dālī* < ПС **jalä* 'день' и нган. *ŋatə-gəə* < РС **ŋatə-* 'мягкий'. Эти исключения будут объяснены ниже.

Б. С другой стороны, в нганасанском есть класс корней, имеющих в первом слоге дифтонг *i*а (после губных и заднеязычных) или *a* (после палатальных). Согласно Janhunen 1975–1976, единственным источником этого гласного может быть ПС **ä* (у Янхунена **e*) > ТН *Ėe*, которое также может давать нган. *Ėe* (см. выше) с неясным распределением. Однако большинство этих корней относится к переднему ряду;

²⁰ Рефлексы первой гласной в ЛН, ТЭ (*i*) и ТН (*ä*), видимо, нерегулярны.

²¹ Обе энецкие формы, очевидно, заимствованы из тундрового ненецкого.

поэтому можно считать, что корни с $C^i a / \acute{C} a$ (I) находятся в дополнительном распределении с рассмотренными только что случаями нган. Ca (U) < ПС *а. Это дает возможность возводить нган. $C^i a / \acute{C} a$ к ПС *а в корнях переднего ряда.

К сожалению, лишь для небольшой части этих нганасанских корней известны внешние соответствия. Большинство из них не имеет известных параллелей, в том числе такие распространенные, как $b^i ar\acute{a}$ ‘открыть’ или $\acute{s}atj$ - ‘кончить’. Приведем те немногие, которые имеют параллель в тундровом ненецком:

ТН $ey-me(cs)$ ($yey^o tye(sy^o)$) ‘расшить, украсить (узором из длинных белых оленьих волос)’ — нган. $b^i ai$ (U); ЛН $hej'te(\acute{s})^{22}$, $\beta^i \acute{e}jje\acute{s}$ L 107a, ТЭ bee , ЛЭ bee ‘длинная шерсть на шее у оленя’;

ТН $me\acute{a}$ ($tu\acute{e}ya$) — нган. $m^i ai$ (I); ЛН $m\acute{e}ha$, ТЭ mee , ЛЭ mee (SW * $mej^i \acute{a}$, MS * $me\acute{i} \acute{a}$) ‘невестка, сноха (жена сына или дочери)’;

ТН $myalac\acute{e}$ ($myal\acute{a} \acute{e}r/cy^o$) — нган. $m^i aliti$ - (I), $m^i aliti$ - (I) ‘мелькать’;

ТН $myan\acute{a}c\acute{e}$ ($myan\acute{a} // cy^o$) ‘мочь, быть в состоянии, в силах делать’ — нган. $m^i anj$ - (I) ‘одолевать, быть сильнее’;

? ТН $nany$ ($n\acute{a}ni$) — нган. $\eta^i antu$ (I); ЛН $ny^i nyj$, ТЭ odo , ЛЭ $\acute{o}di$ ‘парень’²³;

ТН $ne^i(n)$ ($pyeh$) — нган. $h^i a\eta$ (η) (I/U); ЛН $\acute{p}e\eta$, ТЭ peo (u), ЛЭ pej (SW * $pe\eta$, MS * $pe\eta$) ‘ладонь’;

ТН $nima(cs)$ ($pyita(sy^o)$) — нган. $h^i atj$ - и $h^i at\acute{a}$ - (I) ‘надоесть’;

ТН $nyalik$ ($pyalyik^o$) ‘нагрудник в виде кусочка мягкой шкурки, которая закладывается за ворот одежды ребёнка’, $nyl\acute{a}c\acute{e}$ ($pyaly^o \acute{s}ya$) ‘лоскут замши или ткани, который пришивается спереди к женским штанам’ — нган. $h^i aluC$ ‘передняя часть, подол мужской парки; нагрудник шамана’ (I); ЛН $\acute{p}\acute{e}t'ik$ ‘кусочек шкуры, привязываемый под подбородком у ребенка (слюнчавчик)’;

ТН $ny\acute{a}gu\acute{i}$ ($pyan\acute{k}iu^o$) ‘противник, враг, недруг, неприятель’ — нган. $h^i an\eta u(\eta)/h\acute{e}n\eta u(\eta)$ ‘старший товарищ; друг, подруга, милый (обращение)’; ТЭ $pe\eta u$, ЛЭ $pe\eta u$ ‘враг, противник’;

ТН $nyasik$ ($pyasyik^o$) — нган. $h^i adir$ (-s-) ‘удочка, крючок для рыбной ловли’ (I); ЛЭ $pe\acute{s}i$ ‘железный крючок поводка упряжи с крючком, для крепления лямки и поводка’ (AU) ‘удочка, крючок для рыбной ловли’;

ТН $se\acute{a}$ ($sy\acute{e}ya$) — нган. sai (I); ЛН $\acute{s}e\acute{h}a$, ТЭ see , ЛЭ $se\acute{a}$ (MS * $seja$) ‘угол, часть чума (около дверей; женская часть чума)’;

²² Лесная ненецкая форма из словаря Я. Н. Поповой, очевидно, заимствована из тундрового ненецкого, на что указывает начальное d^i -; у Т. Лехтисало зафиксирована собственно лесная форма с начальным w -.

²³ Соответствия гласных нерегулярны, однако вряд ли можно считать эти слова не связанными. Скорее всего, речь идет о параллельных заимствованиях из неясного источника.

ТН *cu"ýw* (*syíqw*^o) — нган. *śajbə* (I); ЛН *śē?ēβ*, ТЭ *se"o*, ЛЭ *seu* (SW **sejt³wə*, MS **sejt³wə*) 'семь';

? ТН *сѧб-да(сѧ)* (*syab"da(sy")*) 'быстро и жадно съесть, уничтожить в большом количестве (напр. запасы еды)' — нган. *śahj* 'мясо, плоть' (I); ЛН *śap'ta(š)* 'жрать, быстро, жадно есть', ТЭ *sebe* 'мякоть внутри рога', ЛЭ *?sebu* 'поганный, грязный, имеющий менструацию', *sebe* 'гнилость внутри рога' (АУ)²⁴;

ТН *тѧв* (*tyíw*^o) — нган. *tajbə* (I); ЛН *t'ēβ* (SW **t1ejwə*) 'живот, желудок';

Все эти слова полностью или преимущественно переднерядные, за исключением *b'ai* 'длинная шерсть на шее у оленя'; возможно, его задний ряд объясняется стремлением отличить это слово от его полного омонима *b'ai* (I) 'мишень'.

Поскольку ПС **j* и **ń* — нган. *d'* и *ń* — всегда палатальны, рефлекс типа *Ca* и типа *Ĉa* в их случае неразличимы и слова на *d'a-* и на *ńa-* могут относиться и к переднему, и к заднему ряду. В этом объяснение нган. *d'alj* < ПС **jalä* 'день' и нган. *ńamə-gəə* < ПС **ńamz-* 'мягкий'.

Оставим в стороне сомнительное соответствие ТН *наны* (*nəni*) — нган. *ŋ'antu* 'парень'. В ТН *cu"ýw* — нган. *śajbə* 'семь' и ТН *тѧв* — нган. *tajbə* 'желудок' ТН *i* по общему правилу получается из сочетаний переднего гласного с **j*. То же, вероятно, касается ТН *numa(сѧ)* 'надоест': в нганасанском есть два варианта с аналогичным значением — *h'atj-* и *h'atə-*, и второй указывает на наличие **j* (*h'atə-* < *h'ajtə-*).

В таком случае в тундровом ненецком остается два возможных соответствия нган. *C'a/Ĉa* (I): четыре случая *Ĉe* и восемь случаев (включая **jalä* и **ńamz-*) *Ĉa*. Явное преобладание ТН *Ĉa* в имеющемся небольшом материале во всяком случае не дает считать ТН *Ĉe* основным соответствием нган. *Ĉa*. Далее можно заметить, что из четырех примеров *Ĉe* три — в положении перед интервокальным **j*: ТН *ей-* — нган. *b'ai* 'длинная шерсть на шее у оленя', ТН *мея* — нган. *m'ai* 'невестка, сноха (жена сына или дочери)' и ТН *сея* — нган. *śai* 'женская часть чума'; можно предположить, что **a* дало *e* под влиянием последующего йота. Поэтому вполне возможно считать нган. *C'a/Ĉa* рефлексом ПС **a* в корнях переднего ряда, соответствующим, по общему правилу, нен. *Ĉa*. Не объясненное пока исключение в ненецком одно: ТН *не(н)*, ЛН *реŋ* 'ладонь'.

Энецкий язык не показателен в этом вопросе, потому что в нем **a* и **ä* совпали в *e*.

Приведем для полноты картины прочие известные нганасанские слова с *C'a/Ĉa* в первом слоге. Для начальных *d'* и *ń* приводятся только корни переднего ряда.

нган. *b'agu"ə* (I); ТЭ *bexu"o*, ЛЭ *bexu"* (АУ) 'крупная куропатка-самец';

нган. *b'ahə-* (I) 'свернуть с пути';

²⁴ Семантика вызывает сомнения, но, вероятно, можно восстанавливать исходное значение 'мягкие ткани'.

- нган. *b'ai* (I) 'мишень';
 нган. *b'ajša(ŋ)* (I) 'задний отросток рога';
 нган. *b'anti-* (I) 'измерить';
 нган. *b'añu* (I) 'глист';
 нган. *b'arə-* (I) 'открыть';
 нган. *b'atə* (I) 'пятка';
 нган. *b'adim* (I) 'осколок кости';
 нган. *h'ai* (I) 'конец';
 нган. *h'airi'*- (I); ТЭ *peire-*, *peiro-*, ЛЭ *pajaru-* 'застесняться';
 нган. *h'ajmĩ-* (I) 'торопиться';
 нган. *h'ajmĩ-* (I) 'быть прохладным';
 нган. *h'amə-* (I) 'запыхаться, тяжело дышать';
 нган. *h'aŋkə* (I) 'ступня';
 нган. *h'adətĩ* (I) 'изменник (связано с *h'atĩ-* 'надоесть?');
 нган. *k'abtuśi* (I) 'расплющенный, плоский';
 нган. *k'antəru-* (I) 'хохотать';
 нган. *lajbə* (I) '(иносказательное слово) ребенок';
 нган. *lami/u-* (I) 'отвлекать, мешать, перебивать';
 нган. *landir-* (I) 'баюкать';
 нган. *lansə* (I) 'тальник';
 нган. *laŋkuə* (I) 'жаберная крышка; зоб';
 нган. *lasubti-* (I) 'перерывать, перетряхнуть в поисках';
 нган. *m'albər-* (I) '(иносказ.) сделать';
 нган. *m'alĩtu-* (I) 'ворчать, бормотать';
 нган. *ñahair-* (I) 'быть солидарным, товариществовать';
 нган. *ñahərĩr-* (I) 'проявлять излишнюю прыть, соваться не в свои дела';
 нган. *ñahĩ* (I) 'нижняя шуба (мехом внутрь)';
 нган. *ñaltĩ-* (I); ТЭ *ede-*, ЛЭ *ede-* 'радоваться';
 нган. *ñantə* (I) 'пай';
 нган. *ñanti-* (I) 'быть похожим';
 нган. *ñari-* (I) 'лысый';
 нган. *ñasĩ* (I) 'еле-еле, с трудом';
 нган. *ña'i-* (I) 'выше по реке';
 нган. *śai-* (I) 'загореть(ся), обгореть, подгореть';
 нган. *śalur* (I) 'густой (лес)';
 нган. *śansir-* (I) 'спотыкаться';
 нган. *śanubtĩrĩ-* (I) 'успокоить';
 нган. *śañüə* (I) 'ледок на поверхности; слегка замерзший (о воде)';
 нган. *śarəə* (I) 'скорлупа';

нган. *šarj-m-* (I) ‘стыдиться’ (SW **kerz-*);
 нган. *šatj-* (I) ‘кончать’;
 нган. *šatikə* (I) ‘белоносый гусь’;
 нган. *tabiti-* (I) ‘быстро бежать’;
 нган. *tabti-* (I) ‘разобрать чум, откинуть шкуру’;
 нган. *tajhə-* (I) ‘пугать’;
 нган. *talə-* (I) ‘кивать, наклоняться’;
 нган. *tantə* (I) ‘деревянный помост’;
 нган. *tanti-* (I) ‘рассеиваться (о тумане)’;
 нган. *taŋə-* (I) ‘сажа’;
 нган. *taŋhə-* (I) ‘сломать’;
 нган. *taŋi-* (I) ‘обтянуть’;

Для слова *ńabuij* ‘утка’ неизвестен ряд, поэтому не можем отнести его к тому или иному классу (но см. о нем в следующем разделе).

ТН *нябы* (*nyabi°*) — нган. *ńabuij* (?); ЛН *ńāpə(j)*, ТЭ *ńabue* (SW **ńāp-*) ‘вид утки’;

3. Соответствия в других языках

Известных соответствий нганасанских слов с ПС **ä* и **a* в селькупском, камасинском и маторском языках не очень много, но некоторое распределение они позволяют заметить. Ниже для селькупского языка приводятся общеселькупские формы по словарю Alatalo 2004, камасинские — по Donner, Joki 1944, маторские — по Helinski 1997; для селькупских и маторских форм даются номера словарных статей в соответствующем издании.

А. ПС **ä* > нган. *Ėe*, т. е. рефлексы «переднерядного» типа. Такие случаи многочисленны. В селькупском, камасинском и маторском языках разные рефлексy, анализировать их не входит в нашу задачу, но в большинстве случаев это гласные переднего ряда (хотя есть исключения).

нган. *betu* (I) — сельк. *ketu* 1961, кам. *bedu*, мат. *bedüh* (~ *bedöh*) 106 ‘кишка’;
 нган. *ďemńi(-)* (I) — кам. *ńemnə* ‘ставить заплату’;
 нган. *ďentəďä* (I) — сельк. *ńantəsi* 1652, *ćaŋəs(i)* 1558b < **ćaŋəntəsi* (см. Janhunen 2012) ‘Енисей’;
 нган. *d'enti* (I) — сельк. *ćinti* 1513, кам. *nenə* ‘тетива лука’;
 нган. *ďeŋhi-s* (I) — сельк. *ćempə-t-* 1472 ‘одежда’;
 нган. *ďeŋküa* (I) — сельк. *ćiŋki* 1568 ‘лебедь’;
 нган. *ďerj-* (I) — сельк. *ćarət-* 1589, *car-* (ХелСельк) ‘попасть’;
 нган. *hejbij* (I) — сельк. *pñ* 388 ‘тепло’;

- нган. *helj* (I) — сельк. *pelän* 715, кам. *pil, piel*, мат. *hālā* 278 ‘половина’;
 нган. *heñdir* (I/U) — сельк. *piŋkər* ‘Musikinstrument’ 588, мат. *höngür* 314 ‘бубен’;
 нган. *merə-* (I/U) — сельк. *mer(ə)* 895, мат. *ber* 110 ‘скоро, быстро’;
 нган. *meru* (I) — кам. *meru* ‘болячка, ранка’;
 нган. *ñemj* (I) — сельк. *emä* (*emä-*) 56, мат. *EmE* 64 ‘мать’;
 нган. *ñeñda-l-muə* (U) простой, несложный — ?мат. *Enžā* ‘прямой’ 75 (см. об этом
 корне Хелимский 1992–1993: 115–116);
 нган. *ñeñdir-* (U) — сельк. *ñešə-* 1687 ‘скользить’;
 нган. *ñenjŋkə* (I) — сельк. *nenəŋka* 1372 мат. *änəŋgä* (?*änəŋgä*) 70 ‘комар’;
 нган. *ñerə-* (I) — сельк. *ñer(ə)* 1709, кам. *ñer-*, мат. *ere* 80 ‘перед; кончик’;
 нган. *šeŋkə* (?) — сельк. *sāḡə* 2618 ‘черный (вообще или о животных)’;
 нган. *šeŋkə-* (I) — сельк. *sāŋḡə-* 2641, кам. *?ša-*²⁵, мат. *keŋgə-* (?*kiŋgə-*) 468 ‘ночевать’;
 нган. *šerə-* (I) — сельк. *šēr-* 2701, кам. *šerə-*, мат. *ker-* 470 ‘надеть’;
 нган. *šetə-* (I) — кам. *še’-*, мат. *kEdə-* ‘обвязать, укутать’;
 нган. *seti* (I) — сельк. *šētə* 2509, кам. *šudur* ‘сухожильная нить’;
 нган. *tebtə* (I) — сельк. *tēptə* 993 ‘сок’;
 нган. *tehə* (I) — сельк. *tīpə* 996 ‘гвоздь, колышек’;
 нган. *temə* (U) — сельк. *čēntə/čēčtə* 1125, кам. *te’me* ‘завязка на одежде, обуви’;
 нган. *tenj-* (I) — сельк. *teni-* ~ *teñi* 1124 мат. *tEnə-* 980 ‘помнить, знать, думать’;
 нган. *terə* (I) — сельк. *tīr* 1295 ‘содержимое’;
 нган. *tešə-* (I) — сельк. *taššu-* 1238, кам. *šiššə-*, мат. *tūkə-* (?) ‘быть холодным’;
 нган. *tetə* (I) — сельк. *tētə* 1082, кам. *te’də*, мат. *teite* 972 ‘четыре’;

Б. ПС *ä > нган. *Ca*, т. е. рефлексы «заднерядного» типа. В селькупском и камасинском языках большинство рефлексов также заднерядные. Маторские данные трудно интерпретировать.

- нган. *dādī(n)* (U) — сельк. *česər-* 1579, кам. *dēzəŋ, tēzəŋ* ‘силос’;
 нган. *basa* (U) — сельк. *kušə*, кам. *baza*, мат. *bEsä* 115 ‘железо’;
 нган. *bakuni* (U) — сельк. *ḡuḡḡər/ḡuḡḡən* 2108 ‘осетр’;
 нган. *ñañšü-* (U) — кам. *nanzə-* ‘падать, рушиться, скользить’;
 ? нган. *ñaaga* (U) ‘младшая сестра матери, другие женщины из рода матери мо-
 ложе ее’ — сельк. *ēña* 182 ‘ältere Schwester’, *n’en’n’a* ‘сестра; тетка (младшая сестра
 отца)’ (ХелСельк)²⁶;

²⁵ Заметим, что здесь, как и в слове *šudur* ‘нить’, *š* указывает на то, что гласный был изначально передним.

²⁶ Сопоставление сомнительно: в нган. интервокальное *ñ* не выпадает (см. сноску 12); селькупские формы и между собой не соотносятся регулярным образом; значение также не идентично.

нган. *ɲatu-ɕuə* (U) — сельк. *uɕittə* 81, кам. *adʔ, aʔə* ‘Weg, Spur’, мат. *ɛdɛ* 247 ‘дорога, след’;

нган. *ɲambu* (U) — сельк. *āŋku* 218, кам. *алта*, мат. *āɲtā, āɲtə* ‘сон’;

нган. *ɲanɪdu* (U) — сельк. *ānəlɕə* 125, кам. *ʔ andoi* ‘отметка, клеймо’;

нган. *saa* (U) — сельк. *sā* 2409, кам. *sa*, мат. *ʔciɕedecsa* 876 ‘смола’;

В. ПС **a* > нган. *Ca*, т. е. рефлексy «заднерядного» типа. Также многочисленный тип. В селькупском, маторском и камасинском языках рефлексy также задний, в большинстве случаев *a*-образный, за единственным исключением корня **hajmā* ‘обувь’, где гласный стал передним, очевидно, в результате стяжения с йотом.

нган. *katu* (?) — сельк. *ḱāt* 1822, кам. *kat*, мат. *ʔkātā* 465 ‘чешуя’;

нган. *ḱakə* (U) — сельк. *ḱaḱḱi* 1898 ‘дым’;

нган. *ḱam* (U) — кам. *nam*²⁷ ‘море, большая река’;

нган. *ḱaŋhi-s-* (U) — сельк. *lāmpi-* 2796 ‘плыть’;

нган. *ḱaŋku* (U) — сельк. *ḱaŋku-* 1563, кам. *naɣa, nā*, мат. *ñāngü(h)* 711, *ʔñāngə* 741 ‘нет, отсутствовать’;

нган. *ḱatə* (U) — сельк. *ḱāḱə* 1479 ‘ковать’;

нган. *h^ua-a* (U) — сельк. *pō*, кам. *pa*, мат. *hā* 267 ‘дерево’;

нган. *h^uajmu* (U) — сельк. *pētə/pōtə* 407, кам. *h^uata* ‘обувь’;

нган. *h^ua-ru-* ‘действовать на что-то, приняться за что-то’ (U) — мат. *hā* 268 ‘делать, намереваться’;

нган. *h^uati-* (U) — сельк. *pōt-* 431, кам. *pa^ʔ* ‘положить в воду; сварить’;

нган. *kabü-^ʔ* (U) — сельк. *ḱārə* 1780 ‘тесать, строгать (топором)’;

нган. *kaɣbu* (U) — кам. *ko* ‘лопата’;

нган. *kalī(n)* (U/I) — сельк. *ḱālīn* 2349, кам. *kaləŋ, ɣaləŋ* ‘подмышка’;

нган. *kanə* (U/I) — сельк. *ḱān* 1984 ‘сколько’;

нган. *kaŋha* (U) — сельк. *ḱāmpa* 1836, кам. *kato* ‘весна наст’;

нган. *kasu* (-*d-*) (U) — сельк. *ḱāsə* 2160, кам. *kaza* ‘кора’;

нган. *kati-* (U) — сельк. *ḱāḱci-* 1893, кам. *kadər-*, мат. *kādər-* 448 ‘чихать’;

нган. *kati* (U) — сельк. *ḱāti* 1887 ‘чистить рыбу от чешуи’;

нган. *ma^ʔ* (U) — сельк. *māt* 739, кам. *ma^ʔ* ‘чум’;

нган. *mantə* (U) — сельк. *mānčī-* 778, кам. *map-* ‘мерять’, *kɕi-men* ‘сколько’, мат. *ku-mna* (*ʔkūmnā*) 578 ‘сколько’;

нган. *maŋkə* (?) — сельк. *māŋḱə* 838 ‘младший брат жены/мужа’;

нган. *na* (U) — сельк. *nā* 1624, мат. *ā* 55 ‘товарищ’;

²⁷ Данные М. А. Кастрена, цит. по SW.

- нган. *na-* (U/I) — кам. *na-mən* ‘для, ради’;
 нган. *nagür* (U) — сельк. *nākur* 1379, кам. *nagur*, мат. *nagur* (? *nägür*) 712 ‘три’;
 нган. *nantəə* — сельк. *nānčə* 1369, кам. *nānə*, мат. *ändä* 73 ‘сетка (рубец?) желудка у оленей’;
 нган. *ṇahu* (U) — сельк. *apa* 15, *opə* 22 мат. *ühä* 115 ‘старшая сестра’;
 нган. *ṇamⁱaj* (U) — сельк. *āmə* 39, кам. *ami*, мат. *āmä* 65 ‘другой’;
 нган. *ṇamtə* (U) — сельк. *āmtə* 47, кам. *amno*, мат. *āmdä* 66 ‘рот’;
 нган. *ṇaṇ* (U) — сельк. *āṇ* A 215, кам. *aṇ*, мат. *āṇ* 76 ‘рот’;
 нган. *ṇaru-* (U) — сельк. *ār* 253, кам. *ar-u* ‘поперек’;
 нган. *ṇatə* (U) — сельк. *āṇtə* 217, кам. *aṇ*, мат. *ändä* 74 ‘лезвие’;
 нган. *ṇatu-* (U) — мат. *Edə* 52 ‘стрелять’;
 нган. *sənə^ʔkə-* (U) — сельк. *sānə-* 2527, кам. *сынаамə* ‘бросать жребий’ (цит. по SW), мат. *sānə* 868 ‘играть’;
 нган. *sarə-* (U) — сельк. *sārə-* 2664, кам. *sar-*, мат. *sär-* 870 ‘связать’;
 нган. *satə-* (U) — сельк. *sāčə-* 2493 ‘кусать’;
 нган. *takə-* (U) — сельк. *tāk* 1155, кам. *tak-* ‘место за чем-то, по ту сторону’;
 нган. *tantə-* (U/I) — сельк. *čānčə-* 1104, кам. *tano* ‘широкий’;
 нган. *tan^ua* (U) — сельк. *tāna* 1102 ‘мало’;
 нган. *taru-* (U) — сельк. *tār-* 1251, кам. *tar-*, мат. *tār-* 429 ‘разделить(ся)’;

Г. ПС *а > нган. *Cⁱa/Ća*, т. е. рефлексы «переднерядного» типа. Большинство рефлексов в селькупском, камасинском и маторском языках также передние, в том числе в корнях ‘день’ и ‘мягкий’, которые, как мы помним, были исключениями из того правила, что ПС *а должно встречаться в заднерядных словах.

- нган. *mⁱai* (I) — кам. *mēji* (C 192), мат. *mājä* 650 ‘невестка’;
 нган. *ṇatə-gəə* (I) — сельк. *ṇaṇtu* 1676, кам. *ṇaṇno* ‘толстый’²⁸;
 нган. *hⁱaluC* (I) ‘передняя часть, подол мужской парки; нагрудник шамана’ — кам. *pali* ‘Riemen, Band, mit dem der Stiefel am Fussgelenk angebunden wird’;
 нган. *s'ai* (I) — сельк. *?seṇä* 2643, мат. *kejä* 453 ‘угол, часть чума’²⁹;
 нган. *šajbə* (I) — сельк. *sēlcu* 2741, кам. *sejbu*, мат. *kej^ʔbe* ~ ? *kej^ʔbü* 451 ‘семь’;
 нган. (только у Кастрена) *ṭadi^éma* (I) — сельк. *tjt-* 1074 ‘вынуть (из воды)’;

²⁸ В нган. *ṇatə-gəə* — сельк. *ṇaṇtu* представлено то же соотношение согласных, что в нган. *ṇatə* — сельк. *āṇtə* ‘лезвие’, а также, вероятно, *kaṭə-mə* ‘посмотреть’ — нен. *хэнда(сь)* (*xenta(sy^o)*) ‘зло уставиться’ < **keṇtə*/**keṇtā*- (см. Aikio Ms, s.v. **aṇti*); ср. также пару глагольных корней *səṇjür-* и *sətə-* ‘смотреть’ (< **səj-tə* < **səṇ-tə*?). По-видимому, развитие в нганасанском имело вид **ṇt* > **ʔt* > **jt* > *t*.

²⁹ См. об этом слове Хелимский 1992–1993: 116–117; отнесение сюда селькупского под вопросом.

- нган. *dālī* (I) — сельк. *čēlā*³⁰ 1618 ‘день’;
 нган. *ńatā-gā* (I) — сельк. *ńewā*- 1635, кам. *netər, nōtər* ‘мягкий’;
 нган. *tajbā* (I) — кам. *šijā* ‘живот’;
 нган. *šarj-m-* (I ?) — сельк. *šorā*- 2679, кам. *šerā*- ‘стыдиться’;
 нган. *h'āŋ* (ŋ) (I/U) — сельк. *pīŋ* 597, кам. *pəŋ*, мат. *hōŋ* 309 ‘ладонь’

Очевидным исключением выглядит нган. *ńatā-gā* (I) — сельк. *ńaŋtu*, кам. *paŋno; paŋni* ‘толстый’; переднерядность здесь могла возникнуть под влиянием *j*, развившегося в нганасанском на месте *ŋ (см. сноску 28).

В предыдущем разделе было сказано, что у нган. *ńabuj* ‘утка’ мы не знаем ряд. Селькупский и камасинский дают для этого корня *a*-образные рефлексy. Можно предположить, что в нганасанском это слово должно быть заднего ряда.

- нган. *ńabuj* (?) — сельк. *ńāp-* 1630, кам. *na'b, na'm* ‘вид утки’;

4. Этимологические дублиеты?

В нганасанском языке есть несколько пар корней с идентичным значением, но различающихся рядом и первой гласной: *Cⁱa/Cā* vs. *Ca* и *Če* vs. *Ca*. Вероятно, помимо перечисленных ниже есть и другие.

1. Наряду с упоминавшимся выше *kⁱabtu* (I) ‘коротконогая собака’, *kⁱabtu* (U) ‘плоскость’, *kⁱabtušī* (U/I) ‘расплющенный, плоский’, *kabtujtī-* (I) ‘лежать лицом вниз’ есть *kabtua* (U) ‘плоский’, *kabtujtu-* (U) ‘лежать лицом вниз’, *kabtujku* (U) ‘блюдец’. Также наряду с упоминавшимся *kⁱantəru-* (I) ‘хохотать’ есть *kantigam-* (U) ‘расхохотаться’.

Можно предположить, что в старых корнях **k-* перед *i* дало бы *s*, как это произошло перед всеми прочими передними гласными. То, что здесь этого не произошло, а также отсутствие известных соответствий у этих корней, дает основания предполагать, что они появились в нганасанском языке относительно недавно.

2. ТН *мяларць* (*myalǝr/cy°*) ‘мелькать’, *мялкада(сь)* (*myalkada(sy°)*) ‘промелькнуть, показаться и быстро скрыться’; вероятно, также ТН *мялырць* (*myalir/cy°*) ‘быть видимым (о движущейся сквозь что-л. или на фоне чего-л. тени или силуэте)’ — нган. *mⁱaliti-* (I) ‘быстро двигаться, мельтешить’, но *malkudə-* (U) ‘промелькнуть, сверкнуть, быстро проскочить мимо’; ТЭ *megađo-*, ЛЭ *megaza-* ‘промелькнуть’

Этот случай отличается от предыдущего наличием у корня несомненных соответствий в ненецком и энецком языках. Теоретически можно предполагать и заимствование в нганасанский из ненецкого (видимо, из основы типа *мялырць*, если

³⁰ Я. Алатало дает к этому слову примечание «< vorsölkupisch *čālā, hintervokalisch», но никак его не аргументирует.

она относится сюда), но примеры выше и ниже показывают, что раздвоение рефлексов в нганасанском также вполне возможно³¹.

3. ТН *мянăць* (*myanə//cy°*) ‘мочь, быть в состоянии, в силах что-л. делать’, ср. *мянхаде(сь)* (*myan°xjədye(sy°)*) зап. ‘побороть, осилить кого-л.’, *мян* (*myan°*) (зап.) ‘то, что можно преодолеть, сделать, выполнить’, *мян’* (*myan°h*) ‘указывает на соответствие с чем-л.’ — нган. *m’anj-* (I) ‘одолевать, быть сильнее’, но *mantə* (U, послелог) ‘как, похожий на’, *mandi* ‘как (по размеру)’; ТЭ *medi* ‘мера’, сельк. *māncī* ‘мера’ А 778, таз. *mōntj* ‘мера, степень; размер, величина; вершок; пуд; в меру, сообразно (послелог)’, *kunmōntj* ~ *kunma-ntj* ‘сколько’, кам. *man-* ‘мерить’, *kumten* ‘сколько’, мат. *kumna* (? *kūmnä*) ‘wieviel’ 578 (SW **māncə*, MS **māncə*).

Глагол **man-* ‘мерить’ и послелог **manсə* ‘как, похоже’ принято относить к одному корню, хотя это не очевидно ни по семантике, ни по морфологии: неясно, по крайней мере, на первый взгляд, что за суффикс представляет собой *-сə. В селькупском этот второй сегмент, по-видимому, всегда присутствует; с другой стороны, в камасинском и маторском он, видимо, отсутствует (хотя отсутствие *d* можно списать на стяжение в конце слова). Ненецкий, из-за общего перехода (**nc* >) **nt* > *n*, может указывать и на тот, и на другой вариант. Если действительно все эти слова относятся к одному корню, то в нганасанском *m’anj-* (I) ‘одолевать, быть сильнее’ можно, как и в случае *m’aliti-* выше, видеть раздвоение корня из-за этимологически передней гласной второго слога либо заимствование из ненецкого.

4. ТН *нензърць* ‘1) ползать (о червяке); 2) перен. медленно двигаться’; *нензърць* ‘блоки у нарты, в отверстия которых вдергиваются постромки; *нензърта(сь)* ‘сдвинуть(ся) (с места)’ — нган. *ñeñdir-* (I) ‘скользить’, но *ñañšū-* (U) ‘катиться (например, с горки)’, *ñañdūtū* (U) ‘полоз’, *ñañdūša* (U) ‘деталь для крепления постромков в передней части корпуса нарты; подпорка сети’; ЛН *ñen’sat’*(š) ‘ползти (о червяке)’; ТЭ *edu’a*, ЛЭ *ezuə* ‘полоз’, сельк. *ñešə-* ‘gleiten, (mit Renntieren) fahren’ (А 1687), энчи ‘головка полозьев нарты’ (Ириков 1988: 97), кам. *nanzə-* ‘fallen, (herunter)stürzen, schreiten, gleiten; (herunter)schweben’ (SW **ñensə* ‘gleiten’).

В данном случае семантика не оставляет сомнений в том, что это один и тот же корень, а вариант «заднерядного типа» с *a* в нганасанском поддержан камасинской формой *nanzə-*.

5. Заключение

В этой статье мы постарались показать, что в нганасанском языке, в отличие от ненецкого и энецкого, ПС *ä и *a отражаются двояким образом и их рефлексы хо-

³¹ Сходство этих слов с русскими и другими восточнославянскими формами типа *мелькать* следует, видимо, считать случайным.

рошо коррелируют с сингармонической характеристикой корня. При этом заднерядные рефлексy в нганасанском в большинстве случаев имеют заднерядные соответствия также в селькупском и камасинском. Маторские соответствия трудно интерпретировать из-за их малочисленности и в некоторых случаях неясности.

Суммируем эти данные в таблице. Для селькупского и камасинского дается один самый частотный рефлекс, кроме столбца «ПС **a*, нган. передний ряд», где самый частотный рефлекс трудно выделить.

ПС	* <i>ä</i>		* <i>a</i>	
ненецкий (лесной и тундровый)	Će		Ća	
энецкий (лесной и тундровый)	e		e	
нганасанский	Će (передний ряд)	Ca (задний ряд)	C'a/Ća (передний ряд)	Ca (задний ряд)
селькупский	e	uê	e, a, i, ī, Ćo	ā
камасинский	e	a	e, a, ö, Ćш, э	a
маторский	e, ä, ö, ī, E	ę, a, E	ä, e, E	ä, ā, a, ā, ü

Как видно, раздвоение рефлексов не уникально для нганасанского (в котором **ä* и **a* в заднерядных корнях полностью совпали с **ę*). Вряд ли имеет смысл реконструировать отдельные фонемы **ä* переднее и **ä* заднее, **a* переднее и **a* заднее. Гораздо вероятнее, что **ä* и **a* приобрели более переднее или более заднее произношение под влиянием гласного второго слога. Сходные процессы известны во многих финно-угорских языках и определили финно-угроведческую традицию всегда описывать историю гласных первого слога с учетом второго. В самодийских языках подобные процессы до сих почти не упоминались, кроме как в маторском, где Е. А. Хелимский (MS: 97–98) обсуждает переход **e* > *ę* «unter dem Einfluß von **a* in der folgenden Silbe».

В свою очередь гласный второго слога корня определял сингармонический вариант суффикса, как это опять же происходит во многих других языках с гармонией гласных, в том числе в финно-угорских.

В приводимых выше списках нганасанских слов видна некоторая корреляция между типом рефлексации **ä* и **a*, сингармонической характеристикой корня и передним/задним рядом гласного второго слога — хотя эта корреляция далека от абсолютной, а в ряде случаев второго слога вовсе нет.

Что же касается ненецкого и энецкого, в которых ассимиляции **ä* и **a* гласному второго слога не произошло, они в этом отношении обнаруживают нехарактерную для себя архаичность.

Благодарности

Автор признателен О. В. Ханиной, А. Ю. Урманчиевой и А. Б. Шлуинскому за возможность пользоваться их полевыми материалами, а А. Ю. Урманчиевой также за замечания к тексту статьи. Публикация подготовлена в рамках исследовательской Программы Академий, совместно финансируемой Федеральным правительством Германии и Федеральными землями, при участии Федерального министерства образования и научных исследований и Вольного и ганзейского города Гамбурга. Программа Академий координируется Союзом Академий наук Германии.

Литература

- Aikio, Ante 2002. New and Old Samoyed Etymologies. *FUF* 57: 9–57.
- Aikio, Ante 2006. New and Old Samoyed Etymologies (Part 2). *FUF* 59: 9–34.
- Aikio Ms. — Luobbal Sámmol Sámmol Änte (Ante Aikio). Uralic Etymological Dictionary (draft version of entries A–Ć) (opened for comments and discussion on <academia.edu>, 1/17/2020).
- Alatalo, Jarmo 2004. *Sölkupisches Wörterbuch*. Helsinki: Finnisch-ugrische Gesellschaft.
- Brykina, Maria, Valentin Gusev, Sándor Szeverényi, Beáta Wagner-Nagy 2018. Nganasan Spoken Language Corpus (NSLC). Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 0.2. Publication date 2018-06-12. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8>.
- Castrén, M. A. 1855. *Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen*. Sankt-Petersburg.
- Donner, Kai, A. J. Joki 1944. *Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik*. Helsinki: Suomalais-urğilainen seura.
- Helinski, Eugen 2005. The 13th Proto-Samoyedic vowel. In: B. Wagner-Nagy (ed.): *Mikola-konferencia 2004*. Szeged: SzTE Department of finnougistics, 15–26.
- Janhunen, Juha 1975–1976. Adalékok az északi-szamojéd hangtörténethez: vokalizmus. Az első szótagi magánhangzók. *Néprajz és nyelvtudomány*. 19–20: 165–188.
- Janhunen, Juha 1998. Samoyedic. In: D. Abondolo (ed.). *The Uralic languages*. London and New York: Routledge, 457–479.
- Janhunen, Juha 2012. Etymological and ethnohistorical aspects of the Yenisei. *Studia Etymologica Cracovensia*. 17: 67–87.
- L — Lehtisalo, Toivo 1956. *Juraksamojedisches Wörterbuch*. Helsinki.
- MS = Helinski, Eugen 1997. *Die matorische Sprache. Wörterverzeichnis. Grundzüge der Grammatik. Sprachgeschichte*. Unter Mitarbeit von Beáta Nagy. Szeged.
- Salminen, Tapani 1998. *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. Helsinki.
- Salminen, Tapani 2012. Traces of Proto-Samoyed vowel contrasts in Nenets. In: *Per Urales ad Orientem: Iter polyphonicum multilingue*. (SUST 264.) Helsinki, 339–358.
- SW — Janhunen, Juha 1977. *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien*. Helsinki.
- Wagner-Nagy, Beáta 2019. *A Grammar of Nganasan*. Leiden; Boston: Brill.
- Аникин, А. Е., Е. А. Хелимский 2007. *Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи*. М.: Языки славянской культуры.
- АУ — дополнения А. Ю. Урманчиевой по лесному диалекту к материалам Е. А. Хелимского (ХелЭн).

- Бармич М. Я., Вэлло И. А. 2002. *Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект)*. 2-е изд. Санкт-Петербург.
- Ириков, С. И. 1988. *Словарь селькупско-русский и русско-селькупский*. Ленинград: Просвещение.
- Попова Я. Н. 1978. *Ненецко-русский словарь. Лесное наречие*. Szeged.
- Терещенко, Н. М. 1965. *Ненецко-русский словарь*. Москва.
- Хелимский, Е. А. 1992–1993. Etymologica 49–79. Материалы по этимологии маторско-тайгийско-карагасского языка. *Nyelvtudományi Közlemények*. 93: 101–123.
- Хелимский, Е. А. 1994. Очерк морфонологии и словоизменительной морфологии нганасанского языка. *Таймырский этнолингвистический сборник*. М.: РГГУ, 190–221.
- Хелимский Е. А. 2000/1993. Прасамодийские *э и *э̃: прауральские источники и нганасанские рефлексы. Хелимский Е. А. *Компаративистика. Уралистика. Лекции и статьи*. Москва: Языки русской культуры, 196–201 (первая публикация: Hajdú Péter 70 éves. Budapest, 1993, 125–133),
- ХелНган — Хелимский, Е. А. Словарные материалы по нганасанскому языку. Рукопись.
- ХелЭн — Хелимский, Е. А. Словарные материалы по энецкому языку. Рукопись.

К вопросу о ранних контактах между самодийскими языками: заметки об истории нган. *колиин*

Кайсла Кахейнен

Helsingin yliopisto

Введение¹

Распад прасамодийской языковой общности — один из важнейших вопросов лингвистической предыстории самодийских языков, над которым работал Е. А. Хелимский (см., например, Хелимский 2000 [1989]). Следуя традиционным представлениям об истории самодийских языков, он полагал (там же: 22–23), что так называемые северосамодийские языки — нганасанский, ненецкие и энецкие — составляют историко-лингвистическое подразделение самодийских языков, развившееся из единого северосамодийского праязыка (прасеверосамодийский, или ПСС).

Историческая реальность этого подразделения ставится под сомнение, поскольку затруднительно показать яркие общие фонологические изменения и изоглоссы, отделяющие северные самодийские языки от южных (см. Salminen 2002). Современная лингвогеографическая карта самодийских языков не обязательно сохраняет древнее диалектное членение прасамодийского. Можно с достаточным основанием предполагать, что грамматические и лексические сходства между северными самодийскими языками являются результатом более поздних контактов. Таким образом, имеется альтернативный вариант истории распада самодийских языков, согласно которому именно нганасанский был первым отделившимся от прасамодийской языковой общности диалектом (Janhunen 1997: 459).

В настоящей статье мы исходим из того, что деление самодийских языков на северную и южную группу является скорее географическим, нежели историко-лингвистическим фактом, хотя проблему распада прасамодийского языка нельзя считать вполне решенной. Решение этого вопроса требует более точных данных об истории самодийских языков и формировании различных изоглосс накануне рас-

¹ Автор благодарит Т. Салминена, Ю. Янхунена и В. Ю. Гусева за ряд ценных комментариев по исторической фонологии самодийских языков и по другим вопросам, связанным с темой статьи.

пада прасамодийского, а также о контактах между уже разошедшимися самодийскими диалектами. Известно, что в течение XVII–XX вв. на Нижнем Енисее имели место более или менее интенсивные контакты между различными самодийскоязычными группами (Khanina & Meyerhoff 2018; Khanina, Koryakov & Shluinsky 2018; Ханина 2019), однако лингвистические следы этих контактов пока еще остаются слабо изученными. Надо отметить один пример, весьма наглядно иллюстрирующий заимствование из нганасанского в энецкий, а именно, самоназвание тундровых энцев *somatu*, которое, как показал Е. А. Хелимский (2000 [1981]: 82–84), заимствовано из нганасанского *səmaʔtu* ‘тундровый энец’ (букв. ‘имеющий шапку’), что изначально является калькой названия энецкого рода *Soeta*.

Есть основания полагать, что значительная часть лексических заимствований между нганасанским и другими северными самодийскими языками является довольно поздней, то есть относится к тому времени, когда взаимовлияние и брачно-родственные связи между соседними народностями стали более частыми. Можно было бы ожидать, что эти заимствования, подобно вышеуказанному *somatu*, отражают фонетические изменения, характерные именно для одного из нынешних самодийских языков. Что касается пласта более древних заимствований, то их язык-источник был фонетически довольно близок к прасамодийскому, вследствие чего оказывается затруднительным идентифицировать точный этимон заимствования и тем более с уверенностью различать ранние заимствования и слова, прямо восходящие к прасамодийскому. Таким образом, в данной статье стоит рассмотреть отдельные слова, которые из-за наличия этимологических дублетов необходимо считать заимствованными в нганасанский из других самодийских языков (диалектов) на очень ранней стадии их самостоятельного развития. Следует также обратиться к судьбе ПС *j в нганасанском, поскольку интервокальный *j образует одну из наиболее важных изоглосс, различающих нганасанский и другие самодийские языки.

2. Материалы

В статье используются материалы из словарей самодийских языков, а также неопубликованные словарные материалы: списки энецких и нганасанских слов, собранных Е. А. Хелимским (NgSl и EnSl) и список автора данной статьи, состоящий из слов нганасанского корпуса Гамбургского университета NSLC 2.0 (Brykina и др. 2018), цитируемый как Ng20. Слова цитируются в орфографии источника, а материалы тундрового ненецкого нормализованы вслед за Салминым (Salminen 1998). Прасамодийские реконструкции из SW уточнены и дополнены с учетом более поздних соображений, особенно в отношении вокализма (Helimski 2005; Salminen 2012).

3. Прасамодийский *j — краткий исторический очерк

Для обоснования приводимых ниже лексических сравнений следует уточнить судьбу ПС *j в нганасанском. По данным сравнительно-исторических исследований этот звук происходит из следующих основных источников: унаследованный из ПУ *j, а также *δ, *l и *lk, которые совпали с *j (см. Lehtisalo 1959). В отдельных самодийских языках *j развивался по-разному, что видно из обсуждения Т. Миколы (Mikola 2004) и ясно следует из реконструкций Ю. Янхунена (SW). Однако некоторые детали развития нганасанских рефлексов требуют замечаний, особенно с учетом тематики данной статьи.

3.1. Начальный и интервокальный *j

В абсолютном анлауте ПС *j во всех самодийских языках за исключением тундрового ненецкого имеет тенденцию к усилению. В селькупском, как и в камасинском и маторском, ему соответствует аффриката или мягкий взрывной согласный, ср. сельк. А 1484 *śacčā* ‘werfen, schießen’ (<ć> [t ~ dš ~ tš]) ~ км D *d’ziǰall’zm* ‘ich schieße’ ~ мт Н97 230 *čida* ‘schießen’ < PS *jācā- ‘тж’>. В современных энецком и нганасанском ПС *j- часто соответствует d’- (в стандартной орфографии <đ> перед передними гласными), ср. *jācā- > нг КМЖ *дитудя* ‘выстрелить; попасть в цель’ ~ эн Т EnSl *d’edus* ‘«все расстрелить», убить наповал’, однако в нганасанском j как в начальной, так и в интервокальной позиции свободно варьируется с d’, лишь с незначительными различиями по диалектам (Helinski 1997b: 481). Варьирование <j> ~ <d’> обнаруживается уже в энецких и нганасанских материалах XVIII–XIX вв.: у Кастрена (Castrén 1855) фигурирует только <j>, но в более ранних записях Миллера XVIII в. встречается и <d’> (ср. Гусев 2020: 12). Только в тундровом ненецком, как сказано выше, прасамодийский начальный *j неизменно сохраняется, и ПС *jācā- дает ненТ Т65 *йда(св)* (*yāda*) ‘застрелить’.

Между гласными ПС *j хорошо сохраняется в ненецких и селькупском языках, на основе которых его можно реконструировать довольно достоверно: например, ПС *ājā ‘Fleisch, Körper’ > нен Т Т65 *ная* (*ṇaya*) ‘кожа (человека); тело’, сельк. А162 *uācā* ‘Fleisch’; ПС *sājā ‘Hertz’ > нен Т Т65 *сей* (*syey*) ‘сердце; середина’; сельк. А2555 *śīcā* ‘Herz’.

О нганасанских рефлексах интервокального *j Микола (Mikola 2004: 80) пишет: «Die Glide-Konsonanten wurden — ähnlich wie im Enzischen — nicht nur im Wortanlaut, sondern auch im Wortinneren stärker: *w > b, *j > d’». В качестве доказательства там же приводится нг (КМЖ) *ходеа* ‘кривой’ < ПС *pājā ‘schief’ (нганасанское слово является адъективным дериватом с суффиксом -а, о котором см. ниже). Однако именно это слово оказывается исключением из общего правила фонетического развития ПС *VjV > нг VV, а именно исчезновения интервокального *j в нганасан-

ском и последующего образования новых последовательностей гласных в дополнение к тем, которые происходят из прасамодийского. Доказательством исчезновения ПС интервокального **j* служит целый ряд лексем с развитием **j* > $\emptyset$ в нганасанском, всего 14 от 15 слов в SW, имеющих соответствующие примеры в нганасанском, в частности:

ПС **kājā* ‘Sonne’ > нг КМЖ *коу* ‘солнце, солнечный’ ~ нен Т Т65 (дрв.) *хаер*” (*хayer°q*) ‘солнце’ ~ сельк А 2054 *kuācā* ‘Hitze’;

ПС **sejā* ‘versinken’ > нг КМЖ *сыэдэ* (*сыэ-; prf.3sg сыы”э*) ‘утонуть’ ~ нен Т Т65 *сэя(сэ)* (*seyā*) ‘погрузиться в воду; утонуть, затонуть; скрыться из виду’;

ПС **sājā* ‘Herz’ > нг КМЖ *сээ* ‘сердце’ ~ нен Т Т65 *сей* (*seyu*) ‘сердце; ередина’ ~ сельк А 2555 *sīcā* ‘Herz’;

ПС **mājā* ‘Erde, Gelände’ > нг КМЖ *моу* ‘земля; страна’ ~ сельк А 799 *тацэ* ‘Wald(rucken)’.

Таким образом, утверждение Миколы (Mikola 2004: 80) о сохранении прасамодийского **j* между гласными в нганасанском является ошибочным.

3.2. Ауслаутный **j* в словах типа **CVVj*

В конце слова ПС **-j* в нганасанском сохраняется, а в генитиве и аккузативе слов с конечным **-j*, оказываясь перед эпентетическим гласным в интервокальной позиции, закономерно выпадает: нг КМЖ *бигаи* : ген./акк. *бикаа* ‘река’; *туй* : *туу* ‘огонь’ и т. д. Исчезновение интервокального **j* — обособленное фонетическое изменение, не связанное с чередованием согласных — по крайней мере, с фонологизацией чередования *s : d’* и *ś : d’*, иначе ожидалось бы формы с чередованием *s, ś : ∅*. В аккузативе этих слов часто реконструируют формы **bikaja-m*, **tuju-m*, где вследствие выпадения **j* появляются **bikaa-m*, **tuu-m*, а затем, после исчезновения аккузативного суффикса, появляются современные формы *bikaa*, *tuu* (Varnai 2002: 50–51).

Следует обратить внимание на небольшую группу слов, реконструированных в SW в виде **CVVj*. Не считая глаголов, группа включает семь слов, все они имеют нганасанские рефлексy. Часть этих слов обнаруживает в современном нганасанском неожиданное развитие, как будто сохраняя **j* даже в интервокальном положении: речь идет о формах косвенных падежей, иногда и о номинативе. Сохранение интервокального **j* в этих словах может объясняться наличием последовательности двух гласных перед **j*. Представляется, что стремление избежать формирования последовательности трех гласных и вызывает необычное сохранение ПС **j*. Однако такое сохранение обнаружено не во всех словах этого типа в SW, поэтому надо пересматривать некоторые детали реконструкции. Для иллюстрации проблемы перечислим здесь все слов типа **CVVj* в SW:

*keəj 'Zunge' > нг КМЖ *сиэде*, Рх.3sg -*мы* 'язык' ~ эн Т EnSl *si?oro* ~ нен Л L56 *šie* ~ *šē* ~ сельк. А 2420 *šē* ~ км дрв. D *šəkə* ~ *šəkə* ~ мт Н97 450 *kEj* (?*kāj* ~ ?*kēj* ~ ?*kij*);

*koəj 'Birke' > КМЖ *күо*, Рх.3sg -*эу* 'берёза', эн Т EnSl *kua* ~ эн Л СБ *ко* 'тж' ~ Т65 *хо* 'тж' ~ нен Л L56 *ko* 'Birke' ~ сельк А 1772 *куэ* 'тж' ~ км D *куиш* ~ *коиш* 'тж' ~ мт Н97 565 *kua*, *kuga* 'тж';

*roəj 'Jahr' > КМЖ *хүо*, Рх.3sg -*эу* 'год; возраст' ~ эн Т EnSl *pua* ~ *pue*, 'год' ~ эн Л СБ *пэа* 'тж' ~ нен Т Т65 *по* (*ро*) 'тж' ~ нен Л L56 *pō* Lj Nj *pou* 'Jahr' ~ сельк. А 371 *ро* 'тж' ~ км D *р'је* 'тж' ~ мт Н97 252 *hā* 'тж';

*puəj- 'Knie' > дрв. КМЖ *хəагай*, Рх.3sg -*чу* 'колени' ~ эн Т EnSl *puose* 'тж' ~ эн Л СБ *посе* 'тж' ~ нен Т Т65 *пулы* (*puli*) 'анат. колени' ~ не Л L56 Nj *pūrrj* Р *pūllj* 'Knie' ~ сельк. А 701 *pūla* 'тж' ~ мт Н97 315 *həŋoj* 'Knie, Schienbein';

*tuəj 'Feder, Flügel' > КМЖ *чуо*, Рх.3sg -*эу* 'крыло' ~ эн Т EnSl *tua* ~ *tue* 'тж' ~ эн Л СБ *то* 'тж' ~ нен Т Т65 *то* ~ нен Л L56 *tō* 'Feder (des Vogels); Flugel' ~ сельк. А 940 *tū* 'Feder, Flosse, Baumnadel' ~ мт Н97 1070 *tua*, *tuga*, (? *toga*) 'Feder, Flugel';

*tuəj 'Ärmel' > КМЖ *чиуде*, Рх.3sg -*мы* 'рукав (одежды)' ~ эн Т EnSl *tiojo* ~ *t'ejo*, *čejo* (? *t'iejo*) 'рукав' ~ эн Л СБ *чей* 'тж' ~ нен Т Т65 *тю* (*tyu*) 'рукав (одежды)' ~ нен Л L56 Р *t'sū* Kis. *t'sū* 'Ärmel' ~ сельк А 1129 *tūnaŋ/tunaŋ* 'тж' ~ км D *ту* 'тж';

*woəj 'Insel' > нг *нүай* : Gen.Sg *нүаде*, Рх.3sg -*чу* 'остров' ~ эн Т EnSl *нүе* ~ *nui* (? *nue*) 'тж' ~ эн Л СБ *нуй* 'тж' ~ нен Т Т65 *но* 'тж' ~ нен Л L56 *ηō* 'Insel' ~ сельк. А 1743 *ко* 'Insel, Hugel' ~ Мт Н97 793 *ō* (? *o*) 'Insel'.

Почти все указанные выше слова обнаруживают иррегулярности развития в одном или двух рефлексах или оказываются дериватами в современных языках, что осложняет изучение их истории.

Сосредоточимся на нганасанских рефлексах, которые можно подразделить на три группы:

1) слова, сохраняющие ПС **j* в ауслаутной позиции, а также в падежных формах, где не происходило выпадения **j* перед эпентетическим гласным в генитиве и аккузативе, а в современном языке **j* отражается в виде *d'* ~ *j*. Среди реконструкций в SW можно найти только одно слово, входящее в эту группу: *нүай* : Gen.Sg *нүаде* : Gen.Pl 'остров';

2) слова, сохраняющие ПС **j* между гласными с основой косвенных падежей, обобщенной в номинативе. Эта группа включает всего два слова из SW: *keəj > нг КМЖ *сиэде* 'язык' и *tuəj > КМЖ *чиуде* 'рукав одежды';

3) Слова, утратившие **j* и (почти) все следы его существования в нганасанском. Эта группа содержит слова *koəj > *күо* 'берёза', *roəj > *хүо* 'год, возраст' и *tuəj > *чуо* 'крыло'. Следы **j* в словах этой группы не обнаружены даже в форме с посесивным суффиксом третьего лица, где обнаруживается -*эу* вместе ожидаемого -*чу* (см. выше примеры).

Входящее в первую группу слово *нүай* является уникальным по своему склонению среди нганасанских существительных. Нам удалось найти лишь одно слово с похожим, хотя и не идентичным, склонением: КМЖ *хуой* : GenSg *хуоне* : Gen.Pl *хуони*”: 3sg.Px -чу ‘граница, место соединения чего-л.’, образовано от КМЖ *хуо* ‘позади, сзади; потом, после, впоследствии’ < **puə* ‘das Hintere’ (SW). Может быть, *хуой* и *нүай* оказались под аналогическим влиянием большой группы слов, основа косвенных падежей которых образуется с -*n*-, например КМЖ *тала* : Gen.Sg *таланэ* : 3sg.Px -*ту* ‘счастье, удача’.

Есть основания полагать, что реконструкция ПС **tuəj* > нг *чуо* ‘крыло’ основывается на устаревших представлениях об огубленных гласных непервых слогов (см. Salminen 2012) или на сравнении ПС **tuəj* с уральским **tulka* > фин. *sulka* ‘перо’ (UEW 535). Рефлексы современных самодийских языков поддерживают скорее реконструкцию без ауслаутного **j*, которую дает Е.А. Хелимский в своей работе над маторским материалом, а именно, **tua* (Helinski 1997a: 367). Что касается остальных слов третьей группы — **koəj* > *күо* ‘берёза’, **roəj* > *хүо* ‘год, возраст’, то здесь ситуация менее очевидная. Если следовать Т. Миколу, то реконструкция с **-j* в этих словах поддерживается появлением гласной переднего ряда в нганасанском: **-j* мог оказаться вследствие метатезы в интервокальном положении и исчезнуть, оставив в первом слоге *й* вместо ожидаемого **u* (Mikola 2004: 77). В таком случае приходится, конечно, считать метатезу уникальным нганасанским изменением уже после распада прасамодийского: ПС **koəj* > (?) ранне-нг **kojə* > нг *küə*; **roəj* > **rojə* > *hüə*.

Реконструкции Е. А. Хелимского исходят из иных представлений о развитии указанных слов в нганасанском. Вместо **koəj* и **roəj* он реконструирует **kua* и **rua* (Helinski 1997a: 289; 239). Поскольку реконструкции с **j* в этих двух словах поддерживаются только нганасанским *й* первого слога, реконструкция Е.А. Хелимского представляется более правдоподобной, нежели предложение о спорадической метатезе в двух словах. Подобным образом, вместо **puəj*- и **woəj* Хелимский дает реконструкции без **-j*: **poa* ~ **rua* и **woə* ~ **oə* (Helinski 1997a: 239, 324). О случае **puəj*-/ **poa* ~ **rua* трудно судить, опираясь только на нганасанское слово, потому что оно известно лишь с суффиксальным элементом -*ga*: КМЖ *хəагай* ‘колено’ (однако долгий гласный тундрового ненецкого *pūli* поддерживает реконструкцию **-j*). Что касается **woəj*/**woə* ~ **oə*, то реконструкция Хелимского очевидным образом основывается на том, что в самодийских языках (кроме нганасанского) следов этого слова почти нет (ср. однако эн Т, EnSl *hui*). В таком случае нг *j* надо бы считать суффиксом, как и в слове *хуой* (см. выше).

Е. А. Хелимский не считал слова типа *CVVj невозможными для прасамодийского; его реконструкция для название березы **keəj* почти идентична предлагаемой в SW (Helinski 1997a: 271). Кроме того, он предложил отсутствующую в SW реконструкцию **juəj* ‘Fischwehr’ (Helinski 1997a: 236). Альтернативу для **tuəj* нам

найти не удалось; слово не обнаружено в маторском. Что кажется **juəj*, в SW представлен только глагол **juə-* ‘огораживать, запрудить’. Существительное **juəj* ‘запор (для ловли рыбы)’ кажется образованным от глагола **juə-*, что свидетельствует в пользу предположения о суффиксальности нг *j* в склонении *-j* : *-d’ə*. Однако здесь, согласно Хелимскому, ауслаутный **-j* восходит к прасамодийскому, как показывает, например, матор. *čuj* ‘Fischwehr’ (Helimski 1997a: 271). В современном нганасанском слово известно также с другими суффиксами: Ng20 *d’uəti* ‘загородка’; КМЖ *дюолир* ‘забор, ограда; преграда’. В материалах Кастрена фигурирует исходная форма *juai* ‘Zaun; Verschanzung, die früher um das Zelt gegen die Juraken stattfand’. Хотя Кастрен, к сожалению, не дает формы генитива или формы с поссесивным суффиксом третьего лица, есть причина полагать, что *juai* принадлежит скорее к первой группе вместе с *нуай*, нежели к второй с *сиэде* и *чииде* (иначе у Кастрена фигурировало бы **juaja*). Таким образом, хотя было бы необходимо считать склонение *-j* : *-d’ə* специфическим для слов, образованных с суффиксом *-j*, сам этот суффикс не может быть чисто нганасанской инновацией.

Ряд вопросов, касающихся развития слов типа **CVVj* в нганасанском и других самодийских языках, не могут быть окончательно решены в рамках настоящей статьи. Множество слов типа **CVVj* показывают нерегулярное развитие в одном или двух языках-потомках прасамодийского. Объяснением может служить нестабильность ПС **j* и последовательностей гласных или сокращение исходных уральских слов в результате закономерных фонетических изменений, что обусловило потребность добавлять к слову словообразовательные суффиксы или использовать сложные слова вместо одноморфемных слов. Выпадение **j* могло бы привести к омонимии, которой носители различных диалектов прасамодийского стремились избежать, что приводило к различным результатам.

Возможно, различие между словами с современным нганасанским колебанием *-j* : *-d’ə* и без него на уровне праязыка еще не существовало, и лишь в (ранне-)нганасанском в части этих слов возникла форма номинатива, обобщенная из формы косвенных падежей, некоторые же другие сохранили оригинальное склонение с эпентетическим гласным. К последней группе может восходить также **koəjə* ‘гора, высокий водораздел, (горная) тундра’ (Аникин & Хелимский 2007: 105–06) > Ng20 *kuəd’ə* ‘горный хребет’, которое, согласно той же публикации (Там же), заимствовано из т.-ма. **hōj* ‘тундра’. Рамки данной статьи не позволяют расширять обсуждение этимологических возможностей, но можно думать, что слова, принадлежащие к типу **CVVj*, вероятно, происходят из различных источников. Необычное развитие в словах с последовательностью «гласный + ауслаутный **-j*» началось еще накануне распада самодийского праязыка, поэтому часто наблюдается параллельное развитие и различные суффиксы при одних и тех же основах в двух или трех современных самодийских языках, но не обнаруживаются ясные изоглоссы, отделяющие одну часть самодийских языков от другой.

Что касается нганасанских слов, не имеющих параллелей кроме самодийских, возможно предполагать их субстратное происхождение. Наиболее вероятно, что большая часть прасамодийской лексики, не имеющая соответствий в других уральских или иных известных нам языках, заимствована из исчезнувших языков Средней Сибири, оказавших влияние на прасамодийский в качестве субстратного пласта лексики (Хелимский 2000 [1989]: 23–25). Среди интересующих нас слов на статус субстратного особенно претендует ПС **woǝj* ‘остров’, демонстрирующее нерегулярности в развитии не только ауслаутного **-j*, но и начального согласного. Ср., например, сельк. А 1743 *ko* ‘Insel, Hugel’, с учетом которого реконструируется анлаутный **w-*, хотя формы северных самодийских языков требовали бы **oǝj*. Можно предполагать, что это слово было заимствовано уже в отдельные диалекты распадавшегося прасамодийского. Аналогичное развитие можно усмотреть в субстратном пласте саамского лексикона, сложившемся после прасаамского периода и обнаруживающем нерегулярные соответствия между современными саамскими языками (Aikio 2004). По поводу **woǝj* стоит добавить, что значение ‘остров’ также характерно для субстратной лексики, отражающей окружающую природу (Salmons 1992).

Остается вопрос о происхождении нг *ходеа* ‘кривой’, известного, видимо, только в нганасанском. С точки зрения современного нганасанского языка исчезновение *d'* привело бы к появлению запрещенной последовательности трех гласных; но чтобы это могло служить объяснением сохранения **-j*, добавлению адъективного суффикса к слову должно предшествовать исчезновение **-j*. Адъективный суффикс в самом деле восходит к ПС **-jə*, что позволяет предложить реконструкцию **rǝjǝjǝ*, ср. **ānā-* ‘правда’ → **ānǝjǝ* ‘правильный, настоящий’ > нг Ng20 *ḡaniḡ* ‘настоящий’ ~ нен Т Т65 *ненэй* (*нуепеу*) ‘настоящий, подлинный’. Выпадение обоих **j* в **rǝjǝjǝ* давало бы запрещенную последовательность трех гласных, вследствие чего интервокальный **j* в корне нганасанского рефлекса сохранился. Кажется, это не единственное слово, где сохранение прасамодийского **j* объясняется адъективным суффиксом; нг КМЖ *хүдюо* ‘морда, рыло; клюв’ отражает параллельное развитие < **riǝjǝ-jǝ* (см. SW **riǝjǝ* ~ **riǝjǝ* ‘Nase’) — ср. также КМЖ *муде* ‘сук, ветка, ветвь дерева’ < **moǝ-jǝ* (SW **mo* (? **moǝ*) ‘Ast’), где **j* сохраняется в начале суффикса из-за того, что в корне слова уже есть последовательность двух гласных.

В разделе 4 обсуждается один случай, где слово, содержащее *d'* < ПС **j*, необходимо считать заимствованным, исходя из других фонетических и лексических данных. Речь пойдет о нганасанском названии мамонта.

4. Нганасанское название мамонта

У народов Сибири существуют многообразные мифологические представления о мамонте, известном им по останкам исчезнувшего зверя — костям и бивням,

широко распространенным на Севере Евразии (см. Janhunen 2011: 197–201). В языках Евразии тоже фигурируют различные названия мамонта с интересной историей. Русское слово *мамонт* происходит из мансийского словосложения с буквальным значением ‘земляной рог’, как показал Е. А. Хелимский (2000 [1990]: 353–354). Здесь мы сосредоточимся на самодийских названиях мамонта и будем опираться по большей части на указанную статью Ю. Янхунена (Janhunen 2011), но некоторые этимологические детали требуют пересмотра.

Предложенный выше очерк истории прасамодийского интервокального **j* необходим для уточнения этимологии нганасанского слова или группы слов, восходящих к ПС **kālājēŋ* ‘мамонт/кит’ (**kalay(ə)ŋg* (нен Т, ненЛ) ~ **kalVyə* (эн Т, нг) согласно Janhunen 2011: 207). Исходное значение слова могло быть ‘кит’ или ‘мамонт’. Семантическое изменение ‘мамонт’ → ‘кит’ или обратное приемлемо (Janhunen 2011: 207–208). В свете новых данных о нганасанских рефлексах слова предполагается новая реконструкция **kālājēŋ* ‘мамонт / кит’, а также более точное описание его истории и развития. Представляется, что это интересное слово существенно для датировки выпадения интервокального **j* в нганасанском и древнейших контактов между самодийскими языками.

В ненецких языках рефлекс этого слова имеют значение ‘кит’: нен Т Т65 *халэ’(н)* (*xaleh*) ~ не Л *kaalae(ng)* (Lehtisalo 1956: 165, цит. по Janhunen 2011: 207). Праненецкая форма, реконструируема Ю. Янхуненом в виде **kalay(ə)ŋg* (там же), соответствует энецкой: эн Т EnSl *karia* ~ *karii* ‘мамонт’. Проблематичным для общесамодийской реконструкции Ю. Янхунен считает нганасанское слово Ng20 *kalad’ə* ‘мамонт’, которое, судя по гласной первого слога, не могло происходить прямо из того же слова, что и ненецкие рефлексy (Janhunen 2011: 203; 207–208). Для энецкой и нганасанской форм Янхунен предлагает реконструкцию **kalVyə*, хотя и замечает, что нганасанскую лексему следует считать заимствованной из праэнецкого (там же, с. 203). Заимствованное происхождение нг *kalad’ə* бесспорно, но представляется, что здесь нельзя не отметить также другое нганасанское слово, а именно, КМЖ *колииң* ‘кит, белуха’, более точно соответствующее словам других самодийских языков². Тем не менее, нг *колииң* восходит непосредственно к ПС **kalVjēŋ* (**kalējēŋ* ~ **kalājēŋ*), вследствие чего реконструировать две отдельные праформы нельзя.

Непосредственный этимон нганасанского заимствования определить труднее. Возможным источником надо считать (пра)энецкий, но современные формы эн Т *karia* ~ нг *kalad’ə* фонетически настолько далеки друг от друга, что время заимствования вряд ли было очень поздним. Если считать, что название мамонта в нганасанском происходит из праэнецкого, исчезновение ПС **j* в нганасанском надо рас-

² Т. Салминен, личное сообщение 14.1 2020; в особенности о соответствии нг *kol’iij* ~ нен Т *xaleh*.

ценивать как самостоятельный процесс, не связанный прямо с аналогичным явлением в энецком. Кроме того, есть основания полагать, что развитие в энецком имело место позднее, нежели в нганасанском. Конечно, пример с одним словом нельзя считать достаточным для определения относительной хронологии фонетических изменений. Однако, в нганасанском существует еще третий вариант слова, NgSl *kalanu* ‘мамонт (животное)’ (в текстах также *kalanə* ~ *kalanə*³), который с учетом вокализма тоже выглядит заимствованным. Правда, его отношение к указанным вариантам того же слова не очень ясно. Носовой согласный, очевидно, оказался в инлауте вследствие метатезы, но конечный гласный заднего ряда остается для автора данной статьи загадкой.

Итак, можно предполагать, что нен Т *xaleh* ‘кит’ ~ нен Л *kaalae(ng)* ‘тж’ ~ нг *kol’iin* ‘тж’ ~ эн Т *karia* ‘мамонт’ происходят непосредственно из прасамодийского, кроме того, нганасанский дважды заимствовал то же слово из соседнего языка. Семантика заимствований в сравнении с семантикой исконного рефлекса ещё более явно подчеркивает связь значений ‘мамонт’ и ‘кит’. Следует также ещё раз обратить внимание на сходство **kālājəŋ* и ПС **kālā* ‘рыба’ (> ср. нг КМЖ *колы* ~ нен Т Т65 *халя* (*xalya*) ~ эн Т EnSl *kare*), которое отмечено и Ю. Янхуненом (Janhunen 2011: 217). Янхунен не считает сходство этих слов достаточно весомым доказательством происхождения **kālājəŋ* от **kālā*, потому что современные ненцы не смешивают и не связывают значения ‘кит’ и ‘рыба’. Однако нганасанский рефлекс, т. е. *kol’iin*, согласно КМЖ, имеет не только значение ‘кит, белуха’, но и ‘таймень’⁴. В материалах автора статьи имеется форма *kol’iiniŋā* ‘большая рыба’, образованная с помощью аугментативного суффикса.

По-видимому, значения ‘кит’ и ‘большая рыба’ могут всё-таки смешиваться, вследствие чего этимологическая связь **kālājəŋ* и **kālā* кажется более правдоподобной. Разумеется, тогда нам надо предполагать деривацию **kālVjəŋ* (вероятно, **kālājəŋ*) из **kālā* с помощью словообразовательных суффиксов. Окончание слова *-iin* напоминает нганасанский суффикс *-iin*, образующий женские имена от названий родов, а также некоторые имена существительные, характерные для женщин: *D’emn’iin*, *N’ejm’iin*; Ng20 *ηəδəiŋiŋā* ‘женщина-шаманка’ (с аугментативным суффиксом); Ng20 *n’aad’iin* ‘нганасанка’⁵ ~ нен Т Т65 *Bəpəy* ‘женщина из рода *Bəpə*’; *Пясыды* ‘женщина из рода *Пясы*’ ~ эн Т *Bago* → *Bagoi*?, *Lodosede* → *Lodosedei*?, *somatu*

³ В. Ю. Гусев, личное сообщение 9.4.2021.

⁴ В словаре также отмечено значение ‘белуга’, но это ошибка: белуга — вид рыб, распространенный не на территории распространения самодийских языков, а в Черном, Каспийском и Азовском морях.

⁵ И в этом случае последовательность гласных в корне слова может объяснить сохранение **j* в **-jəŋ*.

‘энец-сомату’ → *somatui* ‘энка-сомату’, *l’uot’a* ‘русский’ → *l’uot’ai* ‘русская’ (Хелимский 2000 [1981]: 91). Фонетически представляется вполне возможным, что нг *kol’iiŋ* и его соотвествия в самодийских языках восходят к форме **kālājəŋ*, образованной от **kālā* ‘рыба’ с помощью суффикса названий женщин и женских имен, однако семантика комплекса вызывает некоторое сомнение. Почему древние самодийцы образовали бы название кита или мамонта именно с таким суффиксом? Существовало ли у них поверье о женском мифологическом персонаже, связанном с мамонтом? Подтверждение теории о такой мифологической «женщине-мамонте» требует более детального фольклористического исследования, чем возможно в рамках данной статьи.

5. Заключение

В настоящей статье представлены некоторые соображения по поводу группы слов, восходящих к ПС **kālVjəŋ* (**kālājəŋ* ~ **kāləjəŋ*) ‘кит/мамонт’. Нганасанские дублиеты *kalad’ə* и *kalaŋi* ~ *kalaŋə* ~ *kalaŋə* в сравнении с исходным рефлексом *kol’iiŋ* указывают на древнее заимствование из одного самодийского языка в другой после распада прасамодийской языковой общности. Время и источник заимствования пока не известны, но возможным источником является (ранне)праэнецкая форма, поскольку многие энецкие фонетические особенности в указанных словах не отражаются.

Выпадение ПС **j* между гласными (или фонетическое изменение **VjV > VV*) в нганасанском не осуществилось в полном объеме. Предложенный в настоящей статье анализ нганасанских рефлексов слов типа **CVVj* и некоторых отдельных примеров, а именно, нг *ходеə* ‘кривой’ и *n’aad’iŋ* ‘нганасанка’ показывает, что формирование запрещенных последовательностей трех гласных предотвращается сохранением *j* перед сочетанием двух гласных или после него. В этом отношении нганасанский отличается от энецких языков, особенно от тундрового энецкого, где исчезновение некоторых согласных ведет к появлению сочетания краткого и долгого гласного, которые в произношении реализуются как сверхдолгий гласный (равный трем морам, ср. Helimski 2000 [1984]: 42). По-видимому, после изменения **VjV > VV* (ранне)нганасанский заимствовал из родственных языков отдельные слова, сохраняющие интервокальный **j*, среди них *kalad’ə* ‘мамонт’. Таким образом, интервокальный **j* может служить доказательством интерференции между нганасанским и другими самодийскими языками в будущих исследованиях.

История самодийских языков была постоянной темой работ Е. А. Хелимского. Его труды освещают как фонетические особенности прасамодийского языка, так и формирование отдельных самодийских народностей, развитие их языков и языковые контакты. Исследование контактов между самодийскими языками после рас-

пада прасамодийского очень важно для определения их отношения к друг другу, но решение многих возникающих в этой связи проблем требует уточнения наших знаний о прасамодийском и о фонетических изменениях, характерных для его языков-потомков. Труды Е.А. Хелимского и его коллег являются опорой для дальнейших исследований истории самодийских языков.

Литература

- Аникин, А. Е., Е. А. Хелимский 2007. *Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи*. Москва: Языки славянской культуры.
- Гусев, В. Ю. 2020. Новые эвенкийско-самодийские этимологии. *Томский журнал ЛИНГ и АНТР* 28(2): 9–17.
- КМЖ = Костеркина, Н. Т., А. Ч. Момде, Т. Ю. Жданова 2001. *Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский*. Под. ред. В. Ю. Гусева. Санкт-Петербург: Просвещение.
- СБ = Сорокина, И. П., Д. С. Болина 2001. *Словарь энецко-русский и русско-энецкий*. Санкт-Петербург: Просвещение.
- Т65 = Терещенко, Н. М. 1965. *Ненецко-русский словарь*. Москва: Советская энциклопедия.
- Ханина, О. В. 2019. Практики многоязычия в низовьях Енисея: опыт социолингвистического описания ситуации в прошлом. *Томский ЛИНГ и АНТР* 1(23): 9–28.
- Хелимский, Е. А. 2000 [1981]. Этимологические заметки по энецкой ономастике. В: *Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи*. Москва: Языки русской культуры, 82–91.
- Хелимский, Е. А. 2000 [1989]. Самодийская лингвистическая реконструкция и праистория самодийцев. В: *Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи*. Москва: Языки русской культуры, 13–25.
- Хелимский, Е. А. 2000 [1990]. Rossica: Этимологические заметки. В: *Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи*. Москва: Языки русской культуры, 353–357.
- A = Alatalo, Jarmo 2004. *Sölkupisches Wörterbuch: aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo*. Zusammengestellt und herausgegeben von Jarmo Alatalo. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Aikio, Ante 2004. An Essay on substrate studies and the origin of Saami. In: Irma Hyvärinen, Petri Kallio & Jarmo Korhonen (eds.): *Etymologie, Entlehnungen und Entwicklungen: Festschrift für Jorma Koivulehto zum 70. Geburtstag*. (Mémoires de la Société Néophilologue de Helsinki 63.) Helsinki, 5–34.
- Brykina, Maria, Valentin Gusev, Sándor Szeverényi, Beáta Wagner-Nagy 2018. *Nganasan Spoken Language Corpus (NSLC)*. Version 0.2. Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8>
- Castrén, M. A. 1855. *Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen*. Hrsg. von Anton Schiefner. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.
- D = Donner, Kai 1944. *Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik*. Bearbeitet und herausgegeben von A. J. Joki. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae VIII.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- EnSl = Е. А. Хелимский: Энецкий словарь. Рукопись.

- H97 = Helimski, Eugene 1997a. *Die matorische Sprache. Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte*. Unter Mitarbeit von Beáta Nagy. Szeged: JATE Finnugor Tanszék.
- Helimski, Eugene 1997b. *Nganasan*. In: Daniel Abondolo (ed.): *The Uralic languages*. London— New York: Routledge, 480–515.
- Helimski, Eugene 2000 [1984]. Phonological and morphological properties of quantity in Samoyed. In: *Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи*. Москва: Языки русской культуры, 41–44.
- Helimski, Eugene 2005. The 13th Proto-Samoyedic vowel. In: Beáta Wagner-Nagy (ed.): *Mikola-konferencia 2004*. Szeged: SzTE Finnugor Tanszék, 27–39.
- Janhunen, Juha 1997. Samoyedic. In: Daniel Abondolo (ред.). *The Uralic languages*. London — New York: Routledge, 457–479.
- Janhunen, Juha 2011: Unicorn, mammoth, whale: mythological and etymological connections of zoonyms in North and East Asia. In: Toshiki Osada & Hitoshi Endo (eds.): *Linguistics, archaeology and the human past*. Kyoto: Reseach Institute for Humanity and Nature, 189–222.
- Khanina, Olesya, Yuri Koryakov, Andrei Shluinsky 2018. Enets in space and time: a case study in linguistic geography. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen* 42: 109–135.
- Khanina, Olesya, Miriam Meyerhoff 2018. A case-study in historical sociolinguistics beyond Europe: Reconstructing patterns of multilingualism in a linguistic community in Siberia. *Journal of historical sociolinguistics* 4(2): 221–251. <https://doi.org/10.1515/jhsl-2017-0016>
- Lehtisalo, Toivo 1956. *Juraksamojedisches Wörterbuch*. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XIII.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Lehtisalo, Toivo 1959. *lk:n edustuksesta samojedissa. *Virittäjä* 63(1-2B): 217.
- Mikola, Tibor 2004. *Studien zur Geschichte der samojedischen Sprachen*. Aus dem Nachlass hrsg. Beáta Wagner-Nagy. Szeged: SzTE Finnugor Tanszék.
- NgSl = E. A. Хелимский: Нганасанский словарь. Рукопись.
- Salminen, Tapani 1998. *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXVI.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Salminen, Tapani 2002. Problems in the taxonomy of the Uralic languages in the light of modern comparative studies. In: *Лингвистический беспредел: Сборник статей к 70-летию А. И. Кузнецовой*. Москва: Изд-во МГУ, 44–55.
- Salminen, Tapani 2012. *Traces of Proto-Samoyed vowel contrasts in Nenets*. In: Tiina Hyytiäinen, Lotta Jalava, Janne Saarikivi (eds.): *Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue. Festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 339–358.
- Salmons, Joe 1992. Indo-European and substrate languages in the West. *Archivio glottologico italiano* 77: 66–85
- SW = Janhunen, Juha 1977. *Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien*. (Castrenianumin toimitteita 17.) Helsinki.
- UEW = Rédei, Károly 1988–1991. *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Várnai, Zsuzsa 2002. Fonológia. In: Beáta Wagner-Nagy (szerk.): *Chrestomathia Nganasanica*. Szeged — Budapest: SzTE Finnugor Tanszék — MTA Nyelvtudományi Intézet. 33–69.

A history of Northern Samoyedic: adding details to the dialect continuum hypothesis¹

Olesya Khanina

University of Helsinki

Eugen Helimski pointed out a striking peculiarity in the historical development of Northern Samoyedic: never-ending contacts between various groups and thus a dialect continuum spanning their languages (Helimski 2000: 23, 29). My aim in this paper is to contribute to the solid establishment of this historical scenario by adding more geographic, sociolinguistic and linguistic details. I refer to some of these details in my previously published papers, but so far they remain scattered. I therefore intend here to synthesize them into a single whole, namely a history of Northern Samoyedic people. Sections of the paper summarize insights from several disciplines, all relevant to the dialect continuum scenario: geographic evidence from the last 400 years (Section 1), sociolinguistic evidence from the last 200 years (Section 2), evidence from unpublished manuscripts based on Samoyedic linguistic data from the 18th and 19th centuries (Section 3), and evidence from the history of reindeer herding (Section 4). Section 5 integrates all these approaches and offers some methodological conclusions.

1. Insights from geographic data from the last 400 years

First of all, more structured data on the previous geographic locations of some Northern Samoyedic speakers is now available. There are two types of data: first, the purely spatial, extracted from census records (1897 and 1926) and published ethnographic works by Boris Dolgikh and his younger colleagues (1.1), and second, geographic reconstructions based on linguistic premises, namely the analysis of some isoglosses (1.2).

¹ This paper would never have materialized without the contributions of my fellow researchers. My deepest thanks go to my dear co-authors Valentin Gusev, Yuri Koryakov, Johanna Nichols and Andrey Shluinsky (in alphabetical order). Your responses to my questions and your questioning of my work enabled me to turn this research project into reality. I am also grateful to the Kone Foundation (Finland) for their financial support.

1.1. The respective territories of Forest Enets and Tundra Enets

The locations of the two Enets groups over the past 400 years are refined in Khanina et al. (2018). Here I briefly summarize the findings that are relevant to the current discussion. Although the general north-eastern direction of migration among speakers of both Tundra Enets and Forest Enets is quite established in Samoyedic studies, significant new knowledge concerns the history of their shared territory. During the early 17th century they co-existed in what was quite a small area, limited to the lands immediately surrounding Mangazea (see Figure 1 based on Dolgikh, 1970).² However, in the 19th century, the winter territory of the Tundra Enets coincided fully with the all-year-round territory of the Forest Enets,

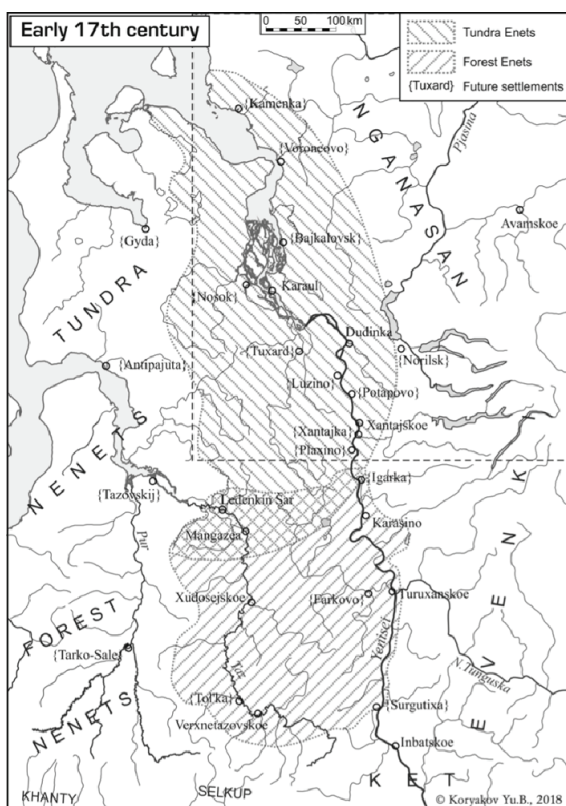

Figure 1. Forest Enets and Tundra Enets in the 17th century (Khanina et al. 2018: 113): the dotted rectangular section indicates the territory shown in Figure 2.

² An earlier map (Dolgikh, 1960) even shows no territorial intersection at all, with the Tundra Enets present only to the north of Mangazea.

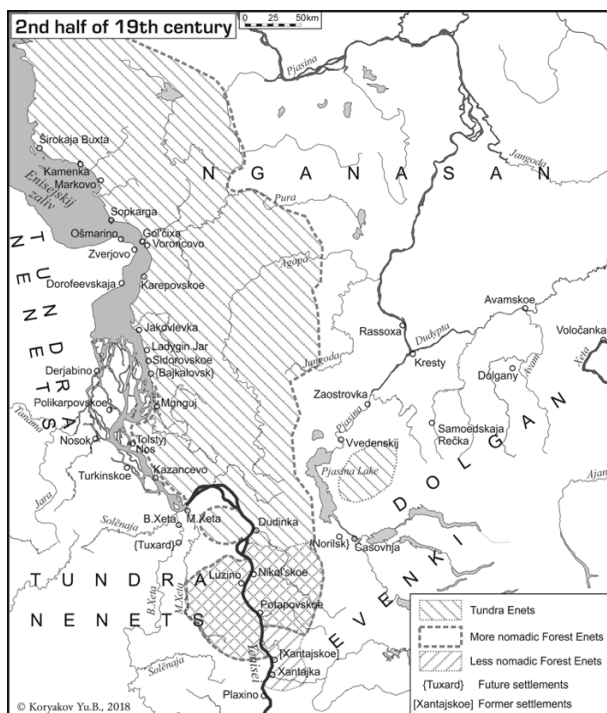

Figure 2. Forest Enets and Tundra Enets in the 19th century (Khanina et al., 2018: 116)

who had left their earlier lands and relocated to the north, to the territory that used to belong exclusively to the Tundra Enets (see Figure 2). This situation had changed again by 1926: after at least 100 years of sharing their winter territory, the Tundra Enets withdrew to the north, and so the lands of the Forest Enets and the Tundra Enets were adjacent to each other (and not even adjacent by the 1940s, but separated by a stretch of land).

Linguistically, there is solid evidence of joint development of the two Enets dialects/languages, separate from the other Northern Samoyedic (e.g., the simplification of all consonant clusters, the transition of word-final nasals into a glottal stop, *d-z* lexical alternation in *d*-initial verbal suffixes discussed in Guszev & Urmancsieva 2019, and also some unique lexical items). There is also evidence of simultaneous or posterior internal divergence (e.g., separate sound changes attested already in the earliest wordlists collected by Gerhard Friedrich Müller,³ namely PS **ms*, **ns*, **rs* > TE *d*, FE *z*, *s*; PS word initial **a* > TE *e*, FE *na*–; PS word initial **i*, not before a nasal > T *i*–, F *ji*– > *d^hi*, as well as lexical differences even in

³ I am much indebted to Valentin Gusev who has transcribed the Enets lists from the original Müller's manuscripts

the basic lexicon such as unrelated 2nd- and 3rd-person pronouns). A contrastive comparison of modern Forest Enets and Tundra Enets, in turn, corroborates the almost identical morpho-syntax in these two dialects/languages (see Khanina & Shluinsky 2022 for more details): this recent finding was only possible following the vast improvement in the description of Enets.

Thus, the newly available geographic and linguistic details in combination imply cyclic succession in Enets land-sharing resulting in common innovations and pattern levelling on the one hand, and dwelling in (almost) disjoint territories resulting in separate linguistic development on the other. It is noteworthy that, until now, the two Enets groups have kept separate identities and do not consider themselves as belonging to one ethnic group.

This hypothesis not only elaborates the history of the two Enets groups, but also contributes to the Northern Samoyedic dialect continuum model with a specific example of interconnectedness between the spatial properties of particular groups and the propagation of change in their languages.

1.2. Further northward migration

Gusev (in prep.) suggests, based on an analysis of some isoglosses, that Yenisei Tundra Nenets used to dwell to the south-west of their current location on the left bank of the Yenisei river (also on the right bank from the end of the 19th century). Indeed, this language shares some common features with Forest Nenets, but not with other dialects of Tundra Nenets, and especially not with Yamal Tundra Nenets. These features include the absence of consonant voicing after a nasal, *-mono(n)-* variant of the Auditive suffix, with the virtual absence of the *-manon-* variant very common in Yamal Tundra Nenets, and some lexical items including a Khanty borrowing for ‘soap’ — *mato*, *matok* in Yenisei Tundra Nenets and *matäe³k* in Forest Nenets (Lehtisalo, 1956: 265b), for example. This evidence implies that there were intense contacts between speakers of Yenisei Tundra Nenets and speakers of Forest Nenets, which was impossible on the shores of the Yenisei.⁴ Other features of Yenisei Tundra Nenets are shared with Tundra Nenets, Forest Enets and Tundra Enets. This further refines its previous whereabouts to the very centre of the Northern Samoyedic groups, cf. Figure 3. Note that Dolgikh (1970: 202), based on the 1897 census, also documents a migration of some Taz people to the Lower Yenisei area.⁵

One could also hypothesize similar north-east migration in the case of the extinct Yurak language, as recorded by Gerhard Friedrich Müller in the 18th century and rediscovered by Helinski (2000: 50–55) in the context of Samoyedic linguistics. According to

⁴ This was yet suggested by Tereschenko (1956: 199), though she did not provide any further details: “the easternmost varieties of Tundra Nenets have some features in common with the Pur dialect of Forest Nenets”.

⁵ He refers to them as Taz “Yuraks” (quotation marks used by Dolgikh) and presumes them to be Tundra Nenets of Enets origin.

Eugen Helimski, its location must have been between Tundra Nenets, Forest Nenets and the two Enets, given the specific historical changes in phonology that are shared between Yurak and each of these other Northern Samoyedic languages. More precisely, he points to “the northern area between Lower Taz and Lower Yenisei”.

Yurak disappeared in the 19th century when its speakers shifted to other Northern Samoyedic languages, therefore little is known about the specific geographic location in which it was used. However, M. A. Castrén mentioned in his diary from 1847 a Nenets⁶ family from the *Lambaj* clan in Tolstij Nos, called *beregovye juraki* by the local Russians, whose “Nenets language was very close to the Nenets spoken along the Taz river (i.e. this must be Forest Nenets — OK), but different from the Nenets spoken in Obdorsk” (i.e. this must be Yamal Tundra Nenets; cf. Castrén, 1999: 188). There has indeed been a group of Yenisei Nenets called *beregovye juraki*, which is recurrently mentioned in the censuses and in the ethnographic literature, but it has not been ascribed any particular language of its own.⁷ It does not coincide with the Yenisei Tundra Nenets discussed above: first, nowadays only some Tundra Nenets clans living in the Lower Yenisei area are called *beregovye juraki* by local elders (others are called simply *juraki*), and second, only some Nenets/*juraki* living by the Yenisei river at the time of the 1898 and 1926 censuses were counted as *beregovye juraki*. Thus, in terms of language the Lambaj family M.A. Castrén mentions in his diaries spoke either a yet unknown Northern Samoyedic variety, or Yurak, or Yenisei Tundra Nenets. The latter hypothesis is the least probable because M.A. Castrén also communicated with other Nenets speakers along the Yenisei, who must have been speakers of Yenisei Tundra Nenets, and if he described the Lambaj family’s linguistic variety as particular it must have been different from the other Nenets of the area.

If this family spoke an unknown Northern Samoyedic variety or Yurak, however, then — given that their language was close to Taz Nenets — there must have been another north-eastward migration from the Taz area to the Lower Yenisei. Hence, the two Enets groups (see 1.1), the Yenisei Tundra Nenets, and this Lambaj group, all migrated in the same north-eastward direction. I will return to the possible reasons for these migrations in Section 4, but I should stress here that the Mangazeja area seems very probably to have been the location of Proto-Northern Samoyedic in the background of these reconstructed movements. It is indeed the place of the most linguistic diversity in the family: all Northern Samoyedic languages, except Nganasan, were spoken here at some point.

In sum, the spatial details discussed in this section contribute to the reconstruction of, first, the former geographic distribution of the Northern Samoyedic dialect continuum and second, migrations that resulted in the current geographic distribution.

⁶ And all the Nenets in Asia were called Yuraks at the time.

⁷ Dolgikh (1970: 201–203) suggests that its members originally spoke Enets (he does not mention which Enets), but later switched to Nenets.

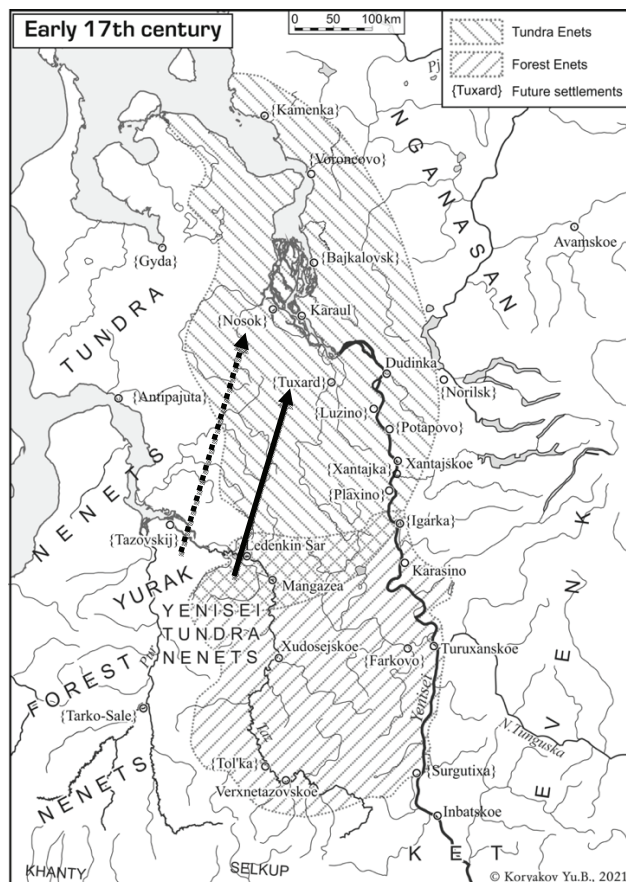

Figure 3. Northern Samoyedic languages in the 17th century (Khanina et al. 2018: 113), with added supposed locations and migrations of Yurak and Yenisei Tundra Nenets; map courtesy of Yuri Koryakov

2. Insights from sociolinguistic data from the last 200 years

The aim in this section is to refine the hypothesis concerning the Northern Samoyedic dialect continuum by adding a detailed, evidence-based sociolinguistic reconstruction. The focus is on the last 150–200 years and the Lower Yenisei area, which even though it is not the whole Northern Samoyedic territory is clearly its heart given that most Northern Samoyedic languages (all except Forest Nenets) were spoken there. The reconstruction is based on a variety of data: retrospective sociolinguistic interviews with Lower Yenisei elders conducted in 2017, narratives collected in the 1930s by Boris Dolgikh (1961,

1962a), ethnonyms in the local languages, as well as detailed 1926 census records and ethnographic field reports from the 1920s until the 1960s (see Khanina 2021 as well as Khanina & Meyerhoff 2018 for more details). In the rest of this section I summarize the socio-linguistic findings reported in Khanina (2021) that are relevant to the topic of this paper.

2.1. Mutual bilingualism

First of all, the data show that mutual bilingualism was typical whenever speakers of different Northern Samoyedic languages neighboured each other (see Khanina & Koryakov 2018 for illustrative maps). Neighbouring among nomads could be defined as meeting each other regularly. Bilingualism was not always active: cases of receptive, or passive, bilingualism were also abundant, with each party speaking their own language, hence several languages were used within one communicative event (for more cross-linguistic examples of the practice, see Rehbein et al. 2012 and Pakendorf et al. 2021). Significantly, there was no socio-economic dominance of any linguistic group over another around the Lower Yenisei, thus the bilingualism was fully balanced in terms of symbolic power. This is not to say that there was no social inequality whatsoever, but it indicates that speaking a particular language did not have any default consequence for the speaker's economic prospects. In other words, no Northern Samoyedic language was considered more prestigious than others over the whole Lower Yenisei territory.

2.2. Correlations between social categories and languages

Another crucial feature of the local linguistic ecology was the absence of a neat division into clearly identified ethnic groups, each with its own language. This is most distinctly illustrated in the deficiency of regular endonyms and exonyms for some externally defined ethnic groups around the Lower Yenisei (cf. Table 2 in Khanina 2021 for lists of particular ethnonyms), including the non-Samoyedic Dolgans, and in mismatches between ethnic and linguistic self-identification in the 1926 census. For example, only one ethnic affiliation and only one language were allowed in the census forms, and so only 77 per cent of those who named themselves Tundra Enets delineated their language as Tundra Enets and the remaining 23 per cent chose Tundra Nenets; only 84 per cent of those who named themselves Tundra Nenets delineated their language as Tundra Nenets and the remaining 16 per cent chose Forest Enets or Tundra Enets; finally, as many as 50 per cent of those indicating that they spoke Tundra Enets counted themselves as Tundra Nenets or as a member of a Forest Enets clan. All in all, this meant that there were no direct correlations between language and social category.

2.3. Shared cultural codes

All Northern Samoyeds shared a great deal of cultural knowledge and principles of interaction irrespective of the particular language codes. One could accurately describe this

situation with reference to the notion of a ‘speech community’, as opposed to the more common notion of ‘language community’ (cf. Silverstein 1972; Ball 2001: 92). The material culture was also quite similar, and at least two shifts in its pattern have been suggested among speakers of Northern Samoyedic: the Tundra Nenets culture spread to Forest Enets speakers, and the Tundra Enets culture spread to Nganasan speakers (cf. Vasiljev 1985).

2.4. Language ideologies

Ideas shared by members of a community concerning languages, their use and their role in the social world tend to be subsumed under the notion of language ideologies (Kroskrity 2000; Rumsey 1990; Silverstein 1979; Woolard 1998). It seems that the role of language ideologies in shaping linguistic structures is underestimated in the field of historical linguistics (although see Miceli 2015; Irvine & Gal 2000; Rumsey 1990; Silverstein 1979; Rodríguez-Ordóñez 2019). Examples of ideologically grounded historic processes include a cross-linguistically recurrent pattern of morphosyntactic convergence unaccompanied by any lexical convergence (cf., Thomason 2008; Aikhenvald 2002; Epps 2018, among others), lexical replacements accompanying cultural taboos (e.g., Simons 1982; Miceli 2015), and the deliberate propagation of innovations aimed at building a different social identity from that of one’s neighbours (e.g., François 2011). It is precisely the language reification involved in the last of these processes that is relevant in the context of Northern Samoyedic.

However, here language reification works in the opposite direction. The fuzziness of social units larger than exogamous clans, which ultimately represented groups of not-so-distant relatives, meant that the ideological drive for social differentiation, which could push linguistic differentiation in a consistent manner, was rather weak. It is therefore possible to identify quite a number of innovations that spread among Northern Samoyedic languages regardless not only language but also branch borders (given that Nenets, Enets, and Nganasan are the three basic branches). For example, PS intervocalic **m* changed to *-w-* (> *-b-* > *-Ø-*) in Tundra Nenets, Forest Enets and Tundra Enets, but remained *-m-* in Forest Nenets and Nganasan; PS Past **-sâ* developed into Past Interrogative in Tundra Nenets, Forest Nenets and Forest Enets but not in Tundra Enets and Nganasan, which use PS **-pâ* for Past Interrogative; cliticized forms of personal pronouns use a short stem in Forest Nenets, Tundra Enets and Nganasan, but a long, presumably innovated stem in Tundra Nenets and Forest Enets, TE *mo-l’io-no*, Ng *mi-l’ia-na*, but TN *mān°-ri-n°*, FE *mod’i-ru-no* ‘only me (I-only-1sg)’ (Gusev & Khanina 2020, 2022, Khanina & Gusev 2021, to appear). Thus, adding Northern Samoyedic language ideologies to the picture could help to substantiate the social and historic mechanisms that facilitated such wave-like spread of innovation and, in turn, instantiated the dialect continuum model.

It is clear from the retrospective sociolinguistic interviews that parents tended to value neighbourhood above kinship when they chose a language to use with their children, at least in the first half of the 20th century. For example, if the majority around them

used a language other than their patrilect(s), they could easily use this majority language with their own children. It was uncommon for parents to use several languages with their children: they might use several languages between themselves and outside of the family, but usually one language was singled out for child-directed speech within the family. The most evident examples of this come from Forest Enets- and Tundra Enets-speaking parents near the Kheta river (i.e. the so-called ‘Tukhard tundra’) who chose Tundra Nenets, as well as Tundra Enets-speaking parents in Ust’-Avam who chose Nganasan (see Khaniina et al. 2018 and Amelina 2020 for more details). The value ascribed to the neighbourhood implies that the linguistic indexing of identity relied more on local social networks than on ancestry (referred to, in turn, by the notion of patrilect).

Finally, it would be useful to classify Lower Yenisei identities in terms of the categorical vs. the relational. Categorical identities ascribe permanent affiliation, whereas relational identities refer to one’s position in a concrete web of interpersonal relations (this distinction, as applied in studies of small-scale multilingualism, was actualized by Di Carlo and Good 2014, and developed by Lüpke 2016 and Di Carlo et al. 2019). The basic social identities in Lower Yenisei were clearly categorical, based on exogamous patrilineal clans: there was no ambiguity as to clan membership⁸ and the attribution could not change within one’s lifetime.⁹ Local linguistic identities, in turn, emerge from the data as relational rather than categorical: individual choice of a language from a multilingual repertoire was a social claim in every communicative situation. Speakers making such a claim showed allegiance to a social network that, crucially, was not exclusive and could change within a lifetime.

In the context of historical linguistics, relational identities based on localized social networks comprise an ideal mechanism for spreading innovations over language borders, particularly in the case of nomadic people. Unlike in the more familiar cases of language contact among sedentary people (see, e.g., Thomason & Kaufman 1988), the imperfect acquisition and transfer of features did not require any extraordinary events, but were the everyday reality of individuals speaking Northern Samoyedic languages in the past.

2.5. Diachronic changes

The last sociolinguistic circumstance of the Lower Yenisei to be mentioned is the extensive bidirectional language shifts among Northern Samoyedic clans and their elements. These shifts have been documented (Dolgikh 1970; see also Gusev 2020), but to the best of my knowledge their significance in historical linguistics has not yet been discussed. Not only could clans shift their ‘main’ language over time, they could also disappear (Dolgikh 1970). So this linguistic instability also contributed to the fuzziness of ‘ethnic’ groups and

⁸ Exceptions refer only to adopted children, see (Dolgikh 1962b).

⁹ It is less clear whether there were any social identities of a higher order, i.e. of ethnic groups, and if they existed what the difference from linguistic identities was in practice.

the lack of direct correspondence between social groups and languages mentioned above. Moreover, it was another sociolinguistic mechanism operating along the discussed dialect continuum: not only could individuals choose to raise their children in a language other than their patrillect, their choice could spread to the whole of their basic social group (=clan). If relational identities based on localized social networks explain the operation of the dialect continuum on the individual level, diachronic changes in the linguistic attribution of clans could specify the process on the wider societal level.

Finally, these diachronic changes also serve to explain the disruption that occurred along the dialect continuum: Northern Samoyedic languages attested today differ from each other considerably, and there is no mutual intelligibility. Some (or many?) intermediate language varieties that could connect modern languages might have disappeared during the course of this diachronic development involving such language shifts. A well-known Yurak example (see Helinski 2000: 50–55) illustrates the point well. Dolgikh's (1960) map of Siberian clans, which features some ethnonyms that represent a real puzzle in the present day, is another example. Scholars have no idea which language was spoken by the Tidiris or the Pjasida Samoyeds, the Northern Samoyedic groups that later dissolved into what nowadays is called Tundra Enets and Nganasans (probably also Dolgans). They could well have spoken Northern Samoyedic languages that were intermediate to those currently attested.

2.6. A summary of the sociolinguistic reconstruction

I should remind the reader that the reconstruction of Lower Yenisei sociolinguistic ecology is built on quite recent data (from the late 19th century until the middle of the 20th century), whereas the dialect continuum model is assumed to have existed for much longer, at least since the first millennium AD. Is it possible to extend the sociolinguistic description beyond the period for which there is more or less direct evidence? The answer seems to be yes, and it comes from similar studies across the world.

In recent years, several linguists have directed their attention to social mechanisms operating in modern indigenous multilingual communities in order to explain the evolution of their languages. Focusing on the languages of Australia and Papua New Guinea, for example, Evans (2017, 2018) suggests that the prehistoric linguistic past of small-scale indigenous communities could be uncovered via sociolinguistic studies of their modern communities and linguistic studies of their languages. Case studies of Oceania (Francois 2012) and Australia (Rumsey 2018) illustrate the point with specific examples similar to the Northern Samoyedic case. Evidently, our supposition that the sociolinguistic situation of the remote past was not very different from what could be observed recently remains a hypothesis. Nevertheless, if it does not contradict findings from historical-comparative linguistics, or even explains them, one could plausibly take it as a working instrument before deeper knowledge about the past becomes available.

3. Insights from unpublished manuscripts reflecting languages of the 18th and 19th centuries

Unpublished manuscripts by Gerherd Friedrich Müller, who collected some Samoyedic data in the 18th century, and M. A. Castrén, who did the same in the 19th century (cf. Khanina, forthcoming) for Enets, provide additional insights into the purely linguistic side of the dialect continuum. Indeed, researchers in the past were able to collect data when this continuum was still sociolinguistically real, as shown above in the previous section. Would there be any consistent linguistic footprint of such data compared to the data from the second half of the 20th century? It is known that the latter data were collected when the continuum was already broken, and the remaining Northern Samoyedic languages showed clear linguistic detachment from each other.

In light of preliminary observations I could make on these manuscripts, some linguistic peculiarities are indeed noticeable. First and foremost, there was more variation in languages that have continued to be transmitted until recently, both internal (= within one and the same speaker) and external (= at different geographic locations). For example, M. A. Castrén's Tundra Enets manuscripts exemplified not only all phonetic and phonological variation that is currently attested in Tundra Enets (Khanina 2018), but also quite many cases of variation that had disappeared by the middle of the 20th century: $r \sim l \sim lr$ (= ɹ) in place of modern word-internal r (< PS $*r$, $*l$); $dj \sim j$ in place of modern d^j (< PS $*j$); $k \sim h$ in place of modern word-initial k (< PS $*k$), and so on.

Second, the lexical difference between Forest Enets and Tundra Enets in Müller's manuscripts is more significant than in modern word lists (e.g., Koryakov 2018). It is noteworthy that this concerns not only the phonetic properties of words, but also lexical incongruencies. It is, of course, possible to attribute the contrast to the mere imperfection of the word-list collection methodology: poor translation by an intermediary between the linguist and a native speaker, the accidental choice of a word among its synonyms, and so on. However, given the sociolinguistic history of interactions between the two Enets groups reviewed in 1.1. above, these data could also testify that the two Enets have undergone not only morphosyntactic but also lexical convergence since the 18th century. In particular, there were clearly a number of lexical replacements, such as replacing non-cognate with cognate lexemes, original or borrowed from the other Enets with a due phoneme recalculation. It is yet to be determined how symmetric this replacement was, and if it was asymmetric, which Enets language was the source of lexical influence over the other.

Finally, M. A. Castrén's manuscripts attribute some features that are currently characteristic of Forest Enets and not of Tundra Enets, specifically to Tundra Enets. This includes the shape of particular lexemes (e.g., *nõhilro* 'dirt', cf. *noxilo* in modern FE, but *nexi?*, with *nexiro?* as a plural form in modern TE; *senikua-r* [play(ipfv)-1SG.S], 'I am playing', but *senoko-da-r* [play(ipfv)-FUT-1SG.S] 'I will play', cf. modern FE *senokus-*, TE *sen'ikus-*;

to-dda [hair-NOM.SG.3SG] ‘his hair’, cf. modern FE *to-da*, without anything similar in TE). It also includes some morphemes, such as an anterior participle with *-j*.

In sum, the examples discussed in this section provide yet further glimpses into the specific historical processes that realized the Northern Samoyedic dialect continuum.

4. Insights from the history of reindeer herding

There were two substantial northbound waves of Northern Samoyedic migration, probably complemented with the never-ending gradual movement in the same direction. The first one was the Northern Samoyedic split from Proto-Samoyedic around 2,000 years ago (Helimski 2000, Hajdu 1975; Korhonen & Kulonen 1991). The second happened around the 18th century when speakers of Forest Enets, Yurak, Yenisei Tundra Nenets, and Tundra Enets to some extent, started to dwell to the north of their previous locations (and somewhat more to the east given the particular geography of the area immediately north of the Mangazeja area), as discussed in Section 1.

The history of reindeer herding in Western Siberia offers historical linguistics possible reasons for the northbound movements: there were two major breakthroughs in reindeer herding, and their timing coincides exactly with these migrations. First, transport reindeer herding emerged in Western Siberia some 2,000 years ago, probably in the Sayan Mountain region: see Nieminen (2018: 14–19) for a literature overview, and also archaeological studies (Fedorova 1998, 2002 & 2019; Fedorova & Gusev 2019) that suggest similar timing, but a more northern location of domestication. Being able to cover large distances with reindeer sledges, the hunters soon to be known as Northern Samoyeds presumably split from their mates in the south and headed north. Second, extensive large-scale reindeer herding emerged in the north of Western Siberia in the 17th and 18th centuries (Krupnik 1993; Golovnev & Osherenko 1999). This evolution from a form of transport to large-scale herding meant a change in reindeer numbers from several dozens to at least several hundred per family. As Stépanoff (2017) suggests, from this moment on the needs of these bigger herds were prioritized over the needs of their owners. The bigger herds required more open space, particularly tundra lands in summer, therefore people with large herds had to relocate gradually to the more northern areas.

It has been hypothesized that both breakthroughs in reindeer herding were conditioned, or at least stimulated, by corresponding climate changes: lower temperatures could have boosted reindeer fertility and could have led to deforestation in the northern forests thus making them more suitable for reindeer (Krupnik 1993). Other possible causal factors influencing the emergence of large-scale reindeer herding in the 17th and 18th centuries include fur taxation under Russian colonizers (Golovnev 2004, Krupnik 1993, Golovnev & Osherenko 1999), as well as man-made fires that also fuelled deforestation (Smirnova et al. 2017: 92–93). The consequences of both disasters may have been less no-

ticeable in the north, however. Whatever the reasons behind the breakthroughs, they clearly caused massive northward human migration, bringing new languages to the Arctic zone and messing up the languages already present there.

It is noteworthy that some particular aspects in the recent history of the Lower Yenisei (100–150 years ago) are illustrative examples of close interrelations between subsistence modes and language ecologies in this area (see also Güldemann et al. 2020 for more examples from other parts of the world). Khanina et al. (2018) mention a language shift to Tundra Enets for a fraction of Forest Enets speakers. The following hypothesis sets out exactly how this shift was shaped by a change in subsistence patterns. Speakers of Forest Enets and Tundra Enets shared the same territories along the Yenisei river in the 1830s and the 1840s, but because the majority of the former earned their living from hunting and fishing, and most of the latter practised large-scale reindeer herding since the 18th century (see above), they managed to keep their social identities separate and to maintain their own respective languages (cf. Section 1). When several families of Forest Enets speakers¹⁰ expanded their reindeer herds and thus switched from hunting and fishing to large-scale herding, however, they had to employ the same itineraries that the Tundra Enets herders had already used. Indeed, the longer and more rigid itineraries necessitated by the expanded herds, with summers in the open tundra, left them no other options in the area. Presumably, the Tundra Enets had nothing against this, because for them it meant an increase in the number of suitable marriage partners, much appreciated among their small group.¹¹ As a result, a couple of generations later these Forest Enets abandoned their language in favour of Tundra Enets: at the time of the 1926 census, 80 years after the registered increase in reindeer herds among this fraction of Forest Enets speakers, nobody in this group spoke the language. This is an example of how a switch in the type of reindeer herding from a form of transport to large-scale activity resulted in a northern turn in migration routes, thereby causing a shift to the language of the majority in this northern area.

However, not all groups known to have moved to the north practised large-scale reindeer herding. For example, the Forest Enets lived mainly from fishing and hunting in the 19th century, with only transport reindeer herding. Hence, their movement north-eastwards cannot be directly attributed to the emergence of a new type of reindeer herding. It may be that they relocated to the north in an attempt to evade fur taxation, as mentioned above, as well as the new epidemics brought by the colonizers. It is also possible that the main reason was their armed clashes with the newly arrived Selkups, who had been displaced by the Russians from their more southern territory. Piezonka et al. (2020) describe this Selkup relocation in illuminating detail, written from the Selkup perspective, in what is still a unique ethnoarchaeological account of any Samoyedic northward migration.

¹⁰ These were some families from the Moggadi and Baj clans.

¹¹ At least in the middle of the 20th century all descendants from this group of Forest Enets were intermarried with Tundra Enets.

5. Conclusion: a scenario integrating all types of data

I have attempted in this paper to shed light on the history of Northern Samoyedic languages and their speakers by combining several types of evidence, originating in previous publications (Sections 1–2), in analyses of as-yet unpublished manuscripts (Section 3), and in a critical overview of non-linguistic literature (Section 4). I depict the history here as a succession of northbound migrations from the more southern location of Proto-Samoyedic, originally realized by three social and/or geographic groups from which the three known subgroups, Nganasan, Enets and Nenets, emerged. Crucially, the period of unity, if it existed at all, was followed by a weakening of these social affiliations, which resulted in what is now called the Northern Samoyedic dialect continuum.¹² Moreover, various dramatic political events during the 20th century distorted the local linguistic ecology to the extent that it could give the external observer a false impression of separate language communities and reified languages from a European textbook. In the rest of this section, I summarize the analytical steps I have taken to deconstruct this impression and to build a detailed picture of the dialect continuum suggested but unfortunately never fully elaborated by Eugen Helimski.

The sociolinguistic data discussed in Section 2 accounted for specific sociolinguistic processes that instantiated the dialect continuum. These included bilingualism in neighbouring languages (active and passive/recipient); language ideologies foregrounding relational identities based on geographic proximity and not on ancestry; the spread of innovations that disregard any possible foregoing divergence; and alternate phases of more and less intense interaction with various neighbours.

The unpublished manuscripts referred to in Section 3 reveal that there was more variation in Northern Samoyedic languages when they were actively used in the absence of any *lingua franca*. Against this historical background, their modern counterparts turn out to be merely accidental fragments of the former rich and rather inter-related systems. In addition, their strict reification seems to be a recent phenomenon, resulting partly from their obsolescence and partly induced by external ethnographers and linguists, whose implicit language ideologies were very different from what was typical of Northern Samoyedic in the past (cf. Gal, *in press*).

According to the interdisciplinary data analysed in Section 4, many rearrangements of the geographic locations of Northern Samoyedic speakers, as well of smaller groups (some of which I refer to in Section 1) could be tentatively attributed to changes in subsistence patterns and the influx of other social groups in the area. The changes in subsistence patterns, in turn, were also conditioned by a number of ecological and social factors.

¹² Note that this suggested scenario for the whole of the Northern Samoyedic, repeats minutely the scenario for the Enets groups elaborated in Section 1.

Ecological and social settings are quite fragile and ever-changing in this northern region, hence one could assume that the described fluctuations in subsistence and the migrations represent only a portion of what has really been going on during the last 2,000 years.

Last but not least, a word of caution is needed concerning the inevitable circularity of historical reconstructions. There are several types of evidence, and for each type there are several interpretations. If one chooses an interpretation of one type of evidence that aligns with one's chosen interpretation of some other type of evidence, the result is a picture in which all the interpretations converge more strongly than the raw data do. While it is possible that they converge so nicely because that was the reality of the past, it is also possible that the unity of the reconstruction is somewhat artificial and owes more to the way of reasoning. I see no other way out of this cyclicity than to keep its potential in mind and to collect as much raw data as possible, checking each and every piece of new evidence for possible controversy. All being well, this will make the proposed research trajectory look more like a spiral than a circle.

References

- Amelina, M. K. 2020. Ot mnogojazyčija k "bol'shomu perehodu" na tundrovij neneckij jazyk: lingvisticheskie ideologii i dinamika jazykovogo sdviga v Tukhardskoh tundre i na sopredel'nyh territorijah v nizovjah Eniseja (XX — nach. XXI v.). *Uralic-Altaic studies*. 36: 7–48.
- Ball, C. 2011. Pragmatic multilingualism in the Upper Xingu speech community. In: B. Franchetto (ed.): *Alto Xingu: uma sociedade multilíngue*. Rio de Janeiro: Museu do Índio — Funai, 87–112.
- Di Carlo, P., J. Good 2014. What are we trying to preserve? Diversity, change, and ideology at the edge of the Cameroonian Grassfields. In: P. K. Austin, J. Sallabank (eds.): *Endangered Languages: Beliefs and Ideologies in Language Documentation and Revitalization*. London: OUP, 231–264.
- Di Carlo, P., J. Good, R. O. Diba (2019). *Multilingualism in rural Africa*. *Oxford Research Encyclopedia of Linguistics*. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199384655.013.227>
- Dolgikh, B. 1960. *Rodovoj i plemennoj sostav Sibiri v XVII v.* Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Dolgikh, B. 1961. *Mifologičeskie skazki i istoričeskie predanija èncev*. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Dolgikh, B. 1962. *Bytovye rasskazy èncev*. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Dolgikh, B. 1962b. Rodovaja ekzogamija u nganasan i èncev. In: *Sibirskij Ètnografičeskij Sbornik*, IV. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, 197–225.
- Dolgikh, B. 1970. *Očerki po etničeskoj istorii nencev i èncev*. Nauka.
- Evans, Nikolas 2017. Did language evolve in multilingual settings? *Biology & Philosophy*. 32(6): 905–933.
- Evans, Nikolas 2018. The dynamics of language diversity. In: R. Mesthrie, D. Bradley (eds.): *The Dynamics of Language*. Cape Town: UCT Press, 13–35.
- Fedorova, N. V. 1998 (ed.): *Ushedshie v holmy. Kul'tura naselenija poberezhij severo-zapadnogo Jamala v zheleznom veke* [Gone to the hills. The culture of population of coastal North-West Yamal in the Iron Age]. Ekaterinburg.
- Fedorova, N. V. 2002. Prizraki i real'nost' Jamal'skoj arheologii [Phantoms and reality of Yamal archaeology]. *Rossijskaja arheologija*. 2: 99–110.

- Fedorova, N. V. 2019. *Sever Zapadnoj Sibiri v zheleznom veke: tradicii i mobil'nost'*. Oчерки [The North of Western Siberia in the Iron Age: traditions and mobility. Essays]. (Appendix to Arheologija Arktiki 6.)
- Fedorova, N. V., An. V. Gusev 2019. *Tri revolucii Ust'-Poluja* [Three Ust'-Poluj revolutions]. *Kunst-kamera* 1(3): 196–204.
- François, Alexandre. 2011. Social ecology and language history in the northern Vanuatu linkage: a tale of divergence and convergence. *Journal of Historical Linguistics*. 21(2), 175–246.
- Gal, Susan. In press. Language ideology and observation: Nineteenth century scholars in North-western Siberia. In: A. Pavlenko (ed.): *Multilingualism and History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Golovnev, Andrei & Gail Osherenko 1999. *Siberian Survival: the Nenets and their Story*. NY: Cornell University Press.
- Golovnev, Andrei 2004. *Kochevniki tundry: nency i ih fol'klor* [Tundra nomads: the Nenets and their folklore]. Ekaterinburg.
- Güldemann, Tom, Patrick McConvell, Richard Rhodes (eds.) 2020: *The Language of Hunter-Gatherers*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gusev, Valentin 2017. Phonetic isoglosses and internal branching within Northern Samoyedic. Paper presented at the 28th Dulzon Readings Conference organized by the Department of Siberian Indigenous languages at Tomsk State Pedagogical University.
- Gusev, Valentin 2020. Etimologičeskie zametki po etnonimii Nižnego Eniseja [Etymological notes on ethnonyms of the Lower Yenisei]. *Voprosy onomastiki*. 17 (2): 59–74.
- Gusev, Valentin. In Prep. Ob otnoshenii Tajmyrskogo neneckogo k drugim samodijskim dialektam.
- Gusev, Valentin, Olesya Khanina 2020. Divergence and convergence in the history of Northern Samoyedic. Paper presented at the workshop ‘Tracing contact in closely related languages’, Zurich, Nov 19–20.
- Gusev, Valentin, Olesya Khanina 2022. Enets: between Nenets and Nganasan. Paper presented at the symposium ‘Contact phenomena in the grammar of Uralic languages’ of the Congressum XIII Internationalis Fenno-Ugristarum, Vienna, Aug 22–26.
- Guszev, Valentyin, Anna Urmancsijeva. 2019. Egy kivételes morfológiai igeosztály az enyecben. *Általános Nyelvészeti Tanulmányok*. 30: 157–164.
- Hajdú, Péter 1975. Sukulaisuuden kielellistä taustaa. In: Péter Hajdú (ed.), *Suomalais-ugrilaiset*. Helsinki: Finnish Literature Society, 11–51.
- Helimski, E. A. 2000. *Komparativistika. Uralistika: Lekcii i statji* [Uralic studies: lectures and papers]. Moscow.
- Irvine, J., S. Gal 2000. Language ideology and linguistic differentiation. In P. Kroskrity (ed.): *Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities*. Santa Fe, NM: School of American Research Press; Oxford: James Currey, 35–84.
- Janhunen, Juha 1998. Samoyedic. In: Daniel Abondolo (ed.): *The Uralic Languages*. London: Routledge, 457–479.
- Khanina, Olesya 2018. Documenting a language with phonemic and phonetic variation: the case of Enets. *Language Documentation & Conservation*. 12: 430–460.
- Khanina, Olesya 2021. Language and ideologies at the Lower Yenisei (Siberia): reconstructing past multilingualism. *International Journal of Bilingualism*. 25(4). Special issue “Typology of Small-

- Scale Multilingualism” guest edited by Nina Dobrushina, Olesya Khanina & Brigitte Paken-dorf: 1059–1080.
- Khanina, Olesya. Forthc (ed.): *Jenisei-Samoiedica*. Manuscripta Castreniana, Linguistica VI. Helsinki: Finno-Ugrian Society.
- Khanina, Olesya, Valentin Gusev 2021. Towards a holistic understanding of the linguistic past: the Northern Samoyedic case. Paper presented at the workshop “Towards a holistic understanding of the linguistic past” of the Societas Linguistica Europaea 54th Annual Meeting, 30.08–3.09.2021.
- Khanina, Olesya and Valentin Gusev. A holistic approach to the linguistic past of Northern Samoyedic. To appear in: Nikolaos Lavidas, Ioanna Sitaridou (eds.). Towards a holistic understanding of language contact in the past. (Trends in Linguistics [TiLSM]). Berlin: Mouton De Gruyter.
- Khanina, Olesya, Yuri Koryakov 2018. Mapping the Enets speaking people and their languages. In: S. Drude, N. Ostler, M. Moser (eds.): *Endangered Languages and the Land: Mapping Landscapes of Multilingualism, Proceedings of FEL XXII/2018 (Reykjavík, Iceland)*. London: FEL & EL Publishing, 69–77. <http://www.elpublishing.org/itempage/4011>
- Khanina, Olesya, Yuri Koryakov, Andrey Shluinsky 2018. Enets in space and time: a case-study in linguistic geography. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 42, 109–135.
- Khanina, Olesya, Miriam Meyerhoff 2018. A case-study in historical sociolinguistics beyond Europe: reconstructing patterns of multilingualism of a language community in Siberia. *Journal of Historical Sociolinguistics*. 4(2): 221–251.
- Khanina, Olesya, Andrey Shluinsky 2022. Forest Enets and Tundra Enets: how different are they and why? In: Kaisla Kaheinen, Larisa Leisiö, Riku Erkkilä, E. H. Qiu Toivo (eds.): *Hämeenmaalta Jamalille: kirja Tapani Salmiselle 07.04.2022* [From Hämeenmaa to Jamal: a book for Tapani Salminen 07.04.2022]. Helsinki: Helda Open Books, University of Helsinki, 181–200. <https://doi.org/10.31885/9789515180858>
- Korhonen M., U. Kulonen 1991. Samojedit. In: Laakso J. (ed.): *Uralilaiset Kansat: Tietoa Suomen Sukukielistä ja Niiden Puhujista*. Juva: WSOY, 302–317.
- Koryakov, Yu. B. 2018. Problema “jazyk ili dialekt” i samodijskie jazyki. *Uralic-Altaic Studies*. 31: 156–217.
- Kroskrity, Paul 2000. Language ideologies in the expression and representation of Arizona Tewa identity. In: P. Kroskrity (ed.): *Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities*. Santa Fe, NM: School of American Research Press; Oxford: James Currey: 329–359.
- Krupnik, Igor. 1993. *Arctic Adaptations: Native Whalers and Reindeer Herders of Northern Eurasia*. Hanover, N. H.: University Press of New England for Dartmouth College.
- Lehtisalo, Toivo 1956. *Juraksamojedisches Wörterbuch*. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XIII.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Lüpke, Friederike 2016. Uncovering small-scale multilingualism. *Critical Multilingualism Studies*. 4(2): 35–74.
- Miceli, Luisa 2015. Pama-Nyungan. In: C. Bower, B. Evans (eds.): *The Routledge Handbook of Historical Linguistics*. Oxon & New York, Abingdon: Routledge, 704–725.
- Nieminen, Mauri K. U. 2018. Reindeer and man: from hunting to domestication. In: Tryland, Morten & Susan J. Kutz (eds.): *Reindeer and Caribou: Health and Disease*. Boca Raton, London, New York: CRC Press.

- Pakendorf, Brigitte, Nina Dobrushina, Olesya Khanina 2021. A typology of small-scale multilingualism. *International Journal of Bilingualism*. 25(4). Special issue "Typology of Small-Scale Multilingualism" guest edited by Nina Dobrushina, Olesya Khanina & Brigitte Pakendorf: 835–859.
- Piezonka, Henny, Olga Poshekhonova, Vladimir Adaev, & Aleksey Rud' 2020. Migration and its effects on life ways and subsistence strategies of boreal hunter-fishers: Ethnoarchaeological research among the Selkup, Siberia. *Quaternary International*. 541: 189–203.
- Rehbein, J., J. D. ten Thije, A. Verschik 2012. Lingua receptiva (LaRa) — remarks on the quintessence of receptive multilingualism. *International Journal of Bilingualism*. 16: 248–264.
- Rodríguez-Ordóñez, Itxaso 2019. The role of linguistic ideologies in language contact situations. *Language and Linguistics Compass* 13:e12351.
- Rumsey, Alan 1990. Wording, meaning, and linguistic ideology. *American Anthropologist*. 92(2): 346–361.
- Rumsey, Alan 2018. The sociocultural dynamics of indigenous multilingualism in northwestern Australia. *Language & Communication*. 62: 91–101.
- Silverstein Michael 1972. Chinook Jargon: language contact and the problem of multi-level generative systems, I. *Language*. 48(2): 378–406.
- Silverstein Michael 1979. Language structure and linguistic ideology. In: P. Clyne, W. Hanks, C. Hofbauer (eds.): *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels*. Chicago Linguistic Society, 193–247.
- Simons, G. 1982. Word taboo and comparative Austronesian linguistics. *Pacific Linguistics C*–76: 157–226.
- Smirnova, Olga V., Maxim V. Bobrovsky, Larisa G. Khanina 2017 (eds.): *European Russian Forests: Their Current State and Features of Their History*. (Plant and vegetation 15.) Dordrecht: Springer.
- Stépanoff, Charles 2017. The rise of reindeer pastoralism in Northern Eurasia: human and animal motivations entangled. *Journal of the Royal Anthropological Institute (N.S.)*. 23: 376–397.
- Tereschenko, N. M. 1956. *Materialy i issledovaniya poazyku nencev*. Moscow, Leningrad.
- Thomason, Sarah Grey 2008. Language contact and deliberate change. *Journal of Language Contact*. 1(1): 41–62.
- Thomason, Sarah Grey, Terrence Kaufman 1988. *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. Berkeley: University of California Press.
- Vasil'ev, V. 1985. Osobennosti razvitiya ètničeskix i jazykovyx processov v ètnokontaktnyx zonax Evropejskogo Severa i Severnoj Sibiri [Peculiarities of development of ethnic and linguistic processes in ethnocontact zones of European North and Northern Siberia]. In: *Ètnokul'turnye processy u narodov Sibiri i Severa* [Ethnocultural processes by peoples of Siberia and the North]. Nauka, 65–93.
- Woolard, Kathryn 1998. Introduction: language ideology as a field of inquiry. In B. Schieffelin, K. Woolard, P. Kroskrity (eds.): *Language Ideologies. Practice and Theory*. Oxford University Press: 1–47.

Система послелогов со значением 'рядом', 'в направлении', 'напротив' в северносамодийских языках и в прасеверносамодийском

А. Ю. Урманчиева

Институт лингвистических исследований РАН

В статье анализируется формирование в северносамодийских языках системы послелогов, связанных с идеей близкого расположения возле ориентира либо движения в направлении ориентира 'рядом', 'к', 'по направлению к', 'от', 'мимо'. Для описания семантики послелогов нам необходимо выделять следующие значения:

— 'действие завершилось рядом с ориентиром / исходит из места рядом с ориентиром / происходит рядом с ориентиром' (значение *б л и з о с т и*: остановился около дома);

— 'действие направлено в сторону ориентира / направлено со стороны ориентира / происходит в окрестностях ориентира' (*д и р е к т и в н о е* значение: *едет на север / со стороны моря*).

— действие совершается с целью достижения ориентира (*ц е л е в о е* значение: *идет к дому*);

— действие подразумевает плотный контакт объекта и ориентира (принципиально, что при этом в северносамодийских языках не важна конкретная локализация: 'в', 'на поверхности ориентира', 'вплотную к боковой стороне ориентира'; это *к о н т а к т н о е* значение: *вложил в руку / написал на двери*);

— действие совершается, будучи локализованным определенным образом относительно некоторого ориентира (значение *о р и е н т а ц и и*: *он спит ногами к двери*);

— действие осуществляется строго по курсу, задаваемому ориентиром (значение *к у р с а*: *идти по звёздам / направить нож на шест*);

— действие предполагает «малефактивное» соприкосновение объекта с ориентиром (значение *т о ч е ч н о г о* *ОБ-контакта*: 'зацепиться за что-то', 'порезаться обо что-то'.

На базе этих пространственных употреблений послелогов развиваются следующие непространственные употребления:

- а) образование форм локативных падежей личных местоимений в северносамодийских языках;
- б) комитативное значение ‘с’;
- в) значение эквивалента ‘ради чего-либо’, ‘в обмен на что-либо’;
- г) значение темы (сообщения, мысли и т. п.) ‘о чем-либо’.

I. Тундровый ненецкий

1. В значении *близости* грамматикализовалась основа *хэw-* ‘бок, сторона’, восходящая к ПС **kājwə-* с тем же значением [SW: 57]. Во всех северносамодийских языках она принимает полные именные (а не краткие адвербиально-послеложные) падежные показатели:

- (1) *тикы мяд’ хэва-н’ уысы-’’ нё-’’*
 тот чум.Gen бок-Lat стать.чумом-CN Neg.Aor-s3Pl
 ‘Возле того чума опять чумом встали’ [Терещенко 1990: 60 // T2, предл. 43].

2. Во всех говорах есть два послелога с директивным/целевым значением, *пуа-* (*ня-*) и *пуауи^h* (*няю-*). Оба послелога восходят к ПС **na-* [SW 99 *nä-*]. Когнатная *пуауи^h* форма лесного ненецкого (аганское *нятём*) показывает, что основа второго послелога в прасеверносамодийской реконструкции должен выглядеть как ***na-jomə*⁻¹. Послелоги *ня-* и *няю-* могут употребляться в одних и тех же контекстах, но все же функционируют они не вполне идентично. Пример (2) иллюстрирует целевое значение, примеры (3) и (4) — директивное: в примере (3) разговор происходит в окрестностях чума, в примере (4) войска движутся не от земли к воде, а со стороны суши в направлении берега. Эти три примера иллюстрируют употребление *няю-* в лативе, локативе и элативе:

- (2) *хыди’’ няю-’ ядалкаяю-в’’*
 чашка.GenPl к-LatAdv пойти.Aor.Rfl-r1
 ‘Я пошел к чашкам’ [Терещенко 1990: 45 // T1, предл. 123]
- (3) *Инзеле-б’’на-ни мядо’ няю-на уоб уарка вабць тэбкадар-манон-да*
 слушать-VACondFut-1 чум.Gen к-LocAdv один большой разговор доноситься-Aud-3
 ‘Если я прислушиваюсь, в стороне чума ясно слышится громкий разговор’ [Янгасова 2001: 283]

¹ Знаком ** я обозначаю потенциальные праформы — в том случае, когда распространение морфемы не дает формальных оснований для ее возведения к ПС или к ПСС.

- (4) я' **няю-д** яв-' сядо-' **уыл-**
 земля-Gen к-ElAdv море-Gen крутой.берег-Gen под-LatAdv
 саю'' ха''мота-''
 войско-Pl спускаться.Aor-s3Pl
 'со стороны суши под крутой берег моря войска спускаются' [Янгасова 2001: 85]

Пример (5) иллюстрирует употребление послелога *ня-* в лативной форме (5а) — в целевом значении, (5b) — в директ

ивном. Пример (6) показывает употребление элативной формы. Значения *няю-* в (2)–(4) и *ня-* в (5)–(6) не различаются.

- (5) а. *тю-худа-ни еркы мяд' **ня-** си"ми вала-уа-Ø-нё"*
 рукав-El-1 средний чум.Gen к-LatAdv я.Асс вести-Aor-s3-Emph
 'К среднему чуму рукавов меня повел'.
 б. *уарк'' хоё'' **ня-** саю-да хамы-''*
 большой-GenPl хребет-GenPl к-LatAdv взгляд-3 упасть.AorRfl-r3
 'В сторону больших холмов взгляд его упал' [Терещенко 1991: 89 // ТЗ, предл. 96].
- (6) *уарка яв-' **ня-д** тир тантал-й-''*
 большой море-Gen к-ElAdv облако подняться-AorRfl-r3
 'Со стороны большого моря облако поднялось' [Терещенко 1991: 226 // Т8, предл. 10]

Что же касается локативной формы послелога *ня-* — она передает непосредственную, **к о н т а к т н у ю** локализацию:

- (7) *Тарем' сыр-па"-ни хано-" вар-' ня-на*
 так посмотреть-VACond-1 нарта-GenPl край-Lat к-Loc
уб" хан сяр-Ø
 один нарта быть.привязанным.Aor-s3
 'Если посмотреть, на краю нарт одна нарта привязана' [Янгасова 2001: 231]
- (8) *Пуна пыда надо-' вар-' **ня-на** хонё-и-Ø*
 потом он яр-Gen край-Gen к-LocAdv спать-Cnj-s3
 'После пусть он спит на краю яра' [Янгасова 2001: 74]

Лативная форма послелога *ня-* передает также комитативное значение. Локатив от этого же послелога употребляется в значении комитатива, однако только в прономинальных (посессивных) формах комитатива, типа *ня-на-нд / к-LocAdv-2 / 'с тобой'*:

- (9) *папако-н **ня-** Вэбты''я тэта-' мят' мядон-зъ мани'*
 младший.брат-Gen к-LatAdv PN богат чум.Lat гостить-VAInf мы.Du

няригу-ми'

отправиться.Aor-o1Du

‘Мы с младшим братом отправились в гости в чум злого богача’ [Терещенко 1991: 182 // Т6, предл. 121].

Послелог *ня-* используется для образования форм локативных падежей личных местоимений:

- (10) *Ня-на-ни еся ни-Ø тара-*
 к-LocAdv-1 железо Neg.Aor-s3 необходимым.быть-Сп
 ‘Мне деньги не нужны’ [Янгасова 2001: 197].

Словарь [Буркова и др. 2010: 97], включающий лексику говоров Ямала и Гыдана, фиксирует использование пролативной формы послелога *ня-* в значениях *темы* (‘о чем-либо’) и *эквивалента* (‘(в качестве платы) за что-либо’).

3. В тундровом ненецком есть две послеложные основы: *уеґ-* (< **jet*) и *уеґ°-* (< **jet̚*, см. [SW 44], где рефлексy двух этих основ не различаются). Основа *уеґ-* имеет падежные формы, а основа *уеґ°-* имеет единственную форму адвербиального латива *уеґ°h* (в орфографии *ед*). Их значение ниже описывается по материалам восточных говоров.

Таблица 1. Послелогy *уеґ°-* и *уеґ-* в тундровом ненецком: семантика

курс: латив	<i>уеґ^оh</i> — непосессивное	<i>уеґ-</i> — посессивное
локатив ‘напротив’	<i>уеґ-</i>	
элатив		
эквивалент		
тема	<i>уеґ^оh</i>	
точечный ОБ-контакт		

Примеры (11)–(12) иллюстрируют употребление *уеґ°h* в значении к у р с а:

- (11) *Пэдара' по-мна яда-ва-н-да сер' мин-да-н-да*
 лес-Gen промежуток-Prol идти-NmlzIpfv-Gen-3 дело двигаться-NmlzTmp-Gen-3
ед' ноб" уарка"я хо надимья-Ø
 Dir1 один большой.Augm береза видимым.стать.Aor-s3
 ‘Когда он шел через лес, по ходу его движения показалась огромная береза’
 [Янгасова 2001: 39].
- (12) *Писяко-' пидя саво' ид" ер-ня хаи-Ø.*
 мышка-Gen гнездо талый вода.Gen середина-LocAdv остаться.Aor-s3
Яха-' салаба манзада-"ма-хад писяко' пидя' ед'
 река-Gen лед двигаться-NmlzPfv-El мышка-Gen гнездо-Gen Dir

уоб" уо сэр" теда' тям' тона-Ø
 один остров лед теперь вот иметься.Аог-s3

'Гнездо мышки осталось посреди талой воды. После того, как прошел лед по реке, по направлению (движения) мышкиного гнезда — вот те раз! — льдина есть!' [Янгасова 2001: 116]

Пример (13) иллюстрирует употребление основы *уеq-* в значении *курса* с посесивными показателями:

- (13) Няхар" сюрмба-да. Ня-ри-ни', е"-ни' нэр-уа-до'
 три бежать-PtPraes к-Lim-1 Dir2-LocAdv.1 держать-Аог-о3Pl
 'Трое бегущих. Прямо ко мне, на меня движутся' [Янгасова 2001: 244].

Пример (14) иллюстрирует еще одну разновидность значения *курса* — 'объект и ориентир находятся на одной линии' (далее условно обозначается термином «напротив»):

- (14) Сиби-мдей яля-ни ни-' ер-ня уэва-ни' е"-ня
 седьмой день-Loc ночь-Gen середина-Loc голова-Gen.1 Dir.2-LocAdv
 лахана-на-м' намда-дм'
 говорить-PtPraes-Асс слышать.Аог-о1
 'На седьмой день в полночь слышу, что прямо над моей головой кто-то говорит' [Янгасова 2001: 207].

Основа *уеq-* может изредка употребляться не только с адвербиальными, но и с именными падежными показателями, ср. локатив в (15):

- (15) уацекы" мяд' е-кана сянаку-"
 ребенок-Pl чум.Gen Dir2-Loc играть.Аог-s3Pl
 'Дети играют напротив чума' [Терещенко 1965: 92].

Пример (16) иллюстрирует употребление основы *уеq-* в пролативе в значении *эквивалента* ('ради'):

- (16) пыдар е"э-мня-нд тёня-ко-уэ уадимья-дам-зъ
 ты Dir2-Prol-2 лиса-Dim-Transl видимым.статья.Аог-s1-Praet
 'я ради тебя притворился лисичкой' [Янгасова 2001: 87].

Пример (17) иллюстрирует употребление *уеt'h* в значении *точечного ОБ-контакта*:

- (17) сей-ди' сябу-' ханзадо-' ед' юты-ни'
 сердце-3Du поганая.нарта-Gen полозья-Gen Dir1 разбить.Аог.оPl-opl1Du
 'Сердца их мы разбили о полозья поганой нарты' [Янгасова 2001: 193].

Словари фиксируют также употребление *уеt'h* в значении *темы*:

- (18) *Пыхыда-нд ед хонра-и-ра-сь*
сам-Gen.2 Dir1 спросить-Cnj-o2-Praet
'Спросила бы ты его о себе самой (обещая себя в жёны)' [Буркова и др. 2010: 21].

4. Суффикс *-nyiy°* (< ПС **ni-jâ*, где ПС **jâ* —атрибутивный показатель) образует атрибутивные формы со значением ориентации — от основ послелогов либо пространственных наречий (19), от основ этимологически полнозначных имен, которые лексикализировались для обозначения правой и левой стороны, как обозначения сторон света, а также от имен, использующихся для ориентации внутри чума (20) и от основ со значением времени суток или сезонов (21):

- (19) *туи-nyiy°* 'внутренний'; *nyer°-nyiy°* 'передний'; *nil°-nyiy°* 'нижний'; *pú-nyiy°* 'задний'; *tyax°-nyiy°* 'находящийся на той стороне', *təsyi-nyiy°* 'нижний'; *tyo-nyiy°* 'находящийся по соседству' [Терещенко 1965]; *нё-ний хэвхана* 'возле двери, досл. — в дверной стороне'; *си-ний хэвхана* 'в глубине чума, досл. — в стороне напротив входа' [Куприянова 1965: 148].

- (20) *тəха-nyiy°* 'правый'; *yínya-nyiy°* 'левый'; *syata-nyiy°* 'левый'; *yiba yah-nyiy°* 'южный'; *ɲerm°-nyiy°* 'северный'

- (21) *хú-nyiy°* 'завтрашний'; *nara-nyiy°* 'весенний'.

Такие формы представлены в большеземельских и западных говорах. В восточных (ямальских, таймырских) говорах атрибутивные формы такой семантики образуются иначе, при помощи послелога *nyañi°*: *ту-nyañi°* 'внутренний'; *nyer°-nyañi°* 'передний'; *təsyi-nyañi°* 'нижний'; *yínya-nyañi°* 'левый' и т. п.

Такие формы могут, в частности, употребляться как определение к слову *хəw°* 'бок, сторона' (которое, напомним, в свою очередь грамматикализовалось в значении близости). В этом случае представлена особая конструкция со значением ориентации:

- (22) *Тиканда си'* *няңы хэва-хан-до"*
там противоположная.входу.сторона.чума.Gen к.Attr бок-Лок-3Pl
ям' *таугумда-*.
земля-Асс освободить.Aor-s3Pl
'Ближе к задней стороне чума место освободили' [Янгасова 2001: 176].

Конструкция эта используется очень ограниченно; в восточных говорах это также основы, обозначающие ориентацию в чуме, основы послелогов и пространственных наречий, основы, означающие правую и левую сторону.

II. Лесной энецкий

1. В лесном энецком в значении близости грамматикализована та же основа ПС **kâjwâ*- 'бок, сторона' > энЛ. *kie*-:

- (23) *мезигу ке-хон менси ади-Ø, буси-ку дязу-ηа-Ø*
 чум.Dim[-Gen] сторона-Лос старуха сидеть.Aor-s3 старик-Dim ходить-Aor-s3
 'Рядом с чумом старуха сидит, старичок похаживает' [Сорокина, Болина 2005: 79 // T13, предл. 52].

Таблица 2. Послелogi в тундровом ненецком: сводная таблица

близость	xæw°-	
ориентация	nya-ηi° xæw°-	
директивное	nya-yu°	
целевое		
‘утром, вечером’		
контактное		
комитатив		
локативные падежи личных местоимений		
эквивалент (‘за’)	yeq-	nya-(Prol)
напротив	yeq-	
курс	yeq-(Poss)	
тема (‘о, про’)	yet°	
точный ОБ-контакт		

2. В лесном энецком есть два послелoga, функции которых частично пересекаются. Это послелог *ne*- (< ПС **na*-), и послелог *no*-, имеющий соответствие только в тундровом энецком; его потенциальная праформа выглядела бы как ***nə*-. Эти послелogi используются следующим образом (в устойчивых пространственных оборотах употребляется только послелог с основой *ne*-):

Таблица 3. Послелogi *ne*- и *no*- в лесном энецком

	в директивном значении в составных после-	пространст-	комитатив

	логах со значением широкой локализации (‘впереди’, ‘позади’ и т. п.) и устойчивых пространственных оборотах типа сторон све- та и пространственных местоимений	венные паде- жи личных местоимений	посессивный (место- именный)	непосес- сивный
<i>не-</i>	+ (24)–(25)	+ (26)–(27)	+ (Loc, 30)	
<i>по-</i>		+ (28)–(29)	+ (Loc, 31)	+ (Lat, 32)

— составные послелого и устойчивые пространственные обороты:

- (24) *Меси-да уму* **нэ-з** *э-бу-Ø*, *мореу каса*
ветер-3 север[-Gen] к-ElAdv быть-VACond-s3 PN мужчина
ме-кны-да э-уби-Ø, *дюба* **нэ-з** *дёзе-бу-та*,
чум-Loc-3 быть-Hab-s3 тепло[-Gen] к-ElAdv ударить-VACond-o3
мореу каса, *тохозь*, *пери кадяузу-да мосайс ниу*
PN мужчина тогда всегда охота-Acc.3 работать.CN Neg.Aor.Emph.s3
‘Если ветер дует с северной стороны, охотник мужчина дома бывает, если (ветер)
ударит с юга — тогда постоянно занят охотой’ [Сорокина, Болина 2005: 57 // T12, предл. 4].

- (25) *Нэ эчи-хи ань ор-чи* **нэ-н** *дёха модэ-хи*
женщина подросток-Du тоже перед-Gen.3Du к-LocAdv река увидеть.Aor-s3Du
‘Девочки же перед собой реку увидели’ [Сорокина, Болина 2005: 79 // T13, предл. 51].

Оба послелого используются для образования локативных форм личных местоимений:

- (26) *торь нэ-да дёри-җа-Ø*
так к-LatAdv.3 говорит-Aor-s3
‘так ему говорит’ [Сорокина, Болина 2005: // T51, предл. 21].
- (27) *тэза-хо нэ-ны-нъ би ни-Ø тара*
теперь-Emph к-LocAdv-1 вода Neg.Aor-s3 требоваться[-Cn]
‘теперь-то мне воды не надо’ [Сорокина, Болина 2005: 205 // T33, предл. 14].
- (28) *багля буси но-да ма-мби-Ø*
остяк старик к2-LatAdv.3 сказать-Hab-s3
‘старик-остяк ему говорит’ [Сорокина, Болина 2005: 115 // T20, предл. 9].
- (29) *обу-сь нэ-зу-нъ няба ни-з сым*
что.Ess к-ElAdv-1 заяц Neg.Aor-г3 бежать[-Cn]
‘почему заяц не бежит от меня?’ [Сорокина, Болина 2005: 247 // T66, предл. 54].

В значении комитатива употребляются оба послелога. Для образования прономинальных форм употребляются *и* *пе-* (30), и *по-* (31) — и тот, и другой в форме адвербиального локатива. Для образования комитативной конструкции с существительными используется только послелог *по-* (32), причем в форме адвербиального латива:

- (30) *нэ-ны-нь* дяз
к-LocAdv-1 идти.sImp2
'со мной иди' [Сорокина, Болина 2005: 205 // Т51, предл. 29].
- (31) *Но Бунля-за но-н-да дири-Ø*
один PN-3 к2-LocAdv-3 жить.Aor-s3
'Один парень с ней живет' [Сорокина, Болина 2005: 17 // Т1, предл. 79].
- (32) *Магу-та каса нэ-да но мя-к-да дяз-а-хи*
нуждаться-PtPraes мужчина женщина-Gen.3 к2.LatAdv чум-Lat-3 идти.Aor-s3Du
'Бедняк с женой идут в свой (досл. 'его') чум' [Сорокина, Болина 2005: 131 // Т24, предл. 68].

Словарь [Сорокина, Болина 2009: 289] фиксирует употребление пролативной формы послелога *пе-* в значении темы.

3. В лесном энецком есть также реликты показателя, который по модели образования аналогичен ненецкому *пуауи^h*, но образован он от основы *по-*, а не от основы *пе-*. Этот показатель сохранился в виде суффикса, фонетически реализующегося как *-нију-* (***пэ-јотэ-* > л.эн. ***пэ-јотэ-* > *-по-јуо-* > *-по-ју-* > *-ни-ју-*) — например, в следующих словах: *tos'iniју* 'вниз', *tojniју* 'в ту сторону', *tolniју* 'сюда', *p^uepiју* 'обратно', *orniју* 'вперед', *peosumniју* 'вечером', *kiudniју* 'утром', *piniју* 'ночью', *toniју* 'летом', *t'ieniју* 'вчера'.

4. Все перечисленные до сих пор грамматические показатели лесного энецкого выражают пространственные отношения только в очень ограниченной степени. Основным средством выражения целой серии пространственных значений является несерийный послелог *d'едо* < ПС **jetā*. Это (как и ненТ. *yet^h*) — адвербиальный латив от этой основы, но падежный показатель *ʔ* не фиксируется в записях. Сохранился и послелог *d'eʔo-* (<**jet-jā*, где ПС **-jā* — атрибутивный показатель), но употребляется он очень ограниченно. Эти послелоги употребляются в следующих контекстах:

Таблица 4. Послелоги *d'едо* и *d'eʔo* в лесном энецком

целевое	$d'e\delta o$ $d'e\gamma o-$
директивное (латив)	
напротив	
эквивалент	
тема	
точный контакт	

В лесном энецком не различается движение с целью достичь чего-либо (33) и движение в направлении чего-либо (34), а также ориентация (35) — во всех этих контекстах употребляется $d'e\delta o$:

- (33) *Онэй нэ-да парнэ-е мята дез када-за*
 настоящий женщина-Асс.3 ведьма-Augm чум.Gen.3 к увести.Aor-o3
 ‘Энецкую женщину ведьма к чуму понесла’ [Сорокина, Болина 2005: 59 // T12, предл. 75].
- (34) *нэнаг’ озима-хуз, энчу уму дез меси-лу-й-з’*
 комар-GenPl появиться.NmlzPfv-El человек.Pl север[-Gen] к кочевать-Inch-Aor.Rfl-r3Pl
 ‘после появления комаров энцы начинают аргшиить на север’ [Сорокина, Болина 2005: 274 // T75, предл. 31].
- (35) *чики-р кая дез сєзхала-сь, паги-за*
 этот-2 солнце[-Gen] к повернуться.лицом-Inf одежда-АссPl.3
читы-гу-й-за
 поднимать-Dug-AorOpl-opl3
 ‘он-то, встав лицом к солнцу, поднимает свои одежды’ [Сорокина, Болина 2005: 208 // T52, предл. 40].

Примеры (36) иллюстрируют употребление $d'e\delta o$ в значении к у р с а (‘на одной линии с чем-либо’):

- (36) а. *Оу, сама-нь сє-д, ъа дери дез*
 Excl дымовое.отверстие-Gen.1 дыра-Lat небо[-Gen] свет[-Gen] к
обу-хо сама-’ ад-би-з чи-да сама-’
 что-Indef птица-Pl сестр-Infer-r3Pl лететь-PtPraes птица-Pl
 (Говорит человек, находящийся внутри чума.) ‘О, на дымовое отверстие моего чума против солнечного света, оказывается, какие-то птицы сели, летающие птицы’ [Сорокина, Болина 2005: 46 // T9, предл. 5].

- b. *Нарай odddu-за кая дез тари дёдара-Ø*
 медный лодка-3 солнце[-Gen] к так блестеть.Aor-s3
 'Медная лодка его на солнце так и блестит' [Сорокина, Болина 2005: 40 // T8, предл. 56].

Пример (37) иллюстрирует употребление *d'edo* в значении эквивалента, (38) — в значении *темы*, (39) — в значении *точечного ОБ-контакта*:

- (37) *Тэта₁ бай₂ чукчи обуру-за бив дю бяси дез тыдра-го-Ø*
 богач_{1,2} весь вещь-АссPl.3 десять сто железо[-Gen] к продать-Dur.Aor-s3
 'Богач все имущество продает за тысячу рублей' [Сорокина, Болина 2005: 223 // T59, предл. 32].
- (38) *Парнэ-е дез энчи-ги торь биту-җа-хи*
 ведьма-Augm[-Gen] к человек-Du так думать-Aor-s3Du
 'О ведьме люди так думают: ...' [Сорокина, Болина 2005: 64 // T12, предл. 285].
- (39) *Бяси кою дез чукчи кози-за мору-й-за*
 железо хребет[-Gen] к весь коготь-АссPl.3 сломать-Aor.Opl-opl3
 'о железный хребет все когти пообломала' [Сорокина, Болина 2005: 78 // T13, предл. 35].

Послелог *d'eʔo*, по-видимому, устойчиво продолжает употребляться в значении эквивалента в форме пролатива: в [Сорокина, Болина 2005] представлено 15 таких употреблений — и ни одного пространственного. Пространственные употребления этого послелога в трех падежах я записала от А. С. Пальчина. Этому послелогу дан перевод 'за', но в действительности его значение уже: он описывает такую конфигурацию, когда объект расположен относительно ориентира таким образом, что он находится позади него на линии взгляда — так, что в результате он оказывается скрыт ориентиром. Таким образом, это — также один из вариантов значения 'напротив, на одной линии':

- (40) a. *тедо d'iu-ʔ*
 чум.Gen к2-LatAdv
 'за чум'
- b. *тедо d'iu-ne*
 чум.Gen к2-LocAdv
 'за чумом'
- c. *тедо d'iu-δo*
 чум.Gen к2-ElAdv
 'из-за чума'

Система лесного энецкого отражена в таблице 5.

III. Тундровый энецкий

1. В тундровом энецком значение *близости* передается серийным послелогом *kod'e-*, который не имеет соответствий в рассмотренных до сих пор языках (приводятся примеры из текста, записанного Евгением Арнольдовичем Хелимским и хранящегося в его архиве):

- (41) *tod'i adu-a-do d'ube biđo kod'e-ne*
 ты сидеть-Аог-s2 теплый вода.Ген около-LocAdv
 'ты сидишь около талой воды'

Можно сопоставить этот послелог с нг. *kad'a* с тем же значением. Оба послелога не имеют ни внутренней этимологии, ни очевидных внешних соответствий.

Таблица 5. Послелоги в лесном энецком: сводная таблица

близость	<i>kie-</i>	
ориентация	<i>d'eđo-</i>	<i>d'eđo-</i>
целевое		
курс		
напротив		
эквивалент ('за')		
точечный ОБ-контакт	<i>no-</i>	<i>*ne-</i>
тема ('о, про')		
директивное		
локативные падежи личных местоимений		
комитатив посессивный		
непосессивный	<i>-no-ju</i>	<i>ne-</i>
'утром, вечером'		

На синхронном уровне форма сопоставляемых послелогов в тундровом энецком и нганасанском кажется достаточно близкой. Однако если говорить о гипотетических праформах этих послелогов, праформа энТ. *kod'e* может выглядеть как ***kârka*, ***kârša* либо как ***kânša* либо как ***kânka*, а праформа нг. *kad'a* может выглядеть как

****kaja** либо как ****keja**. Более реальным выглядит предположение о заимствовании этого послелога нг. > энТ. В этом случае нг. -d'- вполне мог бы соответствовать энТ -d'-. Проблему представляет только гласный первого слога. Но можно обратить внимание на такое же соответствие энТ. -o- ~ нг. -a- в случае несомненного заимствования энТ. *toxorobu?* 'теперь' < нг. *тахариаби?*, *тахариабэ*. Если бы эти слова были родственными, а не заимствованными, не могло бы быть соответствия в интервокале энТ. -х- (который может восходить только к *k) и нг. -х- (который может восходить только к *p). Направление заимствования следует предполагать именно из нганасанского в энецкий, так как в энецком это слово морфологически изолировано, тогда как в нганасанском мы находим и варианты *тахариа*, *тахариаиу?* 'теперь'.

2. В тундровом энецком представлены два послелога с основами *пе-* и *поо-*. Можно было бы считать, что *поо-* представляется собой атрибутивную форму послелога *по-* — так же, как я считаю послелог энЛ. *d'eʔo-* атрибутивной формой той основы, которая в чистом виде представлена в ненТ. *уеґ-*. Но при сходстве энТ. *поо-* с энЛ. *по-* я предполагаю, что эти послелоги этимологически не связаны, см. ниже. Послелоги *пе-* и *поо-* употребляются следующим образом:

Таблица 6. Послелоги *пе-* и *поо-* в тундровом энецком

	целое значение	директивное значение	курс	контактная	точечный Об-контакт	тема	составные послелог	пространственные падежи личных местоимений	комитатив	
									посессивный (местоименный)	непосессивный
<i>пе-</i>				Prol (45)				(49)	(51)	(52)
<i>по-</i>	(42)	(43)	(44)		(46)	(47)	(48)	(50)		

(42) *D'ed'u noore-ḍoʔ, n'ia noo-ʔ kan'i-ʔ*
 лебедь[-Pl] встать.AorRfl-r3Pl дверь[-Gen] к2-LatAdv пойти.Aor-s3Pl
 'Лебеди встали, к двери пошли'.

(43) *pedu noo-ʔ t'ioeḍoʔ*
 юг[-Gen] к2-LatAdv полететь-AorRfl-r3
 'на юг полетели'

(44) *Irio noo-ʔ d'aḍo-buʔ sou-a-Ø,*
 месяц[-Gen] к2-LatAdv идти-VACond хорошим.быть-Aor-s3

poðeseo noo-ʔ d'aðo-buʔ sou-a-Ø
 звезда[-Gen] к2-LatAdv идти-VACond хорошим.быть-Aor-s3

‘Можно идти, ориентируясь по луне, можно идти, ориентируясь по звезде’.

- (45) а. *poðu-da ne-one*

ворота-Gen.3 к-Prol

‘через ворота’

- б. *ŋa-da ne-one d'ena-bo*

нога-Gen.3 к-Prol поймать.арканом.Aor-o1

‘я поймал его за ногу арканом’

- (46) *koru noo uða-jʔ mota-ðoʔ*

нож[-Gen] к2[-LatAdv] рука-Acc.1 обрезать.Aor-s1

‘я об нож руку порезал’

- (47) *mod'i poreduto-n'iʔ noo-ʔ ten'itu-ŋa-ðoʔ*

я помощь-Gen.1 к-LatAdv думать-Aor-s1

‘я надеюсь на помощь’

- (48) *D'aa-da ereda[] noo soðo oðim-a-Ø.*

земля-Gen.3 впереди-Gen.3 к2[-LatAdv] мыс видимым.стать-Aor-s3

‘На земле перед ним мыс показался’.

- (49) *Mod'i ne-ne-naʔ t'iite*

я к-LocAdv-1Pl зуб-VDN?-PtPraes

‘У нас [он называется] морж’.

- (50) *nabe enet'eʔ tɥ-a-Ø noo-naʔ*

новый человек прийти-Aor-s3 к2-LatAdv.1Pl

‘новый человек к нам пришел’

- (51) *Ne-ne-do n'ie-ðoʔ ire-do-ʔ*

к-LocAdv-2 Neg.Aor-s1 жить-Dut-Conn

‘Я с тобой жить не буду’.

- (52) *Sanike-da araa nee nio ne-ne*

чайка-Gen.2 старший женщина ребенок с-LocAdv

n'ia kod'e-ne noo-a-xaʔ

дверь[-Gen] около-LocAdv стоять-Aor-s3Du

‘Со старшей дочерью чайки стоят у двери’

3. Послелог *noo-* в застывшей форме адвербиального латива образует атрибутивные формы от слов пространственной семантики (*binenoo* ‘правый’, *setanoo* ‘левый’) и от основ послелогов. Такие образования могут употребляться как самостоятельно, так и в сочетании со словом *ko-* ‘сторона’, в этом случае образуется конст-

рукция со значением ориентации (*men'iʔ oro-noo koo-doʔ* / чум-Gen.1 перед-AttrLoc бок-Lat / ‘перед моим чумом’; *kaɣa-duʔ puo-noo koo-ne* / шайтан-Gen.3Pl зад-AttrLoc бок-LocAdv / ‘позади их шайтана (идола)’). Этот же суффикс употребляется и в составе наречий с темпоральным значением типа *peosudunoo(?)* ‘вечером’.

4. Реликты директивного показателя энТ. *no-* (когнатного послелогу энЛ. *no-*) сохраняются в составе наречий и вопросительных местоимений: *kuunoʔ* ‘куда?’, *kuinone* ‘где?’, *kuinodo* ‘откуда’, *iinoʔ* ‘туда’, *koonoʔ* ‘в сторону’, *teinoʔ* ‘так’, *taɣanoʔ* ‘направо’. Этот показатель был, очевидно, общеэнецкой инновацией, которая в тундровом энецком быстро была замещена рефлексам *noo-*.

5. В тундровом энецком послелог *d'eʔo* имеет два употребления. Во-первых, в форме пролатива он ожидаемо употребляется в значении эквивалента (53):

- (53) *noo-da t'iki-ta d'eʔone tia mi-ta-baʔ*
он-LatAdv.3 это-Gen.Pl.3 курс.Prol олень[-Acc] дать-Fut-s1Pl
‘мы ему за это будем давать оленей’

Во-вторых, в форме адвербиального латива он употребляется в значении курса (54), в форме адвербиального локатива — в значении ‘напротив’ (55):

- (54) *Sexa-ɖo-iʔ d'ere d'udaa d'eʔo tabaɖa-do*
дорога-Dest-Acc.1 день[-Gen] середина[-Gen] курс[-LatAdv] показать.Aor-s1
‘ты показал мне дорогу на полдень’

- (55) *d'ere d'eʔo-ne adu-e*
день[-Gen] курс-LocAdv сидеть-VAinf
‘сидеть против света’

Таким образом, в тундровом энецком представлена следующая подсистема послелогов:

Таблица 8. Послелог в тундровом энецком: сводная таблица

	тундровый энецкий
близость	<i>koo-</i>
ориентация	<i>-noo koo-</i>
директивное	<i>noo-</i>
целевое	
точечный ОБ-контакт	

‘утром, вечером’	
тема	<i>noo-</i>
курс	
напротив	<i>d'eʔo</i>
эквивалент (‘за’)	
локативные падежи личных местоимений	<i>noo-</i>
комитатив посессивный	<i>ne-</i>
непосессивный	

IV. Сопоставление данных тундрового ненецкого, тундрового энецкого и лесного энецкого

Как можно видеть из таблицы ниже, эти три идиома демонстрируют существенные расхождения в моделях полисемии этимологически тождественных показателей.

Таблица 8. Послелogi в лесном энецком, тундровом энецком и тундровом ненецком:
сводная таблица

	лесной энецкий	тундровый энецкий	тундровый ненецкий
близость	<i>kie-</i>	<i>koo-</i>	<i>xæw°-</i>
ориентация		<i>-noo koo</i>	<i>nyɑ-ŋi° xæw°-</i>
директивное	<i>d'eðo-</i> <i>*ne-</i>		
целевое		<i>noo-</i>	<i>nyɑ-yu°-</i>
‘утром, вечером’	<i>-no-ju</i>		
контактное		<i>ne-(Prol)</i>	
комитатив непосессивный	<i>no</i>	<i>ne-</i>	<i>nyɑ-</i>
посессивный	<i>no-</i> <i>ne-</i>		

локативные падежи личных местоимений			<i>noo-</i>	<i>ne-</i>	
эквивалент ('за')	<i>d'eðo-</i>	<i>d'eʔo</i>	<i>d'eʔo-</i>		<i>yeq-</i> <i>nya-(Prol)</i>
напротив					<i>yeq-</i>
курс	<i>d'eðo-</i>		<i>noo-</i>	<i>d'eʔo-</i>	<i>yeq-(Poss)</i>
тема ('о, про')		<i>ne-</i>			<i>yet°</i>
точечный ОБ-контакт			<i>noo-</i>		

Интересный результат мы получаем, если устраним из таблицы все строки, в которых представлены непространственные употребления:

Таблица 9. Послелог в лесном энецком, тундровом энецком и тундровом ненецком: пространственные употребления

близость	kie-		kod'e-		xæw°-	
ориентация			-noo koo		nya-ŋi° xæw°-	
директивное	d'eðo-	*ne-	noo-			nya-yu°-
целевое						
контактное			ne-(Prol)		nya-	
напротив		d'eʔo			yeq-	
курс	d'eðo-		noo-	d'eʔo-		yeq-(Poss)
точный ОБ-контакт			noo-		yet°	

При этом из Таблицы 8 фактически «вырезается» та центральная часть, которая разрывает на две части употребления *d'eðo* в лесном энецком и употребления *noo-* — в тундровом энецком. Это позволяет заметить несколько закономерностей:

1. В этой системе представлены три общесамодийских послелога: а) восходящие к **kâjwâ*; б) восходящие к **na-*; в) восходящие к **jet-/jetâ-*. Наиболее архаичной представляется ненецкая система: в ней мы видим противопоставление трех пространственных значений: близости, директивно-целевого и курса.

2. В тех случаях, когда наблюдается конкуренция двух средств выражения одного и того же пространственного значения, имеющий больший стаж в грамматиче-

ской системе послелог успевает образить и рядом непространственных употреблений, инновационное же средство захватывает прежде всего пространственные контексты. Это наблюдение справедливо для инновационного *пуауи*², конкурирующего с архаичным *пуа*-, которое, помимо директивно-целевого, выражает также непространственное значение эквивалента и развивает такие функции высокой степени грамматичности, как комитатив и пространственные падежи личных местоимений.

3. Этот принцип — соотнесение более архаичных грамматических средств с выражением непространственных значений — позволил нам исключить непространственные употребления из Таблицы 8 и получить Таблицу 9, отражающую развитие подсистемы пространственных послелогов в обоих энецких идиомах. В них произошло упрощение исходной системы «ненецкого» типа: практически устранено противопоставление директивно-целевого значения и значения курса (движения/нахождения на одной оси с ориентиром). В лесном энецком при этом обобщилось средство выражения, исходно связанное с выражением значения курса (*d'edo*), в тундровом энецком — средство, исходно связанное с выражением директивно-целевого значения (*поо*-). То, что в обоих энецких языках изначально использовалась система послелогов, идентичная ненецкой, показывают реликты употребления послелога *пе*- в лесном и тундровом энецком: это те самые непространственные употребления, которые возникают на поздней стадии грамматикализации и которые сохраняются при вытеснении послелога из сферы выражения пространственных значений.

V. Нганасанский

1. В нганасанском в значении *близости* употребляется послелог *кэи*-, восходящий к прасамодийской основе со значением ‘бок, сторона’²:

- (56) *Matí* **кэи-тэ-ны** *нюляйчи-ты-гэй*
 чум.Gen.3Du сторона-AttrLoc-LocAdv лежать-Praes-s3Du
 ‘(Они) возле чума лежат’. (130_KTD_86_BeturakuNy_flks 1552)

2. В этом же значении употребляется послелог *кад’а*:

- (57) *деду-ты* *пуа* **кадя-ну** *нэньди-ты-гэй*
 отец-Gen.3Du дверь[-Gen] около-LocAdv стоять-Praes-s3Su
 ‘(Дети) стоят около двери (чума) своего отца’ (TKF_061102_Lakuna_flk 170)

² Ссылки на нганасанские тексты даются в соответствии с номенклатурой, принятой в корпусе нганасанских текстов «Nganasan Spoken Language Corpus» (см. Brykina et al. 2018).

Выше я уже писала о возможности того, что этот послелог был заимствован из нганасанского в тундровый энецкий.

3. В нганасанском представлен несерийный послелог *d'a*, который, по всей видимости, соответствует ПС **jet*. В посессивных формах он выступает в виде *дятэ* — вероятно, именно посессивная основа сохраняет этимологический **t*. Основное значение этого послелога — целевое (что отмечено и в Wagner-Nagy 2018: 157):

- (58) *э́дэи-тэ* *дя* *коны-?*, *хууди-не*, *гэмэ?кэ-гээ-?*
старший.брат-GenPl.2 к пойти-sImp2 позвать-orImp2 поесть-Imp-s3Pl
'иди к своим братьям, позови их, пусть поедят'. (134_KTD_SeuMelangana_flks 903)

Этот послелог может передавать значение темы (59) и точечного ОБ-контакта (60):

- (59) *дя-тэ-нэ* *ни-?* *капкэ-гэли-?* *куни?иагүэ сынерырэ-?*
курс-Lat-1 Neg-Imps2 когда-Emph-Adv как-то думать-CN
'Обо мне никогда как-то [с беспокойством] не думай'. (KTD_SeuMelangana_flks 1323)

- (60) *Хүтэзэ-ту* *кам байкэ-ту* *дя хонумэ-нду-тэ-ту*
туловище[-Gen]-3 кровь оглобля-Gen-3 к швырнуть-NmlzTempI-Lat-3
мазэ кинтэ-рэкы
чум.Gen дым-Comp
'Кровь из туловища, когда он его швырнул об оглоблю [нарты], как дым из чума [брызжет, валит]'. (KTD_SeuMelangana_flks 1113)

Этот же послелог употребляется в наречиях с темпоральным значением (61) и в составе сложных послелогов *тагэ дя* 'за (какое-либо препятствие)' (62) и *нии дя* 'в направлении чего-либо' (63):

- (61) *кү́зуату* *дя*
утро[-Gen] к
'утром'
- (62) *Тэ?э*, *бэбку* *тагэ* *дя* *бии-?иа*
ну+ладно бухта[-Gen] за.Gen к пойти-Pf-s3
'Ну ладно, он отправился за бухту'. (KTD_SeuMelangana_flks 818)
- (63) *Тэти* *сюара-?а-ми* *кона-?а-Ø* *такэа* *бызэ* *нии* *дя*
тот товарищ-Augm-1Du уйти-Pf-s3 прежний вода Dir к
'Тот наш товарищ обратно ушел в сторону той прежней воды'
(TKF_061025_SonOfATsar_flks 389)

4. В нганасанском есть послелог *нии-*, передающий директивное значение. В лативном значении он употребляется как составной послелог в форме *нии дя*, как

в (63) выше. Ниже приводятся примеры его употребления в элативной форме, которые достаточно хорошо иллюстрируют *директивное* значение:

- (64) *Ненача?а нанузэ котузэ нии-зэ котэра?а*
огромный настоящий юго-запад.Attr Dir-ElAdv пурга
'Совсем большая пурга (идет) с юго-запада'. (TKF_061023_SmallBird_flks 58)

Если в (64) необходимость употребления этого послелога диктовалась отсутствием конкретной исходной точки, в примерах (65) и (66) ориентир является вполне конкретной, четко локализуемой точкой — но точкой-ориентиром, а не исходным пунктом. В (65) *камату ниузэ хеби?а* 'от переносицы упал' означает не то, что, например, что-то от носа описываемого субъекта отвалилось, а то, что сам он упал, и падение это было ориентировано от его переносицы — то есть он упал носом вниз:

- (65) *Кама-ту нии-зэ хеби-?а-Ø тэ*
переносица-GenPl.3 Dir-ElAdv упасть-Pf-s3 и
'И носом (досл. 'в направлении от переносицы') оземь упал'.
(KTD_SeuMelangana_flks 1146)

В (66) рыба говорит, есть ли ее с головы или с хвоста — хвост в этом случае выступает ориентиром, от которого следует начинать:

- (66) *Тои-гээ-Ø, мэнэ гэмэ? лэбсуэ-нэ ниузэ*
ненужным+быть-Imp-s3 я есть-sImp2 рыбий.хвост-Gen.1 Dir-ElAdv
'Черт с ним, меня с хвоста ешь' (TKF_061023_SmallBird_flks 878)

Этот же послелог в пролативной форме маркирует тему (67):

- (67) *horə₁ sot'əməə₂-” təbtə təŋkəgə нии-мэну d'indi-”ə-”*
эвенк_{1,2}-Pl тоже сильный[-Gen] Dir-Prol слышать-Pf-s3Pl
'Эвенки тоже слышали об этом силаче'. [Katzschmann 1997: 97, предл. 1712]

5. В нганасанском есть два ряда форм, выражающих значение *ориентации*. Первый ряд образован сочетанием основы, оформленной суффиксом *-ниэ ~ -ниэ* (< ПС **ni-jə*), со словом *кэи-/кэитэ* 'сторона'. Этот суффикс образует атрибутивные формы со значением ориентации от основ послелогов и пространственных наречий (68), от имен, использующихся для ориентации внутри чума (69), от основ этимологически полных имен, которые лексикализировались как обозначения сторон света, от дейктических местоимений:

- (68) *Мазу? мэки-ниэ кэи-зэ сохү-”и-зэ*
чум.GenPl позади-AttrDir сторона-ElAdv упасть-Pf-r3
'Он вывалился из-за чумов'. (TKF_061102_Lakuna_flk 665)

- (69) *Тэндэ мазэ уоа-ниэ кэитэ-э уана²са*
 тот-Gen чум-Gen дверь-AttrDir сторона-AttrLoc человек
баарбэтир-ү-Ө бадя кэндэ-тэну
 по.хозяйски.сидеть-Praes-s3 железо-Gen нарта-Loc
 'Со стороны входа в тот чум человек сидит по-хозяйски на железной нарте'.
 (KTD_SeuMelangana_flks 110)

Вторая конструкция представляет собой сложный послелог, состоящий из атрибутивной формы послелога *нии-* (которая имеет вид *нииде*) в сочетании с *кэи/кэитэ* 'сторона':

- (70) *Мазэ нииде кэитэ мэрү-зу магэлюкү*
 чум.Gen Dir.Attr сторона берег-3 низкий
 'Со стороны чума берег (= тот берег, на котором стоит чум) низкий'
 (ChND_061025_Haljmira_flks 16)
- (71) *бэндубтээ тааніэ кэндэ нииде кэитээ тундыр-ты*
 верхний тот санка Dir.Attr сторона-Attr борт-3
уйбу-зу сары-мээ.
 голова-3 прорезать-PtPass
 [У его нарты семь бортов.] 'Верхний, находящийся со стороны нарты (= со стороны седока, а не с наружной стороны) борт, его верхушка имеет выемку'.
 (KTD_86_BeturakuNy_flks 18)
- (72) *Дялы нииде кэи дя дийка-ту-нду-?*
 свет[-Gen] Dir.Attr сторона к крутиться-Np-Praes-s3Pl
 'по часовой стрелке (по солнцу) крутятся'. (TKF_061025_SonOfATsar_flks 324)

6. В нгасанском есть ряд локативных форм, в которых можно выделить суффикс *-ні*, совпадающий с первым элементом атрибутивного суффикса *-ні-э*:

- пространственные местоимения (с полными парадигмами во всех падежах), например *эмэ-ні* 'туда', *таа-ні* 'туда, подальше отсюда', *тэні* 'туда', *тэніні* 'там';
- вопросительные местоимения *куні* 'куда?' и *куніні* 'где?';
- послеложные формы типа *нерэ-ніка-ну-нэ* / перед-Dir-LocAdv-1 / 'передо мной'.

7. В нгасанском представлен послелог *на-* (< **na-*). Как и в других северных самодийских языках, он употребляется для образования косвенной основы личных местоимений (73) и для образования комитативных форм: непоссесивных (74), (75) и поссесивных (76):

- (73) *Мэнэ на-зэ-тэ батэ-му-ндэ кэрбу-ту-м*
 я к-ElAdv-2 лишним.быть-NmlzIpF-Lat хотеть-Praes-s1
 ‘Я по сравнению с тобой на большее претендую’. (KTD_SeuMelangana_flks 882)
- (74) *бызэ кунсы-мэну кудюм кэрбу-ну-Ø тэти*
 вода.Gen внутри-Prol кто.Select хотеть-InterrPraes этот
тэндэ нумайкаа на-ну хозыр-кэд-удй-[?]
 туда парень[.Gen] к-LocAdv нырять-AdmCoh-Imp-3Sg.r
 ‘Ну что, кто из вас хочет, с этим парнем пусть ныряет?’ (TKF_061102_Lakuna_flk 715)
- (75) *десы-гэи-ти на уэмэ-?ки-?а-Ø*
 отец-Du-Gen.3 к.LatAdv есть-Inch-Pf-s3
 ‘Вместе с родителями есть стал’. (TKF_061025_SonOfATsar_flks 144)
- (76) *эмэниэрэ маа дя ни-уы-Ø на-ну-нэ кундуа-[?]*
 этот-2 что[-Gen] к Neg-Interr.Praes-s3 к-LocAdv-1 спать-CN
 ‘Почему он со мной не спит?’ (KTD_86_BeturakuNy_flks 1589)
- В сфере выражения собственно пространственных значений *на-* передает контактное значение:
- (77) *Нуа-на на-ну нимэ хозүтү.*
 дверь-Gen.1 на-LocAdv имя.1 написанным.быть-Praes-s3
 ‘На двери мое имя написано’. (TKF_061023_SmallBird_flks 724)
- (78) *синде-ты на сэд-м-ты хуарумэбта-?а-Ø*
 грудь-3 к.LatAdv сердце-Acc-3 вложить-Pf-s3
 ‘сердце в грудь вложил’ (TKF_061025_SonOfATsar_flks 747)
- (79) *Тэндэ миизитиэ кинсибтээ уануэ муэде на туу-?а-Ø*
 теперь ближайший нижний самый сук[-Gen] к.LatAdv прийти-Pf-s3
 ‘Теперь на самый ближний, самый нижний сучок (птенец) слетел’.
 (TKF_061023_SmallBird_flks 738)
- (80) *сусу[?]кү на уойбүү-чи хуан-са*
 кочка[-Gen] к.LatAdv голова-AccPl.3Du положить-VAlnf
 ‘на кочку головы положив, ...’ (KTD_86_BeturakuNy_flks 1147)

8. В нганасанском есть послелог *дязи[?]кү*. Его можно рассматривать как диминутив от основы **jetə*. Этот послелог передает значение курса — движение строго с учетом определенного ориентира (81)—(82), примыкающее к нему значение нахождения на одной оси (83), а также значение эквивалента (84).

- (81) *Тэндэ хорбу дязикү-мэны хүркү уиле-мэны хүэти² хезыты-²*
 этот волна[.Gen] курс-Prol гора[.Gen] под-Prol всегда двигаться-sImp2
 'Ориентируясь на эту волну, все время плыви под горой'. (TKF_061102_Lakuna_flk 729)
- (82) *Ни-сыэ-м мэна хорэ-тэ дязи²кү ни-сыэ-м тэнэ хоруга-²*
 Neg-Praet-o1 я лицо-Gen.2 курс.LatAdv Neg-Praet-o1 ты стрелять-CN
 'Нет, я тебе в лицо не стрелял'. (TKF_061102_Lakuna_flk 925)
- (83) *хорэ-нэ дязи²кү-нү баса укудяры эмэ мантэ чеби-тиэ-Ø*
 лицо- курс- железный гагара этот способ прибитым.быть-Praes-
 Gen.1 LatAdv.1 s3
 'Перед моим лицом железная гагара вот так прибита'.
 (TKF_061025_SonOfATsar_flks 646)
- (84) *Моана-?муг-дэ дязи²кү, Хабтү?₁ Бадя₂ Ныз эмэ*
 мучиться-NmlzPfV-Praet[-Gen] курс.LatAdv PN_{1,2,3}[-Gen] этот-LatAdv
туу-?муг дязи²кү, тэ накүрэ мыэзэ хутури-?э-м тэ?
 прийти-NmlzPfV[-Gen] курс-LatAdv и три.Асс аргиш[-Асс] запречь-Pf-s1 ведь
 'В вознаграждение за прежние мучения, в вознаграждение за приезд сюда
 Нгабтю Баса Ны, я и запяг ведь три аргиша'. (KTD_Seumelangana_flks 983)

Рассмотренную подсистему нганасанских послелогов можно отобразить в следующей таблице:

Таблица 10. Послелогии в нганасанском: сводная таблица

близость	кэитэ / кадя	
ориентация	ниэ ~ ниэ кэитэ	нииде кэитэ
директивное	нии-	
целое	дя / дязэ(-Poss)	
'утром, вечером'		
контактное	на	
комитатив непосессивный		
посессивный		
локативные падежи личных местоимений		

эквивалент ('за')	дязикү	
напротив		
курс		
тема ('о, про')	нии(-Prol)	
точечный ОБ-контакт	дя / дязэ(-Poss)	

Этимология почти всех представленных в нганасанском показателей уже обсуждалась на материале когнатных единиц других северносамодийских языков. Исключение составляет директивный *нии-*. Нг. /ii/ может иметь разнообразные соответствия в других самодийских языках — можно сказать, что они имеют скорее характер «штучных». Для целей данной работы нас интересует соответствие нг. *чии-* 'спрятать' ~ энТ. *too-* ~ л. эн. *tie-*.

Если принять во внимание данное соответствие, можно сопоставить нг. *нии-* с энТ. *поо-*. Интересно, что М. А. Кастрен отмечает для лесного энецкого в директивном значении послелог *nie* 'к; напротив' (Castrén 1855: 86). В этом случае мы находим ряд соответствий, точно повторяющий приведенный выше: нг. *нии-*, энТ. *поо-*, энЛ. *nie-*. Для этого послелога можно предложить праформу ***nūj*.

При характеризующий лесной энецкий тенденции к монофтонгизации послелог энЛ. *nie-* должен был совпасть (*nie > nⁱe > ne*) с послелогом *ne-* (< **na-*). При этом переход эн. *oo > энЛ. ie* в лесном энецком происходил, видимо, относительно недавно: еще в словарных записях М. А. Кастрена (Castrén 1855) фиксируются соответствия трех типов:

энТ. *поо-* ~ энЛ. *поо-* (совр. *nie-* / **ne-**) 'стоять'

энТ. *коо* ~ энЛ. *кио* (совр. *kie* / **ke**) 'бок'

энТ. *поо* ~ энЛ. *nie* (совр. —) 'по направлению к'

Монофтонгизация, отраженная в современных записях, должна была привести к исчезновению из системы послелога *nie*. Вероятно, именно этим объясняется нестандартная экспансия более архаичного послелога *d'ed(o)*: неудачное фонетическое развитие нового послелога вывело его из системы и запустило расширение функций у старого послелога. Взаимосвязь этих двух процессов — исчезновения в лесном энецком *nie-* (< *поо-*) и экспансии *d'ed(o)* — также косвенно подтверждают записи М. А. Кастрена: в его материалах послелог *d'ed(o)* не зафиксирован, что было бы невероятным, имей он во времена Кастрена ту же частотность, что имеет сейчас.

VI. Прасеверносамодийская система послелогов и переход к системе послелогов современных северносамодийских языков

В целом прасеверносамодийская система послелогов в основных своих чертах сохраняется в тундровом ненецком. Но некоторые уточнения этого прототипа должны быть сделаны на основе реликтовых употреблений суффикса *-ni* в нганасанском: возможно, показатель **-ni*, который мы на материале самодийских языков достоверно реконструируем только как показатель атрибутивной формы с директивным значением, употребляющейся в конструкции *ориентации*, изначально имел более широкую сферу употребления — а именно, мог выражать *директивное* значение (как мы видели, в северносамодийских языках эти конструкции регулярно используют одни и те же показатели).

Экспансия **na-* в сферу выражения директивных значений, возможно, началась уже в прасеверносамодийском. При этом директивные употребления рефлексов **na-* представлены только в ненецком и энецком, в нганасанском же в сфере выражения директивного значения сохраняются реликты употребления **ni-* (в сложных послелогах типа *нерэ-ника-ну-нэ* 'впереди меня') и реликты употребления **jet-* (в сложных послелогах типа *бэбку тагэ дя* 'за бухту'), но нет никаких следов употребления **na-*. На первый взгляд это означает, что исходное значение **na-* в сфере передачи пространственных значений — контактное, а не директивное, что в ненецком и энецком он вторично развил директивные употребления, а в нганасанском сохранил единственное узкоспециальное употребление. Однако этой гипотезе противоречит история обновления средства выражения директивного значения в ненецком: в нем появляется показатель *пуауотэ*. Очевидно, что этот показатель, образованный суффиксальным способом от основы *пуа-*, повторяет ее путь грамматикализации: он начинает дублировать *пуа-* в директивных контекстах, но не проникает в контексты контактной локализации, комитатива и пространственных падежей личных местоимений, из чего можно заключить, что три названных последними употребления формируются после собственно директивного. Сохранению директивных употреблений у более раннего *ni-* и их исчезновению у более позднего *na-* в нганасанском можно предложить иное объяснение: для как служебный элемент может полностью вытеснить другой служебный элемент *na-*, но полному вытеснению *ni-* мешает его морфологизация.

Ниже представлена система таблиц, в которой реконструировано развитие системы послелогов в каждом северносамодийском языке от прасеверносамодийского до современного состояния. Те столбцы таблиц, которые отражают хронологически одну и ту же стадию, находятся точно друг под другом. Это может быть генетически общая стадия (в этом случае столбцы таблиц соединены по вертикали линиями) либо общее ареальное развитие (в этом случае столбцы таблиц соединены

по вертикали стрелками). В таблицах все послелогои обозначены потенциальными самодийскими праформами.

Таблица 14. Эволюция прасеверносамодийской системы в языках-потомках

	*ПСС	протоенецеко-энецкий	протоенецкий	вост. ненГ
близость	*kǎjwǎ	*kǎjwǎ	*kǎjwǎ	*kǎjwǎ
ориентация	*ni-jǎ kǎjwǎ	*ni-jǎ kǎjwǎ	*ni-jǎ kǎjwǎ	*na-ŋǎ-jǎ kǎjwǎ-
директивное	*na	*na-	**na-jomǎ	*na-jomǎ
целевое				
‘утром, вечером’				
контактное				
комитатив непос. пос.				
PronLoc	*jet	*jet-	*jet-	*na-Prol
эквивалент				
напротив				
курс	*jǎtǎ	*jǎtǎ	*jǎtǎ	*jet-Px
тема (‘о, про’)				
точечный ОБ-контакт				

	*ПСС		протоенецко-энецкий	протоэн.	энЛ I	энЛ II	энЛ III (~~Кастрен)	энЛ	
близость	*kǎjwǎ		*kǎjwǎ	*kǎjwǎ	*kǎjwǎ	*kǎjwǎ	*kǎjwǎ-	*kǎjwǎ	
ориентация	*ni-jǎ kǎjwǎ		*niǰ kǎjwǎ	*ni-jǎ kǎjwǎ	*ni-jǎ kǎjwǎ	*na-ŋǎ kǎjwǎ	*na-ŋǎ kǎjwǎ-		
директивное	*na	*ni	*na	*na	**nǎ	**niǎj-		*jetǎ	
‘утром, вечером’									
контактное									**nǎ-jomǎ
комитатив непос.									
пос.									
PronLoc									
эквивалент					**nǎ	**nǎ	**nǎ	**nǎ	
напротив					**nǎ	*na	*na	*na	
курс					*na	*na	*na	*na	
тема (‘о, про’)					*jet	*jet	*jet	*jet	
точечный ОБ-					*jet	*jet	*jet	*jet	
контакт					*jet	*jet	*jet	*jet	

	*ПСС	протогонецко-энецкий	протоэн.	энГ
близость	*kájwâ	*kájwâ	*kájwâ	*kájwâ
ориентация	*ni-ɬə kájwâ	*ni-ɬə kájwâ	*ni-ɬə kájwâ	**niüɬ-ɬə kájwâ
директивное	*na		**nə	**niüɬ
целевое	*ni			
‘утром, вечером’				
контактное	*na-	*na	*na	*na
комитатив непос.				
пос.				
PronLoc				**niüɬ
эквивалент	*jet	*jet-	*jet	*jet
напротив				
курс				
тема (‘о, про’)	*jetâ	*jəɬâ	*jetâ	**niüɬ
точечный ОБ-контакт				

	*ПСС	нг I	нг.
близость	*kǎjwê	*kǎjwê	*kǎjwê-
ориентация	*ni-jə kǎjwê-	*ni-jə kǎjwê-tə	**niêj-jə kǎjwê- *ni-jə kǎjwê-
директивное	*na	*ni	**niêj *ni
целевое		*jet	*jet
‘утром, вечером’			
контактное	*na	*na	*na
комитатив непос.			
пос.			
PronLoc			
эквивалент		*jetə-Dim	*jetə-Dim
напротив	*jet		
курс			
тема (‘о, про’)	*jetə		
точечный ОБ-контакт			
		*jet	jet

Условные обозначения

ПС — прасамодийский	эн. — общэнецкий
ПСС — прасеверносамодийский	энЛ. — лесной энецкий
нг. — нганасанский	энТ. — тундровый энецкий.
ненТ. — тундровый ненецкий	
1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	Interr — интеррогатив
Асс — аккузатив	Ipfv — имперфективный
Adv — падежные показатели	Lat — латив
используемые в наречиях и послелогах	Loc — локатив
Aor — аорист	Neg — отрицательный глагол
Attr — атрибутивная форма	Nmlz — номинализация
Aud — аудитив	Np — имперфектив
CN — коннегатив	о — объектное спряжение
Cnj — конъюнктив	Pass — пассив
Cond — условная форма	Pf — перфект
Dest — дестинатив	Pfv — перфективный
Dim — диминутив	Pl — множественное число
Dir — директивное значение	PN — имя собственное
Du — двойственное число	Praes — настоящее время
El — элатив	Praet — прошедшее время
El — элатив	Prol — пролатив
Emph — показатель с эмфатическим значением	Pt — причастие
Excl — восклицание	s — субъектное спряжение
Fut — будущее время	r — рефлексивное спряжение
Gen — генитив	Rfl — показатель рефлексивного спряжения в основе глагола
Imp — императив	Selecl — селектив ('кто из')
Inch — инхоатив	Temp — темпоральный
Inf — инфинитив	VA — конверб
Infer — инферентив	VDN — отыменной глагол.

Литература

- Буркова, С. И., Н. Б. Кошкарева, Р. И. Лаптандер, Н. М. Янгасова 2010. *Диалектологический словарь ненецкого языка*. Екаеринбург: Баско.
- Куприянова, З. Н. 1965. *Эпические песни ненцев*. М.: Наука.
- Сорокина, И. П., Д. С. Болина 2005. *Энецкие тексты*. СПб.: Наука.
- Сорокина, И. П., Д. С. Болина 2009. *Энецкий словарь*. СПб.: Наука.
- Терещенко, Н. М. 1965 (ред.): *Ненецко-русский словарь*. М.: Советская энциклопедия.
- Янгасова, Н. М. 2001 (сост.): *Ненецкие сказки и эпические песни сюдбац", ярабц"*. Томск: Изд-во Томского университета.

- Brykina, Maria, Valentin Gusev, Sándor Szeverényi and Beáta Wagner-Nagy 2018: *Nganasan Spoken Language Corpus (NSLC)*. Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 0.2. Publication date 2018-06-12. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8>.
- Castrén, M. A. 1855. *Wörterverzeichnisse aus den Samojedischen Sprachen*. St. Petersburg.
- Katzschmann –Katzschmann, M. 1997. *Chrestomathia Nganasanica. Texte. Übersetzung. Glossar. Grammatik*. Norderstedt.
- SW — Janhunen, J. 1977. *Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien*. Helsinki: Castrenianumin toimiteita.
- Wagner-Nagy, B. 2018 *A grammar of Nganasan*. Leiden: Brill.

The syntax of multiple wh-questions in Tundra Nenets

Nikolett Mus

Hungarian Research Centre for Linguistics

1. Introduction

There are two main aspects of questions with multiple wh-phrases that show systematic grammatical variation across languages, and that are usually discussed in the literature. One considers the *syntactic position* of wh-phrases in multiple questions. The literature usually accounts for four major types of languages with different multiple wh-question formation-strategies (see, e.g., Rudin 1988; Cheng 1991, 1997; Bošković 2002; Stoyanova et al. 2004; Chernova 2015; Dayal 2017; a.o.). These strategies are the following:

- (i) Multiple wh-fronting languages: in this type of languages all wh-phrases are fronted, i.e., the wh-phrases appear clause-initially. It is the case in Bulgarian, Russian, etc.
- (ii) Wh-*in situ* languages: in these languages, all of the wh-phrases remain *in situ*, i.e., they occupy their base position, and there is no wh-movement assumed. We observe this pattern, e.g., in Japanese, Chinese, etc.
- (iii) Mixed languages: one (and usually the first) wh-phrase occurs in initial position and the other(s) remains *in situ*, e.g., in German, English, etc.
- (iv) Languages with no multiple wh-question: these languages do not allow for a multiple wh-question formation at all, like Italian, Somali, Berber, etc.

Sometimes a fifth type of language is also distinguished in the literature whose multiple wh-questions can represent more than one pattern of the (i)–(iv) types (see, e.g., Sino-poulou 2008). A typical example of this is French, in which either all wh-phrases remain *in situ*, or only one wh-phrase moves and the other(s) remains *in situ*, i.e., its multiple wh-questions come in two types: *in situ* and mixed types.

The other parametric variation of questions with multiple wh-phrases concerns the *order* of wh-phrases relative to each other. This parametric variation assumes wh-movement, and therefore only concerns those languages in which at least one of the wh-phrases undergoes movement. Cross-linguistically, two constraints can be formulated which might be relevant to this aspect: the *Superiority Condition* and the *Specificity Filter* (see, e.g., Kuno & Robinson 1972; Comorovski 1989; É. Kiss 1993; Bošković 1997). The former says that in some languages, like in English, the multiple wh-questions are more acceptable if the higher

wh-phrase in the underlying representation moves and the lower one remains *in situ* (cf. Kuno & Robinson 1972; Bošković 1997; a.o.). It means that the relative order of the wh-phrases is sensitive to their syntactic status. In contrast, in some languages, e.g., in Hungarian, it is the specificity of the wh-phrase that constrains its position relative to the other wh-phrases (at least in one subtype of Hungarian multiple wh-questions). In these multiple wh-questions, the first wh-phrase has to be more specific than the following one(s) (cf. É. Kiss 1993). Accordingly, an inherently non-specific wh-phrase cannot precede an inherently specific wh-phrase in these constructions. This is what the latter constraint, i.e., the *Specificity Filter* postulates.

It is known that Tundra Nenets (Uralic, Samoyedic) allows for multiple wh-questions. It has been claimed in the literature that the relative order of wh-phrases in multiple wh-questions is free, i.e., the wh-phrases can occur in the clause in any possible order (1a–c) (cf. Nikolaeva 2014: 266).

- (1) a. *xīb'a ŋāmke-m xīb'a-n? m'i-ca?*
 who what-ACC who-DAT give-INTER.3SG
 S O IO
 b. *ŋāmke-m xīb'a xīb'a-n? m'i-ca?*
 what-ACC who who-DAT give-INTER.3SG
 O S IO
 c. *ŋāmke-m xīb'a-n? xīb'a m'i-ca?*
 what-ACC who-DAT who give-INTER.3SG
 O IO S

‘Who gave what to whom?’ (Nikolaeva 2014: 266)¹

Considering the basic word order pattern of Tundra Nenets (that is a SOV order with rigid verb finality), it is (1a) in which the wh-phrases seem to appear *in situ* on the surface. We can assume that in (1b) the object wh-phrase is fronted, and in (1c) both the object and the indirect the object wh-phrases occur *ex situ*. This free variability of the wh-phrases is, however, not case in certain Tundra Nenets multiple wh-questions. Consider the examples in (2) and (3).

- (2) *ŋāmke-m? xānzer? pær-ŋa-n?*
 what-ACC how do-CO-2SG
 O Adv
 ‘How did you do what?’ (KhO2018, TLC) [multiple question]
 (3) *xānzer? ŋāmke-m? pær-ŋa-n?*
 how what-ACC do-CO-2SG
 Adv O
 ‘How did you do something?’ [single question]
 #‘How did you do what?’ (KhO2018, TLC) [#multiple question]

¹ The transcription and the glosses of Nikolaeva’s (2014) examples have slightly been modified for the purpose of uniformity in the present paper.

The examples above show that it is only the clause in (2), that is interpreted as a multiple question. In (2), the wh-phrases seem to appear *in situ* on the surface. In contrast, the clause in (3), which exhibits the reversed order of the two wh-phrases in (2), represents a single content question with one wh-phrase. This pattern contrasts sharply with the suggestion of the literature, and shows that certain orders of the wh-phrases in multiple wh-questions cannot be invariant in Tundra Nenets. Thus, we can assume that the order of the wh-phrases is not always free in Tundra Nenets questions with multiple wh-phrases.

In this paper, I will argue that (i) in Tundra Nenets multiple wh-questions at least the first wh-phrase can move to a higher position, and (ii) this movement is constrained by the *Specificity Filter*.² Evidence on the application of the *Specificity Filter* comes from the ungrammaticality of certain relative orders, and the answers that are given to the multiple wh-questions (see 3.1). Similarly to that found in Hungarian, the first wh-phrase in the Tundra Nenets construction is interpreted as a distributive universal quantifier. This is supported by the fact that the first wh-phrase can trigger object agreement on verbs (that is otherwise not possible in the case of wh-objects; see 3.2). Additionally, it can be preceded by elements that normally cause Intervention effects in single wh-questions. So it supposedly undergoes topic movement (see 3.3). The available data are, however, not sufficient to determine the exact position of the first wh-phrase. Neither is it possible to decide whether Tundra Nenets belongs to the mixed type of languages, i.e., whether it is only the first wh-phrase that moves, or it is to be classified as a fronting-type, i.e., all wh-phrases move to a higher syntactic position. Before I start the discussion of the relative order and position of wh-phrases, I provide a short description of the Tundra Nenets language, and discuss the data gathering techniques used during the examination of the multiple wh-construction in Section 2.

2. The Tundra Nenets language and data

Tundra Nenets belongs to the Samoyedic branch of the Uralic language family. The language is spoken in the North-Eastern part of Europe and in the North-Western part of Siberia. There are c. 20,000 native speakers of Tundra Nenets (cf. Toulouze 2003; Koshkareva 2005; Volzhanina 2007; and see the population census of the Russian Federation from 2010). The language is divided into three main dialect groups: the Western, the Central and the Eastern groups. These are mutually intelligible but show differences (at least) in their phonological and lexical characteristics.

The present paper is based on data of one native speaker of Tundra Nenets who speaks the Yamal subdialect of the Eastern dialect group. I tested the Tundra Nenets questions with multiple wh-phrases incrementally by using several methods during consulta-

² This statement only holds for those Tundra Nenets multiple wh-questions in which one wh-phrase is interpreted as specific and the other gets a non-specific interpretation. In those multiple wh-questions where both of the wh-phrases are specific their relative order indeed seems to be free.

tions with the informant in Moscow in 2019. In the first stage, I used a simple grammaticality judgement test for which I constructed Tundra Nenets examples by using the dataset of the Tundra Nenets Monolingual Corpus (see Mus–Metzger 2021³). This first stage was necessary, because neither the grammars nor the available corpora/texts provided sufficient data-types to formulate a starting hypothesis. Therefore, I designed this test to investigate whether all the logically possible permutations of the *wh*-phrases result in grammatically acceptable constructions. I constructed example pairs containing two *wh*-phrases in two relative orders and randomized the question pairs. I used other types of sentences, such as single questions, existentials, locatives and belong-constructions as fillers. I repeated the test two times on different days with my consultant. Based on the results of this test, I was able to set up hypotheses which I tested in the second phase. In the second survey, I used various analysis-controlled elicitation techniques: situational context tests (acceptability test) with picture stimuli, and a target language complementation test in Tundra Nenets. The goal of the former test was to examine whether the grammatically possible orders I got from the first test are substitutional in different contexts. The latter was used to examine the grammatical characteristics of the two possible relative orders of the *wh*-phrases. Finally, I set up a questionnaire based on the results of phase 1 and phase 2 with target language manipulation tasks to determine the possible syntactic positions of the *wh*-phrases. The examples, if it is otherwise not indicated, are from these consultations.

3. The order of *wh*-phrases in multiple questions

Tundra Nenets is considered to be a strict verbal final language, in which only dislocated constituents may appear post-verbally, compare (4) and (5) (cf. Nikolaeva 2014; Mus & Surányi 2021).

- (4) **Sergei Masha-m? meńe jolće.*

Sergey Masha-ACC love.3SG very

Intended: ‘Sergey loves Masha very much.’

- (5) *jăxă-koća-? xæw-xăna jile-ŋa-xă?, jabta-ko jăxă-? xæw-xăna.*

river-DIM-GEN side-LOC live-CO-3DU narrow-DIM river-GEN side-LOC

‘They lived near a small river, near a narrow small river.’

As (6) indicates, a *wh*-phrase cannot be dislocated and it cannot occur outside of the boundaries of the clause.

- (6) **Sergei meńe xib’a-m??*

Sergei love.3SG who-ACC

Intended: ‘Who does Sergei love?’

³ The corpus is available in the website <https://tundranenetsdata.nytud.hu/bonito>

The same restriction is expected in multiple wh-questions, i.e., all wh-phrase appears before the verb. As mentioned, the literature does not stipulate any ordering constraint in the multiple wh-questions, and it is suggested that the order of the wh-phrases is relatively free (Nikolaeva 2014).

3.1. Superiority Condition or Specificity Filter

The first stage of testing Tundra Nenets multiple wh-questions was to test all available relative orders of wh-phrases. This test resulted in the following patterns:

Table 1. The relative order of wh-phrases in Tundra Nenets multiple wh-questions

Grammaticality of the clause	Relative order of wh-phrases	Grammaticality of the clause	Relative order of wh-phrases
OK	S–O	OK/?OK	O S
OK	S–IO	OK	IO S
OK	IO–O	OK	O–IO
OK/OK?	Time/Place–S	OK	S–Time/Place
OK	Time/Place–O	OK	O–Time/Place
OK	S–Manner	*	Manner S
OK	O Manner	#/*	Manner O
OK	Time/Place Manner	*	Manner Time/Place

It is observed from the results, that wh-phrase-pairs can appear in the multiple wh-question in any relative order with one possible exception. The manner adverbial wh-phrase cannot be fronted, and so it cannot precede any other wh-phrase (7).

- (7) *how who
 #how what
 *how whatN
 etc.

The construction in which the manner wh-adverb precedes a wh-phrase can be rescued in those cases in which there is a possibility to interpret the second wh-phrase as an indefinite, see, e.g., #how what. As Nikolaeva (2014: 265) mentions, the wh-words *xíb'a* ‘who’ and *ŋəmke* ‘what’ in Tundra Nenets can have non-question (indefinite-like) reading. In these constructions, therefore, the single question interpretation is still available, and therefore the sentence does not result in an ungrammatical construction (8). It is,

however, needed to be mentioned that this rescuing mechanism seems to be available only for the *wh*-word meaning ‘what’. Note that the fronted *wh*-phrase does not necessarily occupy the leftmost position in the sentence.

- (8) *Igor xǎnzer? ǰǎmke-m? tola-ŋko-sa?*
 Igor how what-ACC read-co-3SG.INTER
 ‘How did Igor read something?’
 #‘How did Igor read what?’

Now let us turn to the possible explanation of the order constraint illustrated in Table 1. There are languages in which the multiple question is more acceptable if the higher *wh*-phrase moves and the lower one remains *in situ* (see, e.g., Kuno & Robinson 1972; a.o.). This is referred to as the *Superiority Condition* in the literature. This phenomenon is observed, for instance, in English (9).

- (9) a. *Who read what?*
 b. **What did who read?*

Given that the subject *wh*-phrase in English occupies a higher position in the base structure, it can move higher to a dedicated *wh*-position. But this is not allowed for the object *wh*-phrase that sits lower in the base construction. Therefore, (9b) is not acceptable. It is also observed that the *Superiority Condition* is affected by the discourse status of the *wh*-phrase. Thus, the effect does not survive if the *wh*-expressions are D-linked DP-internal *wh*-elements (Pesetsky 1987). Therefore both (10a) and (10b) are acceptable.

- (10) a. *Which student read which book?*
 b. *Which book did which student read?*

In Tundra Nenets, the manner adverb is expected to occupy a low position in the sentence. Descriptive studies indicate that the manner adverb is situated in an immediately preverbal position in a neutral sentence (see, e.g., Salminen 1998; Nikolaeva 2014). The scheme of the order of a neutral declarative clause is given in (11).

- (11) time adjunct – subject – place adjunct – indirect object – direct object –
 manner adverb – verb

If we accept that the manner adverb occupies the lowest position in the sentence before the verb, the *Superiority Condition* would explain the ordering constraint in Table 1. In this case, however, any other relative order that is grammatical violates the Condition. Consider, for instance, (12) and (13), in which the object *wh*-phrases precede the subjects and both sentences result in grammatically acceptable multiple *wh*-questions.

- (12) *ǰǎmke-m? xīb’a pīre-mb’i?*
 what-ACC who cook-dur.3SG
 ‘Who is cooking what?’

- (13) *xīb'a-m? xīb'a jadabta-mb'i?*
 who-ACC who meet-dur.3SG
 'Who is meeting whom?'

Given that the syntactic status of the wh-phrases does not determine the relative order of wh-phrases in multiple wh-questions, it is unlikely that we deal here with the *Superiority Condition*. Now let us consider another possible explanation. It is observed that in those Hungarian multiple wh-questions in which all wh-phrases appear before the verb, the higher wh-expression (that has a wider scope) can only be represented by a specific wh-phrase, see (14a–b) (cf. É.Kiss 1993).

- (14) a. **Miért / ??hogyan kit választottak meg?*
 why how whom elected.they PERF
 '**Who did they elect why/how?'
 b. *Kit miért / hogyan választottak meg?*
 whom why how elected.they PERF
 'Why/how did they elect who?'

As É. Kiss (1993) notes, certain Hungarian wh-phrases such as 'who' and 'what' can get specific interpretation from the discourse, i.e., they lend themselves to the relevant discourse reading in appropriate contexts. In addition, there are wh-phrases, like 'which'-phrases, that appear to bear the relevant interpretation discourse inherently. Finally, there are wh-phrases that are nonspecific and one can hardly render specific interpretation to them, e.g., 'how' and 'why'. Thus, the relative order of the wh-phrases is filtered by their specificity, and the non-specific wh-phrase cannot precede a specific one. Now let us assume that the question words in Tundra Nenets behave the same way: certain wh-phrases are inherently specific; others get specific interpretation from the context; and there is a group of wh-phrases that is non-specific (or it hardly gets specific interpretation). Consider the following context and the example in (15).

Context: Today, the children got cake after lunch.

- (15) (**xǎnzer?*) *xǎnanj ɲáćeki (xǎnzer?) torta-m? (xǎnzer?) xǎrwa-bta(-da)?*
 how which child how cake-ACC how want-caus.3SG-SG
 'Which child wants the cake how?'

In (15), the inherently non-specific wh-phrase 'how' can only occupy a position in which it follows the inherently specific 'which child' wh-phrase. Note that the object can intervene between the two wh-phrases, thus the wh-phrases can be separated.

A further evidence on this comes from the answer that can be given to a multiple wh-question in Tundra Nenets. The multiple wh-question in both relative orders of the wh-phrases requests an answer that identifies multiple pairs (16)–(17). Note that the order of the multiple pairs follows the order of the wh-phrases.

Context: Eduard and Olga went to the store. Eduard bought a Harry Potter book, Olga bought a newspaper.

(16) Q: *xīb'a ŋāmke-m? temda-sa?*

who what-ACC buy-INT.3SG

‘Who bought what?’

A: *Eduard Garri Potter kñiga-m? temda-ś, Olga gazeta-m? temda-ś.*

Eduard Harry Potter book-ACC buy.3SG-PST Olga newspaper-ACC buy.3SG-PST

‘Eduard bought the Harry Potter book, Olga bought the newspaper.’

(17) Q: *ŋāmke-m? xīb'a temda-sa?*

what-ACC who buy-int.3SG

‘Who bought what?’

A: *Garri Potter kñiga-m? Eduard temda-ś, gazeta-m? Olga temda-ś*

Harry Potter book-ACC Eduard buy-3SG.PST newspaper-ACC Olga buy.3SG-PST

‘The Harry Potter book was bought by Eduard, and the newspaper was bought by Olga.’

Thus, the answer does not specify values for the first wh-phrase in either of the relative orders but it pairs X and Y in both cases. It follows from this that the first wh-phrase that takes matrix scope always denotes a set in all possible orders. This set contains given, contextually identifiable elements. Then, this first wh-phrase behaving as a distributive universal quantifier requires this set to be exhaustively listed, i.e., to render a value to its every single element. This observation also indicates that there is no syntactic ambiguity in the relative orders of the wh-phrases, and therefore the order of the wh-phrases cannot be considered to be free in multiple wh-questions. Now let us discuss further evidence that supports this observation.

3.2. Wh-object agreement in multiple wh-questions

There is another argument that supports the observation that the first wh-phrase is not interpreted as a genuine wh-phrase in Tundra Nenets multiple wh-questions. This argument comes from the possibility of triggering object agreement on the verb. Let us first summarize the criterion of object agreement in Tundra Nenets. Transitive verbs may take object agreement suffix in the language. As observed by Dalrymle & Nikolaeva (2010) and Nikolaeva (2014) a third person lexical object that is topical/given triggers obligatory agreement on the verb (18).

(18) Q: What did a/the man do to the reindeer?

A: *xasawa ti-m? xada-∅/-(da)?*

man reindeer-ACC kill-3SG/-3SG.SG

‘A/the man killed a/the reindeer.’

Given that agreement is only possible with topical/given objects it is not expected and neither is possible with interrogative objects at least in single wh-questions (Nikolaeva 2014). As it is shown in (19), even a D-linked specific wh-object cannot trigger agreement.

- (19) *xǎńaŋi kńiga-m? pidar temda-sa-n/*-r?*
 which book-ACC 2SG buy-int.2SG/-2SG.SG
 ‘Which book did you buy?’

In contrast, in multiple wh-questions with a fronted wh-object object agreement is possible (20). Note that this wh-object agreement is not obligatory.

- (20) *xǎńaŋi kńiga-m? xurka xasawa temda-sa-0/-da?*
 which book-ACC what man buy-int-3SG/-3SG.SG
 ‘What man bought which book?’

This is only observed if the wh-object is fronted. In the case of a non-fronted wh-object, i.e., if it is preceded by another wh-phrase, the object agreement is not possible again (21).

- (21) *xurka xasawa xǎńaŋi kńiga-m? temda-sa-0/*-da?*
 what man which book-ACC buy-int-3SG/-3SG.SG
 ‘What man bought which book?’

Now let us turn to the question of sensitivity of the wh-phrases in multiple wh-question to Intervention effects.

3.3. The (in)sensitivity of multiple wh-questions to Intervention effects

Tundra Nenets multiple wh-questions are immune from certain Intervention effects that otherwise arise in single wh-questions. In single wh-questions, universal quantifiers, negative polarity items and focussed expressions cause Intervention effects. It means that a wh-phrase in a single wh-question cannot appear under the scope of these expressions, see, e.g., (22).

- (22) **xusuwej xasawa xurka laxanako-m? tola-ŋko?*
 every man which story-ACC read-fut.3SG
 Intended: ‘Which story will every man read?’

The multiple wh-questions, in contrast, do not seem to be sensitive to Intervention effects. Thus, the wh-phrases can follow the universal quantifier (23), or appear within the scope of negation (24) in multiple wh-questions.

- (23) *xusuwej xasawa xǎńana xīb’a-m? jadabta-mb’i?*
 every man where who-ACC meet-DUR.3SG
 ‘Where is every man meeting whom?’

- (24) *xīb'a-xarta-m? xīb'a xǎ́nana ní-śa manéc-??*
 who-CONC-ACC who where NEG.AUX-INTERR.3SG see-CONNeg
 'Who didn't meet anyone where?'

While negative polarity items can appear before the wh-phrases, intervene between them, or even follow them (25), a wh-phrase seemingly cannot precede the universal quantifier, i.e., no wh-phrase can occupy the leftmost position if there is a universal quantifier in the sentence (26).

- (25) (*xīb'a-xarta-m?*) *xīb'a (xīb'a-xarta-m?) xǎ́nana (xīb'a-xarta-m?)*
 who-CONC-ACC who who-CONC-ACC where who-CONC-ACC
ní-śa manéc-??
 NEG.AUX-INTERR.3SG see-CONNeg
 'Who didn't meet anyone where?'

- (26) a. (*xusuwej xasawa*) *xǎ́nana (*xusuwej xasawa) xīb'a-m?*
 every man where every man who-ACC
 (**xusuwej xasawa*) *jadabta-mb'i?*
 every man meet-DUR.3SG
 'Where is every man meeting whom?'
 b. (*xusuwej xasawa*) *xīb'a-m? (*xusuwej xasawa) xǎ́nana*
 every man who-ACC every man where
 (**xusuwej xasawa*) *jadabta-mb'i?*
 every man meet-DUR.3SG
 ('Where is every man meeting whom?')

This suggests that the universal quantifier has to outscope the wh-phrases. This pattern leads us to a possible sequence of the quantifiers and wh-phrases in Tundra Nenets:

- (27) universal quantifier > distributive universal quantifier expressed by a wh-phrase > genuine wh-phrase

There is only one intervener that the wh-phrases do not seem to avoid in multiple wh-questions. This is the focussed expression that cannot precede the wh-phrases in multiple questions in either of the orders (28)–(29).

- (28) **Igor-ri xǎ́nana xīb'a-m? jadabta-mb'i?*
 Igor-only where who-ACC meet-DUR.3SG
 ('Where is only Igor meeting whom?')
 (29) **Igor-ri xīb'a-m? xǎ́nana jadabta-mb'i?*
 Igor-only who-ACC where meet-DUR.3SG
 ('Where is meeting only Igor whom?')

Nevertheless, the focus can intervene between the two wh-phrases in either of the orders again (30)–(31).

- (30) *xǎńana Igor-ńi xīb'a-m? jadabta-mb'i?*
 where Igor-only who-ACC meet-DUR.3SG
 'Where is only Igor meeting whom?'
 (31) *xīb'a-m? Igor-ńi xǎńana jadabta-mb'i?*
 who-ACC Igor-only where meet-dur.3SG
 'Where is only Igor meeting whom?'

We could now assume that the focussed expression is prohibited from occupying a surface position in which it c-commands a wh-phrase. However, such an assumption would leave the patterns in (23) and in (24) without an explanation. Thus, we fail to explain why the multiple wh-phrases are not vulnerable to the Intervention effect caused by the universal quantifier and the negative polarity item. Instead, the fact that the focussed expression cannot precede the fronted wh-phrase may suggest that the first wh-phrase has to occupy a position before the focus. This position can be the position of topic(s), that is then precede(s) foci in Tundra Nenets. The possibility of fronting the wh-phrase to a topic position is supported by the wh-object agreement pattern discussed in Section 3.2.

This favours of characterizing Tundra Nenets as a mixed language-type (cf. Cheng 1997): the first wh-phrase moves to topic position, which position is however not necessarily at the left edge of the clause, and the other appears *in situ*.

4. Conclusions

In this paper, I discussed the syntactic position and relative order of wh-phrases in Tundra Nenets multiple wh-questions. Contrary to previous proposals, the wh-phrases in multiple wh-questions are rigidly ordered and their order is constrained by the *Specificity Filter*.⁴ It means that it is the specificity of a wh-phrase that determines its position in the question relative to the other wh-phrases. It is evidenced by ungrammaticality of the wh-sequence in which the manner adverb precedes any other wh-phrase. Further evidence comes from the pair-list answer that can only be given to a multiple wh-question in either orders. These suggest that the first wh-phrase is always specific and behaves as a distributive universal quantifier. The facts that the fronted wh-phrase can trigger object agreement on the verb, and that it is only the focus phrase that cannot precede the wh-sequence imply that the first (and specific) wh-phrase undergoes movement. It supposedly appears in the topic position. Note however, that the fronted wh-phrase does not necessarily occupy the leftmost position in the clause.

⁴ It is to be noted that this statement does not hold for multiple wh-questions in which both of the wh-phrases get specific interpretation.

References

- Bošković, Željko 1997. Superiority effects with multiple wh-fronting in Serbo-Croatian. *Lingua* 102: 1–20.
- Bošković, Željko 2002. On multiple wh-fronting. *Linguistic Inquiry* 33: 351–383.
- Cheng, Lisa 1991. *On the typology of wh-questions*. PhD Thesis, MIT.
- Cheng, Lisa 1997. *Wh-in-situ phenomena in French*. Doctoral dissertation, University of British Columbia.
- Chernova, Ekaterina 2015. *The syntax of wh-movement in multiple (true and echo) questions. A Q-particle approach*. Doctoral dissertation.
- Comorovski, Ileana 1989. *Discourse and the Syntax of Multiple Constituent Questions*. PhD dissertation, Cornell University.
- Dalrymple, Mary, Irina Nikolaeva 2011. *Objects and Information Structure*. (Cambridge Studies in Linguistics 131.) Cambridge: Cambridge University Press.
- Dayal, Veneeta 2017. Multiple Wh-Questions. In: *The Wiley Blackwell Companion to Syntax*, Second Edition: 1–54.
- É. Kiss, Katalin 1993. Wh-Movement and Specificity. *Natural Language and Linguistic Theory* 11: 85–120.
- Koshkareva, Natalia B. 2005. *Очерки по синтаксису лесного диалекта ненецкого языка* [Studies in the syntax of the Forest dialect of Nenets]. Novosibirsk: Institut Filologii SO RAN.
- Kuno, Susumu, Jane J. Robinson 1972. Multiple wh questions. *Linguistic Inquiry* 3.4: 463–487.
- Mus, Nikolett, Réka Metzger 2021. Toward a Corpus of Tundra Nenets: Stages and Challenges in Building a Corpus. In: *Proceedings of the 4th Workshop on Computational Methods for Endangered Languages*. Vol. 2 (2021) (Resource Papers and Extended Abstracts). University of Colorado Boulder Scholar.
- Mus, Nikolett, Balázs Surányi 2021. Post-verbal phrases and their correlates in Tundra Nenets. Talk held at the Olomouc Linguistics Colloquium (Olinco 5), online, 10–12 June 2021.
- Nikolaeva, Irina 2014. *A Grammar of Tundra Nenets*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Pesetsky, David. 1987. Wh-in-situ: Movement and Unselective Binding. In: E. Reuland & A. G. B. ter Meulen (eds.): *The Linguistic Representation of (In)definiteness*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Rudin, Catherine 1988. On multiple questions and multiple wh fronting. *Natural Language & Linguistic Theory*. 6(4): 445–501.
- Salminen, Tapani 1998. Nenets. In: Daniel Abondolo (ed.): *The Uralic Languages*. London: Routledge: 516–547.
- Sinopoulou, Ourania 2008. Multiple questions and apparent wh-in situ: evidence from Greek. *Proceedings of ConSOLE XV*, 223–246.
- Stoyanova, Marina 2004. The typology of multiple wh-questions and language variation. In: *ConSOLE XII: Proceedings of conSOLE XII*: 171–184.
- Toulouze, Eva 2003. The Forest Nenets as a double language minority. *Pro Ethnologica* 15: 95–108.
- Volzhanina, Elena A. 2007. The Forest Nenets: Habitat and population size in the 20th century, and the present demographic situation. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia* 30(2): 143–154.

Nganasan language materials in space and time

¹Sándor Szeverényi, ²Beáta Wagner-Nagy

¹University of Szeged ²University of Hamburg

1. Introduction

The goal of this study is to provide an overview of Nganasan fieldwork data and archive resources. This description focuses primarily on the textual and sound materials, but other aspects that contribute to the documentation of Nganasan will also be touched on, whereas textbooks and dictionaries will not be considered here. We give a detailed survey of the available published and unpublished material as well, however, we do not discuss in detail fieldwork materials only available in Russian, e.g., such as Dolgikh's rich folklore collection.

This paper is organized as follows. Section 2 gives some information on Nganasan and related languages. Section 3 addresses the early field notes, i.e. the resources before Castrén's trip and his materials. Section 4 exemplifies the fieldwork activities of the 20th century. After that, in Section 5 we turn to the digitally available materials. The description is then rounded off in Section 6 with the description of the planned Nganasan database. The basic idea of the database is to collect and archive material from fieldwork.

2. Nganasan and related languages

Nganasan, together with the languages closest to it, Enets and Nenets, belongs to the Northern group of the Samoyedic branch of the Uralic language family. At present, it comprises two dialects, Avam and Vadeyev, which do not differ significantly. Today people speaking Nganasan live solely in villages in the Taimyr Autonomous District, which is part of the Krasnoyarsk Krai of the Russian Federation. The Avam variety is spoken in the western part of the peninsula, while the Vadeyev speakers live in the eastern part of the peninsula.

Nganasan is a highly endangered language. According to data from the Russian census of 2010, of the total population of 807 people, there are only about 125 speakers. By our estimation, the total number of Nganasan speakers is much lower. The average age of the speakers is over 50, and there are no speakers under the age of 40, or, if there are, they can be only considered semi-speakers. Children neither speak nor understand Nganasan. All

speakers are bilingual, and the main language that they use in everyday life is Russian. Nganasan is used in everyday life only when both speakers are Nganasans. However, such families are practically non-existent, thus, everyday communication in Nganasan is almost gone. Some elderly speakers can speak or at least understand Tundra Enets.

Nganasan, in addition to Nenets, is perhaps the best-studied Samoyedic language. The first grammatical description was published by Castrén in 1854, the last by Wagner-Nagy in 2019. (For more about Nganasan, see Tereshchenko 1979, Helimski 1998, and Wagner-Nagy 2019, among others.)

3. Early field notes

3.1. Materials before Castrén

The first recorded Nganasan words are from the 18th century. These are contained in the diary of Daniel Gottlieb Messerschmidt (1721–1723), but they have been published in Julius Klaproth's *Asia Polyglotta* only a century later, in 1823. Also, a few Nganasan words can be found in the book *Das Nord-Ostliche Theil von Europa und Asia* (1730) by the Swedish officer Philipp Johann Strahlenberg (republished in 1975). He collected language data from several languages during a journey in Siberia. Peter Simon Pallas's polyglot dictionary *Linguarum totius orbis vocabularia comparativa* (1786–1789) also contains valuable Samoyed material, including Nganasan. Vocabulary lists and comparative tables of various sizes can also be found in Pallas' travelogue (1776). Word lists of various lengths and comparative tables are included in his itineraries (1776) as well. All these data can be used only in a limited way for linguistic analysis because their authors had no linguistic training whatsoever and the purpose of the records was not linguistic. Pallas had also used and published the materials of Gerhard Friedrich Müller (1705–1783). Müller was a German historian and ethnographer, who led a group of scientists on the second (so-called great) Kamchatka expedition (1733–1743). During the expedition, he described the people and collected historical and geographical materials, word lists, and a few sentences from several Siberian languages including Nganasan. The lexical material was collected according to semantic groups such as numerals and religious terms (names of God and the devil), etc. Müller used a word list of approximately 240 lexemes. The source language was usually Latin, however, in some cases Russian. A good portion of the materials, except for the geographical and historical parts of his works, are unfortunately still unpublished. Eugen Helimski dealt with Müller's estate in several publications (Helimski 1993, 1987). He described Müller's manuscripts preserved in the Russian State Archives of Ancient Acts (RGADA) in Moscow. Here the materials are located in archival collection 199, archival inventory 2, portfolio 513, files 2 and 7. Helimski also used Müller's materials in his publications and published some parts such as Mator and Kamas wordlists, however, Helimski never published the whole material, and the Nganasan word lists are still unpublished.

3.2. Castrén and his works

The first systematic Nganasan language material was collected by Matthias Alexander Castrén (1813–1852). He visited Finno-Ugric peoples several times but only began to study the Samoyedic languages on his third expedition in 1842, which began in 1841 with Elias Lönnrot, the collector of the Kalevala, in Lapland. Castrén traveled from Arkhangelsk to Berezovo, during which journey, he became acquainted only with Nenets speakers. He was forced to interrupt his work due to his illness and to return home to Finland, where his health had improved somewhat, and after an eight-month stay at home, he headed back to the Samoyeds again. Between 1845 and 1849, he toured the Siberian countryside from the Arctic Ocean to the Sayan Mountains. He spent some time also in Dudinka, where he gathered Nganasan linguistic materials. Already during his first Samoyed journey, he developed a short grammatical description, which, however, he did not publish. Returning home from Siberia, he set out to organize his material. In 1852, however, his condition worsened again, and he died after a few weeks of suffering. He could not finish his work. His legacy, which remained in manuscripts, was sent by his family to the St. Petersburg Academy of Sciences, whose Department of Philology and History commissioned Castrén's friend Anton Schiefner to publish the legacy materials. The manuscripts entrusted to Schiefner were published in 12 volumes between 1853 and 1862 (*Nordische Reisen und Forschungen von M. A. Castrén*), including the grammar (1854) and vocabularies (1855) of the Samoyedic languages. Among other things, the spelling of the published materials does not match Castrén's plans. This was one of the reasons why the decision was made to republish Castrén's materials in the early 2000s. Unfortunately, the work is proceeding slowly, so the Nganasan materials are still not published.

Unfortunately, Castrén did not collect textual materials for Nganasan (or Enets), so only the lexicon and grammar were documented from this period. His work can be considered to be a good source for the history of the Nganasan language. In his work one can still find word forms that sound different today, therefore, based on his materials, the time of the sound shift or consonant deletion can be determined.

4. Milestones in the 20th century

4.1. Prokofiev, Popov and Dolgikh

The value of Castrén's work is increased by the fact that for many decades afterward no progress was made in the study of the Nganasan language and culture. There were no language collections during these decades. After the Soviet revolution, attempts were made to develop a Latin alphabet for the small peoples of the new Soviet state, and language books were produced. Of the Samoyedic languages, however, only Nenets and Selkup were affected by this program.

Concerning Nganasan, from these times, the ethnographic collections of A. A. Popov should be highlighted. Popov dealt with both the material (Popov 1936, 1948; Popov 1966) and the spiritual culture of the Nganasans (Popov 1984). His works are valuable sources of ethnographic descriptions to this day. In the field of ethnography, another name also deserves mention: Boris Dolgikh's (1904–1971), who traveled to Siberia and also spent several months among the Nganasans and Dolgans. One of the results of his work is the book in which he published Nganasan myths and folklore texts (Dolgikh 1938). Dolgikh collected and published these legends only in Russian, nevertheless, they are essential for the research of Nganasan spiritual culture. Equally important are his still unpublished manuscripts, which are preserved in the Archive of the Institute of Ethnology and Anthropology in Moscow.

It is also crucial to mention the grammar published by G. N. Prokofiev in 1937 since no comprehensive work of this kind was published for about 40 years afterward, and this is the first such grammar in Russian. However, it does not represent substantial advancement as it partly relies on the data discussed by Castrén. Nevertheless, it must be mentioned that Prokofiev's grammar includes a small text that he collected from Torunte Kosterkina in 1933. It is the first ever published text in Nganasan. The text is very short, it consists of only nine sentences.

4.2. Mikola's collection

One of the most important stages of Nganasan scholarship was the collection of Tibor Mikola (1936–2000), who collected not only grammatical materials but three small texts (altogether 81 sentences). Mikola worked in Leningrad in October 1968 with an eighteen-year-old Nganasan informant, Alexei Molkovich Turdagin (1950–1973), with whom he remained in contact after their work together ended, until the young man's tragic and untimely death. However, Mikola continued to correspond with Turdagin's sister for many more years and gathered lexical material from her as well.

The collected materials were published in 1970 and 1980 with translations in Hungarian (Mikola 1970, 1980). The 1970 publication contains a list of words, paradigms, and three small texts, while the 1980 one only a wordlist. The texts were also recorded by Mikola, but unfortunately, one of the sound recordings has been lost. Thus, only two recordings with a children's tale about a mouse and a reindeer and with a short narrative have been preserved. The motive of the tale is a very famous motive not only among the Nganasans but also among the Enets and other Siberian peoples. These recordings are not free or spontaneously produced texts, but the speaker very likely first put down the texts on paper and then read them out loud. These texts are one of the first voice recordings of Nganasan. There are only some older recordings each from 1961, 1963, 1964, and two from 1965 (see also section 6 below). The significance of Mikola's study lies also in the fact that it includes some three hundred previously unknown words. Table 1 lists the

materials with the basic data in Mikola's collection. All texts are included in the *Nganasan Spoken language Corpus* (cf. Brykina et al. 2018), whose basic purpose was to create an electronically searchable corpus for Nganasan (cf. §5.3 below). This corpus is being further developed as a database and has been integrated into the INEL project¹.

Table 1. Mikola's collection

Title	Title in INEL Nganasan corpus	number of sentences	duration
Djajku	TAM_681018_Djajku_flkd	34	–
Hill	TAM_681104_Hill_nar	13	00:00:45
Reindeer and the mouse	TAM_681113_Reindeer_flkd	34	00:03:24

4.3. The field trips of members of the Dulzon School and the materials in Tomsk

About 200 volumes of fieldwork notes on different Siberian languages are stored in the archives of the Department of Siberian Indigenous Languages at Tomsk State Pedagogical University. The archives of the Department include hand-written card catalogs: appr. 120,000 cards on a Ket-Russian dictionary, 80,000 cards on a Selkup-Russian dictionary, relatively small catalogs on other languages (Nganasan, Dolgan, and Chulym-Turkic), 242,000 cards on Siberian, Far Eastern, and Central Asian toponyms. In addition to the lexical data, there are a lot of books with fieldwork notes which contain texts, sentences, and lexical data collected from Khanty, Selkup, Enets, Nganasan, Chulym-Turkic, and Dolgan. Some of these texts were published in the series *Skazki Narodov Severa* (Tales of the Peoples of Northern Siberia, 1976, 1980, 1981), however, a considerable amount of the collected materials was published only in the series *Annotated Folklore Prose Text of Ob-Yenisey Language Area* in the recent past. (For more about these topics, see Kryukova 2016 and Galkina & Osipova 2000, among others.)

Between 1968 and 1972, members of the Dulzon School (Ekaterina Petrovna Bołdt née Nojfeld; E. I. Machkinis, A. K. Stolyarova, and Lyubov Sergeevna Petrovskaya) carried out fieldwork among the Nganasans and collected grammatical data, word lists, and several texts. There are a total of twelve archive volumes containing Nganasan material, however, volume 11 also contains Dolgan material. Some texts are not only in one volume but were copied into several volumes. In total, materials were collected from 17 speakers, all of them are speakers of the Avam dialect. The following content types can be identified: translation of sample sentences that have been compiled to illustrate grammatical descrip-

¹ Grammatiken, Korpora und Sprachtechnologie für indigene nordeurasische Sprachen <https://www.slm.uni-hamburg.de/inel/projekt.html>

tions. A complete catalog of the (Nganasan) materials in Tomsk is already assembled in Hamburg with the cooperation of Tomsk colleagues and it as already been published in electronic form².

Table 2. A brief catalog of the text materials

Title	Speaker	Date	Title in INEL Nganasan corpus	Vol: page-page	Published
How to build a tent	KSM	1969	not yet included	3:431–432	no
Where we lived before	KSM	1969	not yet included	3:433–434	no
How sleeves are made	KSM	1969	not yet included	3:435	no
How knives are made	KSM	1969	not yet included	3:437–438	no
How to smoke fish	KSM	1969	not yet included	3:439	no
How I make a parka	KSM	1969	not yet included	3:441	no
Wedding	KSM	1969	not yet included	3:443–444	no
Reindeer	KSM	1969	not yet included	3:445–446	no
Parka	TMP	1971	TMP_71_Parka_nar	5:152–156	Gusev 2012: 143–150
Djajku	PKK	1971	PKK_71_Djajku_flkd	5:266–286	Gusev 2010: 229–262
Ibula	PKK	1971	PKK_71_Ibula_flkd	5: 287–301 11:1–39	Wagner-Nagy & Brykina 2015:194–216
Bird man	PKK	1971	PKK_71_BirdMan_flkd	5:302–308 11:40–45 11: 77–82 (only in Russian)	Wagner-Nagy & Brykina 2015:185–193; SNSS 1980:52–54.
One tent	PKK	1971	PKK_71_OneTent_flkd	5: 309–320	Gusev 2010: 212–229

² <https://inel.corpora.uni-hamburg.de/portal/dulson/> (last visited: December 06, 2022)

Title	Speaker	Date	Title in INEL Nganasan corpus	Vol: page-page	Published
				11:83–96 11:111–123	
Fish	PKK	1971	PKK_71_Fish_nar	5: 321–322 11:101	Gusev 2012: 151–154
Net	PKK	1971	PKK_71_Net_nar	5:323–324 11:106	SNSS 1981:165–166
How to build a tent	PKK	1971	PKK_71_BuildTent_nar	5:325–326 11:103	Gusev 2012: 155–157
How to fish	PKK	1971	PKK_71_HowFish	5:327–328 11:102	SNSS 1981:166
Polar fox	PKK	1971	PKK_71_PolarFox_nar	5:331–332 11:104–105	SNSS 1981: 166–167
Fish	KBD	1971	KBD_71_Fish_nar	6:506–507	Gusev 2012: 158–160
Sledge	KBD	1971	KBD_71_Sledge_nar	6:508–509	Gusev 2012: 161–162
Relatives	KBD	1971	KBD_71_Relationship_nar	6:510–511	Gusev 2012: 176–182
How to build a tent	KBD	1971	KBD_71_Tent_nar	6:516–519	Gusev 2012: 170–175
Knife	KBD	1971	KBD_71_Knife_nar	6:520–521	SNSS 1981: 175–176
Shaman	KBD	1971	not yet included	6:522–525	SNSS 1981: 176–177
Play Children	KBD	1971	not yet included	6:526–527	SNSS 1981: 177
PolarFox	KBD	1971	KBD_71_PolarFox_nar	6:528–531	Gusev 2012: 166–169
How to make a boat	KBD	1971	KBD_71_Boat_nar	6:532–533	Gusev 2012: 163–165
Deers	KBD	1971	not included	6:534–541	
Barusi	POJ	1971	POJ_71_Barusi_flkd	7:76–87	Brykina & Wagner-Nagy 2020: 150–196
Bone	POJ	1971	POJ_71_Bone_nar	7:162–186; 11:317–413	SNSS 1980: 34–48

Title	Speaker	Date	Title in INEL Nganasan corpus	Vol: page-page	Published
Seven girls	POJ	1971	POJ_71_SevenGirls_flkd	7:87–93; 11:127–161	SNSS 1980: 3–7
Dried fish	POJ	1971	POJ_71_DriedFish_nar	7:94–95 11:443–449	unpublished
Shaman	POJ	1971	POJ_71_Shaman_flkd	7:96–101 11:467–479	Brykina & Wagner-Nagy 2020: 197–228
Sledge	POJ	1971	POJ_71_Sledge_nar	7:102–103 11:451–457	unpublished
Yellow Eyes	POJ	1971	POJ_71_YellowEyes_flkd	7:106–119 11:265–315	SNSS 1980: 24–34
Djako	POJ	1971	not yet included	7:120–121	unpublished
Djaku	POJ	1971	POJ_71_Djaku_flkd	7:142–149 11:225–253	SNSS 1980: 19–24
Bridal advertising	POJ	1971	POJ_71_Bridal Advertising_nar	7:122–123 11:431–435	unpublished
Sigie	POJ	1971	POJ_71_Sigie_flkd	7:124–142 11:163–223	SNSS 1980: 7–19
How I tan a hide	POJ	1971	POJ_71_HowImakeFur_nar	7:120–121 11:419–423	unpublished
Squirrel	POJ	1971	POJ_71_Squirrel_nar	7:150 11:437	unpublished
A wise girl	POJ	1971	POJ_71_WiseGirl_flkd	7:162–186 11:317–413	SNSS 1980: 34–48
How to make bread	POJ	1971	not yet included	7:243–244	unpublished
How to build a tent	POJ	1971	not yet included	7:244–245	unpublished
How to make a (...)?	POJ	1971	not yet included	7:245	unpublished

Title	Speaker	Date	Title in INEL Nganasan corpus	Vol: page-page	Published
How to sew a parka	POJ	1971	not yet included	7:245–246	unpublished
Lucky boys	TMT	1972	TMT_72_TwoLuckyBoys_flkd	8: 537–591	SNSS 1981: 167–171
One tent	TMT	1972	TMT_1972_OneTent_flkd	8: 593–643 9: 847–879	unpublished
Many tents	ChKD	1972	ChKD_72_ManyTents_flks	9:749–799	Wagner-Nagy & Gusev 2017: 247–298
Two lucky boys	TLH	1972	TLH_72_TwoLuckyBoys_flkd	9:815–846	unpublished
Fairy tale	TZD	1972	TZD_72_Fairytale_flkd	9:897–927	unpublished

4.4. Tereshchenko's collection

One of the most prominent Samoyedic scholars of the second half of the 20th century was Natalya Tereshchenko (1908–1987), who, in addition to Nganasan, was also an excellent scholar of the other two North Samoyedic languages, Nenets and Enets. She became familiar with the Nenets language and culture during her studies in Arkhangelsk and at the Herzen Institute in Leningrad in the 1930s. Her husband, Anton Pyrerka (1905–1941), who was a Nenets, was also interested in linguistics and folklore.

Tereshchenko's first major studies on Nganasan appeared from the mid-1960s onwards. The culmination and summation of her work is a detailed grammatical description of the Nganasan language, which was published in 1979. This grammar is based on data that Tereshchenko collected from native speakers. Although she also recorded many texts from the consultants, she never published them. The materials she collected are accessible on the homepage of the Institute of Linguistic Studies at the Academy of Sciences (St. Petersburg).³ Here one can find not only a list of materials compiled by Lyublynskaya (*Нганасанские тексты: опись*) but the manuscript can also be downloaded (*Нганасанские тексты: публикации*). Some of these texts have already been integrated into the *Nganasan Spoken Language Corpus* (Brykina et al. 2018, see §5.3 below). Based on Lyublinskaya's description, Table 3 lists the collected texts. The exact date of the collection is unknown in all the cases.

³ <https://iling.spb.ru/nord/materials.html> (last visited: November 17, 2021)

Table 3. Text materials of the Tereshchenko archive

Title	Speaker	Title in INEL Nganasan corpus	Number of sentences
Reindeer	MACH	MACH_XX_Reindeer_flkd	14
Nenets	MACH	MACH_XX_Nenets_flkd	49
Salya Banka	MACH	MACH_XX_SalyaBanka_flkd	118
Two shamans	MACH	MACH_XX_TwoShamans_flkd	31
Nenets	KSM	KSM_XX_Nenets_flkd	45
Fox	MACH	MACH_XX_Fox_flkd	60
Igula	MACH	MACH_XX_Igula_flkd	69
Kehy Luu	MACH	MACH_XX_KehyLuu_flkd	135
Two rich Men	KES	not yet included	
Fox and a hunter	TN	not yet included	
Tankaga	KT	not yet included	
The hunter and the underworld	ChN	not yet included	
Xyudyaku Mojbyudy	PK	not yet included	
Son of Nganasan and Son of Nenets	MACH	not yet included	
Silly Ibula	KD	not yet included	

4.5. Materials by Labanauskas and Dobzhanskaya

The collected volumes edited by Kazis Labanauskas (1942–2002) should also be highlighted. He lived in Dudinka for decades and participated in numerous fieldwork projects among the peoples of the Taimyr Peninsula. He published his preliminary Nganasan collections in a small booklet in 1992. The collection, published in 2001, contains 58 texts, most of which are narrative folklore texts, some of them lyrical, and some of them riddles. The original recordings of the texts have not always been preserved, among other reasons because Labanauskas used the tapes several times, overwriting the recordings. Nevertheless, some recordings contain the original soundtrack. However, the preserved recordings are not yet cataloged. The texts were collected between 1973 and 1979 in Novaya

(Khatanganskij Rayon) and Ust'-Avam and Volochanka (Dudinskij Rayon) with the assistance of S. T. Momde, N. Kupchik, M. Ch. Okko, and T. Okko. Some texts were taken from former publications, however, unfortunately, Labanauskas did not indicate the exact source. Since his death, the manuscripts of his articles, books, his drawings, photos, and maps have been kept in the House of Folk Art of the Taimyr Peninsula and the Museum of Local History in Dudinka. Table 4 lists the items published in the text collection from 2001. (For more about Labanauskas, see Dobzhanskaya 2012.)

Table 4. Text materials from Labanauskas 2001

	Title	Number of sentences	Locus of other publication
1	Two bears	15	
2	Dengku	11	Wagner-Nagy 2002: 198–199
3	Spells	9	
4	The Moon's husband	16	Wagner-Nagy 2002: 204–205
5	Two shamans	14	
6	Elk	18	
7	God of Luck	23	
8	Old story	18	
9	The man and the wolf	17	Wagner-Nagy 2002: 204–205
10	Arrival of the man	19	
11	The clever shaman	11	
12	Orphan girl	18	
13	Fire-Mother's present	16	
14	Proverbs	10	
15	Ogre	28	
16	Old shaman	23	
17	Ice-God and Earth-Mother	32	
18	Riddles	10	
19	Land of idols	33	
20	A story in the forest	38	

	Title	Number of sentences	Locus of other publication
21	Old Birdman	31	
22	Folk wisdoms	12	
23	Barusi-woman	39	
24	Talking with a dog	30	
25	Sinsime	48	
26	Thunder God	57	
27	Sayings	12	
28	Odyoloku	44	
29	Two hunters	60	
30	Shaman's doom	45	
31	The reindeer and the mouse	34	Mikola 1970: 69–70 (original text) Wagner-Nagy 2002: 208–209
32	Revenge of the wolf	46	
33	God's message	55	
34	Anecdote	29	
35	Working	30	
36	Allegorical song	16	
37	Allegorical song	14	
38	Naughty sons	68	
39	The seven brothers' sister	77	
40	Three brothers	79	
41	Two Ibula	96	
42	In the land of the dead	81	
43	Soymu's son	100	
44	Life of reindeer herders	93	
45	Sayings	18	
46	Competition of two strongmen	93	

	Title	Number of sentences	Locus of other publication
47	The hunter's death	82	Wagner-Nagy 2002: 222–225
48	Unhappy old lady	71	
49	The old man's three daughters	138	
50	Dyajku	112	
51	Two men	171	
52	Lakuna's sons	183	Wagner-Nagy 2002: 226–231
53	Wife of the Yellow-Eyed Man	153	
54	The dead old woman	235	
55	The daughters of the Nganasan woman	253	Wagner-Nagy 2002: 244–251
56	Admonitions	18	
57	Proverbs	95	
58	Shaman story	343	

Oksana Dozhanskaya also conducted several comprehensive expeditions to study the traditional and contemporary culture of indigenous peoples in the Taimyr Peninsula. Since 1987 she has been a participant and later the leader of musical and ethnographic expeditions to collect the musical folklore of the Nganasans, Dolgans, Nenets, Enets, Evenks, Khanty, and Tofa. Some cassettes recorded by her were given to Larisa Leisiö for digitization and transcription. A list of the material collected by her is given in Table 5. Most of the texts have not been published to date. Some have already been transcribed by Nadezhda Kosterkina, Valentin Gusev and Maria Brykina. The existing recordings will be integrated into the database with Dobzhanskaya's permission (cf. §6 below).

Table 5. Dobzhanskaya's collection

Title	Title in INEL Nganasan corpus	Year	Speaker	Length
Tute Xorezume	KTD_XX_TuteHorezume_flk	unknown	KTD	00:46:49
Syxarty Ngadyabta	KTD_XX_SyxartyNgadyabta_flk	unknown	KTD	00:38:35
				00:46:34
				00:46:26
				00:11:03
Conversation	KTD_XX_Conversation	unknown	KTD	00:08:44

Title	Title in INEL Nganasan corpus	Year	Speaker	Length
Lerui Sidite	KTD_86_LeruiSidite_flks	1986	KTD	00:42:38 00:43:37 00:44:36
Nganasan children	not yet included	1986	KTD	00:43:57 00:43:33 00:43:29 00:43:27
Two Momde	KTD_86_TwoMomde_flkd	1986	KTD	00:39:40 00:39:37
Evenki Chief	KTD_86_EvenkiChief_flks	1986	KTD	00:43:24 00:43:29
Tale	not yet included	1986	KTD	00:44:49 00:44:41
Short Syteby	KDD_XX_Syteby_flks	unknown	KDD	00:08:16
Shamanic ritual	KDDe- TNH_90_ShamanicRitual_flk	1990	KDDe and TNH	00:29:54 00:29:47 00:30:04 00:29:44 00:30:46 00:31:29
Two brothers	MDB_91_TwoBrothers_flkd	1991	MDB	00:44:26 00:41:52
Two Huantie	MDB_91_TwoHuantie_flks	1991	MDB	00:26:05 00:44:14
Three tents	MDB_91_ThreeTents_flks	1991	MDB	00:44:14 00:40:27
Two sisters	KVB_9408_TwoSisters_flkd	1994	KVB	00:29:07
Two Lemdutite	KVB_9408_TwoLemdutite_flks	1994	KVB	00:47:11 00:32:30
Orphan chief	PSM_9408_OrphanChief_flks	1994	PSM	00:47:06 00:11:34
Songs	not yet included	1994	PMS	00:21:59

Title	Title in INEL Nganasan corpus	Year	Speaker	Length
Conversation (a lot of it in Russian)	not yet included	1996	PHL and KNT	00:21:35
My Life	PHL_96_MyLife_nar	1996	PHL	00:29:07
Solatui Ngaangku	ChND_00_SolatuiNgaangku_flks	2000	ChND	00:11:37
Relationship	JSM_060901_Relationship1_nar	2006	JSM	00:12:29

4.6. Helimski's field materials

Beginning with the 1980s, Eugen Helimski (1950–2007) repeatedly conducted fieldwork and collected Nganasan, Enets, and Nenets materials on the Taimyr Peninsula alone or with his students. One of his most significant achievements is the description of Nganasan (Helimski 1994, 1998) and the development of the complex morphophonological rules (such as syllabic and rhythmic consonant gradation, nunnation, and vowel harmony), since the monograph published by Tereshchenko in 1979 did not pay much attention to these phenomena.

4.6.1. Audio materials

Unfortunately, the audio materials and transcripts collected by him have been relegated to the background and are still only sporadically available. Helimski did not pay much attention to publishing the texts and lexical materials or to archiving the sound recordings. After his untimely death in 2007, the cassettes of his scientific legacy, containing not only Nganasan but also Enets, Nenets, and Selkup recordings, were digitized and archived in the Phonogram Archive in Vienna. The cassettes were not in the best condition, so some of them could not be processed at all. The digitization of the materials was also complicated by the fact that the speed was often changed during or between the recordings. The list of the audio materials in Nganasan is presented in Table 7. As can be seen, a good portion of the recordings contains word lists. Some cassettes are recordings copied from other researchers, such as Jean-Luc Lambert. These recordings have not been included in this list. Lambert was at the Taimyr Peninsula several times and collected mainly ethnological materials. He recorded many stories, which he gave not only to Helimski but also to other researchers. His materials are partially integrated with his permission into the Nganasan Spoken Language Corpus (see § 5.3)

A major part of the data in Helimski's estate represents the Avam Nganasan variety, only some words are recorded from a Vadeyev speaker. As can be seen in the table, some numbers (for example, the numbers 2 and 3) occur twice. In such cases, they are distinguished by lower case Latin letters, e.g., 2a and 3a.

Table 7. The list of Helinski's audio recordings

Tape	Speaker	Dialect	Year	Place of recording	Content
2a-A	Kokore	Vadeyev	1976	Dudinka	wordlist
2a-A	PHL	Avam	1976	Dudinka	wordlist
2b-A/B	PH	Avam	1976	Dudinka	Story about Dju-hode Honjaku
2a-A, 2a-B, 3a-A	PHL	Avam	1976	Dudinka	wordlist
3a-A	PT	Avam	1976	Dudinka	wordlist
5-A	PHL	Avam	2000	Dudinka	a narrative about the father
9-A/B	KTD	Avm	1987		Iron head
19-A/B	TNH	Avam	1986	Ust'-Avam	Text: Hüyübča
19-B	TNH	Avam	1986	Ust'-Avam	songs
20-B	TNH	Avam	1986	Ust'-Avam	songs
21-A	TNH	Avam		Ust'-Avam	songs
21-A	KDD	Avam	1986	Ust'-Avam	Dajku
22	KTD	Avam	198?	Ust'-Avam	Recording is slowed
24-A/B	KTD	Avam	1988	Ust'-Avam	Hotaryə D'iaduaši
23-A/B	PHL	Avam	198?	Ust'-Avam	conversation
23-A	KES	Avam	198?	Ust'-Avam	2 fairy tales
26-A	PHM	Avam	1992	Volochanka	Tales
26-A	KChH	Avam	1992	Volochnaka	Life narrative
26-A	JN	Avam	1992	Volochnaka	Life narrative
26-B	TNI	Avam	1992	Volochnaka	Fragment of a text
26-B	PKM	Avam	1992	Volochnaka	Recording of a work session
26-B	MDM	Avam	1992	Volochnaka	Conversation

Tape	Speaker	Dialect	Year	Place of re-cording	Content
26-B	TS	Avam	1992	Volochnaka	unknown
25	TCh	Avam	1996	Ust'-Avam	unknown
32	MACH	Avam	1999	Dudinka	The book 'Nganasan language' is read by the author
33	KNT	Avam	2000	unknown	Letter from N. T. Kosterkina to Helimski

4.6.2. Text materials

The folders with the transcribed Nganasan texts, lexical materials, and phonetic notes have been sent to Valentin Gusev as requested by Helimski. The lexical materials will be integrated into the dictionary, which Valentin Gusev is compiling currently. The text materials will be integrated into the *INEL Nganasan Corpus*. A Word document of some texts such as Seu Melangana has already been provided on Gusev's Homepage (for this, see § 5.1 below). These materials from Helimski are listed here in Table 8. There are 19 shorter or longer texts in total. Some of the texts were not collected by Helimski (HE) himself, but by Nadezhda Tubyakovna Kosterkina (KNT), who gave them to Helimski. These are also included here. The name of the collector, the genre, the date of the collection, and the length of the text are indicated. If the text is already integrated into the database version of the Nganasan Spoken Language Corpus, this is also indicated.

Table 8. Helimski's text archive

Topic	Speaker	Date	Title in INEL Nganasan corpus	Number of sentences / pages	Audio	Collected by
Seu Melangana	KTD	unknown	KTD_XX_SeuMelangana_flks	1463	no	KNT
Beturaku woman	KTD	1986	KTD_86_BeturakuNy_flks	1961	1:03:45	KNT
Iron head	KTD	1987	KTD_87_IronHead_flks	1530	1:25	EH
Lembie	KTD	unknown	KTD_XX_Lembie_flkd	34	no	unknown

Topic	Speaker	Date	Title in INEL Nganasan corpus	Number of sen- tences / pages	Audio	Collected by
Dir Terisi	KTD	1983–85	KTD_83_DirTerisi_flks	appr. 500	no	HE
Kehy Luu	KTD	unknown	KTD_XX_KehyLuu_flkd	24 pages	no	KNT
Shamanic session	KTD	1978	not included	published in 1994		
Kalade Munke	?KTD	unknown	not included	46 pages in Russian, 4 pages in Nganasan		
Seven chil- dren	KBD	unknown	not included	22 pages	no	?KNT
Life earlier	PHL	1989	PHL_890815_Life_flkd	9	no	HE
One tent	JECh	1992	not included	9	no	HE
Song of my mother	JECh	1992	not included	3	no	HE
Song of my father	JECh	1992	not included	4	no	HE
Leptimaku's song	JECh	1992	not included	2	no	HE
Nadya's song	JECh	1992	not included	3	no	HE
Lusa's song	JECh	1992	not included	2	no	HE
Clan Chunanchar	KES	unknown	not included	5	no	HE
Partridge's song	ChT	unknown	not included	23	no	HE
Hetandi Derbie	MDN	1992	MDN_920816_ HetandiDembie_flk	15 pages	00:37:5 0	HE

Just like the manuscripts in Tomsk, Helimski's notes also include drawings. Figure 2 shows the drawing made by Nadezhda Tubyakovna Kosterkina. She recorded the given text from her father.

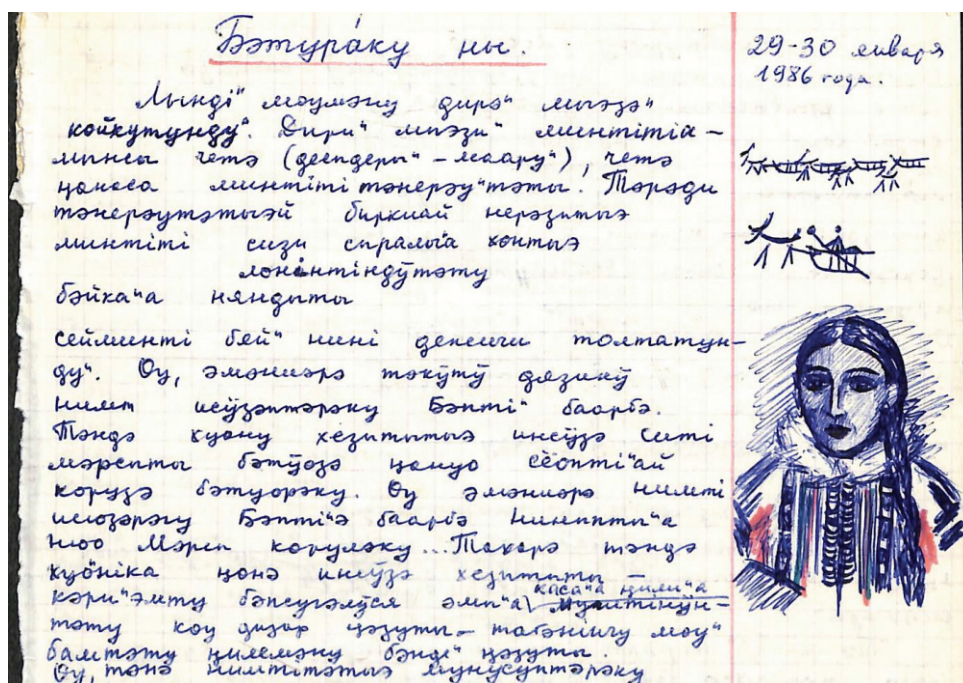

Figure 2. The manuscript of the text Beturaku Ny

5. Digital materials

This section provides an overview of the materials available online. First, the text collections are explained, then the chapter is devoted to the corpora.

5.1. Text collections with or without glosses

In the project *Typology of Negation in Ob-Ugric and Samoyedic languages*⁴ (acronym: NOS, 2008–2011, supported by the Austrian Science Foundation) conducted at the University of Vienna two glossed texts (of 583 sentences altogether) with audio recordings were published online as *html* and *pdf* files. The texts were collected by Beáta Wagner-Nagy (1994, 1996) and Florian Sobanski (1996).

Within the framework of the *LangueDOC*-project⁵ that was carried out in Moscow, seven items are available with video recording and glossing on the sample page. One text is not glossed, only the video recording is available. The everyday stories and tales were

⁴ <http://www.univie.ac.at/negation/sprachen/nganasana.html> (last visited: November 17, 2021)

⁵ <http://www.philol.msu.ru/~languedoc/eng/ngan/corpus.php> (last visited: November 17, 2021)

collected by Valentin Gusev and Maria Brykina in 2006. The glosses are also provided by Gusev and Brykina. The collection comprises altogether 322 sentences.⁶

Gusev published other materials as well: on the homepage titled *Corpus of Nganasan Folklore Texts*⁷ 54 texts were available until recently. This page was created as part of the project *Ethnocultural Interaction in Eurasia* (2003–2005) and published materials collected by several scholars. The texts were published without exception as Word documents, the audio or/and video recordings were not available. The collection comprised approximately 14,928 utterances and about 28,000 word forms. Table 9 lists the names of the collectors, the date of the collections, and information is provided on who the researchers worked with. The exact description of the texts can be found on the homepage.

Table 9. Collected data of the Corpus of Nganasan Folklore Texts

Collector	Date of collection	Informant (initials)
Brykina, Maria	2004, 2005	ChND, KES, PED, TKF
Daniel, Michail	2000, 2003, 2004	ChND, KES, PED, SEN, TKF
Gusev, Valentin	2003, 2003	KES, JDH, PED, SEN, TKF
Helimki, Eugen	1987	KTD, TNH,
Kosterkina, Nadezhda	unknown	KTD
Lambert, Jean-Luc	1997, 1999	KVB, MDN, TKF
Voliak, Pavel	2003	TKF

5.2. Nganasan Speech Corpus

This corpus is compiled by Larisa Leisiö and located in the Language Bank of Finland maintained by CSC and FIN-CLARIN.⁸ According to the description, this corpus comprises videos and audio materials collected between 1986 and 2013. It contains, among other materials, transcripts of fairy tales, biographies, songs, and additional photographs. In total, the corpus contains 5 hours of recordings and 172 hours of video materials. According to the home page, the corpus “will be made available in LAT (<https://lat.csc.fi>)”. The accessibility of the corpus is restricted.

⁶ The archive includes 31 texts in total. The landing page (http://languedoc.philol.msu.ru/ds/imdi_browser/) can be opened only with Internet Explorer.

⁷ <https://iling-ran.ru/gusev/Nganasan/texts/index.php> (last visited: November 17, 2021)

⁸ <http://urn.fi/urn:nbn:fi:lb-2014100302> (last visited: November 17, 2021)

5.3. Nganasan Spoken Language Corpus

The aim of the *Nganasan Spoken Language Corpus* (Brykina et al. 2016 and 2018) was to assemble existing data, including data from other researchers, and, thus, to create a corpus that allows for long-term preservation and ensures accessibility. The corpus is not a mere collection of Word (or txt) documents or sound files, but a systematically assembled and annotated corpus that allows researchers to investigate linguistic phenomena systematically.

This first version of the NSLCorpus (named 0.1; Brykina et al. 2016) is a subcorpus that comprises 55 communications, 42 of which contain an aligned audio recording with glossed (Toolbox/Fieldworks⁹) and annotated (EXMARaLDA) transcripts from 15 (10 female, 5 male) speakers. All texts have been translated into Russian and English, some also into German. Some transcriptions are based on archive materials without audio files.

The second version (named 0.2, Brykina et al. 2018) of the corpus comprises 176 communications, 136 of which contain an aligned audio recording (approx. 32 hours of sound files), with glossed and annotated (EXMARaLDA) transcripts from 33 speakers. On the one hand, the corpus contains materials collected by different researchers during earlier fieldwork and the colleagues of Taimyr Radio. On the other hand, archive materials from Tomsk and St. Petersburg as well as published materials are also included in the corpus. Additionally, metadata is provided for 34 speakers. There are 21,723 utterances with 142,455 tokens and 35,131 types in the corpus. The oldest text is from 1933, the most recent from 2016. The majority of the texts were recorded in the 2000s. (For a detailed description of the corpus, see Wagner-Nagy et al. 2018.) This version of the corpus is publicly accessible through the Corpus ACA (public)¹⁰ license.

Both versions of the corpus include a metadata set in which every single piece of data is documented in great detail from the moment of recording to transcription, glossing and translation without exception. Every contributor who has ever participated in the processing of the data is named in the metadata (in EXMARaLDA/Coma-format¹¹ and *html*¹² format) as well as in the guidelines¹³ of the project. Texts were not collected

⁹ <https://software.sil.org/fieldworks/> (last visited: December 06, 2022)

¹⁰ “HZSK-ACA language resources can be accessed only for research purposes by ACAdemic researchers. The end user does not need to ask for usage permission but can access the resources with a valid account from a research institution that is included in the CLARIN trusted domain.” [<https://corpora.uni-hamburg.de/hzsk/en/corpus-enquiries-licenses> (last visited: December 06, 2022)]

¹¹ https://corpora.uni-hamburg.de/hzsk/de/islandora/object/file:nslc-0.2_coma/datastream/COMA/nslc.coma (last visited: December 06, 2022)

¹² https://corpora.uni-hamburg.de/hzsk/de/islandora/object/file:nslc-0.2_coma-overview/datastream/HTML/coma-overview.html (last visited: December 06, 2022)

¹³ https://corpora.uni-hamburg.de/hzsk/de/islandora/object/file:nslc-0.2_NSLCGuidelines/datastream/PDF/NSLCGuidelines.pdf (last visited: December 06, 2022)

from all of them, but in some form, they have contributed to the transcription of Nganasan materials.

6. The INEL Nganasan Corpus as a database

The Nganasan Spoken Language corpus is currently being expanded as a database and integrated into the INEL project. The goal of this database is to collect and preserve the field research materials. Materials are included here that have not been published until now and thus have never been accessible. At present, it contains materials collected by various scholars and by colleagues of the Taimyr Radio between 1933 and 2019. The list of the collectors is presented in Table 10 below. The database also contains metadata about 93 Nganasan speakers. Texts were not collected from all of them, but in some form, they have contributed to the transcription of Nganasan materials.

Table 10. Collectors in the Nganasan Spoken Language Database

Collector	Date of collection
Aksenova, A.	1977
Aksenova, Svetlana	2019
BoIdt, Ekaterina	1971
Budzisch, Josefina	2016
Brykina, Maria	2003, 2004, 2005, 2006, 2008, 2009, 2019
Daniel, Mikhail	2003, 2004, 2006
Dobzhanskaya, Oksana	1986, 1991, 1994, 2006
Helinski, Eugen	1986, 1987, 1989, 1992, 1996
Gusev, Valentin	1992, 2003, 2004, 2005, 2006, 2008, 2009, 2016, 2019
Lambert, Jean-Luc	1992, 1997, 1999
Machkinis, E. I.	1971
Mikola, Tibor	1968
Popov, N.A.	1965
Prokofiev, G. N.	1933
Sobanski, Florian	1996
Stolyarova, A.	1971, 1972

Collector	Date of collection
Szeverényi, Sándor	2008
Tereshchenko, Natalya	unknown year
Turdagina, Larisa	1988, 1989, 1990, 1991, 1993, 1994, 1996, 1997, 1999, 1997, 2000, 2002, 2003, 2005
Várnai, Zsuzsa	2008
Voliak, Pavel	2003
Wagner-Nagy, Beáta	1994, 1996, 2008, 2016, 2019
Zhdanova, Tatyana	1997

Currently, the database contains 455 units, 356 of which are already transcribed texts, which is 78% of the total. However, it does not mean that all these 356 units are already glossed and added to the corpus. At present, 207 units are glossed and analyzed. A number of units have recordings, but only 57 units do not. The total length of the audio materials is 116:02:05. The number of sentences in the whole corpus is 25,307. This database will be gradually expanded and published in about 2–3 years. Because of the abundance of materials, one cannot expect that all texts will be available in glossed form. However, through the compilation of materials, it is achieved that an extensive collection will be archived sustainably. The materials will be deposited in several archives.

Acknowledgement

This publication has been produced in the context of the joint research funding of the German Federal Government and Federal States in the Academies' Programme, with funding from the Federal Ministry of Education and Research and the Free and Hanseatic City of Hamburg. The Academies' Programme is coordinated by the Union of the German Academies of Sciences and Humanities.

A list of speakers:

ChND	Chunanchar, Nina Dentumeevna	KD	Kupchik, Darya
ChN	Chunanchar, Numaku	KNT	Kosterkina, Nadezhda Tubyakovna
JECh	Jarockaya, E. Ch.	KTD	Kosterkin, Tubyaku Dyuhodevich
JN	Jarockij, Numarie	KT	Komchen, Tasi
KBD	Kosterkin, Boris Dyuhodevich	KVB	Kosterkina, Valentina Bintaleevna
KChH	Kokore, Chubo Hetinteevich	MACH	Momde Aleksandre Cheleevich
KDD	Kosterkin, Dyulsimyaku Demnimeevich	MDM	Mirnikh, D. M.
KDeD	Kosterkin, Demnime Dyuhodevich	MDN	Mirnykh, Denduche Nuteevich

PHL	Porbina, Hella Laymoreevna	TCh	Turdagin, Chuamte
PHM	Porbina, Hella Mosareva	TKF	Tuglakov, Kurumaku Fjodorovich
PK	Porbin, Kundyli	TMP	Turdagina, Maria Pulkovna
PKM	Porbin, Kyudapte Morychesovich	TN	Turdagin, Nurumaku
PMS	Porbina, M. S.	TNH	Turdagin, Numumu Xursapteevich
PSM	Porbin, Salira Mydovich	TNI	Turdagin, Nikolaj Ivanovich
PT	Porbina, Tanya	TS	Turdagin, Sumumaku

References

- Brykina, Maria, Gusev, Valentin, Szeverényi, Sándor and Wagner-Nagy, Beáta 2016: *Nganasan Spoken Language Corpus (NSLC)*. Archived in *Hamburger Zentrum für Sprachkorpora*. Version 0.1. Publication date 2016-12-23. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0001-B36C-C>.
- Brykina, Maria, Valentin Gusev, Sándor Szeverényi and Beáta Wagner-Nagy 2018: *Nganasan Spoken Language Corpus (NSLC)*. Archived in *Hamburger Zentrum für Sprachkorpora*. Version 0.2. Publication date 2018-06-12. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8>.
- Brykina, Maria & Wagner-Nagy, Beáta 2020: Nganasanskije teksty [Nganasan texts]. In: Andrey Filchenko (ed.): *Annotated Folk and Daily Prose Texts in the Languages of Ob-Yenissei Linguistic Area*. Volume 6. Tomsk: Vajar, 150–228.
- Castrén, M. A. 1854. *Grammatik der samojedischen Sprachen, Herausgegeben von Anton Schiefner*, St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.
- Dobzhanskaya, Oksana 2012. Kazimir Izidorovic Labanauskas. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen* 35: 191–201.
- Dolgikh, Boris 1938. *Legendy i skazki nganasanov* [The legends and stories of the Nganasans]. Krasnojarsk: Krasnojarskoe kraevoe gos. izd.
- Galkina, T. V., O. A. Osipova 2000. A. P. Dul'zon i ego shkola [Dul'zon and his school]. *Voprosy jazykoznanija* 3: 3–11.
- Gusev, Valentin 2010. Nganasanskije teksty [Nganasan texts]. In: Filchenko, Andrey (ed.): *Annotated Folk and Daily Prose Texts in the Languages of Ob-Yenissei Linguistic Area*. Volume 1. Tomsk: Vajar, 17–19.
- Gusev, Valentin 2012. Nganasanskije teksty [Nganasan texts]. In: Filchenko, Andrey (ed.): *Annotated Folk and Daily Prose Texts in the Languages of Ob-Yenissei Linguistic Area*. Volume 5. Tomsk: Vajar, 143–182.
- Helimski, Eugen 1987. Two Mator-Taigi-Karagas vocabularies from the 18th century. *Journal de la Société Finno-Ougrienne* 81: 49–132.
- Helimski, Eugen 1993. Samoyedic vocabularies from the 18. century: A list of archive manuscripts. *Ural-Altäische Jahrbücher: Neue Folge* 12: 249–265.
- Helimski, Eugen 1994a. Očerki morfonologii i slovoizmenitel'noj morfologii nganasanskogo jazyka. [Morphological and derivational sketches of Nganasan.] In: Helimski, Eugen (ed.): *Tajmyrskij etnolingvističeskij sbornik*. Moskva: RGGU, 190–221.
- Helimski, Eugen 1998. Nganasan. In Abondolo, Daniel (ed.): *The Uralic Languages*. London: Routledge, 480–515.

- Kim, Aleksandra A. (ed.) 1998. *Katalog polevih zapisej jazykov narodov Sibiri* [A catalog of field notes on the languages of Siberia]. Tomsk: Tomskij gosudarstvennyj universitet.
- Labanauskas, Kazis 1992. *Nganasanskij fol'klor. Fol'klor narodov Tajmyra* 3 [Nganasan Folklore. Folklore of Taimyr Peoples 3]. Dudinka: Tajmyrskij okružnoj centr narodnogo tvorčestva.
- Labanauskas, Kazis 2001. *Nganasanskaya folklornaya hrestomatiya. Folklor narodov Tajmyra* 6. [Nganasan Folklore Chrestomathy. Folklore of Taimyr Peoples 6]. Dudinka: Tajmyrskij okružnoj centr narodnogo tvorčestva.
- Kryukova, E. A. 2016. *Lingvističeskaja škola A. P. Dul'zona* [The linguistics school of A. P. Dul'zon]. Vestnik Tomskogo Universiteta. Istorija 4.
- Mikola, Tibor 1970. Adalékok a nganaszan nyelv ismeretéhez [Additional information on Nganasan]. *Nyelvtudományi Közlemények*. 72: 59–93.
- Mikola, Tibor 1980. Enyec és nganaszan nyelvi adalékok [Additional information on Enets and Nganasan]. *Nyelvtudományi Közlemények*. 82: 223–236.
- Popov, A. A. 1936. *Tavgijcy: materialy po etnografii Avamskih i Vedeevskih tavgiycev*. Moskva, Leningrad: Akad. nauk SSSR.
- Popov, A. A. 1948. *Nganasany*. Vyp. 1. Material'naja kul'tura [The Nganasan. The Material Culture]. Leningrad: Nauka
- Popov, A. A. 1966. *The Nganasan. The Material Culture of the Tavgi Samoyeds*. Bloomington, The Hague: Indiana University.
- Popov, A. A. 1984. *Nganasany. Social'noe ustroystvo i verovanie*. [Nganasan. Social facility and religion]. Leningrad: Nauka.
- Prokof'jev, G. N. 1937. Nganasanskij (tavgijskij) dialekt [The Nganasan (Tavgi) dialect]. In: *Jazyki i pismennost' narodov Severa*. Čast' 1. 53–77. Moscow, Leningrad: Uchpedgiz.
- SNSS 1980 — Nganasanskije teksty. In: *Skazki narodov Sibirskogo Severa* 3 [Nganasan texts: The stories of the peoples of the Siberian north, 3]. 3–54. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.
- SNSS 1981 — Nganasanskije teksty. In: *Skazki narodov Sibirskogo Severa* 4 [Nganasan texts: The stories of the peoples of the Siberian north, 4]. 159–177. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.
- Strahlenberg, P. J. 1730. *Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia*. Stockholm: Published by the author.
- Strahlenberg, P. J. 1975. *Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia*. (Studia uralo-altaica 8.) Szeged: JATE.
- Tereshchenko, N. M. 1979. *Nganasanskyj jazyk* [The Nganasan language]. Leningrad: Nauka.
- Wagner-Nagy, Beáta 2019. *A grammar of Nganasan*. Leiden: Brill.
- Wagner-Nagy, Beáta (ed.) 2002. *Chrestomathia Nganasanica*. SUA Supplementum 10), Budapest, Szeged: SzTE Finnugor Tanszék, MTA Nyelvtudományi Intézet.
- Wagner-Nagy, Beáta, Maria Brykina 2015. Nganasanskije texty [Nganasan texts]. In: Filchenko, Andrey (ed.): *Annotated Folk and Daily Prose Texts in the Languages of Ob-Yenissei Linguistic Area*. Volume 4. Tomsk: Vajar, 185–216.
- Wagner-Nagy, Beáta, Valentin Gusev 2017. Nganasanskije texty [Nganasan texts]. In: Filchenko, Andrey (ed.): *Annotated Folk and Daily Prose Texts in the Languages of Ob-Yenissei Linguistic Area*. Volume 5. Tomsk: Vajar, 249–216.
- Wagner-Nagy, Beáta, Sándor Szeverényi, Valentin Gusev 2018. User's Guide to Nganasan Spoken Language Corpus. Working Papers in Corpus Linguistics and Digital technologies: Analyses and Methodology. Volume 1. DOI: <https://doi.org/10.14232/wpcl.2018.1>

Nganasan loanword phonology: A typological approach to the repair strategies of Russian loanwords in Nganasan¹

Marianne Bakró-Nagy

Hungarian Research Centre for Linguistics, University of Szeged

1. Introduction

This paper aims to present a typological outline of loanword adaptation strategies of Russian loanwords in Nganasan, particularly word-initial complex consonant-cluster onsets. Key research questions addressed are as follows: what repair strategies are the most typical in Nganasan? What governs the selection of repair strategies to adapt structures? What is the background of competing or multiple solutions? The paper attempts to propose aspects for further approaches to the topic rather than formulate definite answers. The interdependence between the repair strategies of Nganasan and the phonetic properties of the onsets will be examined to prove that the perceptual properties of the clusters determine the strategy primarily. Sociolinguistic considerations will be included in the case of multiple adapted forms of the same borrowed words.

The antecedents of this typological approach on highly endangered Uralic languages are the analyses of Zsuzsa Várnai and Bakró-Nagy. The description of repair strategies of consonant clusters of Russian loanwords in Nganasan was initiated by Várnai (2012) when in a large-scale comparative study, she offered a detailed overview of consonant clusters in four Samoyedic languages, including Nganasan. She gave an account of syllable types of the languages, also introducing the adaptation processes of Russian word-initial onset clusters. In doing so, she also referred to typological generalizations. A systematic description of repair strategies of Russian word-initial consonant clusters in Mansi and discussing them in a broader typological context was presented by Bakró-Nagy (2018). The substantial difference between the two approaches is in explaining repair processes. While Várnai clarified adaptation processes as an alignment of Russian syllable structures to Nganasan rules, Bakró-Nagy attempted to prove that essentially not phonotactic forces but perceptual properties of the clusters drive the strategies. The same argumentation will be introduced this time also.

¹ Without the competent, helpful and patient advice of Beáta Wagner-Nagy this paper would suffer from far more misinterpretation. Only I am responsible for the mistakes in this paper.

This paper is organized in the following way. After the basic information on Nganasan phonological and phonotactic properties (1.1), the repair strategies will be presented and explained in section 2. Section 3 presents the typology of repair strategies in Nganasan, followed by an explanation of what governs the selection of repair processes. Section 5 summarizes the conclusions shortly. The purpose of this overview could not be the compilation of an exhaustive corpus of Russian loanwords of Nganasan; the source of data is the annotated database of Nganasan Spoken Language Corpus 0.2 (NSLC 0.2) (<https://corpora.uni-hamburg.de/hzsk/de/islandora/object/spoken-corpus:nslc-0.2>).

1.1. Segmental inventories and syllable structure²

The vowel system of Nganasan is represented in Table 1. Vowels are short or long, and there are two diphthongs as well, the *ia* and *ua*.

Table 1. Vowel system of Nganasan

	front		central	back	
	unrounded	rounded	unrounded	unrounded	rounded
close	i	y	i		u
mid	e		ə		o
open				ɑ	

There are nineteen phonemes in the consonant system of Nganasan; *c* is an allophone of the affricate *tʃ*. *ʔ*, *j*, and *r* cannot appear word-initially. Word-finally, however, only *ʔ*, *m*, *ŋ*, *r*, and *j* can appear. Onset consonant clusters are not permitted word-initially. Mono-syllabic words and words beginning with a vowel are scarce, and if so, *i*, *u*, *ə*, and *ɑ* occur in the word-initial position. Syllables can be CVCV, CVCCV, or CV^cCVC (^c indicating empty slot).

For Nganasan–Russian language contacts see Helimski 1994.

2. Repair strategies

In Nganasan, both word-initial and internal clusters are simplified in adaptation. Word-initial onset clusters functioning as complex onsets are simplified by epenthesis, deletion and metathesis, though with different frequencies. Since this overview concentrates on the types of strategies, tokens will be mentioned only when essential for the explanation.

² For further information see Wagner-Nagy 2022, from which the above data are also derived.

Table 2. Consonant system of Nganasan

	bilabial	dental	alveolar	pal./pal.-alv.	palatalized	velar	glottal
voicel. plosives			t	[c]		k	ʔ
voiced plosives	b			ɟ		g	
nasals	m		n	ɲ		ŋ	
trill			r				
fricatives		ð	s		sʲ		h
affricate				tʃ			
approximant				j			
lat. appr.			l		lʲ		

2.1. Epenthetic processes

Two types of epenthetic processes are observable. Consonant clusters are simplified either by a prothetic vowel inserted in front of the consonant cluster (1) or by an anaptyctic vowel between the cluster's two constituents (2). As a result, an additional syllable is displayed actually, and in both cases, the constituent of the original cluster is restructured into separate syllables:

- (1) #CCV_ $\rightarrow$ #vC\$CV_
- (2) #CCV $\rightarrow$ #Cv\$CV

The position of the epenthetic vowel is governed by the quality of the first constituent of the cluster. If it is an obstruent other than *s* and independently of the second constituent, an anaptyctic vowel is epenthetised (cf. 4), but if it is a sibilant, a prothetic vowel is inserted (cf. 5). The quality of the epenthetic vowel, in turn, is determined by its initial (prothetic) or intervened (anaptyctic) position. Hence the generalization characterizing the relationship of the position and quality of the segments acting in the adaptations is as follows (3):

- (3) quality of initial consonant → position (of epenthetic vowel) →
quality (of epenthetic vowel)

In an anaptyctic position, the quality of the inserted vowel matches the vowel on the right of the epenthetic site (being originally the nucleus of the first syllable or, in one-syllabic words, the only vowel of the sequence). It is not the aim here to discuss the adaptation of

vowels, but it is apparent from the examples that their behaviour is less varied, namely, they are copied faithfully in Nganasan. Therefore the essential determinant factor in anaptyxis is to match the quality of the copied vowel on the right, arousing the impression of harmonic stems in most cases (if word-final schwas are considered neutral). If this vowel is front, the anaptyctic vowel is also a front segment, usually [i] (4a). In the case of ‘chieftain’, in the Russian word, the vowel is back; the inserted vowel is [i] and not a back segment. The only possible explanation would be the palatal environment, which, however, is not sufficient proof in itself.

(4) TRV → TvRV³

(4a) Russian	Nganasan	
brʲɪgəd	birigadə	‘team’
knʲɪgə	kɪnigə	‘book’
knʲasʲ	kɪnasə	‘chieftain’
krʲest	kiristə	‘cross’

But when the vowel on the right of the epenthetic site, is back, the inserted vowel will mostly match the backness of it (4b).

(4b) Russian	Nganasan	
pʌn	pəlanə	‘plan’
	holanə	
brʲʊkʲɪ	burukəʔ	‘trousers’
trʊbə	turubə	‘chimney’
kʌdɔfkə	kaladovka	‘chamber’
kʌs	kalasə	‘class’
kʲʌʈʃ	kulʲʊʈʃ	‘key’
krupa	kyryhə	‘cereals’

There are cases when, as in pəlanə/holanə ‘plan’, the inserted vowel does not faithfully copy the second syllable’s segment; nevertheless, their backness is retained. The example of kyryhə is somehow different since a back closed rounded vowel would be expected; this question should be answered by the vowel adaptation process of Nganasan.

However, this transparent process does not occur when the first constituent of the cluster is sibilant. The words in (5) illustrate the adaptation of such forms: a prothetic vowel introduces the sequence, primarily an [i], independently of the vowel in the following syllable (5). What the forms for ‘table’ concerns may also be the case that they are not direct

³ S, T, H and R stand for sibilants, plosives, fricatives, sonorant consonants, V for a lexical, v for an inserted vowel respectively.

loans from Russian but were borrowed through Dolgan. In that case, however, a round back vowel would be the expected prothetic segment, and not a front unrounded.⁴

- (5) STV → vSTV
Russian	Nganasan	
stol	əsto:lə	‘table’
	istolə	
stul	istuələ	‘chair’

The low number of the prothetic examples is attributable to the phonotactic property of the word-initial syllables. Words in Nganasan only extremely rarely begin with a vowel, being either conceptual words or pronouns. For this reason, the scarcity of protasis is not an adaptational specificity of the language but the consequence of independent rules. It should be noted as well that in earlier descriptions, though not frequently, sibilant-initial loanwords with other than prothetic [i] or [ə] were mentioned⁵, turning out not to be Nganasan.

There are examples, though very rarely, when two repairing strategies are cooperating, i.e. deletion (10) and anaptyxis (6). In the word for ‘certificate’, though it begins with a sibilant-initial cluster, instead of the emergence of a prothetic [i], the sibilant is deleted: (STRV → TRV) as in most of the cases of *s*-initial clusters. Consequently, the resulting TRV cluster behaves like the two-constituent plosive-initial clusters (3b). Since the Russian plosive *p* is represented by *h* in Nganasan (in line with the general *p* > *h* change), the HRV context of anaptyxis is secondary (see also *holanə* ‘plan’ in 3b).

- (6) STRV → HvRV
Russian	Nganasan	
sprafkə	horaapka	‘certificate’

Our data also contain examples that require further explanations concerning the vowel's quality or its position (7a–b). The word (6a) *širam* ‘scar’ is sibilant-initial, i.e. either an anaptyctic vowel would be expected (see 5 above) or the deletion of it (cf. 10). Nevertheless, the metadata on the informant reveals that he is Enets–Nganasan bilingual (oral communication – Beáta Wagner-Nagy), a presumable reason for the different patterning.

In (7b), the fricative [f] is the first constituent of the consonant cluster followed by a trill, and since on the right of the epenthetic site the vowel is back labial, a back labial anaptyctic segment would be expected instead of [i] (cf. 3b).

⁴ I thank Valentin Gusev for this and all his other comments.

⁵ For example, the loanword ‘school’ with a prothetic [a] is referred to by Várnai (2012: 19): Russian *škola* > Nganasan *askolə*. The word, however, is Dolgan (and recorded from a Dolgan speaking informant).

(7a)	Russian	Nganasan	
	gram	s'iram	'scar'
(7b)	Russian	Nganasan	
	franʦijə	firanci	'France'

2.2 Deletion

Deletion is an asymmetric strategy in Nganasan because it applies mainly to sibilant+stop clusters deleting the first constituent (C1C2 → C2). As a result, any stop of the system can become word-initial. If it is [p], the $p > h$ change applies in the same way as in the epenthesis above (4b: holanə, kyryhə, 6: horaapka).

(8)	STV →	TV	
	Russian	Nganasan	
	spəs'ibə	hūas'ibə	'thanks'
	sp'irt	hiirtə	'alcohol'
	stəkan	takanə	'cup'
	skəm'ejkə	kamejka	'bench'
	skaskə	kaska	'tale'
	skəvərəda	kəburuda	'frying pan'
	škələ	kolə	'school'
	zdorəvə	dərəba	'hello'

Triple consonant clusters are repaired in the same way as the double ones. This is the case in (6) combined with epenthesis (spr → hVr), and similarly in (9) below, where both the fricative and the sibilant constituent is deleted.

(9)	HSTV →	TV	
	Russian	Nganasan	
	fstəpatʃ	tufai	'join'

Examples in (8) and (9) represent the overall C1C2 → C2 strategy in Nganasan in a double sense, i.e. the first constituent is deleted, which is a sibilant. Deletion of the second, non-sibilant constituent (C1C2 → C1) of the cluster is far more exceptional. In (10), a trill is deleted; the origin of the word is disputable, and if it is not of North Samoyedic origin, it must be an ancient borrowing (personal communication – Valentin Gusev). The scarcity of such examples confirms the general validity of sibilant-deletion in Nganasan.

(10)	TRV →	TV	
	Russian	Nganasan	
	кроме	komə	'except, apart'

2.3 Metathesis

Discussion of metathesis as an adaptation strategy in typological descriptions is far less frequent than processes discussed above. It is discussed by Várnai (2012: 138) also as a rare repair strategy in Samoyedic, mentioning it from Enets and Selkup only. It is, however, one of the most crucial strategies in Mansi (Bakró-Nagy 2018). Its role seems to be less representative in Nganasan, but in line with the general observations on CV metathesis and the languages mentioned above, it displays the release of stop+trill clusters.

- (11) TRV → TVR
 Russian Nganasan
 br'igədʲir birgəðirə 'brigade leader'

2.4 Multiple strategies

Even comparing this narrower range of examples, it is recognized that multiple strategies may apply to identical forms (12a), or identical initial clusters (12b).

- (12a) br: birigadə 'team' (4b) birgəðirə 'brigade leader' (12)
 (12b) kr: kiristə, kyryhə 'cross' (4a) komə 'except, apart' (10)

The multiplicity of the strategies can still be supplemented with words of repaired and copied forms (13).

- (13) kɲ: kɲigə (4a) kɲigə
 pɭ: pəlanə/holanə (4b) planə
 kl: kalasə (4b) klasə
 klʲ: kulʲutʃ (4b) klʲutʃ
 st: əsto:lə, istolə (5) stolʲi
 sk: kaska (8) skaskə
 ʃk: kolə (8) ʃkolə

The multiplicity of competing repair patterns labelled as the *too-many-solutions* problem (Steriade 2001) or *differential faithfulness* (Broselow 2009) is widespread in the world's languages, requiring compound explanations (see section 4 below). Before that, however, an overview of the typology of Nganasan repair strategies will be attempted.

3. Typology of repair strategies in Nganasan

As it was told, this overview is not based on an exhaustive corpus of Russian loanwords in Nganasan, but even in the absence of a complete dataset, the emerging tendencies are well identifiable (14; non-typical examples in brackets).

- (14a) anaptyxis TRV → TvRV
 (14b) deletion STV → TV
 (14c) protasis STV → vSTV
 (14d) (methatesis TRV → TVR)
 (14e) (deletion TRV → TV)

It thus appears that the two prevalent processes are anaptyxis and deletion, playing a significant role over protasis and metathesis. Concerning the position of epenthetic vowels, anaptyctic vowels occur in TRV, prothetic vowels (though much rarely) in STV position. According to Broselow (2015) typology, there are consistent and non-consistent languages concerning the position of vowels. In consistent languages, anaptyctic or prothetic vowels occur either in TRV or in STV position, in non-consistent languages in TvRV and vSTV position, respectively. In the modified typological distribution of Broselow (Bakró-Nagy 2018), presenting Mansi language as well, Nganasan should be classified as a “mixed Type 1” language (Table 3).

Table 3. Position for inserted vowels

position	anaptyxis	protasis	mixed position, type1		mixed position, type2 vTRV, SvTV
			TvRV, vSTV	TvRV, vSTV, vSRV	
Japanese	✓				
Iraqi Ar.		✓			
Cairene Ar.			✓		
Mansi				✓	
Nganasan			✓		
Unattested					

In this type, the correlation between the position and the quality of the epenthetic vowel is as the following: either a default vowel or a copy vowel occurs in every position or default vowel before the cluster and a copy vowel within the cluster⁶. In 2.1 (4), it was demonstrated that in TvRV position, the copied/adapted vowel determined the quality of the inserted vowel, while in vSTV position, a default [i]/[ə] appeared. Accordingly, Nganasan represents the “mixed Type 1” again (Table 4).

⁶ A stands for a lexical vowel, a for a copy vowel, i for a default vowel (Broselow 2015: 309).

Table 4. Interaction between position and quality of the vowel

	default quality	mixed quality, type1		copy quality	mixed quality type2
		TaRA, iSTA	TvRV, iSTV, iSRV	TaRA, aSTA	TiRA, aSTA
Cairene	✓				
Mansi			✓		
Nganasan		✓			
Unattested?					

Turning to deletion and metathesis and combining them with the epenthetic ranking, the following processes are responsible for avoiding initial clusters (Table 5). If C1 is an obstruent (other than s), C2 a sonorant, anaptyxis, will apply or rarely deletion or metathesis. If C1 is a sibilant and C2 an obstruent deletion will apply, more rarely protasis, i.e. it seems that the sibilant nature of the C1 blocks both anaptyxis or metathesis.

Table 5. Cluster types and repair processes in Nganasan

	anaptyxis	deletion	protasis	metathesis
TRV	TvRV	TV		TVR
STV		TV	vSTV	

Note that observations on Nenets, Enets and Selkup (Várnai 2012) and Mansi (Bakró-Nagy 2018) repair strategies could be compared with the above generalisations demonstrating that very similar processes are valid in all these languages as well.

4. What governs the selection of repair strategies?

In loanword phonology, competing explanations are offered to clarify the nature of adaptations and repair strategies. Two basic approaches can be distinguished, one seeking the explanations in the phonetic, phonological structure of the language (grammar-internal factors), and the other finding motivations also in the socio- and psycholinguistic background. What the intra-linguistic approaches concern, the phonology approach argues that adaptation is independent of phonetic realizations; they follow the principles of category (segment) and structure (phonotactics) preservation; moreover the access to the donor language phonology is based on the bilingual competencies of the speakers (e.g. Hyman 1970, Uffmann 2007, Paradis and LaCharité 2005). In contrast, the phonetic ap-

proach (e.g. Peperkamp and Dupoux 2003, Peperkamp 2005) emphasizes the role of perception in adaptation, when non-native sounds or structures are mapped to the native-language categories and structures purely based on acoustic similarities, attributing only a secondary role to the phonology. In the third, phonology-perception approach, the initial phase is how the acoustic properties of the donor language are perceived, followed by a language-based phonological adaptation (e.g. Steriade 2001, Yip 2006, Kenstowicz 2003, 2004, Kenstowicz and Suchato 2006).

The other, grammar-external approach seeks the explanation in sociolinguistic and situation-specific sociolinguistic factors. While sociolinguistic parameters as age, gender, social class, language dominance, level of bilingualism and others are (or would be) indispensable in the mapping of loanword production, these parameters are frequently ignored in the descriptions. Even less attention is paid to situation-specific factors as topics in speech, speakers' association with the donor language and culture, words' association with the source language and its culture (Hashimoto 2019).

The purpose of this short overview cannot be the discussion of the above-introduced loanwords from grammar-external aspects, though the meta-data of the Nganasan database offers a good number of illuminating information on the informants. They will have relied only on cases when helpful for the grammar-internal analysis.

The overview above, summed up in Table 5, shows that in Nganasan, two competing strategies are prevalent, epenthesis and deletion, while metathesis is less significant. It was also represented that there is a straightforward but not exclusive distribution between epenthesis and deletion depending on the cluster-type: epenthesis is more characteristic to obstruent (other than s)+sonorant, deletion to sibilant+sonorant clusters. The combination of these two strategies is well known, for example, from the Polynesian languages (Kang 2011), and there are languages as well which combine the two strategies for SC clusters, as Maori (Herd 2005), in the same way as in the word for 'certificate' (6) in Nganasan. Surveys on the word-initial onset clusters show that epenthesis is the dominant strategy, and there are languages where this is the only solution, though Finnish, on the contrary, belongs to the deletion-dominant languages.

What SC clusters concerns it was demonstrated that two strategies are related to them (examples in (5–6, 8) not considering the debatable example in (7a)): protasis and deletion, and it seems that there is an asymmetry between them. Considering the perceptual properties of sibilants, it is evident that they belong to strident fricatives with robust internal cues both for manner and place. This means that their perceptibility is optimal in all contexts in general, followed either by stops or nasals, liquids. This being the case, i.e. if sibilants are easily perceptible, the question is why are they deleted in initial SC clusters. A tentative explanation performed here relies on sonority markedness in SC clusters. According to the Minimal Sonority Distance (Clements 1990, Carlisle 2006), a maximal sonority rise is demanded between the members of the syllable, including the constituents

of complex syllable onsets: in well-formed syllables, the second constituent (C2) of the cluster should be more sonorous than the previous (C1) one (Clements 1990: 303). In this way, the C2 constituent will be closer in sonority to the peak of the syllable. In an *sn* or *sl*, *sr* clusters, this demand is fulfilled since they are less marked concerning the sonority distance between them. In Nganasan, however, we have more marked *sp*, *st*, *sk* clusters with a reverse sonority-sequencing, where C1 is more sonorous than the stop of the C2 constituent. L1 acquisition observations revealed nevertheless that less sonorous onsets are preferred over more sonorous tones. In the case of SC clusters, the most common strategy is to delete the more sonorous segment (see the overview of Cardoso 2008: 20): /*st*/op → [t]op, /*sl*/eep → [s]eep, and see also Nganasan (8) /*st*/əkan → [t]akanə ‘cup’ above. (In this sense, L1 acquisition and repair strategy proceed on parallel paths.) It should be noted that the deletion of the C2 stop constituent from the cluster seems to be unusual, though (11) /*st*/əlkə → [s]əlkə ‘glass’ shows an example precisely for this type. Though these observations need further researches, they can be helpful in the explanation of sibilant deletion.

Turning to epenthesis in SC clusters (5), the question remains why sibilant initial onsets are repaired by protasis but obstruent (other than *s*)+sonorant clusters not. Following the (often debated, e.g. Goad 2012) explanation of Fleischhacker (2001, 2005), who suggests that vowel epenthesis site is where the sonority and the auditory difference between the neighbouring and inserted segments are low. Hence in vSC (V+S+sonorant) sequences, the auditory similarity between the epenthetic vowel and the sibilant is higher than in SvC (S+V+sonorant) sequences (Kang 2003: 221; for this explanation, see also Várnai 2012): (5) /*st*/ol → [ist]olə ‘table’. This way of epenthesis follows from the Minimal Saliency Principle (Kenstowicz 2003, 2007, Kenstowicz and Suchato 2006) in the sense that the inserted vowel should be close to the consonantal context, short in duration, and usually not high, i.e. schwa, [i] or [u], just like schwa and [i] in Nganasan. The Minimal Saliency Principle is also responsible for the obstruent+resonant (in Nganasan nasal and liquid) anaptyxis, where the vowel is inserted in front of the highly sonorant C2 constituents, e.g. (4a) *kn*igə → *kin*igə ‘book’, (4b) *tr*uba → *tur*uba ‘chimney’. (For a very similar background process in consonant–vowel metathesis, see Bakró-Nagy 2018).

When analysing the protasis versus deletion repairs of *sp*, *st*, *sk* clusters above, auditory representations’ ambiguities were discussed as a possible explanation for the *too-many-solution* problems. The involvement of grammar-external data offers further possibilities for a better understanding of the source of this phenomenon, to be illustrated here by three examples of competing forms with *st*, *sk* and *pl*⁷. *i*. In (13), the following forms were denoted for ‘table’ as a word with epenthesis and copy, originating from three different informants: *əstolə* (TNS) ~ *istolə* (MVL) ~ *stol*^h*i* (JDH). *ii*. Forms for ‘tale’ with epen-

⁷ Informants are referred with their initials.

thesis and copy are originating from the same informant, MVL: *kaskarə* ~ *skaskərə*. It is apparent that this informant uses ST-clusters variably, since in ‘table’ an epenthetic vowel appears, in ‘tale’ the sibilant is either deleted or copied, and in (*stəɬba* →) *stəlbaa* ‘pole’ the sibilant is copied again. The examples could be easily multiplied. *iii*. At least three forms are meaning ‘plan’: *holanə* (KTD) ~ *pəlanə* (TKF) ~ *planə* (KTD, TKF). The copied forms are used by both informants, even by KTD, who uses the *h*-initial, obviously older form than the *p*-initial one.

Finally, about the significance of word-frequency in reducing the *too-many-solution* phenomenon: it is well exemplifiable with the word (8) *hūās'ibə* ‘thanks’ used invariably in the same form according to the data available so far.

5. Summary and Conclusion

This paper attempted to give some of the results from a typological description of Nganasan loanword phonology with special respect to repair strategies of word-initial onset consonant clusters. First, a systematic analysis of input consonant clusters and their repaired forms was presented to detect the interdependence of the quality of the consonants and deletion vs epenthesis (protasis and anaptyxis). It was shown that a clear-cut distinction is made in the repair strategies of clusters with and without sibilants, determining the site of the epenthetic vowels as well. The typological comparison revealed the following correlation between epenthesis and deletion: sibilant+CV > vSCV ~ S-deletion, obstruent+CV > CvCV (~ C2 deletion) (cf. also Table 5). It was revealed as well that within the types of epenthesis and the quality of the vowels, Nganasan belongs to the so-called mixed type languages (cf. Table 3–4).

It was proposed that deletion and the distribution of epenthetic sites are attributable to acoustic properties of the segments, obeying the Minimal Saliency Principle. In conclusion, it was noted that with particular respect to the *too-many-solution* problem, extra-grammatical aspects should be involved in the analysis.

References

- Bakró-Nagy, Marianne 2018. Mansi loanword phonology: A historical approach to the typology of repair strategies of Russian loanwords in Mansi. In: Huba Bartos, Marcell den Dikken, Zoltán Bánréti and Tamás Váradi (eds.): *Boundaries Crossed, at the Interfaces of Morphosyntax, Phonology, Pragmatics and Semantics*. (Studies in Natural Language and Linguistic Theory 94:) Springer: 51–66.
- Broselow, Ellen 2009. Stress adaptation in loanword phonology: Perception and learnability. In: Paul Boersma and Silke Hamann (eds.): *Phonology in perception*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter. 191–234.

- Broselow, Ellen 2015. The typology of position-quality interactions in loanword vowel insertion. In: Yuchau E. Hsiao and Lian-Hee Wee (eds.): *Capturing Phonological Shades Within and Across Languages*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing: 292–319.
- Cardoso, Walcir 2008. The Development of sC Onset Clusters in Interlanguage: Markedness vs. Frequency Effects. In: Roumyana Slabakova, Jason Rothman, Paula Kempchinsky, and Elena Gavruseva (eds.): *Proceedings of the 9th Generative Approaches to Second Language Acquisition Conference (GASLA 2007)*. Somerville, MA: Cascadia Proceedings Project. 15–29.
- Carlisle, Robert 2006. The sonority cycle and the acquisition of complex onsets. In: Barbara Baptista and Michael Watkins (eds.): *English with a Latin Beat – Studies in Portuguese/Spanish English Interphonology*. Amsterdam: Johns Benjamins, 105–138.
- Clements, George 1990 The role of the sonority cycle in core syllabification. In: J. Kingston and M. Beckman (eds.): *Papers in Laboratory Phonology I: Between the Grammar and Physics of speech*. New York: Cambridge University Press, 283–333.
- Fleischhacker, Heidi 2001 Cluster-dependent epenthesis asymmetries. In: Adam Albright and Taehong Cho (eds.): *Papers in Phonology 5 (UCLA Working Papers in Linguistics 7)*. Los Angeles: CA: UCLA, 71–116.
- Fleischhacker, Heidi 2005. *Similarity in phonology: Evidence from reduplication and loan adaptation*. Ph.D. dissertation. Los Angeles: UCLA.
- Goad, Heather 2012. sC Clusters are (almost always) coda-initial. *Linguistic Review* 29(3): 335–373.
- Hashimoto, Daiki 2019. Sociolinguistic effects on loanword phonology: Topic in speech and cultural image. *Laboratory Phonology: Journal of the Association for Laboratory Phonology* 10(1): 11, 1–34.
- Helimski, Eugen 1994. Nganasansko-russkie jazykovye svjazi [Nganasan–Russian language contacts]. In: *Kontaktologicheskij enciklopedicheskij slovar'*. Vyp. 1. Severnyj region. Moscow, 129–137.
- Herd, Jonathon 2005. Loanword adaptation and the evaluation of similarity. *Toronto Working Papers in Linguistics* 24: 65–116.
- Hyman, Larry 1970. The role of borrowings in the justification of phonological grammars. *Studies in African linguistics* 1: 1–48.
- Kang, Yoonjung 2003. Perceptual similarity in loanword adaptation: English postvocalic word-final stops in Korean. *Phonology* 20: 219–273.
- Kang Yoonjung 2011. Loanword Phonology. In: Marc van Oostendorp, Colin J. Ewen, Elizabeth Hume and Keren Rice (eds.): *The Blackwell companion to phonology*. Oxford: Wiley-Blackwell, 898–923.
- Kenstowicz, Michael 2003. The role of perception in loanword phonology. *Studies in African Linguistics* 32: 95–112.
- Kenstowicz, Michael 2007. Salience and Similarity in Loanword Adaptation: a Case Study from Fijian. *Languages Sciences* 29: 316–340.
- Kenstowicz, Michael, and Ativong Suchato 2006. Issues in loanword adaptation: A case study from Thai. *Lingua* 116(7): 921–949.
- Paradis, Darlene and Carole LaCharité 2005. Category preservation and proximity versus phonetic approximation in Loanword adaptation. *Linguistic Inquiry* 36: 233–258.
- Peperkamp, Sharon 2005. A psycholinguistic theory of loanword adaptation. *Proceedings of the Annual Meeting, Berkeley Linguistics Society* 30: 341–352.

- Peperkamp, Sharon and Emmanuel Dupoux 2003. Reinterpreting loanword adaptations: The role of perception. In: M. J. Solé, D. Recasens and J. Romero (eds.): *Proceedings of the 15th International Congress of Phonetic Sciences*, Barcelona: Causal Productions, 367–370.
- Steriade, Donca 2001. Directional asymmetries in place assimilation: A perceptual account. In: Elizabeth Hume and Keith Johnson (eds.): *The role of speech perception in phonology*. San Diego: Academic Press, 219–250.
- Uffmann, Christian 2007. *Vowel Epenthesis in Loanword Adaptation*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
- Várnai, Zsuzsa 2012. Consonant clusters in four Samoyedic languages. In: Philip Hoole, Lasse Bombien, Marianne Pouplier, Christine Mooshammer and Barbara Kühnert (eds.): *Consonant Clusters and Structural Complexity*. Boston/Berlin: de Gruyter, 119–156.
- Wagner-Nagy, Beáta 2022 Nganasan. In: Marianne Bakró-Nagy, Johanna Laakso, and Elena Skribnik (eds.): *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford: Oxford University Press, 754–776.
- Yip, Moira. 2006. The symbiosis between perception and grammar in loanword phonology. *Lingua* 116: 950–975.

Типология переключения кодов на примере русско-финских и нганасанско-русских языковых контактов

Larisa Leisiö

University of Eastern Finland / University of Tampere

Исследователей в области языковых контактов давно привлекают случаи соединения двух языков в одной и той же ситуации, разговоре, фразе, а иногда и словоформе. Об этом и данная статья.

Больше 20 лет назад П. Ауэр предложил типологию развития языковых контактов от переключения кодов к смешению языков (Auer 1998). В дальнейшем Ауэр уточнил и дополнил ее (Auer 2013). Я изложу основные положения типологии Ауэра и рассмотрю в свете этой типологии русско-финские и нганасанско-русские контактные языковые явления на основе отрывков спонтанной речи издавна живущих в Финляндии русских и коренного народа Таймырского полуострова — нганасан. Цель анализа примеров состоит в том, чтобы определить положение рассматриваемого материала в типологическом континууме и осмыслить степень стабильности и направление развития того или иного явления. На основе анализа я детализую некоторые положения схемы Ауэра.

Материал исследования извлечен из неформальных интервью¹, проведенных с целью изучения речи и истории финляндских русских, живущих в Финляндии иногда во втором-третьем поколении. Интервью проводились в 1980–1990 гг. в рамках двух проектов Академии Финляндии под руководством Марьи Лейнонен (подробнее см. Leisiö 2001: 16, 32–40). Нганасанский материал собран во время полевой работы на Таймыре.

1. Переключение кода и другие языковые контактные исследования

О языковых контактах говорят, когда два и более языков соединяются и действуют в одном человеке и в многоязычном обществе. Обширный материал из области языковых контактов зафиксировали и издали Уриэль Вайнрайх (Weinreich

¹ Неформальным называется социолингвистическое интервью, не имеющее строго спланированного сценария (Беликов, Крысин 2015, 216).

1967[1953]) и Эйнар Хауген (Haugen 1956). Их работы вызвали огромный интерес и дальнейшие исследования в этой области.

Особое внимание получило использование более чем одного языка в речи билингвов в одной и той же ситуации. Это явление называют *переключением кода* в широком смысле слова. Если употребление обоих языков привычно и стабильно в обществе и большинство его членов владеют обоими языками, переходы с одного языка на другой в одном и том же разговоре являются скорее нормой, чем исключением. На языковом материале долговременных двуязычных сообществ сделано большое количество исследований в области грамматики переключения кода.

Изучая переключение кодов в испанско-английской речи в США, Шана Поплак (Poplack 1979/1980) обнаружила стабильные модели переключения с одного языка на другой и определенные грамматические правила, по которым происходит переключение. Она предложила два ограничения (*constraint*), эквивалентности и связанной морфемы, на переключение кода: в месте переключения структура Я1 эквивалентна структуре Я2; переключение невозможно внутри лексемы на границе связанных морфем (например, приставка, суффикс).

Лингво-структурные изыскания Поплак получили продолжение в работах многих последователей (напр., Woolford 1983, Di Sciullo et al. 1986, Halmari 1993). Вопрос о возможных значениях переключения кода с точки зрения говорящих не рассматривается в структурных исследованиях. В одной из первых работ по грамматике переключения кодов Кэрол Пфафф (Pfaff 1979) противопоставляет грамматичное (то есть соответствующее грамматическим моделям обоих языков) переключение функциональному. Эта точка зрения по умолчанию присутствует в большинстве грамматических исследований переключения кодов. Говорящие, спонтанно переключающиеся с одного языка на другой, считаются свободно владеющими обоими языками билингвами, например: «[W]e limit this study to code switching by fluent bilinguals». [Мы исследуем переключение кодов в речи билингвов, в совершенстве владеющих обоими языками] (Belazi et. al 1994: 222).

Таким образом, грамматика переключения кода по умолчанию распространялась на двуязычную речь «сбалансированных билингвов», а остальные могли смешивать языки как угодно. Тем не менее, чем больше двуязычного материала попадало во внимание исследователей, тем больше находилось исключений из уже установленных ограничений. Сам термин *ограничение* вызывал сомнение и предлагалась замена на *тенденции*.

К. Майерс-Скоттон (Myers-Scotton 1993) предложила *модель матричного языка* (Matrix Language-Frame Model). Согласно этой модели, для говорящих один из языков является основным, или матричным, и при переключении кода язык-наполнитель заполняет содержанием грамматические матрицы-схемы. Таким образом, переключение кода всегда происходит по законам матричного языка. Од-

нако бывают случаи, когда матричный язык и язык-наполнитель меняются местами (language turn over) (Myers-Scotton 1998).

Параллельно с грамматическими исследованиями переключения кодов и отдельно от них набирали силу этнометодология, этносоциология и этнолингвистика, — направления, которые изучают общение с точки зрения самих участников общения и речевую деятельность в связи с другими видами деятельности людей, в ходе которых они сообщая сознательно создают инструментарий выражения значимых для них смыслов (Garfinkel 1967/1989, Sacks, Schegloff & Jefferson 1974, Sacks 1992, Hymes 1972 и 1973).

Ауэр одним из первых применил анализ разговора² в исследовании переключения кодов в монографии *Bilingual conversation* [Двуязычный разговор] (Auer 1984).

Этнометодологическое и лингво-структурное направления важные, но не единственные в изучении переключения кодов. Например, Ховард Жиль (Giles, Coupland and Coupland 1991) объясняет переключение кодов в рамках своей теории *коммуникативной аккомодации*. Он предлагает когнитивно-социальные обоснования переключения кодов: говорящий уменьшает или увеличивает психологическое расстояние между собой и другими участниками разговора.

Таким образом двуязычие и его проявления в речевом общении — это интереснейшая и в историческом разрезе достаточно новая тема в лингвистике и связанных с ней прикладных науках. Тема эта по-прежнему вдохновляет исследователей на новые и новые изыскания. Обилие материала нуждается в классификации, в обобщении, которые и предлагает П. Ауэр в типологии языковых контактов.

2. Типология языковых контактов

Соединение элементов разных языков в разговоре — явление подвижное, выступающее во множестве различных вариаций. Некоторые случаи соединения повторяются от ситуации к ситуации и стабилизируются. Таким образом, мы имеем дело с процессом и одновременно с результатом его развития. Ауэр (Auer 1998/1999; 2013) соединил процесс и результат в типологической схеме развития языковых контактов от переключения кодов к смешанному языку.

Основные термины, нужные нам для объяснения типологии, — это:

- переключение кодов в широком и в узком смысле слова;
- вкрапление (insertion);
- островной фрагмент Я2 в Я1 (внутри этого фрагмента действуют законы Я2);

² Этот раздел исследований также называют в русскоязычной научной литературе *конверсационным анализом*, используя таким образом фонологическую и словообразовательную адаптацию английского *conversation*.

- матричный язык (основной язык общения) и язык-наполнитель (вкрапления и фрагменты этого языка подчиняются грамматике матричного языка);
- альтернация языков (language alternation);
- смешение кодов (code mixing);
- новый смешанный язык (mixed language), сложившийся в результате слияния языков (language fusion).

Один из самых распространенных видов переключения кодов в широком смысле — это языковое вкрапление (insertion). Вкрапление можно определить как краткий переход с основного, матричного языка в данной ситуации (Я1) на другой язык (Я2); составляя одно слово или группу слов, вкрапление не выходит за рамки одной семантико-грамматической структуры. В случае вкрапления место возвращения на основной язык всегда предсказуемо.

На схеме 1 представлены основные этапы типологического континуума в процессе языковых контактов на основе типологии Ауэра (Auer 1998/1999; Auer 2013)

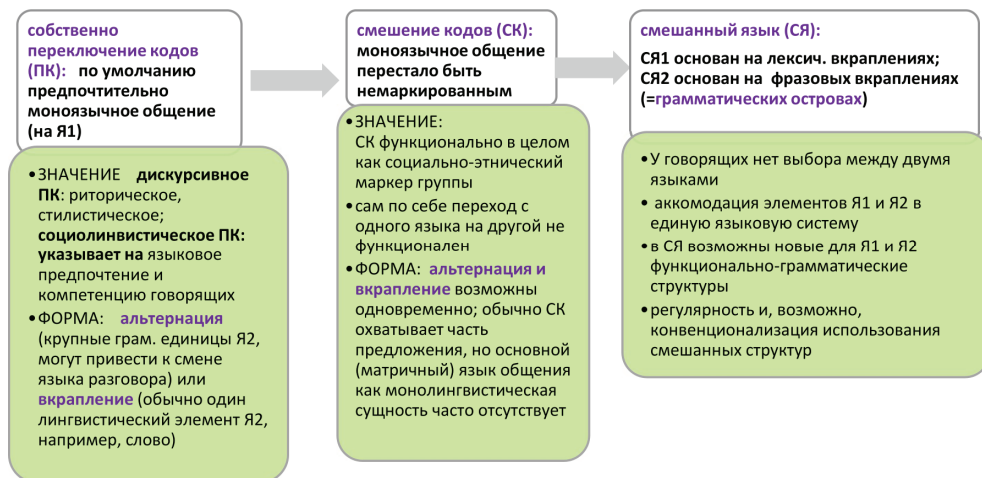

Схема 1. Типологический континуум языковых контактов

Первый этап в рассматриваемом типологическом континууме — это собственно переключение кодов, или переключение кодов (ПК) в узком смысле. На этом этапе языки значимы как языковые коды с точки зрения участников ситуации. Каждый случай переключения кода в разговоре имеет определенную функцию в контексте разговорной ситуации. Это значение индексирует какой-либо аспект ситуации или характеризует участника ситуации. При собственно переключении кодов участники ситуации считают нормой употребление одного языка в одной и той же

ситуации. Систематический детальный анализ разговорного переключения кодов позволяет исследователям обобщить значение перехода на тот или иной язык. В двуязычном разговоре говорящие могут использовать два языка, например, в тех целях, в которых в одноязычном разговоре используются разные стили и жанры. Переключение кода является средством контекстуализации (Gumperz 1982), наряду, например, с просодией, взглядом, жестом, позой.

Как переключение кодов можно объяснить с точки зрения участников разговора? Например, говорящий может замяться перед словом другого языка, озвучив заминку маркерами хезитации (эээ, *мхм* и т. п.), или отступив от темы разговора, прокомментировать последующее действие — сказать, что забыл слово или выражение на основном языке разговора, или вслед за этим произнести эквивалент *вкрапления* на основном языке. Такое переключение кода связано с языковой компетенцией, а именно с оценкой языковой компетенции самими участниками разговора. Иногда переход на другой язык связан с компетенцией других участников разговора: говорящий переходит на другой язык, чтобы его лучше понял собеседник. Функция переключения кода может быть связана со структурой дискурса (см. пример 3). Билингв может использовать оба языка там же, где одноязычный использует разные стили и регистры, чтобы точнее выразить свою мысль и обозначить предназначенность своих слов определенным участникам коммуникативной ситуации.

Собственно переключение кодов может в ходе развития языковых контактов перейти в следующую стадию, называемую смешением кодов. На этом этапе переключение с языка на язык теряет интерпретационные функции в отдельной коммуникативной ситуации.

Почему переключение кодов теряет свою функцию? В подходящем социально-временном макро-контексте билингвы интенсивно употребляют оба языка в речи. Такое смешанное употребление повторяется от одной ситуации к другой и таким образом стабилизируется. Когда оба языка систематически используются параллельно, сам факт смены языков от частого использования перестает быть заслуживающим внимания средством выражения определенных значений; так метафора в результате частого использования стирается и перестает быть метафорой.

Билингвы свободно переключаются с языка на язык, так что момент перехода невозможно предугадать. Переворот или смена матричного языка (*matrix language turnover*, Myers-Scotton 1998) может происходить много раз и в конце концов само понятие матричного языка теряет смысл. Для самих билингвов такой дискурс может стать эмблематичным кодом, маркером определенной социальной группы, необязательно этнически однородной. Внутри двуязычного кода возможны постоянные схемы, в которых один язык отмечает определенную структуру в нарративе или определенный этап в разговоре, но эти схемы не варьируют, а повторяются от одной ситуации к другой. Например, в Лондонском сообществе иммигрантов

с Ямайки на Лондонском ямайском передают основной смысл, в то время как эмпфаза и комментарии произносятся на Лондонском английском (Sebba & Wootton 1998). Кроме языковой альтернации, на стадии смешения кодов могут одновременно употребляться и вкрапления.

Смешение кодов может в определенном языковом сообществе развиваться в смешанный язык. В этой последней фазе мы уже не можем говорить о двух языках, — это новый язык, созданный на основе двух языков, в котором вырабатываются новые грамматические правила и новые языковые структурные схемы, которых нет ни в одном из базовых языков. Из двух языков рождается третий язык³. Для этого этапа характерно отсутствие у говорящего выбора между Я1 и Я2, а также то, что элементы языков Я1 и Я2 получают новые функции, которых эти элементы не имеют ни в Я1, ни в Я2.

В смешанном языке (СЯ) конечный результат определяется предшествующим процессом. Если происходили, в основном, короткие языковые вкрапления в виде лексических основ Я1 в Я2, то конечным результатом становится релексификация⁴ (СЯ1). Примерами такого смешанного языка с релексификацией могут служить медиаленгва⁵ и англо-румынский (Boretzky & Igla 1994). Если в процессе контакта важную роль играли островные фрагменты, сохраняющие свою грамматику, то в результате смешанный язык сохраняет грамматические элементы обоих языков-источников, типично разделяющиеся между именными и глагольными классами.

Классическим примером такого смешанного языка стал мичиф, родившийся в общении внутри смешанных семей франкоязычных мужчин и индийских женщин Кри в Канаде. В мичифе именная группа на всех языковых уровнях (лексика, фонология, синтаксис) устроена согласно языку кри, а глагольная группа следует закономерностям французского языка (Bakker 1997).

Язык алеутов острова Медный основан на разной грамматической основе имен и глаголов далеко не так последовательно, как мичиф (Golovko 1994; 2003).

Ауэр предполагает, что единственно возможное с точки зрения языкового сообщества направление развития — от переключения кода к смешению языков; движение в обратном направлении едва ли возможно. Другими словами, развитие с переходом от одной стадии к другой представляет собой **необратимый однона-**

³ Для упрощения ситуации я говорю здесь о двух языках, хотя языковые контакты часто включают более двух языков.

⁴ Релексификацией называют процесс и результат замены всей или большей части лексики языка-реципиента лексикой языка-донора в ходе языковых контактов (напр. Thomason 2001: 89–91).

⁵ Медиаленгва — смешанный язык, основанный на языках кечуа и испанском. На медиаленгва говорят несколько сотен представителей этнической группы индейцев кечуа в Центральном Эквадоре. (Muysken 1981; Thomason 2001, 2003; Вахтин, Головко 2001: 154.)

правленный континуум, однонаправленный в том смысле, что его нельзя повернуть вспять. *Континуум* означает постепенное перетекание из одного типа в другой, отсутствие четкой границы между соседними стадиями.

Смещение кодов и переключение кодов различаются тем, что переключение кодов имеет значение с точки зрения собеседников, а в фазе смешения языков такого значения выделить нельзя. Тем не менее, возможно, признаки обеих фаз, переключения кодов и смешения кодов могут появиться в одной и той же ситуации у одного и того же говорящего. Таким образом, указанные фазы языковых контактов могут быть частями одного и того же динамического процесса. Для смешения кодов, как и для переключения кодов, характерна вариативность, а для смешанного языка — стабильность.

Ниже я проанализирую явления контактного континуума в речи русскоговорящих, живущих в Финляндии, и в речи инганасан, малого северносамодийского народа, язык которого находится в стадии исчезновения.

3. Анализ. Финляндские русские

Материал исследования извлечен из неформальных интервью, записанных от финляндских русских, живущих в Финляндии постоянно, иногда во втором или третьем поколении. Интервью проводились во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов, в рамках двух исследовательских проектов, возглавляемых Марьей Лейнонен и финансируемых Академией Финляндии (подробнее см. Leisiö 2001, 16: 32–40).

Пример 1 (неформальное интервью, в котором участвуют две сестры C1 & C2 из красноселов (см. сноску в примере 4), примерно 40 лет, интервьюер И — молодая женщина, студентка магистерского уровня, хорошо говорящая по-русски)

- 01C2 ↓*meidän kanssa, mutta kyl se mummun kans puhuu;*
с нами, но с бабушкой она говорит
- 02C1 *pakko puhuu,*
приходится говорить
- 03C2 ↓*niin,*
да
- 04C1 *kun äiti ei puhu sen kans muuta kun venäjää niin se on pakko silloin.*
ведь мама говорит с ней по-русски, тогда (и нам) приходится
- 05И *joo, joo ↑no*
да-да, ну,
- 06C2 *начинай ты*

Сёстры говорят по-фински в неофициальной части разговора (строки 01–04), до начала интервью, во время которого, как условлено заранее, говорят по-русски. Своим выбором языка говорящие показывают, что предпочитают в обыденных

ситуациях говорить по-фински и только особый случай побуждает их перейти на русский язык (06), после того как интервьюер дает сигнал, что начинается запись (05). В строке (06) происходит переключение кода — альтернатива, ведущая к смене языка общения. Таким образом, переключение кода показывает языковые предпочтения собеседников.

Пример 2 (Н — старая женщина, И — интервьюер, женщина средних лет, обе они потомки нескольких поколений Финляндских русских, М — знакомый Н, финн, говорит по-русски) смотрят старые фотографии:

- 01Н --- другой сын, этот эээ *mxm* М. ((фамилия)) Андрюшка, *Kostin veli*_{Костин брат}
 02 *kato*_{смотри}.
 03М *mxm*
 04Н *ku oli — istus mun takana ja*_{он ведь был — сидел за мной} решал мои задачи все кото-
 рые я не умела ничего,
 05 и учитель всегда говорит
 06 НО Н. ((фамилия)), что написано на *riffelitaulu*_{грифельной доске}. эээ я стою как эээ
 истукан.
 07 задачи-то у тебя все — верные, а ты *hhhh* ((смеется)) ничего, я не смела сказать
 08 >>*no em-mä sentää — koskaan jälkeen [jääny em-mä nyt niin tyhmä ollu*
 ((ускоренно)) ну на второй год я никогда не оставалась, не такая уж я была глупая
 09М [*mxm*
 10Н *mut kyl mä aika tyhmä olin*<<_{но все-таки довольно глупая}
 11М [*mxm*
 12Н [↓да-а

Н. переходит на финский на имени *Kosti* (строка 01). Это имя — финская форма имени Константин. По своему внешнему облику форма генитива *Kosti-n* 'Кости, Костин' совпадает с русским притяжательным прилагательным. Подобные формы, совпадающие в обоих языках, нередко образуют своего рода мост между двумя языками, смягчая границу перехода. Билингвальная форма *Kostm-un* [= *Kosti-n.GEN*] — грамматически удобная точка для перехода на финский (ср. Meyer-Scotton, 1992: 35 ссылка 14, также Clyne 1967, 2003). Кляйн называет их *двухязычными омофонами*.

Одно и то же действие часто отмечается несколькими маркерами. Это явление называется избыточностью (*redundancy*). Избыточность — двойная кодировка одной и той же информации — в целом свойственна человеческой речи (Auer 1992: 29f). Избыточный сигнал смены реципиента от И. к М., в дополнение к мене кода, — это обращение *kato* 'смотри' (строка 02). Переключение кода имеет двойной смысл: оно маркирует смену реципиента (относится к участникам) и отклонение от основной темы (относится к дискурсу). В целом основной реципиент Н. на протяжении всей встречи — это И., которая пришла, чтобы послушать рассказ Н., и по этой причине

состоялась сама встреча. Однако время от времени Н. обращается к М., например, упоминая общих знакомых, как в строке (01). При этом она переходит на финский, обычный язык общения с М., и (очевидно, глядя на М.) говорит *kato* «смотри!», привлекая его внимание (02).

М. коротко отвечает (03), подтверждая свою новую роль главного реципиента и адресата обращения. Именно это короткое междометие помогает нам толковать значение мены кода как сигнал смены основного реципиента, так как участник беседы М. подтверждает это значение. Переход на русский (04) маркирует возвращение к языку, предпочитаемому в данной ситуации, однако Н. вставляет на русском и финском микро-рассказ о «Kostin veli».

Вкрапление *riffelitaulu* «грифельная доска» (строка 06) не содержит никаких функциональных коммуникативных признаков, которые позволили бы определить его значение в разговоре. Значит, никакой коммуникативной нагрузки оно не несет и, таким образом, относится к смешению кодов. Озвученную паузу, последовавшую за вкраплением, ээ, можно бы трактовать как инициацию исправления (англ. *repair initiation*), то есть говорящая отметила и дала понять собеседникам, что предшествующее слово следовало бы сказать по-русски, однако полной уверенности в правильности такой трактовки нет, так как озвученные паузы, похоже, являются частью стиля речи Н. (ср. вторую такую паузу в той же строке). Совершенно естественно, что смешение кодов начинается с существительных: они называют предметы и явления действительности, и их прагматически удобно называть на том языке, на котором они чаще всего фигурировали или фигурируют в жизни билингва. Н. училась в финской школе и ей естественно назвать школьные предметы по-фински.

Еще одно переключение кода (08–10) маркирует заключение этого минирассказа. Вся сказанная по-фински фраза образует оценочную коду, то есть заключительную оценку в структуре нарратива (Labov & Waletzky 1997). Таким образом, функция мены языка — обозначение завершения темы и выделение финальной нарративной структуры. Н. (12) заключает тему переходом на основной язык беседы. Закрывание темы отмечено также и нисходящим интонационным контуром (↓).

Пример 3 — отрывок из неформального интервью, включающий рассказ кюрольской русской (р. в 1930-е годы), то есть уроженки деревни Кюурола (Красное Село) на Карельском Перешейке в 50 км от Выборга; жителей Карельского Перешейка эвакуировали во время зимней войны (с 1944 года территория принадлежит Российской Федерации)⁶. Рассказчица окает, как обычно в северных диалектах, по-

⁶ Кюрольские русские — носители северного русского диалекта, который их предки — крепостные графа Чернышева, Выборгского губернатора, привезли еще во времена Старой

этому *o* и *a* отмечены в ее произношении. Подчеркнутые слова интонационно выделены. Кроме рассказчицы Д., в разговоре участвуют ее мать М и интервьюер (см. пример 1).

- 01 Д да, Т.[ж. имя] придет, и возьмёт, то *kilo so-* килограмм са[хару] а ЭТЫ *myyjä-t* продавец-ы
всегда смотрят,
02 *hoj-joj-oi-oi-oj* бут скажут как нам ма- *saada stemmaamaan ne kaikki!*
отчитаться за них за всех [за продуктовые талоны]
03 што *viite*-пять-
04 Д [так как без карточки.
05 М [а сказали бы не надо не бери!
06 Д а оне — оне так, оне так КА::КИ всякие там, сбива/↑ют,
07 всякие как *tiikerikakku* тигровый кекс вроде такие два. им надо ↓сахару!
08 им надо му↓ки! им надо всёво! оне наберут наберут, чисто так как,
09 прямо в лавку ты как щас придёшь. ((М: мхм)) а мы им как же?
10 что ж мы им могём говорить? (М: мхм) ((М. вздыхает)) да а так было!
11 а потом, потом этот Алька, он был Александр Р. этот, *myymälän-to*
hoitaja, управляющий магазином,
12 *meidän kyyröläisiä* из наших кюрольских. и ЭТОТ, он потом, вот так, очень, *jää*
vaille остается внакладе. *totta kai!* еще бы!
13 *jää vaille* ЭТЫ *kuponkeja!* у него не достача этих [продуктовых] карточек И ВОТ ПОТОМ ОН,
где бы? где бы? потом от Красновых
14 вот, эт- Таня Краснова ((имена заменены)). на скат((=надо сказать)) Таня,
принеси
15 мне сколько-нибудь купонов.

В своих рассказах Д. использует смешанный русско-финский регистр (стиль), в котором финские фразовые вкрапления сохраняют финскую грамматику и вдобавок интегрируются в русскую речь. Переключение на финский иногда имеет определенную дискурсивную функцию, например, в строке 02 переключением выделена чужую речь — речь продавцов: «*hoj-joj-oi-oi-oj* бут скажут как нам ма- *saada stemmaamaan ne kaikki!*» ‘Ой-ой! Как же нам теперь отчитываться за них за всех [продуктовые талоны]’⁷. Переключение маркирует не всю прямую речь целиком,

Финляндии (до 1809 г.) на Карельский перешеек (их привезли для заселения брошенных финнами деревень). Рассказчица уехала из Кюурола ребенком, училась в эвакуации в шведской школе (в Финляндских шведских местах — в Кемие), подробнее см. Leisiö (2001: 32–39).

⁷ В Финляндии во время и после советско-финских войн (Зимней войны и Войны-продолжения) продукты покупали по продуктовым талонам и количество проданных продуктов должно было соответствовать полученным талонам.

а происходит на информационном фокусе — инфинитивной глагольной группе *saada stemmaamaan ne kaikki* «сделать так, чтобы они все совпадали». Таким образом, функция переключения кода ориентирована на информационную структуру высказывания: переключение выделяет фокус на фоне топика. Ту же функцию можно обнаружить в строках 11–12: в них повторяется фокус *jää vaille*. В строках 10–11 при помощи переключения на финский выделяется комментарий (*muumälän hoitaja meidän kyyröläisiä*) на фоне развития сюжета рассказа. Функция переключения кода здесь — различение структур нарратива.

Д. на протяжении всего рассказа использует финские вкрапления, по форме островные вкрапления, целые грамматические структуры, как в строке 01: «эты *tuujät* всегда смотрят», где выделен субъект, номинативная группа во множественном числе *tuujät* 'продавцы'. Примечательно, что грамматические слова и вообще слова закрытых классов взяты из русского языка и являются своего рода языковым контрастом к финским лексическим словам: в именной группе генетива *muumälä-n* с номинативом: *muumälän-mo hoitaja* 'управляющий-то магазином'. Частица *-mo* выделена на фоне полнозначных слов. Тот же прием повторяется в строке 12: «*jää vaille* эти *kuronkeja*», где местоимение *эты* использовано в функции определенного артикля. Оно выделено метаязыковым способом на фоне финских слов. В строке 05 заимствование *кака* 'торт', во множественном числе *каки*, отличающее язык русских, давно живущих в Финляндии, переключается с финским сложным словом (строка 6) *tiikerikakku* 'тигровый кекс'.

Мы рассмотрели примеры переключения кода между русским и финским в речи русских, издавна живущих в Финляндии. Далее перейдем к анализу нганасанского материала.

4. Анализ нганасанского материала⁸

Нганасане — коренной северносамодийский народ полуострова Таймыр. Их традиционное занятие, оленеводство, исчезло с гибелью оленей в 1980-х годах. Когда-то бывшие кочевниками, нганасане живут оседло. Их язык находится на грани исчезновения.

Пример 4⁹ (2003 г.) Начало рассказа, выбор языка (пожилая нганасанка Х, исследователь И)

- 01 Х тогда (.), тогда мы, маленькие были; там, Пяси́на-река,
02 или *ñaaviэдитэ́эпй*_{по-нганасански}, или по-русскому,

⁸ Дата записи указана после примера.

⁹ Фонетические особенности русской речи не переданы в литтерации.

03 И *ñaabuəðuməni*_{по-нганасански}

04 Х *hüəti d'ənjuru* "ñimənpəu!_{всё время по тундре!} ---((продолжает по-нганасански))

Х. начинает по-русски, так как это родной язык И., а с русскими нганасане всегда говорят на их языке. Тем не менее, Х. переходит на нганасанский, убедившись, что это подходящий выбор для собеседника (строки 02–03). Это переключение можно назвать переключением «по договору», когда участники ситуации заранее договорились о языке разговора (ср. также пример 1).

У нганасан в русской речи не бывает нганасанских вкраплений и альтернирующего использования обоих кодов. Используются только междометия типа *хие-моу!* (удивление) *обэй!* (горестное удивление). В речи нганасан на нганасанском языке встречаются немаркированные, то есть никак не выделяющиеся в потоке речи вкрапления, повторяющиеся в определенных контекстах: это числительные, названия месяцев, названия советских реалий, а также наречия степени, например, (*совсем* [са'сем]), некоторые союзы и частицы и несколько глаголов, которые адаптируются при помощи нганасанских морфем. Вкрапления такого типа всегда отвечают требованию грамматической эквивалентности на границах переключения кода (Equivalence constraint, Poplack 1979/1980).

Частотные вкрапления можно отнести к частичному языковому смешению по следующим причинам: 1) у них нет отмеченного собеседниками (включая говорящего) значения в каждой конкретной коммуникативной ситуации, поэтому они не являются собственно переключением кода, 2) они достаточно регулярны в нганасанской речи, несмотря на то, что есть соответствующие эквиваленты в нганасанском. Именно наличие таких эквивалентов и их редкое использование не позволяет говорить о смешанном языке.

Пример 5. Двое пожилых мужчин, присутствует исследователь (2012 г.).

01 Нк *təti kanə stadə isüə ihütü?* *tɪŋ*,

сколько же стад было у вас?

02 Нт *mɪŋ stadəmu?* *isüə* ↓*босем*.

У нас стад было восемь.

03 Нк *əə, kanə, sitiðətə,*

сколько? Восемь,

04 Нт *ə"ə*

да

05 Нк *oʔ! ñaagəə?* *təəgümü?*

о! порядочно! (букв.: хорошие те-ведь)

Оба говорящих употребляют русское заимствование, пришедшее во времена совхозов, *stadə* 'стадо', фонетически и морфологически адаптируя его в нганасанском (строки 01–02). Нт. использует русское числительное (строка 02). Этот переход

на русский (фонетически оформленный по-нганасански), очевидно, не связан с дискурсивными функциями, так как в других случаях говорящий не употребляет русских слов. Русское числительное не требует морфологического оформления и не нарушает законов матричного языка. Нк. поправляет своего собеседника, повторяя числительное по-нганасански. Отчасти это стремление к пуризму связано с присутствием исследователя, которой, по мнению Нк., надо показать «чистый» нганасанский.

В следующем примере рассказчик — нганасанка L. (род. в 1940-е гг.), ее слушают несколько нганасанских женщин, ее сверстниц. Присутствует та же исследовательница.

Пример 6. Несколько пожилых нганасанок (присутствует исследователь). L. рассказывает им о недавних событиях (2003 г.)

01 L: ---Zvonirsüəm. tətī N. ñakələsïəm.

---я звонила. Эту Н. [русское ж. имя] нашла.

02 əʔəj! **соседи**-t'ə sīlījunəʔ

[говорю] соседи твои кто?

03 munud' uəm təʔ d'ed'imtī **не знаешь?**

говорю, отца его знаешь?

04 **знаю** munud' uə

Знаю, — говорит.

05 tənīʔiə munugəŋ

так скажи,

06 **вертолёт**-tənu maagüə ɲuənəsatu

на вертолёте чтобы отправил [он]

L. использует основу глагола *звони-* с нганасанскими маркерами времени, числа и лица (строка 01). Таким же образом грамматической аккомодации подвергается русское существительное *соседи*, которое заимствовано во множественном числе и к которому присоединен соответствующий множественному числу обладаемого притяжательный суффикс (строка 02); та же форма множественного числа и у предикатива *sīlījunəʔ*-. Так же к существительному *вертолет* присоединен суффикс нганасанского локатива (строка 06). Эти вкрапления не функциональны на уровне дискурса. Два глагола с русской морфологией *не знаешь* (строка 03) и *знаю* (строка 04), напротив, несут дискурсивное значение — они отмечают прямую речь говорящей и ее респондента, которая была сказана в описываемый момент прошлого либо полностью либо большей частью по-русски, поскольку респондент N. — молодая девушка, представляющая поколение, не говорящее уже по-нганасански. Таким образом, L. маркирует и разницу языков старшего и младшего поколений.

Хотя глаголы оформлены в соответствии с русской морфологией, они не нарушают общего грамматического строя матричного языка, являясь вершинами само-

стоятельных глагольных групп и семантически сочетаясь в лице и числе с подразумеваемым подлежащего. Эти два вкрапления следует отнести к переключению кодов, в то время как аккомодированные русские существительные и глагольная основа по своему статусу ближе к смешанному языку.

Как и выше в примере (3), в современном нганасанском есть элементы разных стадий языковых контактов. Они разные по структуре, но основной тип соединения двух языков — это краткие русские вкрапления в нганасанской речи.

5. Выводы

Мы рассмотрели типологию языковых контактов по Ауэру. Суть ее в том, что интерактивно функциональное переключение кодов может постепенно перейти в смешение кодов и далее в смешанный язык. Процесс отнюдь необязательно дойдет до конца. Крайнее проявление языковых контактов в виде смешанного языка редко. Важная особенность типологического процесса в том, что он односторонний и не может повернуться вспять, а также в том, что по своему характеру он не дискретен, а континуален, а значит, явления перетекают в последующую фазу так, что между фазами невозможно провести границу.

Процессы типологической схемы были проанализированы на примерах из уральских языков, максимально удаленных друг от друга географически: финского (прибалтийско-финская группа) и нганасанского (северносамодийская группа). Оба эти языка находятся в контакте с русским, но по-разному: для русских, постоянно живущих в Финляндии, финский — язык, который используется почти во всех сферах их жизни; русским же они пользуются в ограниченном кругу общения. Для нганасан русский — язык, который используется повсюду, а нганасанский только в общении с некоторыми сверстниками (только с определенного возраста, молодежь не говорит по-нганасански) или более пожилыми людьми. В обеих группах говорящих анализ был нацелен на стратегии использования социально более влиятельного языка в дискурсе на языке с ограниченной сферой использования, финского в русском и русского в нганасанском. На эти языки участники ситуации переключаются по уговору, начиная новый тип общения (примеры 1 и 4). Обе группы говорящих используют немаркированные вкрапления, аккомодированные в матричном языке. Пример (3) демонстрирует островные вкрапления и альтернации, включающие как отдельные существительные, так и глагольные группы. По типу большинство случаев этого примера находятся между переключением и смешением кодов.

Следует отметить, что стиль зависит от коммуникативной ситуации. В случае с русско-финским материалом это интервью. Интервью, хоть и неформальное, — ситуация, самая невыгодная для переключения кодов, которое является, с точки

зрения монолингвов, явным отклонением от традиционных норм. И тем не менее, переключение кодов происходит даже в такой полуформальной ситуации.

В дискурсе нганасанско-русском говорящие одного поколения используют разные стратегии переключения кодов: это довольно короткие русские вкрапления в нганасанском, которые адаптируются с помощью нганасанских морфологических средств и не имеют функциональной нагрузки, а также островные фрагменты русского, которые значимы в структуре дискурса.

Сокращения и условные обозначения в записи примеров

- Я1 язык 1
 Я2 Язык 2
 [Одновременные реплики двух участников разговора (одинарная квадратная скобка)
 ((продолжает по-нганасански)) В двойных скобках комментарии по стилю разговора
 hhhh смех
 >> << Такими стрелками обозначена фраза, произносимая ускоренным темпом.
 ↓ понижающаяся интонация
 ↑ повышающаяся интонация.

Литература

- Беликов, В. И., Л. П. Крысин 2015. *Социолингвистика*. 2-е издание. Москва: Юрайт.
- Вахтин, Н. Б., Е. В. Головкин 2001. *Социолингвистика и социология языка*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета.
- Auer, Peter 1984. *Bilingual Conversation*. Amsterdam: John Benjamins.
- Auer, Peter 1992. Introduction: John Gumperz's Approach to Contextualization. In: Peter Auer & Aldo Di Luzio (eds.): *Contextualization of Language*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 1–38.
- Auer, Peter 1998. From codeswitching via language mixing to fused lects: Toward a dynamic typology of bilingual speech. *Interaction and Linguistic Structures* 6: 3–27. = Auer 1999. *International Journal of Bilingualism*, Vol. 3 no 4: 309–332.
- Auer, Peter (ed.) 1998. *Code-Switching in Conversation. Language, Interaction and Identity*. London & New York: Routledge.
- Auer, Peter 2013. Language mixing and language fusion. When Bilingual becomes monolingual. *Congruence in Contact-induced Language Change. Language Families, Typological Resemblance and Perceived Similarity*. De Gruyter: 294–333.
- Bakker, Peter 1997. "A language of our own": *The genesis of Michif, the mixed Cree-French language of the Canadian Métis*. (Oxford studies in anthropological linguistics, 10.) Oxford & New York: Oxford University Press.
- Belazi, Heidi, Edward Rubin & Almeida Jacqueline Toribio 1994. Code switching and X-Bar theory: The functional head constraint. *Linguistic Inquiry* 25 (2): 221–37.

- Boretzky, Norbert & Birgit Igla 1994. *Wörterbuch Romani — Deutsch — Englisch für den südost-europäischen Raum. Mit einer Grammatik der Dialektvarianten*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Clyne, Michael 1987. Constraints on code switching: how universal are they? *Linguistics* 25: 739–964.
- Clyne, Michael 2003. *Dynamics of Language Contact: English and Immigrant Languages*. Cambridge University Press.
- Clyne, Michael 1967. *Transference and Triggering*. The Hague: Nijhoff.
- Di Scullo et al. = Di Sciullo, Anne-Marie, Pieter Muysken and Rajendra Singh 1986. Government and code-mixing. *Journal of Linguistics* 22: 1–24.
- Giles, Howard, Nikolas Coupland, & Justine Coupland 1991. Accommodation theory: Communication, context, and consequence. In: H. Giles, J. Coupland, & N. Coupland (eds.): *Contexts of Accommodation: Developments in Applied Sociolinguistics* (Studies in Emotion and Social Interaction.) Cambridge: Cambridge University Press, 1–68.
- Golovko, Evgeniy 1994. Mednij Aleut or Copper Island Aleut: an Aleut-Russian mixed language. In: Peter Bakker and Maarten Mous (eds.): *Mixed Languages: 15 case studies in languages inter-twining*. Amsterdam: IFOTT, 113–121.
- Golovko, Evgeniy 2003. Language Contact and Group Identity: The Role of ‘Folk’ Linguistic Engineering. In: Yaron Matras and Peter Bakker (eds.), *The Mixed Language Debate*. Berlin, New York: de Gruyter, 177–209.
- Gumperz, John J. 1982. *Discourse strategies*. Cambridge University Press.
- Halmari, Helena 1993. Structural relations and Finnish-English code switching. *Linguistics* 31, 1043–1068.
- Haugen, Einar 1956. Bilingualism in the Americas. Bibliography and Research Guide. *Publication of American Dialect Society*, No 26. University of Alabama Press.
- Hymes, Dell Hathaway 1972. Models of the interaction of language and social life. In: J. Gumperz & D. Hymes (Eds.), *Directions in sociolinguistics: The ethnography of communication*, New York: Holt, Rhinehart & Winston, 35–71.
- Hymes, Dell Hathaway 1973. Toward linguistic competence. *Working Papers in Sociolinguistics*. 16.
- Labov, William, & Joshua Waletzky 1997. Narrative analysis: Oral versions of personal experience. *Journal of Narrative & Life History*, 7(1-4): 3–38.
- Leisiö, Larisa 2001. Morphosyntactic Convergence and Integration in Finland Russian. *Acta Universitatis Tamperensis* 795 / *Acta Electronica Universitatis Tamperensis* 85. Tampere: Tampereen yliopistopaino.
- Muysken, Pieter 1981. Halfway between Spanish and Quechua: The Case for Relexification. In: Arnold Highfield and Albert Valdman (eds.): *Historicity and Variation in Creole Studies*. Ann Arbor: Karoma Press, 57–78.
- Myers-Scotton, Carol 1992. Comparing codeswitching and borrowing. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 13: 19–39.
- Myers-Scotton, Carol 1993. *Duelling Languages. Grammatical Structure in Codeswitching*. Oxford: Clarendon Press. [Переиздана издательством Oxford University Press 1997 г.]
- Myers-Scotton, Carol 1998. A way to dusty death: the Matrix Language turnover hypothesis. In: Lenore A. Grenoble and Lindsay J. Whaley (eds.), *Endangered Languages: Language Loss and Community Response*. Cambridge: Cambridge University Press, 289–316.

- Pfaff, Carol W. 1979. Constraints on language mixing: intrasentential code-switching and borrowing in Spanish-English. *Language* Vol. 55, 2: 291–318.
- Poplack, Shana 1979. Sometimes I'll start a sentence in Spanish Y TERMINO EN ESPANOL: Toward a typology of code-switching. *Language Policy Task Force*, New York, Paper No 4 (= *Linguistics* 1980, 18: 581–618).
- Sebba, Mark & Tony Wootton 1998. We, they and identity. Sequential versus identity-related explanation in code-switching. In: Auer (ed.) 1998: 262–289.
- Thomason, Sarah Grey 2001. *Language Contact. An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Weinreich, Uriel 1967 [1953]. *Languages in Contact*. The Hague: Mouton.
- Woolford, Ellen 1983. Bilingual Code-switching and Syntactic Theory. *Linguistic Inquiry*, 14, 3: 520–36.

The concept ‘half’ in Selkup language

Ulrike Kahrs

University of Hamburg

1. Introduction

The theoretical frame of this article is the field of cognitive linguistics. The past decades have witnessed a progressive increase in writings on cognitive structures. A special focus is laid thereby on concepts that are considered as mental organisational units reflecting the external world (Pörings/Schmitz (Hrsg.) 1999: 15). With the help of concepts, humans organise their perceptions and experiences in order to be able to understand and act. Different lexical forms can therefore represent a concept – the forms have a bundle of features in common that classifies the objects associated with the lexical forms as belonging to a concept (cf. Schwarz³ 2008: 108–110).

In the last decades, some works were published concentrating on concepts in Selkup language and culture, like ‘space’ (see e.g., Polyakova 2006). In this article I will analyse a concept that is subject to many everyday activities in Selkup culture. The concept ‘half’ is a fundamental cognitive organisational unit, based on dividing, partitioning and subdividing things, like splitting an apple, a fish or a log of wood, with a knife or an axe in two halves. The aim of this paper is to extract the structure of the concept ‘half’. This extraction is done by an analysis of the use of different Selkup words meaning ‘half’ and to contribute by doing so to a deeper understanding of a mental organisation unit underlying everyday actions of the Selkup.

The Selkup live between the rivers Ob and Yenisey in Western Siberia – according to the 2010 census there are 3,649 people, of whom 1,024 (28.04%) speak Selkup as their mother tongue.¹ The Selkup language is divided into three major dialect areas – Northern, Central and Southern Selkup with further dialects (cf. Glushkov – Bajdak – Maksimova 2003). The great dialectical diversion of the Selkup language has to be considered in analysing the linguistic data.

The linguistic data consists of four words with the meaning ‘half’, extracted from various dictionaries, and 34 sentences, extracted from two Selkup language corpora in which words with this meaning are used. Due to the semantic connotations and the utilization of the word

¹ https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (last access on 15.032020).

in certain contexts I propose six conceptual domains that are analysed in regard to their lexical representation and the bundles of features characterising the objects belonging to this domain.

The present paper is divided into three sections. After a short presentation of the lexical material, found in the common dictionaries of Selkup (Erdélyi 1969, Alatalo 2004, Bykonya 2005 and Kazakevich — Budjanskaya 2010) I present six domains of the concept ‘half’ in Selkup language, based on the analysis of 34 sentences of two Selkup language corpora (Brykina et al. 2020 and Budzisch et al. 2019)², in which words meaning ‘half’ are used. The corpora were searched in the following ways: as a first step, the meaning ‘half’ was searched in the English and Russian glosses and secondly, the loose translations were checked for the mentioning of ‘half’ respectively ‘половина’. When examples are taken from the corpora, I give the reference presented in the corpus, hence all examples can be clearly identified. The naming indicates the speaker, the year of the recording, a short-given title and the genre. Both corpora use the same transcription system (see Orlova et al. 2018 and Budzisch 2018), the findings from other sources were adapted to that system to keep the data comparable.

2. Words meaning ‘half’

In the main Selkup dictionaries (Erdélyi 1969, Alatalo 2004, Bykonya 2005 and Kazakevich — Budyanskaya 2010) I found three words meaning ‘half’ that are distributed dialectally as follows:

Table 1

North (N)	Central (C)	South (S)
<i>pelän/peläk</i> ‘half, part, side’ (Kazakevich — Budyanskaya 2010: 111, Erdélyi 1969: 181; Bykonya 2005: 186; Alatalo 2004: 101–102)	<i>pälek/pälekka</i> ‘half, side’ (Bykonya 2005: 184, 186; Alatalo 2004: 101–102)	<i>päleka/pleka</i> ‘half, side, part’ (Bykonya 2005: 184, 186, 187, 188, 189; Alatalo 2004: 101–102)
<i>kəš/kuəš</i> ‘half, part’ (Kazakevich — Budyanskaya 2010: 39; Bykonya 2005: 59, 107; Alatalo 2004: 317)	<i>kuəš</i> ‘half’ (Alatalo 2004: 317)	<i>kis/kəs</i> ‘half, part’ (Bykonya 2005: 59) <i>qweška</i> ‘half (transversal)’ (Bykonya 2005: 83)
<i>kəš</i> ‘half (transversal)’ (Erdélyi 1969: 91)		

² Both corpora display all three main dialect groups, having a total of 408 texts, 17,009 sentences and 97,021 tokens.

<i>c'onti/c'ondi</i> 'middle, half (longitudinal), half (distance, path), middle (time)' (Bykonya 2005: 286, Erdélyi 1969: 239)	<i>c'ondi</i> 'middle, half (longitudinal), half (distance, path), middle (time)' (Bykonya 2005: 286)	<i>c'onži</i> 'middle, half (longitudinal), half (distance, path), middle (time)' (Bykonya 2005: 286)
	<i>tənd</i> 'middle, half (transversal)' (Bykonya 2005: 236)	<i>tənz/tənž</i> 'middle, half (transversal)' (Bykonya 2005: 236)

What becomes immediately apparent from this data is that the Selkup differentiate linguistically between a division of a thing into two parts and divisions done by a transversal and a longitudinal axis.

In his grammar of the Northern dialect of Selkup language Prokof'ev stated, that three words can be used in a partitive function: *peläk* (N) meaning 'half, part', *kəš* (N) to denote halves in a transverse/horizontal division and *c'onti* (N) meaning 'half (at distances)' (Prokof'ev 1935: 42). In addition, Prokof'eva declared that *keš'* (N) marks a transverse/horizontal division and *c'onti* (N) a longitudinal division (Prokof'eva 1952: 104).

The first word *peläk* (N) / *pälek* (C) / *päleka* (S), represented in all dialect groups, refers to a simple division of things into two halves, whereas the word *kəš* (N) / *kis* (S) describes in the Northern and Southern dialects a transversal division. The third word, represented in different phonetic variants is most interesting: in all dialect groups the form *c'onti* (N) / *c'ondi* (C) / *c'onži* (S) indicates a longitudinal division, whereas the variant *t'ond* (C) / *t'onž* / *t'onž* (S) indicates the opposite: a transversal division.

Moreover, it is important to underline, that all words are polysemous:

- 1) *peläk* (N) / *pälek* (C) / *päleka* (S) 'half, side, part'
- 2) *kəš* (N) / *kis* (S) 'half (transverse/horizontal), part, proportion'
- 3) *c'onti* (N) / *c'ondi* (C) / *c'onži* (S) 'middle, half (longitudinal), half (distance, path), middle (time)' / *t'ond* (C) / *t'onž* (S) 'middle, half (transverse/horizontal)'

The meanings 'side' and 'middle' are motivated by the underlying concept 'half', which is based on a division of concrete and abstract things in two even parts.

Based on the words and expressions found in the dictionaries and the utilisation of these words meaning 'half' in the two language corpora, I propose six domains, that are concluded in the concept 'half' (division of things into two halves, transversal/horizontal division of things into two halves, longitudinal division of things into two halves, division of locations into two halves, division of time into two halves and division of paired entities). In the following, I will present these domains and illustrate them with examples. At the end of each domain, I will analyse the linguistic representation and the main features of the objects belonging to this sphere.

2.1. Division of things into two halves

The focus of this section is on things that can be cut or divided into two halves without considering the direction of the division (transversal or longitudinal). In the life of the Selkup the division of concrete things into two halves is a daily procedure, like the division of a log of wood into two halves or a fish into two parts.

In the dictionaries I found some expressions that describe this undefined kind of division by using the word *peläk* (N), like *kol'at peläkti* (N) 'semi-circle' (Erdélyi 1969: 181) or *bulkan pilan* (S) 'half a bread' (Alatalo 2004: 101).

In the corpora the same structure can be found, whereas food is the main topic in connection to this kind of division, as shown by the following examples:

- (1) *okkir kurapaška pläka-t am-di-də* (S)
 one partridge.[NOM] half.[NOM]-3SG eat-INFER-3DU.O
 'They ate half of their partridge.'
 (Brykina et al. 2020: PVD_1964_Tyssyja_transl.028 (001.028))
- (2) *päleka-m-də am-ba-t t'ek or-he e:žə-mba* (C)
 half-ACC-3SG eat-PST.REP-3SG.O fast force-INSTR become-PST.REP.[3SG.S]
 'He ate half, became strong quickly.'
 (Budzisch et al. 2019: SDP_1964_FairytaleBlackZar_flk.196)

The word *peläk* (N) is also used to denote the equal division of dimensions and weights as the following examples show:

- (3) *ukkir litrit peläk* (N) 'halber Liter' (Erdélyi 1969: 181)
- (4) *pu:d-o-t pelek-ka ??? pitča* (C)
 russian.pound-EP-GEN half-DIM.[SG.NOM] ??? pike.[SG.NOM]
 'An eight-kilogram pike.' (Budzisch et al. 2019: MNN_1977_Hunt_nar.014)

In example 4 the Russian dimension *nyð* 'pud (~16kg)' is used that refers in connection with the word *pelek* (C) to things, that weigh eight kilograms.

In addition to these concrete things, like food, meat or liquids, groups of living beings can also be divided into two halves by the use of the word *peläk* (N) / *pälek* (C) / *päleka* (S) as the expression *na milit pelämti* (N) 'the half [acc.] of this herd' displays (Erdélyi 1969: 181). Furthermore, the social community of the Northern Selkup is divided into two large groups. These groups – phratries – are an elemental social classification, because the belonging to one group – either *kəssil' peläk* 'cedar phratry' or *limpil' peläk* 'eagle phratry' – destines the group of the marriage partner of a person (Prokof'eva 1952: 103).³

³ In the dictionary of Alatalo the word *kəssil'* is not translated as 'cedar', but is connected with the word for perch (Alatalo 2004: 316).

Summarising, we can state the linguistic representation of this domain is homogenous: the Selkup use it in all dialects and in all examples — referring to bread, meat, a litre of water or groups of living beings — the word *peläk* (N) / *pälek* (C) / *päleka* (S). With regard to the objects used in this domain we have to declare, that they have no distinct features in common.

2.2. Transversal division of things into two halves

In this section, I will analyse the lexical representations of things that can be divided transversally into two parts. As extracted from the dictionaries and grammatical descriptions such a division is expressed by the word *kəš* (N) / *kis* (S) in the Northern and Southern dialects and by the word *tənd* in the Central dialect (see Bykonya 2005: 59, 236; Prokof'ev 1935: 42). Erdélyi illustrates this kind of division with the following example:

- (5) *qorqi-p kəšti kiri-ŋ-iti* (N)
 bear-ACC half skin-VBLZ-3PSSGO
 ‘he pulled the bear (the skin) off to half’ (Erdélyi 1969: 91)

The skinning of a bear starts with a longitudinal cut from the pelvis to the throat. Incisions ensue to the end of each paw and at last the skin is pulled off, starting from back to front. This procedure illustrates that a half-skinned bear is divided transversally.

Other examples show that particularly long things, like a rope, are conceptualized as cut in half transversally.

- (6) *ija te:mni-m-ti kəš minto na tot-qil-pi-nti-ti* (N)
 guy.[NOM] rope-ACC-3SG half to.the.extent.of INFER put-MULO-PST.NAR-INFER-3SG.O
 ‘The young man collected the half of the rope.’
 (Brykina et al. 2020: TVP_1965_ThreeBrothersLapta_flk.022 (003.018))

In his grammar, Castrén gives the expression *wedran kues* ‘half a bucket’ that is based on a mentally done transversal division of a container (Schiefner (Hrsg.) 1854: 204). The following example also deals with a container, but the linguistic representation contradicts the previous utilisation of *kəš* (N) as a designation for a transversal division of things.

- (7) *teb-nan šari-bidi tudo-la-t je-za-ttə i*
 (s)he-ADES fry-PTCP.PST crucian-PL.[NOM]-3SG be-PST-3PL and
wad'i-t čugun p'läka pot-pədi je-s (S)
 meat-GEN cauldron.[NOM] half.[NOM] cook-PTCP.PST be-PST.[3SG.S]
 ‘He had fried crucians and half of a cauldron with boiled meat.’
 (Brykina et al. 2020: PVD_1964_AtHome_nar.013 (001.013))

In this special case the use of *p'läkä* (S) instead of *kis* may be motivated by the content of the cauldron — meat — and not the container. As I have shown above, the half of food

is often marked with the word *peläk* (N) / *pälek* (C) / *päleka* (S) (c.f. 2.1 Division of things into two halves).

The following example, originated from the Southern dialect, at first glance gives no hint, why the word *kwəšte* (S) is used to designate the half of something.

- (8) *okər kwəšte wač'ə-ka-m inne aw kwište*
 one half.[SG.NOM] rise-ITER-1SG.O up other half.[SG.NOM]
wač'e-gu ne mogu sačem e-k (C)
 rise-INF not can.1SG hard be-3SG.S
 'I lift one half, I can't lift the other half, it is too heavy.'
 (Budzisch et al. 2019: PAV_NN_HowIBearCatch_nar.077)

The solution lies in the context of the sentence. The text from which this example is extracted deals with the catching of a bear and in this case talks about the lifting of the transversally divided bear on a sledge, so that the speaker can transport the meat and the skin home.

Summarizing we can state that the linguistic representation of this domain is not consistent. In cases of transversally divided animals, like bears, and long things like ropes the Selkup speakers of the Northern dialect use the word *kəš* (N) to designate a transversal division. The example from the Southern dialect with the word *p'läka* (S) seems to be an exception, caused maybe by an interference of the word *wad'* (S) 'meat', which is usually used with the word *p'läka* (S) to designate a division in two halves.

2.3. Longitudinal division of things into two halves

As described above the word *c'ontì* (N) marks a longitudinal division. In connection with a division of concrete things, only one example showed up in the corpora.

- (9) *asi midì-ŋ t'onč'o-ndə ki-ke-γən (S)*
 NEG achieve-3SG.S half-ILL river-DIM-LOC
 'It does not reach the middle of the river.'
 (Budzisch et al. 2019: KKA_NN_HazelGrouse_flk.023)

In this case, one can easily imagine a boat, that starts to cross the river from the shore and due to strong wind or heavy waves cannot even reach the middle of the river or traverse half of the river. This sentence underline also the fact that the underlying concept 'half' is responsible for the given meaning 'middle'.

Due to the lack of examples in this domain I cannot make a statement about the kind of linguistic representation or features.

2.4. Division of locations into two halves

In the everyday life of the Selkup people, the dwelling is an important locality, that is divided into certain areas. The divisions are based on the fact that several people of different ages use the room and the fact that different activities (sleeping, living and cooking) are carried out in this place by different people. This division becomes apparent in the behaviour of the acting persons, who do not enter certain areas of the dwelling. Linguistic data shows a division of the dwelling into two halves or sides: *av plekat* (S) 'that half/side' and *na plekat* (S) 'this half/side' (Tuchkova 2014: 89).

In the corpora the examples dealing with a location divided in two halves are based on the fact that a person has walked half of a path — *wattət pelekamdə m'andəgu* (S) 'go half of the way' (Bykonya 2005: 186) — or that a territory is split in half and that a source is divided in two halves, one containing water, the other blood.

- (10) *tap kəš-ti č'ap tü:-ŋɔ:-tɪn naš kurali:ti.* (N)
 this half-ILL hardly come-CO-3PL numerous %%%
 'They made half of the road [and then they saw]: (only skulls)?.'
 (Brykina et al. 2020: IF_196X_WomanAndDevil_flk.031 (032))

- (11) *pälekka-p onek amdu-lgu-l me-le:-bi jes'i*
 half-ACC myself horn-ADJZ-person-ADJZ give-OPT-1SG.O if
man ne:-m spacai-lli (C)
 I.[NOM] daughter-NOM/ACC.1SG save-RES.[3SG.S]
 'I will give him half of my tsar territory if he saves my daughter.'
 (Budzisch et al. 2019: SDP_1964_FairytaleBlackZar_flk.294)

- (12) *A soj nil'd'i oqqir pl'eqa-ɣint qam au*
 and source.[NOM] such one half-LOC.3SG blood.[NOM] other
pl'eqa-ɣint üt (S)
 half-LOC.3SG water.[NOM]
 'And the source was like this: there was blood in one half, and there was water in the other half.'
 (Brykina et al. 2020: PMP_1961_ThreeBrothersAndPriest_flk.376 (001.376))

The given examples demonstrate clearly, that a location, like a house, a territory or a source, are divided into two halves by using the word *peläk* (N) / *pälek* (C) / *päleka* (S). Only in case of a way or path the word *kəš* (N) is used. This incoherent linguistic representation can be explained by the fact that a way or path may be considered a long thing, in which case the speakers of the Northern dialect use the word *kəš* (N) to mark a transversal division. It has also to be mentioned that the meanings 'half' and 'side' are not always distinguished clearly in these cases which may also be responsible for the incoherent linguistic representation.

2.5. Division of time into two halves⁴

This domain deals with the division of short temporary entities as well as long temporary entities into two halves. The material, collected from dictionaries and two language corpora, displays that the division of most temporary entities into two halves is expressed by using the word *peläk* (N) / *pälek* (C): *časit pelänti kunti* (N) ‘during half an hour’ or *ukkir irätit peläktit kunti* (N) ‘during half a month’ (Erdélyi 1969: 181) and *ponda pälek* (C) ‘half-year’ (Bykonya 2005: 184).

In the corpora I found also evidence of the fact that sometimes the Selkup use other lexical items to express half a temporary entity.

- (13) *topi-ti č'üše-l'ä aša u:č'i-mpa po:-n-ti kās kunti* (N)
 leg.[NOM]-3SG be.sick-CVB NEG work-PST.NAR.[3SG.S] year-GEN-3SG half.[NOM] during
 ‘[While] his leg hurt, he didn't work for half a year.’

(Brykina et al. 2020: KMG_1976_BriefVacation_nar.007 (002.005))

- (14) *Na n'o:-mmi-nti-t na n'o:-mmi-nti-t qäli-t-i-p*
 INFER catch.up-PST.NAR-INFER-3SG.O INFER catch.up-PST.NAR-INFER-3SG.O Nenets-PL-EP-ACC
mont to: qäli-t monti č'e:li kās nāč'č'a ɔ:mti-ka
 apparently there Nenets-PL.[NOM] apparently day.[NOM] half.[NOM] there sit-HAB.[3SG.S]
qapij č'e:li-t kät tina təp-i-t-i-n qəl-la pula (N)
 supposedly day-ADVZ %% that (s)he-EP-PL-EP-GEN go.away-CVB after
 ‘He was pursuing the Nenets (“the Nenets are there, just half a day [ahead of me]”),
 he sat there in the daytime, when they had already left.’

(Brykina et al. 2020: NEP_196X_SecondFairytale_flk.173 (173))

These examples, both originated from the Northern dialect, show that a day can be divided by using the word *kās* (N), that in the first-place marks a transversal division, but also possesses the connotation ‘part, portion’, that may interfere in the two last examples and explain the disorder of an otherwise coherent linguistic representation of this domain.

2.6. Division of paired entities

In this last domain the focus lies on concrete things that consist of two parts and are considered as an entity — like eyes, legs, arms or skis. Referring to one part of this entity, the Selkup use an adjective form of the word *peläk* / *pelän* (N), e.g., *peläl' saji* ‘one-eyed’ or *peläl' tol'či* ‘with one ski’ (Prokof'eva 1952: 104; Kuznecova — Chelinskij — Grushkina 1980: 168). Bykonya gives further examples, referring to wings and antlers as paired entities (Bykonya 2005: 186) and the concrete use of this phenomenon is shown by the following examples:

⁴ In this section I will not focus on examples with the word *čonti* (N) / *čondi* (C) / *čonži* (S) and the semantic connotation ‘middle (time)’.

- (15) *imilimil'a* *pälä-sai-l'* *peča-tqo* *esa-ni* (N)
 grandmother[SG.NOM] half-eye-ADJZ roach-TRL become-AOR.[3SG.S]
 'The grandmother becomes a one-eyed roach.'
 (Budzisch et al. 2019: BIV_1941_KonMytyke_flk.002)
- (16) *tə:q-al-ai-mmi-nti-ti* *pela-j* *uti-n-ti* *tə:q-al-ai-mpa-t* (N)
 caress-MOM-PFV-PST.NAR-INFER-3SG.O half-ADJZ hand-GEN-3SG caress-MOM-PFV-PST.NAR-3SG.O
 'He stroke [=caressed] with one hand (with a half of his hands), he stroke
 [=caressed] [him].'
 (Brykina et al. 2020: NEP_196X_OrphanBoyAndPanOldMan2_flk.133 (131))

To summarize, we can say, that the linguistic representation of this domain is homogenous and well known in some Uralic languages.

3. Conclusion

The study of the concept 'half' in Selkup has shown that this mental unit of organisation has a complex structure with six different domains. Some domains are represented linguistically homogenous (e.g. division of things into two halves and division of paired entities), whereas other domains are expressed linguistically by more than one word (e.g. division of location or time in two halves). Sometimes this incoherent linguistic representation is caused by dialect differences or the fact that all word meaning 'half' in Selkup are polysemous and the different meanings might eventually interfere.

Table 2 presents once again the different domains with their linguistic representations.

These results provide clear evidence that the word *peläk* (N) / *pälek* (C) / *päleka* (S) is used most frequently in almost every domain. The word *kəš* (N) / *kis* (S) shows up in three domains: as expected to denote a transversal division, but also in referring to a division of locations and time into two halves. A contradiction to the picture extracted from the dictionaries is the use of the word *tənz* (S), which should express a transversal division, but in the presented case, and it is only one case, it refers to a longitudinal division. The word *c'onti* (N) / *c'ondi* (C) / *c'onži* (S) is used in the corpora only with the meaning 'middle (time)', so that it does not appear in Table 2.

The main purpose was to examine the structures of the concept 'half' in Selkup. The analysis has shown that the speakers use the words meaning 'half' a little bit different from the facts presented in the dictionaries and grammatical descriptions. And it has also become clear, that further work is required to understand the exact use of different words in one domain or to find additional examples for a longitudinal division of things into two halves. Especially the fact, that a word can denote a longitudinal and a transversal division needs further research. I think that insofar only one 'half' of this analysis is done.

Table 2

domain	linguistic representation	divided things	main components
division of things into two halves	<i>peläk</i> (N) <i>pälek</i> (C) <i>päleka</i> (S)	circle, partridge, litre, pud, herd, society	food, groups of persons
transversal division of things into two halves	<i>kəš</i> (N) <i>kis</i> (S) <i>päleka</i> (S)	bear, reindeer, rope, bucket, cauldron	slaughtered animals, vessels
longitudinal division of things into two halves	<i>t'onʒ</i> (S)	river	location
division of locations into two halves	<i>pälek</i> (C) <i>päleka</i> (S) <i>kəš</i> (N)	house, way, territory, source	locations
division of time into two halves	<i>peläk</i> (N) <i>pälek</i> (C) <i>kəš</i> (N)	hour, month, year, day	short and long temporary entities
division of paired entities	<i>peläk</i> (N) <i>pälek</i> (C)	eye, leg, hand, wings, antlers, human being	body-parts, human being

References

- Alatalo, Jarmo (Hrsg.) 2004. *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo*. Helsinki: Finnisch-Ugrische Gesellschaft.
- Brykina, Maria, Svetlana Orlova, Beáta Wagner-Nagy 2020. *INEL Selkup Corpus. Version 1.0*. Publication date 2020-06-30. Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-E1D5-A>. In: Beáta Wagner-Nagy, Alexandre Arkhipov, Anne Ferger, Daniel Jettka, Timm Lehmborg (eds.): *The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages*.
- Budzisch, Josefina 2018. *Annotation Guidelines for the Selkup Corpus*. https://corpora.uni-hamburg.de/hzsk/de/islandora/object/file:slc-1.0.0_Selkup_Language_Corpus_1.0.0_Guidelines/datastream/PDF/slc_guidelines.pdf.
- Budzisch, Josefina, Anja Harder, Beáta Wagner-Nagy 2019. *Selkup Language Corpus (SLC)*. Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 1.0.0. Publication date 2019-02-08. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-D009-4>.
- Bykonya, V. V. 2005. *Selkupsko-russkij dialektnyj slovar'*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta.

- Erdélyi, István 1969. *Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Glushkov, Sergej, Alexandra Baydak, Natal'ya Maksimova 2003. Dialekty sel'kupsкого языка. In: Natal'ya Tuchkova et al. (eds): *Sel'kupy. Ocherki tradicionnoj kul'tury i sel'kupsкого языка*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomского politekhnicheskogo universiteta, 49–63.
- Kazakevich, Olga, Elena Budyanskaya 2010. *Dialektologicheskij slovar' sel'kupsкого языка (severnoe narechie)*. Ekaterinburg: Basko.
- Kuznetcova, Ariadna, Eugen Chelimskij, Elena Grushkina 1980. *Ocherki po sel'kupskomu языку. Tazovskij dialekt. Tom I*. Moskva: Izdatel'stvo MGU.
- Orlova, Svetlana, Maria Brykina, Alexandre Arkhipov 2018. *INEL Selkup corpus — User documentation*. https://corpora.uni-hamburg.de/hzsk/de/islandora/object/-file:selkup-0.1_INEL_Selkup_Corpus_0.1_User_Documentation/datastream/-PDF/INEL_Selkup_Corpus.pdf.
- Pol'yakova, N. V. 2006. *Koncept prostranstvo i sredstva ego reprezentacii v sel'kupskom i russkom языке*. Tomsk: Tomskij gosudarstvennij pedagogicheskij universitet.
- Pörings, Ralf, Ulrich Schmitz (Hrsg.) 1999. *Sprache und Sprachwissenschaft. Eine kognitiv orientierte Einführung*. Tübingen: Narr.
- Prokof'ev, Georgij N. 1935. *Grammatika sel'kupsкого языка*. Leningrad: Izdatel'stvo instituta narodov Severa CIK SSSR.
- Prokof'eva, Ekaterina D. 1952. *K voprosu o social'noj organizacii sel'kupov (rod i fratiya)*. In: Sibirskij étnograficheskij sbornik I. Moskva — Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 88–107.
- Schiefner, A. (Hrsg.) 1854. *M. A. Castrén's Grammatik der samojedischen Sprachen*. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.
- Schwarz, Monika³ 2008. *Einführung in die kognitive Linguistik*. Tübingen: Francke.
- Tuchkova, Natal'ya A. 2014. *Sel'kupskaja oikumena. Obzhitoe prostranstvo sel'kupov juzhnykh i central'nykh dialektnykh grupp*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomского gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.

Syntax and semantics of noun phrases in Selkup¹

Chris Lasse Däbritz, Josefina Budzisch

University of Hamburg

1. Introduction

The study at hand aims at presenting a unified account of noun phrases in Selkup considering all Selkup dialects. The study is carried out based on two corpora: The *Selkup Language Corpus (SLC)* (Budzisch et al. 2019) and the *INEL Selkup Corpus* (Brykina et al. 2020) — all together they consist of 404 texts with 16,741 sentences and 94,553 tokens. The corpora cover the four main dialect groups: Northern, Central, Southern and Ket Selkup, a detailed account of the distribution of the data per dialect is presented in the following table:

Table 1. Distribution of the data per dialect

	Northern Selkup	Central Selkup	Southern Selkup	Ket Selkup
TEXTS	89	81	146	88
SENTENCES	5,030	3,975	5,003	2,733
TOKENS	29,368	24,690	25,456	15,039

The SLC corpus is based on data recorded from 1846–2014 by various researchers, with most texts having been recorded in the 1960, 70s and 80s, while the INEL Selkup Corpus takes field work notes of Angelina Kuzmina into account who has been carrying out her research mostly in the 1960 and 70s. The data set covers four genres: folklore texts (flk), narratives (nar), translations (trans/transl) and songs (song) with a strong focus on folklore texts and narratives. The genre is also visible in the denomination of the examples, being named the following way: an abbreviation for the speaker, the year of recording, a short title, the genre and the sentence number. In addition, the dialect of each

¹ This publication has been produced in the context of the joint research funding of the German Federal Government and Federal States in the Academies' Programme, with funding from the Federal Ministry of Education and Research and the Free and Hanseatic City of Hamburg. The Academies' Programme is coordinated by the Union of the German Academies of Sciences and Humanities.

text as well as the source corpus are indicated, making every example traceable in the data. As for the presentation of the examples, we largely keep interlinear glossing as well as the translations like in the source data; however, some minor unifications were made for the sake of better comprehension.

As mentioned, Selkup exhibits noticeable dialectal variation. However, noun phrases are treated rather uniformly in all dialects. Therefore, the dialectal provenance of each example is given, but we do not provide examples from all dialects for all relevant phenomena. If not indicated otherwise, the analyzed data shows no differences between the dialects in terms of the syntax and semantics of noun phrases.

The paper at hand is structured as follows: In Section 2, a concise overview of the necessary theoretical background and some general issues is provided. The main Section 3 deals with the syntax and semantics of noun phrases in Selkup, distinguishing bare noun phrases (3.1) and modified noun phrases (3.2) formally. As for the latter, adjectives, numerals and quantifiers, demonstratives, possessors as well as participles and relative clauses are examined; also discontinuous noun phrases (3.3) are touched upon. The final Section 4 summarizes the study and points to upcoming issues and related research questions.

2. Theoretical background and general issues

As the term *noun phrase* (NP) already suggests, noun phrases have a noun as their head, being, thus, organized around a noun. Thereby, the noun phrase can consist of only its head, yielding a bare noun phrase, or it can be further modified. Modification of the noun phrase can exhibit different grades of complexity: Either a single item, e.g. an adjective or a numeral, a full noun phrase or even a full clause can occur in the modifier position. Already here it can be said that noun phrases are principally head-final in Selkup, which conforms to its basic SOV structure. Apart from few idiosyncratic inconsistencies, there are two noticeable exceptions, namely the universal quantifiers *muntik* ‘all’ as well as *wes* ‘all; whole’ and naturally discontinuous noun phrases; both of them will be discussed in detail at the appropriate place.

Since the term *noun phrase* itself is of generative origin, some introductory and disclaiming comments are in order here in this respect. In more recent generative literature – starting with Abney (1987) – the projection of a *determiner phrase* (DP) over the noun phrase is assumed. That is, the DP, whose head is e.g. an article or a demonstrative, is assumed to take the NP as complement. In more recent approaches, this assumption was challenged for articleless languages, to which Selkup surely belongs, whereas other authors stick to the DP analysis also for those languages (see e.g. Bošković 2008, Bošković & Şener 2014 and Kornfilt 2018 respectively for argument of both sides). In this paper, we will not dig into the NP-DP discussion, although some Selkup peculiarities (e.g. modified possessors) might favor a DP analysis over an NP analysis (see Budzisch & Däbritz 2019). Neither will

we discuss the syntactic configuration of the noun phrase, nor movement processes within it from a derivationalist point of view, since that would go far beyond the scope of this paper. At relevant points, e.g. when discussing the quantifiers *muntik* and *wes*, we might point to potentially upcoming questions in this respect, but the paper at hand should not be conceived as a generative approach to Selkup syntax. Given this, the term *modifier* is to be understood without any theoretical connotation, but simply designating any item that specifies a noun semantically further. Surely different types of modifiers may behave differently from a syntactic point of view; at relevant points, this will be noted and discussed if necessary, but not further analyzed from a derivational syntactic point of view either. Finally, it has to be noticed that both subject and object noun phrases can be realized covertly in Selkup, cf. example (1). We will not discuss such instances further here, since they naturally do not tell anything about the syntactic and semantic structure of the noun phrase itself.

- (1) [Context: A woman and robber wanted to kill the woman's husband. But the latter understood the plan, got angry and now husband and wife are quarreling.]

I qwan-ni-t

and kill-CO-3SG.O

'And [he] killed [her].'

(Southern; INEL, PVD_1964_UnfaithfulWifeAndRobbers_flk.200)

Coming to the semantics of noun phrases, questions of scope as well as the complex of definiteness and specificity are of immediate relevance. The term *scope* is used in this paper in a very basic manner, not entailing any formal semantic consequences: A feature or an item *X* scopes over an item *Y*, if the latter is affected by the former's meaning or function. Thus, in the English noun phrase [*my husband's pyjama*] the noun *husband* is within the scope of *my*, but the noun *pyjama* is not, since the pyjama is owned by the husband, and not by the first-person speaker. *Definiteness* and *specificity* are two terms and concepts that have been dealt with extensively in theoretical literature from both semantic and a pragmatic perspective. Lyons (1999: 227) assumes definiteness playing a role "in guiding the hearer through the organization of information in a discourse", an assumption that can be expanded to specificity as well. As for definiteness, there are two main approaches to account for: Either a definite linguistic expression is viewed as designating a referent semantically unique in the given context of speech (e.g. Russell 1905, Hawkins 1978), or the referent of the definite linguistic expression is assumed to be familiar and/or identifiable for the hearer in the given context from a rather pragmatic point of view (e.g. Christophersen 1939, Heim 1982). More recent approaches (e.g. Lyons 1999, Löbner 2011) often try to unify both. Obviously, semantic uniqueness on the one hand and pragmatic identification on the other hand yield the same definiteness "status" for a referent in a given context in most cases. Here, rather the pragmatic approach is followed, if cru-

cial differences appear. It is widely known that many languages — including German, Swedish or Hungarian — express definiteness via articles; as was stated above, Selkup lacks articles, thus, definiteness has to be expressed by other linguistic devices, which will be named at appropriate points. Coming to specificity, this concept is surely connected to the concept of definiteness: Enç (1991: 23–24), analyzing definiteness rather as semantic uniqueness, assumes specificity involving “[...] a weak link, that of being a subset of or standing in some recoverable relation to a familiar object”. The concepts of definiteness and specificity can well be illustrated by the patterns of differential object marking in Turkish in examples (2) to (5). In the examples (2) and (3), no clearly designated book is referred to, whereas in example (4) the speaker refers to a book of which s/he knows which one it is. In example (5), finally, the speaker refers to an aforementioned book.

- (2) *(Ben) kitap oku-du-m.* (indefinite, non-specific)

1SG book read-PST-1SG

‘I read a book/some books.’ ~ ‘I was book-reading.’

- (3) *(Ben) bir kitap oku-du-m.* (indefinite, non-specific)

1SG one book read-PST-1SG

‘I read a/some/one book.’

- (4) *(Ben) bir kitab-ı oku-du-m.* (indefinite, specific)

1SG one book-ACC read-PST-1SG

‘I read a (certain) book.’

- (5) *(Ben) bu kitab-ı oku-du-m.* (definite, specific)

1SG this book-ACC read-PST-1SG

‘I read this book.’

(Turkish; own examples)

Thus, both definiteness and specificity mark discourse referents with respect to their retrievability in a given speech situation. Roughly speaking, definiteness is thereby rather hearer-oriented, and specificity is often rather speaker-oriented: The Turkish examples (2) to (4) are indefinite, because the hearer of the utterance is not able to identify the book referred to in the given context, whereas s/he is in example (5), whence [*bu kitabı*] is to be analyzed as a definite expression. In turn, the examples (2) and (3) are non-specific, since the speaker refers to an arbitrary book, whereas in the examples (4) and (5) s/he has a certain book in mind, whence the relevant linguistic expressions are specific.

3. Syntax and Semantics of NPs in Selkup

From a formal point of view, noun phrases can be divided into two categories in Selkup: bare noun phrases and modified noun phrases, whereby the latter can be continuous and

discontinuous. Whereas bare noun phrases contain only the head of the phrase, modified noun phrases contain at least one modifying item, which can be according to Harder (2019: 42) pronouns, adjectives, numerals, quantifiers and participles. Most often, modifier and modified stand adjacently, but in few cases they can be separated from each other in the clause, yielding discontinuous noun phrases. Since the latter bear some specific challenges for their analysis, we will discuss them separately.

3.1. Bare noun phrases

Bare noun phrases contain only the nominal they are headed by. Often, the latter is a noun (6), but also adjectives (7), pronouns ((8) and (9)) and proper nouns (10) may occur. As can be seen from the examples, bare noun phrases are not constrained by the syntactic functions they fulfill.

- (6) [Qorqi]_{NP} [n'oma-m]_{NP} qo-ŋi-ti.
 bear hare-ACC sight-CO-3SG.O
 'A bear saw a hare.'
 (Northern; INEL, KNK_1965_BearAndHare_flk.003)
- (7) [Mutirona]_{NP} i:-ti-ŋi-ti takoj.
 brave take-TR-CO-3SG.O such.R
 'A brave [man] takes her, such [one].'
 (Northern; INEL, NEP_1965_ThreeBrothers1_flk.013)
- (8) Nil'd'i-ŋ [me]_{NP} i:l-uttə.
 such-ADV 1PL live-1PL.S/O
 'So we live.'
 (Southern; INEL, PMP_1961_MyDay_nar.011)
- (9) Tan [taw-i-m]_{NP} üti-ži-l [...].
 2SG this-EP-ACC drink-FUT-2SG.O
 'You will drink this [...].'
 (Ket; SLC, AGS_1968_FairytaleSnake_flk.089)
- (10) Nača-yit [i:riša-nen]_{NP} varka-nda.
 there-LOC Irisha-ADE live-2SG.S
 'You live with Irisha.'
 (Central; INEL, KuV_196X_Questions_nar.009)

Coming to the question of definiteness, it can be said that bare noun phrases can be either indefinite or definite. Examples (6) and (7) illustrate indefinite noun phrases, since the given referents are neither inherently definite here, nor are they aforementioned or accessible in the given context. In example (8), the noun phrase is inherently definite given the usage of a personal pronoun (Lyons 1999: 134ff.). The same holds true for ex-

ample (9), as demonstrative pronouns are inherently definite (Hawkins 1978: 155). In example (10), the noun phrase is inherently definite as well, because a proper noun is used, which per default yields a definite noun phrase.

Example (11) is somewhat more complex inasmuch definiteness of the referents is established only via the context. Both the boy and ducks are aforementioned: Thus, the noun phrase [*kibajčep*] is unambiguously definite here. As for the subject noun phrase [*o:ker n'ab*], the case is more complicated, since its antecedent refers to a whole group of ducks. In the given context, however, the hearer cannot identify the duck referred to, although s/he knows that there is a group of ducks of which this particular duck is a member. Given this, the respective noun phrase has to be accounted for as indefinite. Thus, example (11) is a good case in point that definiteness and givenness often coincide, but not necessarily, since a given referent is indefinite here. Additionally, the subject noun phrase is non-specific, since the speaker refers to an arbitrary duck from the aforementioned group.

(11) [Context: A boy is in the taiga. Suddenly there are ducks flying.]

[*O:ker n'ab*]_{NP} *ora-ni-d* [*kibajče-p*]_{NP} [...].
 one duck hold-CO-3SG.O boy-ACC

‘One of the ducks picked the child up, [set him onto her own wing, raised him high above, and took him into the taiga].’

(Central; SLC, TTD_1964_WildDucks_flk.010)

3.2. Modified noun phrases

In contrast to bare noun phrases, modified noun phrases contain at least one modifying item that specifies the head noun further. In this paper, the modifiers occurring in Selkup are grouped as follows: adjectives, numerals and quantifiers, demonstratives, possessors, participles and relative clauses. In contrast to Harder (2019: 42), we do not treat modifying pronouns uniformly here, since they do differ in both their semantic and syntactic behavior as will be shown in what follows.

3.2.1. Adjectives

A frequent type of nominal modifiers are adjectives, which qualify the head noun and its properties in more detail. Adjectives immediately precede the noun they modify, and do not agree with it in case, number and possession.

(12) [*Kiba tibe-qum*]_{NP} *t'äri-ŋ* [...].
 small man-human say-3SG.S

‘The boy says: [...]’

(Southern; INEL, PMP_1961_Fairytale_flk.284)

- (13) *Tü-sa-ŋ* [arin qu-la-ne]_{NP}.
 come-PST-1SG.S foreign human-PL-ALL
 ‘I came to the strangers.’
 (Ket; INEL, KMS_196X_Lifestory_nar.013)

In most cases, the usage of a modifying adjective has no impact on the definiteness or specificity of the noun phrase. There is, however, one important exception, namely superlatives. Superlatives single out one referent of a predefined set of referents, wherefore the named referent is per default unique in the given context and, thus, definite (Hawkins 1978: 234). In example (14), the protagonist has more than one daughter. Only with the usage of the superlative form [*po:s kipa*] the reference is unambiguous in the given context and, thus, the noun phrase is definite.

- (14) *Näl'a-m-ti* qural-ti-ti Iča-nik, [*po:s kipa näl'a-m-ti*]_{NP}
 daughter-ACC-POSS.3SG go-TR-3SG.O Itja-ALL most small daughter-ACC-POSS.3SG
qural-ti-ti.
 go-TR-3SG.O
 ‘He sends a daughter of his to Icha, he sends his youngest daughter.’
 (Northern; SLC, BEP_1977_Icha4_flk.035)

Additionally, there may be more than one adjective modifying the head noun. Although the occurrence of several adjectives may be constrained by semantic reasons – e.g. [?]*big small reindeer* appears to be unlikely – adjectival modification of the noun phrase in Selkup is basically recursive. In the easiest case, both adjectives scope over the whole noun phrase as in example (15).

- (15) [*Aša märqa sä:qi saj-l'a-qi-ti*]_{NP} ukkirtik ripč'i-mpo:-qij.
 NEG big black eye-DIM-DU-POSS.3SG often blink-PST.NAR-3SG.S
 ‘His small black eyes often were blinking.’
 (Northern; INEL, KGE_1965_Lgov_transl.020)

If relational adjectives formed with the adjectivizer *-l'* (*-j*) are involved, however, questions of scope become more complicated. Example (16) resembles example (15), since both ‘single’ and ‘Nenets’ modify the tent, yielding a single Nenets tent and not the tent of a single Nenets. In example (17), however, the first adjective *tɔ:l'* ‘of the other side’ modifies the house, and not the human, thus, it has scope only over the former. This is possible, since *mɔ:tal'* also has a nouny origin and, thus, can be modified further (see also Budzisch & Däbritz 2019).

- (16) [*Pelä-kiti-l'* qäli-l' mɔ:t]_{NP}, ni:na tü-nti.
 friend-CAR-ADJZ Nenets-ADJZ tent there come-INFER.3SG.S
 ‘Just a single Nenets tent, he came there.’
 (Northern; INEL, NEP_196X_NenetsAndWhiteBear2_flk.142')

- (17) [...] [[*tɔː-l'* *mɔːt-a-l'*]_{NP} *qup*]_{NP}.
 to.the.other.side-ADJZ house-EP-ADJZ human
 ‘[“What are you searching for, old man?”, asks] a human from the house across the road.’
 (Northern; INEL, KAI_1965_OldManWithLittleMind1_flk.067)

3.2.2. Numerals and quantifiers

Ordinal numerals behave principally like adjectives; however, noun phrase modification with ordinal numerals is obviously not recursive due to semantic constraints. Example (18) exhibits an ordinal numeral in modifier position, again not agreeing with its head noun. If an ordinal numeral and one or more adjectives occur together as nominal modifiers, the former precedes the latter, although admittedly there are few instances like example (19) in the analyzed material. Nevertheless, this linear order can be explained: Ordinal numerals make a noun phrase specific per default, since their function is to identify the rank or the place of a given referent within a set of referents and, thus, the referent cannot be arbitrary anymore. Expectedly, an ordinal numeral has scope over the whole noun phrase it modifies², wherefore it strongly tends to appear before further modifying adjectives (cf. also English *the third black car* vs. *the black third car*).

- (18) [*Tätti-md'elžä t'eli-t*]_{NP} *man qättə ča:žə-za-ŋ*.
 four-ORD day-POSS.3SG 1SG back travel-PST-1SG.S
 ‘On the fourth day I came back.’
 (Ket; INEL, SSF_1963_SquirrelHunting1_nar.026)
- (19) [*Nagur-u-mžel waže-l laga-p*]_{NP} *mekka m'e-i-t*.
 three-EP-ORD meat-ADJZ heap-ACC 1SG.DAT give-EP-3SG.O
 ‘The third piece of meat he gave me.’
 (Central; SLC, SAG_1984_StoryAboutLife_nar.052)

Coming to cardinal numerals, Corbett (1978: 363) argues that their behavior tends to fall between that of nouns and adjectives. From a semantic point of view, cardinal numerals unlike adjectives surely do not specify the head noun further: Given the Northern Selkup noun phrase *nɔːkir ɔːtä* ‘three reindeers’, we do not get to know anything about the reindeers themselves, but simply that there are three of them. From a syntactic point of view, two characteristics of cardinal numerals account for their more nouny behavior:

² A reviewer suggested constructions such as [*nagur-u-mžel mɔːt-a-l'*]_{NP} *qup* ‘three-EP-ORD tent-EP-ADJZ human’ = ‘a person from the third tent’, in which the ordinal numeral would modify only the adjacently standing noun. Since the analyzed data does not include relevant instances, we cannot contradict providing empirical data. Nevertheless, we would assume such constructions to be realized otherwise, e.g. via the usage of local cases. Further research is highly demanded in this respect.

On the one hand, they are – in contrast to modifying adjectives – again not recursive due to semantic constraints. On the other hand, cardinal numerals rather may govern the form of the noun they modify than agreeing with it in many languages (Corbett 1978: 363–364). Selkup, however, is not a case in point for the latter argument. Nouns modified by cardinal numerals are most frequently in their underspecified number form, which is homonymous to the singular (Kuznecova et al. 1980: 167). If the given noun phrase is not in subject position, the head noun may be inflected, whereby the cardinal numeral does not agree in case, cf. examples (20) and (22).

- (20) *Tep-qi warga-di [oqqir mat-kit]_{NP}.*
 3SG-DU live-3DU.O one house-LOC
 ‘They live in one house.’
 (Ket; SLC, TET_1979_TheHaresHouse_flk.014)
- (21) *Täp-se ä-sa-n a:lbe [šittä qum]_{NP}.*
 3SG-COM be-PST-3SG.S aside two human
 ‘With him there were two people.’
 (Ket; SLC, KMS_1967_Hunt_trans.080)
- (22) *[Tättä surup-se]_{NP} üb-ut.*
 four wild.animal-COM leave-1PL.S/O
 ‘We set off with four birds’
 (Central ~ Southern; SLC, NN_1855_Hero3_song.242)

However, as was pointed out by Kuznecova et al. (1980: 169), after the numeral *šitti* ~ *šittä* ~ *šäda* ‘two’ dual forms of the head noun may occur as well, cf. example (23). Däbritz (2021) assumes animacy and humanness playing a role in this respect, whereby dual marking appears to be more frequent in case of human referents than in case of non-human referents. Additionally, in the material in Brykina et al. (2020) this phenomenon is most salient in Northern Selkup dialects.

- (23) *To:na [šitti qum-o:-qı]_{NP} ili-mpo:-qı.*
 that two human-EP-DU live-PST.NAR-3DU.S
 ‘Those two people lived.’
 (Northern; INEL, NEP_1965_OrphanBoyAndPanOldMan1_flk.136)

As for the linear order of cardinal numerals and adjectives, the most frequent pattern is expectedly the cardinal numeral preceding one or more adjectives.

- (24) [...] *aj [ukkir n’äñič’a qup]_{NP} qom-ta.*
 also one nude human appear-INFER.3SG.S
 ‘One more naked man appeared [...].’
 (Northern; INEL, KAI_1965_SylchaPylcha1_flk.072)

There are, however, some instances in the analyzed material, where the reversed pattern can be observed. Mostly, relational adjectives formed with the adjectivizer *-l' (-j)* occur in these instances, cf. example (25). Indeed the pattern appears to be not coincidental, given the syntactically parallel structure with possessors formed by the same suffix, cf. example (26) (see below for details of possessors in modifier position).

- (25) *Paŋi-m-tit muntik mi-ŋɔ:-tit [laŋa-l'*
 knife-ACC-POSS.3PL all give-CO-3PL.S/O ide-ADJZ
*qum-i-l' nɔ:kir timn'a-si-t]*_{NP}.
 human-EP-ADJZ three brother-DYA-PL
 'The three Khanty brothers gave all their knives.'
 (Northern; INEL, SAI_1965_Palna_flk.078)

- (26) A [*Palna-l' nɔ:kir timn'a-si-t]*_{NP} *oko:t jap ɔ:ti-r-ki-sɔ:-tit*.
 and Palna-ADJZ three brother-DYA-POSS.3SG earlier RFL word-VBLZ-HAB-PST-3PL.S/O
 'Palna's three brothers have discussed this earlier though.'
 (Northern; INEL, SAI_1965_Palna_flk.079)

Additionally, there are two instances of a cardinal numeral following a negated adjective, cf. example (27). However, since this is attested only from one speaker, it remains a task for further research whether this is due to idiolectal variation or whether this is a common pattern.

- (27) A *na sünt'eqa-m oral-gu qigi-di [az warq sət tibe-qum-ga]*_{NP}.
 and this sparrow-ACC catch-INF want-3SG.O NEG big two man-human-DIM
 'Two little boys were trying to catch the sparrow.'
 (Southern; INEL, PMP_1961_ThreeBrothersAndPriest_flk.366)

A semantically rather heterogeneous group of nominal modifiers is formed by quantifiers. One group of them – *koči* 'much; many', *qɔ:nak* 'few', *naššak* 'so much' – rather mechanically "replaces" a cardinal numeral not pointing to an exact number of referents, but to amount of referents which is evaluated as big or small by the speaker.

- (28) [*Koči ü:de-p]*_{NP} *öde-špü:-det*.
 much water-ACC drink-IPFV-3PL-S/O
 'They drank much wine.'
 (Central; SLC, TTD_1964_Frog_flk.063)

The other group of quantifiers are the universal quantifiers *muntik* 'all; whole', *wes* 'all; whole' (< Russian *ves* 'all; whole'), *idi* 'every' and *košnij ~ kaznij* 'every' (< dialectal Russian *kažnyj* 'id.'), the former two yielding a collective reading, the latter two yielding a distributive reading. The distributive items *idi* 'every' and *košnij ~ kaznij* 'every' – the latter being much more frequent – behave syntactically like adjectives not agreeing with

the head noun in case and number, cf. example (29). It would be expected that they precede further modifying adjectives, but within the analyzed material, no relevant instance could be found.

- (29) *Tabə tu:bo-n [kašna pe-t]_{NP} pat-ku-k.*
 3SG oak-ILL every night-POSS.3SG go.down-ITER-3SG.S
 ‘He went down to the oak every night.’
 (Central; SLC, SDP_1964_FairytaleBlackZar_flk.705)

The collective universal quantifiers *muntik* ‘all; whole’ and *wes* ‘all; whole’ are more complex with respect to their morphosyntactic behavior. First, the number form of the head noun varies depending on the noun’s semantics: Count nouns tend to appear in the plural, mass nouns tend to appear in the underspecified unmarked form of nouns, which is homonymous to the singular form. Second, both quantifiers can either precede the head noun or follow it, cf. examples (30) to (33). In case of *muntik*, the latter pattern is most frequently found, whereas in case of *wes* both patterns are rather evenly distributed.

- (30) [...], [*muntik wəča-p*]_{NP} *tattə:-ti!*
 all meat-ACC bring-IMP.2SG.O
 ‘[Mice of the haystack,] bring me all the meat!’
 (Northern; SLC, BEP_1977_Itja3_flk.028)
- (31) [*Qäli-t-i-m muntik*]_{NP} *qət-pa-ti.*
 Nenets-PL-EP-ACC all kill-PST.NAR-3SG.O
 ‘He killed all Nenets.’
 (Northern; SLC, MIV_1977_TwoBrothers_flk.027)
- (32) *Wes a:b-i-l-de i [wes parü:de-p]_{NP} ödü-l-de.*
 all eat-EP-RES-3SG.O and all wine-ACC drink-RES-3SG.O
 ‘He eats everything and drinks all the wine.’
 (Central; SLC, SDP_1964_FairytaleBlackZar_flk.384)
- (33) [*Olko wes*]_{NP} *more-l’-ba.*
 ice all break-INCH-PST.NAR.3SG.S
 ‘The whole ice has broken.’
 (Central; SLC, KFN_1967_HumanSizedPike_flk.004)

Obviously, the postposed position of the given quantifiers appears to contradict the otherwise strictly head-final structure of noun phrases in Selkup. That raises the question of their syntactic status with respect to the head noun. As can be seen in example (30), the noun *qälitim* is marked for plural and accusative case, whereas the quantifier *muntik* exhibits no number and case marking. Whereas the lack of number marking can also be explained by the inherent quantificational semantics, the lack of case marking shows that the quantifier indeed belongs syntactically to the noun. This stands to reason to analyze

the item as stranded (a.k.a. floating) quantifier, that is, being base generated in prenominal position and “stranding” in the clause, when the head noun moves.³ This account easily explains both the variation with respect to the linear position of the quantifier and its usual modifier-like morphological behavior.

As for the semantics of noun phrases modified with universal quantifiers, there is no consensus in relevant research: According to e.g. Hawkins’ (1978) uniqueness and inclusiveness account to definiteness, such noun phrases are to be analyzed as definite, since the usage of a universal quantifier prerequisites the inclusion of all possible referents in the given context into the set of referents referred to. Enç (1991: 10–11), however, assumes such noun phrases being indefinite, but specific. Here we follow Hawkins’ (1978) approach and, thus, analyze all noun phrases in the examples (31) to (34) as both definite and specific.

3.2.3. Demonstratives

Noun phrase modification with a demonstrative is due to their semantics not recursive. Selkup exhibits the proximal demonstrative *tam*, the distal *to* as well as the anaphoric demonstratives *na* and *tina* – the latter is only found in Northern Selkup – which are used to refer to referents already introduced to the discourse. Example (34) and (35) exhibit demonstrative determiners, both not agreeing with their head noun. Demonstratives can, however, be used as demonstrative pronouns and then take case and number marking (cf. example (9) above). The proximal, distal and anaphoric demonstratives make the modified noun phrase definite per default, since their main function is to identify the referent in the (discourse) situation. However, example (36) shows the use of the demonstrative *niłč’i* ‘such’, which precedes the head noun and does not agree with it, too, but does not mark the modified noun phrase as definite but rather as indefinite and non-specific.

- (34) *Mat mid-o-m tū [to bleka-nd]_{NP} onenže pire-yend pen-de.*
 1SG liver-EP-POSS.1SG fire that side-ILL yourself stature-ILL.POSS.3SG put-IMP.2SG.O
 ‘Put my liver to that side [the side further away] of the fire, opposite from yourself.’
 (Central; SLC, ChDN_1983_GirlAndIce_flk.029)

- (35) *Starik [na qum]_{NP} nık tom-ni-t.*
 old.man.R this human so speak-CO-3SG.O
 ‘The old man, this man was saying so.’
 (Northern; INEL, NEP_196X_SecondFairytale_flk.169)

³ For the original generative account to quantifier stranding see Sportiche (1988) and Shlonsky (1991). Given the descriptive orientation of the paper at hand, the exact patterns of quantifier stranding in Selkup are not spelled out here. The observed patterns, however, stand clearly to reason that the given accounts can be adopted to Selkup as well.

- (36) *Aj [nil'č'i ə:ti]_{NP} tap qən-ki-ni ippa qapija.*
 again such word this leave-HAB-CO.3SG.S lie.3SG.S supposedly
 'Again such words pass by, he was lying.'
 (Northern; INEL, NEP_196X_NenetsAndWhiteBear2_flk.116)

A demonstrative can have scope over the whole noun phrase and is always preceding further modifying adjectives. Example (37) exhibits an example for that. However, when coming to modifiers with a nouny origin (especially possessors or relational adjectives), the matter of scope is more complex as these modifiers can be modified themselves by the demonstrative. In example (38), the demonstrative modifies the noun phrase [*i:ma*] which itself modifies the noun phrase [*ira*] (cf. next section for possessors). This, however, does not entail that in possessive structures the demonstrative always modifies only the possessor; a frequent domain of this phenomenon are constructions with spatial expression, as shown in example (39).

- (37) *Ukkir tot č'onto-t [na wərqi nenä-ki-nti]_{NP} nil' esa: [...]*
 one whole middle-LOC.ADV this big sister-AUG-ILL so say.3SG.S
 'Once he said to his elder sister: [...]'
 (Northern; INEL, NEP_196X_SecondFairytale_flk.011)

- (38) *[[Na i:ma-n]_{NP} ira]_{NP} kos kuni u:č'i-mpa.*
 this woman-GEN husband INDEF where work-PST.NAR.3SG.S
 'This woman's husband works somewhere.'
 (Northern; INEL, KMG_1976_BriefVacation_nar.006)

- (39) *[[Na šo:qor-t]_{NP} pa:r-o-nd]_{NP} siga-l-ba-dit.*
 this stove-GEN top-EP-ILL climb-INCH-PST.NAR-3PL.S/O
 'She climbed on this stove.'
 (Southern; SLC, TMR_1981_Robbers_flk.034)

3.2.4. Possessors

Noun phrases can also be modified with possessors, which can be expressed nominally (example (40)) and pronominally (example (41) and (42)). In Selkup, two cases (genitive and adessive; the latter only in non-Northern dialects) and a set of possessive suffixes or a combination of these two are used to mark the possessive relations (see Budzisch 2021). Due to their semantically restricted nature, modification with possessors is not recursive. Possessive relationships are unidirectional, since every item possessed linguistically only has one possessor (Taylor 1995: 201). This entails interpreting the whole noun phrase as definite, since it can be unambiguously matched to another referent (Lyons 1999: 124).

- (40) *Ima [imaqota-t üṅkilsa:-qit]_{NP} manni-mpa-ti.*
 woman old.woman-GEN ear-LOC see-PST.NAR-3SG.O
 ‘The woman looks into the old woman’s ears.’
 (Northern; SLC; BVP_1973_East_flk.038)
- (41) *[Tat tol’ž’e-nd-ə]_{NP} konne čanži-gu a: tan-wa-k.*
 2SG.GEN ski-POSS.2SG-INS upwards go.out-INF NEG know-CO-1SG.S
 ‘I cannot go up with your skies.’
 (Central; SLC, MNS_1984_BrotherSister_flk.045)
- (42) *Nänni tat i:-ča-l [meṅ-nan so:
 then 2SG take-FUT-2SG.O 1SG-ADE good
 kündä qorrä-m]_{NP}.*
 horse stallion-NOM/ACC-POSS.1SG
 ‘Then you will take my good stallion.’
 (Ket; SLC, AGS_1968_FairytaleSnake_flk.057)

As can be seen from example (42), possessors expressed with a noun or pronoun precede modifying adjectives. Possessive modifiers usually have scope over the whole noun phrase, be the possessor expressed overtly (examples (40) to (42)) or only via the possessive suffix (example (43)). Again, the situation is more complex in case of multiple possessors and relational adjectives formed with the adjectivizer *-l’* (*-j*): Here, the linearly first possessor scopes only over the linearly second possessor (or relational adjective respectively), but not over the head noun.⁴ In example (44), the pronominal possessor *man* has scope over *äsa* ‘father’ (additionally marked with a possessive suffix), but not over the reindeer of the father.

- (43) *A [warg ne-m]_{NP} ogol-a-lž-ha ud’a kwen-ba.*
 but big daughter-POSS.1SG learn-EP-PFV-CO.3SG.S work go.away-PST.NAR
 ‘And my older daughter got an education, she works, she left.’
 (Central; INEL, YIF_196X_WorkAsPostwoman_nar.015)
- (44) *Ama [[man äsa-ni]_{NP} kura-mpil’
 mother 1SG.GEN father-GEN.POSS.1SG go-PTCP.PST
 ɔ:ta-ti]_{NP} kuni mäkkä ati-lt-äti.*
 reindeer-POSS.3SG where.from 1SG.DAT be.visible-TR-IMP.2SG.O
 ‘Mother, show me where my father’s reindeer is.’
 (Northern; INEL, TVP_1965_ThreeBrothersLapta_flk.006)

⁴ A reviewer suggested constructions like *[man tɔ:-l’ mɔ:t-ym]* ‘1SG.GEN side-ADJZ tent-POSS.1SG’ = ‘my tent on the other side’, in which the personal pronoun *man* would scope over the whole noun phrase being the possessor of the tent. Not knowing the origin of the cited data, we cannot judge the given interpretation. In the analyzed corpus data, however, such examples cannot be found.

3.2.5. Participles and relative clauses

The last group of modifiers is formed by participles. Participles modifying a noun phrase can function like qualitative adjectives, eventually even being lexicalized. The latter pattern is illustrated in example (45), where the noun phrase [*surul'd'i kum*] means ‘hunter’. Consequently, such noun phrases may be both definite and indefinite, as is the case with qualitative adjectives, too (see above). In example (45), the given noun phrase is indefinite, since the referent is newly introduced into the discourse, and it cannot be inferred from the context.

- (45) *Amdi-s ando-ka-yan [surul'd'i kum]_{NP}.*
 sit-PST.3SG.S boat-DIM-LOC hunt-PTCP.PRS human
 ‘There was a hunter sitting in the boat.’
 (Ket; SLC, BNN_1971_EyesEars_flk.024)

Since participles are formed from verbal stems, they have an inherent argument structure, and can, thus, build clausal structures being referred to as relative clauses. The borderline between adjective participles and relative clauses is admittedly fuzzy, and the paper at hand does not aim at solving this issue, neither language-specifically nor cross-linguistically. As a rough tendency it can be said that the more lexicalized a modifying participle is, the less likely it forms a relative clause. For the purpose of this study, we take a rather broad perspective, and account for all modifying participles, which are not clearly lexicalized, as relative clauses. If the modifying participle is formed from a one-placed verb, like in example (46), the head noun is per default co-referential to the verb’s only argument. In case of two-place or even three-place verbs, this may vary: Example (47) shows a relative clause, where the head noun plays the semantic role of an agent, and example (48) shows a relative clause, where the head noun plays the semantic role of a patient. Furthermore, the latter two examples show that Selkup allows for so-called heavy noun phrases in modifier position.

- (46) [*Pargi-ndi sa:-ze*]_{NP} *ando-m tö:-mba-t.*
 seethe-PTCP.PRS gum-INS boat-ACC grease-PST.NAR-3SG.O
 ‘He greased the boat with the boiling resin.’
 (Southern; SLC, TMR_1981_AboutItja_flk.027)
- (47) [*Mazim po:ne t'aš-ku-nd'i qu-la*]_{NP} *ča:ʒə-n-dat.*
 1SG.ACC out throw-ITER-PTCP.PRS human-PL go-CO-3PL.S/O
 ‘There go the people who threw me on the street.’
 (Southern; SLC, PMP_1961_ForestWoman_flk.304)
- (48) [*Qwäryi-n ora-l-bädi qum*]_{NP} *qa:lî-ŋ i:llî-l'e.*
 bear-GEN hold-INCH-PTCP.PST human stay-3SG.S live-CVB
 ‘The man, who got caught by the bear, stays alive.’
 (Ket; SLC, KMS_1967_Bear_flk.014)

Two more comments are in order with respect to relative clauses: First, they can also be formed with interrogative pronouns functioning as relative pronouns. Given their divergent syntax including a finite verb form, they are not discussed here further. Second, the linear order of the constituents with a heavy noun phrase is not uniform in Selkup. Basically, relative clauses formed by modifying participles precede their head noun like in the examples shown above. There are, however, rather many counterexamples to this, exhibiting postposed relative clauses, cf. example (49). Their internal syntactic configuration does not differ in any way from preposed relative clauses, however, the question comes surely up, how to account for their postposed position from a derivational syntactic point of view. This, however, goes clearly beyond the scope of this paper.

- (49) A [na tibe-qum, qu-la-m pu-t-ka-ndi, ando-qin pal'd'i-ndi]_{NP}, [...].
 and this man-human human-PL-ACC cross-DRV-ITER-PTCP.PRS boat-LOC go-PTCP.PRS
 'And this man, who takes the people across, who goes in the boat, [him does the boat take to the middle of the lake].'
 (Southern; SLC, PMP_1961_Fairytale_flk.124)

Coming to the semantics of heavy noun phrases, there is basically no difference to simple modifying participles or adjectives. The noun phrase can be indefinite and non-specific as in example (50), where the given referent — the crane — is simply described in more detail by the relative clauses. However, much more frequently relative clauses serve to single out a referent from a set of referents, making it, thus, specific and/or definite.

- (50) Temdā qo-nžu-r-ni-t: [üt-man ča:ča-ndā qarra, t'atče-k ča:ča-ndā]_{NP}.
 here see-IPFV3-FRQ-CO-3SG.O water-PROL go-PTCP.PRS crane near-ADV go-PTCP.PRS
 'There he sees: A crane going through the water, [who is] coming closer.'
 (Ket; SLC, BNN_1971_EyesEars_flk.012)

3.3. Discontinuous noun phrases

The term *discontinuous noun phrase* designates a noun phrase, in which modifier(s) and head noun do not stand adjacently. In the analyzed Selkup material, there are no unambiguous cases of discontinuous noun phrases what is not surprising given the observed lack of agreement within noun phrases: If a modifier would not stand adjacently to its head noun not agreeing with it, their syntactic affiliation within the clause could hardly be recovered. However, two more or less regularly observed patterns can possibly be accounted for as discontinuous noun phrases. As was described above, the universal quantifiers *muntik* 'all; whole' and *wes* 'all; whole' do occur after the noun they modify. Moreover, it was argued that this position appears to be derived from another underlying structure, leaving the quantifier "stranded" in the clause. When accepting this account, the pattern also qualifies for a discontinuous noun phrase, since the basic order of modifier and head noun is interrupted. The same would hold true in the examples (51) and (52)

then, in which a qualitative adjective and a pronominal possessor respectively are realized after their head noun.

- (51) *Qundar* [*qündi-la-m man-nan-i*]_{NP} *wä:r-za-l?*
 how horse-PL-ACC 1SG-ADE-ADJZ keep-PST-2SG.O
 ‘How did you guard my horses?’
 (Southern; INEL, PMP_1961_ThreeBrothersAndPriest_flk.058)
- (52) [*Timn’a-mi werqi*]_{NP} *qerɔ:-tit Volod’a-tqa.*
 brother-POSS.1SG big call-3PL.S/O Volodya-TRL
 ‘My elder brother is called Volodya.’
 (Northern; INEL, TVP_1965_IWasBornInChaselka_nar.008)

However, we have to acknowledge that the above made statements are tentative inasmuch no deep derivational perspective is taken here. Further research, adopting such a perspective, would be needed in order to evaluate the given structures against a derivational syntactic background.

4. Conclusion

The paper at hand aimed at describing the basic patterns of syntax and semantics of noun phrases in Selkup. Not surprisingly, noun phrases can be bare and modified in Selkup; in the latter case no agreement of modifier and head noun is observed at all. The modifiers occurring in Selkup are adjectives, numerals and quantifiers, demonstratives, possessors as well as participles forming relative clauses. Thereby, noun phrase modification with adjectives and participles is recursive, whereas modification with other types of modifiers is not, what is surely due to the inherent semantics of the modifiers. Given this, it could be expected that the underlying syntactic structure is different, stipulating that adjectives and participles are realized in adjunct position, whereas numerals and quantifiers as well as demonstratives and possessors appear as phrasal heads. This, however, has to be empirically corroborated in further research. From a semantic point of view, it can be stated that bare noun phrases as well as noun phrases modified with adjectives, participles and cardinal numerals exhibit no constraints with respect to definiteness and specificity, which are either inherently marked or established via the context. Noun phrases modified with ordinal numerals are per default specific and in most contexts definite, too. Modifying universal quantifiers, demonstratives and possessors make a noun phrase definite in Selkup.

Adhering to underlying basic SOV word order, noun phrases are generally head-final in Selkup. There is one seeming exception, namely the universal quantifiers *muntik* ‘all; whole’ and *wes* ‘all; whole’, which can be placed after the noun they modify. However, assuming them being “stranded” in the clause, they are no counterexample from a derivational syntactic point of view, but surely from a descriptive point of view. Generally, it

can be said that noun phrases in Selkup are structured as expected in an articleless SOV language, namely exhibiting no agreement and being head-final. Additionally it is worth mentioning that noun phrases behave rather uniformly in all Selkup dialect groups, and no instances of systematic (or unsystematic) variation could be detected.

List of abbreviations

1	first person	INF	infinitive
2	second person	INFER	inferential
3	third person	INS	instrumental
ACC	accusative	IPFV	imperfective
ADE	adessive	ITER	iterative
ADJZ	adjectivizer	LOC	locative
ADV	adverb	NAR	narrative
ALL	allative	NEG	negative
AUG	augmentative	NOM	nominative
CAR	caritive	O	objective conjugation
CO	co-affix (forming aorist tense)	ORD	ordinal numeral
COM	comitative	PFV	perfective
CVB	converb	PL	plural
DAT	dative	POSS	possessive suffix
DIM	diminutive	PROL	prolative
DRV	(unknown) derivational suffix	PRS	present tense
DU	dual	PST	past tense
DYA	dyadic kinship term	PTCP	participle
EP	epenthesis	R	Russian code-switch
FRQ	frequentative	RES	resultative
FUT	future	RFL	reflexive
GEN	genitive	S	subjective conjugation
HAB	habitual	SG	singular
ILL	illative	TR	transitivizer
IMP	imperative	TRL	translative
INCH	inchoative	VBLZ	verbalizer
INDEF	indefinite		

References

- Abney, Steven 1987. *The English noun phrase it its sentential aspect*. PhD thesis. Cambridge [Mass.]: Massachusetts Institute of Technology.
- Bošković, Željko 2008. What will you have, DP or NP? In: Elfner, Emily & Walkow, Martin (eds.): *Proceedings of the 37th annual meeting of the North Eastern Linguistic Society*. Amherst [Mass.]: Graduate Linguistic Student Association Publications, 101–114.

- Bošković, Željko, Serkan Şener 2014. The Turkish NP. In: Patricia Cabredo Hofherr & Anne Zribi-Hertz (eds.): *Crosslinguistic studies on noun phrase structure and reference: With and without articles*. Leiden: Brill, 102–140.
- Brykina, Maria, Svetlana Orlova, Beáta Wagner-Nagy 2020. INEL Selkup Corpus. Version 1.0. Publication date 2020-06-30. Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-E1D5-A>. In: Beáta Wagner-Nagy, Alexandre Arkhipov, Anne Ferger, Daniel Jettka, Timm Lehmberg (eds.): *The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages*.
- Budzisch, Josefina, Anja Harder, Beáta Wagner-Nagy 2019. *Selkup Language Corpus (SLC)*. Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 1.0.0. Publication date 2019-02-08. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-D009-4>.
- Budzisch, Josefina & Chris Lasse Däbritz 2019. Dislocated Possessors, Possessor Left Branch Extraction and Modified Possessors in Samoyedic Languages — Implications for the NP ~ DP-dichotomy. Paper presented at *The Syntax of Uralic Languages 3*, 17.06.2019–19.06.2019, Tartu. https://sisu.ut.ee/sites/default/files/soul2019/files/budzisch_dabritz_npdp_samoyedic.pdf
- Budzisch, Josefina 2021. Marking strategies of attributive possession in Selkup: A study of frequency and types of possession. *Finnisch-Ugrische Forschungen* 66: 51–84.
- Bykonja, Valentina & Kuznecova, Nadežda & Maksimova, Natal'ja (2005). *Sel'kupsko-russkij dialekt-nyj slovar'*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta.
- Christophersen, Paul 1939. *The articles. A study of their theory and use in English*. Copenhagen: Munksgaard.
- Corbett, Greville 1978. Universals in the syntax of cardinal numerals. *Lingua* 46, 355–368.
- Däbritz, Chris Lasse 2021. Typology of number systems in languages of Western and Central Siberia. *Finnisch-Ugrische Forschungen* 66: 85–138.
- Enç, Mürvet 1991. The semantics of specificity. *Linguistic Inquiry* 22(1), 1–25.
- Harder, Anja 2019. *Syntaktische Strukturen im Selkupischen: Eine korpusbasierte Untersuchung der zentralen und südlichen Dialekte*. Elektronische Dissertationen und Habilitationen der Universität Hamburg. <https://ediss.sub.uni-hamburg.de/handle/ediss/6328>
- Hawkins, John 1978. *Definiteness and indefiniteness: A study in reference and grammaticality prediction*. London: Croom Helm.
- Kornfilt, Jaklin 2018. NP versus DP: Which one fits Turkish nominal phrases better? *Turkic Languages* 22 (2): 155–166.
- Kuznecova, Ariadna, Eugen Helimski, Elena Gruškina 1980. *Očerki po sel'kupskomu jazyku (tazovskij dialekt)*. Tom 1. Moscow: Izdatel'stvo MGU.
- Löbner, Sebastian 2011. Concept types and determination. *Journal of Semantics* 28: 279–333.
- Lyons, Christopher 1999. *Definiteness*. Cambridge textbooks in linguistics. Cambridge: Cambridge University Press.
- Russell, Bertrand 1905. On denoting. *Mind* 14: 479–493.
- Shlonsky, Ur 1991. Quantifiers as functional heads: A study of quantifier float in Hebrew. *Lingua* 84(2–3): 159–180.
- Sportiche, Dominique 1988. A theory of floating quantifiers and its corollaries for constituent structure. *Linguistic Inquiry* 19(3): 425–449.
- Taylor, John 1952. *Linguistic categorization — Prototypes in linguistic theory*. Oxford: Clarendon Press.

Ударение в камасинском языке и его ареальные параллели¹

Ю. В. Норманская

Институт языкознания РАН / Институт системного программирования РАН

Ударение в камасинском языке ранее не было предметом специального изучения. Как указывает А. Кюннап: «Тип ударения следует определить как динамический: ударный гласный произносится более мощным потоком воздуха. (Тоны специально не исследованы, но при их наличии они явно не образуют фонологически значимых тональных оппозиций.) По имеющимся данным, ударение не употребляется как смысловоразличительное средство. Обычно ударение падает в слове на первый гласный или на последний долгий гласный» [Кюннап 1993: 380]. С учетом того, что, как было показано в [Норманская 2018], в тундровом ненецком, южных и центральных диалектах селькупского языка представлено смысловоразличительное парадигматическое ударение, которое следует реконструировать и для прасамодийского языка, интересно проанализировать систему ударения в камасинском языке. В настоящее время для этого созданы благоприятные условия, поскольку в рамках работы Института финно-угроведения в г. Гамбурге, которым с 1997 по 2007 гг. руководил Е. А. Хелимский, создан аудио корпус камасинского языка <https://inel.corpora.uni-hamburg.de/portal/corpora/kamas/>. Он базируется на записях, которые с 1964 по 1970 год были сделаны от последних носительниц камасинского языка Клавдии Плотниковой и Александры Жибьевой.

В настоящей статье для анализа был выбран корпус аудиозаписей Клавдии Плотниковой, потому что он больше по количеству словоформ примерно в 20 раз и содержит определенное количество рефлексов прасамодийских лексем, в то время как в корпусе записей Александры Жибьевой в большинстве случаев зафиксированы тюркские заимствования с ударением на последнем слоге.

В целом, в корпусе аудиозаписей Клавдии Плотниковой, последней носительницы камасинского языка, который был ассимилирован хакасским языком, также значительно преобладают слова тюркского или неизвестного происхождения, которые имеют ударение на последнем слоге, как это характерно для тюркских язы-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФ №20-18-00403 «Цифровое описание уральских языков на основе больших данных».

ков. Но все же в нем удалось выявить 138 лексем самодийского происхождения по [SW], 22 из которых имеют ударение во всех или в части словоформ на первом слоге, и 116 лексем, которые во всех формах имеют ударение не на первом слоге. Наличие ударения на том или ином слоге устанавливалось с помощью экспериментально-фонетического анализа архивных аудиозаписей в программе Праат, который показал, что ударный слог в словоформе маркируется максимальной длительностью и интенсивностью гласного.

Представляется, что корпус аудиозаписей Клавдии Плотниковой является фактически единственным доступным источником камасинского языка, в котором возможно с помощью современных методов анализа точно установить место ударения. Он позволяет сделать описание правил постановки ударения в говоре Клавдии Плотниковой, соотнести полученные результаты с данными по ударению в архивных и опубликованных материалах.

Как показал анализ словоформ в экспериментально-фонетической программе Праат, в большинстве случаев ударный гласный маркирован максимальной длиной и интенсивностью. Но среди рассмотренных слов есть несколько исключений, когда долгота маркирует один слог, а интенсивность другой, они специально отмечены в сносках.

Для сравнения нами были привлечены:

1) Милл. — Камасинский словарь из архива А. М. Шёгрена. Материалы этого же словаря представлены в «Asia Polyglotta» Ю. Клапрота. Основой послужили самодийские словники Г. Ф. Миллера, собранные в ходе экспедиций первой половины XVIII в. По-видимому, А. М. Шёгрэн выполнил копию в 1841 г. с источника, находящегося в библиотеке Эрмитажа. Сейчас архивный словник хранится в архиве А. М. Шёгрена в Кунсткамере. В цифровом виде он представлен на ЛингвоДоке <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1393/44257/perspective/1393/44258/view>. В этом словаре представлено 250 лексем, из них 13 слов прасамодийского происхождения имеют ударение на первом слоге. Ударение отмечено с помощью акута.

2) Кастрен — архивные материалы по камасинскому языку, записанные М. А. Кастреном в первой половине XIX в. (рукописи хранятся в Национальной библиотеке Финляндии). В этих материалах в большинстве словоформ проставлено ударение, которое было опущено при издании записей академиком А. Шифнером [Schiefner 1855].

В настоящее время словарь архивных записей камасинского языка М. А. Кастрена доступен на платформе ЛингвоДок он-лайн по ссылке <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1552/656/perspective/1552/657/view?page=10>. В целом, в материалах М. А. Кастрена во всех² словоформах указано ударение с помощью акута

² Как в исконной, так и в заимствованной лексике.

не на первом слоге, но в ряде слов, например, в *Naaná* ‘брюхо’ (< ПС³ **āncə* [SW: 20]) представлен долгий гласный первого слога, что может указывать, на его маркированную большую длительность.

3) [Donner 1944] — наиболее полный изданный словарь камасинского языка, материал для которого был собран К. Доннером в первой половине XX в. В результате исследования нами было отмечено, что в словаре К. Доннера только помета ударения (гравис) над гласными⁴ соответствует ударению в других источниках. Какие внешние соответствия имеют долгие гласные у К. Доннера, пока неясно. Экспериментально-фонетический анализ записей Клавдии Плотниковой не позволил выявить каких-либо корреляций по длительности для многих гласных, отмеченных долготой у К. Доннера⁵. В настоящей статье мы не ставим также цели выявить корреляцию между ударением в записях Клавдии Плотниковой и записью гласных в виде мелких надстрочных знаков у К. Доннера. Создается впечатление, что такая запись обычно встречается в безударных слогах, но эта гипотеза нуждается в дальнейшей проверке на материале заимствований, поскольку в исконной лексике, которая имеет параллели в аудиозаписях К. Плотниковой, таких примеров недостаточно для обоснованных выводов.

Следует отметить, что в материалах М. А. Кастрена и Г. Ф. Миллера наблюдаются некоторые отличия от словаря К. Доннера с точки зрения места ударения в исконно самодийских словах, ср. Кастрен *Āmī* vs. *āmi* ‘другой’ [Donner 1944: 5] < ПС **āmāj-* [SW: 19]; Кастрен *Beedy*; Милл. *baidū* vs. *bedu*, *bedur*, *bedā*, *bādur*⁶ ‘кишки’ [Donner 1944: 9] < ПС **wetā-* [SW: 175]; Милл. *injā* vs. *īne* ‘лошадь, конь’ [Donner 1944: 22] < ПС **juntā* [SW: 49]. В связи с этим, представляется интересным сравнить материалы трех письменных источников с аудиозаписями К. Плотниковой.

Ниже приводится полный список исконных самодийских лексем, которые в аудиозаписях Клавдии Плотниковой имеют словоформы, насчитывающие два и более слогов, что позволяет определить место ударения, и их параллели из материалов М. А. Кастрена, Г. Ф. Миллера и К. Доннера⁷. Слова рассортированы на группы в зависимости от 1) прасамодийского гласного первого слога по [SW], 2) месту ударения

³ ПС — прасамодийский язык.

⁴ Знак грависа на гласных, имеющих помету дужки снизу, например, *ī* в записях К. Доннера, обозначает полудолготу.

⁵ Ср., например, *mī-lē?* ‘дать-2PL’; *mēl'em* [Donner 1944: 39] < ПС **mi-* [SW: 94]; *inē-t* ‘лошадь-NOM/GEN.3SG’; Милл. *injā*; *īne* [Donner 1944: 22] < ПС **juntā* [SW: 49].

⁶ В материалах К. Доннера не отмечен долгий гласный или дифтонг в первом слоге, который, предположительно, у М. А. Кастрена мог указывать на выделение гласного по долготе.

⁷ Ниже не привлекаются к анализу формы с суффиксами, которые являются всегда ударными, — такими, как показатель статива -*o-* и те, которые восходят в сочетании вспомогательного глагола с причастием на -*la-*.

на первом vs. не на первом слоге, 3) наличию vs. отсутствию ударения в письменных источниках, 4) совпадению vs. различию места ударения⁸ в разных источниках.

1. Прасамодийские гласные, рефлексy которых в первом слоге бывают ударными

ПС *ä

I. Ударение на первом слоге.

I.1. Есть примеры в других памятниках и место ударения в них совпадает:

- *nánā* ‘живот’, *nānā-ndā* ‘живот-LAT/LOC.3SG’; Кастрен *Naaná*; Милл. *nanja*; *nānā*¹⁰ [Donner 1944: 43] < ПС *āncā [SW: 20];
- *kādā-l-gāndā* ‘лицо-LAT/LOC.3SG’; Кастрен *Kaadēl* < ПС *kātz [SW: 65];
- *nāgur* ‘три’, *nāgur-go* ‘три-ORD’; Милл. *nagúr*¹¹ ‘три’, *nāgur-bjett* ‘тридцать’; *nāyur* [Donner 1944: 42] < ПС *nākār¹² [SW: 99];
- *nōmār* ‘мягкий’; *nōmār* [Donner 1944: 47] < ПС *nāmz [SW: 106];
- *tāld’in* (вместо *tāld’en*) ‘вчера’; Милл. *tāalyn*; *tālden* [Donner 1944: 68] < ПС *tā-, *te- [SW: 152].

I.2. Нет примеров в других памятниках слов с ударением¹³:

- *mā?ndā* ‘дом-LAT/LOC.3SG’, *mā?-nā-l* ‘дом-LAT-2SG’ < ПС *māt [SW: 90];

⁸ Предположительно, удвоенный гласный первого слога у М. А. Кастрена означал выделение по долготе, у Г. Миллера ударение отмечено акутом, у К. Доннера — грависом. Ниже случаи, когда в аудиозаписях К. Плотниковой отмечено ударение, и оно имеет такое же место в родственном слове хотя бы в одном или в нескольких источниках, а в других оно не отмечено, мы называем совпадением и приводим в первой группе.

⁹ Здесь и далее формы корпуса Клавдии Плотниковой и глоссы цитируются по <https://inel.corpora.uni-hamburg.de/portal/>.

¹⁰ Здесь и далее по К. Доннеру цитируются только те формы, которые имеют знак ударения и долготы, в случае их отсутствия, приводится только первая форма из словарной статьи. При цитировании форм К. Доннера опускаются фонологически незначимые диакритики на согласных, поскольку, как показал анализ аудиозаписей К. Плотниковой, они избыточны. Какой-либо корреляции с ударными гласными у этих диакритик также выявлено не было.

¹¹ Не вполне ясно, как объяснить отклонение в этой форме. Но, учитывая, что в *nāgur-bjett* оно маркирует первый слог, мы считаем, что формы Г. Миллера частично подтверждают аудиозаписи К. Плотниковой.

¹² Здесь и далее формы в скобках по [SW] не приводятся, поскольку они нерелевантны для настоящей статьи.

¹³ Здесь и далее для экономии места не цитируются формы из М. А. Кастрена, Г. Миллера и К. Доннера, которые не имеют указаний на ударение, поскольку все источники находятся в Интернете в открытом доступе.

- *nábê* ‘утка’ < ПС **näp* [SW: 107];
- *pá-gən* ‘дерево-LOC’, *pá-nə* ‘дерево-LAT’ < ПС **pä* [SW: 117];
- *ámnu-t*¹⁴ ‘пот-NOM/GEN.3SG’, *ámnu-t-si?* ‘пот-3SG-INS’ < ПС **ämtä* [SW: 20];
- *áŋ-də* ‘пот-NOM/GEN/ACC.3SG’, *áŋ-gəndə* ‘пот-LAT/LOC.3SG’ < ПС **äŋ* [SW: 20];
- *ám-bia-m* ‘сидеть-PST-1SG’ < ПС **ämtä*- (с.-самод.), **ämtz*- (ю.-самод.) [SW: 17].

II. Ударение НЕ на первом слоге:

II.1. Есть примеры в других памятниках и место ударения в них совпадает:

- *d'alá* день; Милл. *dschalò* < ПС **jälä* [SW: 40].

ПС **ä*

I. Ударение на первом слоге.

I.2. Нет примеров в других памятниках слов с ударением:

- *d'ór-zittə* ‘плакать-INF.LAT’¹⁵ < ПС **jârə* [SW: 38];
- *nó?-də* ‘травы-LAT’; Милл. *notn* < ПС **nâc* (ю.-самод.), **nâcə* (нган., ? сельк.), **nâcə* (ненец., энец., ?сельк.) [SW: 105];
- *tójir-* ‘украсть’, *tójir-la-m* ‘украсть-FUT-1SG’ < ПС **tālā* [SW: 150];
- *kán-zittə* ‘пойти-INF.LAT’ < ПС **kân-* [SW: 59].

II. Ударение НЕ на первом слоге.

II.1. Есть примеры в других памятниках и место ударения в них совпадает:

- *üjü-ttə* ‘нога-ABL.3SG’, *üjü-bə* ‘нога-ACC.3SG’; Милл. *ujü* ‘нога-INS’, *uŋu* [Donner 1944: 82] < ПС **äj* [SW: 17];
- *ujá-m* ‘мясо-NOM/GEN/ACC.1SG’, *ujá-t* ‘мясо-NOM/GEN.3SG’; Кастрен *Ujá*; Милл. *ujà*; *uŋa*, *uŋa* [Donner 1944: 80] < ПС **ājā* [SW: 17];
- *numó* ‘длинный’; Кастрен *Numú*; *numo* [Donner 1944: 47] < ПС **jāmpə* [SW: 37];
- *kujá-nə* ‘солнце-LAT’; Милл. *kujà* < ПС **kājā* [SW: 58];
- *surnó-gə* ‘дождь-ABL’; Милл. *surnò* < ПС **sārā-*, **sārə-* [SW: 135];
- *pārgá-gən* ‘парка-LOC’; Милл. *pərgà* < ПС **pārkā* [SW 116–117];
- *ko?bdó* девушка; Милл. *kopdò* < ПС **kāptz* [SW: 60];
- *urgó* ‘большой’; Милл. *urugà*, *urgà*; *úrɔ*, *úrɔ* [Donner 1944: 81] < ПС **ārə* [SW: 19].

¹⁴ Первый гласный *a* выделен по длительности (0,11 с. в сравнении со вторым *u*, который 0,07 с.), а второй гласный *u* выделен по интенсивности (69,89 дБ, первый гласный 67,85 дБ).

¹⁵ Форма Милл. *dschorlà* здесь не приводится, поскольку суффикс *-la* всегда перетягивает ударение на себя.

II.2. Нет примеров в других памятниках слов с ударением:

- *kóla*¹⁶ ‘рыба-NOM’, *kóla-nə* ‘рыба-LAT’, *kóla-bə* ‘рыба-ACC.3SG’, *kóla-z’i?* ‘рыба-INS’ < ПС **kālā* ‘рыба’ [SW: 59];
- *kun-ná-m* ‘нести-FUT-1SG’ < ПС **kāntā* ‘носить’ [SW: 59];
- *kudó-l-bi* ‘ругать-FRQ-PST’, *kudó-nz-lia* ‘ругать-DES-PRS.[3SG]’, *kudó-nzə-bi* ‘ругать-DES-PST.[3SG]’ < ПС **kātā* ‘ругаться’ [SW: 61];
- *unú* ‘вошь’ < ПС **āncə* ‘вошь’ [SW: 18];
- *mān-liá* ‘сказать-PRS.[3SG]’ < ПС **mā-*, **mān-* [SW: 88];
- *bozó-bi* ‘мыть-PST.[3SG]’ < ПС **māsā* [SW: 89];
- *bāda-bi* ‘кормить-PST.[3SG]’, *bāda-bi-ŋi* ‘кормить-PST-3PL’ < ПС **wātā* ‘растить, кормить’, **wātā* ‘расти’ [SW: 172];
- *ku-nú* ‘ухо-LAT’ < ПС **kāw* [SW: 62].

ПС **ɛ*

I. Ударение на первом слоге:

I.2. Нет примеров в других памятниках слов с ударением:

- *lé-i-zittə* ‘кость-VBLZ-INF.LAT’, *lé-ŋi* ‘кость-NOM/GEN/ACC.3PL’ < ПС **lɛ* [SW: 82];
- *mén-zi* ‘собака-INS’ < ПС **wɛn* [SW: 173];
- *kém-də* ‘кровь-NOM/GEN/ACC.3SG’ < ПС **kɛm* [SW: 65].

II. Ударение НЕ на первом слоге:

II.1. Есть примеры в других памятниках и место ударения в них совпадает:

- *siré* ‘белый’; Милл. *siri* < ПС **sɛr* [SW: 138];
- *eʔbdé-m* ‘волосы-NOM/GEN/ACC.3SG’; Кастрен *Äbdé*, *eʔBDi* [Donner 1944: 19] < ПС **ɛptə* [SW: 21].

II.2. Нет примеров в других памятниках слов с ударением:

- *keʔbdé* ‘ягода’ < ПС **keptə* [SW: 66].

ПС **e*

I. Ударение на первом слоге:

I.1. Есть примеры в других памятниках и место ударения в них совпадает:

- *téʔtə* ‘четыре’; Милл. *tjätti*; *t’ɛ’də* [Donner 1944: 69] < ПС **teʔtə* [SW: 159].

¹⁶ В большинстве рассмотренных форм первый гласный в слове более интенсивный, второй более длительный. Однозначно решить вопрос о месте ударения сложно.

I.2. Нет примеров в других памятниках слов с ударением:

- *né-j-zittā* ‘жениться-VBLZ-INF.LAT’, *né-t-si?* ‘женщина-3SG-INS’, *né-nā* ‘женщина-LAT’ < ПС **ne* [SW: 100];
- *šér-zittā* ‘надеть-INF.LAT’ < ПС **ker-* [SW: 68];
- *p'él-dā* ‘половина-NOM/GEN/ACC.3SG’ < ПС **pelä* [SW: 120];
- *měj-ām* ‘невестка’ < ПС **mej^lä* [SW: 92];
- *n'é?-sittā* ‘тянуть-INF.LAT’, *n'é?-pi-?i* ‘тянуть-PST-3PL’ < ПС **nek-* [SW: 100].

II. Ударение НЕ на первом слоге:

II.1. Есть примеры в других памятниках и место ударения в них совпадает:

- *šisəgí* ‘холодный’, Милл. *schischíga*; *šišš^gge* [Donner 1944: 64] < ПС **te³sə* [SW: 159];
- *bazá-j* ‘железо’, Милл. *basà* < ПС **wesä* [SW: 175].

II.2. Нет примеров в других памятниках слов с ударением:

- *tenó-bi* ‘думать-PST.[3SG]’ < ПС **tenä-* [SW: 157];
- *sedém* ‘трудный’ < ПС **sec-* [SW: 139].

ПС **i*

I. Ударение на первом слоге.

I.2. Нет примеров в других памятниках слов с ударением:

- *édā-s'tā* ‘вешать-INF.LAT’ < ПС **itə-* [SW: 25].

II. Ударение НЕ на первом слоге:

II.2. Нет примеров в других памятниках слов с ударением:

- *sīré-gā* ‘снег-ABL’ < ПС **sīrā* [SW: 140];
- *pūjé-t-si?* ‘нос-3SG-INS’ < ПС **pījā*, **pujā* [SW: 122].

ПС **ā*

I. Ударение на первом слоге.

I.2. Нет примеров в других памятниках слов с ударением:

- *káj-zittā* ‘закрывать-PST.[3SG]’ < ПС **kāñā-* [SW: 53];
- *éd-lia* ‘быть.видным-PRS.3SG’ < ПС **ālā-* [SW: 16].

II. Ударение НЕ на первом слоге.

II.1. Есть примеры в других памятниках и место ударения в них совпадает:

- *tomó* ‘мышь’, *tumó-?i-m* ‘мышь-PL-ACC’; Милл. *tumo*; *t'umō* [Donner 1944: 74] < ПС **tāmā* [SW: 146];

— *bâgâl-gândâ* (вместо *bögâl-gândâ*) ‘спина-LAT/LOC.3SG’, Милл. *bagʷn*; Р *багы́нъ*; *bēgâl* [Donner 1944: 9] < ПС **mâkâ* [SW: 85].

II.2. Есть примеры в других памятниках и место ударения в них НЕ совпадает:

- *munâj-ʔ* ‘яйцо’, Кастрен *Muný*; *muñəj* [Donner 1944: 41] vs. Милл. *múni* < ПС **mânâ* [SW: 86];
- *d'âgâ-nâ* ‘река-LAT’ vs. Милл. *dschâga* < ПС **jâkâ* [SW: 35];
- *sumná* ‘пять’ vs. Милл. *súmulan* < ПС **sâmpâ* [SW: 133];
- *muktúʔ* ‘шесть’ vs. Милл. *múktutn*; *muḵtuʔ*, *muktu*: [Donner 1944: 41, 195] < ПС **mâktât* [SW: 85].

II.3. Нет примеров в других памятниках слов с ударением:

- *es-seŋ-dâ* ‘ребенок-PL-NOM/GEN/ACC.3SG’ < ПС **ât s¹ z* [SW: 16];
- *kajél-dâ* ‘слеза-NOM/GEN/ACC.3SG’ < ПС **kânâ lā*- [SW: 53];
- *d'ogâr-zittâ* (вместо *d'agar-zittâ*) ‘зарезать-INF.LAT’ < ПС **jâkâ*- [SW: 34];
- *koda-ʔi* (вместо *kada-ʔi*) ‘ноготь, коготь-PI’ < ПС **kâtâ* [SW: 55];
- *mojâ-gən* (вместо *mâja-gən*) ‘гора-LOC’ < ПС **mâjâ* [SW: 85];
- *amór-zittâ* ‘есть-INF.LAT’ < ПС **â mājir*- [SW: 14].

2. Прасамодийские гласные, рефлексy которых в первом слоге никогда не бывают ударными

ПС **o*

I. Ударение НЕ на первом слоге:

I.1. Есть примеры в других памятниках и место ударения в них совпадает:

- *kubâ-gən* ‘кожа-LOC’, *kubá* ‘кожа’, *kuba-ʔi* ‘кожа-PL’; Кастрен *Kuwá*; *k'uba* [Donner 1944: 33] < ПС **korâ* [SW: 73].

I.2. Нет примеров в других памятниках слов с ударением:

- *tu-zaŋ-dâ* ‘ветка-PL-NOM/GEN/ACC.3SG’ < ПС **mo* [SW: 95];
- *ulú-t* ‘голова-NOM/GEN.3SG’, *ulú-l* ‘голова-NOM/GEN/ACC.2SG’, *ólu-ziʔ* ‘голова-INS’, *ólu-gən* ‘голова-LOC’¹⁷ < ПС **olâ* [SW: 29].

ПС **i*

I. Ударение НЕ на первом слоге:

I.1. Есть примеры в других памятниках и место ударения в них совпадает:

¹⁷ Последние две формы являются исключениями из указанного правила о том, что ударение не падает на рефлексy ПС **o* в первом слоге. Вероятно, это связано с тем, что в них сохранилось ПС **o*, которое обычно переходит в *u*.

- *piʔmá* ‘штаны’; Милл. *pitmjà* < ПС **pit³mä* [SW: 127];
- *šidô* ‘два’; Милл. *schidjä* < ПС **kitä-*, **kitâ-* [SW: 72];
- *tibi-m* ‘мужчина-1SG’, Кастрен *Thibí* ‘мужик’; Милл. *tubý* ‘муж’ < ПС **tipä* [SW: 163];
- *d'il'új* ‘живой’; Кастрен *Tjilí*; Милл. *dschilé* < ПС **ilä-* (нган., сельк., тайг.), **jilä-* [SW: 27].

I.2. Нет примеров в других памятниках слов с ударением:

- *šúʔdər-bi-m* ‘просыпаться-PST-1SG’ < ПС **kitä-*, **kitâ-* [SW: 72];
- *mím-bi-béʔ* ‘идти-PST-1PL’ < ПС **min-* [SW: 94];
- *ši-ʔi* ‘отверстие-NOM/GEN/ACC.3PL’ < ПС **kî* [SW: 69];
- *tîl-zittä* ‘копать-INF.LAT’ < ПС **tiĭ-* (ю.-самод.), **tül-* (с.-самод.) [SW: 163];
- *tímé* ‘зуб’, *tímé-zeŋ-dä* ‘зуб-PL-NOM/GEN/ACC.3SG’ < ПС **timä* [SW: 163];
- *tîm-ne-m* ‘знать-PRS-1SG’ < ПС **t¹umt¹ä* ‘знать’ [SW: 167];
- *mî-léʔ* ‘дать-2PL’ < ПС **mi-* [SW: 94];
- *bîd-é-ʔ* ‘пить-EP-CNG’ < ПС **witä-* [SW: 176].

ПС **u*

I. Ударение НЕ на первом слоге:

I.1. Есть примеры в других памятниках и место ударения в них совпадает:

- *muʔséŋ-dä* ‘борода-NOM/GEN/ACC.3SG’, Милл. *mulsèn* < ПС **munt¹äjt³sən* [SW: 96];
- *udä-m* ‘рука-NOM/GEN/ACC.1SG’, *udä-t-ziʔ* ‘рука-3SG-INS’, *udä-ndä* ‘рука-LAT/LOC.3SG’; Кастрен *Udá*; *uDa* [Donner 1944: 80] < ПС **utä* [SW: 30];
- *iné-t* ‘лошадь-NOM/GEN.3SG’; Милл. *injä*; *inë* [Donner 1944: 22] < ПС **juntä* [SW: 49].

I.2. Нет примеров в других памятниках слов с ударением:

- *mon-zäŋ-bä* ‘губа-NOM/GEN/ACC.3SG’ < ПС **mun* [SW: 95];
- *nu-zittä* ‘стоять-INF.LAT’ < ПС **nu-* [SW: 104];
- *numán-* ‘молиться’ < ПС **num-* [SW: 104];
- *kund'ó* ‘долго’ < ПС **kuntä* [SW: 78].

ПС **ü*

I. Ударение НЕ на первом слоге:

I.1. Есть примеры в других памятниках и место ударения в них совпадает:

- *üd'ügé-* ‘маленький’; Милл. *udschgå*; *ud'žuge* [Donner 1944: 82] < ПС **ücä* [SW: 31].

Подводя итоги проведенного анализа, можно установить, что в аудиозаписях Клавдии Плотниковой место ударения зависит от характера синхронных камасинских гласных первого и второго слогов. Можно предложить следующее правило:

- ударение падает на первый слог — в словах с камасинскими гласными широкими *a, e, o, ö* первого слога и гласными второго слога *ə, i, u*;
- ударение падает не на первый слог во всех остальных случаях.

В рассмотренном материале аудиозаписей К. Плотниковой есть несколько исключений из этого правила:

- *śú?dər-bi-m* ‘просыпаться-PST-1SG’ < ПС **kitä-, *kitä-* [SW: 72];
- *ĩm-ne-m* ‘знать-PRS-1SG’ < ПС **t¹umt¹ə* ‘знать’ [SW: 167].

В этих словах становятся ударными узкие гласные. В целом, учитывая, что пример на *ü* в рассматриваемом массиве примеров только один, нельзя исключить, что это правило об удлинении действовало и для *ü*.

Еще одним исключением из предложенного правила является *amí* ‘другой’; Кастрен *Āmí; āmi* [Donner 1944: 5] < ПС **āmāj* [SW: 19], где ожидалось бы ударение на первом слоге. Но, возможно, в слове *amí* большая длительность *i* связана с тем, что оно имеет дифтонгическое происхождение и является рефлексом ПС **-āj*. Как было отмечено выше, именно это слово является одним из немногих примеров различий выделения гласного по долготе и ударению у М. А. Кастрена и К. Доннера: Кастрен *Āmí* vs. *āmi* ‘другой’ [Donner 1944: 5].

Как можно видеть из проведенного анализа, место ударения или долготы (удвоенного гласного у М. А. Кастрена) во всех рассмотренных лексемах за исключением четырех словоформ¹⁸ с ПС **ə*, которые в материалах Г. Ф. Миллера имеют ударение на первом слоге, практически во всех источниках совпадает.

Интересно, что в хакасском языке, носители которого и ассимилировали камасинцев, описано правило удлинения гласных первого слога в подмножестве позиций, выявленных для камасинского: как указывается в [Боргояков 1966], в хакасском языке удлинение гласного первого слога происходит перед узкими гласными второго слога: *ы, и*, но не происходит перед узкими гласными *у* и *ү* [Боргояков, 1966].

Как отмечается в [Федина, Широбокова 2019], удлинение широких гласных открытого слога перед узким гласным следующего слога присутствует и в ряде других тюркских языков: «М. Рясяненем данная закономерность зафиксирована для тюркских языков Поволжья — татарского, башкирского, чувашского [1955: 42, 58],

¹⁸ Эти исключения — Милл. *dschāga* ‘река’ < ПС **jākā* [SW: 35], Милл. *mūni* ‘яйцо’ < ПС **mānā* [SW: 86]; Милл. *sūmulan* ‘пять’ < ПС **sāmpā* [SW: 133]; Милл. *mūktutn* < ПС **māktāt* [SW: 85]. Интересно, что все они представлены в словах с рефлексом ПС **ə* в первом слоге. В настоящее время, не очень понятно, с чем они связаны, поскольку это не может быть архаизмом: в прасамодийском языке **ə* в первом слоге никогда не была ударной.

Н. К. Дмитриевым — для туркменского [1955], В. И. Филоненко — для балкарского языка [1940: 12–13], Л. П. Покровской — для гагаузского [1964: 37–38], Р. М. Бирюкович — для чулымско-тюркского [1975: 55–67]. В шорском языке на данное явление обратила внимание Н. П. Дыренкова [1941: 22–23], а за ней Н. В. Шавлова [1983: 9–10]. И. Я. Селютина отмечает удлинение широких гласных перед узким гласным в кумандинском языке, причем не только перед и и *ы*, но и перед узкими гласными у и *ү* [1986: 27; 1998: 48]. Позиционную долготу широких гласных открытого слога перед слогом с узким гласным в тубинском диалекте алтайского языка отмечает С. Б. Сарбашева [2004: 84]». В [Федина, Широбокова 2019] это явление было отмечено и для двусложных слов с открытым первым слогом в чалканском языке.

Как было показано в [Норманская 2013], это явление было отмечено и в койбальских (хакасских¹⁹) записях М. А. Кастрена (начало XIX в.). Но во времена М. А. Кастрена удлинение захватывало гораздо больше слов, чем в настоящее время. Как показано в [Норманская 2013: 89], «в XIX в., в отличие от современных языков, в нескольких случаях удлинение затронуло не только широкие гласные первого слога, но и узкие, например: *lizerek* < ПТю **ēsür*- ‘пьянеть’ (> хак. *izâr*-), *lirkín* < ПТю **erge* ‘часть юрты рядом с дверью, порог, лестница’ (> хак. *irkân* ‘порог’). Оно действовало не только в открытом слоге, но и перед сочетанием с сонантами, например: *Oorté* ‘место’ < ПТю **or*- ‘место, дворец, берлога, логово, середина’ (> хак. *ortî* ‘место’»).

Таким образом, можно предполагать, что в XIX в. этот процесс, характерный для многих тюркских языков, в хакасском языке был представлен в большем числе позиций, и индуцировал аналогичные изменения в исконных самодийских словах камасинского языка у последней носительницы Клавдии Плотниковой.

Список сокращений

нган. — нганасанский язык

ненец. — ненецкий язык

ПТю — пратюркский язык

с.-самод. — северно-самодийские языки

сельк. — селькупский язык

тайг. — тайгийский язык

хак. — хакасский язык

энец. — энецкий язык

ю.-самод. — южно-самодийские языки

¹⁹ В архиве Кастрена под обозначением «койбальский» зафиксированы данные по хакасскому языку. Это связано с тем, что население, которое, по данным Г. И. Спасского, еще в 1806 г. владело койбальским (самодийским) языком, в результате постоянных контактов с хакасами полностью перешло на их язык в ситуации более высокого положения тюрков в племенном союзе [Potapov 1957].

Литература

- Бирюкович, Р. М. 1975. О первичных долгих гласных в чулымско-тюркском языке. *Советская тюркология* 6: 55–67.
- Боргояков, М. И. 1966. Об образовании и развитии некоторых долгих гласных в хакасском языке. *Учен. зап. Хакасского НИИЯЛИ*. 12: 81–98.
- Дмитриев, Н. К. 1955. Долгие гласные в туркменском языке. *Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Фонетика*. Т. 1, 182–191.
- Дыренкова, Н. П. 1941. *Грамматика шорского языка*. Отв. ред. С. Е. Малов. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Кюннап, А. 1993. Камасинский язык. *Языки мира: Уральские языки*. М., 380–388.
- Норманская, Ю. В. 2013. К 200-летию со дня рождения Матиаса Александра Кастрена (1813–1852). Новые данные из архива М. А. Кастрена и соотнесение их с материалом современных языков. *Урало-алтайские исследования* 3 (10): 76–91.
- Норманская, Ю. В. 2018. *Реконструкция прауральского разноместного ударения и его влияние на развитие системы вокализма*. М.: Языки мира.
- Покровская, Л. П. 1964. *Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология*. М.
- Рясянен, М. 1955. *Материалы по исторической фонетике тюркских языков* / Пер. с нем. А. А. Юлдашева; под ред. Н. А. Баскакова. М.
- Сарбашева, С. Б. 2004. *Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте)*. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Селютина, И. Я. 1986. Квантитативность кумандинских гласных. *Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов*. Новосибирск, 23–26.
- Федина, Н. Н., Н. Н. Широбокова 2019. Вокализм чалканского языка. *Сибирский филологический журнал* 3: 244–258.
- Филоненко, В. И. 1940. *Грамматика балкарского языка*. Нальчик.
- Шавлова, Н. В. 1983. *Словесное ударение в нижнемрасском говоре шорского языка*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата.
- Donner, K. 1944. *Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzüge der Grammatik*. Bearb. und herausg. von A. J. Joki. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Potapov L. P. 1957. Zum Problem der Herkunft und Ethnogenese der Koibalen und Motoren. *Journal de la Société Finno-Ougrienne* 59: 1–104.
- Schiefner, Anton (Hrsg.) 1855. M. Alexander Castréns Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. (Nordische Reisen und Forschungen 8.) St. Petersburg. [Nachdruck: Leipzig 1969].
- SW = Janhunen, J. 1977. *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.

The Kamas repetitive adverb *bazoʔ* ‘again, in addition, in turn, back again’

Gerson Klumpp

University of Tartu

1. Introduction

For the Kamas adverb *bazoʔ*, glossaries and grammar sketches report the two meanings (i) ‘again, anew’ (German ‘wieder, aufs neue’, Russian ‘опять’, Swedish ‘ännu’) and (ii) ‘in addition, another, one more’ (German ‘noch’¹, Russian ‘ещё’, Swedish ‘ånyo’): *bāzoʔ*, *bāzuʔ* ‘aufs neue, wieder; noch’ (KW: 8b, 185), *baazóʔ*, *baazoʔ* ‘опять; еще / ännu; ånyo’, *baazoʔ* ‘опять; ещё’ (Castrén 1847: 91, 218), *bâzoʔ* ‘noch’ (Castrén 1855: 191), *bazoʔ* ‘aufs Neue; noch’ (Castrén 1854: 601), and in the Koybal dialect *базы* ‘ещё’ (Spasskij 1806: 39). The word is a borrowing from South Siberian Turkic (Joki 1952: 84–85), where it means ‘again, once more’, e.g., Literary Xakas *пазоx* ‘ещё раз’ (XRS 1980: 139), Qoybal, Qaragas *bazók* ‘widerum’ (Castrén 1857: 125, 164). The Turkic word actually consists of two parts, namely, a repetitive adverb *paza*, *baza* ‘also, another; again’ (Radloff 1960 IV: 1193, XRS 1980: 139, Castrén 1857: 125, 164) plus an enclitic additive particle =*ok*/=*ök* ‘also’ (Radloff 1960 I: 991–992, XRS 1980: 133, Castrén 1857: 85, 134). The Turkic word-final consonant *k* ~ *x* became a glottal stop in Kamas. This glottal stop may also be dropped or assimilated with a following consonant (cf. Joki 1952: 85). The vowel of the second syllable may be reduced (see the phonetic variants in KW: 8b). The spelling of the Koybal form <базы> thus suggests a reading [bazəʔ]. The borrowed adverb is attested only in Kamas and Koybal, but neither in the other Sayan Samoyed language Mator, nor in any South Selkup dialect which had been in contact with Turkic. The two components of the Turkic word do not occur as separate borrowings in Kamas.²

¹ Cf. Umbach (2012: 1844) on German *noch*: “The additive reading of *noch* cannot be translated into English by a focus particle — neither *still* nor *even* nor *also/too* are equivalent. Translation is usually provided by *in addition* (unstressed variant) and *another, one more* (stressed variant)”.

² In Kott, a Yeniseic language of the area, an equivalent adverb is attested, in which the same Turkic additive particle figures on an indigenous stem: *inšo*, *inšōx* ‘noch; widerum’ (Castrén 1858: 249, 260). One may note that the Kott stem *inš(-)* differs from the Proto-Yeniseic stem with the same meaning **pʰasə* ‘noch’ (Werner 2002, Vol. 2: 304), which, on the other hand, shows striking similarity to the South Siberian Turkic word *paza* ‘auch, noch’ (Radloff 1960 IV: 1542). Radloff’s dictionary,

In the Kamas text corpus, along with the aforementioned meanings, two additional meanings of *bazo?* can be observed, namely, (iii) ‘in turn’ and (iv) ‘back again’. As is generally known, the Kamas text corpus consists of two unequal parts: a small corpus of approximately 3,500 words recorded by Kai Donner from two speakers in 1912–1914, at a time when a small community held the language still in use (see KW: XXXVII–XLI), and a larger corpus of ca. 61,000 words recorded by Ago Künnap from two reactivated rememberers in the 1960s and early 1970s (see e.g. Künnap 1991). With the exception of four fragmentarily preserved phonograph recordings (see Klumpp 2013) the Donner materials consist of the writings as published by A. J. Joki in KW. The Künnap materials, in contrast, consist of tape recordings that were fully transcribed only recently and published along with the Donner texts in the Hamburg INEL Kamas corpus (see Arkhipov et al. 2019, Gusev et al. 2019). Altogether there are 203 instances of *bazo?* in the texts, 20 in the Donner texts (19 in the published texts and one in the unpublished phonograph recordings³), and 183 in the Künnap texts.⁴ From the Künnap texts, seven instances have been sorted out because of unintelligible contexts so that the actual numbers relevant for the present article are $19 + 176 = 195$.

Two typical instances of the reading ‘again’ of *bazo?* are illustrated in (1b). In the first instance, the adverb occurs in clause-initial position, and in the second instance in preverbal position. Note that in the examples cited in this article, the text in (a) always introduces a preceding event which provides the frame for the repeated event in (b), which may be followed by further repetitions (c), (d), etc. The reference to the INEL corpus contains the relevant sentence numbers. In examples from the Donner texts, I add the tale number as in KW. Where necessary, transcription, glossings and translations have been slightly adapted.

(1) AA_1914_Girl_flk.007, 014 (Tale 10 in KW)

- a. *būze tuno-bi urgāba mo-la? aʔt̪-gən kalla? nō-bi.*
 man run-PST.3SG bear become-CV road-LOC go.CV stand.DUR-PST.3SG
 ‘The man ran and turned into a bear. He went and stood on the road.’
- b. ***bazo?** dī būze urgāba mo-bīza **bazo?** aʔt̪-gən nu-laʔbə.*
 REP DEM man bear become-CV:ANT REP road-LOC stand-DUR.PRS.3SG
 ‘Again the man having turned into a bear was again standing on the road.’

in addition to the South Siberian Turkic and Uyghur forms, mentions a Sart word *baz* ‘noch, wiederum’ for which Persian origin is indicated. Radloff seems not to link the Sart word to the South Siberian Turkic word *paza*, for which Joki (1952: 85), finally, suggests a Mongolic origin.

³ See file SU0233 at the Archive of Dialects and Related Languages of Estonian at Tartu University (<http://www.murre.ut.ee/arhiiv/>), digits 7.16–7.22. The understanding of the text passage is currently not sufficient to include the example into the present research.

⁴ In the Künnap texts 54 instances are spelled *bazo* (without the glottal stop), which is a free variant with no difference in meaning.

The function of *bazo?* in (1b) is that of a repetitive adverb, which presupposes a preceding event of the same kind as the one asserted in the clause it occurs in. In the definition by Tovená and Donazzan (2008: 87), an adverb of repetition “does not modify in a direct way the assertive content of the sentence in which it occurs, but adds to its presupposed content the piece of information that there exists (at least) another event that temporally precedes the asserted one and shares with it some relevant property”. The authors spell out two core semantic conditions for repetitive adverbs: (i) Ordering of the two events in time such that “the asserted event is the repeated one and must follow the presupposed event(s)”; (ii) “Existence of a shared property that characterizes the asserted event as being the repetition of the presupposed one” (Tovená and Donazzan 2008: 90). Both conditions are satisfied with *bazo?* in (1b). In fact, except for event time, (1a) and (1b) share not one, but all properties: the same man turns into the same bear and stands on the same road. In Section 2, the reading ‘again’ of *bazo?* is investigated in more detail. While the temporal ordering of the two events does not raise any doubts, the exact character of their relevant shared properties needs clarification. As will be seen, full identity as in (1a, b) is not the only felicitous constellation for the use of *bazo?* in the meaning ‘again’.

In their analysis of repetitive adverbs, Tovená and Donazzan include also operators which are often called *additive*, as e.g. the aforementioned German *noch* (Umbach 2012), i.e. operators which fall into the domain of the second meaning of *bazo?* ‘in addition, another, one more’. This meaning is illustrated in (2b).

(2) PKZ_196X_SU0229.069, 071

- a. *diğəttə šestra-nə ni-t mǎ-bie-m tüzöj, i ular mǎ-bie-m.*
 then sister-LAT son-3SG give-PST-1SG cow also sheep give-PST-1SG
 ‘Then I gave a cow to the son of my sister, and also a sheep I gave.’
- b. *diğəttə oñi? ne-nə bazo büzo mǎ-bie-m.*
 then one woman-LAT REP calf give-PST-1SG
 ‘Then, in addition, I gave a calf to a woman.’

In (2b), the predicate in the scope of the adverb is a repetition of the events in (2a) only to the degree that the speaker-subject again gives some farm animal to somebody, but the actual animals and also the recipients differ. A translation with ‘again’ would not be felicitous here, instead ‘in addition’ applies. (The German equivalent would be unstressed *noch* as in ‘Dann habe ich noch einer FRAU ein KALB gegeben’). Instances like (2b) will be discussed in Section 3. Following Tovená and Donazzan (2008), I keep the term *repetitive adverb* also for these instances because the notion of re-, not co-occurrence seems to be a crucial component of Kamas *bazo?*. This also holds for the rarer meanings ‘in turn’ and ‘back again’, which will be treated in Sections 4 and 5, respectively. I also prefer the term *repetitive adverb* over the competing term *iterative particle* sometimes used for words like German *wieder*, or English *again* (see e.g. Goebel 2020: 184, Tiemann et al. 2015).

While this article deals in detail only with *bazo?*, it should not go unmentioned that the adverb in question is not the only repetitive and/or additive operator in Kamas. Others are the enclitic particle =gö, e.g. *ine=gö* ‘noch ein Pferd (another horse)’ (KW: 190), whose syntactic and semantic functional range is quite unclear because it is not attested in any text. One may assume that it is a functional equivalent to the South Siberian Turkic particle =ok/=ök mentioned in the beginning. This topic shall not be pursued here. All other operators are earlier or later borrowings from Russian. Already in the Donner texts, we find the conjunction *i* ‘also, and’ (copied from Russian и) and the adverb *iššo* ‘still, yet, another’ (copied from Russian ещё). The first one connects events (x occurred and also y occurred), not presupposing that the second event would share reoccurring properties with the first one. There are three such instances in the Donner texts. I did not count the multitudinous instances in the Künnap texts. The other one, *iššo*, clearly overlaps with the meaning ‘another’ of *bazo?* and will be discussed in Section 3.3. In the Künnap texts, two more Russian operators appear: the additive focus particle *tože* ‘also, too’ (copied from Russian тоже), and the enclitic particle =že in additive use (copied from Russian же). They do not occur with proper repetitions, but relate the expression in their scope to another utterance, predicate or argument. I will come back to *tože* in Section 2, but the 14 instances of additive =že will not be discussed in this contribution.

In the following sections 2–5, I turn to the four different meanings of *bazo?* in the order as in the title of the paper: ‘again’, ‘in addition...’, ‘in turn’, and ‘back again’. Wherever possible, I will point out changes which may be identified between the Donner and the Künnap texts. Results are summarized in Section 6.

2. ‘Again’

In both subcorpora, the majority of instances of *bazo?* occurs with the unchallenged meaning ‘again’ (14 out of 19 in the Donner texts and ca. 140 out of 176 in the Künnap texts⁵). There are (at least) three subtypes which will be discussed in the following order in the next subsections: repetitive proper (2.1), repetitive-restitutive (2.2), and repetitive with differing arguments, which may have a given referent (2.3.1), or a new referent (2.3.2).

⁵ The examples were classified on the basis of their (often quite long) contexts. In some instances several readings are possible. The actual translations in the corpus reflect choices by the editors. Neither for the Donner, nor for the Künnap texts are original Russian translations by bilingual speakers available. The greatest part of the translations of the Künnap texts was provided by the INEL team. Here, the Russian translation is often the closest one. Besides опять ‘again’ we find снова and вновь ‘anew’, ещё ‘another, in addition, (к) другой ‘(to) another’, тоже ‘also’, дальше ‘further’, назад and обратно ‘back’ as well as forms of the verb вернуться ‘return’, and others. Naturally, the English and German translations show a lot of variation too.

2.1. *Repetitive proper* means that the reoccurring event differs from the preceding event only in time, but their predicates and arguments are the same. Typical instances of the proper repetitive function were already presented in (1b) above, two more are presented in (3b–c) and (4b–c). The examples consist of parallel text passages from the two different Kamas text corpora, (3) from a tale recorded by Donner and (4) from a renarration of the same tale recorded by Künnap. Two children sit at the side of a road and whistle upon the arrivals of different horsemen.⁶ In all four instances, the adverb stands in the typical pre-verbal position.

(3) AA_1914_Brothers_flk.021, 26, 33 (Tale 6 in KW)

- a. *dī-zeŋ šündā-bi-i?*
DEM-PL whistle-PST-3PL
‘They whistled.’
- b. ***bazo?** šündā-lü?-bi-i?*
REP whistle-MOM-PST-3PL
‘They whistled again.’
- c. *dī-zeŋ essen **bazo?** šündā-bi-i?*
DEM-PL child.PL REP whistle-PST-3PL
‘They, the children, whistled again.’

(4) PKZ_196X_SU0223.005, 013, 019

- a. *dīgəttə oŋi? svistnul tǎŋ*
then one whistle.MOM.PST.3SG.MASC (Ru.) strong
‘Then one [of them] whistled forcefully.’
- b. *dīgəttə dī-zeŋ **bazo?** svistnul[i]* (...) *(...)*
then DEM-PL REP whistle.MOM.PST.3PL (Ru.)
‘Then they whistled again (...)’
- c. *dī-zeŋ **bazo?** svistnuli*
DEM-PL REP whistle.MOM.PST.3PL (Ru.)
‘They whistled again.’

As concerns the identity of arguments, one may observe a slight irritation: in (4a), one of the children whistles, but in (4b, c) both of them, so there is only partial identity between the subject arguments of (4a) and (4b). It may suffice here to observe that this does, obviously, not challenge a felicitous reading in terms of ‘again’.

2.2. *Restitutive* means that the part of an event which is perceived as a repetition is not necessarily the action itself, but its result, e.g. *Tina closed the window again* may mean that Tina caused the window to be again in the state of being closed, but in the fact she

⁶ These horsemen are “heroes” in the Donner tale, but “wizards” in the Künnap tale. This detail may be remembered later in the article.

has never closed it before. There is an immense amount of literature on the repetitive-restitutive ambiguity of English *again* and German *wieder* (see e.g. Blackham 2017 for an overview, or Gergel and Beck 2015 with a diachronic perspective on *again*). The two different meanings may be distinguished by stress, e.g. German stressed *wieder* is repetitive, unstressed *wieder* restitutive (Fabricius-Hansen 1983: 98), or by combination with adverbs (German *wieder* ~ *wieder zurück*, English *back* ~ *back again*), or languages may have several repetitive adverbs of which some are ambiguous, others not: e.g. in Hungarian, *megint* shows both readings, but *ismét* only the repetitive reading (Csirmaz 2015). In the Kamas data I find it difficult, sometimes even impossible, to decide in which cases the use of *bazo?* is repetitive and in which cases restitutive because often both readings apply at the same time. E.g. in (1b) above, the second instance ('standing on the road again') may well be read as restitutive if the road is the place where the bear usually lingers. Another ambiguous case is (5)–(6), again from parallel versions of a tale. The tale is about a man and a woman who run out of food, acquire life-stock, lose it, and in the end find themselves starving again. Note that the predicates in (5a–b) are of a co-hyponymic relation (run out of food, starve), in (6a–b) they are identical.

(5) AA_1914_Head_flk.002, 050 (Tale 9 in KW)

- a. *dĩ-zen am-žət-tən nag-o-uʔ-bi* (...)
 DEM-PL.GEN eat-INF-3PL NEG.EXIST-DUR-MOM-PST.3SG
 'They had run out of food.'
- b. *dĩ nüke büže ĩmbi-dən=də naga, bazo? püjō-lāmnə-bi.*
 DEM woman man what-3PL=INDEF NEG.EXIST.PRS.3SG REP hunger-DUR-PST
 'The woman and the man were left with nothing, they were starving again.'

(6) PKZ_196X_SU0225.156, 207

- a. *dĩ-zen ĩmbi=də nag-o-bi* (...)
 DEM-PL.GEN what=INDEF NEG.EXIST-DUR-PST.3SG
 'They had nothing (...).'
- b. [...] *ĩmbi=də bazo? naga dĩ-zeŋ-də*
 what=INDEF REP NEG.EXIST.PRS.3SG DEM-PL-LAT
 '[...] again they have nothing'.

I call the use of *bazo?* as in (5b) and (6b) repetitive-restitutive, and I found such ambiguity in 5 of the 14 *again*-instances of the Donner texts, and in approximately one third of the 140 instances of the Künnap texts. However, if one looks for examples in which the context clearly reveals that it is not about a reoccurring action but only about the restitution of a former state (e.g., something was lost and somebody brings it back), the number is much smaller (0 in the Donner texts, 16 in the Künnap texts). These are instances of the counterdirectional meaning 'back again', in which *bazo?* is competing with the spatial adverb 'back(ward)'. These cases will be discussed separately in Section 5.

2.3. The third type of ‘again’ to be discussed here is repetitive, but with differing arguments, given or new. As stated by Tovená and Donazzan (2008: 90), the preceding and the reoccurring event must have “a shared property that characterizes the asserted event as being the repetition of the presupposed one”. Later in their article they go on: “The presupposed property denotes a set of events and is a hypernym of the property characterising the asserted event and of those for the antecedents. Hence, alternatives, i.e. asserted event and antecedents, are characterised by co-hyponym properties” (op. cit.: 103). In (5) above, we found such a co-hyponymic relation between the predicates ‘run out of food’ in (5a) and ‘starve’ in (5b). In the present section, I want to find out, to what degree co-hyponymy of arguments is crucial for readings of ‘again’. The discussion begins with argument expressions whose referent is given (2.3.1) and continues with argument expressions with a new referent (2.3.2).

2.3.1. In (7b), there is a pronominal goal expression ‘to her’. The referent of the expression is a girl who spends night in a forest hut in order to be visited by Jack Frost and obtain a treasure from him. The adverb *bazo?* presupposes that such a visit has occurred before, and in fact it did, but not with this girl, but with her stepsister. For the two girls, a number of co-hyponymic relations can be established: they are both daughters in the same family, they are both girls who are determined to spend the night in the forest hut, they are both proven by Jack Frost (no matter what other properties they share), and so on. The pronominal reference, in opposition to a lexical expression, does not contribute any new property that might challenge the understanding that the second visit qualifies as a repetition. The same holds also for the possessive lexical expression in (8b) (‘his horse’), which repeats the constellation of (8a), albeit with a different horse and a different owner.

(7) PKZ_196X_Morozko_flk014, 044

- a. *šiššəge šonə-ga.*
cold come-PRS.3SG
‘The Frost comes [to her].’
- b. *dīgəttə bazo? šiššəge dī-ʔnə šonə-ga.*
then REP cold DEM-LAT come-PRS.3SG
‘Then again, the Frost comes to her.’

(8) AA_1914_Brothers_flk.022, 027 (Tale 6 in KW)

- a. *ine-t šini-gən-də šo-la? üzə-bi.*
horse-3SG knee-LOC-3SG come-CV descend-PST.3SG
‘His horse sank on its knees.’ (6.23)
- b. *ine-t bazo? šini-gən-də šo-la? üzə-bi*
horse-3SG again knee-LOC-3SG come-CV descend-PST.3SG
‘Again his horse sank on its knees (~ his horse, again, sank on its knees).’

The structures in (7b) and (8b) invite for an alternative way of expression by using an additive operator with the meaning ‘also, too’, e.g. in case of (8b): ‘Also HIS horse sank on its knees ~ HIS horse sank on its knees too’. And indeed in (9)–(10), we observe divergence between the Donner text and the parallel text from the Künnap subcorpus: while Donner’s speaker uses *bazo?* with different referents who utter a call to the helping spirit in (9a) and (9b) (the first and the second horseman from the aforementioned tale), Künnap’s speaker chooses a strategy with the Russian focus particle *tože* ‘also, too’ here (10b).

- (9) AA_1914_Brothers_flk.023, 028 (Tale 6 in KW)
- a. *“penzüt, e-ne idə-ne šündə-lie.”*
 helping_spirit NEG-PTCP be_visible-PTCP whistle-PRS.3SG
 ‘[He says:] “Helping spirit, the invisible whistles!”’
- b. *bazo? “penzüt” mǎ-lia.*
 REP helping_spirit say-PRS.3SG
 ‘Again he says “helping spirit!”.’
- (10) PKZ_196X_SU0223.008–009, 014–015
- a. *dīgəttə dī kǎldun mǎndə-bi: “dīn e-ne*
 then DEM wizard say-PST.3SG there NEG-PTCP
idə-ne amno-la?bǎ. ugāndə pim-nie-m!”
 be_visible-PTCP sit-DUR.PRS.3SG very fear-PRS-1SG
 ‘Then the wizard said: “There sits the invisible. I’m very scared.”’
- b. *dī tože mǎn-də: “e-ne ide-ne*
 DEM also say.PRS-3SG.OC NEG-PTCP be_visible-PTCP
ugāndə kuštu. ugāndə mǎn pim-nie-m”.
 very strong very 1SG fear-PRS-1SG
 ‘He also says: “The invisible is very mighty. I am very scared.”’

The difference between (9b) and (10b) consists in the absence of explicit repetitive marking in (10b) because the additive particle *tože* ‘also, too’ does not designate an ordering in time (see Tovená and Donazzan 2008: 88 with references). This choice between an additive and a repetitive strategy was not yet at hand for the speaker of (9b); at least *tože* is not attested in Donner’s materials. In the Donner texts, *bazo?* is used 5 times with a differing given argument, i.e. in 26% of all instances (19). In the Künnap texts, we find it only in approximately 2% of all instances in this context (4 of 176), opposed to 77 instances of *tože* (out of 117, i.e. in 66% of all instances of *tože*). These proportions show that the Russian operator had clearly taken over marking additivity in the context of a repetitive event with a differing given subject in late Kamas.⁷

⁷ The difference between *tože* and *bazo?* shows most clearly in this context. In the context of a repeated event with a differing *new* argument, *tože* (18 of 117, i.e. ca. 15%) is still slightly preferred

One may wonder why there is no *tože* in the Donner texts? In view of the numerous Russian functional words attested already in Donner’s materials (KW: 4b *ālī* ‘or’, KW: 21a *i* ‘and, also’, KW: 12b *da* ‘yes; and’, KW: 22b *iššo* ‘still, in addition’, KW: 25a *kak* ‘when, as’, KW: 41a *mōžat* ‘possibly, perhaps’, KW: 42 *nādo* ‘must, is necessary’, KW: 45b *no* ‘nun, na’, KW: 49b *onākə* ‘probably’, KW: 65b *štōbə* ‘in order to’, KW: 73a *tolko* ‘only’; cf. also Joki 1952), it seems unlikely that *tože* was not known at that time despite the fact that it had not been recorded by Donner. Browsing the texts, one finds several text passages in which this marker would be likely to occur, e.g. in Tale 2, where a protagonist acquires three helpers who, each at a different time, enter his black bag in order to be carried along (KW: 88–89). None of these repeated actions is marked for additivity (nor repetition). This observation is in line with a general impression that discourse steering elements, which mark parts of a narration in terms of time relations, cause, or epistemicity, are quite rare in the Donner tales. Against this background, it seems possible that in spontaneous speech *tože* did already occur, but the folklore texts, as often, are more conservative in this respect.

2.3.2. In opposition to the cases in the preceding section, in (11), the repeated event introduces a new referent. In those cases, it is again crucial for the felicity of a reading ‘again’ that the properties of the second referent do not contradict or outnumber the properties of the first referent. In (10b), *kuza* ‘person, man’ does not contribute more information than already established for the first referent. The two referents share the property of being proposing men, not more. The word order observed in (11b) is that the new referent is in the scope of the repetitive adverb in the initial position. In principal, the example is ambiguous between an ‘again’ and an ‘another’ reading. In Section 3, I will present examples, which show the same word order but do not allow for an ‘again’ reading because the properties of the second referent contradict those of the first referent.

(11) PKZ_196X_SU0215.121, 144

a. *dī davaj mǎna mono?ko-šta.*

3SG INCH 1SG.ACC/LAT propose-INF.LAT

‘He started to propose to me.’

b. *o? ke⁸ amno-bia-m, bazo kuza mǎna mono?ko-bi.*

one winter/year sit-PST-1SG REP person 1SG.ACC/LAT propose-PST.3SG

‘I lived for one year, again a man proposed to me.’

over *bazo?* (12 of 176, i.e. ca. 7%). A more detailed account of *tože* in the Künnap texts cannot be given here.

⁸ There is no word [ke] in Kamas. The present form may be explained as a spontaneous, unconscious or uncorrected contamination of two competing similar words: *ke* ‘winter’, which can also mean ‘year’, and *pé* ‘year’, which contributes the palatalization of the onset consonant.

3. ‘In addition, another, one more’

In the preceding section, I introduced examples for which the reading ‘again’ is either the only option or a possible option. Now I turn to examples for which a reading ‘again’ does not work, but ‘in addition, another, one more’ is the only available reading. As in the preceding section, I start with cases in which the differing referent is given (3.1) and proceed to those with a new referent (3.2). In a separate subsection (3.3), I discuss the difference between repetitive *bazo?* and additive *iššo*.

3.1. For a felicitous reading ‘again’ with a differing given or new referent in the repeated event, it has been observed in Section 2.3 that the properties of this referent must not contradict or outnumber those of the first referent. But exactly this is the case in (12b) where the definite demonstrative goal expression ‘to this woman’ can’t be in a co-hyperonymic relation with another woman because two different women cannot share the property of being one and the same woman.⁹ After having killed one of two women present in a tent (12a), the maneater turns to the second woman (12b). The word order is strikingly different from the preceding examples: in the Donner texts, (12b) is the only instance of *bazo?* in clause-final position and I correlate this word order with the function of expressing additivity instead of proper repetitivity. How much this word order holds only for non-subject arguments, I can’t tell.

(12) AA_1914_Maneater_flk.016, 017 (Tale 3 in KW¹⁰)

- a. *dö ne kut-la? baʔbdə-bi, ami-m kut-la? baʔbdə-bi.*
 DEM.DIST woman kill-CV throw-PST.3SG other-ACC kill-CV throw-PST.3SG
 ‘He killed that woman, the other one he killed.’
- b. *dīgəttə šo-bi dī ne-nə bazo?.*
 then come-PST.3SG DEM woman-LAT REP
 ‘Then he came also to this woman (Dann kam er noch zu DIESer Frau).’

3.2. An example with a new referent in the repeated event was already presented in (2b). The same holds for the following examples. In (13a–c), the aforementioned horsemen arrive at the place where the whistling children are hiding. The three protagonists differ in the coat colours of their horses, the first one has a foxy-red horse, the second a black, and

⁹ The definite expression with a demonstrative differs thus from the definite expression with a possessive suffix: ‘his horse’ in (8b) was a property which could be shifted to another referent.

¹⁰ Donner’s Tale no. 3 is short and cryptic and invites for a misinterpretation such that the maneater approaches one woman first, then turns to the woman he kills, and finally comes back to the first woman. This would be a repetitive-restitutive reading, which I reject. The misunderstood variant is obviously what Künnap’s consultant was prompted with and how she uses *bazo?* in her variant, which I do not quote here (but see PKZ_196X_SU0225.147–148).

the third one a white horse. The use of *again*, or German *wieder*, or Russian *опять* is not possible in such a context because the properties of the differing argument in the second (and in the third) event included in the scope of the repetitive adverb must either be the same (‘a hero with a red horse’ ... ‘again a hero with a red horse’), or they must be less specific (‘a hero with a red horse’ ... ‘again a hero with a horse’ ~ ‘again somebody’). If not, the use of ‘again’ is not felicitous (‘a hero with a red horse’ ... *‘again a hero with a black horse’), but instead the reading ‘in addition’ applies (‘in addition, a hero with a black horse’) (13b–c).

(13) AA_1914_Brothers_flk.020, 025, 032 (Tale 6 in KW)

a. *ku-bi-ndən bozəra? ine-zəbi aləp šon-namna.*

see-PTCP-LOC.3PL foxy_red horse-ADJ hero come-DUR.PRS.3SG

‘As they saw, a hero with a foxy-red horse was coming.’

b. *bazo? sagər ine-zəbi aləp šon-namna*

REP black horse-ADJ hero come-DUR.PRS.3SG

‘In addition comes a hero with a black horse. (Es kommt noch ein Held mit einem SCHWARZEN Pferd.)’

c. *bazo? širi ine-zəbi aləp šon-namna*

REP white horse-ADJ hero come-DUR.PRS.3SG

‘In addition comes a hero with a white horse. (Es kommt noch ein Held mit einem WEIßEN Pferd.)’

Interestingly, the versatility of *bazo?* in such a context seems to have decreased in the Künnap texts. In (14b), the speaker — possibly prompted by its occurrence in the Donner version of the tale (13b) — also begins with *bazo?*, but then hesitates and splits the sentence into three parts, expressing first the repetitive moment (‘again comes [one]’), and then specifying the argument (‘with a black horse, a second wizard’), in a way that would be necessary too if one wanted to translate the adverb with English ‘again’, or German ‘wieder’, or Russian ‘опять’ (e.g., Again comes a hero, [now] with a black horse), or in the case of German stressed *noch* (Es kommt NOCH ein Held, [jetzt] mit einem SCHWARZEN Pferd). It is not unlikely that in the speech of the last Kamas speaker, the functional profile of the Russian adverb *опять* had an influence on the use of *bazo?* here. But not in general, as (2b) has shown, where she uses *bazo?* without hesitation in the additive meaning.¹¹ For the sake of completion I also add the second repetition with the white horse (14c), in which she uses only the strategy with an ordinal numeral.

¹¹ A reviewer pointed out that (2b) differs from (13b) not only in the position of *bazo?*, which is clause-initial in (13b) but not in (2b), but also in the weight of the arguments, which is low in (2b) — the identity of the recipient doesn’t matter —, but high in (13b) — a new protagonist is introduced. So identity of the referent and scope of the adverb may play a role for the speaker’s choice.

(14) PKZ_196X_SU0223.003, 011–012, 019

- a. *ku-lia-ʔi: šonə-ga kăldun oŋi?, ine kōmə.*
 see-PRS-3PL come-PRS.3SG wizard one horse red
 ‘They see: there comes a wizard, the horse is red.’
- b. *amno-laʔbə-ʔjə, amno-laʔbə-ʔjə, bazoʔ šonə-ga ...*
 sit-DUR.PRS-3PL sit-DUR.PRS-3PL REP come-PRS.3SG
sagər ine-t-ši? [oʔ- baš- šide] šide-git kăldun.
 black horse-3SG-INS one other two two-ORD wizard
 ‘Again comes one... with his black horse, a [...] second wizard.’
- c. *nagur-git ine šonə-ga, dī ine siri.*
 three-ORD horse come-PRS.3SG DEM horse white
 ‘A third horse comes, this horse is white.’

3.3. Both repetitive contexts treated in this section, that with a differing given non-subject argument in 3.1, and that with a differing new argument in 3.2 are contexts in which one may, in principal, also expect the operator *iššo* ‘still, another, in addition’ previously mentioned in the introduction. In the Künnap texts, there are 77 instances of *iš(š)o*,¹² the bulk of which represent scalar and continuative meanings like ‘still’, ‘not yet’ (with negation), ‘even’ (with comparatives) and others, which will not be pursued in the present paper. A crucial component of the semantics of *iššo* is the “adding up to a larger whole” (König 1991: 143–145 on German *noch*, but also including Russian *еще*). For Italian *ancora* and French *encore*, Tovená and Donazzan (2008: 93) observe that in combination with telic predicates, their readings are either incremental (‘one more’) or repetition of the whole event (‘again’). The first reading seems to hold for Kamas *iššo*. In (15), from a description of wedding traditions, the operator stands before an indefinite goal expression and may be translated as ‘to another/one more house’ (the English translation in the INEL corpus says ‘to the next house’, the Russian translation ‘еще в один дом’ is closer to the Kamas original).

(15) PKZ_196X_SU0216.082–083

- dīgəttə baška tura-nə kala-ʔi. dīn dəre že*
 then second house-LAT go.FUT-3PL there so ID
bīt-le-ʔi, dīgəttə išo oŋi? tura-nə.
 drink-FUT-3SG then ADD one house-LAT
 ‘Then they will go to a second house. There they will drink in just the same way, then [they go] to one more house.’

Unlike (15), in (16) *iššo* does not occur together with an argument. In such contexts, it is impossible to distinguish between a reading ‘once more’, which would be repetitive and quasi-synonymous with ‘again’, and an incremental reading ‘more’.

¹² 54 instances are spelled *iššo* and 23 *išo*; the difference in spelling does not reflect a difference in meaning.

(16) PKZ_196X_SU0217.PKZ.123, 125

dīgattā nušo bīl-sittā bazo? šo-bi dī kuza. [...]
 then beer drink-INF REP come-PST.3SG DEM man
bar bīt-lu?-pi da kirgar-la?bā: “išo de?, māna amga!”
 all drink-MOM-PST.3SG and shout-DUR.PRS.3SG ADD give.IMP.2SG 1sg.ACC/LAT few
 ‘Then in order to drink beer this man came again. [...] He drank all up and shouted:
 “Give [once] more, I had few!”’

The only two instances in the Donner texts are of the same kind as in the previous example. Both occur in the same sentence. In Donner’s manuscript version of (17), both instances appear in epentheses, in his Finnish translation, however, only the second one: ‘jumala antoi vielä kenties antaa (vielä) minulle’. The correct interpretation is probably that the adverb may appear in either position, but not necessarily twice (as indicated by the Finnish translation).

(17) AA_1914_Head_flk.036 (Tale 9 in KW)

Context: A man believes that food which had fallen into his tent through the smoke hole had been given to him by God. He starts praying:

kudaj mö-bi, (iššo), možat, mī-gə-j (iššo)¹³ māna!
 god give-PST.3SG ADD maybe give-IMP-3SG ADD 1SG.ACC/LAT
 ‘God has given, maybe he shall give me [once] more.’

The translations of (17) in the INEL corpus operate with ‘once more’: ‘...maybe he shall give me once more’, Russian ‘...может, ещё разок мне даст!’. It remains unclear how much Russian *eučē* filled a gap among the functional words of Kamas. In Donner’s materials, there is no other utterance attested in which an adverb with the meaning ‘more’ would occur. The strongest candidate for such a function may be the comparative form of *iḷgö* ‘much, many’, *iḷgö=arak* ‘more’ (Castrén 1847: 92 *iigöarâk* ‘побольше’), but it is not attested in any clause nor syntagm. Still one may conclude for Kamas *iššo* that a repetitive meaning in the sense of Tovenä and Donazzan (2008: 93) is questionable and that it is rather an additive-incremental operator (Tovenä and Donazzan 2008: 93) with no essential semantic overlap with *bazo?* ‘again’.

4. ‘In turn’

Among the instances of *bazo?* in the Donner texts, there is one which can neither be translated by ‘again’, nor by ‘in addition, one more’ (18b). The example comes from the same text as example (12) above. The man-eater tells the woman about his killing of the other woman (18a). Next he is advised by her to blow the fire because it is dark in the

¹³ The word is spelled *ışšo* in the manuscript; so far no competing reading other than *iš(š)o* exists.

tent. She has prepared the fire with moist wood, and when the maneater exposes his neck while blowing the fire, she chops it off (18b).¹⁴ Neither the reading ‘again’ applies here, nor the reading ‘in addition, another’. What we observe instead is the reoccurrence of an event of killing, but the arguments are not the same as in the first event: the former agent is now the patient (the maneater), and the agent is now somebody else (the clever woman). In this context, the reading ‘in turn’ may apply (cf. German *wiederum* which is derived from *wieder* ‘again’). This meaning is not attested in the Künnap texts. (And the equivalent is missing due to the misinterpretation of the end of Tale 3, see footnote 12.)

(18) AA_1914_Maneater_flk.019, 022 (Tale 3 in KW)

a. *măn kut-laba?-bio-m.*

1SG kill-RES-PST-1SG

‘I have killed her.’

b. *dĩ ne bajʔkə-bə bazo? saj_ha?-lu?-bi.*

DEM woman throat-ACC.3SG REP off_chop-MOM-PST.3SG

‘The woman, in turn, chopped off his throat.’

5. ‘Back again’

The *restitutive-counterdirectional* function of *bazo?* is attested only in the Künnap texts. In (19), a mill has been stolen and a rooster present at the site promises to bring it back. In the tale, there was no preceding event in which the rooster would have brought the mill to the owners. The use of *bazo?* here is clearly *restitutive-counterdirectional*, i.e. it refers to the restitution of the preceding state of possession by finding the mill and moving it back (in the counterdirection) where it had been before.

(19) PKZ_196X_SU0191.228–233

ertə-n dī-zeŋ uʔbdə-bi-ʔi: naga termən-də.

morning-GEN DEM-PL get_up-PST-3PL NEG.EXIST.PRS.3SG mill-3SG

dīgəttə tibi_kuriz: “i-ʔ tor-ga?! măn kalla-m.

then male_chicken NEG-IMP.2SG cry-IMP.2PL 1SG go.FUT-1SG

det-li-m bazo? šiʔhile?”.

bring-FUT-1SG REP 2PL.ACC/LAT

‘In the morning they got up: the hand mill is missing. Then the rooster [said]: “Don’t cry, I will go and bring it back to you again.”’

¹⁴ In KW: 90 the end of the tale is erroneously presented vice versa: the maneater kills the woman. That the version in KW is based on a misreading of the manuscript has been substantiated in an earlier contribution in memory of Eugene Helinski (Klumpp 2010: 298–299), where it is shown that Tale 3 shares essential features with a Selkup-Yeniseic didactic tale tradition, and the woman who kills the maneater corresponds to the Selkup mindful woman *nätänka*.

Based on the absence of such examples in the Donner texts alone, one may not yet assume that the use of *bazo?* in the counterdirectional function would be an innovation in the Künnap texts. But there is a competing adverb, *pi?da*, *pü?da* ‘back, backward’ (KW 54b, 184 *pi?da*, *pü?da* ‘zurück, nach hinten, rückwärts’, Castrén 1847: 90 *phyjdy* ‘назад; takaisin’, 233, 260 *fyide* id., Müller 1740: 22 <pfuitù> ‘retrorsum’), which was used in the counterdirectional function. In the Künnap texts, it still occurs once with an intransitive motion verb (20a), and the same construction is also attested in the Donner materials (albeit not in a text) (20b). In an older source, the adverb is also attested with transitive ‘give’ (20c). It is this particular occurrence, which parallels the function of *bazo?* in (19) above, on the basis of which one may assume that it was *pü?da*, and not *bazo?*, which expressed counterdirectional meaning in older stages of Kamas.

(20) PKZ_196X_SU0213.180

- a. *dī-zeŋ nagur-gō kambī-ŋi, a mǎn par-lu?-pia-m pi?tə.*
DEM-PL three-COLL go.PST-3PL but 1SG return-MOM-PST-1SG back
‘They went the three of them, but I returned back.’
- b. *mǎn pü?da par-lia-m*
1SG back return-PRS-1SG
‘I go back’ (KW 54b)
- c. <ПЮДЮМЛЯ>
pü?da mī-lie
back give-PRS.3SG
‘gives it back’ (Sp. 35b)¹⁵

6. Summary

The aim of this article was to sketch the functional profile of the Kamas repetitive adverb *bazo?*. For this purpose, all 195 well understood occurrences in the two Kamas text corpora, the older Donner texts and the younger Künnap texts, were classified into four meaning groups: ‘again’, ‘in addition, another’, ‘in turn’, and ‘back again’. The first group was further divided into instances with a proper repetitive reading, those with a repetitive-restitutive reading, and repetitive instances with a differing given, or new argument expression. The restitutive reading was distinguished from the counterdirectional reading ‘back again’. New arguments in a repetitive context in order not to challenge the reading ‘again’ must not show properties which contradict or outnumber properties of the referent in the preceding event. Otherwise the reading ‘in addition’ applies. This reading makes the second largest group in the corpus. The counterdirectional group makes the

¹⁵ The original translation by Spasskij comes in 1SG ‘возвращаю, отдаю назад (I return sth, give sth back)’.

third group. The reading ‘in turn’ is attested in only one example from the Donner texts, in which the constellation of subject and object arguments contains the notion of switch.

It could be shown that *bazo?* always occurs with ordered events. For differing predicates, one may observe that they are tolerated as long as they are in a co-hyponymic relation (e.g. *run out of food* and *hunger*). Other differing predicates could not be found with *bazo?*; they are a clear case for the use of *tože* ‘also’ in the Künnap texts. Partial subject identity between the first and second event does not constitute a problem for the reading ‘again’ (as in 4ab).

Changes between the two text periods can be characterized as ground loosing and ground gaining: (i) in repeated events with a differing given argument, the adverb finds a competitor in the form of the Russian borrowing *tože* ‘also’, which, however, does not contain the notion of ordered events. (ii) The versatility of *bazo?* to occur with new differing referents is possibly disturbed by the influence of Russian *опять* in the Künnap texts. (iii) While the repetitive-restitutive meaning is attested also in earlier texts, in late Kamas, *bazo?* intrudes into the domain of counterdirectional meaning. This meaning had been earlier expressed by a locative adverb *pü?dā* ‘back’.

A few observations on word order in the Donner texts: in the reading ‘again’, *bazo?* can occur in preverbal position or in clause-initial position. The latter is chosen if the clause introduces a new subject and the reading is ‘in addition’. With a new argument other than the subject, in this reading the adverb is also found in clause final position. The meaning ‘in turn’ does not correlate with a specific word order. Regarding word order in the Künnap texts, one must remark that the preverbal and the clause-initial position are also here the most frequent, but since word order is more free in these texts (as a result of Russian influence), I could not observe any strong correlations between functions and word order. E.g., the postverbal position of *bazo?* in the reading ‘back again’ as in (19) is in no way prevalent.

As far as the few instances of *iššo* allow to conclude, it was used to mark incremental additivity (‘more’) rather than repetition, and there was no functional overlap between this adverb and *bazo?*.

Abbreviations

Non-trivial abbreviations used in the glossings are: ADD additive particle, ADJ adjective derivation, ANT anterior (converb), COLL collective numeral, CV converb, DIST distal (demonstrative), DUR durative (tense, aktionsart), ID identificational particle, INCH inchoative particle, INDEF indefinite particle, INS instrumental case, LAT lative-dative case, LOC locative case, MOM momentaneous aktionsart, NEG negative verb, NEG.EXIST negative existential particle, OC objective conjugation, ORD ordinal number, REP repetitive adverb, RES resultative aktionsart.

Acknowledgement

This work was supported by the Estonian Research Council grant PRG1290.

References

- Arkhipov, Alexandre, Chris Lasse Däbritz, Valentin Gusev 2019. INEL Kamas corpus. User documentation. https://corpora.uni-hamburg.de/repository/file:kamas-1.0_INEL_Kamas_Corpus_1.0_User_Documentation/PDF/INEL_Kamas_Corpus.pdf.
- Baskakov, Nikolaj A., Anastasija I. Inkižekova-Grekul, 1953. *Xakassko-russkij slovar’*. Moskva: Ministerstvo kul’tury SSSR.
- Blackham, John Hartley 2017. *There and back again: an adverb’s tale*. Master thesis. Department of Linguistics, University of Utah.
- Castrén, Matthias A. 1847. *Manuscripta Castréniana XIX. Samoiedica 13: Kamass-Samoiedica*. Manuscript. Helsinki University Library.
- Castrén, Matthias A. 1854. *M. Alexander Castréns Grammatik der samojedischen Sprachen*. Herausgegeben von Anton Schiefner. (Nordische Reisen und Forschungen 7.) St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. (Reprint 1969, Leipzig: Zentralantiquariat der DDR.)
- Castrén, Matthias A. 1855. *M. Alexander Castréns Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen*. Herausgegeben von Anton Schiefner. (Nordische Reisen und Forschungen 8.) St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. (Reprint 1969, Leipzig: Zentralantiquariat der DDR.)
- Castrén, Matthias A. 1857. *M. Alexander Castrén’s Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre*. Herausgegeben von Anton Schiefner. (Nordische Reisen und Forschungen 11.) St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. (Reprint 1969, Leipzig: Zentralantiquariat der DDR.)
- Castrén, Matthias A. 1858. *Versuch einer jensej-ostjakischen und kottischen Sprachlehre*. Herausgegeben von Anton Schiefner. (Nordische Reisen und Forschungen 12.) St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. (Reprint 1969, Leipzig: Zentralantiquariat der DDR.)
- Csirmaz, Aniko 2015. Repetitive adverbs in Hungarian: Syntactic and semantic variation. Conference abstract. The 39th Annual Penn Linguistics Conference. <https://www.ling.upenn.edu/Events/PLC/plc39/abstracts/talks/CsirmazPLC39.pdf>
- Fabricius-Hansen, Cathrine 1983. Wieder ein Wieder? Zur Semantik von Wieder. In: Rainer Baeuerle, Schwarze Christoph, Armin von Stechow (eds.): *Meaning, use and interpretation of language*. Berlin: Mouton De Gruyter, 97–120.
- Gergel, Remus, Sigrid Beck 2015. Early Modern English *again*: A corpus study and semantic analysis. *English Language and Linguistics* 19(1): 27–47.
- Goebel, Alexander 2020. *Representing Context: Presupposition Triggers and Focus sensitivity*. Dissertation. University of Massachusetts, Amherst.
- Gusev, Valentin, Tiina Klooster, Beáta Wagner-Nagy 2019. INEL Kamas Corpus. Version 1.0. Publication date 2019-12-15. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-DA6E-9>. Archived in Ham-

- burger Zentrum für Sprachkorpora. In: Wagner-Nagy, Beáta, Alexandre Arkhipov, Anne Ferger, Daniel Jettka, and Timm Lehmberg (eds.): *The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages*.
- Joki, Aulis J. 1944. *Kai Donners Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik*. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae VIII.) Helsinki: Finno-Ugric Society.
- Joki, Aulis J. 1952. *Die Lehnwörter des Sajansamojedischen*. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 103.) Helsinki: Finno-Ugric Society.
- Klumpp, Gerson 2010. Kamassisch-selkupisch-ketische Parallelen in der Märchenfolklore. In: Gusev, Valentin, Anna Widmer (eds). *Gedenkschrift für Eugen Helinski. = Finnisch-Ugrische Mitteilungen* 32/33: 297–312.
- Klumpp, Gerson 2013. On Kai Donner's phonograph records of Kamas. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen* 37: 45–59.
- König, Ekkehard 1991. *The Meaning of Focus Particles. A Comparative Perspective*. London & New York: Routledge.
- Künnap, Ago 1991. Zur Erinnerung an die letzte Sprecherin des Kamassischen. *Linguistica Uralica* 27(2): 150–151.
- KW = Joki 1944.
- Müller, Gerhard Friedrich (ca.) 1740. *Vocabularium Latine-Tatarice-Arinice-Cottice-Kamaschice-Buriatice*. Manuscript. Moscow, RGADA f. 199 o. 2 nr. 529 č. 2, pp. 10–23.
- Radloff, Wilhelm 1960. *Versuch eines Wörterbuchs der Türk-Dialekte*. Vol. I–IV. 's Gravenhage: Mouton & Co.
- Spasskij, Grigorij I. 1806. Словарь Языка Койбальскаго. In: Potapov, Leonid P. 1957. Zum Problem der Herkunft und Ethnogenese der Koibalen und Motoren. *Journal de la Société Finno-Ougrienne* 59.
- Tovena, Lucia M., Marta Donazzan 2008. On ways of repeating. *Recherches linguistiques de Vincennes* 37: 85–112. <http://rlv.revues.org/1724>.
- Tiemann, Sonja, Mareike Kirsten, Sigrid Beck, Ingo Hertrich, Bettina Rolke 2015. Presupposition processing and accommodation: An experiment on wieder ('again') and consequences for other triggers. In: Florian Schwarz (ed.): *Experimental perspectives on presuppositions*. Springer, 39–65.
- Umbach, Carla 2012. Strategies of additivity: German additive *noch* compared to *auch*. *Lingua* 122(15): 1843–1863.
- Werner, Heinrich 2002. *Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen*. Band I–III. Wiesbaden: Harrassowitz.
- XRS = Baskakov & Inkižekova-Grekul 1953.

Чередование гласных в глагольных и именных основах в сургутском диалекте хантыйского языка

Н. Б. Кошкарёва

Институт филологии СО РАН / Новосибирский государственный университет

1. Введение

Фонетика сургутского диалекта хантыйского языка, как и других восточных диалектов, характеризуется сложным комплексом морфонологических явлений в области гласных и согласных, в том числе гармонией гласных (Терешкин 1961; Хонти 1993; Хонти 1995; Honti 1977; Vértés 1977; Csepregi 1998; Filchenko 2010; Чепре-ги 2015; и др.).

Закономерности чередования гласных в именных основах в зависимости от характера гласного лично-притяжательного суффикса подробно описаны нами в работе (Кошкарёва, Тимкин, Ли 2019). В данной статье рассматриваются чередования гласных в глагольных основах и устанавливаются различия в системе чередований в именных и глагольных основах.

В именных основах наблюдается корреляция между корневым гласным и огласовкой некоторых лично-притяжательных аффиксов. Лично-притяжательные аффиксы 1-го и 2-го лица единственного числа и непоследовательно для разных говоров 1-го лица множественного числа (при единственном числе предмета) представлены несколькими алломорфами:

1SG.SG — =ə́m / =ə́m / =ám;

2SG.SG — =ə́n / =ə́ (=ə́n) / =á (=án);

1PL.SG — =Və́ / =V̌̃.

Выбор алломорфа и наличие/отсутствие чередования зависит от характера гласного корня. В корнях с краткими и сверхкраткими гласными чередования не происходит, при них употребляются аффиксы с гласным нижнего подъема =ám (1SG.SG) и =á (2SG.SG). При присоединении лично-притяжательных аффиксов к корням с долгими гласными гласные нижнего подъема меняются на соответствующие им по ряду гласные верхнего подъема. После корней с долгими гласными верхнего подъема используются варианты аффиксов =ə́m (1SG.SG) и =ə́ (2SG.SG), че-

редования не происходит, так как продвижение гласного далее вверх невозможно. После основ с долгим неверхним гласным корня используются аффиксы =эм (1SG.SG) и =эн (2SG.SG), в корне происходит чередование.

Наблюдаются отдельные отклонения от данного правила. Во-первых, в корнях с долгими гласными среднего подъема описываемые процессы могут происходить либо по типу для гласных верхнего подъема, либо по типу для гласных нижнего подъема: ср.:

Слово	POSS.1SG.SG	POSS.2SG.SG
лэк 'дорога'	лик=эм ~ лэк=эм	лик=эн ~ лэк=э(н)
лөнт 'гусь'	лунт=эм ~ лөнт=эм	лунт=эн ~ лөнт=э(н)

Такие варианты зафиксированы независимо и неоднократно в речи разных информантов: колебания или заминки наблюдались в одних и тех же словах с долгими гласными среднего подъема, при том что при образовании других форм никаких затруднений не возникало.

Во-вторых, к лексеме с кратким гласным *вöу* 'зять' присоединяются аффиксы с гласным э, типичные для корней с долгими гласными верхнего подъема.

По мнению Е. А. Хелимского, чередование корневой гласной объясняется воздействием аффиксального гласного, которое было живым фонетическим процессом в прахантыйский период. Е. А. Хелимский реконструировал для прахантыйского периода гласный *U на месте э в притяжательном аффиксе, вызывавший изменение долгого корневого гласного и в результате фонетических переходов его совпадение с верхним гласным того же ряда. Например, для лексемы *kât* 'дом', *ta kutäm* 'мой дом' (тром-аганский говор сургутского диалекта) реконструируется начальная форма **kaat(э)* и притяжательная **kaâtUm*, где *aä* — умлаут фонемы *aa* (Helinski 2000). В результате перестройки фонетической системы соответствующие процессы перестали носить обязательный характер (так, э второго слога на синхронном срезе не обязательно вызывает чередование в корне, ср. *sâjær* 'сеть' < **saajp(э)*). Таким образом, исторически в сургутском диалекте хантыйского языка была представлена регрессивная ассимиляция гласных, тогда как на синхронном срезе чередование гласных в корне является грамматикализированным историческим, но не фонетическим чередованием.

Закономерности чередования гласных в глагольных основах во многом отличаются от чередований в именных основах. Прежде всего, это касается набора гласных, на которые распространяется чередование: если в именных основах долгие гласные меняются на соответствующие им гласные более высокого подъема и при этом определенным типам чередования соответствуют определенные типы

лично-притяжательных аффиксов, то в глагольных основах в чередование вовлекаются также и краткие гласные, но варьирования в лично-числовых аффиксах, подобного варьированию лично-притяжательных аффиксов, не происходит: наборы аффиксов идентичны для всех типов основ.

Целью данной статьи является установление закономерностей чередования гласных в глагольных корнях и сопоставление выявленных правил с чередованиями в именных основах.

Материал и методы исследования

Материалом для исследования послужили, прежде всего, словарные материалы, извлеченные из «Словаря восточно-хантыйских диалектов» Н. И. Терешкина (Терешкин, 1981). Вначале из словаря было выписано 1876 глаголов с пометами аг. (аганский говор), тр.-юг. (тром-юганский говор, в данном исследовании мы называем его тром-аганским по самоназванию носителей, проживающих на р. Тром-Аган), у.-аг. (усть-аганский говор), у.-юг. (усть-юганский говор), юг. (юганский говор), относящимися к разным говорам сургутского диалекта. В некоторых словарных статьях приводится информация о возможных чередованиях, например (Терешкин 1981: 14):

altta I (вах., вас., пов. *ilti*, прош. *ultim*); *aitta* (аг., у.-аг., тр.-юг., юг., у.-юг., пов. *itte*, прош. *ultem*); *ottetete* (сал.) наставить, надставить; срastить; *tem čončer čeke wan*, *aittayə māsī* эта веревка сильно короткая, надо ее надставить (тр.-юг.); *uierkei n'ula aittayə māsī* концы ее надо вместе срastить (тр.-юг.) // *ma iitem ultet* он спас мне жизнь (тр.-юг.); *iitem rupiji uitem* я спасся (букв. спас свою жизнь) от медведя (тр.-юг.).

Однако отметка о чередовании дается нерегулярно, материалов, содержащихся в словаре, недостаточно для понимания всей полноты картины. Поэтому на следующем этапе мы выясняли возможности чередования с информантами. Чтобы сократить количество слов для анализа, все глаголы были сгруппированы в 337 словообразовательных гнезд, для каждого гнезда были проверены возможности чередования на примере 2-3 слов. Список был проверен с несколькими информантами — носителями тром-аганского говора во время лингвистических экспедиций 2016–2018 гг. на стойбища в районе г. Когалым и с. Рускинская, а также в процессе регулярных консультаций, в том числе в дистанционной форме. Все информанты — это люди преклонного возраста (старше 50 лет), в повседневной жизни пользующиеся

родным языком. При проверке списка мы столкнулись с рядом трудностей. Во-первых, многие слова, приведенные в словаре Н. С. Терешкина, не опознаются нашими информантами. Этому можно найти несколько объяснений. Возможно, сказываются территориальные различия между говорами. Другая причина — отсутствие в словаре широких контекстов, позволяющих судить о сочетаемости и оттенках значения слов, что может затруднять их идентификацию. И, наконец, для некоторых слов проверка полной парадигмы невозможна, так как имеются определенные лексические или грамматические ограничения, не позволяющие поставить их в форму, в которой происходит чередование. Так, в глаголе *йв=тахэ* 'течь (о реке)' можно было бы предположить чередование гласных *й* // *ё* в корне и теоретически можно было бы сконструировать формы повелительного наклонения и прошедшего времени, в которых чередование может происходить, но данный глагол в этих формах не употребляется, так как приказать реке течь невозможно, как и сказать о реке, что она «текла» в прошедшем времени, в обыденном сознании носителя хантыйской языковой культуры тоже невозможно, поскольку река течет всегда, постоянно — это неизменное положение дел в окружающем мире. Для глагола *таймта* 'оторваться' недопустима форма повелительного наклонения, так как данный глагол сочетается только с неодушевленными субъектами, а приказать пуговице оторваться от одежды нельзя. Другой тип расхождений между словарными и полевыми материалами наблюдается в тех случаях, когда в словаре приводятся глаголы, состоящие только из двух морфем — односложного корня и суффикса неопределенной формы *=та* (*=тайэ*), в которых чередование наиболее вероятно. Однако наши информанты не смогли подобрать примеров употребления во фразе для глаголов типа *тайта* 'рваться, лопаться, колоться, раскалываться; трескаться, растрескаться' (Терешкин 1981: 452), *пайта* 'лопаться (о полых предметах)' (Терешкин 1981: 346) и мн. др. Они регулярно использовали производные глаголы с разнообразными аспектуальными аффиксами. В результате нам удалось выявить около 150 глаголов, в которых чередование подтверждается информантами на примерах употребления в широких контекстах.

Выражаем глубочайшую признательность всем знатокам хантыйского языка за помощь и поддержку во время проведения полевых работ, искренний интерес к родному языку и готовность поделиться знаниями.

Чередование гласных в восточных диалектах хантыйского языка

Чередование гласных в именных и глагольных основах типично для ваховского и васюганского диалектов (Терешкин 1961: 20–23; Filchenko 2010). Л. Хонти считает, что первоначально чередования имели фонетический характер, «так как они возникли в результате ассимиляции гласных первого и второго слогов, но в настоящее

время уже морфологизованы. Напряженные¹ гласные нижнего и среднего подъема (первичные гласные с точки зрения чередования) чередуются с соответствующими им напряженными гласными верхнего подъема (со вторичными), а ненапряженные гласные нижнего подъема (первичные) — с гласными ненижнего подъема (вторичными): *â — i, â — u, o — u, ä — i, e — i, õ — ä, ä — ë, õ — ë*. В лично-притяжательной парадигме существительных выступают только чередования напряженных гласных. Гласный, являющийся в чередовании вторичным (нем. Wechsel-Vokal), выступает в лично-притяжательной парадигме существительных с одним обладаемым, перфекте и повелительном наклонении» (Хонти 1993: 305).

В обследованном нами тром-аганском говоре далеко не все из перечисленных Л. Хонти вариантов чередований встречаются. Сформулируем далее распределение чередующихся гласных в разных формах в зависимости от их дифференциальных признаков и положения в фонологической системе.

Чередование гласных в глагольных корнях в тром-аганском говоре сургутского диалекта хантыйского языка по полевым данным

Чередование гласных в глагольных корнях происходит в формах прошедшего времени и повелительного наклонения. Оно зависит от характеристики первого корневого гласного и типа основы (односложная или многосложная).

Поскольку при чередовании гласных мена одного звука на другой происходит в соответствии с рядом и подъемом, приведем для наглядности классификацию гласных (табл. 1).

Ряды чередований неравномерно распределяются между основами с разными гласными (см. табл. 2).

1) Максимальный ряд из трех членов представлен для основ с огубленным гласным заднего ряда нижнего подъема [o], он чередуется с гласными заднего ряда верхнего подъема: в форме прошедшего времени — с огубленным гласным [y], в форме повелительного наклонения — с неогубленным [ы]. Таким образом, при чередовании ряд сохраняется, меняется подъем — гласный продвигается вверх. В прошедшем времени огубленность сохраняется, а в повелительном наклонении утрачивается. Варианты чередующихся звуков обусловлены тем, что только для гласных заднего ряда имеется оппозиция по признаку огубленности и неогублен-

¹ Напряженные звуки характеризуются большей длительностью и большей энергией, они образуются с большей отчетливостью и при большем давлении, чем соответствующие ненапряженные. Большая напряженность связана с большей деформацией всего голосового тракта по сравнению с нейтральным положением. Напряженные фонемы обладают более высокой слышимостью, чем соответствующие ненапряженные (Якобсон, Фант, Халле 1962: 204–208).

Таблица 1. Гласные первого слога сургутского диалекта хантыйского языка
(Чепреги 2017: 36)

Долгота		Ряд Подъем	Передние		Задние	
			Неогубленные	Огубленные	Неогубленные	Огубленные
Полные	Долгие	Верхний	и		ы	у
		Средний	э			ө
		Нижний	а			о
	Краткие	Верхний				(ÿ)
		Средний				ё
		Нижний			ă	
	Сверх- краткие	Верхний		ÿ		
		Средний		ö		
		Нижний	ă			
Непол- ный	Сверх- краткий		ə			

Таблица 2. Чередование гласных в глагольных основах
в сургутском диалекте хантыйского языка

Настоящее время	Прошедшее время	Повелительное наклонение
[o]	[y]	[ы]
[ə]	[y]	
[a]	[и]	
[ə]	[и]	
[ă]	[ё]	
[ä]	[ä]	[ə]

ности. Для долгих гласных переднего ряда такой оппозиции нет, поэтому ряды включают только два, а не три члена.

2) Второй тип чередования основан на оппозиции двух гласных: формам настоящего времени с долгими гласными среднего и нижнего подъема противопоставлены формы прошедшего времени и повелительного наклонения с гласными того же ряда верхнего подъема.

Регулярно происходит чередование гласного нижнего подъема [а] с гласным верхнего подъема [и]. Поскольку гласный [а] является неогубленным, то делабиализации в форме повелительного наклонения не наблюдается. В переднем ряду противопоставления гласных по огубленности/неогубленности нет, поэтому возможности чередования с третьим членом оппозиции фонологическая система сургутского диалекта не допускает.

Чередование гласных среднего подъема [ə] // [y], [э] // [и] носит нерегулярный характер.

К той же бинарной оппозиции относится и чередование кратких гласных [ǎ] (в настоящем времени) и [ǽ] (в прошедшем времени и в повелительном наклонении). В тром-аганском говоре это чередование также крайне нерегулярно, оно зафиксировано лишь для нескольких глаголов, причем далеко не у всех носителей тром-аганского говора. Возможно, это чередование имеет территориальные ограничения и распространено на территории пимского говора.

3) Третий тип чередования представлен в основах со сверхкратким гласным переднего ряда нижнего подъема [ǎ], который чередуется с редуцированным [ə] только в формах повелительного наклонения. В формах прошедшего времени чередования не происходит.

Чередование гласных в глагольных корнях фиксируется во всех лицах и числах субпарадигм прошедшего времени и повелительного наклонения как субъектного, так и объектного спряжений (см. табл. 3). В этом состоит одно из отличий глаголь-

Таблица 3. Чередование гласных в личных формах глагола прошедшего времени (Чепреги 2107: 146)

Число	Лицо	Настоящее время	Прошедшее время
Ед.	1-е	<i>ваңк=ʃ=эм</i>	<i>виңк=эм</i>
	2-е	<i>ваңк=ʃ=эн</i>	<i>виңк=эн</i>
	3-е	<i>ваңк=əʃ</i>	<i>виңк</i>
Дв.	1-е	<i>ваңк=ʃ=эмэн</i>	<i>виңк=мэн</i>
	2-е	<i>ваңк=ʃ=эттэн</i>	<i>виңк=тэн</i>
	3-е	<i>ваңк=ʃ=əхэн</i>	<i>виңк=кэн (виңк=хэн)</i>
Мн.	1-е	<i>ваңк=ʃ=ув</i>	<i>виңк=ув</i>
	2-е	<i>ваңк=ʃ=этəх</i>	<i>виңк=этəх</i>
	3-е	<i>ваңк=ʃ=эт</i>	<i>виңк=эт</i>

ных чередований от именных, которые ограничены только посессивными формами 1-го и 2-го л. ед. ч. и в отдельных говорах также 1-го л. мн. ч. при единственном числе объекта обладания.

Чередования гласных в глагольных корнях делятся на два класса: 1) синхронные, происходящие при словоизменении — образовании форм прошедшего времени и повелительного наклонения; 2) исторические, зафиксированные в однокоренных словах.

1. Чередование гласных в глагольных основах на синхронном уровне зависит от типа основы — односложная или неодносложная.

1.1. Односложные основы.

Чередование регулярно наблюдается в односложных основах типа VC, CV, CVC, CVCC.

1.1.1. Корни с долгими гласными.

Как и в именных основах, для долгих гласных при чередовании действует общее правило повышения подъема: гласные среднего и нижнего подъема чередуются с соответствующими им по ряду гласными верхнего подъема.

а) Если в корне представлены долгие гласные верхнего подъема *и*, *ы*, *у*, чередования не происходит, так как продвижение далее вверх невозможно, например:

нёж кил=*тажэ* ‘вставать’ — *нёж кил*=*эм* ‘я встал’, *нёж кил*=*а* ‘встань’;
виж=*тажэ* ‘кричать’ — *виж* ‘он кричал’ — *виж*=*а* ‘кричи’;
йис=*тажэ* ‘плакать, выть’ — *йис* ‘он плакал’, *а* *йис*=*а* ‘не плачь’;
ву=*тажэ* ‘видеть’ — *вуй*=*эм* ‘я видел’ (повелительное наклонение не употребляется).

б) В корнях с долгими гласными неверхнего подъема гласный корня меняется на соответствующий ему по ряду гласный верхнего подъема.

Если в корне представлен огубленный гласный заднего ряда нижнего подъема [о], регулярно реализуется максимальный ряд, включающий три чередующиеся гласные: в настоящем времени употребляется гласный [о], в прошедшем времени происходит мена на гласный того же ряда верхнего подъема [у] с сохранением лабиализации, а в повелительном наклонении меняется подъем и утрачивается лабиализация, используется неогубленный гласный заднего ряда верхнего подъема [ы], например:

[о] ~ [у] ~ [ы]:

кол=*тажэ* ‘переночевать’ — *кул*=*эн* ‘ты переночевал’, *нўн тэт кыл*=*а* ‘ты тут переночуй’;

йонт=*тажэ* ‘шить’ — *йунт*=*эм* ‘я шил’, *йынт*=*а* ‘шей’.

Регулярно происходит чередование в корнях с неогубленным гласным переднего ряда нижнего подъема [a], который меняется на соответствующий ему гласный верхнего подъема [и], например:

[a] ~ [и]:

лъак=тахэ 'стрелять' — *лъик* 'он стрелял', *лъик=а* 'стреляй';

ваӳк=тахэ 'ползти' — *виӳк* 'он полз', *виӳк=а* 'ползи'.

Чередования в корнях с гласными среднего подъема в глагольных основах, как и в именных, носят нерегулярный характер.

[ө] ~ [y]:

лөт=тахэ 'покупать' — *лут=эм* 'я купил', *лут=э* 'покупай это'

Пример, в котором чередования не происходит:

лөй=тахэ 'щебетать (о птицах); болтать без умолку (о человеке)' — *лөй=эм* 'я болтал', *а лөй=а* 'не болтай'

[э] ~ [и]:

йэк=тахэ 'плясать' — *йик=тэн* 'вы двое плясали', *йик=иттэн* 'вы двое пляшите'.

Пример без чередования см. в списке глаголов с неодносложными основами.

Подобная ситуация наблюдается и в корнях имен существительных, где гласные среднего подъема ведут себя либо так же, как гласные верхнего подъема, т. е. не чередуются, либо как гласные нижнего подъема, т. е. чередуются с гласными верхнего подъема. Как и в именных основах, наличие или отсутствие чередования нерегулярно и пока не удастся установить четких закономерностей.

1.1.2. Корни с краткими и сверхкраткими гласными.

В большинстве корней с краткими и сверхкраткими гласными, как и в именных основах, чередования не происходит, например:

жөнт=тахэ 'убегать' — *жөнт=эм* 'я убежал', *жөнт=а* 'беги';

йӱр=тахэ 'привязывать' — *йӱр* 'он привязал', *йӱр=а* 'привяжи';

кӱс=тахэ 'ломать, рвать' — *кӱс=эм* 'я сломал', *кӱс=а* 'сломай';

мэн=тахэ 'идти' — *мэн=эм* 'шел', *мэн=а* 'иди'.

Исключение составляют корни с неогубленным гласным переднего ряда нижнего подъема [ä], который в формах повелительного наклонения регулярно чередуется с редуцированным гласным [э], при этом в формах прошедшего времени сохраняется тот же гласный [ä], что и в настоящем времени. В основах с этим гласным противопоставляются друг другу формы индикатива и императива, например:

вӱр=тахэ 'делать' — *вӱр=эм* 'я сделал', *вӱр=а* 'делай';

вӱл=тахэ 'добывать' — *вӱл=эм* 'я добыл', *вӱл=а* 'добудь';

ӱт=тахэ 'появиться, показаться', *ӱт=эм* 'я появился', *ӱт=а* 'появись'.

В некоторых глагольных основах краткие гласные также могут чередоваться с другими краткими гласными. Выявлено несколько частотных глаголов с кратким неогубленным гласным заднего ряда нижнего подъема [ǎ], в которых в формах прошедшего времени и повелительного наклонения может происходить чередование с огубленным гласным заднего ряда нижнего подъема [ǽ], например:

[ǎ] ~ [ǽ]

вǎʝ=таxэ ‘быть, жить’ — *вǽʝ* ‘он был, жил’, *вǎʝ=a* / *вǽʝ=a* ‘будь, живи’

ǎʝ=таxэ ‘лежать’ — *ǽʝ=эм* ‘я лежал’, *ǎʝ=a* / *ǽʝ=a* ‘лежи’

пǎн=таxэ ‘положить’ — *пǽн=эм* ‘я положил’, *пǎн=a* / *пǽн=a* ‘положи’

тǎй=таxэ ‘держать’ — *тǽй=эм* ‘я держал’, *тǎй=a* / *тǽй=a* ‘держи’

ǰǎʝ=таxэ ‘пропасть, умереть, сдохнуть’ — *ǰǽʝ=эм* ‘я умер’ — *ǰǎʝ=a* / *ǰǽʝ=a* ‘умри’

Данное чередование носит крайне неустойчивый характер. В речи многих носителей тром-аганского языка во всех перечисленных выше глаголах в формах настоящего времени и инфинитива произносится звук [ǽ], соответственно, никакого чередования нет. В речи других информантов (прежде всего носителей более западных говоров сургутского диалекта, например, пимского) это противопоставление регистрируется, при этом наблюдается варьирование в образовании форм повелительного наклонения, где непоследовательно фиксируются оба звука. На слух гласные [ǎ] и [ǽ] различаются не вполне отчетливо, поэтому для их строго разграничения необходимо дополнительное инструментальное исследование.

Однако в других глаголах с тем же гласным чередования не наблюдается:

ʝǎʝ=таxэ ‘войти’ — *ʝǽʝ=эм* ‘я вошел’, *ʝǎʝ=a* ‘войди’

йǎʝʝ=таxэ ‘ходить’ — *йǽʝʝ=эм* ‘я ходил’, *йǎʝʝ=a* ‘ходи’

1.2. Неодносложные основы.

1.2.1. В двусложных корнях с редуцированным гласным во втором слоге чередование происходит по общим правилам, описанным выше для односложных основ, при этом редуцированный гласный выпадает:

[o] ~ [y] ~ [ɣ]:

омэт=таxэ ‘посадить’ — *умт=эм* ‘я посадил’ (субъектное спряжение), *умт=эм* ‘я посадил’ (объектное спряжение)

ымт=a ‘посади’ (субъектное спряжение), *ымт=э* ‘посади’ (объектное спряжение)

[a] ~ [и]:

арэх=таxэ ‘петь, исполнять песню’ — *ирх=эм* ‘я спел’ (субъектное спряжение), *ирх=эм* ‘я спел’ (объектное спряжение)

ирх=a ‘пой’ (субъектное спряжение), *ирх=э* ‘пой’ (объектное спряжение)

[ə] ~ [y]:

мәүәт=тауэ ‘вытирать, вытереть, обтирать, обтереть’: *муут=эм* ‘я обтер’ (субъектное спряжение), *муут=эм* (объектное спряжение)

муут=а ‘оботри’ (субъектное спряжение), *муут=э* ‘оботри’ (объектное спряжение); *хөваутауэ* ‘бегать’ — *хувау* ‘он бегал’, *хувау=а* ‘беги’

[э] ~ [и]:

льэвәт=тауэ ‘ругаться’ — *льивәт=тау* ‘вы ругались’, *ау льивәт=ытау* ‘не ругайтесь’

Однако в некоторых основах с долгими гласными среднего подъема чередования не происходит, например: *лэйәл=тауэ* ‘смотреть, глядеть’ — *лэйл=эм* ‘я смотрел’, *лэйл=а* ‘смотри’

[ä] ~ [э]

(только в повелительном наклонении): *äвәт=тауэ* ‘резать’ — *äвт=эм* ‘я резал’ (субъектное спряжение), *äвт=э* ‘я разрезал’ (объектное спряжение)

әвт=а ‘режь’ (субъектное спряжение), *әвт=э* ‘разрежь’ (объектное спряжение)

Если в корне представлено два гласных полного образования, чередования не происходит, например: *аны=тауэ* ‘брать, собирать, набирать’: *аный=эм* ‘я собрал’ (прошедшее время), *аный=а* ‘собери’ (повелительное наклонение). Аналогично и в многосложных основах типа *ванәксә=тауэ* ‘приблизиться’, ср. также: *вауқиу=тауэ* ‘ползть’ (чередование не происходит), но в односложной основе однокоренного глагола *вауқ=тауэ* ‘ползти’ гласные чередуются по общему правилу: *виуқ=эм* ‘я полз’, *виуқ=а* ‘ползи’.

В неодносложных основах, в состав которых, кроме корня, входят словообразовательные аффиксы, чередование отсутствует: *кэвр=эм=тауэ* ‘закипеть’ (аффикс моментального действия =эм=): *кэвр=эм=ау* ‘закипел’ (форма повелительного наклонения не употребляется).

2. Исторические чередования

В сургутском диалекте представлены обширные ряды однокоренных глаголов, чередование гласных в которых в целом подчиняется закономерностям, сформулированным для чередований на синхронном уровне. Такие чередования, наряду со специализированными аспектуальными суффиксами, являются средством выражения каузативных, мультипликативных, моментальных и некоторых других аспектуальных значений. Возможно, выбор гласного в корне зависит от огласовки аффикса. Необходимо также проверить распространение этого явления в разных говорах сургутского диалекта.

Приведем наиболее частотные примеры чередований в обширных глагольных словообразовательных гнездах по словарю Н. И. Терешкина (Терешкин 1981).

Долгие гласные нижнего и среднего подъема чередуются, как правило, с долгими гласными высокого подъема.

[a] ~ [i]:

kari=ta — ворочаться, вертеться, крутиться (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 102)

kari=mta=ta — повернуть(ся), перевернуть(ся), обернуться, свернуть в сторону (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 102)

kari=tə=ta — ворочать, поворачивать, вертеть, повернуть (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 103)

kir=əytə=ta — вернуть(ся), возвратить(ся) (аг, у-аг, тр-юг, у-юг) (Ibid. 114)

kiri=ɣəl=ta — возвращать(ся), возвратить(ся), вернуть(ся) (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 113)

kir=əytə=ta — кружить(ся), ворочать(ся), поворачивать(ся), вертеть(ся), возвращать(ся) (аг, у-аг, тр-юг, у-юг) (Ibid. 113)

[a] ~ [u]:

amər=ta — черпать; начерпать; почерпнуть, зачерпнуть (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 49)

amr=aytə=ta — почерпнуть, зачерпнуть (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 34)

amr=aytə=ɣəl=ta — зачерпывать (многокр.) (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 34)

amr=ant=ta — черпать (непереходн.); зачерпнуться (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 48)

amr=antə=ɣəl=ta — зачерпываться, начерпываться (многокр.) (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 35)

amr=əmtə=ta — зачерпнуть (мом.) (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 48)

amr=əmt=iɣəl=ta — зачерпывать (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 35)

um=ta — черпать, вычерпывать воду из лодки (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 501)

um=əytə=ta — вычерпать воду из лодки (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 501)

[â] ~ [i]:

âmtəs=ta — 1. сидеть (о человеке, животном); 2. стоять (о предметах) (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 15)

âms=əp=ta — посидеть (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 28)

ims=əmt=ta — посидеть немного (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 60)

âmtə=ta — 1. посадить кого-л.; поставить, ставить; 2. приносить детенышей, рожать — об оленях, лосях, медведях, а также об овцах, коровах, лошадях (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 16)

âmt=il=ta — ставить (многокр.) (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 28)

âmt=təɣ=ta — ставить (многокр.) (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 28)

âmt=təɣ=tə=ta — ставить, расставлять (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 28)

im=əl=ta — сесть, садиться (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 60)

im=l=əmt=ta — присесть, сесть (мом.); посидеть немного (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 60)

im=l=əptə=ta — посадить (например, ребенка) (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 60)

[ā] // [u]:

lāl'=t'a — стоять, встать, подняться на ноги, осановиться, прекратить движение (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 195)

lāl'=ip=ta — встать, остановиться (мом.) аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 199)

lul'=əmt=əyəl=ta — вставать, вскакивать; останавливаться (многокр.) (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 218)

[o] ~ [i]:

kol'tə'γə=ta — блестеть, сиять, сверкать; светить, отсвечивать (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 170)

kiltə=γəl=ta I — мерцать, блестеть (аг, тр-юг) (Ibid. 111)

[o] ~ [u]:

n'oyl=il=ta — гонять; прогонять (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 313)

n'oyl=əksə=ta — гнаться; гоняться (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 313)

n'uyl=ta — преследовать, гнать, догонять (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 319)

n'uyl=əptə=ta — заставить гнаться; гнать (аг, тр-юг, юг) (Ibid. 319)

n'uyl=əksə=γəl=ta — гоняться (аг, тр-юг, юг) (Ibid. 319)

[e] ~ [i]:

keγər=lə=ta — зацепиться, задеть (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 107)

keγər=lil=tayə — зацепляться, задевать (аг, тр-юг) (Ibid. 101)

keγər=t=ta — поддеть, зацепить (аг, у-аг, тр-юг, у-юг) (Ibid. 101)

keγər=kint=ta — зацепить(ся), поддеть(ся), ухватиться (аг, у-аг, тр-юг) (Ibid. 107)

keγər=əkint=ta — 1. задеть, зацепиться; 2. лезть, приставать (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 107)

keγər=əkintə=γəl=ta — задевать, зацепляться, застревать (многокр.) (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 107)

keγər=əmta=ta II — зацепить, поддеть (аг, у-аг, тр-юг) (Ibid. 107)

kiγr=aytə=ta — зацепить, поддеть (аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 110)

kiγr=əylə=ta — задеть, зацепиться; запутаться (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 110)

kiγr=əylə=γəl=ta — задевать, зацепляться (многокр.) (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 110)

i // u:

kiγər=ta — бурлить (о быстром течении); крутиться, виться (о водовороте) (аг, у-аг, тр-юг, у-юг) (Ibid. 123)

kuγər=γə=ta — журчать (о ручье) (аг, у-аг, тр-юг) (Ibid. 126)

Встречаются отдельные случаи чередования долгих и кратких гласных.

[a] ~ [ǎ] ~ [ǣ]:

n'aγəm=ta — говорить, разговорить; договориться, условиться (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 300)

n'aγm=ant=ta — сговориться, договориться, условиться (у-аг, у-юг) (Ibid. 296)

n'aγm=antə=γəl=ta — договариваться, уславливаться (у-аг, у-юг) (Ibid. 296)

n'aγm=il=ta — говорить, разговаривать (многокр.) (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 300)

n'ǣγm=əltə=ta — договориться, уговориться (тр-юг) (Ibid. 300)

n'ǣγm=ta — говорить, разговаривать (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 302)

n'ǣγm=il=ta — говорить (многокр.) (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 301)

n'ǣγm=əltə=ta — договориться, уговориться (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 301)

Краткие гласные чередуются либо с долгими гласными верхнего подъема, либо с другими краткими гласными.

[ǣ] ~ [i]:

ǣγ=ta — течь, протекать (о реке, ручье); расплываться (о жидкости) (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 324)

ǣγ=ləl=ta — потечь, начать течь (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 29)

ǣγ=ləl=tə=ta — залить, затопить водой; заливаться водой; заставить течь (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 29)

ik=kət=ta — вылить, выплеснуть; вывалить, высыпать, рассыпаться; опрокинуться (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 58)

ik=kət=əγəl=ta — выливать, выплескивать; вываливать, высыпать, рассыпаться (многокр.) (аг, у-аг, тр-юг, у-юг) (Ibid. 58)

[ö] ~ [u]:

luγəm=ta — успокоиться, усмириться (аг, тр-юг) (Ibid. 238)

luγm=əl=tə=ta — успокаивать; усмирять; утешать (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 238)

lōγm=əl=təγ=ta — умолять, упрашивать (юг) (Ibid. 237)

[ǣ] ~ [ö]:

kǣl=ta — пропасть, издохнуть, умереть (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 151)

kǣl=altə=ta — губить, загубить, погубить (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 151)

kǣl=γilt=ta — быть при смерти, умирать (аг, тр-юг, юг) (Ibid. 152)

kōl=γil=ta — умирать, падать в обморок (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 179)

kōl=tiptə=ta — губить, морить (аг, у-аг, тр-юг) (Ibid. 156)

[ǣ] ~ [ö] ~ [o] ~ [i]:

lǣγəl=ta — жевать, разжевывать, разжевать (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 211)

lǣγl=antə=ta — жевать (неперех.) (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 200)

lǣγl=əγtə=ta — разжевать, прожевать (аг, у-аг, тр-юг) (Ibid. 200)

lǫɣl=ət=ta — жевать беспрерывно (аг, у-аг, у-юг) (Ibid. 214)

loɣl=əɣtə=ta — поест, отведать пищу (аг, тр-юг, юг) (Ibid. 211)

lǫɣl=əm=ta — пожевать; моментально разжевать (аг, у-аг, юг, у-юг) (тр-юг — *lǫɣləmt=ta*) (Ibid. 200)

[ǎ] ~ [ə]:

kǎl=či=ta — тревожить, берeditь, растравлять (рану); шевелить, трогать, щеко-
тать (тр-юг) (Ibid. 106)

kǎl=ɣəltə=ta — задевать, трогать, шевелить, щеко-тать, берeditь, тревожить (рану)
(аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 137)

kǎl=ip=ta — копошиться, шевелиться, возиться (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 137)

При образовании глаголов от именных основ чередования также происходят, хотя чаще периферийного типа:

ǎ // i: *lǎs=ɣəl=tə=ta* ‘освободить от каких-л. пут’ (Ibid. 228) от *lis* ‘слабый, плохо
натянутый’ (Ibid. 223);

ǎ // ǎ: *čǎɣ=int=ta* ‘обгрызать ветки молодого тальника (о зайцах, лосях)’ (Ibid. 41)
от *čǎɣi* ‘почка лиственного дерева’ (Ibid. 41);

o // ǫ: *n’oli=ltə=ta* ‘ржаветь’ от *n’ǫli* ‘ржавчина’

ǎ // i: *n’ǎmli* — слизь; ил, тина (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 305); *n’ǎmli=ətə=ta* —
покрыться слизью (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 305), *n’iml=altə=ta* — запачкать, пе-
репачкать слизью (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 311), *n’iml=altə=ɣəl=ta* — пачкаться
в слизи (многокр.) (аг, у-аг, тр-юг, юг, у-юг) (Ibid. 311)

Выводы

Чередование гласных в именных и глагольных основах сургутского диалекта хантыйского языка обладает рядом сходных и различных черт. Общим является правило, в соответствии с которым чаще всего чередованием охвачены основы с долгими гласными: гласный нижнего подъема меняется на соответствующий ему по ряду гласный верхнего подъема. Долгие гласные среднего подъема как в имен-
ных, так и в глагольных основах демонстрируют нерегулярность чередования: они
либо не чередуются, подобно гласным верхнего подъема, либо чередуются, подоб-
но гласным нижнего подъема, имея при этом определенные ограничения на ко-
личество гласных в ряду чередования. Максимальный набор чередующихся глас-
ных из трех членов представлен для долгого огубленного гласного заднего ряда
нижнего подъема [o], который в прошедшем времени чередуется с [y], а в повели-
тельном наклонении — с [ы], что отражает системные связи: чередование не выхо-
дит за пределы соответствующего ряда, тройная оппозиция обеспечивается тем,
что в верхнем подъеме заднего ряда имеется оппозиция гласных [ы] и [y], проти-

вопоставленных по огубленности / неогубленности. Этот дифференциальный признак оказывается задействованным при чередовании. С другой стороны, в подсистеме гласных переднего ряда подобной оппозиции нет, поэтому чередование ограничено парой гласных неверхнего и верхнего подъемов: [а] чередуется с [i].

В отличие от имен существительных, где допустимы чередования только долгих гласных, в сфере глагольного словоизменения представлены также чередования кратких гласных. Долгие гласные чередуются с долгими, тогда как краткие — с краткими при образовании форм прошедшего времени и повелительного наклонения. В сфере исторических чередований, которые охватывают однокоренные глаголы, встречаются также отдельные примеры чередования кратких гласных с долгими гласными верхнего подъема [i] и [u] в соответствии с огубленностью/неогубленностью.

Другим отличием от именной системы является отсутствие чередования в глагольных лично-числовых аффиксах, которые можно было бы ожидать по аналогии с соответствием между чередованием в именных корнях и лично-притяжательных аффиксах. Ср.: *сёх* ‘шкура’ — *сёх=ам* ‘моя шкура’, *рыт* ‘лодка’ — *рыт=эм* ‘моя лодка’, *жот* ‘дом’ — *жот=эм* ‘мой дом’ (гласный в формах 1-го и 2-го лица ед. ч. при ед. ч. предмета обладания меняется в зависимости от типа основы).

Гласный глагольных лично-числовых аффиксов не коррелирует с типом корневого гласного, глагольная парадигма унифицирована: во всех лично-числовых формах употребляется редуцированный *а*, ср.:

омат=та ‘посадить’ — *умт=эм* ‘я посадил’ — *ымт=а* ‘посади’

лэук=та ‘закрыть, накрыть, покрыть’ — *лиук=эм* ‘я закрыл’ — *лиук=а* ‘закрой’;

льак=та ‘стрелять’ — *льик=эм* ‘я стрелял’ — *льик=а* ‘стреляй’;

лөт=та ‘купить’ — *лөт=эм* ‘я купил’ — *лөт=а* ‘купи’

лөрт=та ‘стричь, срезать’ — *лөрт=эм* ‘я срезал’ — *лөрт=а* ‘срежь’

лйу=та ‘войти, пройти’ — *лйу=эм* ‘я вошел’ — *лйу=а* ‘войди’

йёр=та ‘привязать’ — *йёр=эм* ‘я привязал’ — *йёр=а* ‘привяжи’

Возможно, это связано с тем, что в глагольном словоизменении противопоставление гласных [а] // [е] // [э] имеет другую функциональную нагрузку по сравнению с системой лично-притяжательных суффиксов имен существительных. В глагольных формах противопоставление гласных нижнего и среднего подъема редуцированному связано с субпарадигмами спряжений и наклонений: редуцированный [э] встречается в формах субъектного спряжения, гласный нижнего подъема [а] типичен для форм повелительного наклонения субъектного спряжения, а гласный среднего подъема [е] — для форм повелительного наклонения объектного спряжения. Варьирование тех же самых гласных происходит и в именной сфере, однако оно связано с противопоставлением грамматических форм внутри

субпарадигмы. Чередование гласных в глагольных корнях является также словообразующим средством, при помощи которого образуются каузативные и разнообразные аспектуальные производные глаголы.

Таким образом, для именных основ характерна избирательность чередования, которая распространяется только на несколько форм в посессивной субпарадигме и коррелирует с типом лично-притяжательного аффикса. В глагольных основах чередование охватывает все формы прошедшего времени и повелительного наклонения, т. е. противопоставляются не отдельные словоформы, а субпарадигмы настоящего времени, прошедшего времени и повелительного наклонения в целом. При этом лично-числовые аффиксы стандартны и не зависят от типа корневого гласного.

Литература

- Кошкарева, Н. Б., Т. В. Тимкин, П. И. Ли 2019. Чередование гласных в корнях и лично-притяжательных аффиксах имен существительных в сургутском диалекте хантыйского языка. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 18, 9: 78–101.
- Терёшкин, Н. И. 1961. *Очерки диалектов хантыйского языка. Часть первая. Ваховский диалект*. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Терёшкин Н. И. 1981. *Словарь восточно-хантыйских диалектов*. Л.: Наука.
- Хонти, Л. 1993. Хантыйский язык. В: В. Н. Ярцева (ред.) *Языки мира. Уральские языки*. М.: Наука: 300–319.
- Хонти Л. 1995. Ваховский диалект хантыйского языка. В: *Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 2*. Томск: 3–21.
- Чепреги М. 2015. *Сказки и рассказы сургутских ханты: фольклорный сборник*. Под ред. А. С. Песиковой; пер. на рус. яз.: Т. А. Ефремова, А. С. Песикова. Тюмень: Формат.
- Чепреги М. 2017. *Сургутский диалект хантыйского языка*. Под ред. Н. Б. Кошкаревой; ред. хантыйского текста А. С. Песикова; пер. на рус. яз.: Т. А. Ефремова. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск.
- Якобсон, Р., Г. М. Фант, М. Халле. 1962. Введение в анализ речи. В: *Новое в лингвистике. Вып. 2*. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 173–230.
- Csepregi, M. 1998. *Szurguti osztják chrestomathia*. Studia uralo-altaica. Suppl. 6. Szeged.
- Filchenko, A. 2010. *Aspects of the Grammar of Eastern Khanty*. Tomsk: TSPU-Press.
- Helinski, E. 2000. Umlaut in Diachronie — Ablaut in Synchronie: Urostjakischer Umlaut und ostjakischer Ablaut. In: *Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия: Доклады и тезисы научной конференции 29 мая — 2 июня 2000 г.* Москва, 194–200.
- Honti, L. 1977. Beobachtungen über die Laut- und Formenlehre gegenwärtiger Surguter Mundarten der Ostjakischen. In: *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae* 27. Budapest, 271–286.
- Paasonen, H., E. Vértés 1963. Ostjakische grammatikalische Aufzeichnungen nach den Dialekten an der Konda und am Jugan. *Journal de la Société Finno-Ougrienne* 66: 1–91.
- Vértés, E. 1977. *Morphonematische Untersuchung der Ostjakischen Vokalharmonie*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Cognate maximization versus cognate minimization: in search of a “golden middle” for Altaic etymology

George Starostin

National Research University Higher School of Economics / Santa Fe Institute

It is extremely gratifying for me to be able to dedicate this paper to the memory of Eugene A. Helimski. Although his principal scientific interests always resided in the field of Uralic linguistics, as one of the members of the Moscow School of comparative linguistics, Dr. Helimski always took a keen interest in both specific and general issues of long-range comparison, and had made important contributions to Altaistics (e.g. Helimski 1986a, 1986b) as well as the general methodology of macro-comparative linguistics (particularly important in that respect is his critical evaluation of overpermissive semantic standards in these studies, which has significantly influenced my own views on the subject, see Helimski 1987). His extremely sober, yet generally sympathetic attitude to such hypotheses as Altaic and Nostratic was almost unique among his colleagues, most of whom tended to sway too far in either of the two opposite directions, and this is why I have a feeling that, out of all my former professors and senior colleagues with whom I have had the honor to study and work over the years, he might have been particularly close to sharing the concerns and ideas expressed in this paper, had he still been with us today.

* * *

While the hypothesis of (linguistic) genetic affinity between several major stocks of Central and Far Eastern Eurasia commonly known as “Altaic”, contrary to rumors, is still well alive and kicking today (Robbeets 2017), it has also to be acknowledged that in general Altaic (or “Transeurasian”, to use the more recent term which is actively promoted by Martine Robbeets and some of her colleagues) linguistics currently remains at an impasse. Despite obviously widespread skepticism about the idea that observed correlations between Turkic, Mongolic, Tungusic, Koreanic, and Japonic languages should be explained in terms of a common linguistic ancestor rather than prolonged areal contacts, active re-

search on the hypothesis still goes on in at least a few scientific hubs around the world (such as Moscow's Institute of Linguistics, or the Max Planck Institute at Iena). Yet it may be argued that few, if any, significant methodological breakthroughs in Altaistics have been achieved over the past 15 years — breakthroughs, that is, which could decisively turn the wheel in one or the other direction and result in either abandoning the hypothesis for good or, conversely, producing a unified working model of the Altaic theory which could serve as a base reference point for generations of future scholars to come.

The present paper is a humble attempt at explaining the reasons underlying the lack of such breakthroughs and offering, at least speculatively, a possible direction of study which present day and future Altaicists might want to consider if they truly care about making the field more robust and the theory itself more credible to skeptics — or, at least, more falsifiable from a Popperian point of view and, therefore, easier to confirm or rebuke on a permanent basis. Considering that the Altaic hypothesis is one of the best known and most promising cases of so-called “long-range comparison” — theories of genealogical relationship between such distant linguistic taxa that application of the standard Neogrammarian comparative method becomes controversial — any progress or lack thereof in this field should have significant theoretical and methodological implications for all similar hypotheses.

One of the first things that comes to mind when briefly surveying the history of the Altaic debate over the past decade and a half — much of which was inevitably focused on the release of the massive *Etymological Dictionary of Altaic Languages* (EDAL) by Sergei Starostin, Anna Dybo, and Oleg Mudrak in 2003 — is that the methodological positions occupied by opposing sides tend to veer towards what might be dubbed “linguistic extremism”, i.e., a hyper-strict, almost dogmatic adherence to strategies which are more likely to help gain (or lose) subjective supporters of the hypothesis than to construct an approximation of genuine linguistic prehistory of the families in question.

In the case of the so-called Moscow school of comparative linguistics as specifically represented by the authors of EDAL, this position is perhaps best illustrated by a telling turn of phrase in the middle of the “Introduction” to the dictionary: “The very fact that it is possible to compile a dictionary of common Altaic heritage appears to be a proof of the validity of the Altaic theory” (EDAL: 9). Justifiedly picked upon by some of the critics of EDAL such as Alexander Vovin (2005: 73) and Stefan Georg (2004: 449), this statement in itself, especially when taken out of context, suffers from rather unfortunate wording, given the huge amount of “dictionaries” published in support of all sorts of bogus hypotheses of linguistic relationship over the past two centuries. Naturally, what the authors really meant was that the dictionary in question represented an etymological corpus, tightly bound together and validated by regularly observed sound laws — but another veiled implication may have been the sheer size of the dictionary: 2800 etymologies, at least several hundred more than, for instance, the total number of etymologies included in

Julius Pokorny's classic dictionary of Proto-Indo-European (1959), and at least twice as many as may be found in the most extensive previously published Altaic comparative corpora by Gustaf Ramstedt, Nicholas Poppe, etc.

Such a result may be seen as counterintuitive: given the inevitable accumulation of loss of cognates over millennia, an etymological dictionary for a family that is, according to a general Altaicist consensus, *older* than Indo-European, should hardly be expected to yield more comparanda than its much younger counterpart. This becomes even less comprehensible if one considers that Altaic consists of but five roughly equidistant branches, whereas Indo-European comprises at least a dozen or so (meaning that out of its 2000+ etymologies, quite a large number may rather represent post-Proto-Indo-European areal innovations). To use a particularly instructive piece of statistics, EDAL contains 1115 isoglosses between the two most remote branches of the family (Turkic and Japonic); the number of isoglosses between two geographically and phylogenetically comparable members of Indo-European, Old Indian and Latin, found in Pokorny's dictionary, fluctuates somewhere in between 600–650, depending on the strictness of etymological criteria.

How has it been possible to achieve such an impressive result? Analysis of the actual material shows that it is largely due to the authors adopting the strategy of *cognate maximization*, which is never stated explicitly but, based on a general overview of the corpus, may be roughly summarized as follows: "If lexical root R_1 , found in languages $L_{1,1}...L_{1,n}$ of language family F_1 , phonetically corresponds to and shares a common semantic component with lexical root R_2 , found in languages $L_{2,1}...L_{2,n}$ of language family F_2 , then lexical roots R_1 and R_2 will be judged as cognates and united in a single etymological nest, regardless of any other potential solutions".

On the surface, this chosen strategy seems to match classic Neogrammarian prescriptions and could, in fact, be said to underlie any well-respected "traditional" etymological dictionary — supporting the claims of many of the Moscow School's long-rangers, beginning with Vladislav Illich-Svitych and Aharon Dolgopolsky, that there is no significant methodological difference between "long-range" and "short-range" comparison other than "long-range" comparison being dependent on the results of "short-range" comparison in that the objects of comparison are protolanguage reconstructions rather than data from living or historically attested languages. In reality, things are much more complicated.

In his frequently unacademic, but often justified criticism of EDAL, Alexander Vovin (2005) gave quite a few examples of Altaic comparanda which seem to play fast and loose with at least two parts of the above definition. The first is the requirement of a common semantic component: Vovin lists many examples of semantic connections which seem typologically improbable or at least require extensive justification. Naturally, one might argue that semantic shifts should be expected to be both more frequent and less predictable across distantly related lineages; still, whenever one sees an etymology which attempts to relate, e.g., Mongolic **(h)alag-* 'jerboa', Tungusic **(x)algi-n* 'male otter', and Japonic **írúká*

‘dolphin’ (EDAL: 289), the question immediately springs to mind of how many semantically far-flung connections like this may be accidentally generated by comparing dictionaries, and whether it would be at all possible to find a proper, convincing way to separate true etymologies based on such extraordinary semantic connections from fake ones. Similar concerns have been voiced in other reviews of EDAL as well, both those written from a generally anti-Altaic standpoint (e.g. Georg 2004) and a pro-Altaic one (e.g. Miller 2004, Stachowski 2005).

The second and arguably even more important part is that of the “lexical root R_1 , found in languages $L_{1.1}...L_{1.n}$ ”. It should be immediately clear to any practicing comparative linguist that such a definition, despite being followed to a tee in EDAL, is nowhere near the same as the definition of *reconstructibility* of lexical root R_1 to the topmost level of language family F_1 (Starostin 2016). Thus, if we take the Tungusic material in EDAL, we shall find that, out of 2435 etymologies, about 200 only have reflexes in one single language; 81 are Even-Evenki isoglosses; around 300 are only found in the Northern branch of the family, etc. Again, in each single case it is perfectly possible that the original root simply happened to be retained in only one branch or, sometimes, even in only one language of the family. But without a proper supportive criterion to help us assess the chances of this being true from *within* the Tungusic family rather than through the exclusive application of the criterion of external comparison, how can we protect ourselves from the danger of a drastic increase in chance similarities when, instead of limiting ourselves to the relatively small corpus of reliably reconstructible items, we expand the basis of comparison to isolated languages as well? Unfortunately, no safeguards at all are provided in EDAL.

There are also other, more subtle ways, in which the cognate maximization strategy may be consistently exploited. One of these is the idea of *contamination*, when an annoying phonetic irregularity in the reflexes of a certain root is explained away by purely hypothetical influence on the part of another, phonetically and semantically close, root; and the idea of *merger*, when a seemingly single root is split into several different ones merely because it has several potential external correlates. A good example of the latter is the separation of Proto-Turkic **jāl(-il)* ‘green’ and **jāl* ‘fresh, raw’ into two different roots — something which looks very strange from the point of view of standard Turcology as well as semantic typology, given the extremely frequent connections between these meanings across the world’s languages; in EDAL, however, the first form is deemed cognate with Mongolic **žöl(ü)ge* ‘green meadow’ and Tungusic **noli-* ‘greenish, bluish; green moss’ and traced back to Proto-Altaic **niōlē* (EDAL: 1015), whereas **jāl* ‘fresh, raw’ is compared with Mongolic **nilayu* ‘raw’, Tungusic **n(i)ali-* ‘raw’ and Koreanic **nār* id., yielding a different Proto-Altaic root: **niālī* (EDAL: 985). In my opinion, strict analysis of the semantics and distribution of cognates shows that the second etymology, inherited by EDAL from much earlier comparisons by Ramstedt and Poppe, is quite robust (all the items are relia-

bly reconstructible for Proto-Turkic, Proto-Mongolic, and Proto-Tungusic in the exact same meaning ‘raw’), whereas the first etymology – an EDAL innovation – is far more questionable semantically, and its components are nowhere near as easily reconstructible for the Proto-Mongolic and Proto-Tungusic parts of the equation; EDAL, however, treats them as essentially equal, and the contradicting stance that it takes here against typology of semantic change may only be explained by the persistent application of the cognate maximization strategy.

Precisely the opposite methodological approach has been selected by some of the most ardent present day critics of the Altaic hypothesis such as, e.g., Stefan Georg (2000, 2004) and Alexander Vovin; we may respectively call it the *cognate minimization* strategy, though, in all fairness, it eventually results in a *cognate elimination* strategy. Based on their criticism of EDAL as well as other studies in Altaic or Altaic-related (e.g. Koreo-Japonic) etymology, this strategy may be briefly defined as follows: “If and only if lexical root R_1 , reconstructible to the topmost level PL_1 of language family F_1 , phonetically corresponds to and is completely or at least near-completely semantically identical with lexical root R_2 , reconstructible to the topmost level PL_2 of language family F_2 , and if it has been successfully demonstrated that the proximity of lexical roots R_1 and R_2 cannot be the result of linguistic contact, then lexical roots R_1 and R_2 may be judged as cognates”. In other words, the cognate minimization strategy requires a tremendous burden of proof on the part of the etymologist – not only do the phonetic and semantic correlations between comparanda have to be virtually impeccable right down to the tiniest details, but one must also know how to decisively eliminate borrowing as a potential explanation before daring to make an actual cognacy judgement.

These methodological principles are richly and accurately illustrated in Vovin’s lengthy critical review of EDAL (2005) and, perhaps, even more so, in his monograph-size critical examination of John Whitman’s binary comparison between Koreanic and Japonic (Vovin 2010). Many specific counter-criticisms to these works have already been published (e.g. Dybo, Starostin 2008; Starostin 2013), so there is no need to repeat them here; suffice it to say that, in this author’s opinion, consistent application of the cognate minimization strategy will always be enough to invalidate not only the Altaic theory, but just about any “long-range” hypothesis ever produced, since the evidence on such deep levels will by definition always be less robust than evidence for phylogenetic connections on levels such as Indo-European.

It would be far-reaching to call either of the two strategies completely useless. Cognate maximization may and will occasionally result in fresh, innovative ideas that sometimes rightfully challenge accepted conventions on reconstruction, whereas cognate minimization, taking scientific skepticism to the extreme, may and will provide reasons why certain etymologies should be unquestionably abandoned, as well as point out possible ways of improving certain others (for instance, justifying dubious semantic connections

with data from the field of semantic typology, or looking more closely into the issue of reconstructibility of certain items on intermediate levels, e.g. explaining why a certain isolated Evenki word may or may not be traced back to Proto-Tungusic). However, one thing which the two strategies have in common is *oversimplification*. Cognate maximization tends to place too much trust in phonetic correspondences, virtually ignoring, among other things, the semantic side of the comparison; cognate minimization, on the other hand, tends to ignore the qualitative differences between various etymologies, rejecting them indiscriminately regardless of the respective degree of seriousness of the observed problems (e.g. it seems rather clear that the semantic distance from ‘jerboa’ to ‘dolphin’ is much larger than, say, the distance from ‘jump’ to ‘run’, but consistent application of the cognate minimization strategy may simply reject both comparisons as “semantically problematic”).

Among other problems, the cognate minimization strategy simply refuses to acknowledge the possibility that, due to the chronological factor, producing a completely “water-proof” Neogrammarian model of phonetic correspondences for a macrofamily older than Indo-European may be technically impossible — leaving the researcher before the choice of either abandoning any macro-comparative research for good or trying to find alternatives, perhaps by way of introducing “relaxed” models with emphasis on regularities between some parts of the system and clearly defined “fuzzy zones” where multiple equiprobable, but essentially unprovable, historical scenarios of development could have taken place.

In any case, it seems clear enough that some sort of middle ground is necessary in order to move Altaic — or any other macro-comparative — linguistics away from this stalemate and put it back on a progressive path which could preserve all the benefits of both strategies without succumbing to their excesses. Unfortunately, while in theory many scholars would probably subscribe to such an appeal, in practice there is no clear and easily acceptable recipe for such a “golden middle” strategy.

Arguably the most focused and successful work in establishing such a “golden middle” in the post-*EDAL* era has been conducted by Martine Robbeets, a firm adherent of the Altaic hypothesis who has, nevertheless, been openly and highly critical of the cognate maximization strategy. In her important monograph on the subject (Robbeets 2005), taking Japanese as her basic point of departure, she establishes a large number of specific parameters based on which she analyzes all of *EDAL*’s etymologies with Japanese reflexes word for word, rejecting more than two-thirds of the evidence as conclusive but still singling out a limited corpus of 359 etymologies as definitive proof for a genetic affinity between Japanese and the other Altaic languages. According to Robbeets herself, “the sifting process rules out entries for which internal evidence contradicts the proposed etymology, similarities due to general properties of languages, contact induced similarities and etymologies with problematic semantics” (p. 422).

Upon first glance, this approach might seem to be precisely the kind of “golden middle” that is being advocated in the present paper. However, while on the whole this advo-

cation of the “quality over quantity” principle is intuitively quite welcome, there are two major problems with Robbeets’ solution. One of them, easily exploitable by anti-Altaicists, has to do with the lack of a strict, clearly defined threshold which separates the “good/acceptable” etymologies from the “bad/unconvincing” ones. While nobody would probably argue that some of the Japanese-Altaic parallels in EDAL may be put in doubt by the existence of alternate internal etymologies, or that others suffer from “semantic overpermissiveness”, neither Robbeets nor, in fact, any other pro- or anti-Altaic scholar, has ever given a clear definition of what precisely constitutes “semantic overpermissiveness” or of when precisely internal etymologization should take precedence over potential external connections. Two examples on each parameter will suffice here:

1) Robbeets disqualifies the comparison of Proto-Japonic **pàna* ‘flower’ with other potential Altaic comparanda based on the suggestion that the word in question *may* be segmented historically as **pa-* ‘red’ + **na* ‘plant’ (Robbeets 2005: 84). But even if we accept the historical reality of **pa-* ‘red’, a root that is never attested individually and is only extracted hypothetically from other potential compounds such as **pa(-ni)* ‘red clay’, etc., it is never explained why ‘red’ should have been established as the default color for the generic term ‘flower’ — flowers, both in Japan and anywhere else, typically come in all colors, and to the best of my knowledge, there is no serious typological evidence, at least for Eurasia, which could confirm such an odd semantic development; much more common is derivation from verbs such as ‘to grow’, ‘to bloom’ (e.g. in Indo-European; see Mallory, Adams 1997: 207), as well as expression of this meaning by a primary nominal root.

On the other hand, for instance, the Japanese word for ‘shadow’ (*kage* ← Proto-Japanese **kanka-*, p. 404) is considered perfectly acceptable, despite the fact that a potential internal etymology for this word had also been suggested, e.g. by S. Martin, who tentatively derives it from **ka-n/i/-ka*, lit. ‘place of day’, where both morphemes with the shape **ka* go back to two equally hypothetical monosyllabic roots (Martin 1987: 432). While I find such a segmentation just as suspicious as the one for ‘flower’, largely based on typological grounds, it is hard to understand what it is exactly which makes the first internal etymologization acceptable to Robbeets and the second one not even worth mentioning.

2) In the sphere of “semantic overpermissiveness”, Japanese *te* ‘hand’ is denied cognacy with the Mongolian word for ‘wing, shoulderblade’ (p. 278), even if technically both terms could be derived with a single semantic shift from the original meaning ‘arm’. On the other hand, Japanese *kobusi* ‘fist’ is listed as a potential cognate for Proto-Tungusic **kombo* ‘wrist, hand, spoke-bone’ (p. 401; more precisely, ‘back of hand’ or ‘metatarsus’ rather than ‘hand’ proper) without any semantic problems — despite the fact that a metonymic transition from ‘wrist’ to ‘fist’ is nowhere near as self-evident or confirmed by typological evidence as it might seem.

These two examples are in no way dismissive of Robbeets' thorough and extremely useful critical analysis of Altaic etymologies on the whole, but simply illustrate the casual difficulties which always accompany "good intentions" when said intentions are not accompanied with uniform, clearly stated rules of the game. Those subsequent reviews of her work which were negative rather than positive did not fail to capitalize on this circumstance, and efficiently pointed out that many of the 359 "waterproof" etymologies which remained after sifting the evidence are not at all immune to further and further sifting – until practically nothing remains (Vovin 2009).

There is yet another problem with Robbeets' solution, this one more relevant, perhaps, for proponents than opponents of the Altaic theory. While I do agree that, in general, it is quite important to be able to reduce available comparanda to a core group of etymologies which demonstrate beyond reasonable doubt that the Altaic macrofamily is real, the final product of the field of comparative Altaic studies is still expected to be a representative collection of etymologies that would, ideally, cover a large number of semantic fields, including basic as well as cultural lexicon which would allow scholars to more firmly assign "Altaic" to a specific time and place in prehistory. This means that while reductionism may be a solid strategy when it comes to "proving" Altaic, it is essentially unusable when it comes to making head or tails of "Altaic" as a meaningful historical phenomenon. And while an etymological dictionary of 2800 entries, generated under the cognate maximization strategy, is most likely overkill, the opposite strategy of reducing Altaic to 350 etymologies or so makes it look as if we might be intentionally refusing to make the most of the available means of comparative-historical linguistics.

In the remaining part of the paper, I would like to briefly talk about one such available means, a proper understanding and utilization of which, I believe, could vastly improve both our handling of the comparative data and the clarity of its presentation – namely, what goes today in certain scientific circles under the name of *onomasiological reconstruction* (Jäger, List 2018), i.e. the idea of matching reconstructed phonological shapes of lexical (or, for that matter, grammatical) morphemes with precise, discrete semantic concepts rather than vague meaning clouds. Unlike the usual practice, which generally sees no formal limit to the number of potentially reconstructed morphemes and pays much more importance to the regularity of phonetic correspondences than to accurate marking of semantics and explanations of meaning shifts, onomasiological reconstruction takes semantic concepts as a starting point – essentially, it regards the proto-language inventory as a more or less fixed set of pre-determined "semantic slots", each of which should ideally be occupied by one and only one reconstruction.

When it comes to well established families such as Indo-European, the onomasiological approach may be seen as not really necessary to either "prove" Indo-European or assemble an impressive corpus of Indo-European etymologies – largely because the phonetic and semantic distance between ancient Indo-European languages is relatively small – al-

though applying it to Indo-European could still be beneficial in that it could help distinguish between the various quasi-synonyms in Indo-European reconstruction, as well as draw a much clearer line between those roots which are truly reconstructible for Proto-Indo-European and those which represent later areal innovations. However, I believe that the true potential of onomasiological reconstruction could really shine when it comes to more far-flung macro-comparative hypotheses such as Altaic. In other words, reframing such questions as “is the phonetic and semantic connection between such-and-such morphemes in Turkic, Mongolic, and Japonic acceptable?” into something like “which specific concept could have been denoted by these phonetically-and-semantically similar morphemes in Turkic, Mongolic, and Japonic?” probably could bring about a whole new development in Altaic linguistics.

Once again, a small illustration will suffice. Taking Indo-European as a starting point and focusing, for instance, on the basic semantic slots within the general semantic field HEAD, we may with almost absolute certainty reconstruct the principal elements of that field as **kerH-* ‘head’, **okʷ-* ‘eye’, **How-* ‘ear’, **nas-* ‘nose’, **HoHes-* ‘mouth’, etc. Although many of the individual languages have replaced the reflexes of these roots with innovations, and although said reflexes are not always completely regular in the Neogrammarian sense, and certain phonetic components of the reconstruction are questionable, there is plenty of evidence to suggest that these particular phonetic shapes and no others served as the principal (stylistically unmarked) “carriers” of the corresponding meanings in Proto-Indo-European (see Mallory, Adams 1997 for confirmation). The very fact that we can successfully suggest and defend historical scenarios which corroborate this idea is a strong argument in favor of the historic reality of Proto-Indo-European itself.

When trying to do the same onomasiological reconstruction for Proto-Altaic, we instantly run into problems, since not a single one of these concepts is represented by cognate sets that would be sufficiently well distributed across all of its five branches. This glaring difference from Indo-European may mean one of two things — either Proto-Altaic is a phantom construct, or it is significantly older than Indo-European, which would explain a higher degree of cognate loss. But how could the methodology of onomasiological reconstruction help us understand which is the better solution? To gain such an understanding, it might be helpful to adopt a systematic approach which takes a look at potential cognates as well as non-cognates.

Let us illustrate this on the example of the actual word ‘head’. The respective onomasiological reconstructions for the five branches of Altaic are Proto-Turkic **baĭĭ*, Proto-Mongolic **heki* or **tolu-gai* (here it is difficult to make a single choice), Proto-Tungusic **dili*, Middle Korean **m̐ri*, Old Japanese *kasira* (all forms cited after EDAL). Of these five (or six, considering the ambiguous situation in Mongolic) etyma, two are etymological cognates according to the EDAL model — Proto-Turkic **baĭĭ* and Korean **m̐ri*: they share the exact same semantics and can be regularly traced back to an Altaic prototype

like **meĭ-* (in EDAL: 910, the proposed reconstruction is **mélǝu*, based on the addition of Mongolic **malǝa-* ‘bald’ whose inclusion is highly questionable on semantic grounds)¹.

If we assume that Turkic and Korean forms are indeed retentions from Proto-Altaic, then all the other forms must be innovations, and thus, require explanations. For the Tungusic form **dili*, such an explanation is implicitly provided in EDAL: 476, where it is compared to Mongolic **žilua* ‘brain’ and Turkic **yuliŋ* ‘marrow’, indicating a possible semantic shift ‘brain’ → ‘head’ (as well as ‘brain’ → ‘marrow’ in Turkic); the probability of such a development is faintly supported by the fact that such a semantic shift would later once again take place within the Tungusic family, namely, in Manchu, where *užu* ‘head’ ← Proto-Tungusic **irgü* ‘brain’.

Mongolic **heki* ‘head’ is compared in EDAL: 1130 to the somewhat vague Proto-Tungusic reconstruction **pe:yeKe* ‘brain / forehead / top of the head’, which is itself assembled from Narrow Tungusic (i.e. Northern and Southern Tungusic without Manchu) **pe:ye* ‘forehead’ and Manchu *fexi* ‘brain’. Since this consonantal cluster is fairly unique, it makes more sense to regard the form as original **pe:ye* ‘forehead’, with a suffixal derivative in Manchu — **pe:ye-ki* → *fexi* ‘brain’². Regardless of whether the complex Manchu form is a recent innovation or an archaism, the Mongolic form **heki* itself may be tentatively analyzed as **he-ki* (perhaps containing the well-known nominal ‘converter’ suffix **-kĭ*), in which case the first syllable **he-* is a perfect match for Proto-Tungusic **pe:ye*. This, in turn, gives us a solid candidate for Proto-Altaic ‘forehead’, with derivational semantic shifts to ‘brain’ or ‘head’ across different lineages. (Addition of Middle Korean *páki* ‘top of the head’ to the same etymology is dubious: this form, encountered exclusively in compounds with meanings such as ‘crown of the head’ and ‘top of a hill’, seems to have the general meaning ‘top’ rather than specifically ‘forehead’, see Lee 1958: 109).

Finally, if EDAL’s comparison between Japonic **kàsira* ‘head’ and Korean **kór* ‘brain’ (EDAL: 660) is phonetically justified (according to EDAL’s general model, the two words may go back to **kVĭi*, with additional suffixation *-ra* in Japonic), this may hint at yet another ‘brain’ → ‘head’ (derivational) shift, although in this case Proto-Koreo-Japonic **kVĭi* ‘brain’ would be opposed to “Narrow Altaic” **dilu* ‘brain’, requiring its own explanation — but not at all contradicting the usual models of Altaic phylogeny, in which Koreo-Japonic is typically opposed to “Narrow Altaic” as, arguably, the first branch to split off.

This single example, in my opinion, illustrates fairly well the benefits of onomasiological reconstruction. In a cohesive, relatively well-rounded scenario we have not only

¹ Vovin (2000: 143) reconstructs the original Korean form of the word as **matay* or **matæ*, based on the transcription of this item as Middle Chinese *ma-tjej* in the *Kyeyylim Yusa*, but this isolated case cannot be regarded as definitive proof that the original consonant was a stop rather than a sonorant.

² This reconstruction is further supported by the existence of Proto-Samoyed **päyâ* ‘forehead’, quite possibly an old borrowing from a Tungusic source (Anikin, Helimski 2007: 126).

found a suitable candidate for Proto-Altaic ‘head’ (the isogloss between Turkic and Korean), but also defined several potential scenarios for the evolution of this concept in some of the daughter branches, found suggestive evidence for a widespread semantic shift ‘brain’ → ‘head’, and built up a case for not one, but three precise onomasiological reconstructions (**meł-* ‘head’, **dilu* ‘brain’, **peye* ‘forehead’). Surprisingly, this relatively simple procedure, which tidies up the comparative evidence and sets up precise scenarios of historic evolution, is missing in the majority of etymological studies of Altaic.

It goes without saying that cases will differ depending on the amount and quality of preserved historical evidence, but as long as probable scenarios without internal contradictions may be generated, this issue is not fatal. To illustrate, let us consider a slightly more problematic case — that of the meaning ‘ear’.

Within EDAL, there are no fewer than 4 items whose semantic definition on the Proto-Altaic level involves the component ‘ear’, namely, (1) **č[ia]k’i* ‘temple; ear’ (p. 437), (2) **k’ūjlu* ‘ear; to hear’ (p. 847), (3) **mājñi* ‘temple, forehead, ear’ (p. 895), (4) **ziāni* ‘ear, temple’ (p. 1517). Again, this is by no means the result of semantic, let alone onomasiological, reconstruction, but merely a concatenation of the most commonly attested hypothetical semantic reflexes of these roots in daughter branches — understandable, since each of these four roots functions as the default equivalent for ‘ear’ in at least one of these branches, namely, (1) Mongolic **čiki*, (2) Turkic **Kul-kak*³, Korean **kúi*, (3) Japonic **mimi*, (4) Tungusic **sian*.

Let us first consider etymology (2), since it is the only one which links together basic items from at least two branches (curiously enough, the exact same ones — Turkic and Korean — which, as we have just seen, may have also preserved the Proto-Altaic item ‘head’). Common Turkic **Kul-kak* ‘ear’ is clearly a derived formation, with the old suffix **-kak* hinting at a probable verbal origin (as in, e.g., **bat-kak* ‘swamp’ ← **bat-* ‘to sink’), though no traces of an original verb **kul-* ‘to hear’ are found in Turkic. It is important to note, however, that Common Turkic **ēlit-* ‘to hear’ is compared in EDAL with such forms as Korean **ār-* ‘to know’, etc. (p. 293), and may be constructed as a semantic innovation, which strengthens the case for **kul-* as the original ‘hear’, preserved only within its nominal derivative.

That **kul-* may have been not only the pre-Proto-Turkic, but also the main Proto-Altaic verb meaning ‘to hear’ may be argued on the basis of the Tungusic and Japonic parts of the comparison: cf. Proto-Tungusic **xu:l-* ‘to (re)sound’ (easily traceable back to a passive ‘to be heard’), Japonic **kí-k-* ‘to hear’ (loss of **-l-* in Japonic is regular). Whether the same root also expressed the meaning ‘ear’ is, however, debatable. We may reasona-

³ Capital **K-* in the EDAL reconstruction implies that the original consonant could have been either **k-* or **g-* (the EDAL model reconstructs such a phonological opposition for Proto-Turkic, although it is not commonly accepted in Turkology).

bly hypothesize that Middle Korean *kúi* is historically segmentable as *kú-i* and ultimately goes back to **kul-i* (with the same regular loss of **-l-* as in Japonic), but if so, the deverbal suffix is clearly different from the one in Turkic **Kul-kak*, meaning that both nouns could have been formed in (pre)-Proto-Turkic and (pre)-Old and Middle Korean independently.

Let us now analyze the other candidates. Proto-Mongolic **čiki* ‘ear’ is compared in EDAL with Common Turkic **čeke* ‘temple (of head)’, an old Altaic etymology already found in works by Ramstedt and Poppe; other parallels (in Tungusic and Korean) are much weaker from the distributional and semantic viewpoints. Semantic correlation between these two meanings is well known in the region, with words meaning ‘temple’ typically derived from ‘ear’ (e.g. Tungusic **sian* ‘ear’ → Even *he:-čē:n* ‘temple’, etc.), which implies that, if the Turkic and Mongolic forms are genetically related, the meaning ‘ear’ should be primary, with a semantic shift in Turkic. However, if, according to most classifications, Turkic and Mongolic form a separate subclade within Altaic, this only means that Mongolic **čiki* may be as archaic in the meaning ‘ear’ as the chronological stage of Proto-Turco-Mongolic rather than Proto-Altaic.

The Japonic form **mimi* ‘ear’ is compared in EDAL with Turkic **beyni* ‘brain’ and Mongolic **maŋlai* ‘forehead’. While the latter two forms may very well be correlated (see above on the ‘brain’/‘forehead’ correlation in other Altaic etyma), their further connection with the Japanese word is extremely dubious; at the very least, it features a “missing link” in the form of meanings like ‘temple, side of head’ and would require postulating not one, but two important semantic shifts with no evidence to back it up. This is likely to be an accidental resemblance, and the Japonic word itself, with its rather peculiar phonetic shape, may not be of Altaic origin altogether.

Finally, Tungusic **sian* ‘ear’ is compared in EDAL with Turkic **yaŋnak* ‘cheek’ and Mongolic **sinaya* ‘temple; cheekbone’. The comparison, particularly in its Mongolic part, might have been acceptable if not for the fact that **-n* in the Tungusic form is almost certainly a fairly standard nominal suffix, while the original root is simply **sia-*, encountered without the nasal in quite a few other Common Tungusic derivatives, e.g. **sia-kan* ‘ear-ring’, etc. The ultra-short CV-type structure of this root might be an indirect hint at its relative archaicism, but it also makes the search for a reliable Altaic etymology particularly difficult, since accidental look-alikes await around every corner in such situations.

Interestingly enough, the Tungusic form **sia-kan* itself is present in EDAL, but only as part of a separate etymology, **siyu* ‘ear-ring’ (p. 1245), which also includes such reconstructions as Proto-Turkic **sirga* id. and Proto-Mongolic **süyi-ken* id. However, it is *a priori* extremely improbable that such a deeply cultural term as ‘ear-ring’ could have survived from Proto-Altaic in any of its daughter branches. On the other hand, provided the phonetic correspondences between Tungusic **sia-*, Mongolic **süyi-*, and Turkic **si-* are indeed regular, and provided the historical separation of Turkic **-rga* and Mongolic **-ken* as suffixes is admissible (both of these conditions may be put under doubt, of course), we

could interpret these parallels as evidence for the survival of the original nominal root for ‘ear’ in Turkic and Mongolic within independently formed compounds.

Summing up this etymological investigation, we have: (a) established a solid and optimal candidate for the Proto-Altaic verbal meaning ‘to hear’ (**k’ūjlu* according to EDAL’s model of Altaic phonology), while at the same time placing under heavy doubt the idea that the same root could also function as the basic equivalent for the nominal meaning ‘ear’; (b) found a probable candidate for Proto-Turco-Mongolic ‘ear’ (**č[ia]k’i*, according to the same model); (c) left open an investigative path into the origins of Tungusic **sia-* as a possible carrier of the nominal meaning ‘ear’ in Proto-Altaic. Clearly, these conclusions are not as encouraging as the semantic disentanglement presented above for ‘head’, but they still seem to introduce much more clarity into the overall situation than the way the evidence is presented in EDAL.

This is not to say, of course, that there may be no further objections raised against these types of scenarios. For one thing, the specific etymologies involved are not above criticism (see, e.g., the above footnote on Vovin’s criticism of the Korean entry for ‘head’). For another thing, the scenarios themselves are not set in stone and may be amended – or even completely rejected – if other types of evidence, e.g. superior candidates for ‘brain’ or ‘forehead’ appear on the horizon (so far, this has not been the case). But the very fact that onomasiological scenarios like these appear to be working for Altaic, and allow for the proposed etymologies to be presented not as random, disconnected bunches of phonetically and semantically similar comparanda, but as parts of a coherent network, within which we try to account not only for potential archaic retentions, but also for innovations which replace them, should be enough to significantly boost confidence in the hypothesis.

Consequently, in my opinion, a good way to achieve some much-needed substantial progress in the field of Altaic (and, by extension, any other macro-comparative) studies would require taking the following steps.

(1) One should preferably start out with an initial list of pre-defined discrete semantic concepts – one that may be subject to amendments over the course of actual etymological work, but preferably based on some general, rather than Altaic-specific, standard. This may initially be a Swadesh-type wordlist, though preferably expanded to a much larger size than 100 or 200 items (such as, for instance, Terrence Kaufman’s (1973) 700-item list), or the approximate 400-item list that is currently being worked on by linguists of the Moscow School (Starostin et al. 2017).

(2) Proper onomasiological reconstruction should be conducted for all the major branches of Altaic, selecting optimal candidates for each discrete meaning on the list⁴.

⁴ For a recent example of how this may be done see Kassian et al. 2021; a large supplement to the paper includes onomasiological reconstructions for most of the Turkic, Mongolic, Tungusic, Koreanic, and Japonic items on the Swadesh wordlist, with detailed justifications for complicated cases.

(3) The final step would be an attempt to perform similar onomasiological reconstruction for Proto-Altaic itself — which would combine the results of steps (1) and (2) with an analysis of all previously conducted etymological work from the point of view of how it fits into precise scenarios of historic development.

The two major requirements which would have to be fulfilled in order for the entire endeavor to be counted as validating the Altaic hypothesis are as follows.

1. No matter the size of the original list (as long as it is not specifically dominated by unstable cultural lexicon), many, if not most, of its elements have to be represented by a hypothetical Proto-Altaic reconstruction. The important thing to remember here is that even if the original meaning is only preserved in one branch (in extreme cases — even if it is not preserved at all in any of the branches), credible scenarios of semantic shifts may be recovered based on combining etymological reconstruction with data from the field of semantic typology (e.g. if a certain etymon means ‘tree’ in one proto-language and ‘wood/ k. of wooden object’ in all other languages, semantic typology indicates that ‘tree’ must probably have been the original meaning).

2. Not a single element of the list must be represented by more than one hypothetical Proto-Altaic reconstruction, at least not without a substantial reason (though the opposite is certainly permissible, since merging similar meanings such as ‘hand/arm’, ‘body hair/ head hair’, ‘eat/drink’ etc. in one lexical root is a very common practice). The more synonyms we find on the list (e.g. two or more equivalents for body parts such as ‘head’, ‘eye’, etc.), the less credible picture of Proto-Altaic will emerge from such an approach. At the very least, most of the emerging synonyms should be in accordance with the preferred phylogenetic structure (e.g. the distribution between Narrow Altaic **dilu* and Koreo-Japonic **kVli* ‘brain’, proposed above).

A presentation of comparative lexical evidence for Proto-Altaic which would follow these guidelines is, in my mind, the perfect “middle ground” between the strategies of overpermissive cognate maximization and hypercritical cognate minimization, both of which — as well as those attempts to navigate in between which also suffer from subjective bias — share the flaw of using phonology as pretty much the only systematic criterion for comparison. Whether such a presentation, covering all spheres of the basic lexicon, is at all possible remains yet to be seen; but unless the next *Etymological Dictionary of the Altaic Languages* strives to become the *Onomasiological Dictionary of the Altaic Languages*, I am afraid that comparative Altaic studies have little hope of getting unstuck from the relative rut in which they find themselves today.

References

- Anikin, Aleksandr E., Evgeniy A. Helimski 2007. *Samodijsko-Tunguso-Man'chzhurskije Leksicheskiye Sv'azi* [Samoyed-Tungus-Manchu Lexical Connections]. Moscow: Jazyki slav'anskoj kul'tury.

- Dybo, Anna, George Starostin 2008. In Defense of the Comparative Method, or the End of the Vovin Controversy. In: Ilya Smirnov (ed.): *Aspekty komparativistiki III. Orientalia et Classica: Trudy Instituta vostochnyx kul'tur i antichnosti, XIX* [Aspects of Comparative Linguistics. Orientalia et Classica: Publications of the Institute for Oriental and Classical Studies, XIX]. Moscow: RSUH Publishers: 119–258.
- EDAL = Sergei Starostin, Anna Dybo, Oleg Mudrak. 2003. *Etymological Dictionary of the Altaic Languages*. 3 vols. Leiden: Brill.
- Georg, Stefan. Haupt und Glieder der Altaischen Hypothese: die Körperteilbezeichnungen im Türkischen, Mongolischen und Tungusischen. *Ural-Altaische Jahrbücher, Neue Folge B 16*: 143–182.
- Stefan, Georg. Review of: Sergei Starostin, Anna, Dybo, Oleg Mudrak. *Etymological Dictionary of Altaic Languages*. *Diachronica* 21:2: 445–450.
- Helimski, Evgeniy A. 1986a. Reshenije dilemm pratyurkskoj rekonstrukcii i Nostratika [Solution of the dilemmas of Proto-Turkic reconstruction and Nostratic linguistics]. *Voprosy jazykoznanija* 1986(5): 67–78.
- Helimski, Evgeniy A. 1986b. Proiskhozhdenije drevnetyurkskogo cheredovanija $r \sim z$ i dilemma “rotacisma-zetacisma” [The origins of the Old Turkic $r \sim z$ alternation and the dilemma of “rotacism vs. zetacism”]. *Sovetskaja tyurkologija* 1986(2): 40–50.
- Helimski, Evgeniy A. 1987. A “new approach” to Nostratic comparison. *Journal of the American Oriental Society* 107/1: 97–100.
- Jäger, Gerhard, Johann-Mattis List 2018. Using ancestral state reconstruction methods for onomasiological reconstruction in multilingual world lists. *Language Dynamics and Change* 8(1): 22–54.
- Kassian, Alexei S., George Starostin, Ilya M. Egorov, Ekaterina S. Logunova, Anna V. Dybo. Permutation test applied to lexical reconstructions partially supports the Altaic linguistic macro-family. *Evolutionary Human Sciences* 2021: 3, e32. doi: 10.1017/ehs.2021.28.
- Kaufman, Terrence. 1973. *Kaufman's Basic Concept List on Historical Principles*. Ms.
- Lee, Ki-Moon 1958. A Comparative Study of Manchu and Korean. *Ural-Altaische Jahrbücher* XXX: 104–120.
- Mallory, James P., Douglas Q. Adams. 1997. *Encyclopedia of Indo-European Culture*. London / Chicago: Fitzroy Dearborn.
- Martin, Samuel E. 1987. *The Japanese Language Through Time*. New Haven / London: Yale University Press.
- Miller, Roy Andrew 2004. Review of: Sergei Starostin, Anna, Dybo, Oleg Mudrak. *Etymological Dictionary of the Altaic Languages*. *Ural-Altaische Jahrbücher* 18: 215–225.
- Pokorny, Julius 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. 2 Bände*. Bern / München: Francke Verlag.
- Robbeets, Martine Irma. 2005. *Is Japanese Related to Korean, Tungusic, Mongolic and Turkic?* Wiesbaden: Harrassowitz.
- Robbeets, Martine Irma (ed.). 2017. *Transeurasian Linguistics*. Routledge.
- Stachowski, Marek 2005. Turkologische Anmerkungen zum Altaischen Etymologischen Wörterbuch. *Studia Etymologica Cracoviensia* 10: 227–246.
- Starostin, George 2013. Review of A. Vovin. *Koreo-Japonica: A Re-evaluation of a Common Genetic Origin*, 2010. *Journal of Japanese Studies* 39.1: 234–238.

- Starostin, George 2016. From wordlists to proto-wordlists: reconstruction as “optimal selection”. *Faits de langues*, 47/1: 177–200.
- Starostin, George, Alexei Kassian, Artem Trofimov, Mikhail Zhivlov. 400-item basic lexicon wordlist for potentially “Nostratic” languages of Eurasia. On-line resource at: <http://starling.rinet.ru/new400>.
- Vovin, Alexander 2000. *Pre-Hankul Materials, Koreo-Japonic, and Altaic*. *Korean Studies* 24: 142–155.
- Vovin, Alexander 2005. The End of the Altaic Controversy. *Central Asiatic Journal* 49.1: 71–132.
- Vovin, Alexander 2009. Japanese, Korean, and other ‘Non-Altaic’ Languages. *Central Asiatic Journal* 53.1: 105–147.
- Vovin, Alexander 2010. *Koreo-Japonica: A Re-evaluation of a Common Genetic Origin*. Honolulu: University of Hawai’i Press.

More *Inebra*: An unnoticed meaning of PIE $\sqrt{*kelH}$ and a bit more¹

Alexis Manaster-Ramer

PIt. **-or-* is reflect both as *or* and as *ur* in Latin; no phonetic conditioning has been found. — De Vaan (2009: 158)

There is increasing concern that most current published research findings are false. — Ioannidis (2005)

I had only very limited dealings with Evgenii Helimskii, less even than with the Moscow Nostratic schools as a whole — but I am as familiar with his work as a mere outsider can hope to be. And I believe that I am not wrong when I say that, whereas he might not have agreed with much of what I say here (which extends the same basic approach that I began to sketch out in the 1980s and 1990s in my work on the Nostratic and Altaic questions, where I did not endorse either theory but rather refuted numerous constantly-repeated but entirely invalid aprioristic objections to them, suggested ways of improving the case for both by cutting out some clearly unwholesome parts,² and even found one or two pos-

¹ Many thanks for comments and bibliographic and editorial assistance to Roberto Batisti, Alexander Nikolayev, Brent Vine, Rémy Viredaz, and Michael Weiss.

² Most of this works seems to me to remain valid and current, namely the many detailed refutations of various aprioristic, circular, contradictory, or even simply factually incorrect claims used as blunt weapons in those debates since 1940 or even before — and apparently still being so used. However (as also noted in part in Manaster Ramer 2021b), most or all of the superficial and uncritical (as I now see them) Altaic comparisons cited in Manaster Ramer & Sidwell (1996) and Manaster Ramer *et al.* (1997) have to be wrong (as argued, though in a very different SPIRIT, by Georg 1999), and even those that may be right (e.g. the ‘tooth’ word) have to be redone. More generally, I now believe it is wholly unreasonable to expect very ancient language relationships to be reflected by e.g. shared numerals (because people would hardly have counted with words) or by almost ANY shared WORDS, including the allegedly “basic” ones (because of the passage of time and the massive replacements of inherited vocabulary by kennings typical of just such archaic cultures) — as opposed to shared PIECES of words (to be found by careful analysis of derived and especially

sibly supportive facts),³ he might at least have found some of my remarks amusing — though I would of course have tried to show him that what I defend here is not JUST fun, but also the ONLY way open to us first to redo (which is essential) the prehistories of the universally recognized language groupings and second to figure out (if this can still be done) their interrelations (which means borrowings too of course).⁴

Inebra,⁵ it appears, were all the things taken by Roman augurs as the ostensible justification for stopping whatever actions (of the magistrates) they wished to stop. It has for decades been my observation that in every domain of human action outside of science and in almost all areas of science too⁶ there are “augurs” who behave at least some of the time just like their Roman predecessors (not always and maybe not even most of the time,⁷ but definitely some of the time, and especially on SELECTED KEY points). In such cases, in almost every field of science (like in every field outside of science), that which should be proven is routinely assumed instead — thus corrupting everything else and allowing fake claims (myths, disinformation, whatever you want to call it) to run rampant (Trifonova & Manaster Ramer 2019, Manaster Ramer 2021a) and at the same time creating a nearly impenetrable wall protecting these errors from any challenge that would actually be heard, much less listened to, much less acted on.

compound words, such as has hardly even begun). A simple example: the Turkic word for ‘5’ does not come from a word for ‘hand’ or ‘fist’ but rather one for ‘wrist’ or ‘joint’. It may then derive from a root meaning ‘to join’ or ‘to bud’, which may or may not have cognates in Uralic and Indo-European, but neither the numeral sense nor even a trivial sense like ‘hand; fist’ can help us make these deep connections. Any such claims (including my own *apud* Johnson 1995 and in Manaster Ramer *et al.* 1998) are doomed and can only distract us from reaching that goal (if it can be reached).

³ I refer to the Nostratic clusters I proposed in Manaster Ramer (1994) and *apud* Johnson (1995), which still seem to me a reasonable idea — of course subject to such normal scientific discussion and testing as has of course still not taken place.

⁴ I am now sure that most (though not all) of the commonly cited Turkic-Mongolic comparisons are in fact borrowings.

⁵ Neuter plural. The feminine plural **inebrae** referred more narrowly to the flight of birds so interpreted.

⁶ In my case, theoretical linguistics of the Chomsky (or Chomsky-Montague) type was the first science I worked in, followed by Native American (specifically Uto-Aztecan) historical linguistics some years before getting involved in Turkic and then (quite separately) Nostratic (and only through that Altaic and Indo-European), and much later various other fields from (rather basic) mathematics (in so-called “mathematical” linguistics and of course in computer science) to history to medicine (e.g. Manaster Ramer 2020a).

⁷ Critics of medical research routinely assert that there error prevails MORE THAN 50% OF THE TIME (e.g. Ioannidis 2005) — and their claims are neither rejected nor met with derision and studied silence. On the contrary, they are insanely widely read.

My very first contact with the historical linguistics of Northern Eurasia in fact revolved these quite basic issues: someone introduced me (then either still a graduate student or a fresh PhD) to Robert Dankoff (then also rather younger than now), who asked me two questions: could any language have three vowel lengths and could any language undergo zetacism (the change of some rhotic sound to a voiced fricative like the final consonant of Turkish *kaz*). While I was able to assure him that both were rare but documented occurrences to my own knowledge (the first in Estonian and one dialect of Hopi; the second in some few dialects of Polish),⁸ I maintained (and still maintain) that that is not what matters. A rare phenomenon might after all not have occurred at all, or occurred but not have come to the attention of this or that (or any) linguist. And even what is and is not rare cannot be taken for granted – and especially not in relation to prehistory (because we do not know in advance which features of language are actually connected to culture and technology). We anyway, logically, cannot insist that any phenomenon be denied unless it has already have been documented somewhere else before (and accepted by the nomenklatura, too), since that leads to a logical regress.⁹ If we did that, we would not even be using fire much less stone knives and bear skins.

We should then not even be asking these kinds of APRIORI questions, but rather the SUBSTANTIVE questions of whether, in the first case, either extant Khalaj, medieval Karakhanid, or Proto-Turkic did have three or just two vowel lengths (or something in between),¹⁰ and, in the second, whether the Shaz branch of Turkic did undergo zetacism or

⁸ Of course, with education, almost all speakers of Polish today have a different sound in these words instead (reflecting a much more widespread dialect type), a sound rather more similar to Turkish *j*. But it is trivial for such a sound to change to [z], as we know again from a third (this time quite large) Polish dialect group.

⁹ Anyone who doubts the existence of a nomenklatura that believes it gets to decide everything should read more widely, e.g., Brian Joseph's remark in Johnson (1995) about "the more mainstream linguists" who may or may not "decide to reject Nostratic". Who appointed whom a "mainstream linguist"? Why notably were fanatical apriori rejectionists supposedly "mainstream", whereas supporters were not? And above all why was I, who was simply trying first to break down the wall of silence and then to refute the logical and factual errors told about the Nostratic (and Altaic) work (including those of the supporters!) not "mainstream"?

¹⁰ In light of the work Dankoff and I and later I alone did, I feel sure that Karakhanid and Proto-Turkic had two phonemic vowel lengths but not whether or not there were significant allophonic length differences as well. As for Khalaj, I feel rather sure that (1) the linguists who heard it did hear three kinds of vowels, two of them clearly phonemic and reasonably correlated with the two-way length contrasts in some other Turkic languages, and (2) that the work that would be necessary to establish a three-way phonemic contrast had not been done (which does not mean that no such phonemic contrast actually existed but merely that it remains unproven). The distinction between phonemic and allophonic is key here. As I have already mentioned before (Manaster Ramer 2020b), IE linguistics has for decades failed to even separate the question of a PIE $*[a]$ allophone (which ob-

whether on the contrary the Lir branch went through rhotacism (or maybe something else again).¹¹ For some fifteen years before roughly 2000 I was involved in various efforts aimed at refuting the various forms of this sort of aprioristic, circular kind of reasoning¹² in Turkic, Altaic, and Nostratic studies, but did substantive work only in Kartvelian and some tiny corners of Indo-European (mostly Armenian).¹³

viously existed) from that of a PIE */a/ phoneme (which almost certainly did not because it was an allophone of the so-called */h₂/ phoneme) and more generally that of consonantal (so-called “laryngeal”) allophones (which again obviously existed in some positions) vs. that of a series of three “laryngeal” phonemes distinct from the corresponding three vowel phonemes (for which I have never seen any evidence, only question-begging, notably some strange assumptions that given a correspondence between a vowel in one language and a “laryngeal” in another, the “laryngeal” has to be the original sound).

¹¹ I feel reasonably sure that Proto-Turkic did not originally have either a simple z sound or any simple rhotic (the so-called *r₂) but rather a special (surely palatalized and fricativized) allophone of the *r (i.e., *r₁) proto-phoneme, this allophone being conditioned by (some) following consonants and/or a following *i (with these conditioning segments being subsequently lost or absorbed into the allophone in question). Of course, almost everything remains to be done on this — as on so many topics, but the idea of course is directly inspired first of all by Street’s (e.g. 1980) work on the parallel problem of *š vs. *l₂, where the evidence for a similar (though not identical) allophone solution is to my mind irrefutable.

¹² The general issue is not so difficult to understand. Small children do. In *Alice in Wonderland* the “King of Hearts” makes up on the spot a “rule” which he says is number 42 and at the same time “the oldest rule in the book”, designed just to get Alice expelled from the room. In exactly the same way — which even quite young children do see through — senior (and other) scholars keep making up all kinds of “rules”, e.g., that related languages must share lower numerals and/or “basic” body part terms. What is the factual or logical basis for either of these rules? Does anyone even know where either one comes from? I myself do not about the second one. The first comes clearly from Messerschmidt’s (and it was definitely him, as discussed by Manaster Ramer & Bondar’ 2018) realization, not *a priori* but *a posteriori*, that, for the languages he was trying to classify in the first quarter of the 18th century, the first time in history such work had ever been undertaken, numerals seemed an ideal basis for classification. From this of course it does not follow that this should be an absolute requirement for every language classification problem, and in particular not for relationships much remoter than those he was able to detect. Right here we see the whole difference between science and the science fiction that has for too long dominated the discussion of these kinds of issues in connection with, notably, Altaic. I have repeatedly called for an end to such made-up “rules” and “criteria” — evidently to no effect whatever.

¹³ I got into Armenian simply because on one occasion I asked the late Eric Hamp directly just what it was he had against Nostratic, and all he managed to say was that “Illich-Svitych got the Armenian plural ending wrong”. So I got into this topic, found out that Illich-Svitych had indeed gotten it wrong (but that he did so because all Indo-Europeanists had, so there is no methodological difference between the Nostraticist and the received Indo-Europeanist approach, since the man after

After utterly failing to get any of these fields (and others) to hear this message, I anyway found myself taking a sabbatical of nearly two decades, which was interrupted by my 2019 lecture “Türkoloji 4.0”¹⁴ at Dicle University and then the first publication in two decades at all connected with this field (Manaster Ramer 2021b, in honor of Marcel Erdal), the present contribution in memory of Evgenii Helimskii being just the second. In both of these I am trying a new approach, a “mote and beam” one. The idea is to show specialists in fields like Turkic, Altaic, and Nostratic that the methodological horrors so prevalent in these fields also go on in other fields (in Fs Erdal it was Biblical exegesis; here it is Indo-European linguistics) and that (which is what really matters) these can easily be remedied. Whether seeing the beam in the Indo-Europeanists’ eye will help the students of Turkic, Altaic, and Nostratic to recognize the mote in their own, and to get to work on removing it, remains to be seen.

Out of many equally possible examples both of the problems and the available solutions, I decided to present here my work¹⁵ on an IE root of the form $^*\text{kelH}$ (which is almost certainly not even a “new” root but merely a previously unnoticed semantic range of a known one), the meaning (apparently unrecognized so far) being that of ‘to scratch (or otherwise injure) the surface, or the like; to just barely (e.g. emerge, approach, touch, hurt/cut, etc.)’.¹⁶ There are in various branches of IE very many words starting¹⁷ with re-

all was a distinguished IEnist), and solved it myself (Manaster Ramer 1996), only of course to find in 2022 that the solution is still simply being ignored.

¹⁴ The title alludes to my idea that, in addition to the Pro-Altaic and Anti-Altaic factions (without saying which one is 1.0 and which one is 2.0), there is a very large group of scholars (3.0) who sit on the fence without helping to move the field forward or even just to moderate the worst excesses (methodological, substantive, and rhetorical) of the first two, and therefore that the only way forward that is left is the one I advocate (4.0) — even if for now I stand alone.

¹⁵ This of course is to be seen in the context of a much larger body of work, exemplifying a unified approach and methodology.

¹⁶ The state of PIE semantic reconstruction is such that I see no benefit to saying more. Whatever root this is, the meaning of that root will have to be completely rethought — as I believe is the case with most PIE roots anyway. The meanings we are taught are for the most part vague, often abstract, mechanically derived from those of the attested reflexes as a sort of lowest common denominator, and often entirely anachronistic. This is certainly so in the case of what Mayrhofer (EWA I: 321f) correctly refers to as “einer unüberblickbaren Menge idg. $^*(s)kel$ -Ableitungen mit vagen semantischen Ansätzen (‘schneiden’ ~ ‘schlagen’ ~ ‘stechen’ [...]). And of course ‘to hide’, also. If I am right, of course, the last two may actually involve one and the same root.

¹⁷ In fact, once one opens one’s mind, even just barely, to the possibility that any part of what I say might be right, a great many other hitherto mysterious words start making sense, but I just mention a very few here. There are also compounds ending in a postpound (later analyzed as a suffix) derived from this root. All in good time — if there is time.

flexes of **kel(H)-*, **kol(H)-*, or **kl(H)-* that can now be immediately explained, some completely, others so far only in part. But it all began when I thought of these:

1. Celtic **koligno-* ‘pup, small animal’, which is then neither “borrowed from some non-IE language” nor yet “highly speculative[ly]” derived “[t]heoretically [...] by dissimilation from **koni-gno-*” (Matasović 2009: 213), whereas I would have thought that it would be obvious to anyone seeing the postpound *-gno-* that it must be precisely a QUINTESSENTIALLY IE compound. And so it is: simply **‘just barely born’* — than which nothing could be more perfect formally as well as semantically.
2. Latin *colustrum* (later *colostrum*) ‘beestings (i.e. the first milk)’, hitherto etymologically “uncertain”¹⁸ (de Vaan 2008: 127f) surely makes sense as **kol-uestrom* (or some similar form, which is not my concern), the postpound being an instrument noun from *vĕscō* ‘to feed (with)’, hence **‘first thing used to feed (a newborn)’*, which is semantically just as perfect, and formally too, though there are of course issues here involving the verb itself and in particular its long vowel (see e.g. de Vaan 2008: 669), though on most or even all imaginable scenarios **uestrom* (or, if necessary, **ustrom*) should be possible as a derived noun, and that is all that we need.
3. Old Indic *kalā-* ‘small part of anything, any single part or portion of a whole, esp. a sixteenth part’ (unexplained according to *EWA* I: 321f.) if taken from **kolHah₂-*.
4. Greek (Hesychius) *κελεβρά* (pl.) ‘weak and dying heards’, which need not be corrupt for **κεν⁰* (as tentatively suggested by Beekes 2010: 668),¹⁹ but of course the postpound has to refer to eating and so is yet another example of the rule of laryngeal loss (since otherwise it would be **κελεβαρα* or the like) that Beekes not only denied (which is logically fine) but also (which is not fine at all) circularly rejected any and all (old or NEW) examples of, simply on the grounds he had rejected the rule to begin with (see e.g. Beekes 2010: 963 *ad μολοβρός*, a word I discuss below). Instead, it can be **‘just barely eating’* — than which again nothing could be more per-

¹⁸ If anything could make me speechless, de Vaan’s idea about this word would: “It is tempting to connect *colustra* with *color* ‘colour’ < **cover*’, and to postulate a semantic link between ‘colour’ or ‘cover’ and ‘beestings’. Yet this is not semantically straightforward [...], nor is the suffix *-tero* normally used to derive comparatives from any adjective. THIS is what historical linguists find “tempting”!? So de Vaan says — and who am I to disagree?.

¹⁹ Can anyone not see a pattern, given that Matasović was willing to consider a similar thing for the Celtic word? The pattern is that data count for less than the maintenance of a system in which much of the theory (such as the PIE roots) is simply taken as given — and at best only a special cadre is authorized to make changes. And since no root such as the one I am describing had been described before, the data had to be fitted to the theory (either by being altered or or else taken as borrowings).

fect formally as well as semantically – but only provided the IEnists are willing at long last to give up the (very common) practice of taking some position and then accepting only data (or putative data) supporting that position simply because it supports that position and rejecting counterexamples simply ON THE GROUNDS THAT THEY WOULD BE COUNTEREXAMPLES.²⁰

5. Latin **celeber**-, in its earliest sense of ‘where there is a multitude’, and said to be without an etymology (*DELL* 110; Bader 1983: 43;²¹ Nussbaum 1999: 388f, 411 n. 67; de Vaan 2009: 104), can now be explained as $*\text{kele-d}^{\text{h}}\text{ri-}$ (or $*\text{keli-d}^{\text{h}}\text{ri-}$ or even $*\text{kelH-d}^{\text{h}}\text{ri-}$) ‘barely holding’,²² than which I can imagine no more perfect fit between a proposed etymon and the attested form and meaning of the word whose etymon it would be. Of course, since this solution, as we are about to see, contradicts what is to be found in the writings of some authorities far greater than mine, some will object to my saying this (or simply ignore what I just said, thus seeking to prevent any discussion of it at all), again simply on the circular grounds that what I say would be a counterexample to those authoritative claims. And it is for this reason really that I am writing the present contribution, since here, instead of being able to focus the rather exciting discovery a long list of etymologies that have suddenly fallen into place, I find myself forced to deal with the same methodological issues again in my life – the refusal of an entire field of science to accept that theories ultimately are based on data and that data may not be rejected just because they conflict with someone’s theory, forcing some revision thereof.

And because this is the whole problem with the work on such deeper questions as Altaic, Nostratic, and so on, I thought this would be a perfect place to explain in detail what I see as yet another example of the same basic miscarriage of methodology. This should actually become apparent as we read de Vaan saying (inter alia):

The etymology of *celeber* is unknown, cf. Nussbaum 1999[] and Bader 1983. Phonetically, $*\text{kelesri}$, $*\text{kelisri}$ -, maybe $*\text{kelVd}^{\text{h}}\text{li-}$ are possible.^[23] [...] But a suffix $*\text{-d}^{\text{h}}\text{li-}$ is unlikely,

²⁰ This qualification is crucial. It is perfectly fine to question putative data if there are INDEPENDENT reasons for doing so. But this is precisely what Beekes does not do in the places quoted (and many others). And he is in no way atypical of the field as a whole. On the contrary, he is entirely typical.

²¹ Though Bader seems to believe she can derive it from a basic sense of SOUND!?

²² Maybe $*\text{kele-b}^{\text{h}}\text{ri-}$ or $*\text{keli-b}^{\text{h}}\text{ri-}$ ‘just barely carrying’ could also be considered.

²³ He does not say under whose rules these etyma would be possible. Under the rules of Nussbaum (1999) that he cites immediately below that, only $*\text{kelisri}$ - would be possible. De Vaan is evidently mechanically (but incompletely) copying Bader’s (1983: 43) list of $*\text{keled}^{\text{h}}\text{li-}$, $*\text{kelHd}^{\text{h}}\text{ri-}$, $*\text{kelHsri-}$, and $*\text{kel(H)esri-}$ as possibilities (of which she apparently had a preference for the last), before switching horses to Nussbaum (1999).

since *celeber* does not show the instrumental meaning which adj. in *-bilis* and *-bris* usually have [...] ^[24], phonetically, **kelH-bli-* should yield **kelabri-* > **koliber*. Thus, Nussbaum 1999: 388 is probably right in positing **kelisris* which yielded a non-velarized **l*, and with lowering of **izr-* > **-ezr-*.

The circular and/or contradictory²⁵ double-standard reasoning that is either explicit or implicit here occurs at several different levels. At the third most general level, everyone who studies Latin (including of course de Vaan and Nussbaum) recognizes that this language (like every language I have ever studied, and I suspect the same is true of every language they have studied, too, and likewise for every other linguist and every other studied language) shows numerolect a complex history where (supposedly) at a stage prior to what we observe (and accorus examples that do not follow a single “regular” set of sound correspondences, and these examples are then mostly explained as borrowings from various nearby closely related languages, dialects and even sociolects, analogies, contaminations, sporadic dissimilations, assimilations, etc. — or in some cases are actually admitted to be unexplained. Consider e.g. the realization of PIE **-r̥-* as both *-ur-* and *-or-* in Latin, according to de Vaan (2009: 158 s.v. *currō*), as quoted as one of the epigraphs to this essay, which could be endlessly supported by quotations from any etymological dictionary or historical grammar of Latin (or any other language). Why could the same not be the case with *celeber* if it should turn out that this involves one or even two sound correspondences different from what Nussbaum and de Vaan assume?

At the second most general level, the whole concept of regularity of sound laws is here (and throughout historical linguistics) being misunderstood and misused as a blunt weapon aimed at completely valid results (even as others, either equally irregular or far more so, are widely lauded). The theory of regularity of sound change never claimed (and never could claim given the universally known facts) that in any observed group of dialects or languages the observed data will show an absolutely regular set of correspondences. Rather, the theory claims that the actually somewhat (or even very) irregular correspondences that we often find refding to some, an unobservable stage in principle) there WAS regularity,²⁶ which was then obscured by borrowings, analogies, and all the rest of it.

²⁴ This argument of course is moot if the word is, as I propose, a compound noun and not an adjective of the type de Vaan is considering.

²⁵ The contradiction can be purely logical or it can involve contradicting facts that the author in question accepts as facts. This is a crucial qualification because it is of course also a constant problem in this, as in any field, that non-facts are accepted unquestioningly as facts, and real facts are simply rejected/ignored.

²⁶ There are of course those, including me who disagree with this theory. But that IS the theory. On the other hand, there is no theory in historical linguistics that says that every OBSERVED will reflect the “regular” sound laws. There just is not.

At the most general level, of course, all science involves an interplay between data and theory, where it is not permissible to simply dismiss a piece of data solely on the grounds that it conflicts with a particular theory — since it might be that it is this is the very data that shows how the theory needs to be revised instead.

To be sure, here there is anyway no conflict between the datum (**celeber**) with the theory at all. And the reason it does not conflict with the theory is twofold. One, as we already said, even if the sound laws predicted a form other than **celeber** (namely, $\dagger\text{celeber}$ or maybe $\dagger\text{coluber}$ or whatever you want) in Latin “proper”, the attested form would (as I have already shown) normally be treated as a “borrowing” from a closely related language, dialect, or sociolect, or perhaps a sporadic “assimilation” of the vowel color, or whatever other kind of “irregularity” the specialists in this field routinely invoke to explain other words. So, even if, under the rules assumed by de Vaan (which of course themselves should be, but are not being, subjected to testing and criticism based on FACTS), **celeber** were not the “regular” output of $*\text{kele-d}^{\text{h}}\text{ri-}$ or $*\text{kele-d}^{\text{h}}\text{ri-}$, the methodology of historical linguistics in general and of its IE and Latin branches in particular immediately provides us with the tools to explain such “irregularities”, without throwing the data out the window.

Moreover, in fact, there is no basis whatever for regarding **celeber** as “irregular” anyway, because there is actually no sufficient factual basis for any theory of Latin historical phonology predicting that the form would HAVE to be OTHER than **celeber**.

Let us examine this. There are three separate issues here. One is Latin vowel reduction in medial syllables (and whether this will give us **-e-** or **-i-**). The second is the two different *l* sounds of Latin (which were not generally distinguished in writing),²⁷ a darker, velarized (*pinguis*), sound and a lighter, neutral or palatalized (*exilis*) one, and the conditions under which we get the one or the other. The third is the change of $*\text{-el-}$ to $*\text{-ol-}$ in the first syllable of a word. Specifically, the issue is how to avoid getting the word to begin with $\dagger\text{col-}$ on the one hand and how to get the middle vowel to be **-e-** and not $\dagger\text{-i-}$ (or possibly something else) on the other.

Now, in order for to get the form **celeber** as it is, the **-l-** supposedly has to be light (given the sound laws formulated by Nussbaum 1999), because otherwise the first vowel would have changed to **-o-**.²⁸ Next, Nussbaum claims that the **-l-** is light before an original

²⁷ If they had been, all the vast quantities of writing on this subject by Modern historical linguistics would have been devoted to some other unsolvable problem instead.

²⁸ This itself is not entirely straightforward. Nussbaum (1999: 390) claims that the fact that **sce-lus** ‘crime’ does not change the **-e-** to **-o-** before an apparently velarized **-l-** “suggests that $e > o / \_l$ failed to operate after an initial $sk-$. But there is an immediate phonetic plausibility to the hypothesis that *s* would have made an immediately following *k* both fronter and less roundable than the average *k*, with the result that the $sk-$ cluster would work against the backing and rounding of a following *e* to *o* before *l*. It thus seems reasonable to conclude that $sk-$ inhibited $el > ol$, while lone ve-

*-i- but velarized before an original short *-e-. However, the only example cited is the suffix “-ulentus, which hardly reflect[s] anything but *-ento- meaningfully” (Nussbaum 1999: 409 n. 47), which is perhaps not the strongest sort of argument imaginable. In reality, the -l- of this suffix is not original, though. The suffix is assumed (plausibly) to be derived from *-o-uent-o- via a metanalysis to *-oüento- and then via a (by definition irregular) dissimilation of the *-u- to -l- after a stem containing a labial sound (Weiss 2021: 317). But wait: if this instance of -l- is derived from *-ü-, it stands to reason that it would have been dark, just from what we know of general linguistics. It does not at all follow that an INHERITED *-le- sequence would have given dark -le- as well.²⁹ Still, let me for the sake of domestic peace grant all this and give up *kele-d^hri- in favor of *keli-d^hri-. This way, of course the -l- will be light, and maybe I will finally be allowed to breathe and be heard? Not

lars did not”. This does not seem at all phonetically plausible to me, and anyway that is not the issue. According to the “rules” constantly invoked (notably to combat anything I have to say) one is not permitted to base anything on such speculative “plausibility”. Instead supposedly one has to show numerous examples of a sound law, which evidently has not been done here. So, if there is simple human equality, by the same token, then, and indeed *a fortiori* I get claim that there is “an immediate phonetic plausibility” to -br- from *-d^hr- and/or *-b^hr- having the same lowering effect of *-i- > -e- as does -br- from *-sr-, even if I should have but one example. I say “*a fortiori*” both because in fact this IS plausible and because in any case subtle changes of unstressed medial vowels in a language that anyway massively (and somewhat variably) reduces these are much more initially plausible than a much more pronounced effect on the (prominent) initial syllable vocalism. What is sauce for *scelus* is far more sauce for *celeber*. And to not accept this would be worse than a *scelus*, it would be a mistake (except sociologically of course). I would add that the evidence cited by Nussbaum for *kel- sequences supposedly giving col- rather than cel- is very weak anyway (and it is only sociology that can explain why it was ever accepted). Neither *color* ‘color’ nor *columen* ‘pillar’ nor above all *cultus* ‘knife’ (which anyway now gets a new and a REAL etymology for the first time!) are clear examples of *-el- (and a careful reader will see that Nussbaum concedes as much). The evidence is actually better (though apart from *scelus* also not decisive) for the opposite conclusion, which moreover is really phonetically plausible because a fronted initial k- preceding the front vowel -e- would naturally help keep that vowel from backing. And the evidence of *scelus* precisely is decisive. The whole infrastructure of speculations and assertions about the -e- in *gelus* and *gelidus* likewise has no foundation. Finally, of course, we do not actually seem to have any reason for saying that the -l- is a word like *scelus* remained (even if it once was!) dark. This is just simple confusion of categories, the categories of cart and horse.

²⁹ As far as I can tell (and Michael Weiss, p.c., confirms this) there is not decisive evidence for velarisation before short *e. Of course one can assume that there was because there was before the long ē but this is not self-evident. The short vowel may have lower than the long one centuries later (as we see in Romance), but it does not follow that it had been so in prehistoric times. Compare the Slavic *jat’* vowel, which in some places must have been low (Eastern Bulgaria f.ex.) and in others high (e.g. Ukraine).

so fast. There is still remaining the vowel reduction. What about that? All that Nussbaum writes is this:

celeber, *-bris*, *-bre* [...] falls short of establishing that **el* was, exceptionally, preserved after velars in initial syllables. Since the word has no obvious etymology,^[...] there are no real grounds for rejecting the idea that the *e* in the first syllable was preserved simply because the *l* that followed was non-velar.

This amounts to assuming a pre-form like (**kelisri-* >) **kelizri-*, which is as likely as anything else, and a regular development of **-izr-* to **-ezr-* (> *-ebr-*) in Latin, which there is some reason to believe:

a. **-z-* and **-r-*^[...] each had the effect of lowering a preceding heterosyllabic internal **-i-* to *-e-*: **kepizam* > *ceperam* (cf. *cepisti* etc.), **keniz-* > *ciner-* (cf. nom. *cinis*, Gk. *κόνις* ‘dust’), **Faliziio-* > *Falerium* (cf. *Falis-cus*); **legi-rup-* > *legerupa*, **keliri-* > *celer(is)* as above,

b. **-rz-* (or *-rr-*) as a medial sequence also seems to have exercised a lowering effect — at least in comparison to **-lz-* (or *-ll-*): **sakrisamo-* > **sakar- zamo-* > *sacerrimus* but **faklisamo-* > **fakalzamo-* > *facillimus*; and if **-arz-* (or already **-arr-*) gave *-err-* while **-alz-* (or already **-all-*) gave *-ill-*, it does not seem unthinkable that **-izr-* might end up with an *-e-* as well.

[...]

However any of this may be, *celeber* obviously cannot establish a failure of *el* > *ol* after velars in the absence of a cogent etymology and morphological analysis.

This prose can hardly be considered as proof of anything, given Nussbaum’s own turns of phrase: “Since the word has no obvious etymology,^[...] there are no real grounds”, “a pre-form like (**kelisri-* >) **kelizri-*, which is as likely as anything else”,³⁰ “However any of this may be”, “obviously cannot establish [...] in the absence of a cogent etymology and morphological analysis”, and so on. Also, we should be considering the CONTEXT: Nussbaum is only trying to get *celeber* out of the way as a possible counterexample to his general (including after velars!) rule rounding of *-el-* to *-ol-*, and not looking to find the etymology of the word itself or even the applicable rules of vowel reduction.³¹

So the question really is what ARE the rules applicable to the middle vowel of *celeber* < **celebri-* if this did NOT come from Nussbaum’s **kelizri-* < **kelisri-* after all but rather from my **celed^hri* or **celid^hri-*. Obviously, he is assuming that an original **-i-* before any consonant cluster other than **-br-* < **-zr-* < **-sr-* would NOT lower to *-e-*, and in particular before **-br-* < **-d^hr-* or **-b^hr-*. So presumably for him **kelid^hri-* would have given

³⁰ It is perhaps worth noting that this form (taken of course to be a suffixed formation and not a compound and so without any cogent semantics) actually is from *DELL* (I do not know its earlier history if any).

³¹ Nussbaum does discuss in detail the rules for vowel reduction before the dark *-ɫ-* but not otherwise.

†**celiber**.³² But should we be granting THIS assumption (the way de Vaan and others are) in the absence of any data or argument?

It gets worse. The facts of vowel reduction are well-known, and in general, *-i- is assumed to stay unchanged in these contexts, both in open and closed syllables (Weiss 2021: 126). And it seems that Nussbaum also assumed that *-i- does not change to -e- in closed syllables generally. However, there is some evidence (perhaps only Quintillian's Old Latin **magester** and of course our friend **inebra(e)**) that sometimes in closed syllables it did.³³ Fortunately, I do not have to hang my argument on such slender reeds, because even if we stipulate ***celiber** (and ***celibr-** too) as the regularly predicted outputs, there are still ways out. And no, not just the ones already mentioned (such as a borrowing from another dialect or a random "irregularity").

There is above all a well-known phenomenon (applying inconsistently, so yet another example of my general position) known as the "ALACER rule" whereby the middle vowel may assimilate its color to the preceding vowel, hence **alacer** in place of expected †**alicer**, **sepeliō** instead of expected †**sepiliō**, and few other examples (Weiss 2021: 128f). This really should put an end to the quibbling about †**celiber**, because even if such a form HAD been inherited, the "ALACER rule" would allow us to change it to **celeber**. QED.

But what about **inebra** and **inebrae**? The various related forms in Old Latin, as we know from glosses (duly discussed by de Vaan, too) had -i- (and once even -u-)³⁴ in the middle syllable.³⁵ While it is often supposed that these words come from ***ṇ-hab^hro-**, it is

³² Of course, this is assuming, with Nussbaum, that ***keled^hri-** would have given a form beginning with †**kol-**, so this would be irrelevant anyway. But it is noteworthy that this assumption is unjustified.

³³ If this is so, then the stem found other than in the nom.sg. (**celebr-**) would have -e- regularly, and this could then have been generalized to the nom.sg. the same way that we (maybe) get **integer** instead of †**intiger**. Rather similarly, de Vaan claims that originally (at a purely hypothetical stage of development that nevertheless he purports to have time-machine-like insight into) the supposed medial *-a- of ***ṇ-hab^hros** had just such two different realizations: (1) as a high vowel (-u- or -i-) if the syllable was open, so in the masc. nom. sg. **eniber**, ***enuber** < ***en-hābro**s but (2) as the medial mid-vowel -e- in a closed position (as in all the other forms of these words), and then "[t]he resulting alternation ***enu/iber** : ***enebr-** was levelled in different directions". And I say what is good for the **inebra(e)** geese should be good for the **celeber** gander. But as noted it is not at all clear that the closed syllable forms (**celebr-**) can regularly have -e- from *-i-. So I make this point only for the sake of METHODOLOGY. So too the point that automatically follows: whatever explains **integer** (and **inebra** et al. on de Vaan's etymology) will also obviously give us **celeber** from ***kelḥ-d^hri-** anyway.

³⁴ This variation, of which there are many examples, is of course itself an example of variation within or across the dialects that result in our (ideal picture of) Latin that cannot be reduced to a single sound law.

³⁵ The attested forms are **enubrō** in Paulus (ex Festo) as well as **eniber**, **enibra**, **enibrum** in Pseudo-Philoxenus (the latter apparently a much older and therefore more important source than has been assumed till now, based on an unexpectedly old papyrus fragment identified by Dickey 2021).

also possible that they come from $*(\text{e})\text{n-ib}^{\text{h}}\text{ro-}$ (if the meaning of $*\text{iebh}$ was not, as is generally assumed a priori ‘to penetrate’ but rather as I show in detail elsewhere ‘to bend/bow down’).³⁶ The idea of an etymon with $*\text{-a-}$ is anyway doubtful, because why should Old Latin change that $*\text{-a-}$ to a HIGH vowel? It should not. Instead on my analysis this word set is another example of $*\text{-i-}$ lowering to -e- in later Latin before -br- that is precisely NOT from $*\text{-sr-}$ but from $*\text{-b}^{\text{h}}\text{r-}$, just as I suggested above.

In any case, I do not even deny that it is possible that SOME varieties of Latin may have travelled by time machine to 1999 and, after coming back, decided to follow Nussbaum’s rule for $*\text{-i-}$ and $*\text{-e-}$ after all, but neither this nor indeed several of the other rules could have so in EVERY kind of Latin. Just this way there are American English speakers who absolutely distinguish *roses* from *Rosa’s* (and in fact have a number of distinct “reduced” vowels, as reported among others by Bloomfield),³⁷ while others do not make (and are astonished by) these distinctions. So, even if in our favorite variety of Latin (the perhaps slightly imaginary standard that all the theories focus on) did follow Nussbaum’s rules even in those cases for which we have little or even literally no evidence, there were certainly other varieties that did not (apart from the fact that some of these rules may have been «optional»). Hence, *celeber* could perfectly well be from such a variety (even if, for the sake of domestic peace, I were to grant that there could well also have been other varieties of Latin that had, or would in time have had, if they had survived, either $\dagger\text{celiber}$ or $\dagger\text{coleber}$ instead). But of course there is no evidence for any such complication being even required.

³⁶ This is not the place to go on about this at length, but all the meanings of this root normally discussed are immediately derivable from the original sense of $^{**}\text{‘to bend/bow down’}$ (the way one did to first enter a residence, and then a second time to enter the women’s quarters in the back, through a low/narrow passage), so that notably the sexual sense that has so totally constrained the semantic space one is allowed to discuss (as I have learned over more than 20 years of attempts to discuss this) is derived from that of $^{**}\text{‘go to the bedroom’}$. On the other hand, taking the obsessive and completely mechanical reconstruction of the proto-meaning as $^{**}\text{‘to penetrate’}$ will not explain several OTHER meanings of words derived from this root, notably Old Indic words for elephants and vassal kings — both of them notable for precisely bowing down and not so much for penetration. This is a perfect example, out of literally thousands, of how my approach to historical semantics and pragmatics differs from the dominant one. The choice between the two of course is the Reader’s. I obviously lack the power to compel adherence.

³⁷ When I first studied linguistics I was less astonished to discover that I have the same distinctions that he did than I was that for half a century (by now a century of course) his work was either ignored or savaged. He was in particular accused of inventing phonetically non-existent distinctions based on the spelling or morphophonemic alternations (what Chao [1934 [1958: 44] ever so delicately called “strong forms [...] which are rarely heard even in deliberate speech”), when he was reporting with perfect accuracy a pronunciation that must have been real because I somehow subconsciously learned it decades later in the same part of the US) or ignored. I had no idea that this sort of thing happens in academia all the time.

And if all this sounds like a discussion of how many angels WOULD fit on the head of a pin IF there were angels determined to perch on the head of a pin at all (or as in the Jewish joke, the question of whether your brother WOULD like noodles IF you had a brother), that is exactly what it is. And it is not MY fault at all, but rather the fault of the existing system, which when convenient admits variations and uncertainties of the sort I have emphasized,³⁸ but when inconvenient insists on a dogma of regular sound correspondences that was never stated as anyone's theory and anyway obviously does not fit anybody's idea of the facts — while at the same time not even bothering to find data for the correspondences it claims.

There simply is no way, given the data available, to decide, with the kind of confidence that is being claimed, that *keli-d^hri- (or *kele-d^hri-, not to mention *kelH₂-d^hri-) would SUPPOSEDLY have given not **celeber** but only †celiber or †coleber (or the like). What we see here is the usual academic mixture of circularity and contradiction, aiming at holding **celeber** to an entirely different (and an impossible) standard than the rest of the Latin language — a standard that it seems would accept an etymology for this word in only one of two cases: (1) if we had a time machine and could go back and check, though I fear that even this would not be accepted if the results contradicted what the scholars (or the particular faction) want to hear, or (2) if someone quite unlike me had the gumption to come up with an etymology that those scholars (or that faction) decided to be enthusiastic about.

We are in general then dealing with what I call OCKHAM'S HATCHET or OCKHAM'S BLUDGEON, a very common methodology in this field (and not just this one) where a totally invalid criterion is adopted for use only to bury (here preventively) results that for some reason someone wishes to bury. Now, I cannot know for sure that my etymology will be treated this way. I predict that it will with a high degree of confidence, but of course I would not be doing the writing I do if I did not believe that there is a tiny chance (perhaps long after I am dead) that the validity of this — and hundreds or thousands of other — results of this kind, and of this overall approach to doing science will be recognized by at most one scholar in some one small field of scholarship (or outside of it). And, if I am proven wrong, and it is by many and while I am still here, all the better. So go ahead prove me wrong and get busy tearing down those walls.

And while I am waiting for that to happen, I will continue with the work that the IEn-ists and others so graciously left to me. There is quite a lot of this because the self-

³⁸ I would add that Nussbaum never rules out in principle the possibility of "simply irregular" reflexes. On the contrary, he mentions just this possibility using these very words in the same article in the discussion of vowel reduction itself (p. 410 n. 50), thus proving that he does not in principle exclude such. And how could he, when as we said Latin (and surely every language he ever studied) is chock-full of such? And so why should **celeber**, just when I find the etymology of it, not be one of these (even though it actually is not)?

designated etymological dictionaries leave many more words unexplained that obviously CAN be explained. Thus, it soon struck me that there are ALSO words that refer to various ways of inflicting (relatively) superficial damage by removing or injuring the skin of a person, the bark of a tree, etc. Most of them though require more work, regarding either the suffixes or the postpounds they end in. These include **κέλωρ** (in at least one of the three senses recorded by Hesychius)³⁹ ‘eunuch’;⁴⁰ Celtic ***klamo-** ‘sick, suffering from leprosy’ (Matasović 2009: 206) and Greek **κελεφός** ‘leprous’ (Beekes 2010: 669), assuming we can make sense of each of these words as a compound directly referencing an affliction attacking the SURFACE of a human body;⁴¹ **κέλυφος** [n.] ‘husk or skin of fruit, skin of an onion, eggshell’ (Beekes 2010: 670f.), where again I have not yet fully identified the postpound, but I do not see why we should be thinking of a Pre-Greek “suffix” at all, and others.⁴² And then there are words referring to the surface layer itself, presumably etymologically qua something that is (commonly) removed or injured, e.g., Latin **cōlēi** just mentioned and Greek **κέλευθος** ‘road, path, course; journey’ (Beekes 2010: 668f.), which need no longer “remain without etymology” if it referred to the damage done to the earth when making a path (which to prehistoric people must have been rather more obvious than to us), though I do not yet know for sure what to make of the postpound.⁴³ Most or all of these words require more work, obviously. But some do not:

³⁹ The sense of ‘son, descendant’ is immediately explained if it originally referred to a new growth sprouting or budding (indeed, likely originally of a plant, like English **scion**). The third sense is ‘voice’, and here I have no non-trivial explanation to offer, unless this is related to the semantics of Latin **celeber** somehow (perhaps as referring to a sound that barely reaches a crowd or the like).

⁴⁰ This could reflect the idea was that castration involves injuring a relatively superficial part of the body (which if you think about it, is so), but perhaps more likely if the word did not refer to castration at all but to another technique for achieving sterility that involved an much more superficial injury. There are two twists here. One is that there are methods for removing the testicles from the scrotum, without cutting either the scrotum or testicles themselves off, that suffice to make the latter non-functional and eventually to degenerate. The other twist, perhaps related to the first, is that Lat. **cōlēi** (pl.) ‘scrotum’, without a plausible etymology as per de Vaan (2009: 124) could be immediately related (presumably as vrddhi).

⁴¹ Surprisingly, we may be also able to explain Latin **clam** ‘secretly’ this way as well — if this originally meant something like ‘barely seen’ and only later ‘unseen → hidden’. But this can be trivially “explained”. It is the Celtic word that is the real test, where the rubber meets the road.

⁴² At the eleventh hour I learned that Merritt (2021) has an analysis of this word, operating with the previously (conventionally) recognized roots and root meanings. I found out about this work too late to take it into account, but in any case it would now have to be re-thought to see whether, as I conjecture, it really should not be re-done so as to involve the “new” meaning I discovered.

⁴³ I speculate that it was $*\text{-ud}^h$, referring to the ground as $*\text{‘carrier’}$. On the other hand, it might perhaps be that $*\text{kele-ud}^h$ meant $*\text{‘just starting to carry’}$, which could imply an original sense of something like that of itinerary, then extended to the actual path traversed or the traversal (the

6. Greek *κελεός* ‘green woodpecker’ (which need not be Pre-Greek anymore, pace Beekes 2010: 668), since we know what these birds do.
7. Greek *κολέον* ‘sheath, scabbard’ (Beekes 2010: 735), which is self-explanatory.
8. Greek *κόλον* ‘colon’ (Beekes 2010: 739), re which I need only say that the name would be alluding to prolapse (the protrusion of part of the colon), which is discussed in some detail below.

This naturally brings me to another easy example (one of hundreds or thousands I could report on) of the same issue of circular reasoning, though perhaps rather more obvious (even to non-specialists), which is why I conclude with this, namely with Greek *μολο-* and *κολόβριον*.⁴⁴ Regarding the etymology of *μολοβρός*, a “scornful or ignominious qualification, referring to Odysseus, who has not yet been identified [...]”, with the derivatives *μολόβριον* and *μολοβρίτης*, both referring to young pigs, Beekes (2010: 963) rejects Neumann’s (1992) etymology as ‘dirt eater (*Dreckfresser*)’, which (and I cannot stress this enough) is absolutely perfect formally as well as semantically and pragmatically, a model etymology in fact. That of course is one thing. But Beekes actually without any compunction admits that he is rejecting it just BECAUSE this etymology “does not explain the second member⁴⁵ -βρος» because ON BEEKES’ VIEW of IE and Greek phonology (NOT ON NEUMANN’S!) “-g^wʔH₃o-would have given *-βαρο- (I do not accept the loss of laryngeals in compounds)”. Such an explicit admission is another thing entirely, and a capital one, from one of the leaders of a field that thus it is not ME saying runs (some of the time, not always!) on circular reasoning.

journey) itself. In any case, the prepound is different, but the postpound related, to those in Slavic **kolovozъ* ‘rut; August’, presumably from *‘one that carries wheels; the time when wheel-carrying [i.e., rutting] occurs’ (and obviously not from *‘wheel cart’, as seemingly implied by Trubachev (1983: 150), which would make no sense. It is thus a compound parallel to **kolēja*, a formation basically left unexplained by Trubachev 1983: 131), who seems to take it for granted that it is NOT a compound.

⁴⁴ Many thanks to Brent Vine for comments that I shamelessly incorporate into the argument. First, then, the word is Mycenaean, an old formation that forms part of a pattern of “negative naming”, another brilliant example of which is Mycenaean *ku-mo-no-so* = /gumn-orsos/ “Naked-ass” (Neumann 1999), which would be difficult to dismiss as non-native “Pre-Greek” because its Greek etymology is even more transparent. On a separate note, I simply cannot understand that some (e.g. Hawkins 2013: 115) do not see that Chantraine’s (1972) attempt at etymologizing *μολοβρός* is NOT a viable alternative to Neumann’s, just to begin with because it is not funny and does not make sense of the epithet applied to Odysseus. The great value of Chantraine’s proposal seems to me METHODOLOGICAL: the very fact that Beekes cites Neumann’s but not this one suggests that in spite of his aprioristic refusal to accept the latter, he did realize that it is a very good etymology. It is between the lines and out of the box that we must read.

⁴⁵ What I call a POSTPOUND.

Let us be clear: the problem is not that Beekes did not accept the theory of loss of laryngeals in compounds — any more than it was a problem in 1940 that Benzing could not make himself accept even a possibility of zetacism. The problem is that he ASSUMES that one theory is incorrect and another incorrect and then uses this very assumption to reject, as a matter of principle, any possible evidence that could be presented to show that his is wrong and the other one right. What would have been the right thing for him to say? It would have been to say this:⁴⁶

Till now, based on such data and arguments that I have seen/heard and/or come with myself, I have rejected this theory. Now that I see a new piece of evidence for the theory and against my view, I am obligated to review the entire dossier again to see whether this new piece of evidence is enough to show me that I have been wrong.

And then to ACT accordingly, which would mean:

1. to weight the evidence fairly, i.e., not just absolutely even-handedly (which is nearly impossible for a human being) but rather always (which is much easier) giving the benefit of the doubt not to oneself and one's own views but precisely to the other side, its evidence and its arguments,
2. to be clear just what evidence (or how much of it) would be enough to prove to one that one has been wrong (so that supposing the currently presented counter-evidence is not enough, the other side can know what it must do and also so that everyone can see whether one is not simply begging the question),
3. to consider precisely all the evidence and not to reject each individual counterexample, but above all
4. never ever under any circumstances — not even under torture or for ready money — to reject counter-evidence just BECAUSE IT IS COUNTER-EVIDENCE, that is, simply because one has assumed in advance that one must be right.

And of course Beekes does exactly the opposite on each of these points not just on this page but throughout his book and elsewhere. As does (at least at times) virtually every worker in this field, both in print, in lectures, and in discussions (e.g. at conferences I have attended and in other forums). For example, every time I have presented to someone who does not accept any of the phenomena listed below a new example thereof (which logically might shift the balance against the rejection), the example itself is rejected precisely on the grounds that the phenomenon itself is one that that scholar (and invariably an entire school behind or around him) have decided not to accept: Eichner's Law, voicing by a following $*h_3$ (notably but not only in the case of the possessive "suffix" discovered

⁴⁶ I have on several occasions said or emailed these exact words to various leading IEnists — as well as Turcologist etc. So far, to no avail.

by Hoffmann and Hamp), preaspiration by a following *h_{1/2}, “Breaking”⁴⁷ in Greek, etc. The list goes on. The phenomenon is all-pervasive, on big issues and small.⁴⁸

Speaking of errors, Beekes, taking the word as “Rather a Pre-Greek word”, seems to take as support for his conclusion the fact that there is another supposedly Pre-Greek for a young pig that ends in the same postpound: **κολόβριον**. So, if it were me, and it was me, even when for a moment of five minutes or so I could not explain what this **κολο-** would be (if the word were a compound similar to the one reconstructed by Neumann), I would have said (and did say to a few email correspondents) that on the one hand the burden of proof is gladly accepted by me to find a REASONABLE⁴⁹ native Greek etymology parallel to Neumann’s — and on the other that that, if anyone could come up with an actual Pre-Greek etymology (rather than hand-waving assertions that the word «must» or «may» be Pre-Greek), then that would count as actual evidence AGAINST my position.

Having finished writing at I did not see what the prepound was at 10:51 AM, at 10:56 I found out (from a reputable veterinary source) that pigs are particularly prone to rectal prolapse, with the following three possible outcomes:

1. It rapidly returns into the anus.
2. It remains outside the anus and, due to the constrictive effect on blood and fluid drainage, it generally swells up. It is thus easily damaged by trauma on pen divisions, feeders etc.
3. It is eaten by other pigs in the pen. It is not uncommon to find blood in a pen and around the mouths of pigs but with no obvious prolapse in any other animals, i.e. the prolapse will have been completely chewed off.

⁴⁷ I put the term in scare quotes because it seems to me as clear as anything can be without a time machine that the supposedly “broken” realizations are the original, proto-glottalic realizations of these phonemic sequences.

⁴⁸ Years ago when I was “invited”, for the first and last time, to a conference on Slavic and/or IE linguistics, the organizers were shocked that my etymology of Slavic *čelověkъ ~ člověkъ (as “one whose time is (but) a while”) was an “entirely new” one! For them the traditional etymology had evidently become an axion, a piece of dogma, which could only be repeated or at most slightly adjusted — but in principle never replaced.

⁴⁹ At the time I first wrote this, I added “where **kolo-** would be from a root known from Greek or other IE languages, where the form would follow the known sound laws, and where the meaning would either again be what pigs (or young pigs) distinctively consume or (since the prepound does not have to be patient/direct object of the postpound) something else that characteristically fits the way pigs (or young pigs) feed themselves, e.g. instrument (‘with a snout’, f.ex.) or manner (‘greedily, indiscriminately’).” And the prediction turned out to be confirmed within less than five minutes. To me this is science. What I report in the next footnote is the opposite.

Option 3 of course gives us the etymology of the prepound of **κολό-βριον** (and of course suggests that of the ‘colon’ word itself!). And Neumann and I win, and Beekes and the whole question-begging nomenklatura loses. That was never in question. The question instead is whether (a) anyone will accept this outcome⁵⁰ and (b), for those who are not members of Beekes’ school, whether they will accept that this is not about Beekes or his followers (and their celebrated obsession with making obviously native words (not just in Greek!) be something else or anything at all specific to their school, but rather about the methodology of science and the fact that is routinely violated in this field, and that I really could use a break from being ignored or abused when I point this out.

And there is, as often, a bit more. Neumann concludes by noting:

Die Übersetzung ‚Schmutzfresser, Unratverschlinger‘ hatte schon Ameis [1895: 114] vorgeschlagen. Curtius [...] hat sie mit unzureichenden Gründen zurückgewiesen, wodurch sie in Vergessenheit geraten war. — Die Priorität gehört also Ameis.

So the circle of error and abuse keeps turning. Curtius suppresses Ameis’ obviously correct etymology for a century. Neumann rediscovers it (I am guessing, independently)

⁵⁰ This is the difficult part. As soon as I showed these results to a handful of IEnists, I was informed by one, with sadistic glee, that since **κολόβριον** refers to a piglet, whereas the reference to pigs eating each other’s colon tissue does not mention this as a behavior of specifically YOUNG animals, therefore I was wrong. Now, the scholars of IE know that **-ion** is a Greek diminutive, and should realize that ***colon eater** would be the meaning of the unattested ***κολοβρός** (entirely parallel to **μολοβρός**), while **κολόβριον** would get its specific sense of ‘piglet’ from the **-ion** suffix (just like **μολόβριον**, as was evident already to Ameis in the 19th century). Next I was informed, with more glee, that what proves me wrong is that Aristarchus referred to (someone using) these terms as being for piglets having a wild boar for a father. Apart from the fact that traditionally people did not keep intact adult male pigs but rather tied the females in estrus out where wild males could mate with them (so the father of any piglet was by definition a boar), there is also the fact that never in the history of IE linguistics did anyone deny that words for wild boar and domestic swine may (and do) interchange — not until the denial of this commonplace appeared to someone as an Ockham’s Bludgeon to be used in a futile attempt to shut up the voice of one crying in this wilderness. But you’d have to get up pretty early.... Briefly, when people did start using domestic male pigs for procreation (presumably alongside wild ones for a considerable time), it is possible that there was a special term (or two) of particular opprobrium applied to the domestic offspring of the wild males (perhaps, though this of course cannot be known for a fact, stereotypically viewed as less picky eaters and/or as more aggressive than the ones with a domesticated sire). This is another exercise in angels on pins that I only feel forced to go into because, as I say, as soon as I showed my results to just a handful of Indo-Europeanists, I was immediately attacked on utterly trivial points that do not bear on the proposals and the like of which is not a standard to which the work in that field is usually held (except precisely for any work that for some reason some group decides it needs to try to suppress).

only to have his work trashed by Beekes, who of course has the enormous advantage of being the author of a reference work and moreover one published in a world language and so bound to be much more widely relied on than a journal article by Neumann written in a former world language. I rediscover Neumann and provide new and decisive evidence to support Neumann, and what happens? That remains to be seen for sure, though the experience of decades of my life (and what I can read of human experience since the invention of writing and a little before) does not inspire immediate-term optimism. Maybe a little later in the year?

In any case, though, the issue is not this or that etymology, whether in IE or elsewhere (although of course one common trick to avoid dealing with the general issues is to try to focus on one particular example at a time and avoid the issue itself). For those interested in other Northwest Eurasian language families besides IE (but necessarily including IE if we are concerned with the perennial Nostratic question or with the issue of borrowings to or from IE),⁵¹ do you now see what I have tried to show you for decades, that you en-

⁵¹ Here I would like to be permitted to report that I believe I may have located in IE the mysterious source of at least some of the set of Turkic words identified by Vovin (2004, 2010) as neither native nor yet borrowed from any of the obvious suspects. Thus, **dwant* ‘horse’ (usually taken as **yunt*, ignoring the oldest Lir, Danube Bulgar *dvan-*, a year name that has to be either horse or rabbit, and *dvalma* ‘groom’) surely looks immediately IE (literally **‘runner’*). Since there is only one other word in Turkic ending in *-nt* (identified by Stefan Georg *apud* Vovin), namely, *ant* ‘oath’, I submit that this also an IE *nt*-participle, this time from the root conventionally reconstructed as $\sqrt{*h_2emh_3}$ ‘anfassen, anpacken’ → ‘schwören’ (*LIV*² 265–266), which I take to have actually meant **‘to grab with both hands’*, which surely was a gesture involved also taking an oath. The difficulty is that the rather small set of words seem to come, if the IE connection is not just an artifact of chance, from at least two different languages, mostly Iranian, but also it seems some Tocharian. This makes the probabilistic argument (that all this is not just noise in the data) much weaker. On the other hand, the fact that several of the 12 animal names used to name years are from such a source is probabilistically very good, though again a short word like *ud* ‘ox’ is not very significant. On the other hand, *küskü* ‘rat’, which I hope (but am not sure) is **guz-ka-* or **guz-kiya-* or the like, i.e., ‘little hider’, and especially *lagzın* ‘pig’ perhaps are. The latter would be the correct Scythian reflex of Iranian **ada-gžan-* vel sim. ‘food destroyer’, which corresponds exactly to the significance of the wild boar for traditional human societies. The case becomes rather stronger if we can explain the Turkic imperial titles. The feminine *khatun*, for decades asserted to be Sogdian, cannot be that of course (1966: 30–33), but can be from a hitherto all-but-unknown Iranian language (**hwa-tāwān-* vel sim. **‘one CONNECTED TO the auto-crat’*). If I can (and I think I can) also explain the male titles *khagan* and *khān* as well, as **‘auto-crat’* (**hwa-tuwān-* vel sim.), the case will be even better. On the other hand, Turkic *kaŋ* ‘father’, which has bothered me for many years, now seems to me only compatible with a Tocharian-like reflex of PIE **ǵonós* ‘progenitor’ or maybe better a diminutive **ǵonkos*. I would hope that, with maybe just one or two more such words, the IE character of all this will be harder to dismiss than it may seem today (though of course sociologically easier). All

gage in the same kind of circularity and contradiction as the Indo-Europeanists, and that there is a very simple way out of all this? And that the answers that have so long been elusive (in large measure because too many scholars claimed to have them long before they had anything and so just confused the issues) are now within reach?⁵²

All I know is what I have witnessed for the half-century or so that I have been involved in scholarship, and what I have read going back as far as the written records reach. Everyone I know seems to find what I have decried (and shown the easy alternative to) to be the normal and proper conduct of science and human relations. I do not. I will never accept any of this as either science or humanity. I have of course said this many times before, eliciting at best just supercilious smiles of pity. And yes it is a pity, a very great pity indeed. But there could be better times ahead. There are literally thousands of new small (and big!) results just waiting to be picked off – provided anyone in any of these (or other) fields is willing to follow the scientific method and give up the circularities and contradictions that play such a prominent role today. And once more: there are already known to me two or more dozens of other hitherto unexplained words (and secondary roots, or THIEMES, taken as roots in the handbooks and dictionaries) derived from the root under discussion here; I just do not have the time or space to so much as list them here. But of course these etymologies are not the big game we really want anyway.

this I hope to discuss elsewhere. The reason for mentioning this here is to show in yet another way how PRODUCTIVE the approach I have been advocating it can be – in contrast to the conventionally prevalent one. Of course, some part of these results may prove wrong, but first actual work has to be done – rather than suppressed.

⁵² This is just one example of dozens I could cite of where historical linguistics assume all manner of details totally ahead of the available data, and of course whatever they assume is taken to be an incontrovertible fact (and in particular used to rule out any other facts that might contradict this one) – until the wind changes. In a field closer to home, can we not all at least agree, after all the wasted decades, that the obsessive repetition of the claim that in the Lir languages Proto-Turkic $*\text{-z-}$ and $*\text{-d-}$ both changed to -r- at the same time is an example of just this totally invalid methodology. Even if we did not know that this is cannot have been so (as shown by borrowings into Hungarian and in Mongolic, in addition to the sparse but sufficient sources for early Lir), no one should ever have permitted themselves in the first place to make any such assumption, first proclaimed by Benzing (1940, 1944) and yet with its impossible consequences still eagerly embraced even as recently as Georg (2003) and since. But the point again is not so much that this particular pair of sound changes in Lir languages cannot be the way Benzing, Georg, and others have wanted and insisted. The problem is rather the very idea of adults WANTING and INSISTING on this or that result in the first place, and on this or that “rule” cut from whole cloth so as to get that pre-determined result. No, I am wrong: that is not the problem. The problem is an entire field of scholarship (like all the others alongside it) cheerfully encouraging this to go on – and when not this, then a dozen or a hundred other (but exactly analogous) abuses. Yes, THAT is the problem. And the solution I have shown you, yet again.

Bibliography

- Ameis, Karl F. 1895. *Anhang zu Homers Odyssee*, Schulausgabe, III (Erläuterungen zu Gesang XIII–XVIII), 3rd ed. (C. Hentze, ed.). Leipzig: Teubner.
- Bader, Françoise 1983. De l'« auscultation » à la « célébrité » en latin: formes de la racine *kel-. In: *Hommages à Jean Cousin: rencontres avec l'Antiquité classique*. Paris: Belles lettres, 27–60.
- Beekes, Robert S. P. 2010. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden, Boston: Brill.
- Benveniste, Émile 1966. *Titres et noms propres en iranien ancien*. Paris: Klincksieck.
- Benzing, Johannes 1940. Tschuwaschische Forschungen II: Tschuwaschisch r // alttürkisch ḍ. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 94: 391 – 398.
- Benzing, Johannes 1944. Die angeblichen bolgartürkischen Lehnwörter im Ungarischen. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 98: 24–27.
- Chantraine, Pierre 1972. Le témoignage du mycénien pour l'étymologie grecque: δαῖ, Κοπρεύς, Κυκλεύς, μολοβρός, μόλυβδος. *Minos* 12: 197–206.
- Chao, Y. R. 1934. The non-uniqueness of phonemic solutions of phonetic systems. *Bulletin of the Institute of History and Philology*, Academia Sinica 4, 4: 363–97. Reprinted (1958) in Martin Joos (ed.) *Readings in Linguistics: The Development of Descriptive Linguistics in America since 1925*. New York: American Council of Learned Societies, 38–54.
- De Vaan, Michiel 2008. *Etymological Dictionary Of Latin*. Leiden, Boston: Brill.
- DELL = Ernout, Alfred & Antoine Meillet 1985. *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots*. 4th ed. Paris: Klincksieck.
- Dickey, E. 2021. The history of bilingual dictionaries reconsidered: an ancient fragment related to pseudo-Philoxenus (P.Vars. 6) and its significance. *Classical Quarterly* 71, 1: 359–378.
- EWA = Mayrhofer, Manfred 1986–2001. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Heidelberg: Winter.
- Georg, Stefan 1999. Haupt und Glieder der altaischen Hypothese: die Körperteilbezeichnungen im Türkischen, Mongolischen und Tungusischen. *Ural-altäische Jahrbücher*, N.F. Bd 16: 143–182.
- Georg, Stefan 2003. Japanese, the Altaic theory, and the limits of language classification In: Alexander Vovin & Osada Toshiki (長田俊樹) (eds.) *日本語系統論の現在* (Perspectives on the Origins of the Japanese Language). Nichibunken sōsho, 31. Kyoto: International Research Center for Japanese Studies, 429–448.
- Hawkins, Shane 2013. *Studies in the Language of Hipponax*. Bremen: Hempen.
- Ioannidis, John P. A. 2005. Why most published research findings are false. *PLoS Med* Aug;2(8):e124. doi: 10.1371/journal.pmed.0020124.
- Johnson, George 1995. Linguists debating deepest roots of language. *The New York Times*, June 27, Section C, Page 1.
- LIV² = Rix, Helmut (ed.): *Lexikon der indogermanischen Verben*². Wiesbaden: Reichert.
- Manaster Ramer, Alexis 1994. Clusters or affricates in Kartvelian and Nostratic? *Diachronica* 11: 157–170.
- Manaster Ramer, Alexis 1996. Armenian -k` < PIE *-(e)s. *Journal of Indo-European Studies* 24: 361–398.
- Manaster Ramer, Alexis 2020a. It's not the mortality rate, stupid! *Reumatologia/Rheumatology* 58, 2: 63–66. <https://doi.org/10.5114/reum.2020.95357>.
- Manaster Ramer, Alexis 2020b. Whey to go: Slavic *късьнь* and the roots **КУК* and **КWAHT* in Slavic and beyond. In: Martin Henzelmann (ed.): *Sprachwissenschaftliche Perspektiven der Bul-*

- garistik: Standpunkte — Innovationen — Herausforderungen (Festschrift für Prof. Dr. Dr. H.c. Helmut Wilhelm Schaller anlässlich seines 80. Geburtstags)*. Berlin: Frank & Timme, 79–124.
- Manaster Ramer, Alexis 2021a. Boris Parashkevov on professorial etymologies, especially those of кѣстен ‘chestnut’ плѣндѣр ‘bladder (the air-filled inside part of a ball)’. *Bulgaria* 4: 167–172.
- Manaster Ramer, Alexis 2021b. Crying shame, or old whine in old bottles: Ps. 56: 8. In: Irina Nevskaya et al. (eds.): *Ayagka Tegimlig Bahşı: Festschrift in Honor of Marcel Erdal*. Türklük bilgisi araştırmaları / Journal of Turkish studies, Special ed. 1: 325–330.
- Manaster Ramer, Alexis, Peter A. Michalove, Karen S. Baertsch, Karen L. Adams 1998. Exploring the Nostratic hypothesis. In: Joseph C. Salmons and Brian D. Joseph (eds.): *The Nostratic theory: Sifting the evidence*. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 61–84.
- Manaster Ramer, Alexis, Paul Sidwell 1996. The Altaic debate and the question of cognate numerals. *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes* 87: 153–175.
- Manaster Ramer, Alexis, Alexander Vovin, Paul Sidwell 1997. On body part terms as evidence in favor of the Altaic hypothesis. *Ural-altaische Jahrbücher N.F.* 15: 116–138.
- Matasović, Ranko 2009. *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. Leiden, Boston: Brill.
- Merritt, A. 2021. ‘κέλυφος and καλύπτω’. *Indogermanische Forschungen* 126: 305–324.
- Neumann, Günter 1992. Griechisch μολοβρός. *Historische Sprachforschung / Historical Linguistics* 105: 75–80.
- Neumann, Günter 1999. Zwei mykenische Personennamen. In: J. Habisreiter [et al.] (eds.): *Gering und doch von Herzen. 25 indogermanistische Beiträge Bernhard Forssman zum 65. Geburtstag*. Wiesbaden: Reichert, 201–205.
- Nussbaum, Alan 1999. *Jocidus: An account of the Latin adjectives in -idus. In: Heinz Eichner [et al.] (eds.): *Compositiones Indogermanicae in memoriam Jochem Schindler*. Praha: Enigma, 377–419.
- Street, John 1980. Proto-Altaic *-l(V)b- > Turkic Š. *Central Asiatic Journal* 24, 3/4: 285–303.
- Trifonova, Krasimira Georgieva, Alexis Manaster Ramer 2019. Four myths for visitors to Bulgaria’s Black Sea Coast. In: Genka Rafailova, Stoyan Marinov (eds.): *Tourism and intercultural communication and innovations*. Newcastle: Cambridge Scholars, 198–213.
- Trubachev / Трубачев, О. Н. 1983. *Этимологический словарь славянских языков, 10 (*klepačь — *konь)*. Москва: Наука.
- Vovin, Alexander 2004. Some thoughts on the origin of the old Turkic 12-year animal cycle. *Central Asiatic Journal* 48, 1: 118–132.
- Vovin, Alexander 2007. Once again on the etymology of the title qayan. *Studia Etymologica Cracoviensia* 12: 177–187.
- Vovin, Alexander 2010. Once Again on the Ruan-ruan Language. In: Mehmet Ölmez [et al.] (eds.): *Ötüken’den İstanbul’a Türkçenin 1290 Yılı (720–2010), 3–5 Aralık 2010, İstanbul, Bildiriler / From Ötüken to İstanbul, 1290 Years of Turkish (720–2010), 3–5 December 2010, İstanbul, Papers*. İstanbul: İstanbul Büyükşehir Belediyesi, 1–10.
- Weiss, Michael 2021. *Outline of the Historical and Comparative Grammar of Latin*. 2nd ed., 2nd corrected printing. Ann Arbor, New York: Beech Stave Press.
- White, Mark 2009. Rectal prolapse and rectal stricture: Pig veterinarian, Mark White, explains the causes, identification and treatment of these conditions in the July 2009 Health Bulletin from NADIS. The Pig Site, 28 July 2009, <https://www.thepigsite.com/articles/rectal-prolapse-and-rectal-stricture> [accessed 17 September 2022].

Yukaghir-Uralic comparison: Kinship and social terminology

Václav Blažek

Masaryk University

Dedicated to the memory of Eugene Helinski (1950–2007)

The present minicorpus consists of 25 terms which can be divided into three sets:

Kinship terms of the VCV-pattern, typical *Lallwörter*: PY **awa* ‘elder female relative’, **eče*: ‘father’, **eme*- ‘mother’, **eñe* ‘mother’, **epe*: ‘grandfather's or grandmother's sister’, plus once CVCV: **ča:ča*: ‘elder brother, uncle’ (Σ 5+1).

Broader family: PY **e:nte*/**i:nte*: ‘wife of the father's brother’, **jeñčə* ‘husband; Yukaghir’, **kel*- ‘brother-in-law’, **ñaj*/**ña*:- ‘daughter/sister-in-law’, **pulej* ‘son-in-law; brother-in-law’ (Σ 5).

Human society and its representatives: PY **ant*- ‘child’, **či*: ‘people’, **jeje* ‘an ancient tribe; ghosts’, **köj* ‘young man’, **köntə* ‘person, human being’, **qalm*-/**qajm*- ‘girl’, **ño:nt*- ‘descendants’, *(w)*olma* ‘people’, **omo* ‘people’, **pel*- ‘old man’, **poj* ‘orphan; slave’, **soromə* ‘man’, **waŋqə*- ‘ancestor; indigenous, native’, **wont*- ‘Yukaghir’ (Σ 14).

The minicorpus covers all basic kinship and social relations. If the six terms with the (C)VCV structure are eliminated, the remaining 19 terms can be better explained as a common heritage shared with Uralic than borrowings (from whom?).

In the present study the Proto-Yukaghir reconstructions proposed by Irina Nikolaeva (2006 = HDY) are used as the first approximation. For the future it is a great task to verify them, supplement them, or make many of them more accurate. It could be a long-distance-track. Let us compare the situation in Uralic. The basic correspondences between consonants and their clusters were already mapped by Paasonen (1913–1917, 1918) and Toivonen (1928), but the vocalized reconstructions were introduced only by Collinder (1957, 1960). The reconstructions used in *Uralisches etymologisches Wörterbuch* (1986f) became rather outdated with respect to the progress in the field of Samoyedic reconstruction (Janhunen 1977; Sammallahti 1979; Helinski/Xelinskij 1997, 2007; Anikin & Xelinskij 2007), implying a new approach to the Uralic reconstructions in general (Janhunen 1981; Sammallahti 1988; Aikio 2020). On the other hand, the attempt of Steinitz (1964) to base his Fenno-Ugric reconstruction of the protolanguage vowels on the Ob-Ugric data was not successful, since there was no satisfactory reconstruction of the Proto-Ob-Ugric

vocalism. Partially on the basis of Steinitz' data, Honti (1982) offered his version of the Proto-Ob-Ugric vocalism, but it was limited to the first syllable, without taking in account the umlaut-effect of the vowel of the second syllable. It was criticized by Xelimschij (1985), cf. also Helimski 2000, 2001. His follower Živlov (2006) brings already a very convincing study of the Proto-Ob-Ugric vocalism, where all vocalic reconstructions are made with respect to their sequence. Any comparable study for Proto-Yukaghir is naturally lacking and so the Uralic-Yukaghir vocalic correspondences remain open, at least for the present.

1. PY **ant-* 'child' ~ FU_R **sente* 'to be born' = FPe_S **sünti-* 'to grow'

K *adil* 'youth; fellow; boyfriend'; KK *ad-*; KJ *adil*, *a:dil*; KD *adil*; SD *adil*, *adyl*; T *adil*; TK *adil*; TJ *adil*; TD *adil*, *adil'*; SU *adylloi*; RS *ady*; MC *apdyla* [rect. *andyla*]; B *andel-*; ME *antil-* id.; K *ad-ö*: 'son' = 'youth child'; KK *ad-uo*; KJ *ad-uo*; KD *ad-uo*, *ad-u*; SD *adi-orpa-*, *ad-io-*; T *ad-uo*; TK *ad-uo*; TJ *ad-uo*; RS *ad-o*; M *ád-o*; KL *and-ogi*; B *ant-oó*; ME *anth-u*; MK *ánd-uo* id.; K *adimuñe-*: 'to grow younger' (HDY 110, n. 99).

Fenno-Ugric **sente* 'to be born' (UEW 439) ~ Fenno-Permic **sünti-* 'to grow' (Sammallahti 1988, 553) > Finnish *synty-* 'geboren werden; entstehen' (> Saami N *šâd'dât -dd-*, L *šjaddat*, K T *šantî-*, Kld *šonte-*, Not. *šotte-*, A *šondo-*), Estonian *sündi-* 'sich ereignen; entstehen, geboren werden'; Komi *sod-* (S P), *sud-* (PO) 'sich vermehren'; Hungarian *ell-* 'Junge werfen', Old Hungarian *edl-elmes* 'coniunx mea'.

Note: The regular correspondence between Uralic **s-* and Yukaghir *ø* was identified by Collinder (1957, 124). Let us mention that the analogous zero-continuant of Uralic **s-* appears also in Hungarian.

2. PY **awa* 'elder female relative' ~ U_R **apɜ* 'elder female relative'

K *abo-* 'elder'; KJ *abuo-* id.; KD *abuo-* 'elder sister'; SD *abu-* id.; K *abu:j* 'elder'; KJ *abuj* 'elder sister or elder female cousin'; KD *abui* id.; MC *aua* 'sister'; BO *áwo* 'sister'; MK *awá* 'elder sister'; T *abučie* 'grandmother; mother-in-law'; TK *abučie* 'grandmother, mother-in-law'; TJ *abučie* 'grandmother; grandfather's or grandmother's sister, father's elder sister or elder cousin'; TD *-abučie* id.; MU *awutscha* 'sister'; KJ *abud'a* 'elder sister, elder female cousin' (HDY 115, n. 139).

Uralic **apɜ* 'elder female relative; aunt, elder sister' (UEW 15) > Komi *ob* (VU) 'Vatersschwester'; Khanty *opi* (Trj.), *äpə*, *äpi* (C) 'ältere Schwester' (Trj. C O), 'jüngere Schwester des Vaters' (Trj. O), 'Base, älter als ego' (Trj.), 'Tochter (älter als ego) des Bruders des Vaters' (C) (> Mansi N *öpi* 'Tante'; Nenets Lj. *äppä*, P *äppa* 'ältere Schwester; Mutter'), Mansi *wūp* (P) 'Schwägerin, Tante; Frau des jüngeren Bruders des Mannes', *ūp* (So.) 'Frau des jüngeren Bruders der Mutter'.

Samoyedic **äpā* 'ältere Schwester' (Janhunen 1977, 21; Helimski 1997, 373, n. 1115; Alatalo 2004, 4) > Nenets *nāba* (O) 'Stiefmutter, zweite Frau des Vaters, Frau des älteren

Bruders', Enets *óba* 'ältere Schwester', Nganasan *ɲafu*, gen. *ɲabu, ɲaba*; Selkup *abà-m* (VjV.), *aBa'* (Ča), *appa, áppa* (Ke.), *apà, āpà, ābà* (N), *āpà* (Čl.), besides (Ke.) *oṗṗo*, (KM) *oppom* '{my} older sister' (Alatalo 2004, 4–5); Mator *ūhem* '{my} older sister', Karagas *uhàm*, Taigi *jhèm* id., 'Abakan' *yhā* 'sister',

Lit.: Nikolaeva, HDY 115, n. 139: Y+U.

3. PY *eče: 'father' ~ UR *äcä 'father' = UA *acća/*eć(ć)a/*ić(ć)a/*ajća

K eče: 'father'; KK et'ie, ešie; KJ ečie, ačie; KD ečie; SD eco; RS eče, ečé; M ete; MC jete; MO jezem, B etčea; ME aittsche; MK otsché; W otjé id. (HDY 150, n. 403).

Uralic *äcä 'father' (UEW 22) ~ *acća/*eć(ć)a/*ić(ć)a/*ajća 'father' (Aikio 2020, 30–32) > Fenno-Ugric *išä (Sammallahti 1988, 541) > Saami *ačče* -čč- (N), *ahttjē* (L), *ačč* (T Kld.) 'father'; Khanty *āfi* (Trj.), *āši* (O), Mansi *ācī* (TJ), *šs* (KU), *ās* (P LO) 'Vater des Vaters' (TJ KU P), 'Vater der Mutter' (TJ), 'Vater' (N).

Samoyedic *ajsa ~ *jasa? (Aikio, l.c.) ~ *ejsä 'father' (Janhunen 1977, 22) > Nenets T *ńiša*, Enets F *eši* 'father', Nganasan *dēsɟ* 'father; male'; Selkup **esə* (Ta *esj*, Ty *āzə*, K *essə*) 'father'. Nenets *ɲāce?* 'father!' (child.), Enets *ača?* (K) are probably the *Lallwörter*.

Lit.: FUV₁ (1955), 1 & FUV 24 & Collinder 1957, 113, n. 1: Y+U.

Note: Bouda (1940, 72, n. 6) connected Y + Selkup *aža* 'father' and/or *ača* 'younger uncle' (Castén) < Common Selkup **acća* (Alatalo 2004, 29).

4. PY *eme- 'mother' ~ URs *emä 'mother, female' = UJA *emä/*ämä

K *emej* 'mother'; KK *emej*; KJ *emei*; KD *emei*; SD *emej*; RS *emei*, -óma; KL *amej*; MK *oméi*; K *emme*: 'mummy; address used by a young husband to his older wife'; KK *emme*; KJ *eme*; KD *eme*; T *emmuo* 'affectionate address to a girl or young woman'; MC *eme*; MO *emom*; B *amea*; ME *a:me*; MU *omé* (HDY 158, n. 451).

Uralic *emä 'mother, female' (UEW 74; Sammallahti 1988, 536) ~ *emä/*ämä (Janhunen 1981, 257, n. 110; Aikio 2020, 44–45) > Finnish *emä* 'Weibchen; Mutter; Gebärmutter' (> Saami *jì'emie* 'Gebärmutter'), *emäntä* 'Hausmutter, Wirtin', *emäsika* 'Sau', Estonian *ema* 'Mutter; Gebärmutter'; Saami *āemest* (N) 'von der Geburt an', *āeme-lii'ke* 'die Haut des neugeborenen Kindes', *iemē* ~ *āmē* (L) 'von Anfang an, von Natur'; Hungarian *eme* (*emét*) dial. 'Sau', Old Hungarian 'Weibchen', *em-bēr* 'Mensch', dial. 'Mann', *em-se* dial. 'Sau'.

Samoyedic *emä (Janhunen 1977, 23) > Nenets *ńeḃe* (O), *ńeḃe* (Nj.) 'mother', Enets *ā* (Ch.), Nganasan *ńame*; Selkup *ämä* (TaU), *awa* (Ke.), *āwā* (Ty.), *ēmī* (Tur.); Koibal *umaḃa*; Motor *ima-m* (Px1Sg.); Taigi *emme*, *ima-m* (Px1Sg.)

Lit.: Collinder 1940, 76: Y+U.

5. PY **eñe* ‘mother’ ~ FPe_R **enä* ‘mother’

KK *eñie* ‘mother’; KD *eña*; T *eñie* ‘mother’; TK *eñie*; TJ *eñie*, *eñe*; TD *enie*- id. (HDY 161, n. 467).

Fenno-Permic **enä* ‘mother’ (UEW 624–25) > ?Finnish *enne* ‘Mutter’; Saami *æd’ne* -*dn*-(N), L *iednē* ~ *ädnē*, K T *jienne* (ea), Kld. Not. *ienn*, A *jeinn* id.; Komi *eñ* (SM SO V) ‘самка’, I P PO *in* ‘Weibchen’ (I), ‘Frau’ (P), ‘Weib’ (P PO), S *eñka*, P *iñka* ‘Mutter des Mannes’ (S); ‘Frauenperson, Frau, Weib’ (P).

Lit.: Nikolaeva (HDY 161, n. 467): Y+FPe **enä*, but alternatively, Y+Tg **eñi*- (TMS 2, 456).

Peiros (2014, §1.23): Y + U **aña* (UEW 10) ~ **añi* ‘sister-in-law’ (Aikio 2020, 18).

6. PY **e:nte*/**i:nte*: ‘wife of the father's brother’ < PY **ejn*- ‘brother’ ~ PSm **inä* ‘elder brother’ & U_R **natz* ‘younger sister of husband or wife, sister-in-law; younger brother of husband or wife, brother-in-law’ = U_S **nātiw*

K *je:de*: ‘elder brother's or elder male cousin's wife’; KJ *iedie*, *edie*, *jedie*; KD *edie*; SD *jodie* id.; T *iidie* ‘wife of the father's younger brother’; TK *iidie*; TJ *idie* id. (HDY 162, n. 477).

It could be a compound of PY **ejn*- > MO (*j*)*einim* ‘{my} brother’ (HDY 154, n. 430; TAILLEUR 1959b, 92, n. 106, plus p. 106: Samoyedic **inä* ‘elder brother’; see JANHUNEN 1977, 27) and the Yukaghir counterpart of Uralic **natz* ‘younger sister of husband or wife, sister-in-law; younger brother of husband or wife, brother-in-law’ (UEW 299–300) ~ **nātiw*/**nātāw* (JANHUNEN 1981, 259, n. 118) ~ **nātiw* (SAMMALLAHTI 1988, 539) > Finnish *nato* ‘Schwägerin; Schwester des Mannes od. der Frau, Frau des Bruders’, Estonian *nado*, gen. *nao*, *nado*, besides *nadu*, gen. *nau*, *nadu* ‘Schwägerin’; Saami *nôte* (S) ‘(jüngere) Schwester der Frau’; Mari *nuḍā* (KB), *nudo* (U B) ‘jüngere Schwester der Frau oder des Mannes’.

Samoyedic **nāt*¹*ā(j)* ‘Schwager’ (JANHUNEN 1977, 98) > Nenets *nādū* (O), *nātū* (Lj.) ‘jüngerer Bruder der Frau oder des Mannes’, *nen-nātū* ‘jüngere Schwester der Frau oder des Mannes; Tochter des älteren Bruders der Frau od. des Mannes’; Kamass *nado* ‘Schwager, Bruder des Mannes oder der Frau’.

Note: The hypothetical pre-Yukaghir compound could represent the genitive construction **ejnent-nati*- ‘brother's wife’. The process of syncopation has analogy e.g. in T *ñoronda*: ‘plover’, analyzable as the transparent compound consisting of *ñoril* ‘marsh’ & *nada* ‘bird’ (KURILOV 1977, 106).

7. PY **epe*: ‘grandfather's or grandmother's sister’ ~ U_A **eppi* = U_J **ippi* = U_S **ippi* ‘father-in-law’ > FU_R **appe* ‘father-in-law’

K *epe*: ‘grandmother, father's elder sister’; KK *epie* id.; KJ *epie* ‘id., grandfather's or grandmother's sister; father's elder sister or elder female cousin’; KD *epie*; SD *epo*; T *epie*; TK *epie* ‘grandmother, older sister of father’; KD *epie-mei* ‘great-grandmother’; TK *epiep* ‘husband's elder sister’ (HDY 162, n. 482).

Uralic **eppi* ‘father-in-law’ (Aikio 2020, 56–57) ~ **ippi* (Janhunen 1981, 236–37, n. 71) ~ **ippi* ‘father-in-law’ (Sammallahti 1988, 536) > Fenno-Ugric **appe* ‘father-in-law’ (UEW 14) > Finnish *appi*, gen. *apen*, dial. *apin*, ‘Schwiegervater’; Saami *vuop’pâ -pp-* (N), *vuohppa* (L), *vihp* (T), *vūhp* (Kld.), *vuohp* (Not.); Mari *owâ* (KB), *owo* (J); Khanty *up*, *op* (Trj.) ‘Schwiegervater; Sohn des Schwiegersvaters; Bruder des Vaters der Frau; älterer Bruder der Frau’, *üp* (DN), *up* (O) ‘Schwiegersvater’; Mansi *apā* (TJ), *up* (So.) ‘тестъ’, *up*, *op* (N) ‘Schwiegersvater; Schwager, der ältere Bruder der Frau’, Hungarian *ipa* (dial.) ‘Schwiegersvater’, *apa* ‘Vater’, dial. ‘Schwiegersvater’, *após* ‘Schwiegersvater’.

Samoyedic **-âppâ* (Sammallahti 1988, 536; cf. Id. 1979, 26, n. 2) in **inâppâ* ‘father-in-law’ (Janhunen 1977, 24–25; Helimski 1997, 254, n. 348; UEW 9–10) > Nenets *ɲinab* (O) ‘Vater der Frau, älterer Bruder der Frau’, *ne-ɲinab* ‘Schwiegermutter’ (O), Enets *inobo* ‘Schwiegersvater; älterer Bruder der Frau’, Nganasan *ɲinaba*; Kamass *ambi*, *amba* ‘Schwiegersvater, Stiefvater’, Koibal *имдетъ* ‘тестъ’, Motor *иникемъ* id.

Note 1: ‘Grandmother’ is automatically ‘mother-in-law’ in relation to the wife of her son.

Note 2: Peiros (2015, 189, §1.24) compared PY **epe* with U **apz* ‘elder female relative; aunt, elder sister’ (UEW 15).

8. PY *(w)*olma* ‘people’ ~ FV_{SKES} **ulmz* ‘man’

T *volma* ‘Menschen, Leute’ = *omni* (Angere 1957, 249).

Fenno-Volgaic **ulmz* ‘man’ (SKES 105–06) > ?Finnish *ilminen* ‘man’ with *i-* explainable via contamination with *ihminen*; PSaami **olmō* ‘man’ > *olmuš* (N), *ålmeñž* (Kildin) etc. (Lehtiranta 1989, 90–91, n. 805); East Mari *ulmo*, *ulmo* ‘husband, man’ (Paasonen 1948, 163).

Note: The initial *v-* in T *volma* can be prothetic, cf. PNY **werwə-* ‘strong’ which can be borrowed from or related to Samoyedic **orəm* ‘strong, strength’ (Helimski 1997, 331, n. 823). An anonymous referee offers an alternative cognate, viz. North Samojedic **weârwd* ‘Fürst’ > Nenets *jier(w)u*, Nganasan *bârba* (Castrén), although the meaning is more distant.

9. PY **omo* ‘people’ & **omo-* ‘good’ ~ FP_{CR} **oma* ‘own’

K *omo* ‘people, tribe’; KJ *omo*, *omei*; KD *omo*; SD *omuk*; T *omo*; TK *omo*, *ome*; TD *omo-*; B *ommo*; ME *omo*; K *omni*: people; KK *omñi-*; KJ *omni*; KD *omni*; SU *omni*; RS *omnik*, M *omní*, *omnipa*, *omnípañe*; MC *omne* id. (HDY 372, n. 1642).

K *omo-* ‘good, nice; healthy’; KK *omo-*; KJ *omo-*, *omo-*; KD *omo-*; SD *omo-*; T *amaj-*, *amuj-*, *amu-*; TK *amaj-*, *amo-*, *amu-*; TJ *omoče*; TD *omoč*; SU *ómoč*; RS *omoča*, *omóča*, *omočad-*; M *omót*, *omótá*, *omóča*, *omóoonj*; MC *omoč-*; BO *omoč*; KL *omoč*; MK *omótschi-* (HDY 372, n. 1643).

Fenno-Permic **oma* ‘own; property’ (UEW 717) > Finnish *oma* ‘eigen; Eigentum’, *omaisuus* ‘Eigentum, Besitz’, Estonian *oma* ‘eigen; Eigentum’; Saami *âme* ‘res’, *oabme* (Friis)

‘res, pecus, proprietas’, *oabme* -*m*- (N) ‘property’, *āpmē* ‘Gut, Besitztum; Ding, Sache’, *oami* (I) ‘eigen, Eigentum’; Udmurt *umoj* (S K) ‘gut; tauglich, zweckmäßig’, *umoj* (G) ‘gut’.

Lit.: Nikolaeva, HDY 327, n. 1643: Y+FPe.

10. PY **ča:ča*: ‘elder brother, uncle’ ~ UR **čecā* ‘uncle’ = U_{JS} **cecā*

K *ča:ča*: ‘elder brother; uncle’; KK *t’a:t’a*, *t’a:t’a*, *t’aša*, *t’at’a*, *t’at’a*; KJ *čača*, *čače* id.; KD *čača*, *tyečya* ‘elder brother; uncle; elder male cousin’; SD *caca*; RS *čača*; M *čača*; KL *čača*; B *tshátsha*; ME *tshatscha*; MU *tshátscha* id. (HDY 121, n. 189).

Uralic **čecā* ‘uncle’ (UEW 34–35) ~ **cecā* (Janhunen 1981, 225, n. 26; Sammallahti 1988, 536) > Finnish *setä* ‘Onkel, Oheim (väterlicherseits)’, Estonian *sedi* (dial.) ‘Onkel mütterlicherseits’ (< Finnish?); Saami *čacce* -*ā*3- (N) ‘father’s brother, paternal uncle, younger than the father’, *tjiehtjē*, *tjāhtjē* (L) ‘Vaterbruder, Onkel väterlicherseits’, *čiecce* (T), *tšieDlš^E* (Klk.), *tšieDlš^E* (Not.) ‘jüngerer Bruder des Vaters’; Mordovian *čiče* (E) ‘der Mann der Schwester, der älter ist als ich’, *ščava*, *ścava* (M) ‘Großmutter mütterlicherseits’, *ščāfa*, *ščāfā* ‘Großvater mütterlicherseits’, *ścēnā*, *ścīnā* ‘Mutterbruder’; Mari *čəčə* (KB), *čüčö* (U), *čüčö*, *tüčü* (B) ‘Oheim, Mutterbruder’ (KB U), ‘jüngerer Bruder der Mutter’ (B); Udmurt *čuž* (S K J) ‘Verwandte mütterlicherseits’, Komi *čož* (S), *čož* (V) ‘Mutterbruder’ (S), ‘Oheim, Onkel’ (V), *čož* (PO) ‘дядя (брат матери)’; Mansi *šāš* (KU), *sasiy* (SO) ‘Onkel’, *šāššam* (P) ‘mein Oheim’.

Samoyedic **cicā* (Janhunen 1977, 33) > Nenets *tīde* (O) ‘Onkel, jüngerer Bruder der Mutter’, Nganasan *tjitiā*; Selkup *citca*, *cica* (Ke.) ‘Schwager’, *čētčeka*, *čētšeka* (N) ‘Oheim, Mutterbruder’.

Lit.: Collinder 1940, 85–86: Y+U.

11. PY **či*: ‘people’ ~ UR **ča(n)čš* ‘to be born; to grow’ > FPes **čēčš*- ‘to grow’

K -*d’i*: ‘people’; SD -*si*; T *čii*; TK *t’i*, -*d’i*; TJ *či*; TD *čipe* id.; T *čiin-solqo* ‘crowd’, lit. ‘gathering of people’, *čiiče* ‘crowded place’ (HDY 131, n. 267).

Uralic **čačš*/**čančš* ‘to be born; to grow’ (UEW 52) > FP **čēčš*- ‘to grow’ (Sammallahti 1988, 552) > Mordovian *šačo*-, *čačo*- (E), *šačo*- (M) ‘geboren werden, entstehen, hervorwachsen’; Mari *šača*- (KB), *šoča*- (U), *šoča*- (B) ‘geboren werden; wachsen’; Udmurt *čijžijžij* (G) ‘Geschlecht, Stamm’, Komi *čuž*- (S P PO) ‘geboren werden, wachsen; hervorsprossen’; Khanty *čāčə* (DN) ‘hiesig, einheimisch’, *sāsi* (O) ‘auf seiner eigenen Scholle wohnend; Pflegling (Haustier); Wohnort’, Mansi *sasə* (KU), *šošəy* (P), *sossa* (So.) ‘an einem Orte wohnend; heimisch’.

Samoyedic **tšnsə*/**cšnsə* (Rešetnikov) > Nenets *tenc* (O U) ‘Art, Sorte; Stamm, Sippe’, Enets *tido* (Ch.), *tiso* (B), *tiz* (Mikola) ‘Geschlecht’, Nganasan *tansa* id.; Selkup *čaadš* (OM), *čadš*, *čaadš* (N), *tadše*, *taadše* (Cl.) ‘Geschlecht’, *taatjeā* (Čl.) ‘Verwandter’, *čātčegak* (NP) ‘nahestehend, naheliegend’, although the Selkup forms can be derived from Common Selkup **čačā* ‘near’ (cf. Alatalo 2004, 155).

Note: Less probable is comparison with PY **čanmā* > K *čanma* ‘eldest’; KK *t’anme* ‘elder brother’; KD *čańma*; T *čanme* ‘elder brother’; TJ *čanmed’e-*; MC *sonmo* ‘brother’; BO *čońmo* ‘brother’; MK *tschánma* ‘brother’; K *čanmo-*, *čońmo-* ‘eldest; big’; KJ *čanmuol-*; TD *čanmo-* id.; T *čanmud’ej* ‘eldest brother’ (HDY 123, n. 212). Let us mention that the Uralic forms, where the cluster **-nč-* is reconstructible, are limited only to North Samoyedic.

12. PY **jeńčə* ‘Yukaghir; husband’ ~ FMd_R **inše* ‘person’; NSm_J **ηeneśśəŋ* or **ηeneśśəŋ* ‘man’

MC *jendže* ‘Yukaghir from the river Omolon’; BO *néńže* ‘husband’ (HDY 188, n. 675)

Fenno-Mordovian **inše* ‘person’ (UEW 627–28) > Finnish *ihminen*, gen. *ihmisen* ‘Mensch’, dial. *ihmeno*, *imehno*, *imeno*, *inehmo*, *inehminen*, *inehmino*, Old Finnish *inheminnen*, *inhiminen*, *inihminen*) (> Saami S *innemi*, *innim*: *paha innim* ‘Teufel’), pl. *ihmiset* ‘Leute’ ~ (dial.) ‘die Fremden’, Estonian *inemine*, *inimine*, gen. *inemise*, *inimise* ‘Mensch’; Mordovian *inže* (E), M *inži* ‘гость, гостя’, (Paasonen) M *inžižä* ‘mein Gast’.

North Samoyedic **ηeneśśəŋ* or **ηeneśśəŋ* (Janhunen 1975, 107, 111) > Nenets O U *ńeńeć* ‘Mensch’ (O), ‘Mann’ (O U), ‘Samojede’ (U); Enets *ennefe?* ‘Mensch’; Nganasan *ηanasan* id. In SKES 102 it is connected with FM **inše* ‘person’. Janhunen (1975, 107) projected NSm **ηeneśśəŋ* or **ηeneśśəŋ* into Uralic **ine-*. Rédei (UEW 628) tried to explain this term from Nord Samoyedic **ηen-* ‘right, real’ (Janhunen 1975, 107) < Samoyedic **enāḷ* ‘right’ (Janhunen 1977, 23) with regard to the common North Samoyedic expression: Nenets *nenəj ńeneć?* ‘настоящий человек’ = ‘человек’, (Castrén) *njaenaiej nienets* ‘Samojede’, Enets *enej eneć?* ‘настоящий человек’ = ‘энец’, Nganasan *ηano ηanasan* ‘настоящий человек’ = ‘нганасан’.

Note: The semantic dispersion ‘man’ vs. ‘guest, foreigner’ is not exceptional, cf. Mordovian E M *lomań* ‘Mensch’ & ‘Fremder, fremd’; Mari M *jeŋ* ‘Mensch’ vs. U *ḷəŋ* ‘Fremder, Fremdling’; Udmurt *murt* ‘Mensch, Mann’ & ‘Fremder’. The semantic connection between ‘guest’ and ‘foreigner’ is reflected e.g. in Finnish *vieras* ‘fremd, Fremder’ & ‘Gast’ (see UEW 627).

13. PY **jeŋe* ‘an ancient tribe; ghosts’ ~ Mari: M *jeŋ* ‘Mensch’, U *jəŋ* ‘Fremder’

KJ *jeŋe* ‘an ancient tribe; spirits’; KD *yeŋa* id.; KJ *jeŋečuope* ‘ghosts’ (HDY 188, n. 677).

Mari: M *jeŋ* ‘Mensch’, U *jəŋ* ‘Fremder’ (UEW 627).

14. PY **kel-* ‘brother-in-law’ ~ U_R **kälə(-wə)* ‘sister-in-law’ = U_S **käläw* = U_J **kälīw* = U_{CX} **kälū*

T *kel’il* ‘brother-in-law’, i.e. ‘the husband of the wife’s sister or female cousin; the wife of the wife’s brother or male cousin; the husband of the husband’s sister or female cousin; the wife of the husband’s brother or male cousin’ (HDY 205, n. 780).

Uralic **kälz* (?**kälz-wə*) ‘sister-in-law’ (UEW 135–36) ~ **kälw* (Sammallahti 1988, 538) ~ **käliw* (Janhunen 1981, 238, n. 77) ~ **kälü* (CG 406; Xelimskij 1976, 118, n. 59) > Finnish *käly* ‘Schwägerin, Frau des Bruders, Schwester des Mannes od. der Frau’, Estonian *käli*, dial. *kälü* ‘Bruder des Mannes, Frau des Bruders des Mannes’; Saami *gälōjædne -æñ-* ~ *-ædnē -n-* (N) ‘sister-in-law (of husband's brother's wife)’, *kälōji(e)tnē* (L) ‘Schwägerin (Frau des Bruders od. des Vetters des Ehemanns)’; Mordovian *kijalo*, *kijal* (E), *kel* (M) ‘Schwägerin’; Udmurt *kālī* (G) ‘Schwiebertochter’, Komi *kel* (*kelj-*) (S), *kevja* (P), *kel*, *kelja* (PO) ‘Schwägerin (Frau des Bruders des Mannes)’; Khanty *küli* (V), *күли* (Trj.), *kitä* (DN Kr.), *kili* (O) ‘jüngere Schwester der Frau; Tochter des jüngeren Bruders der Frau; Mann der Schwester der Frau’, Mansi *kil* (LO) ‘Bruder der Frau (свояк); die Schwester der Frau und der Mann der Schwester’, (So.) ‘Schwester der Frau’.

Samoyedic **kelâ* ‘Schwager’ (Janhunen 1977, 67) > Nenets *śel* (O U) ‘Mann der Schwester der Frau’ (O), ‘Frau des Bruders des Mannes’ (U), Enets *sédi* (Ch.), *séri* (B) ‘Schwager’, Nganasan *sáluŋ* ‘Schwager (die Männer zweier Frauen)’; Selkup *šäl* (N) ‘свояк; der Schwestermann, Schwager’ (> Khanty Vj. *šelj* ‘Mann der Schwester der Frau’).

Lit.: Collinder 1940, 78–79, n. 163: Y+U.

15. PY **kōj* ‘young man’ ~ UR **koje* ‘man, person’ > FU_S **koji* ‘male’

K *kōj* ‘fellow, boy; young man’; KK *koj*; KJ *koj*; KD *koi*; SD *kioj*; T *kōj*; RS *koi*, *koid-*; B *-goin*; ME *-gon* id.; MU *ketegé* ‘boy; son’; K *kōjpā*, *kōwpā* ‘young man’; KJ *kojpe*; SD *-kiojpe-*; T *kōjpe*, *kejpe*; TK *kojp-*, *kojpe*, *kejp-*; TJ *koipe-*; TD *keipe*; SU *keipa* id.; K *kōjd’ade*: ‘teenage boy’; KJ *kōjd’adie* id.; K *kōjd’ed-ö*: ‘boy’ = ‘man child’; T *kuod’i:d-uo*, *kod’ed-uo*; TK *kuod’ed-u*, *ko:d’ed-uo*; TJ *kod’ed-uo*; TD *kod’ed-uo* id.; KL *kojenžende*; B *koindzshenda* ‘unmarried’; T *kōjdie* ‘elder brother’; TJ *koidie* ‘id., elder male cousin’; TD *koidie* ‘elder’; T *kuod’e-ile* ‘herd of male reindeer’ = ‘male reindeer’; T *kōjii* ‘drake’; T *kōj-nolol* ‘drake, male of a bird’ = ‘male duck’; TD *koi-nolol* id.; K *kōjbunnu-* ‘to brag (of a man)’; KK *kojbunubo-*, *kojbunnu-*; TD *koimunubo-*; RS *koimonnui* id. (HDY 216, n. 855).

Uralic **koje* ‘man, person’ (UEW 167–168; FUV 34; CG 112, 406) ~ Fenno-Ugric **koji* ‘male’ (Sammallahti 1988, 543) > Saami *kijj* (T), *kuj* (Kld. A), *gújj* (Kola) ‘husband’, Tornio *kuojetem* ‘unmarried (of a woman)’, where the suffix *-tem* means ‘without’; Khanty *ku* (*kuj-*) (V), *χoj* (DN O) ‘male (of animals), man, husband’ (> Mansi So. folk. *χü*), Mansi *χoj* (KU), *kuj* (P), *χuj* (So.) ‘male (of animals)’.

Samoyedic: Nenets *χājūpā-* (O) ‘verheiratet, verehelicht sein (eine Frau)’, Forest Nenets *kōōjihpæ-* ‘to be brought to the bridegroom, to the husband’ (CG 112).

Lit.: Bouda 1940, 76, n. 26: Y+Mansi; Collinder 1940, 80–81, n. 165: Y+FU.

16. PY **kōntā* ‘person, human being’ ~ UR **kunta* ‘kin, community’ > FU_S **kuntā* ‘hunting party’

T *kōde* ‘person, human being’; TK *kōde*; TJ *kōde*, -*gōde*; TD *kōde*, *gode*; MC -*konda*; BO *końdo*, -*kondo*; MU *końschi* id.; KJ *kōde* ‘me, with me’; T *kedel* ‘body; oneself; ash’; TK *kedel* ‘oneself’; T *kōden-mooje* ‘soul’ = ‘holder of the man’; TD *koden-moiye* ‘host’; T *kōnpe* ‘people’; TK *kōnpe*; TJ *konpe*; TD *konpe* id.; T *kōdeñe* ‘married (of a woman)’; TK *kōñne*; TD -*goñne* id.; T *kōnde* ‘to get married (of a woman)’; *kōññe* ‘relatives’ (HDY 220, n. 891).

Uralic **kunta* ‘kin, community’ (UEW 206) ~ **kuntā* ‘hunting party’ (Sammallahti 1988, 544) > Finnish *kunta*, gen. *kunnan* ‘Gemeinschaft’, *kymmenkunta* ‘about ten’, *maakunta* ‘province’, Estonian *kond*, gen. *konna* ‘Gesellschaft, Gemeinschaft’ (> Saami R *kunde*); Saami *gōd’de* (N) ‘family, relations’, *koñt* (T); Mordovian *koñdā*, *kuñdā* (M) ‘Freund, Kamerad’; Khanty *kāntay jay* (V) ‘Khanty people’, *χāntā* (DN), *χānti* (O) ‘Khanty, Mensch’, Mansi *khānt* (T), *χānt* (N) ‘Heer, Armee; Krieg’, *χōnt* (KU), *kōnt* (P) ‘Krieg, Kriegsbeer’, Hungarian *had* ‘Heer; Krieg’, Old Hungarian ‘Sippe, Geschlecht’.

?Samoyedic: Enets *kōde* ‘Stamm, Geschlecht’.

Lit.: Collinder 1957, 120, n. 26: Y+FU.

17. PY **qal̥m-/ *qajm-* ‘girl’ ~ U_A **kāδ’wā* ‘female’

MC *qajda*, *qainda* ‘girl, daughter’; MO *qaim-o*, *kal’m-o* id. (HDY 374, n. 1978: **qaj-/ *qal’-*).

Uralic **kāδ’wā* ‘female’ (Aikio 2002, 16–17, n. 1.6) > Fenno-Ugric **kāδ’wā* (Sammallahti 1988, 545) ~ **kaδwa* (UEW 116) > Saami *gad̥fe* (N) ‘mustela erminea femina’, *kā̊̊p̥f̥^E* (Ko.), *kā̊̊p̥f̥^E* (Not.), *kā̊̊p̥f̥^E* (Kld.) ‘Weibchen eines kleineren Pelztieres’; Mari *kolá* ‘mouse’; Khanty *kōjəŋ* (V), *kěj* (DN), *kej* (Kaz.) ‘Weibchen (bes. vom Zobel, Fuchs)’; Mansi *kāl-šēs* (P) ‘Wolfswelbchen’, *kāl-sōwər* (So.) ‘Häsin’, *kal̥* (N) ‘женщина; самка некоторых животных’, Hungarian *hölgy* ‘Dame’, Old Hungarian ‘Braut, Liebste; Hermelin’.

Samoyedic **kejwā* ~ **kijwā* (Helimski 1997, 272, n. 456) or **kejmā* ~ **kijmā* ‘Weibchen’ (Janhunen 1977, 66–67; accepted also by Helimski) > Nenets *šibekū* (O) ‘Vogelmutter’; Selkup *šyyma* (Ta.), *syyma* (Ke.), *šōua*, *šōwa* (N) ‘Auerhehne’, *sūmā* (Tur.) ‘Birkhuhn’; Kamass *šejmu*, *šejma* ‘Weibchen, Stute’, *šujuje*, *šujuu* ‘Auerhehne, Tierweibchen’; Koibal *sjuima* ‘Stute’; Motor *keibe*; Taigi *kéibe*.

Lit.: Tailleux 1959b, 106: Omok + Samoyedic {& Saami *kiev*}.

Note: In UEW the Samoyedic data are compared with Fenno-Saamic **keewe* ‘female animal’ (UEW 152) > Livon *kēu*, *kēv* ‘Stute’ (> Latvian *kēve*, Lithuanian *kėvė*); Saami *kievv^a* (I) ‘Rentier weiblichen Geschlechts’, *kiev* (T) id., *kievv^(a)* (T Kld.), *kīēvv^a* (Not.) ‘wilde Rentierkuh’, which can be of Baltic origin, cf. Prussian *kaywe* ‘mare’.

18. PY **ńaj*-/ **ńa*:- ‘daughter/sister-in-law’ ~ FU_R **naje* ‘woman, wife’ or U_{JS} **nāxi* id.

K *ńe:l* ‘daughter-in-law, sister-in-law (wife of a younger brother or son)’; KJ *nial* ‘daughter-in-law, sister-in-law wife of the younger sibling’s son’; SD *mel* [rect. *nel*]; T *ńaaĵl* ‘daughter-in-law, sister-in-law, son-in-law’; TK *ńajpe*- ‘parents-in-law’; TJ *nial* ‘(one of the) parents-in-law, daughter’s husband, younger sister’s husband, wife’s elder brother, husband of the younger sibling’s daughter, husband’s elder brother, wife of the younger sibling’s son’; T *ńaaĵn-gönme* ‘brother’s wives in relation to each other’ = ‘daughter-in-law friend’; ?*ńaal’uol*- ‘to become lovers’ (HDY 283, n. 1337).

Fenno-Ugric **naje* ‘woman, wife; to marry’ (UEW 297–98) > Finnish *nainen*, gen. *naisen* ‘Frau, Weib; Mädchen, Jungfrau’, *nai*- ‘heiraten’ (> Saami N *nai’te*- *-it*- ‘to marry’), Estonian *naine*, gen. *naise* ‘Weib’, *naita*- ‘verheiraten’; Khanty *nāj* (V VK), *nāj* (O DN), *naj* (Šerk.) ‘Dame (im Kartenspiel)’ (V DN), ‘Gattin (von Beamten)’ (VK), ‘Frau oder Tochter eines Helden, Fürsten; weiblicher Schutzgeist’ (Šerk.); Mansi *nājī* (TJ), *nōj* (KU), *naj* (P), *nāj* (So.) ‘Edelfrau, Dame (im Kartenspiel), Göttin’.

Lit.: Nikolaeva 1988, 238 & HDY 283, n. 1337: Y + FU.

Note:, Janhunen (1981, 245–46, n. 94) and Sammallahti (1988, 539) reconstructed Uralic **nāxi*, comparing Finnish *nainen* with Saami *niei’dā*; Mordovian *ńi* (E) ‘Frau, Weib, Gattin’; Mari -*nō*; Khanty *nī* (V), *neĵ* (DN), *nij* (ō) ‘Weib’, Mansi *nī* (TJ), *nē* (KU P SO) ‘Weib, Frau; Weibchen’, Hungarian *nő* (Px3Sg. *neje*) ‘Frau, Weib, Ehefrau’, Old Hungarian ‘Weibchen’; plus Samoyedic **ne* ‘Frau’ (Janhunen 1977, 100; Helinski 1997, 315, n. 727) > Nenets *ńe* (O) ‘Weib, Frau’, voc. *ńeĵe*, Enets *nā* (Ch.) ‘Frau, Weib’, Nganasan *nē* ‘Weib, Eheweib’; Selkup *neä* (Čl.) ‘Frau’, *neu* (Ča.) ‘meine Frau’, *nāl-gum* (Ta.), *nāije-gum*, *nāi-gum*, *nāie-gom* (Ke.), *nāl-gop* (N) ‘Weib’; Kamass *nē*, *ne* ‘Weib, Frau’; Karagas *ne* ‘uxor’; Koibal *нэ*; Motor *ne* ‘Weibs Person’. On the other hand, Rédei (UEW 305–06) reconstructed Uralic **nijā* ‘woman, female’, excluding Saami *niei’dā*; Mari -*nō*, but adding Saami *njinĵalās* ~ *njinĵelās* -*ss*-, -*s*- (N) ‘female animal, a female’, *nijnĵelis*, *njinĵelis*, *njinnĵelis*, *njunĵelis* (L) ‘Tierweibchen’, *ńiñĵelas*, *ńeñĵelas* (T), *ńiñlās* (Kld.) ‘zum weiblichen Geschlechte gehörend’; ?Komi *ńin* (*čerī*) (Vm.) ‘женская особь семги’.

19. PY **ńo:nt*- ‘descendants’ < PY **ńə*- ‘reciprocal marker’ ~ PSm **ńä* ‘companion, sibling’ & U_R **natz* ‘younger sister of husband or wife, sister-in-law; younger brother of husband or wife, brother-in-law’ = U_S **nātiw*

KJ *ńuoduope* ‘descendants’ (HDY 305, n. 1478: **ńo:δ*-/ **ńo:nt*-) can be analyzed as PY **ńə*- ‘reciprocal marker’ & counterpart of Uralic **natz* ‘younger sister of husband or wife, sister-in-law; younger brother of husband or wife, brother-in-law’ (UEW) ~ **nātiw* (Sammallahti):

PY **ńə*- > K *ńə*-, *ń*- ‘reciprocal marker’; KK *ń*-; KJ *ńe*; KD *ńe*, *nie*, *n*-, *n*-; T *ńe*-, *ńi*-, *ńij*-; TK *ńi*-; TJ *ńe*-; TD *ńe*-, *nie*-, *nieĵ*-, *nio* id., frequently used in the kinship terminology, cf. T *ńi-d’anmijil* ‘brothers’; TK *ńi-d’anmijilpe* id.; K *ń-emd’ə*, *ń-emd’e*, *ń-amd’ə* ‘siblings’; KJ *ń-emd’ie*, *n-imdie* ‘id., mother’s younger sister’; KD *ńi-emd’epki* ‘younger siblings’ (HDY

292–93, n. 1393), with the attractive parallel in Samoyedic **nä* ‘companion, brother, sister’ (Janhunen 1977, 106) > Tundra Nenets (T) *ня* ‘друг друга, one another’, *не ня* ‘сестра’, Nganasan (C) *nä* ‘Nganasan’; Selkup (Pr) *ña*, (C) *njee* ‘Sippenschwester’, (Pr) *nántj*, *nántä* ‘together’, *neña/ñeña/neñña* ‘sister’ < **ne* ‘woman’ & **nä*; *timña* ‘brother’ < **tipä* ‘man’ & **nä*.

Uralic **natz* ‘younger sister of husband or wife, sister-in-law; younger brother of husband or wife, brother-in-law’ (UEW 299–300) ~ **nätjw*/**nätäw* (Janhunen 1981, 259, n. 118) ~ **nätiw* (Sammallahti 1988, 539) > Finnish *nato* ‘Schwägerin; Schwester des Mannes od. der Frau, Frau des Bruders’, Estonian *nado*, gen. *nao*, *nado*, besides *nadu*, gen. *nau*, *nadu* ‘Schwägerin’; Saami *nôte* (S) ‘(jüngere) Schwester der Frau’; Mari *nuð* (KB), *nudo* (U B) ‘jüngere Schwester der Frau oder des Mannes’.

Samoyedic **nät¹ä(j)* ‘Schwager’ (Janhunen 1977, 98) > Nenets *nādū* (O), *nātū* (Lj.) ‘jüngerer Bruder der Frau oder des Mannes’, *ñen-nātū* ‘jüngere Schwester der Frau oder des Mannes; Tochter des älteren Bruders der Frau od. des Mannes’; Kamass *nado* ‘Schwager, Bruder des Mannes oder der Frau’.

20. PY **pel-* ‘old man’ ~ FPeR **pälä* ‘time’

K *pulut* ‘old man, husband; bear’; KK *peldek*, *pulut*; KJ *polut* (Angere 1957, 211 added the meaning ‘Greis, Alter’); KD *polut*; SD *pulut* id.; T *pelur* ‘bridegroom’; TK *pelur*; TJ *pelur*; TD *pelur-keine*-, *pelur*; RS *polud*-; MO *-pullun* [rect. *-pullut*], *-pullup*; B *pallad*, *polud* id.; K *pulunde*: ‘old man’; T *peldudie*; TK *peldudie*, *paldudie*, *-beldudie*; TJ *peldudie*; TD *peldudie*; RS *polundé* id.; K *pulut-možu*: ‘bridegroom’; TD *pelur-merou* id.; TD *polurde*-, *polurdieče*- ‘to get married (of a woman)’ (HDY 346, n. 1772: the following changes are assumed for K: *-e- > -ö- by labialization after *p-* and further > -u- by assimilation to -u- in the second syllable).

Fenno-Permic **pälä* ‘time’ (UEW 726) > Saami *bale* (N) ‘tempus, aetas’, *balle -äl-* ‘(definite) time, duration’, *päille* (T), *päill* (Kld.) ‘Zeit’; Udmurt *pol* (S K G) ‘-mal’, Komi *pəl* (S), *pəv* (V P), *pül* (PO) ‘Mal’, or Permic **pöl* or **pŷl* > Komi *pəl* ‘grandfather’ (KESK 227–28).

Note 1: Traditionally PY **pel-* has been compared to Uralic **pälä* ‘half’ (UEW 362–353) by e.g. Bouda (1940, 78, n. 44), Nikolaeva (HDY 346, n. 1772).

Note 2: The semantic difference can be compared with Avestan *zruuan-* ‘time’, Persian *zervān*, *zervān*, *zermān* ‘time, age’, Ossetic *zæron* ‘old’, Vedic *jarant-* ‘old, decayed’, *jāratī* ‘grows old’, Greek γέρων ‘age; old’ etc. (Pokorny 1959, 390–91).

21. PY **poj* ‘orphan; slave’ ~ FUs **poji* = FUR **pojka* ‘son, boy’

K *po*: ‘orphan, widow(er); worker; slave’; KJ *po*; KD *po:ŋo*-; SD *po*; B *poa-* ‘servant’; ME *poo*, *nont-* [rect. *pont-*] ‘servant’; MK *poc*; ?TD *pai-kode*, *pai-xamul* ‘servant’ (HDY 353, n. 1821: **po*:).

Fenno-Ugric **poji* (Sammallahti 1988, 547) ~ **pojka* 'son, boy' (UEW 390) > Finnish *poika* 'Sohn, Knabe' (> Saami L *páihka* 'Junge, Bursche'); *poja*, *poju* 'Kindchen', Estonian *poeg*, gen. *poja* 'Sohn; Junges'; Mordovian *bujo*, *pijo* (E) 'Enkelkind'; Mari *pü-eryə* (KB JU) 'Mannsperson, Knabe'; Udmurt *pi* (S G) 'Kind, Junges; Sohn, Bursche', Komi *pi* (S) 'Sohn, Knabe', *piän* (PO) 'Junges'; Khanty *păy* (V), *păχ* (DN O) 'Knabe, Sohn', Mansi *püw* (TJ KU P), *piy* (Sö.) 'Sohn, Knabe; Junges', Hungarian *fiú*, *fi*, acc. *fiút*, PxSg3P *fia* 'Sohn, Knabe, Kind, Junges'.

Note 1: The proposed semantic connection can be compared with the situation in the Slavic languages, where e.g. Russian *otrok* 'boy, youth' corresponds to Czech *otrok* 'slave'.

Note 2: Krejnovič (1958, 249) and Nikolaeva (HDY 353, n. 1821) connected it with Tungusic **bogi-* 'to bear a bastard; to suffer a miscarriage' (EDAL 366).

22. PY **pulej* 'son-in-law; brother-in-law' ~ FV **pula* 'half, side'

K *pulej* 'son-in-law; brother-in-law'; KJ *pulei* 'elder sister's or elder female cousin's husband, husband's or wife's younger brother'; T *pulije* 'elder sister's husband, husband of the father's younger sister'; TK *pulie*, *pulije* 'husband of the elder sister'; TJ *puleje* 'elder sister's or elder female cousin's husband, husband's or wife's younger brother' (HDY 369, n. 1930).

Fenno-Volgaic **pula* 'half, side, part' (UEW 740) > Finnish *puoli*, gen. *puolen* 'Seite; Gegend; Hälfte, Teil; halb', *puoliso* 'Gatte, Gattin', Estonian *pool*, gen. *poole* 'halb; Hälfte; Seite', *poolik* 'Hälfte, halbes Faß; halb, unvollkommen', *pooli-* 'teilen, halbieren'; Mordovian *pola* (E M) 'Gatte, Gattin; Teil', *polavto-*, *polafto-* (E), *polafto-* (M) 'tauschen, vertauschen'.

Note: The meanings 'husband, wife' and 'son-in-law, brother-in-law' are transparently compatible.

23. PY **soromə* 'man' ~ FU_R **šur(e)-ma* 'death' = FU_A **ćurma*, from FU_R **šure* = FU_A **ćuri* 'to die'

K *šoromə* 'man'; KK *šoromo*; KJ *šoromo*, *romo*; KD *coromo*, *coro*, *romo-*; SD *šoromo*; TD *-soromo*; SU *čoróma*; RS *-šoroma*; M *soróma*, *sorómaga*; MC *-torym*; KL *šoroma*, *soromo*; B *toromma*, *-toromma*; ME *torroma*, *-schoromok*; MK *tschrróma* id.; K *šoromoñul* 'relative'; SD *šoromopul* id. (HDY 415, n. 2297).

Fenno-Ugric **šur(e)-ma* 'death' (UEW 489–90) ~ **ćurma* (Aikio 2020, 44) > Finnish *surma* 'Tod' (> Saami N *sqr'bme -rbm-* 'accidental death'), *surmaa-* 'töten', Estonian *surm*, gen. *surma* 'Tod, Sterben'; Khanty *sörəm* (Trj. Kaz.), *särəm* (DN O) 'Tod' (> Komi *сүрымъ*, *širjım* 'смерть'), Mansi *sorēm* (N) 'Tod', *sorəm* (So.) (< Khanty?). It is the derivative from the verb attested in Fenno-Ugric **šure* 'to die' (UEW 489) ~ **ćuri-* (Aikio 2020, 43–44) > Finnish *sure-* 'trauern, betrauern; für etwas sorgen; schmerzen, absterben, sterben' (> Saami L *surra-* 'infolge Mangels an Schlaf verdrießlich sein'), *suru* 'Trauer, Kummer; Sorge', Estonian *sure-* 'sterben, absterben, ohnmächtig werden'; Khanty *sur-* (V), *сурал-* (Trj.), *surat-* (DN) 'sterben'.

Note 1: The semantic difference corresponds e.g. to Samoyedic **kâš-sâ* ‘Mann, Mensch’ = ‘Sterblicher’ vs. **kâš-* ‘sterben’ (Janhunen 1977, 61) or Sanskrit *mārta-*, Avestan *maša-*, Greek (Hesych.) *μортός* ‘Mensch, sterblich’, all from the verb **mer-* ‘to die’ (Pokorny 1959, 735).

Note 2: Collinder (1957, 127, n. 72) mentioned similarity of KK *šoromo* ‘man’ (etc.) and Korean *saram* id.

24. PY **waŋqə-* ‘ancestor; indigenous, native’ ~ UR **wäŋe* ‘son-in-law, bride-groom’ = UJS **wäŋiw/*weŋiw*

KJ *ba:yaril* ‘the Yukaghir Betil clan’; T *wayariil*, *wayariil’*, *wayirel* ‘an ancient Tundra Yukaghir clan’; ‘ancestor, forefather; indigenous, native’; TD *vahaharil* ‘the Qanaji clan’; T *wayane*, *wayine* ‘one’s own’ (HDY 450, n. 2571: **waŋqə-/*waya-*).

Uralic **wäŋe* ‘son-in-law, bride-groom’ (UEW 565) ~ **wäŋiw/*weŋiw* (Janhunen 1981, 258, n. 114; Sammallahti 1988, 541) > Finnish *vävy*, (arch.) *väy* ‘Schwiegersohn’, Estonian *väi*, gen. *väi*, *väia* ‘Schwiegersohn, Eidam’; Saami *vivvâ -v-* (N) ‘son-in-law’, *vivva* (L) ‘Schwiegersohn, Eidam’, *vivv* (T Kld.), *vivv* (Not.) (< Finnish); Mordovian *ov* (M), *ov*, *ova* (MoRS) ‘Schwiegersohn’; Mari *wiŋyə* (KB), *weŋe* (U B) ‘Schwiegersohn; Schwager = der Mann meiner Schwester, die jünger ist als ich’; Khanty *woŋ* (V), *wöŋ* (J), *weŋ* (DN) ‘Schwiegersohn; Bräutigam’, Hungarian *vő* (Px3Sg. *veje*, *vője*) ‘Schwiegersohn, Tochtermann, Eidam’, *vő-fely* ‘Brautführer’, *vő-legény* ‘Bräutigam’.

Samoyedic **wiŋə/*wijə* ‘Schwiegersohn’ (Janhunen 1977, 176) ~ **wiŋü* (Helimski 1997, 305, n. 671) > Nenets *jij* (O), *wij* (Lj.) ‘Schwiegersohn’, Enets *bī* ‘Schwager, Mann der Schwester’, Nganasan *biŋi*, *biŋi-n* ‘Schwiegersohn’; Selkup *kuenä* (Ta.), *kuenek*, *küenek*, *-ng* (B), *kenek* (Ty.) ‘Schwager, Schwägerin’; Motor *мӱюгмэ* ‘{моӱ} зять’ /*miŋüh*/.

Note: The semantic dispersion ‘forefather’ vs. ‘son-in-law’ can be compared with the Tungusic kinship term **inan*, covering the kinship terms from ‘father-in-law’ (= ‘forefather’) through ‘brother- & son-in-law’ to ‘nephew’ > Evenki *inan* ‘husband’s younger brother; father of husband = father-in-law’, Even *inən* ‘(younger) brother-/sister-in-law’, Negidal *ina* ‘sister’s children’, Orok *ina* ‘son-in-law’, Nanai *inā* ‘husband’s younger sister’, Spoken Manchu *inā* ‘sister’s son (nephew); son of father’s or mother’s sister (cousin)’ (TMS I, 315).

25. PY **wont-* ‘Yukaghir’ ~ UR **wantə* ‘related (through marriage)’

K *odul* ‘Yukaghir’; KK *odul*; KJ *odul*; KD *odul*; SD *odul*; T *wadul*, *odul*; TK *wadul*; TJ *odul* id.; TD *odul*, *wodu-*, *uodu-*, *-wodul* ‘Tungus’; RS *odul*, *odún* ‘Yukaghir’; M *odod-*, *odúlgat*, *odúlpagat*, *adúlyin*, *odúlpa*, *odúlne*, *odúlpaŋe*, *odúlpala*, *odúla*, *odúl*, *odúndle*, *odúndlepul*, *odun-*; MC *ondyn-*; BO *ońdý-* id.; K *odun-ša*, *on-ža*: ‘larch’ = ‘Yukaghir tree’; KK *on-ra*; *on-dar*; KJ *on-da*; KD *on-ža*; SU *odun-d’a*; RS *odun-ša*; B *ond-zsha* id.; K *odul-lebeidi*: ‘blueberry’ = ‘Yukaghir berry’; KD *odun-lebejdi*; SD *odul-lebejdi* id.; K *odun-numö* ‘yurt’ =

'Yukaghir house'; SD *adun-nume*; SU *odun-numa* id.; K *odul-ločil* 'northern lights' = 'Yukaghir fire'; T *wadul-laame* 'Yukaghir dog (a black dog with whitish eyes)' (HDY 458, n. 2620).

Uralic **wants* 'related (through marriage)' (UEW 557; CG 137, 409) > Saami *vîntim* (T), *vüntem* (Kld.), *vuottem* (Not.), *vuntam* (A) 'Freier, Bräutigam'.

Samoyedic: Tundra Nenets (L) O *jānne?* 'verschwägert; Freund', Forest Nenets (L) Lj. *β'èànnĩ*³ id.; Selkup (Pr) *qenĩ ira* 'father-in-law' (*ira* = 'grandfather'), der. (D) Ty. *kuəñnəG* 'svåger, svågerska' (**wänâ* by Janhunen 1977, 173), while other forms included in CG 137 & UEW 557, namely Enets *maddu* 'Freiwerber'; Kamass *mono*, *muno* 'Heiratsvermittler, Freiwerber', are derivable from **mān²tâ* ~ **māntâj*, with regard to Tundra Nenets *mando* 'Enets' (Janhunen 1977, 89; Helimski 1997, 308, n. 690).

Note: The Yukaghir forms correspond exactly to the Fenno-Ugric predecessor of the Saami counterparts, while the Samoyedic counterpart preserves the more archaic form without the dental extension. It is perhaps explainable by presence of the suffix **-nt-* (cf. Finnish *isäntä* 'master, head of the house' vs. *isä* 'father' - see CG 262, §785) in Fenno-Ugric and in Yukaghir with the following haplology (**wan3nt3* > **want3*) and its absence in Samoyedic.

Summary

1. PY **ant-* 'child' ~ FU_R **sente* 'to be born' = FPe_S **sünti-* 'to grow'
2. PY **awa* 'elder female relative' ~ UR **ap3* 'elder female relative'
3. PY **ečē* 'father' ~ UR **äčä* 'father'
4. PY **eme-* 'mother' ~ UR_S **emä* 'mother, female' = U_J **emä/*ämä*
5. PY **eñe* 'mother' ~ FPe_R **enä* 'mother'
6. PY **e:nte/*i:nte* 'wife of the father's brother' < PY **ejn-* 'brother' ~ PSm **inä* 'elder brother' & UR **nat3* 'younger sister of husband or wife, sister-in-law; younger brother of husband or wife, brother-in-law' = U_S **nātiw*
7. PY **epe* 'grandfather's or grandmother's sister' ~ U_S **ippi* 'father-in-law' > FU_R **appe* 'father-in-8. PY **(w)olma* 'people' ~ FV_{SKES} **ulm3* 'man'
9. PY **omo* 'people' & **omo-* 'good' ~ FPe_R **oma* 'own'
10. PY **ča:ča* 'elder brother, uncle' ~ UR **čēčä* 'uncle' = U_{JS} **cecä*
11. PY **či* 'people' ~ UR **ča(n)č3* 'to be born; to grow' > FP_S **čēč3-* 'to grow'
12. PY **jeñčä* 'husband; Yukaghir ~ FMd_R **inše* 'person'; NSmj **ñeñsšəñ* or **ñeneššəñ* 'man'
13. PY **jeñe* 'an ancient tribe; ghosts' ~ Mari: M *jeñ* 'Mensch', U *jəñ* 'Fremder'
14. PY **kel-* 'brother-in-law' ~ UR **käl3(-w3)* 'sister-in-law' = U_S **käläw* = U_J **kăliw* = U_{CX} **kălū*
15. PY **kōj* 'young man' ~ UR **koje* 'man, person' > FU_S **koji* 'male'
16. PY **köntä* 'person, human being' ~ UR **kunta* 'kin, community' > FU_S **kuntā* 'hunting party'

17. PY **qal̥m-/ *qajm-* ‘girl’ ~ U_A **käδ'wä* ‘female’
18. PY **ńaj-* / **ńa:-* ‘daughter/sister-in-law’ ~ FU_R **naje* ‘woman, wife’ or U_{JS} **näxi* id.
19. PY **ńo:nt-* ‘descendants’ < PY **ńə-* ‘reciprocal marker’ ~ PSm **ńä* ‘companion, sibling’
& U_R **nats* ‘younger sister of husband or wife, sister-in-law; younger brother of husband or wife, brother-in-law’ = U_S **nātiw*
20. PY **pel-* ‘old man’ ~ FPe_R **pälä* ‘time’
21. PY **poj* ‘orphan; slave’ ~ FU_S **poji* = FU_R **pojka* ‘son, boy’
22. PY **pulej* ‘son-in-law; brother-in-law’ ~ FV **pula* ‘half, side’
23. PY **soromə* ‘man’ (‘mortal’) ~ FU_R **śur(e)-ma* ‘death’, from FU_R **śure* ‘to die’
24. PY **wanqə-* ‘ancestor; indigenous, native’ ~ U_R **wäŋe* ‘son-in-law, bride-groom’ =
U_{JS} **wäŋiw/ *weniw*
25. PY **wont-* ‘Yukaghir’ ~ U_R **wants* ‘related (through marriage)’.

Acknowledgement

The contribution was written with support of the Specific Research Fund, nr. 2817. I am grateful to John D. Bengtson for correction of English.

Abbreviations

1. Abbreviations of the sources of the Yukaghir lexical data:

B Billings (1787), BO Boensing (1781), KD Kolyma Yukaghir from Jochelson's manuscript dictionary, KJ Kolyma Yukaghir (Jochelson 1898, 1900), KK Kolyma Yukaghir (Krejnovič 1982), KL Klitschka (1781), M Maydell (Schiefner 1871b), MC Čuvan materials of Matjuškin (Wrangel 1841), ME Merck (1787), MK Kolyma materials of Mueller/Lindenau (1741), M U Ust'-Janskoe materials of Mueller/Lindenau (1741), MO Omok materials of Matjuškin (Wrangel 1841), RS Rajskij/Stubendorf (Schiefner 1871 a), SD Kolyma Yukaghir (Spiridonov 2003), SU Suvorov (Schiefner 1871a), TD Tundra Yukaghir from Jochelson' manuscript dictionary, TJ Tundra Yukaghir (Jochelson 1900), TK Tundra Yukaghir (Krejnovič 1958, 1982), W Witsen (1692)

2. Abbreviations of languages and language groups:

BF Balto-Fennic, FMd Fenno-Mordovian, FPe Fenno-Permic, FS Fenno-Saamic, FU Fenno-Ugric, FV Fenno-Volgaic, Md Mordovian, N North, P Proto-, PUg Permic-Ugric, Sm Samoyedic, SP Saami-Permic, U Uralic, Ug Ugric, VUg Volgaic-Ugric, Y Yukaghir.

3. Abbreviations of the authors of reconstructions:

A Aikio, C Collinder, H Helimski, Ho Honti, K KESK, J Janhunen, R Rédei (UEW), S Sammallahti, X Xelimsij.

Note: The abbreviations of various dialects of the concrete Uralic languages and their sources follow the cited references, usually UEW and Janhunen 1977, for Yukaghir it is Nikolaeva 2006 (= HDY).

Bibliography

- Aikio, Ante 2002. New and old Samoyed etymologies. *Finnisch-Ugrische Forschungen* 57, 9–57.
- Aikio, Ante 2020. *Uralic Etymological Dictionary* (draft version of entries A–Ĉ from Jan 17, 2020).
- Alatalo, Jarmo (ed.). 2004. *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius & Jarmo Alatalo*. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae 30.) Helsinki.
- Angere, Johannes 1957. *Jukagirisch-deutsches Wörterbuch*. Stockholm: Wiksell — Wiesbaden: Harrassowitz.
- Anikin, Aleksander E. & Evgenij A. Xelimschij 2007. *Samodijsko-tunguso-mańčžurskie leksičeskie svjazi*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kultury.
- Bouda, Karl 1940. Die finnisch-ugrisch-samojedische Schicht des Jukagirischen. *Ungarische Jahrbücher* 20: 71–93.
- CG = Collinder, Björn. 1960. *Comparative Grammar of the Uralic Languages*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Collinder, Björn 1940. *Jukagirisch und Uralisch*. Uppsala: Almqvist & Wiksell (Uppsala Universitets Årsskrift 1940: 8).
- Collinder, Björn 1957. *Uralo-Jukagirische Nachlese*. Wiesbaden: Harrassowitz (Uppsala Universitets Årsskrift 1957: 12).
- Collinder, Björn 1960. *Comparative Grammar of the Uralic Languages*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Collinder, Björn 1965. *Hat das Uralische verwandte? Eine sprachvergleichende Untersuchung*. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, Nova Series 1:4.
- EDAL = *Etymological Dictionary of the Altaic Languages*, I–III, by Sergei Starostin, Anna Dybo, Oleg Mudrak. Leiden-Boston: Brill 2003.
- FUV₁ = Collinder, Björn. 1955. *Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages*. Almqvist & Wiksell, Stockholm.
- FUV = Collinder, Björn. 1977. *Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages*. Hamburg: Buske.
- HDY = *A Historical Dictionary of Yukaghir*, by Irina Nikolaeva. Berlin — New York: Mouton de Gruyter 2006.
- Helimski, Eugen 1997. *Die matorische Sprache*. Szeged: Department of Altaic Studies — University of Szeged. (Studia uralo-altaica 41.) Szeged.
- Helimski, Eugene 2000. Umlaut in Diachronie — Ablaut im Synchronie: urostjakischer Umlaut und ostjakischer Ablaut. In: *Problema izučenja dal'nego rodstva jazykov na rubeže tret'ego tysjačel'etja. Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия*. Moskva: Nauka, 194–200.
- Helimski, Eugene 2001. Ablaut als Umlaut im Ostjakischen: Prinzipien und Grundzüge der lautgeschichtlichen Betrachtung. In: *Fremd und Eigen: Untersuchungen zu Grammatik und Wortschatz des Uralischen und Indogermanischen, in memoriam Hartmut Katz*. Wien: Edition Praesens, 55–76.
- Honti, László 1982. *Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Janhunen, Juha 1975. Über das Vokalsystem des Urnordsamojedischen. *Finnisch-Ugrische Forschungen* 61: 86–112.

- Janhunen, Juha 1977. *Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien*. Helsinki: Castrenianumin toimitteita 17.
- Janhunen, Juha 1981. Uralilaisen kantakielen sanastosta. *Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja / Journal de la Société Finno-Ougrienne* 77: 219–274.
- KESK = Lytkin, Vasilij I., Evgenij S. Guljaev 1970. *Kratkij etimologičeskij slovar' komi jazyka*. Moskva: Nauka.
- Krejnovič, Eruxim A. 1958. *Jukagirskij jazyk*. Moskva — Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Kurilov, Gavril N. 1977. *Složnye imena suščestvitel'nye v jukagirskom jazyke*. Leningrad: Nauka.
- Kurilov, Gavril N. 2001. *Jukagirsko-russkij slovar'*. Novosibirsk: Nauka.
- Lehtiranta, Juhani 1989. *Yhteissaamelainen sanasto*. (SUST/MSFOu 200.) Helsinki.
- MSzFE = Lakó, György 1967. *A magyar szókészlet finnugor elemei. Etimológiai szótár, I (A-Gy)*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Nikolaeva, Irina 1988. *Problema uralo-jukagirskix genetičeskix svjazej*. Moskva: PhD. Diss.
- Nikolaeva, Irina 2006. *A Historical Dictionary of Yukaghir*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter.
- Paasonen, Heikki 1913–1917. Beiträge zur finnischugrisch-samojedischen Lautgeschichte. *Keleti szemle* 13, 1913, 225–277; 14, 1914, 20–74; 15, 1915, 78–134; 16, 1916, 1–66; 17, 1917, 1–111.
- Paasonen, Heikki 1918. *Die finnisch-ugrischen s-Laute*. (SUST/MSFOu 41.) Helsinki.
- Paasonen, Heikki 1948. *Ost-Tscheremissisches Wörterbuch*, ed. by Paavo Siro. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XI.) Helsinki.
- Peiros, Ilya 2015. What is hidden under the “Uralic-Yukaghir” label? *Mother Tongue — Journal of the Association for the Study of Language in Prehistory* 20 (In Memory of Harold Crane Fleming — 1926–2015): 179–206.
- Pokorny, Julius 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. München: Francke.
- Sammallahti, Pekka 1979. Über die Laut- und Morphemstruktur der Uralischen Grundsprachen. *Finnisch-Ugrische Forschungen* 43: 22–66.
- Sammallahti, Pekka 1988. Historical phonology of the Uralic languages. In: Denis Sinor (ed.): *The Uralic Languages*. Leiden — New York — København — Köln: Brill, 478–554.
- Schiefner, A. 1859. Über die Sprache der Jukagiren. *Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg* 16: 241–253.
- Schiefner, A. 1871. Beiträge zur Kenntniss der jukagirischen Sprache. *Bulletin de l'Académie impériale des sciences* 16: 373–400.
- Schiefner, A. 1872. Über Baron Gerhard von Maydell's jukagirische Sprachproben von A. Schiefner. *Bulletin de l'Académie impériale des sciences*, T. 17: 86–103.
- SKES = *Suomen kielen etymologinen sanakirja*, I–VII, ed. by Y. H. Toivonen et al. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XII.) Helsinki, 1955f.
- Steinitz, Wolfgang 1964. *Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus*, 2. Aufl. (Finnisch-ugrische Studien 4.) Berlin: Akademie-Verlag
- Tailleur, Olivier Guy 1959a. Plaidoyer pour le youkaghir, branche orientale de la famille uralienne. *Lingua* 8: 403–423.
- Tailleur, Guy O. 1959b. Les uniques donnés sur l'omok, langue éteinte de la famille youkaghire. *Orbis* 8/1: 78–108.
- Tailleur, Guy O. 1962. Le dialecte tchouvane du youkaghir. *Ural-Altaisches Jahrbücher* 34: 55–99.

- TMS = *Sravnitel'nyj slovař tunguso-mańčžurskix jazykov*, I–II, ed. by Vera I. Cincius. Leningrad: Nauka, 1975–1977.
- Toivonen, Yrjö H. 1928. Zur geschichte der fiugr. inlautenden affrikaten. *Finnisch-ugrische Forschungen* 19: 1–269.
- UED = *Uralic Etymological Dictionary* (A-Ć) by Ante Aikio 2020.
- UEW = *Uralisches etymologisches Wörterbuch*, ed. Károly Rédei et al. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–88.
- Xelimskij, Evgenij A. [= Helimski, Eugene] 1976. O sootvetstvijax uraľskix *a-* i *e-* osnov v tazovskom dialekte selkupskogo jazyka. *Sovetskoe finnougrovedenie* 1976: 113–132.
- Xelimskij, Evgenij A. [= Helimski, Eugene]. 1985. {Review of} Honti 1982. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* 21/1: 63–73.
- Xelimskij, Evgenij A. [= Helimski, Eugene] 2007. Prodlenie glasnix pered šva v selkupskom jazyke kak fonetičeskij zakon. *Linguistica Uralica* 43/2: 124–133.
- Živlov, Mixail A. 2006. K voprosu o rekonstrukcii obsko-ugorskogo vokalizma. *Aspekty komparativistiki*, Vypusk 2, *Orientalia et Classica: Trudy Instituta vostočnyx kul'tur i antičnosti*, ed. by Anna V. Dybo et al. Moskva: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 281–309.

Prädikative Kasus und depikative sekundäre Prädikation in Nordeurasien — eine Vorstudie unter Berücksichtigung der Verhältnisse im Tundrajukagirischen

Florian Siegl

1. Einführung

Nicht erst seit Groot (2017) sind die ostseefinnischen Kasus Essiv und Translativ im Hinblick auf den Themenbereich sekundäre Prädikation auch über die Finnougristik hinaus bekannt. Da es aber neben dem Ostseefinnischen auch im Saamischen und einigen samojedischen Sprachen vergleichbare Kasus gibt, dürfte dieser Sachverhalt wohl aber eben durch die Beiträge in Groot (2017) auch einem weiteren Publikum detailliert zugänglich gemacht worden sein. Die Aufgabe dieses Beitrags, welcher zum jetzigen Zeitpunkt nur eine Vorstudie darstellen kann, ist es aufzuzeigen, dass ähnliche Kasus über das Uralische hinaus in weiteren Sprachen Nordostsibiriens wie den beiden jukagirischen Sprachen, sowie den tšuktscho-kamtschadalischen Sprachen Ostsibiriens existieren. Bei genauerer Betrachtung fällt schnell auf, dass einige Parameter interessante morphosyntaktische Übereinstimmungen mit den einschlägig bekannten Kasus der uralischen Sprachen, vor allem jenen der saamischen, ostseefinnischen, enzischen und nenzischen Sprachen aufzeigen.¹

¹ Uralische Binsenweisheiten zur Syntax und Semantik des Essivs in ausgewählten Einzelsprachen werden in diesem Beitrag aus Platzgründen oft nur mit Sprachmaterialien dargestellt; weitergehende Literatur findet sich problemlos in den einzelnen Beiträgen in Groot (2017). Die Transkription und Glossierung eigener, zumeist unveröffentlichter (Feldforschungs)Daten folgt den Konventionen früherer Studien. Die Transliteration von tundrajukagirischen und tšuktschischen Sprachmaterialien in kyrillischer Schrift orientiert sich an Schmalz (2013) und Dunn (1999). Im Hinblick auf die ungeklärte Frage der Natur des Laryngalkluls am vokalischen Wortbeginn im Tšuktschischen wird dieser wie in der Orthographie und bei Kämpfe & Volodin (1995: 12) in-situ transliteriert (*u'tын* 'Hals' als *iʔtən* und nicht *?itən*). Die Glossierung des Tundrajukagirischen folgt im wesentlichen Schmalz, allerdings ist die Glossierung der Verbformen vereinfacht. Die Glossierung des Tšuktschischen orientiert sich an Dunn (1999) und Kämpfe & Volodin (1995), allerdings ohne Separierung epenthetischer Vokale. Die Übersetzung der Beispiele orientiert sich immer am Original,

Im Rahmen dieser Vorstudie wird hier vor allem auf den tundrajukagirischen Purposiv und am Rande auf den tschuktschischen Designativ eingegangen², denn deren Kasusfunktionen³ überschneiden sich beträchtlich mit jenen des Essiv bzw. Translativ der erwähnten uralischen Sprachen⁴, und liefern dadurch sowohl für die Theoriebildung zur depiktiven und resultativen sekundären Prädikation als auch zur Frage der Grammatikalisierung weitere Erkenntnisse. Im Folgenden werde einige Beispiele aus dem Themenbereich der sekundären Prädikation bzw. dem übergeordneten Konzept Partizipanten-orientierter Adjunkte (participant-oriented adjuncts, Himmelmann & Schultze-Berndt 2005) für einige ausgesuchte Sprachen des nordeurasiatischen Areals vorgestellt:

(1) a. Tundrajukagirisch

Tude d'ii-ń pujuo-l ile-le puńi-m legul-pe-d-uol.
 3SG people-DAT be.many-ACT reindeer-ACC kill-TRANS.3SG food-PL-POSS-PURP
 'Für seine Eltern (wörtlich: Leute) tötete er viele Rentiere als deren Nahrung.'
 [FJ 200]

b. Kolymajukagirisch

terikie-die tintarj uör-pe-gele tude uör-pe-ŋoon mid'-um
 old.man-DIM DEM.DIST child-PL-ACC 3SG child-PL-PURP take-TRANS.3SG
 'Das alte Männlein nahm jene Kinder als seine Kinder an.' [KY I 84]

c. Tschuktschisch

Ənin ekke-t tewə-łʔ-o łəy-ninet.
 3SG.ABS.POSS son-ABS.PL paddle-PTCP-DESIG AUX.TR-3SGA.3PLO
 'Er verwendete seine Söhne als Ruderer.' [Belikov 1979: 38]

somit wird die oft freie russische Übersetzung nicht wiedergegeben. Ein Verweis auf die Herkunft der Materialien findet sich im Anhang.

² Die Daten stammen aus privat erstellten Korpora zum Tundrajukagirischen und dem Tschuktschischen. Das tundrajukagirische Korpus besteht aus 31 manuell glossierten Erzählungen aus FJ und beinhaltet über 13000 orthographische Wörter. Zudem kann auf eine digitale Variante von Kurilovs Wörterbuch zugegriffen werden, was die Nutzung der vielzähligen Satzbeispiele erlaubt. Das tschuktschische Korpus besteht aus 57 manuell glossierten Texten aus verschiedener Textsammlungen und enthält zum Zeitpunkt der Abfassung dieses Beitrages etwas über 12500 orthographische Wörter.

³ Zur terminologischen Archäologie des Purposivs siehe Abschnitt 4. Die Bezeichnung Designativ wurde von Kämpfe & Volodin (1995) übernommen; diese Bezeichnung wird auch von Georg & Volodin (1999) für das Itelmenische verwendet. In den russischen Grammatiken wird der Kasus als *naznačitel'nyj padež* bezeichnet (z. B. Skorik 1961: 171ff; Žukova 1973: 121ff), bei Dunn (1999: 114–115) als *equative case*.

⁴ In diesem Zusammenhang möchte ich eindeutig darauf hinweisen, dass es sich dabei ausschließlich um die Konstatierung und Ausleuchtung einer typologischen Parallele handelt. Als Argument für die Frage der Ural-Jukagirischen Hypothese ist dieser Randbereich der Grammatik und seine augenscheinlich späte parallele Grammatikalisierung irrelevant.

d. Waldenzisch

Te poñida te kađ-da mal'ča-da koba-š.
 reindeer.herder reindeer[ACC] kill-FUT.3SG malitsa-PX.GEN.3SG fur-ESS
 'Der Rentierhirte tötet ein Rentier für ein Wintermantelfell.' [LDB I 109]

e. Umesaami

Dat lij vuoras nieidalatje dassnie jugo idnij nieiduv veähkken.
 DEM be.PST.3SG old woman.DIM here REL.PRO have.PST.3SG girl.ACC helper.ESS
 'Das war eine alte kleine Frau hier, die ein Mädchen als Helferin hatte.' [SMN Ruong 172A]

2. Zur depiktiv sekundären Prädikation

Aus Platzgründen kann in dieser Vorstudie nur oberflächlich auf einige ausgesuchte Probleme Partizipanten-orientierter Adjunkte (=POA) eingegangen werden. Dabei richtet sich das Augenmerk vor allem auf depiktive und nur am Rande auf resultative sekundäre Prädikation.

2.1 Die depiktive sekundäre Prädikation als syntakto-semantisches Konzept

Klassische Beispiele für sekundäre Prädikation im Englischen sind Beispiele (2b) und (2c):

(2) Englisch

- a. *Kim left the room angrily.* → adverbiale Bestimmung mit *-ly (manner)*
- b. *Kim hammered the metal flat.* → resultativ
- c. *Kim hammered the metal naked.* → depiktiv (Beispiele b,c, Culicover 2009: 301)

Während das Adverb *angrily* die Art und Weise der Handlung modifizieren, verweisen sekundäre depiktive und resultative Prädikate vorrangig auf den Partizipanten der Handlung. Depiktive sekundäre Prädikate implizieren, dass es sich um einen ko-prädikativen Zustand handelt, der zum Zeitpunkt der Handlung des primären Prädikats auftritt. Resultative sekundäre Prädikate implizieren einen Zustand, der als unmittelbares Resultat der Handlung des primären Prädikats aufzufassen ist.

Verkerk (2009: 117) fasst die drei Typen graphisch wie folgt zusammen:

	Participant-oriented		Event-oriented	Simultaneous with main event
	Subject-oriented	Object-oriented		
Manner predications	No	No	Yes	Yes
Depictives	Yes	Yes	No	Yes
Resultatives	Marginally	Yes	No	No

Im Hinblick auf die übersprachliche Forschung ist zu konstatieren, dass eine belastbare Definition depiktiver Prädikation, die auf Beispiele wie z. B. ‘She ate her soup cold’ abzieht zuerst einmal eine Abgrenzung dieses Prädikationstyps von anderen POA Typen erfordert, was natürlich weiterhin ein Desideratum ist. Himmelmann & Schultze-Berndt (2005: 43) merken hierzu an: „(...) many adjunct types that are widely analysed as adverbials and hence, at least implicitly, as event-oriented, have a participant-oriented semantic component which may or may not be formally reflected in a given language. It has been argued that at a semantic level, participant orientation can be regarded as a feature of adjuncts conveying, e. g. a mental or emotional condition, an associative relationship, a quantity or a life stage, but also of expressions of manner, function or role, and concomitance, and of a subset of locative expressions.“ Wie Himmelmann & Schulz (2005) und die jeweiligen Beiträge des Sammelbands demonstrieren, tritt in der einzelsprachlichen morphosyntaktischen Kodierung der oben genannten Typen oft das gleiche lexikogrammatistische Material auf, was vor allem bei deren Projektion auf semantische Karten bestimmte funktionale Anhäufungen (cluster) zeigt und damit Rückschlüsse auf die Grammatikalisierung suggeriert. Im Hinblick auf depiktive sekundäre Prädikation als POA und der Abgrenzung sekundärer Prädikation von prädikativer Komplementierung ist allerdings offensichtlich, dass deren Verhältnis weiterhin unklar ist, was Himmelmann & Schultze-Berndt (2005: 24–25) auch dezidiert angesprochen haben. Dies ist m. E. auch zu erwarten, denn die Frage ob es sich dabei um ein Adjunkt oder ein fakultatives Komplement handelt, kann vorerst befriedigend wohl nur auf einzelsprachlicher Ebene beantwortet werden. Ein Inventar relevanter Verben das als Leitfaden für übersprachliche Forschungen verwendet werden kann, ist m. W. bisher nicht zusammengestellt worden. Im uralischen Kontext ist bekannt, dass ausgewählte Verben, die Groot (2017a: 532) als „verbs of considering“ (consider, see, keep, use, accept) und „verbs of appointing“ (name, call, take, divide) bezeichnet, Essiv-affin sind und oft als syntaktisch obligatorisch angesehen werden müssen. Diese Verben werden hier verständlicherweise berücksichtigt. Die soeben angesprochenen Probleme sollen mit einem Beispiel aus dem Umesaami (das im Sammelband nicht berücksichtigt wurde) kurz dargestellt werden. Für *adnit* ‘haben’ ist der Essiv syntaktisch fakultativ (3a), (3b), während dieser für die Argumentenstruktur von *guuhtjedit* ‘(be)nennen’ (3c) obligatorisch erscheint:⁵

(3) Umesaami

- a. *Aa die monna unna nejbetjuv idniuv.*
 EXCL PTC 1SG little knife.DIM.ACC have.PST.1SG
 ‘Ach, so, ich hatte ein kleines Messerchen.’ [SMN Ruong 172a]

⁵ Im Uralischen drängt sich dabei die Frage auf, ob der Parameter „syntaktisch obligatorisch“ möglicherweise mit der Existenz einer oder mehrerer Kasus korreliert (Essiv=Translativ vs. Essiv ≠ Translativ).

- b. [...] *jugo idnij neiduv veähkken.*
REL.PRO have.PST.3SG girl.ACC helper.ESS
‘...die hatte ein Mädchen als Helferin.’ [SMN Ruong 172A]
- c. *Lars sil lij namma men die nok Laajsjegen guuhtjedin.*
PN PTC be.PST.3SG name but PTC only PN.ESS call.PRT.3PL
‘Lars war sein Name, aber man nannte ihn nur Laajsjege.’ [KS DAUM 566]

Ähnliches lässt sich auch im Tschuktschischen betrachten.⁶ Während der Designativ für *jət-* ‘geben’ syntaktisch eindeutig fakultativ ist (4a), (4b), sind bestimmte Komplemente im Designativ mit dem transitiven Hilfsverb *łəŋ-* (4c) oft so stark konstruktionalisiert, dass diese als syntaktisches Adjunkt aufzufassen ist. Dies, wiederum, gilt aber a priori nicht für alle Komplemente von *łəŋ-* (4d):

(4) Tschuktschisch

- a. *Mənyək-w-o jət-ninet mətləŋen qora-t,*
payment-DESIG give-3SGA.3PLO five reindeer-ABS.PL
ŋirek əttət-ət, ɲəroq iɣ-netɣ-ət.
two dog-ABS.PL three wolf-hide-ABS.PL
‘Und als Bezahlung gab er fünf Rentiere, zwei Hunde und drei Wolfspelze.’ (B61: 117)
- b. *Ənan pipiqətɣə-ɲetwət mə-jət-ɣət.*
PTC mouse-herd[ABS] 1SGA.IMP-give-2SGO
‘Ich würde dir eine Mausherde geben.’ (T 15)
- c. *kakomej ənrʔam keŋ-e tenŋ-u ne-łəɣə-rkən-iyəm.*
EXCL and bear-ERG laugh-DESIG 3PLA-AUX.TR-PROG-1SGO
‘Und diese Bären lachten über mich.’ (T 21)
- d. *Aʔm ətrec-əm ɣət ɣəmnan iwke riŋeneŋe-nu mə-łəɣə-rkən-iyət!*
PTC only=EMPH 2SG.ABS 1SG.ERG so aircraft-DESIG 1SGA.IMP-AUX.TR-PROG-3SGO
‘Oh, nur dich nehme ich als Flugzeug!’ (T 29)

Ein weitere Frage in diesem Problembereich ist, ob depikitive sekundäre Prädikation als eine Art der Derivation von prädikativen Komplementen aufzufassen wären, wozu sich Himmelmann & Schultze-Berndt (2005: 24–25) allerdings eher skeptisch äußern. Dies wird von Groot (2017a: 532–534) mit uralischen Daten bestätigt. Auch die folgenden Beispiele aus dem Tuwinischen, einer südsibirischen Turksprache, unterstreichen dies:

(5) Tuwinisch

- a. *Vika bižikči-le-p ažilda-p tur-gan.*
PN writer-VBLZ-CON work-CON stand-PSTI
‘Vika hat mal als Journalistin gearbeitet.’ [VP I 110]

⁶ Dies wird in einer Studie zum Tschuktschischen (die zum gegebenen Augenblick kurz vor dem Abschluss steht) detailliert behandelt.

- b. *Ol mün-nü čili-ga či-p-ken.*
 3SG soup-ACC cold-DAT eat-PFT-PSTI
 ‘Er aß die Suppe kalt.’ [VP I 109]
- c. *Men onu eš-ke ~ eš-im kıldır xülee-p al-d-im.*
 1SG 3SG.ACC friend-DAT friend-PX.1SG like take.as-CON take-PSTII.1SG
 ‘Ich nahm ihn als Freund an ~ wie als meinen Freund an.’ [VP I 111]
- d. *Olar meni Florian de-p ada-p kaan.*
 3PL 1SG.ACC PN say-CON name-CON AUX.PSTI
 ‘Sie nannten mich Florian.’ [VP I 112]

2.2. Zur morphosyntaktische Kodierung einer funktionalen Kategorie

Da alle in der Einführung genannten Sprachen einen prädikativen Kasus kennen, muss primär natürlich erst einmal deren funktionelle Bandbreite und die einzelsprachliche Morphosyntax im Vordergrund stehen. Dabei sollte allerdings nicht übersehen werden, dass die Funktion eines Kasus eben nicht nur depiktiv sein muss. Bereits Himmelmann & Schultze-Berndt (2005: 64) haben angemerkt, dass der finnische Essiv auch in „participant-oriented manner constructions“ verwendet wird (z. B. *iloi-se-na* <fro-ESS> ‘in einem frohen Zustand’ versus *iloi-se-sti* <fro-ADV> ‘fröhlich’). Da der ganze Fragenkatalog zur morphosyntaktische Kodierung der POA (Himmelmann & Schultze-Berndt 2005: 50–66) einer späteren Studie vorbehalten ist, kann hier nur auf zwei Phänomene eingegangen werden, die im eurasiatischen Norden wiederholt auftreten und somit in diesem Areal nicht nur einzelsprachlich relevant erscheinen. Zuerst einmal ist bekannt, dass in einigen Sprachen Nord- und Ostsibiriens, ähnlich wie u. a. in den saamischen, den enzischen und nenzischen Sprachen, der prädikative Kasus sowohl in depiktiver als auch in resultativer sekundärer Prädikation anzutreffen ist. Während im Finnischen und den meisten anderen ostseefinnischen Sprachen die Konzepte Zustand und Veränderung durch zwei getrennte Kasus (Essiv versus Translativ) kodiert werden, verwenden u. a. das Saami (6a), aber auch das Tschuktschische (6b) dafür nur einen Kasus (Essiv bzw. Designativ). Die resultative Interpretation ist somit konstruktional und allein durch das Auftreten eines Verbs in der Bedeutung ‘bekommen, werden’ bedingt:⁷

(6) a. Nordsaami

Oanehis áiggis sámegiella lea šaddan oahpis-in...
 short time.INESS saami.language be.3sg become.PTCP.PST familiar-ESS
 ‘In kurzer Zeit wurde die (nord)saamische Sprache vertraut...’ [Yle Sápmi]

⁷ Dies ist eine vereinfachte Darstellung, da einige weitere Verben eine translativische Interpretation erlauben. Für das Verb *šaddat* (saN) gilt dies m. W. aber für alle saamischen Sprachen. Eine Stichprobe zu den tschuktscho-kamtschadalischen Sprachen hat ergeben, dass diese Möglichkeit zumindest auch im Korjakischen belegt ist.

b. Tschuktschisch

Jara-ŋə=əm maiŋə-pərqə-no nʔet-γʔi.

yaranga-ABS=EMPH big-pillar-DESIG become-3SG

‘Und die Behausung wurde zu einer großen Steinsäule.’ [Takakawa 1974: 139]

Zweites ist anzumerken, dass der Parameter Numerus nicht zwingend erforderlich ist. Während die ostseefinnischen Sprachen den Essiv in Singular und Plural kennen, ist der etymologisch-verwandte Kasus in den saamischen Sprachen bekanntlich transnumeral (z. B. Korhonen 1981: 227–228):

(7) a. Finnisch

Hän on aiemmin työskennellyt Yle Sápmi-n uutistoimittaja-na...

3SG be.3SG earlier work.PTCP.PST Yle Sápmi-GEN news.journalist-ESS

‘Sie hat früher für Yle Sápmi als Nachrichtenjournalistin gearbeitet.... [Yle Sápmi]

b. Nordsaami

Son lea ovdal bargan Yle Sámi ođasdoaimmaheaddji-n...

3SG be.3SG earlier work.PTCP.PST Yle Sápmi.GEN news.journalist-ESS

‘Sie hat früher für Yle Sápmi als Nachrichtenjournalistin gearbeitet.’ [Yle Sápmi]

c. Finnisch

Suomalais-i-na toimittaj-i-na tiedämme, että...

Finnish-PL-ESS journalist-PL-ESS know.1PL, that

‘Als finnische Reporter wissen wir, dass... [Yle Sápmi]

d. Nordsaami

Suopmelaš doaimmaheaddji-n moai dihte, ahte...

Finnish journalist-ESS 1DU know.1DU that

‘Als finnische Reporter wissen wir beide, dass... [Yle Sápmi]

Auch in den enzischen und nenzischen Sprachen ist der Essiv transnumeral, ebenso im Tschuktschischen (Dunn 1999: 114–115), wahrscheinlich auch in allen anderen tschuktschokamtschadalischen Sprachen (die allerdings vorerst nicht detailliert berücksichtigt werden können):

(8) Tschuktschisch

a. *Wəne jʔarat nə-ruʔ-qin tejkew-tumy-u ʔəŋ-ərkə-n.*

PTC very ADJ-weak-3SG test-companion-DESIG AUX.TR-AOR-2SGA.3SGO

‘Also, als einen sehr schwachen Trainingsgefährten siehst du ihn an.’ [Belikov 1961: 82]

b. *Ənqen-at əryənan ne-piri-net maraw-tomy-o.*

that-ABS.PL 3PL.ERG 3PLA-take-3PLO fight-companion-DESIG

‘Jene nahmen sie als Kampfgefährten an.’ [Belikov 1961: 88]

Wie im Abschnitt 4 für das Tundrajukagirische gezeigt wird, ist dessen Purposiv zwar formell kompatibel mit Numerusmorphologie, im Diskurs tritt dieser jedoch dezidiert transnumeral auf.

3. Zur Datenlage

Oggleich die Existenz eines Kasus dessen Hauptfunktion die Kodierung der Konzepte „Eignung/Funktion/Zustand/Veränderung“ in den Einzelbeschreibungen der oben genannten Sprachen einschlägig bekannt ist und auf existierende, zumeist grammatischographische Überblicke zurückgegriffen werden könnte, ist es bereits Anspruch dieser Vorstudie die einschlägigen Kasus bevorzugt unter Verwendung von Diskursdaten zu analysieren und darzustellen. Die performative Perspektive ist notwendig, da es bei der Verwendung dieses Kasus zu klaren Diskrepanzen zwischen Elizitierung und spontaner Rede kommt. Wie in Siegl (2015) gezeigt wurde, verwendet das zeitgenössische (Taimyr) Dolganische mittlerweile den Instrumental um einen temporären Zustand zu kodieren. Die gleiche Rektion findet man im Jakutischen und im Russischen. Eine ähnliche Rektion ist auch von Schmalz für das Tundrajukagirische postuliert worden, wobei sein Beispiel wohl aus der Elizitierung zu stammen scheint:

(9) Tundrajukagirisch

Kulup-qa qudruuk-lek čayad'e-jeŋ.

club-LOC coach-INSTR work-INTR.1SG

‘I worked as a coach in the club.’ (Schmalz 2013: 89)⁸

Dass es sich bei diesem Verb um einen „Sowjetismus“ handelt – das Konzept eines formellen Arbeitsplatzes wird es bei den indigenen Völkern des Nordens vor der Zwangskollektivisierung sicher nicht gegeben haben – ist bei der Rektion von russischem Einfluss auszugehen (*rabotat' kem* <arbeiten.INF wer.INSTR.SG> ‘arbeiten als wer’). Bei einer Stichprobe in dolganischer Prosa zeigt sich aber, dass innerhalb eines kurzen Abschnitts sowohl die russische Rektion mit Instrumental, als auch weiterhin eine autochthone prädikative Kopulakonstruktion belegt sind:

(10) Dolganisch

Potapovskaj hopkuos taba-laak aŋar-a Borjarka-ga baar e-te,

Potapovo.ADJ sovkhosz reindeer-SOC half-PX3 PN-DAT exist be-PSTI.3SG

on-no tojon-unan ülelee-bit-e. Ol ken-ne Avaam

that-LOC head-INSTR work-PSTII-3SG this side-LOC Avam

komujuu kooperaacija-ti-n tojon-o e-te.

integral'naja-kooperacija-PX3-ACC head-PX3 be-PSTI.3SG

⁸ In Kurilovs Wörterbuch konnte bisher nur ein analoges Beispiel gefunden werden (im Textkorpus vorerst nicht): *met l'uku-ly aq qanuoji-lek end'e-li* <1SG be.young-DS:1SG only nomad-INSTR live-INTR.1PL> ‘Als ich jung war, lebten wir nur als Nomaden.’ [JuRS 509]. Daher sollte die beinahe vollständige Absenz solcher Formen als ein Zeichen seiner „Fremdheit“ aufgefasst werden. Am Rande sei hier noch einmal dezidiert angemerkt, dass sowohl das Jakutische als auch das Russische, beide dominante Kontaktsprachen, die gleiche Rektion kennen.

‘In Potapovo und Borjarka gab es ein Rentierkooperativ, dort arbeitet er als Leiter. Daneben war er der Leiter des Awamer Integralkooperativs.’ [Popov 2011: 112]⁹

Gleiches muss auch für das Nordsaami wie im Beispiel (6b) *Son lea ovdal bargan Yle Sámi ođasdoaimmaheaddjin...* ‘Sie hat früher als Nachrichtenjournalistin für Yle Sápmi gearbeitet...’ angenommen werden, denn die Rektion mit dem Essiv ist auch im Finnischen anzutreffen. Somit müssen Beispiele für die Sprachkontakt bzw. Sprachplanung verantwortlich sein können gesondert betrachtet werden, auch wenn diese evtl. frequent sind. Bevorzugt werden somit Fälle behandelt, deren Realisierung über die einzelsprachliche Ausdrucksseite unproblematisch erscheinen, denn gerade hier sind typologische Parallelen schlussendlich am interessantesten. Hierzu dient erneut ein Beispiel aus dem Umesaami mit einem essiv-markiertem Komplement einer Kopulakonstruktion, denn dieses zeigt die Kodierung eines temporären Zustands, welcher auch in der Übersetzung in andere Sprachen eine funktional ähnliche Realisierung bewirkt; im Finnischen den dem Essiv, im Schwedischen die depiktive Konjunktion *såsom* ‘wie, als’:

(11) a. Umesaami

a. *Johan lij dassnie Lars Metten svajnes-ne.*
 PN be.PST.3SG here PN.GEN farmhand-ESS
 ‘Johan war hier als Knecht von Lars-Matthias.’ [DAUM 5893]

b. Finnisch

Johan oli täällä Lasse-n renkki-nä
 PN be.PST.3SG here PN.GEN farmhand-ESS
 ‘Johan war hier als Knecht von Lars.’ [OCE]

c. Schwedisch

Johan var här såsom Lasses dräng.
 PN be.PST.3SG here as PN.GEN farmhand
 ‘Johan war hier als Knecht von Lars.’ [OCE]

4. Der tundrajukagirische Purposiv

Nach der zugegebenermaßen etwas längeren Einführung wird nun genauer auf den tundrajukagirischen Purposiv¹⁰ eingegangen werden. Als prädikativer Kasus liegt dessen zentrale Kasusfunktionen a priori im Spannungsfeld von depiktiver sekundärer Prädikation, POA und prädikativer Komplementation. Da dieser Kasus in den einzelnen Gramma-

⁹ Im russischen Text: Работал директором Потаповского совхоза с оленеводческим отделением в Боярке, председателем Авамской интегральной кооперации, возглавлял Авамский РИК. [Popov 2011: 9]

¹⁰ Das Kolymajukagirische kennt einen ähnlichen Kasus, den Maslova (2003b: 126–128) als *transformative case* bezeichnet hat. Aus Platzgründen kann in dieser Studie auf diese Sprache, mit einer kurzen Ausnahme im Abschnitt 4.5.4, nicht weiter eingegangen werden.

tiken morphologisch nicht umfassend behandelt wurde, ist zum Einstieg eine kurze deskriptiv-morphologische Übersicht samt Feinjustierung notwendig, bevor auf dessen Funktion genauer eingegangen werden kann.

4.1. Die Darstellung des Purposivs in den einschlägigen Grammatiken

Der tundrajukagirische Purposiv *-ŋol, -uol*¹¹ ist selbstverständlich kein Unbekannter und wurde in allen einschlägigen Grammatiken aufgeführt. Krejnovič (1958: 66–67) bezeichnete diese Form als *forma predznačenija predmeta*, Maslova (2003a: 62–63) als *transformative case*. Die Grammatik von Schmalz (2013: 92) nennt zwar einen *purposive case* aber nur unter Vorbehalt und spricht von einem „*quasi-suffix*“, worauf unten genauer einzugehen ist. Auch die pädagogische Grammatik von Kurilov (2006: 91) spricht von einer Form mit „kasusähnlicher Funktion“, nicht aber von einem Kasus. Über die Grundfunktionen dieser Form herrscht in den Grammatiken ansonsten seltene Übereinstimmung: „the Transformative NP signifies the intended function (use) of an entity:“ (Maslova 2003a: 62); „The purposive expresses the idea ‘to act/to serve as’“ (Schmalz 2013: 92). Im Hinblick auf dessen Syntax stellte Maslova zudem prägnant fest: „In all attested examples, the entity intended for the function signified by the Transformative NP is the O participant [...]. In some examples, the Transformative NP serves as the only description of O, thereby virtually replacing the regularly marked object NP in the clause structure.“ Die folgenden beiden Beispiele aus Kurilovs pädagogischer Grammatik stellen die Hauptfunktionen kurz und prägnant dar und sind in diesem Zusammenhang vorerst ausreichend:

(12) Tundrajukagirisch

- a. *Könme-d-uol laame tadi-k.*
 companion-POSS-PURP dog give-IMP.2SG
 ‘Gib ihm einen Hund als Gefährten.’ (Kurilov 2006: 91)
- b. *Mayil-d-uol nuu-k.*
 fur.coat-POSS-PURP find-IMP.2SG
 ‘Finde (so etwas wie) einen Pelzmantel für ihn.’ (Kurilov 2006: 91)

Schmalz (2013: 92), der wie Kurilov, die Kasusartigkeit anzweifelt, bemerkte weiterhin: „(t)he purposive suffix is represented by the copular verb *ŋol-*, which can still be used in this function analytically [...]“. In der Tat findet man sowohl in der von Kurilov editierten Foklore-Sammlung, als auch in seinem Wörterbuch (2001) schwankende Notierung:

(13) Tundrajukagirisch

- a. *Tuŋ pajpe-le me=med'-im tude kön-m-uol.*
 DEM old.woman-ACC AFF=take-TRANS.3SG 3SG companion-PURP
 ‘Er nahm die alte Frau als seine Ehefrau.’ [FJ 286]

¹¹ Die phonetische Form des Suffixes spiegelt die reguläre morphonologische Alternation der Kopula im Hinblick auf das Wortende des vorhergehenden Lexems wider.

- b. *Pandind'e ηol kewrej-m metqane met amaa.*
 cook PURP take-TRANS.3SG 1SG.LOC 1SG father
 'Als Koch nahm mein Vater mich mit.' [JuRS 366]
- c. *Uu-reŋ tuŋ sal'yuu-yane leml'e ηol wie-ŋa.*
 go-CON.SIM DEM cripple-LOC leader PURP make-TRANS.3PL
 'Die Zeit verging, und sie machten die Verkrüppelte zur Anführerin.' [FJ 376]

Diese schwankende Notierung kann im Hinblick auf die Kasusinterpretation durchaus problematisch werden. Während das Beispiel (13c) in Isolation als Purposiv aufzufassen wäre, wird diese Interpretation im Hinblick auf die unmittelbare Fortsetzung der Erzählung (= Beispiel 14) problematisch:

(14) Tundrajukagirisch

- Leml'e ηol-aa-relek tude čamuol-al akaa-yane*
 leader become-INCH-CON.ANT 3SG be.big-ACT brother-LOC
lačin sisyasče ŋorii-naa-m.
 wood.chopper make-INCH-TRANS.3SG
 'Nachdem sie Anführerin wurde, machte sie ihren älteren Bruder zum Holzfäller.'
 [FJ 376]

De facto erscheint im Beispiel (14) das zu erwartende Koverb, während im Beispiel (13c) das Verb in einer unflektierten Stammform *ηol-* belegt ist. Da eine unflektierte Form der Kopula *ηol-* im zeitgenössischen Tundrajukagirischen aber nicht in Verwendung sein kann, muss dies als *-ηol*, also als Kasussuffix interpretiert werden.

4.2. Zur Grammatikalisierung

Da Schmalz (2013: 92) in seiner grammatikalischen Übersicht die Grammatikalisierung angesprochen hat, die durch die Variation in der Schreibung bei FJ und JuRS bestätigt erscheint, ist bereits an dieser Stelle ein kurzer Exkurs angebracht. Der suggerierte Grammatikalisierungspfad freistehende (konverbale) Kopula → reduzierte Form → Klitisierung → Kasusmarker ist aus der Perspektive der enzischen und nenzischen Sprachen natürlich wenig überraschend, da funktional identisch.¹² Somit wäre zu klären, welches jukagirische Konverb als Ausgangsform anzusetzen ist, da *ηol-* ohne Flexionsmorphologie nicht auftreten kann, und somit eine Erosion stattgefunden haben muss. Tatsächlich findet man in den Folkoretexten oft eine erodierte konverbale Form *ηolde* (*ηol-de* ← *-reŋ* = koreferentielles Konverb der Gleichzeitigkeit, die Alternation an der Morphemgrenze ist regulär, die Tilgung des velaren Nasals allerdings nicht), welches einen Zustand als

¹² Die Grammatikalisierung ist besonders im Enzischen aufschlussreich, da die Grammatikalisierung des etymologisch identischen Ausgangsmaterial zu zwei verschiedenen Suffixen führte (Siegl 2017: 455–456).

biklausale koreferentielle adverbiale Ergänzung kodiert, aus der sich die Grammatikalisierung von 'X seiend' zu 'X-end ~ X-seiend' problemlos ableiten lässt:

(15) Tundrajukagirisch

Malaa, wolme ɲol-de jerkejeŋe-k, juo-ya.

EXCL shaman be-CON.SIM shamanize-IMP.2SG look-IMP.1PL

'So, wenn du ein Schamane bist (wörtlich: ein Schamane seiend), mach eine Seance, lass es uns sehen.' [FJ 408]

4.3. Zur Morphologie des tundrajukagirischen Purposivs

Oben wurde bereits kurz angemerkt, dass sowohl Schmalz als auch Kurilov die „Kasusartigkeit“ des Purposiv in Frage gestellt haben. Auch die Bezeichnung *forma predznačenija predmeta* bei Krejnovič (1958: 66–67) scheint eine ähnliche Reservierung zu implizieren. Krejnovič (1982) diskutierte Kasusmorphologie i. ü. nicht, womit es ungeklärt bleiben muss, ob eine spätere Neuinterpretation stattgefunden haben könnte. Während somit einzig Maslova (2003a: 62) von einem Kasus spricht, ist auch bei ihr eine genauere Behandlung unterblieben. Bei der Durchsicht des Belegmaterials in den einschlägigen grammatischen Beschreibungen fällt schnell auf, dass ausschließlich Beispiele im Singular auftreten, was auch das Korpus auf den ersten Blick bestätigt (16a), (16b). Somit würde sich der Purposiv von allen anderen Kasus unterscheiden und transnumeral erscheinen, da diese prinzipiell mit dem Plural kompatibel sind (16c), (16d):

(16) Tundrajukagirisch

a. *L'ie tude könm-uol med'i-m.*

PTC 3SG companion-PURP take-TRANS.3SG

'So, er nahm sie zur Frau.' [FJ 210]

b. *Taŋ tude akaa-pe-ɲane qamrii-ɲol wie-m.*

DEM 3SG elder.brother-PL-LOC servant-PURP make-TRANS.3SG

'Er verwendete seine älteren Brüder als Knechte.' [FJ 204]

c. *Alasej anaa-pe-ɲa pojuo-d'e nime-pe-k oɣuol-ɲul.*

Alasej hill-PL-LOC be.many-PTCP house-PL-FOC stand-SF(3PL)

'Auf den Bergen von Alasej stehen viele Zelte.' [FJ 408]

d. *Lačidiŋ men-če-k, tigin anaa-ɲa sespe-leŋ kurel'uol-el.*

crowbar take-ITIV-IMP.2SG DEICT hill-LOC door-FOC be.visible-SF

'Geh nimm das Brecheisen, dort auf dem Berg ist eine Türe sichtbar.' [JuRS 463]

De facto ist im glossierten Korpus allerdings eine eindeutige pluralische Form zu finden (17a), an einer anderen Stelle beinhaltet die Textsammlung noch zwei weitere Belege (17b), die zudem noch im selben Satz auftreten. Somit ist der Parameter Transnumeralität also nur ein Zeichen der Diskursdominanz des Purposivs; aus morphologischer Perspektive unterstreicht die Kompatibilität mit dem Plural und dem Possessivmarker die Analyse als Kasus:

(17) Tundrajukagirisch

- a. *Tude d'ii-ń pujuo-l ile-le puńi-m legul-pe-d-uol.*
 3SG people-DAT be.many-ACT reindeer-ACC kill-TRANS.3SG food-PL-POSS-PURP
 'Für seine Eltern (wörtlich: Leute) tötete er viele Rentiere für deren Nahrung.'
 [FJ 200]
- b. *Qoruop-pe-d-uol wie-te-mek, lukul-pe-d-uol.*
 grave-PL-POSS-PURP make-FUT-TRANS.2SG ground-PL-POSS-PURP
 'Mach (so etwas wie) Gräber für sie, Erdstätten für sie.' [FJ 354]

Da das Tundrajukagirische nur drei Adjektive besitzt, diese aber nur in attributiver Stellung als eigenständige Wortklassen motiviert werden können¹³, ist die Absenz purposiver Formen aufgrund der distributionalen Einschränkung erwartbar. Im Hinblick auf Pronomina ist das Bild eindeutiger. Das Interrogativpronomen *neme* 'was' erlaubt den Purposiv *nemenol* 'für was, warum':

(18) Tundrajukagirisch

- Neme-ŋol keči-mek kewrej-k!*
 what-PURP bring-TRANS.2SG carry.away-IMP.2SG
 'Warum bringst du (den Bär), trag in fort!' [FJ 274]

Purposive Formen von Personalpronomina sind in der Literatur nicht erwähnt worden; auch im Korpus konnten keine Beispiele gefunden werden. Allerdings kann der Purposiv mit dem Relationssuffix *-l'e* (19a) auftreten, welches auch an Personalpronomina tritt (19b). Dies ermöglicht die Bildung von Purposivformen (19c), welche aber keine Entsprechungen eigentlicher Personalpronomina darstellen:

(19) Tundrajukagirisch

- a. *Jawne-j-pe-da-ya-t taŋ uodie-l'e pojuol-l'el-ul.*
 be.all-PTCP-PL-POSS-LOC-ABL DEM boy-RLN be.many-INFER-SF
 'Von allen war jene (die Ladung) des Jungens am größten.' [FJ 272]
- b. *Tude-l'e waaj pojuol-el.*
 3SG-RLN again be.much-INTR.3SG
 'Und wieder ist seine (Ladung) am größten.' [FJ 272]
- c. *Akaa met-l'-uol waaj qoll'e?*
 brother 1SG-RLN-PURP again be.where.IROG.3SG
 'Bruder, wo ist das für mich wieder?' [FJ 372]

¹³ Die attributiven Lexeme für 'groß', 'klein' und 'alt' können in beiden jukagirischen Sprachen als Adjektive aufgefasst werden (Maslova 2003b: 70–71; Schmalz 2013: 190ff), in prädikativer Position werden diese allerdings zu qualitativen Verben, wobei ein wortbildendes Suffix, das etymologisch mit der Kopula *ŋol-* zusammenhängt, auftritt. Eine produktive bzw. offene Wortklasse Adjektiv kann für das Jukagirische bekanntermaßen nicht postuliert werden.

Zusammenfassend ist somit zu konstatieren, dass der Purposiv im Hinblick auf seine Kompatibilität mit Numerus und Possessivmarkern zentrale Kasuseigenschaften aufzeigt. Die Tatsache, dass der Purposiv nicht von adjektivischen Formen gebildet werden kann, ist wohl dem grammatikalischen Profil des Tundrajukagirischen geschuldet. Bezüglich seiner Kompatibilität mit Numeralia ist die Situation noch unklar, das glossierte Korpus beinhaltet aber eine eindeutig relevante Form:

(20) Tundrajukagirisch

Tudel endu kij-uol puñ-nun-um.

3SG each two-PURP kill-HAB-TRANS.3SG

‘Er tötete (die Tschuktschen) zwei auf einmal.’ [FJ 176]

4.4. Zur Syntax des tundrajukagirischen Purposivs

Bei der Durchsicht der Daten aus dem glossierten Korpus ist zuerst einmal zu konstatieren, dass aufgrund der folkloristischen Textgrundlage Kollokationen wie „als/zur Frau nehmen“ oder „als/zur Frau geben“ oft vertreten sind. Dabei dürfte die Nominalphrase im Purposiv wohl als fakultative Ergänzung aufzufassen sein:

(21) Tundrajukagirisch

a. *L'ie tude könm-uol med'i-m.*

PTC 3SG companion-PURP take-TRANS.3SG

‘So, er nahm sie zur Frau.’ [FJ 210]

b. *Tetul puñ-delek tet mayil me=meñ-te-j.*

2SG.ACC kill-CON.ANT 2SG armor AFF=take-FUT-TRANS.1PL

‘Nachdem wir dich getötet haben, werden wir deine Rüstung nehmen.’ [FJ 170]

Auch andere Verben wie ‘halten, verwenden’ zeigen eine Nominalphrase im Purposiv, die die Funktion ‘als X’ kodiert und wohl auch als fakultative Ergänzung aufgefasst werden müssen:

(22) Tundrajukagirisch

a. *Titteya l'ii-naa-ŋa titte ŋaajl-uol.*

3PL.LOC keep-INCH-TRANS.3PL 3PL in.law-PURP

‘Und sie (be)hielten ihn als ihren Schwager.’ [FJ 270]

b. *Euo quodiir tan sukiñ l'ii-mek?*

EXCL why DEICT distant keep-TRANS.2SG

‘Oh, warum hältst du (die Hunde) dort fern?’ [FJ 270]

Weitere Beispiele mit fakultativen purposiven Nominalphrasen finden sich bei ‘auswählen’ → ‘auswählen als’ oder ‘töten’ → ‘töten als Nahrung’. Diese transitiven Beispiele bestätigen die Beschreibung von Maslova (2003a: 62), nach welcher der Purposiv die Entität kodiert, deren Funktion auf den Partizipanten in syntaktischer Objektposition ab-

zielt. Von einer Ersetzung des eigentlichen Objekts sollte aber nicht gesprochen werden; zwar ist durchwegs oft belegt, dass das syntaktische Objekt unrealisiert bleibt, da aber das Tundrajukagirische den Parameter Transitivität in der finiten Prädikation streng folgt und über die Personalendungen am Verb kodiert, ist das koverte Objekt natürlich implizit:

23) Tundrajukagirisch

Tude nim-uol wieden ögete-m.

3SG chum-PURP another.ADV put.up-TRANS.3SG

‘Sie stellte (es) als ihre Behausung an einer anderen Stelle auf.’ [FJ 348]

Bisher in der einschlägigen Literatur zum Tundrajukagirischen nicht erwähnt ist, dass auch intransitive Verben mit dem Purposiv auftreten können. Konkret ist das für das Verb *kel-* ‘kommen’ mindestens zweimal belegt. Dadurch bezieht sich bei intransitiven Verben die Nominalphrase im Purposiv zwangsläufig auf das syntaktische Subjekt:

(24) Tundrajukagirisch

Mid'itege pastuuk-ŋol kelu-j?!

MOD.PTC herder-PURP come-INTR.3SG

‘Vielleicht kam er als Herder?!’ [JuRS 240]

Das Verb *kirjes-* ‘(be)nennen’ verlangt im Tundrajukagirischen den Instrumental, das Komplement scheint weiterhin obligatorisch zu sein. Dabei dürfte es sich aber nicht um ein Beispiel für ein sekundäres depiktives Prädikat wie (9), sondern eher um Rektion handeln. Das Verb *kirjes-* ‘(be)nennen’ wird über das Kausativsuffix *-s* von *kirije* ‘Name’ gebildet und bedeutet somit wohl eher ‘mit einem Namen versehen’, was die Verwendung des Instrumentals verständlich erscheinen lässt:

(25) Tundrajukagirisch

Taŋ monqe-le tude kirije-lek kirije-s-l'el-ŋa.

DEM hill-ACC 3SG name-INSTR name-CAUS-INFER-TRANS.3PL

‘Und sie benannten den Hügel mit seinem Namen.’ [JuRS 84]

Die Rektion bleibt ebenso stabil wenn *kirije* mit dem komitativ-prädikativen Verbalisator *-ŋe* ‘mit X-sein’ konstruiert wird:

(26) Tundrajukagirisch

Neme-le mon-nun-ŋumle Sienküöl' Aŋa-jarqa-lek kirije-ŋ-yan!

what-ACC say-HAB-TRANS.3PL.OF Sienküöl mouth-ice-INSTR name-VBLZ-JUSS

‘Was sagen sie, (der See) Sien Küöl, der sollte mit dem Namen Eismund sein!’ [FJ 446]

4.5 Der Purposiv und sein Verhältnis zu anderen POA

Wie die Darstellung des tundrajukagirischen Purposivs gezeigt hat, ist dessen Hauptfunktion jene einer fakultativen Ergänzung, die Funktion und Rolle kodiert (zu den Rollen sie-

he Himmelman & Schultze-Berndt 2005: 34). In den anderen semantischen Typen die in Absatz 2.1 aufgezählt wurden, ist der tundrajukagirische Purposiv nicht anzutreffen. Da in zwei dieser Typen der ostseefinnische-saamische Essiv prominent figuriert, werden hier kurz negative Beispiele vorgestellt.

4.5.1 POA des Typus „life-stage“

POA des Typus „life-stage“ (vgl. dazu Finnisch *nuorena* <jung-ESS> ‘als jung (sein)’, *poika-na* <Junge-ESS> ‘als Junge’) werden durch NP + konverbale Kopula ausgedrückt (27a), (27b). Aufgrund des Fehlens einer produktiven Wortklasse Adjektiv wird „life-stage“ durch konverbale Formen qualitativer Verben ausgedrückt (27c). Dadurch wird ausschlaggebend, ob die Subjekte des Neben- und Hauptsatzes koreferentiell sind, was die Wahl der nominalen Verbform beeinflusst:

(27) Tundrajukagirisch

- a. *Tindaa, mit uo ηo-laqa* [...]
 then 1PL child be-DS:1|2PL
 ‘Damals, als wir Kinder waren...’ [JuRS 88]
- b. *E-e uo ηol-de Čajleruu me=juo-nun-uη.*
 EXCL child be-CON.SIM PN AFF=see-HAB-TRANS.1SG
 ‘Eh, als ich ein Kind war, habe ich Čajleruu gewöhnlich gesehen.’ [FJ 196]¹⁴
- c. *Met l'uku-lyā* [...]
 1SG be.young-DS:1SG
 ‘Als ich jung war...’ [JuRS 509]

In späterer Forschung ist somit unbedingt zu klären, ob der hier suggerierte Split Grammatikalisierung von NP-*ηol* als Funktion/Rolle versus NP + *ηol*-Konverb als Kodierung des Typus „life-stage“ sich weiter erhärtet.

4.5.2 POA des Typus „manner“

Bei *manner*-ähnlicher Modifikation findet man im Tundrajukagirischen oft das zirkumstanzielle Konverb auf *-r* (28a), oder quasi-adverbiale Formen auf *-neη* (28b), die von einigen qualitativen Verben gebildet werden können (siehe dazu Schmalz 2013: 195ff):

(28) Tundrajukagirisch

- a. *Ee, ed'i-l-bun-de, amdu-r kewej-k.*
 EXCL live-ACT-DES-CON.COND haste-CON.CIRC go-IMP.2SG
 ‘He, wenn du leben möchtest, geh schnell!’ [FJ 344]
- b. *idaraη-ya tuη čajle-ya gitńuo maaruoη-neη peld'ii-yan.*
 next.year-DAT DEM day-DAT until be.happy-ADV let.live-JUSS
 ‘Solle man glücklich bis zu jenem Tag im nächsten Jahr leben.’ [JuRS 409]

¹⁴ Im Original als ein Wort *уонголдэ* geschrieben.

4.5.3 POA des Typus „Komparation ~ Similativ“

Im Hinblick auf die Kodierung von Similativen verhält sich das Tundrajukagirische ähnlich den einschlägigen uralischen Sprachen und verwendet dafür nicht den prädikativen Kasus. Im Tundrajukagirischen tritt in dieser Funktion eine Postposition *dite* auf:

(29) Tundrajukagirisch

- a. *Met tet könme dite ban-d'eŋ el=newruu-l'ek!*
 1SG 2SG husband like exist-INTR.1SG NEG=get.scared-NEG.IMP.2SG
 'Ich bin wie dein Mann, habe keine Angst!' [FJ 284]
- b. *met tite ki-d-ugurče-ń-ŋi*
 1SG like two-ATR-foot-VBZL-INTR.3PL
 'Wie ich sind sie zweifüßig.' [FJ 206]

4.5.4 Resultative sekundäre Prädikation

Resultative sekundäre Prädikation wurde bei Himmelmann & Schultze-Berndt (2005) verständlicherweise kaum berücksichtigt, da sich deren Studie auf depiktive sekundäre Prädikate beschränkte. Da die Verwendung eines prädikativen Kasus in den einschlägigen uralischen Sprachen und im Tschuktschischen aber auch in dieser Funktion anzutreffen ist, soll auf die Polysemie kurz eingegangen werden. Die gegenwärtige Datenlage suggeriert, dass der tundrajukagirsische Purposiv in dieser Funktion nicht verwendet wird, obgleich Beispiel (13c=30) zumindest funktionell grenzwertig erscheint und weitere Forschung fordert:

(30) Tundrajukagirisch

- Uu-reŋ tun sal'yuu-ŋane leml'e ŋol wie-ŋa.*
 go-CON.SIM DEM cripple-LOC leader PURP make-TRANS.3PL
 'Die Zeit verging, und sie machten die Verkrüppelte zur Anführerin.' [FJ 376]

Im Hinblick auf das Konzept Transformation/Resultat kann der Purposiv im Tundrajukagirischen allerdings nicht auftreten. Typologisch erinnert die jukagirische Realisierung mit einer freistehenden Kopula im Inchoativ (31a) an jene der benachbarten Turksprachen Jakutisch/Dolganisch (31b) mit Nominativ und *buol*- 'sein, werden':

(31) a. Tundrajukagirisch

- qaali-če gōde ŋol-aa-j qaali-če ieruu-če-k*
 be.strong-PTCP person be-INCH-INTR.3SG be.strong-PTCP hunt-ACT-COP
 'Er wird ein starker Mann, er ist ein starker Jäger.' [FJ 180]
- b. Dolganisch
Iti üčügej hurga buol-uo
 DEM good sled become-FUT.3SG
 'Dies wird ein guter Schlitten.' [AAB II 43]

Im Kolymajukagirischen ist diese Polysemie zweifelsfrei belegt (siehe dazu auch Maslova 2003: 126–128):

(32) Kolymajukagirisch

- a. *aaše-gi aaj kamen-ŋoon, devuška aaj kamen-ŋoon kude-l*
 reindeer-POSS too stone-PURP girl too stone-PURP become-SF
šöjl-ŋoon kude-l'e-l
 stone-PURP become-INFER-SF
 ‘Sowohl das Rentier als auch das Mädchen wurden zu Stein, sie wurden zu Stein.’
 [KY II 8]
- b. *paabaa-gi moni tiŋ šöjl joodeje-ŋoon min-te-j.*
 elder.sister-POSS say.INTR.3SG DEM.PROX stone toy-PURP take-FUT-TANS.1PL
 ‘Ihre ältere Schwester sagte: „Diesen Stein werden wir als Spielzeug mitnehmen.’
 [KY I 82]

5. Der tundrajukagirische Purposiv und seine samojedischen Parallelen

Die Grammatikalisierung des tundrajukagirischen Purposivs und seines kolymajukagirischen Pendant¹⁵ aus einer konverbale Kopulaform hat eine augenscheinliche typologische Parallele in den enzischen und nenzischen Sprachen (siehe dazu auch die tabellari-sche Aufstellung in Groot 2017: 531 bzw. Siegl 2017: 455–456); im Nganasanischen ist in dieser Position weiterhin eine freistehende konverbale Form der Kopula zu finden, wo-durch das Nganasanische somit konservativer erscheint. Im Hinblick auf die Kompatibili-tät des tundrajukagirischen Purposivs und des enzisch-nenzischen Essivs mit verschiede-nen Wortarten zeigen sich weitere augenscheinliche Überschneidungen. Diese werden unten mit Daten aus dem Waldenzischen illustriert.¹⁶

5.1. Tundrajukagirisch-enzisch/nenzische Parallelen

Im Kontext der depiktiven sekundären Prädikation können im Tundrajukagirischen nur Substantive auftreten. Dies trifft auch auf die enzischen und nenzischen Sprachen zu:

(33) a. Tundrajukagirisch

- Tuŋ pajpe-le me=med'-im tude kön-m-uol.*
 DEM old.woman-ACC AFF=take-TRANS.3SG 3SG companion-PURP
 ‘Er nahm die alte Frau als seine Ehefrau.’ [FJ 286]

¹⁵ Die Glossierung des obigen Beispiels orientiert sich am Tundrajukagirischen. Maslova (2003) nennt diesen Kasus *transformative*.

¹⁶ Siehe dazu auch Siegl (2017) sowie die weiteren Beiträge des Sammelbandes zum Tundranen-zischen und Nganasanischen. Einige Parallelen treten auch im Südsaami auf, allerdings werde diese aus Platzgründen hier nicht dargestellt.

b. Waldenzisch

[...] *te pońida-aš mu-r-idʹ* [...]
 reindeer herder-ESSTR take-PASS-R.3SG

‘...er wurde als Rentierherder angestellt (wörtlich: genommen)...’ [EIB Autobiographic]

Das interrogative Proadverb ‘warum, weshalb’ stellt eine weitere Parallele da, da dieses vom Interrogativ ‘was’ mit dem jeweiligen Marker gebildet wird:

(34) a. Tundrajukagirisch

Neme-ŋol keči-mek kewrej-k!
 what-PURP bring-TRANS.2SG carry.away-IMP.2SG

‘Warum bringst du (den Bär), trag in fort!’ [FJ 274]

b. Waldenzisch

obu-š lubaxiń ni-n ädi-d
 what-ESSTR cloth.PX.GEN.PL.1PL on-LOC sit-2SG

‘Warum sitzt du auf unseren Kleidern?’ [ANP Seven Girls]

Möglicherweise können auch distributive Numeralia mit dem selben Marker konstruiert werden, allerdings fordert dies die Durchsicht weiterer Sprachmaterialien:

(35) a. Tundrajukagirisch

Tudel endu kij-uol puń-nun-um.
 3SG each two-PURP kill-HAB-TRANS.3SG

‘Er tötete (die Tschuktschen) je zu zweit.’ [FJ 176]

b. Waldenzisch

dʹetšu mi-n šiđu-ru-š kod-šud kai?e-i?
 Yenisei[GEN] in-LOC two-LIM-ESSTR sled-CAR remain-1DU

‘Wir, zu zweit, waren auf dem Jenissei ohne Schlitten.’ [NKB Yenisei]

Eine weitere augenscheinliche Parallele zwischen den enzischen/nenzischen Sprachen und dem Tundrajukagirischen betrifft die Nichtkompatibilität der einschlägigen Kasus mit Personalpronomina.¹⁷

5.2. Signifikante Tundrajukagirisch-enzisch/nenzische Unterschiede

Im Bezug auf morphosyntaktisch-semantische Unterschiede sind folgende Unterschiede zu konstatieren. Erstens, der tundrajukagirische Purposiv scheint keine resultative Funk-

¹⁷ Aus sprachvergleichender Sicht, die in der Anschlussstudie zum Tschuktschischen vertieft behandelt wird, ist besonders diese Parallele aufschlussreich. Die Nichtkompatibilität der einschlägigen Kasus mit Personalpronomina ist, entgegen der Darstellung bei Skorik (1961) auch für das Tschuktschische und die anderen tschuktscho-kamtschadalischen Sprachen anzusetzen. Dies gilt auch für das Südsaami sowie das Kolymajukagirische.

tion zu besitzen. Dies ist im Enzischen und Nenzischen möglich, sowohl an Substantiven als auch an Adjektiven:

(36) Waldenzisch

- a. *ŋa-ḏa māḏi-iš kāni*
 sky-PX.3SG wind-ESSTR go.3SG
 ‘Das Wetter wurde windig.’ [ANP Old Way of Life]
- b. *tāḏa mud' aga-aš kāni-ḏ'*
 now 1SG big-ESSTR go-1SG
 ‘Jetzt werde ich alt.’ [LDB Taboo]

Zweitens, im Unterschied zu den enzischen/nenzischen Sprachen ist der tundrajukagirische Purposiv morphologisch nicht transnumeral, allerdings dominieren transnumerale Formen im Diskurs:

(37) a. Waldenzisch

täxä pil'u-ḏ? same-š kāni-bi-?
 DEM gadfly-[NOM.PL] wolf-ESSTR go-PERF-3PL
 ‘Diese Bremsen wurden zu Wölfen.’ [ET 24: 101]

b. Tundrajukagirisch

Taŋ tude akaa-pe-ŋane qamrii-ŋol wie-m.
 DEM 3SG elder.brother-PL-LOC servant-PURP make-TRANS.3SG
 ‘Er verwendete seine älteren Brüder als Knechte.’ [FJ 204]

c. Tundrajukagirisch

Qoruop-pe-d-uol wie-te-mek, lukul-pe-d-uol.
 grave-PL-POSS-PURP make-FUT-TRANS.2SG ground-PL-POSS-PURP
 ‘Mach (so etwas wie) Gräber für sie, Erdstätten für sie.’ [FJ 354]

6. Non-verbale stage-level Prädikate

Abschließend sei noch vermerkt, dass weder das Nordsamojedische (inklusive dem Nganasanischen) noch das Tundrajukagirische den Essiv/Purposiv in non-verbaler Prädikation des finnischen Typus *Hän on opettaja-na* <3SG be.3SG teacher-ESS> ‘Er ist gerade ein Lehrer’ verwenden können. Zwar bemerkt Schmalz (2013: 255), dass solche non-verbale stage-level Prädikate im Tundrajukagirischen möglich wären, allerdings sind ähnliche Beispiele in elektronisch aufbereiteten tundrajukagirischen Texten vorerst nicht belegt. Aus der Perspektive dieser Studie ist das von Schmalz vorgebrachte Beispiel allerdings nicht weiter relevant, da hier nicht der Purposiv auftritt.

Glossing

e.g. 3SG	freestanding pronoun	DIM	diminutive
e.g. .3SG	verbal agreement marker	ERG	ergative
e.g. .3SGA	verbal agreement marker agent	EMPH	emphatic clitic
e.g. .3PLO	verbal agreement marker patient	ESS	essive
e.g. INTR	focus neutral intransitive	ESSTR	essive-translative
e.g. SF	intransitive subject focus	EXCL	exclamation
e.g. TRANS	focus neutral transitive	FOC	focus case
e.g. TRANS:OF	transitive object focus	FUT	future
e.g. IROG.3SG	interrogative verbal agreement	GEN	genitive case
	marker	HAB	habitual
[ACC]	covert case	IMP	imperative
ABS	absolutive case	INCH	inchoative
ACC	accusative case	INESS	inessive
ACT	1) action nominalization (Yukaghir)	INFER	inferential
	2) action noun (Turkic)	INSTR	instrumental
ADJ	adjective	ITIV	itive
ADV	adverb	JUSS	jussive
AFF	affirmative clitic	LOC	locative
AOR	aorist	MOD.PTC	modal particle
ATR	attributive	PFT	perfective
AUX	auxiliary	PL	plural
AUX.TR	transitive auxiliary	PN	1) personal name 2) place name
CAUS	causative	POSS	third person possessor (Yukaghir)
CON	converb	PST	past tense
CON.CIRC	circumstantial converb	PSTI	recent past
CON.COND	conditional converb	PSTII	distant past
CON.SIM	simultaneous converb	PTC	particle
COP	copula	PTCP	participle
DAT	dative case	PURP	purposive case
DEICT	deictic particle	PX	possessive person marker
DEM	demonstrative	REL.PRO	relative pronoun
DES	desiderative	RLN	relational
DESIG	designative	SOC	sociative
		VBLZ	verbalizer

Primärmaterialien

OCE = konstruiertes Sprachbeispiel

JuRS = Kurilov, G. N. 2001. *Jukagirsko-russkij slovar'*. Novosibirsk: Nauka.

FJ = Kurilov, G. N. (ed.) 2005. *Fol'klor jukagirov*. Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i dal'nego vostoka 25. Novosibirsk: Izdatel'stvo instituta arxeologii i etnografii SO RAN.

- Yle Sámpí = nordsaamische und nordfinnische Online-Nachrichten des finnischen Staatssenders YLE <https://yle.fi/uutiset/osasto/sapmi/>
- [Popov 2011] = Popov, N. A. 2011. *Avaam bies ürekterin üstün. Po pjati rekam Avama*. Dudinka.
- [Takakawa 1974] = Takakawa, M. *Meŋin ənanarman walʔən nutejikwik. Kto samyj sil'nyj na zemle*. Magadan: Magadanskoe knižnoe izdatel'stvo.
- [Belikov 1961] = Belikov L. *Ləyʔorawetlʔen ləmŋalte. Čukotskie skazki*. Magadan: Magadanskoe knižnoe izdatel'stvo.
- [Belikov 1979] = Belikov L. *Ləyʔorawetlʔen ləmŋalte ankʔam telenkin təwjotte. Čukotskie skazki i predanija*. Magadan: Magadanskoe knižnoe izdatel'stvo.
- [T] = Tynetegin 1959. *Čawčəwen ləmŋalte. Skazki čauču*. 2.Auflage. Magadan: Magadanskoe knižnoe izdatel'stvo.
- [KY I, II] = Nikolaeva, I. A. (ed.) 1989. *Fol'klor jukagirov verxnej Kolyma I, II*. Jakutsk: Jakutskij gosudarstvennyj universitet.
- ET = Sorokina, I. P. & Bolina, D. S. 2005. *Enekie teksty*. Sankt-Peterburg: Nauka.

Unveröffentlichte Primärmaterialien

- e.g. [LDB I 109] Daten aus der Elizitierung
- e.g. [Ruong], [DAUM] = Daten aus transkribierte Narrative auf Umesaami aus den Beständen des SOFI, Uppsala.
- e.g. [EIB Autobiographic] = Daten aus transkribierten waldenzischen Narrativen

References

- Culicover, Peter 2009. *Natural Language Syntax*. Oxford Textbooks in Linguistics. Oxford: Oxford University Press.
- Dunn, Michael 1999. *A Grammar of Chukchi*. Unpublished PhD Dissertation. Canberra: Australian National University.
- Georg, Stefan, Alexander P. Volodin 1999. Die *itelmenische Sprache. Grammatik und Texte*. (Tunguso-Sibirica 5.) Wiesbaden: Harrassowitz.
- Groot de, Casper 2017a. The typology of the essive in the Uralic Languages. In: Groot de, Casper (ed.): *Uralic Essive and the Expression of Impermanent State*. Typological Studies in Language 119. Amsterdam: Benjamins, 497–549
- Groot de, Casper (ed.) 2017. *Uralic Essive and the Expression of Impermanent State*. (Typological Studies in Language 119.) Amsterdam: Benjamins.
- Himmelman, Nikolaus P., Eva F. Schultze-Berndt 2005. Issues in the syntax and semantics of participant-oriented adjuncts: an introduction. In: Nikolaus P. Himmelman, Eva F. Schultze-Berndt (eds.): *Secondary Predication and Adverbial Modification. The Typology of Depictives*. Oxford: Oxford University Press, 1–67.
- Kämpfe, Hans-Reiner, Alexander P. Volodin 1995. *Abriss der tšukutschischen Grammatik auf der Basis der Schriftsprache*. (Tunguso-Sibirica 1.) Wiesbaden: Harrassowitz.
- Korhonen, Mikko 1981. *Johdatus lapin kielen historiaan*. (Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia 370.) Helsinki: SKS.

- Krejnovič, J. A. 1958. *Jukagirskij jazyk*. Moskva, Leningrad: Nauka.
- Krejnovič, J. A. 1982. *Issledovanija i materialy po jukagirskomu jazyku*. Leningrad: Nauka.
- Kurilov, G. N. 2006. *Sovremennyy jukagirskij jazyk: Učebnoe posobie*. Jakutsk: Ofset.
- Maslova, Elena 2003a. *Tundra Yukagir*. München: LINCOM Europa.
- Maslova, Elena 2003b. *A Grammar of Kolyma Yukaghir*. Mouton Grammar Library 27. Berlin, New York, NY: Mouton de Gruyter.
- Schmalz, Mark 2013. *Aspects of the Grammar of Tundra Yukaghir*. Unpublished PhD dissertation FGw: Amsterdam Center for Language and Communication (ACLC). Available at: <http://hdl.handle.net/11245/2.130869>
- Siegl, Florian 2015. Three Nganasan-Evenki/Dolgan morphosyntactic parallels and their implications. *Linguistica Uralica* 51: 258–277.
- Siegl, Florian 2017. The essive-translative in the Enets languages. In: de Groot de, Casper (ed): *Uralic Essive and the Expression of Impermanent State*. (Typological Studies in Language 119.) Amsterdam: Benjamins, 431–463.
- Skorik, P. Ja. 1961. *Grammatika čukotskogo jazyka*. Čast pervaja. Fonetika i morfologija imennyx častej reči. Moskva: Nauka.
- Verkerk, Annemarie 2009. A semantic map of secondary predication. *Linguistics in the Netherlands* 2009: 115–126.
- Žukova, A. N. 1973. *Grammatika korjaksogo jazyka*. Leningrad: Nauka.

(Nostratische?) Anmerkungen zur Teiledition von J. E. Fischers „Vocabularium Sibiricum“

Michael Knüppel

Liaocheng University

Obwohl seit Jahrhunderten bekannt, wurde die in den Beständen der Handschriftenabteilung der Niedersächsischen Staats- und Universitätsbibliothek zu Göttingen verwahrte Version des „Vocabularium Sibiricum“ Johann Eberhard Fischers (10.1.1697–13.9.1771)¹ erst 1965 durch G. Doerfer als Faksimilie publiziert² und eine Teiledition – oder vielmehr Edition des enthaltenen „etymologischen Anteils“ – erfolgte gar erst 1995 durch den Göttinger Finnougriken und Uralisten János Gulya (1.2.1933–11.2.2017).³ Eine Edition, der große Beachtung zuteil wurde, was sich u.a. in den zahlreichen Besprechungen der Arbeit – u.a. auch von Seiten des Kollegen E. A. Helimski – widerspiegelte,⁴ und durch welche das Interesse einmal mehr auch auf den Sibirienreisenden Fischer und dessen Arbeit gelenkt wurde. Im Grunde sind die wesentlichen Züge des Werkes und seiner Vorlagen von E. Winkler ausführlich behandelt worden.⁵ Uns soll an dieser Stelle jedoch nur eine kurze Bemerkung Helimskis zum „etymologischen Teil“ des Werkes interessieren, wobei hier strenggenommen nicht von „Etymologie“ die Rede sein sollte, da Fischer vor allem Parallelen aufgezeigt hat, sich aber aller Bemerkungen hinsichtlich dessen, wie diese zu beurteilen sind, enthalten hat. Natürlich ging es ihm mit den Verweisen auf Ähnlichkeiten und vermeintliche Übereinstimmungen darum, Indizien für die möglichen Beziehungen der Sprachen zueinander aufzuzeigen – eine Vorgehensweise, die sich ja auch bei anderen „Zeitgenossen“ findet: das Spektrum reicht hier von der ebenfalls tabellarisch angelegten „Harmonia Linguarum“ Ph. J. v. Strahlenbergs (1730), der ja (unwissentlich?) bereits den Beweis für die Verwandtschaft der finno-ugrischen Sprachen erbrachte,⁶ über das verglei-

¹ Zu J. E. Fischer cf. Döring 1846 u. Loewenberg 1877.

² Doerfer 1965: 40–182.

³ Gulya 1995. Dieser hatte sich zuvor bereits gelegentlich zur Bedeutung und Wirkung der Arbeit Fischers geäußert (Gulya 1984 u. 1994).

⁴ Cf. hierzu die Rezensionen der Edition von Zaicz (1994), Campbell (1997), Helimski (1997) und Künnap 1999; zudem die Besprechung der im „Vocabularium“ enthaltenen ostjakischen Materialien von E. Winkler (1999).

⁵ Winkler 1997.

⁶ So Stehr 1957: 32–34.

chende Wörterbuch Katharinas II. („Linguarum totius orbis vocabularia comparativa“, 1787–1789), bis hin zu J. H. (v.) Klaproths „Asia Polyglotta“ (1823), in welcher sich ja durchaus umfangreiche Bemerkungen zu den Verwandtschaftsbeziehungen der verschiedenen verglichenen Sprachen finden.

Doch zurück zu der erwähnten Bemerkung des Kollegen Helimski, die uns hier als „Aufhänger“ dienen soll – dieser schrieb im Rahmen eines Besprechungsaufsatzes zur Arbeit Gulyas: „Natürlich handelt es sich hier nicht nur um uralische, finnisch-ugrische, samojedische, ugrische, permische usw. Wortgleichungen, sondern auch um Entlehnungen (meistens aus dem Russischen und aus den Turksprachen) sowie um solche Wortgleichungen, die heute als nostratisch bezeichnet werden dürften“.⁷ An dieser Stelle scheint sich natürlich sofort die Frage nach Erwägungen hinsichtlich J. E. Fischers als „Wegbereiter der nostratischen Forschungen“ (hier der Nostratik als der Möglichkeit einer Ur-Verwandtschaft der indoeuropäischen, afro-asiatischen [veraltet: hamito-semitischen], k^cart^cvelischen, uralischen, altajischen und drävidischen Sprachen) aufzudrängen – dies aber wäre vollkommen verfehlt (auch wenn einige Vertreter dieser Forschungsrichtung gern „große Namen“ für ihre Unternehmungen in Anspruch nehmen) und ist so natürlich von Helimski, der hier ganz allgemein deutlich vorsichtiger war als manche anderen Vertreter der Nostratik, aus gutem Grunde nicht einmal angedeutet worden, davon einmal abgesehen, daß ja bereits – wie angesprochen – bei den Verweisen im „Vocabularium Sibiricum“ nur mit Vorbehalt von „Etymologie“ gesprochen werden kann. Helimski wußte das sehr genau und schied bereits in dieser kurzen Bemerkung (die wohl bewußt nicht um entsprechende Beispiele „angereichert“ wurde) zwischen Entlehnungen und nostrat. Beziehungen – zudem war ihm sehr wohl bekannt, daß Urverwandtschaft zwischen Wörtern etwas ganz anderes ist, als Urverwandtschaft von Sprachen. Die Zusammenstellungen Fischers liefern natürlich ohnehin nur sehr bedingt Ausgangsmaterial für Spekulationen hinsichtlich entfernterer Sprachverwandtschaften, wenngleich sie sicherlich für Massenvergleiche à la Greenberg durchaus tauglich wären. Hinsichtlich nostrat. Zusammenhänge hätte man hier auch anmerken können „Wortgleichungen, wie sie heute auch für nostratische Etymologien mitbemüht werden“, stellen diese doch nur „areale Ausschnitte“ oder „nostratische Schnipsel“, die sowohl den ost-nostratischen Sprachen (ural., altaj. und drävid. Sprachen) als auch den west-nostratischen Sprachen (indoeurop., k^cart^cv. und afro-asiat. Sprachen) – einer Scheidung, zu deren Befürwortern, neben V. A. Dybo und K. H. Menges, eben auch E. A. Helimski⁸ gehörte – entstammen, dar.

⁷ Helimski 1997: 187.

⁸ Zwar teilte E. A. Helimski, wie er dem Vf. des vorliegenden Textes gelegentlich (anlässlich der Materialsammlung zu einer Biographie von K. H. Menges im Jahr 2005) mitteilte, durchaus nicht alle Argumente von Dybo und Menges hinsichtlich der „etwas willkürlichen“ Einteilung, ging jedoch grundsätzlich von einer solchen als einer Widerspiegelung sprachhistorischer Entwicklung (Problematik der „Genealogie der nostratischen Sprachen“) aus.

Ein „Problem“ der Aufbereitung durch Gulya ist das Fehlen von statistischen Übersichten dazu, wieviele Lexeme aus bestimmten Sprachen bei Fischer mit solchen aus bestimmten anderen verglichen wurden – dies allerdings wäre schon ein weiterer Schritt der Auswertung gewesen, auf den der Bearbeiter aus guten und nachvollziehbaren Gründen verzichtet hat (siehe Vorwort, pp. 8-9 und Einleitung). Beschränken wir hier eine solche vergleichende Zusammenstellung auf die für die Nostratik relevanten Sprachfamilien (ausgehend von der Vertretung aus mindestens zwei Familien [also Ural., Kaukas., Altaj. und IE – unter Auslassung des Lat., Griech., Russ., Schwed. und Poln., womit bspw. das russ. Lehnwort in den finno-ugr. Sprachen oder griech.-georg. „Parallelen“ ausgesondert sind]), so ergibt sich hier folgendes Bild (aus den 738 etymologischen Artikeln, in die Fischers Vergleiche in der Teiledition Gulyas überführt wurden):

1. Ural., IE: 1:4, 34:1, 38:2, 52:2, 54:2, 56, 59:2, 65:2, 67:2, 77:1, 78, 81:2, 83:2, 94*, 98:1, 107:1, 108:2, 108:3, 114:1, 115:3, 119:1, 120:1, 120:4, 120:5, 125:1, 129:1, 130:1, 136:1, 139:2, 139:3, 152:2, 181:2, 194:1, 195:1, 195:2, 202:3, 208:2, 210:1, 213:1, 237:3, 286:2, 303:2, 303:3, An 3 = 44 Bsp.e.
2. Ural., Altaj.: 1:5, 3:2, 4:3, 5:3, 6:2, 11:1, 11:2, 11:3, 13:2, 31:2, 38:1, 44:2, 44:5, 47:1, 48:1, 48:2, 50:1, 52:4, 53:3, 54:3, 55, 57:3, 58:2, 59:1, 63:1, 64:2, 65:3, 66:1, 68:2, 72:3, 72:4, 73:2, 73:3, 74, 77:3, 86:3, 87:1, 88:2, 89:1, 98:2, 100:2, 101:1, 102:1, 104:3, 108:4, 110:2, 110:3, 115:2, 115:4, 117:4, 117:5, 118:1, 121, 123:1, 125:2, 128:1, 129:5, 129:6, 130:2, 131:1, 131:2, 133:3, 134:1, 135:1, 138:3, 140:3, 143:2, 144:1, 146:1, 147:1, 147:2, 148:2, 148:3, 148:4, 149:4, 150:1, 152:3, 153:2, 153:3, 155:1, 155:2, 158:2, 159:4, 160:2, 161:3, 162, 163:3, 164:1, 164:3, 171:2, 174:1, 175:2, 176:2, 177:3, 178:1, 178:2, 179:2, 181:4, 182:2, 188:1, 188:2, 189:1, 190:1, 191:1, 191:4, 192:1, 192:2, 193:1, 194:2, 204, 210:4, 211:1, 213:3, 214:2, 216:2, 217:2, 222:3, 225, 226:2, 237:1, 253:2, 254:2, 255, 256:3, 256:4, 257:2, 264:2, 268:2, An 3 = 129 Bsp.e.
3. Ural., K^cart^cv.: 17:1, 45:1, 51:3, 116, 164:2, 176:1, 192:3, 194:3, 200:2, 258:3, 263:4 = 11 Bsp.e.
4. Altaj., IE: 2:4, 46:5, 88:3 = 3 Bsp.e.
5. Altaj., K^cart^cv.: 61:4, 63:3, 64:4, 93:3, 137:3, 138:6 = 6 Bsp.e.
6. Altaj., Afro-Asiat.: 147:3 = 1 Bsp.
7. Ural., Afro-Asiat.: 63:2 = 1 Bsp.
8. Ural., Altaj., Afro-Asiat.: 83:3, 112:1 = 2 Bsp.e.
9. Ural., Altaj., K^cart^cv.: 129:2, 143:1, 153:1, 218:2, 219:2, 283:3 = 6 Bsp.e.
10. Ural., Altaj., IE: 169:2 = 1 Bsp.

Selbstverständlich sind viele dieser Zusammenstellungen schon auf Anhieb durch Lehnbeziehungen erklärt (so 2:4 „pers ^x*xudā*(y) ‘Gott’, tatTsch *chudāi* ‘deus, Gott’, mandsch [∇]*hutu* (‘Persis et Tataris, Deus’)“ < Atü. oder eher direkt < Sogd. In sogd. Hss. ist der Terminus in verschiedenen Formen belegt: XWD’W, *χudāw* (XWDW) „King, Lord”,⁹

⁹ Gharib 2004, Nr. 10720.

XWT'W, *χutāu*, *χutāw* (XWTW, XWDW) „id.“,¹⁰ XWT'Y, *χutāy* „Sir“¹¹ etc.); die allermeisten ural.-altaj. Entsprechungen wiederum ergeben sich entweder aus den bereits von Helimski erwähnten Entlehnungen (hierunter auch „weitgewanderte Kulturwörter“, die sich in zahlreichen nicht zwingend miteinander verwandten Sprachen finden) oder aber aus arealen Zusammenhängen – etwa der Einbeziehungen čuvaš. Formen, die ihre Entsprechungen in den benachbarten ostj. oder mordv. Idiomen finden), in anderen Fällen haben wir reine Zufallsähnlichkeiten, kindersprachl. Formen (so z. B. Nr. 64:4: „Pater ‘Vater’: tungT *ámi*, mandsch [▽]*áma* (tung), georg *mama* (tuT)“) resp. Adstrat- oder Substraterscheinungen vor uns. Würde man all diese Fälle aussondern, so blieben in der Tat nur wenige „Wortgleichungen, die heute als nostratisch bezeichnet werden dürften.“ übrig.

Unberücksichtigt gelassen wurden vom Vf. an dieser Stelle die verglichenen Formen aus Jenissej-Sprachen sowie aus dem Chin. (zumeist Lehnwort in mong. Idiomen) und Tibet., obgleich diese ja innerhalb irgendwelcher Makrophylen bisweilen ebenfalls mit solchen aus nostrat. Sprachen verglichen werden.

Nun soll an dieser Stelle nicht der Nostratik, der der Vf. bekanntlich mit einer gewissen Skepsis begegnet (und keinesfalls mit grundsätzlicher Ablehnung, zwingen uns doch manche Übereinstimmungen zu einer gewissen Offenheit gegenüber den Möglichkeiten entsprechender Zusammenhänge), „das Wort geredet“ oder aufgrund irgendwelcher „dogmatischen Positionen“ auf nostrat. Rekonstruktionen verzichtet werden (diese mögen den Vertretern dieser Richtung vorbehalten bleiben), sondern vielmehr auf den Umstand, daß vermeintliche Übereinstimmungen/Entsprechungen bereits vor nahezu drei Jahrhunderten erkannt wurden und manches von dem, was heute postuliert wird (ähnlich den Hinweisen auf angebliche sino-tibetisch-jenissejische Entsprechungen, die schon um 1920 von E. Sapir aufgezeigt wurden), längst hätte bekannt sein können, verwiesen werden.

Literatur

- Campbell, Lyle R. 1997. Janos Gulya (ed.), *Vocabularium Sibiricum (1747): Der etymologisch-vergleichende Anteil*, Johan Eberhard Fischer (Opuscula Fenno-Ugrica Gottingensia 7) Frankfurt am Main. Word 48 (2): 268–270.
- Doerfer, Gerhard 1965. *Ältere westeuropäische Quellen zur kalmückischen Sprachgeschichte (Witsen 1692 bis Zwick 1827)*. Wiesbaden (Asiatische Forschungen 18).
- Döring, Heinrich 1846. Johann Eberhard Fischer. In: Ersch, Johann Samuel / Gruber, Johann Gottfried (Hrsgg.): *Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste* 1. Section. Theil 44. Leipzig, coll. 355 a-b.
- Gharib, Badr-az-Zamān 2004. *Sogdian dictionary. Sogdian – Persian – English*. Tehran.

¹⁰ Gharib 2004, Nr. 10814.

¹¹ Gharib 2004, Nr. 10816.

- Gulya, János 1984. J. E. Fischer (1697–1771) und die uralistische Etymologieforschung. In: *Philologica* 6 [*Linguistica et Philologica. Gedenkschrift für Björn Collinder (1894–1983)*]. Wien 1984: 183–189.
- Gulya, János 1994. Zur Frühgeschichte der vergleichenden Sprachwissenschaften: J. E. Fischer (1747) und S. Gyarmathi (1799). In: Sternemann, Reinhard (Hrsg.): *Bopp-Symposium 1992 der Humboldt-Universität zu Berlin. Akten der Konferenz vom 24.3.–26.3.1992 aus Anlaß von Franz Bopps zweihundertjährigem Geburtstag am 14.9.1991*. Heidelberg 1994 (Indogermanische Bibliothek, Reihe 3, Untersuchungen): 91–104.
- Gulya, János 1995 (Hrsg.): *Johann Eberhard Fischer: Vocabularium Sibiricum (1747). Der etymologisch-vergleichende Anteil*. Frankfurt a. N. (Opuscula Fenno-Ugrica Gottingensia 7).
- Helinski, Eugen 1997. Etymologien aus dem 18. Jahrhundert. Johann Eberhard Fischer: *Vocabularium Sibiricum (1747). Der etymologisch-vergleichende Anteil*. Bearbeitet und herausgegeben von János Gulya [...]. *Finnisch-ugrische Forschungen* 54 (1-2): 185–192.
- Künnap, Ago 1999. Johann Eberhard Fischer: *Vocabularium Sibiricum (1747). Der etymologisch-vergleichende Anteil*. Bearbeitet und herausgegeben von János Gulya [...]. *Linguistica Uralica* 35 (4): 291–293.
- Loewenberg, Julius 1877. Fischer, Joh. Eberh. In: *Allgemeine Deutsche Biographie* 7. Leipzig 1877: 73–74.
- Stehr, Alfred 1957. *Die Anfänge der finnisch-ugrischen Sprachvergleichung 1669–1771*. Diss. Göttingen (unveröffentlicht).
- Winkler, Eberhard 1997. Zum Göttinger *Vocabularium Sibiricum*. Anhang: Fischers tatarisches Wortmaterial aus Sibirien (1746). *JSFOu* 87: 281–344.
- Winkler, Eberhard (1999): Anmerkungen zu Fischers ostjakischer Wortliste. In: Hasselblatt, Cornelius and Paula Jääsalmi-Krüger (Hrsgg.): *Europa et Sibiria. Beiträge zu Sprache und Kultur der kleineren finnougri-schen, samojedischen und paläosibirischen Völker. Gedenkband für Wolfgang Veenker*. Wiesbaden (VdSUA 51): 473–478.
- Zaicz, Gábor 1997. Etymologien aus dem 18. Jahrhundert. Johann Eberhard Fischer: *Vocabularium Sibiricum (1747). Der etymologisch-vergleichende Anteil*. Bearbeitet und herausgegeben von János Gulya [...]. *Folia Uralica Debreceniensia* 4: 224–227.

О неидентифицированном способе выражения диминутивности в енисейских языках

А. Ф. Журавлев

Институт славяноведения РАН / Московский государственный университет

Разбирая в словаре этимологических сближений лексики енисейских языков (Старостин 1995: 222) кетское и югское названия ‘лодки-долблёнки’ *dil̥tiː*³/*dil̥ij*⁶ и, соответственно, *diltij*⁶, С. А. Старостин усмотрел в них сложение **t[i]χ-* ‘лодка’ с начальным *dil*, значение которого определил как неясное, и сделал оговорку: «формально сложение переводится как ‘ребёнок-лодка’ [ср. кетск. *dil*, югск. *dil* < праенис. **ʒVl* ‘ребёнок’ (Ibid.: 308). — А. Ж.], но это вполне может быть народной этимологией». «Буквальное» чтение реконструируемого сложения, вероятно, показалось ему поверхностным и слишком торопливым — в силу отдельности факта и неподтверждённости образованиями с подобной же внутренней формой.

Однако в этом же словаре, полусотней с чем-то страниц ниже, к праенисейской реконструкции **soʔol* ‘нарта’ привлечено коттское сложение *fun-čol*, *phun-čol*, plur. *fun-čálan* ‘маленькие сани’, которое обнаруживает высокое сходство с упомянутым случаем. Оно также представляет собою композитное образование, служащее названием традиционного транспортного средства, с препозицией определительного компонента, прямо читающегося как ‘дитя, потомок’: «В коттском сложение анализируется как ‘дочь-нарта’», ср. коттск. *fun* (югск. *fuʔn*, кетск. *huʔn*) < праенис. **puʔn* ‘дочь’ (Ibid.: 252). Внутреннее устройство слова расценено автором точно так же: «Это, однако, скорее всего, народная этимология» (Ibid.: 275–276). Основанием для сомнений в необходимости адресоваться к термину нисходящего родства послужило гипотетическое соотнесение Е. А. Хелимским начальной части кетского сложения *buon-čol* ‘нарта’ с ненецк. *wand’e*, *wandad*, *wandako* ‘разновидность нарт’, см.: (Хелимский 1982: 240).

Структурная и мотивационная перекличка этих двух, по оценке Старостина, результатов наивноэтимологического преобразования никак не прокомментирована. Можно даже предположить, что составитель сравнительного лексикона, погружённый в одновременное разрешение множества — разной значимости и разной степени сложности — задач лингвистической реконструкции, эту параллельность

попросту не заметил. Однако неединичность (по крайней мере двукратность) мотивации при разобщённости конкретных упомянутых фактов во времени и по месту свидетельствования позволяет думать, что их сходство не является случайным. Решительно отказываться от квалификации начальных компонентов этих сложений как единиц с **первичными** значениями ‘ребёнок’ и ‘дочка’, по-видимому, не стоит.

Не следует ли, напротив, за затронутыми случаями увидеть некую ономаσιологическую модель? Использование знака (слова, основы) со значением ‘ребёнок (сын, дочь...)’ в качестве показателя диминутивности логически оправдать нетрудно: человек — мерило вещей, в архаической системе воззрений, строящейся на последовательной антропоморфизации мира, приписать «большой» и «малой» вещам, принадлежащим одному классу, то же отношение, что осознаётся в паре «взрослый человек : дитя» (ненулевой, семантически маркированной точкой в обеих парах являются правые члены), вполне естественно. Самым, наверное, обычным и наглядным образом такое очеловечение неживого мира предстаёт в детских игровых импровизациях, когда на некое единство однородных вещей, чаще триадическое, проецируется семейная иерархия и наименьшая из них получает ситуативный статус и имя «детки, деточки»¹.

(Строго говоря, из двух приведённых енисейских случаев диминутивность как составная часть семантики слова очевидна лишь в коттском примере: «‘маленькие сани’». В толковании кетского названия ‘лодки-моноксила’, как оно дано в источнике, нет непосредственного указания на размерность предмета, но уменьшительный характер слова представляется несравнимо более вероятным, чем морфемная актуализация любого другого отличительного признака.)

Слабый уровень развития средств деривации в кетском, констатируемый А. П. Дульзоном, не мешает всё же ему судить о наличии в этом языке «зачатков разработки **словообразовательных** аффиксов, иногда восходящим к существительным» (Дульзон 1968: 92). Он отсылает в этом случае к серии однотипных именований детёнышей животных и птиц (а также видов рыб, подобных другим видам, но отличающихся от них меньшей величиной): *ти:уът* ‘лебедёнок’, *тайуът* ‘подъязок’, *канггит* ‘соколёнок’, *коууит* ‘медвежонок’, *тѳ̌:гит* ‘окунёк’, *бейуит*

¹ Интересный случай проекции семейной иерархии в иное семантическое пространство обнаружен А. Е. Аникиным (которому мы благодарны за указание на пример). В наивной анатомии, моделируемой некоторыми евразийскими языками, селезёнка воспринимается как орган, парный печени, как некий малый её аналог (связь иллюстрируется юкагирским, корякским, тибетским примерами; в последнем печень и селезёнка трактуются как «старшая и младшая царицы при царе-сердце»). Чукотское название селезёнки, то есть меньшего из «пары» органов, — *н’авъанпонты* — А. Е. Аникин этимологизирует как ‘печень-самка’ или ‘печень-жена’ (подтверждая это параллелью в якутском), см. Аникин 2002: 44–45.

‘зайчонок’ (Ibid.: 91). Все они оформлены суффиксом (суффиксоидом?²) *-kʷm*, восходящим к слову в значении ‘дитя, потомок’ (см. реконструкцию **gəʔt* ‘дети’ (Старостин 1995: 227)). Использование существительного ‘ребёнок’ в приведённой серии в качестве дериватора говорит о некоей ономаσιологической подготовленности сложений, показанных в начале настоящих заметок: аффиксоид, применяемый для образования названий детёныша, сначала должен был испытать приращение значения кровной преемственности и усиление «размерной» семантики, а далее уже открывается возможность смещения подобной аффиксации от имён живых объектов в область именования предметов (прямо говорить о метафоре было бы не очень точно, поскольку дело заключается не в непосредственном переносе имени, что относится к лексикологической проблематике, а в формировании словообразовательных, то есть скорее собственно строевых механизмов).

Укрепить соображение о передаче в енисейских примерах значения ‘малый; малого размера’ включением в структуру номинации компонента, восходящего к названию ‘дитяти’, можно, обратившись к ономаσιологическим параллелям в иных языках. В контексте сказанного интерес представляют, конечно, прежде всего названия явлений вещного мира, то есть проекция отношения ‘взрослый : ребёнок’ в семантику именований неодушевлённых существностей.

Ограничимся несколькими иллюстрациями из языков Евразии.

Так, в китайском языке древнее знаменательное слово 兒 *ér* ‘сын’, ‘дитя’, сохраняясь в исходном качестве, стало также асиллабическим суффиксом существительных *-r*, передающим значение уменьшительности или ласкательности, ср. *bàr* ‘ручка’ — к *bà* ‘обхват, захват’, ‘горсть, пригоршня’, ‘рукоять’. Суффикс свойствен преимущественно живой разговорной речи.

Другой китайский аффикс, оформляющий помимо прочего уменьшительные имена (и как правило преодолевающий чистую диминутивность в пользу более богатой семантики), — 子 *-z*([i]) — восходит к слову *zǐ* ‘сын; детёныш; семя, плод’: ср. *zǐmén* 子门 ‘калитка; малые (вторые) ворота’ при *mén* 门 ‘ворота; двери; калитка’.

Аналогично в бирманском языке. Существительное [кэлэ] ‘ребёнок’, приобретая статус уменьшительного суффикса, входит в состав производных существительных — как обозначающих одушевлённые существа ([лу] ‘человек’ — [лукэлэ] ‘мальчик’ ← ‘«человечек»’), так и относящихся к предметной лексике ([лан] ‘дорога, улица’ — [ланкэлэ] ‘улочка’); ср. БРС: 32.

² Другие исследователи называют использование этих единиц в кетском (как и их аналогов в других енисейских языках) полуаффиксацией, подчёркивая неразвитость деривационных систем и прозрачные истоки описываемого явления в корнесложении. См.: Вернер 1977 (а): 186; Вернер 1977 (б): 194. Обсуждать здесь формальный статус таких единиц нет необходимости, и относящиеся к ним термины (суффикс и проч.) далее применяются условно.

В кхмерском языке для выражения диминутивности используется существительное *ko:n* ‘ребёнок; детёныш животного’: *ko:n-ca:n* ‘блюдец’, *ko:n-phɛəh* ‘домик’, *ko:n-la:n* ‘небольшой автомобиль’ (см. MKED: 33–34).

В языках шугнано-рушанской группы у рефлексов праиран. **putra*/**puθra* ‘сын’ (шугн., руш., бартанг. *pus*), сохраняющихся в качестве самостоятельного слова, наблюдается также специализация в функции уменьшительного компонента сложных *-buc* («при озвончении **p- > b-* во второй части устойчивых словосочетаний и композитов») (Эдельман 2009: 117). Существенно, что и здесь действие этого словообразовательного приёма неизбирательно по отношению к одушевлённости или «вещности» обозначаемого (Эдельман 2020: 322). Кроме того, оно ориентировано на грамматический род оформляемого существительного. Тадж. *deg* ‘котёл’, будучи заимствованным в шугнанский язык (с оглушением заднеязычного в исходе основы: *dek*), по причине принадлежности к женскому роду распространилось в нём суффиксом *-bic* — «женским» вариантом названного суффикса, происхождение которого имеет двоякое объяснение — либо по вторичной перегласовке *-buc*, либо, что иранистами-этимологами рассматривается как более вероятное и в наших обстоятельствах привлекает особенное внимание, из **putri* ‘дочь’. А уже оказавшись усвоенным, оно «приросло» ещё одним диминутивным показателем — стандартным суффиксом *-ak*: *dekbic-ak* ‘котелочек’, ср. *dek-ak* ‘котелок’ по более привычной модели (в таджикском *deg-ak*)³. Эти приобретения носят в шугнанском приметы относительной новизны⁴.

В сарыкольском языке, стоящем в той же группе памирских языков несколько обособленно, обнаруживается подобное же деривационное преобразование: например, *ði/ũx̃n* ‘stone mortar’ развилось в *ði/ũx̃na-bī/ũx̃c* ‘stone pestle’ [‘«son of the mortar»’ (Morgenstierne 1974: 32); в инакой записи — *дыхнабыс* ‘каменный пест’, с тем же уменьшительным компонентом *-byc* < **putra* ‘сын’; у Г. Моргенштерне на месте действительной сарыкольской формы *дыхп* — шугнанская *ðiḫp*; см.: Расторгуева, Эдельман 2003: 316 («‘сын ступы’»), 355].

В хорезмийском привлекает внимание композитное название ‘саженца’ (‘деревца’) — *‘fr’γ-z’dyk*, буквально ‘дерево-детёныш’ (Henning 1971: 10) (цит. по Расторгуева, Эдельман 2003: 128).

³ Если предположить, что *dekbic* — это не просто «маленький котёл», а какая-то разновидность, позволено будет сказать, «жанр котла», то картинка уподобится той, которую мы находим в предложенных русских эквивалентах: *котёл* → *котелок* ‘небольшой котёл с некоторыми собственными функциями’ (диминутивность притулена) → *котелочек* (с «возобновлённой» уменьшительностью).

⁴ Автор признателен Джой Иосифовне Эдельман за уточнения, касающиеся памирских данных.

Было бы разумно не обойти вниманием сходные номотетические явления в топонимии, в частности в гидронимии, где, как и в оронимии, соотносительной размерности именуемых объектов приписывается принципиальная значимость. Многочисленность тождественнокорневых пар, образуемых гидронимами в «нулевых» и диминутивных формах (Дон — Донец; Дунай — Дунаец, Дунайка, Дунайко; Истра — Истрица; Ловат — Ловатец, Ловатянка; Дністер — Дністрик, Дністричка; Звір [*< *jъzvorfъ*] — Зворець...), в совокупности с хорошо известным нам притяжением названиями крупных рек фольклорных эпитетов вроде *батюшка*, *матушка* (о Дунае, Доне, Енисее, Амуре, Волге..., ср. нем. *Vater Rhein*, англ. *Father Thames*, *Father of Waters* о Миссисипи в «Квартеронке» Майн Рида) или прямой связью гидронима с термином восходящего родства (ср. эстон. *Emajõgi* ‘мать-река’) отражает классификационные принципы, которые не могут не срабатывать в появлении цельнословных мотивационных коррелятов, втягивающих название ‘дитяти’ во внутреннюю форму собственного имени соотносимого географического объекта, меньшего по размерам. Предельный же в этом отношении случай образуют гидронимические пары, где дифференцирующими компонентами сложений оказываются оба имени — и ‘дитяти’ и ‘родителя’. Таковы, например, сопряжённые ономастические факты, приводимые топонимистом А. П. Афанасьевым: «*Пию* (<...>, р., лев. приток р. Йирва; Удорский р-н. Коми *Пию* букв. „сын реки“, возможно, метафора в значении „приток“, где *пи* „сын“, *ю* „река“» (Афанасьев 1996: 124); ср. *Айю*, прав. приток р. Лопью в Корткеросском р-не — «коми *ай* „отец“(<...>), в топонимии: „верхний“, „главный“» (Ibid.: 20)⁵. Понятно, что подобные противопоставления складывались в доономастическом лексическом пространстве и лишь позже стали достоянием проприального словаря.

Мотивационные связи и смысловые параллели, затронутые здесь или близкие им, можно проследить также, выйдя за поставленные структурные (и территориальные) ограничения, например, дополнив тип цельнословной номинации словосочетаниями в духе лексического аналитизма, как в английском: *baby plane* ‘авиетка, маленький самолет’, *baby car* ‘малолитражный автомобиль’ и под.; в малайском/индонезийском: *anak* ‘ребёнок, потомок; сын, дочь’⁶ → *anak ayam* ‘цыплёнок’, *anak babi* ‘поросёнок’, но кроме того *anak air* ‘речка, ручей’, *anak angin* ‘ветерок’, *anak bukit* ‘горка, холм’, *anak gobék*, *anak lumpang* ‘пест, пестик’ (при *gobék*, *lumpang* ‘ступка’! ср. приведённый выше сарыкольский пример), *anak sungai* ‘речка’, ‘приток’, ономастическое *Anak Krakatau* — небольшой остров в Зондском проливе, возникший после катастрофического извержения вулкана Кракатау (БИРС I: 40–41); в суахили: *mtoto* ‘ребёнок, потомок’ → с одной стороны, *mtoto wa simba* ‘львёнок’, с другой же — *mtoto wa meza* ‘ящик стола’, *mtoto wa mto* ‘приток реки’ (СРС: 409), или, наконец, попросту обратившись к «чистой» однословной метафорике, в фор-

⁵ О вторичных значениях коми *ай* см. также Лыткин, Гуляев 1970: 31.

⁶ Также ‘вторичный, подчинённый, дочерний’.

мальном плане свободной от рубрикационной привязки именуемого (ср. русские диалектные образцы вроде арханг. *детѳнка* ‘небольшое озерцо, соединѳнное протокой с более крупным озером’ (СГРС, т. III: 220); арханг. *сынок* ‘безымянный палец’, *дочка* ‘мизинец’, см. Березович 2014: 234–235⁷).

Однако и сказанного, видимо, достаточно, чтобы убедиться по меньшей мере в необязательности предположения о наивноэтимологической переосмысленности отмеченных енисейских фактов.

Литература

- Аникин А. Е. 2002. О названиях селезѳнки в языках Евразии. В: XXIII Дульзоновские чтения. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Материалы Международной конференции 25–27 июня 2002 года. Ч. I. Томск, 43–48.
- Афанасьев А. П. 1996. Топонимия Республики Коми. Словарь-справочник. Сыктывкар.
- Березович Е. Л. 2014. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. Москва.
- БИРС = Большой индонезийско-русский словарь под ред. Р. Н. Коригородского. В 2 т. Москва: Русский язык, 1990.
- БРС = Бирманско-русский словарь под ред. Г. Ф. Мининой и У Чо Зо. М., 1976.
- Вернер Г. К. 1977а. Кетский язык. В: Языки мира. Палеоазиатские языки. Москва, 177–187.
- Вернер Г. К. 1977б. Югский язык. В: Языки мира. Палеоазиатские языки. Москва, 187–195.
- Дульзон А. П. 1968. Кетский язык. Томск.
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С. 1970. Краткий этимологический словарь коми языка. Москва.
- Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. 2003. Этимологический словарь иранских языков. Т. 2: *b–d*. Москва.
- СГРС = Словарь говоров Русского Севера. Т. III. Г–Ж. Екатеринбург, 2005.
- СРС = Суахили-русский словарь под ред. Н. В. Громовой. М.: Ключ-С, 2012.
- Старостин С. А. 1995. Сравнительный словарь енисейских языков. В: Кетский сборник. Лингвистика. М. 176–315.
- Хелимский Е. А. 1982. Keto-Uralica. В: Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Ленинград, 238–254.
- Эдельман Д. И. 2009. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Лексика. Москва.
- Эдельман Д. И. 2020. Этимологический словарь иранских языков. Т. 6: *p–r*. Москва.
- Henning W. B. 1971. A Fragment of Khwarezmian Dictionary. Ed. by D. N. MacKenzie. London.
- MKED = [Teum Citrā]. Modern Khmer-English Dictionary. Phnom Penh: Nokor Thom, 2011.
- Morgenstierne G. 1974. Etymological Vocabulary of the Shughni Group. (Beiträge zur Iranistik, Bd. 6.) Wiesbaden.

⁷ Последние два (анатомических) примера рассматриваются на фоне аналогичных регистраций, вся совокупность которых позволяет реконструировать целый метафорический комплекс, исходящий из представления о «семье» (параллелей с названиями пальцев в языках иных генетических групп немало, а метафора ‘мизинец’ ← ‘младенец’ вообще принадлежит чуть ли не к семантическим универсалиям).

Раритетная дисемия и языковые контакты

А. М. Певнов

Институт лингвистических исследований РАН

Слово, означающее ‘старый’ (только о людях и животных), является общетунгусо-маньчжурским, его праформа восстанавливается как **сагда(-)*¹, ср. эвенк. *сагдауу* ‘1. старший; 2. старейшина, староста’, нан. *сагдан* ‘стариться, стареть’, маньчж. *сакда* ‘стареть, стариться’ (ССТМЯ 1977: 52–53; в соответствующем ороческом слове отмечена долгота гласного: *сāгда* ‘1) деды, предки; 2) относящийся к предкам, давний, прежний (о людях)’, см. Аврорин, Лебедева 1978: 220).

Общетунгусо-маньчжурского слова со значением ‘большой’ нет. В языках северной ветви (в собственно тунгусских) представлены следующие варианты: эвенк. *һэгди* (*h* здесь, по-видимому, протетический), сол. *әддәуи* ~ *әддуй* [Do Dørji 1998: 150], эвен. *эгзэн*, нег. *эгдицэ*, *эгдицэ* ‘большой’. Материально соответствующие слова в других тунгусо-маньчжурских языках имеют значение ‘много’: ульч., ороч., уд. *эгди*, уил., нан. *эгзи* ‘много’. По-маньчжурски ‘большой’ — *амба*, по-чжурчжэньски — **амбан*.

В удэгейском языке значения ‘старый’ и ‘большой’ выражаются разными, но при этом однокоренными словами: *сагди* ‘большой’, *сагдинта* ‘старый; старик, старуха’ [Кормушин 1998: 280] (ср. *аһанта* ‘женщина’ и *нһнта* ‘мужчина’ с тем же словообразовательным суффиксом *-нта*).

В ороческом языке слово *сāгда* имеет следующие значения: ‘1) большой (по размеру, по значению), великий; 2) большой (по возрасту), старый’ [Аврорин, Лебедева 1978: 220].

В солонском языке у слова *sadde*, генетически связанного с ороческим *сāгда* и с удэгейским *сагди*, также два значения: ‘старый (о возрасте); огромный’ [Do Dørji 1998: 575]. Интересно, что в солонском языке не только слово, первоначально означавшее ‘старый’, приобрело дополнительное значение ‘огромный’, но также слово *әддәуи* ‘большой’ может иметь значение ‘старый’: *әддәуи бәж* ‘старый человек, старик’ [Do Dørji 1998: 150].

¹ Примеры в статье приведены в принятой в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» [ССТМЯ 1975: XVI–XXIII] «фонетической транскрипции на основе знаков русского алфавита», но при этом с некоторым упрощением: одинаково обозначаются обусловленные сингармонизмом варианты узких гласных (*и*, *у*), а также увулярные и заднеязычные. В тех случаях, когда есть ссылка на какую-либо работу, примеры даны так, как в ней.

Т. Цумагари записал у хамниган словосочетание *sagdii энэ* ‘бабушка’², при этом первое слово означает ‘старый (aged)’, а второе — ‘мать’; значение ‘большой’ в этом варианте хамниганского языка выражается словом *хэгдэгэ* [Tsumagari 1992: 90, 93, 96].

В других тунгусо-маньчжурских языках подобной раритетной дисемии вроде бы нет; можно думать, что это инновация, обусловленная контактами.

Попутно отмечу, что в ороческом языке мы видим у антонимов «зеркальную дисемию»: *cāgdi* ‘1) большой (по размеру, по значению), великий; 2) большой (по возрасту), старый’ и *hūchi* ‘1) маленький (по размеру); 2) молодой, маленький (по возрасту)’ [Аврорин, Лебедева 1978: 212, 220].

Семантическое сопряжение ‘старый’ & ‘большой’ является типологическим раритетом, аналогию можно найти, в частности, в соответствии русского слова *старый* и древнеисландского *stórr* ‘большой, сильный, важный, мужественный’ [Фасмер 1971: 747].

Раритетная дисемия (и многозначность вообще) — такая, например, как в ороческом слове *cāgdi* ‘1) старый; 2) большой’ — иногда позволяет обнаружить следы бывших языковых контактов. Забегая вперед, скажу, что именно эта конкретная дисемия свидетельствует об исторических контактах предков орочей с предками с одной стороны, уильта, а с другой, — негидальцев.

Начнем с уильта.

Самая большая река на Сахалине — Поронай. На айномском языке это означает ‘большая река’ (на Хоккайдо в диалекте Сару слово *пау* имеет значение ‘болото, небольшая река, ручей’ [Tamura 1996: 406], однако в диалекте сахалинских айнов это слово, вероятно, означало ‘река’).

По-нивхски река Поронай называется *Плыи* [Савельева, Таксами 1970: 263]. Возможно, и этот гидроним буквально переводится как ‘большая река’³.

Дз. Икэгами записал у южных уильта несколько вариантов названия реки Поронай: *Sagji Suu ~ Sagji Suu unini ~ Daaji Sagji Suu* [Ikegami 1997: 194].

Слово *Suu* в этом слове встречается в том числе в словосочетании *Suu naapi* ‘южная местность (южный Сахалин)’ [Ikegami 1997: 194] (об этимологии уильтинского *cū* см. [Певнов 2018: 455–457]).

² ‘Дедушка’ в этом идиоме называется заимствованным из китайского языка словом *јэјэ* [Tsumagari 1992: 93].

³ К сожалению, у меня нет возможности узнать, как в уже не существующем южном диалекте нивхского языка (на нем говорили, в частности, в устье реки Поронай) выражались значения ‘большой’ и ‘река’. Сегмент *плы-* в гидрониме *плыи* (нивхское название реки Поронай) напоминает атрибутивную основу *пила-* ‘большой’ в амурском диалекте нивхского языка, а сегмент *и* совпадает со словом, означающим ‘река’ в его восточно-сахалинском диалекте.

В уильтинских вариантах *Sagji Suu ~ Sagji Suu unin* ~ *Daa**ji Sagji Suu* мы видим слово *uni* (точнее, словоформу *uni-ni* река-POSS.3SG) ‘река’, определением же к нему, а также к слову *Suu* выступает уже знакомое нам по соответствиям в некоторых других тунгусо-маньчжурских языках слово *sagji*. Но в уильтинском *sagji* означает только ‘старый’, причем Дз. Икэгами уточняет в переводе на английский язык — ‘aged’ [Ikegami 1997: 172], так что значение ‘старый’ применительно к реке никак не могло быть использовано. И здесь уместно вспомнить, что в ороческом языке значения ‘старый’, и ‘большой’ выражаются одним и тем же словом *sāgdi*: конечно же, это ‘большая река’, что подтверждается аналогичным значением айнского по происхождению гидронима Поронай, а также, вероятно, нивхского Плыи. Очевидно, уильта заимствовали у орочей название реки Поронай, при этом в одном из вариантов гидронима уильтинское слово *daa**ji* ‘большой’ было использовано как бы для толкования странно употребленного, с точки зрения уильта, слова *sagji*.

Вывод можно сделать такой: ороческая раритетная дисемия (*sāgdi* ‘1) старый; 2) большой’) дает основание говорить о том, что орочи контактировали с уильта на Сахалине в районе реки Поронай.

Надо сказать, что есть и другие свидетельства языковых контактов уильта (орочков) и орочей [Певнов 2018], однако только раритетная дисемия, имеющая отношение к конкретному гидрониму, позволила эти контакты локализовать.

Значение ‘большой’ (а не ‘старый’) у ороческого слова *sāgdi* проявляется, в частности, в нескольких названиях старших родственников: *sāgdāmin-* (с притяжательным суффиксом, повествовательная форма) ‘дед’, *sāgdāma* (звательная форма) ‘дедушка’, *sāgdān'in-* (с притяжательным суффиксом, повествовательная форма) ‘бабка, бабушка’, *sāgdān'æ* (звательная форма) ‘бабушка’, *sāgdi epnū* ‘отец тещи; отец свекрови’, *sāgdi ataŋa* ‘мать тещи; мать свекрови’ (*epnū* ‘тесть, свекор, старший брат матери, старший брат жены, муж старшей сестры моей жены, муж старшей сестры отца’, *ataŋa* ‘теща, старшая сестра жены, жена старшего брата жены, свекровь, старшая сестра матери, жена старшего брата матери’) [Аврурин, Лебедева 1978: 164, 220, 258].

В удэгейском языке, генетически наиболее близком к ороческому, подобные термины родства обнаружить не удалось. Вероятно, это свидетельствует о том, что в ороческом они появились под влиянием какого-то другого языка.

В том, что в приведенных ороческих терминах родства первый компонент имел значение ‘большой’, а не ‘старый’, могут убедить названия некоторых родственников в нанайском, ульчском, уильтинском и в нивхском.

Приведу примеры: нан. *dāmā* (звательная форма) ‘1) дед, дедушка (отец отца или матери; старший брат отца); 2) дедушка (обращение младших по возрасту к пожилому мужчине)’, *dān'ā* (звательная форма) ‘1) бабушка, бабушка (мать отца или

матери; старшая сестра отца); 2) бабка, бабушка (обращение младших по возрасту к пожилой женщине) [Оненко 1980: 137, 138]; ульч. *dāma* '1. дедушка; 2. обращение к старшим, пожилым мужчинам', *dān'a* '1. бабушка; 2. обращение к старшим, пожилым женщинам' [Суник 1985: 189]; уил. *daaji ami-* 'дедушка, дядя', *daaji ani-* 'бабушка, тетя' [Ikegami 1997: 7, 59].

В [ССТМЯ 1975: 189] эти ульчские и нанайские слова (соответствия в орокском (уильта) не приведены) представлены как результат словосложения, причем в качестве первого компонента указано слово *dā* (ульч.), *dā* (нан.) '1) корень, комель; 2) пень; 3) начало, основа, основание; происхождение'. О. П. Суник полагал, что первым компонентом является слово *dāu* '1. большой; 2. взрослый' [Суник 1985: 189], и с ним нельзя не согласиться, поскольку аналогии есть, например, в западно-европейских языках: дедушка — это «большой папа», а бабушка — «большая мама» (*grandfather, grandmother, grand-père, grand-mère, Großvater, Großmutter*); в китайском языке 大父 *dàfù* 'дедушка' — буквально это переводится как «большой отец» [БКРС 1984 (3): 628].

В некоторых нивхских терминах родства используется не только слово со значением 'большой', но и слово, означающее 'маленький': *пилниг"вн"* 'младший брат отца' (букв. большой человек), *пилкымк* '1) старшая сестра матери; 2) жена старшего брата отца' (букв. большая мать), *матькымк* '1) младшая сестра матери; 2) жена младшего брата отца' (букв. маленькая мать) [Крейнович 1973: 261]. Интересно, что эти «аугментативно-диминутивные» термины родства в нивхском языке, в отличие от орокского, ульчского, уильтинского и нанайского, не относятся ни к бабушке, ни к дедушке: *аткытых* 'отец отца', *атьмам* 'мать отца' [Крейнович 1973: 260] (Е. А. Крейнович отмечает, что словами *пилниг"вн"*, *пилкымк*, *матькымк*, *аткытых*, *атьмам* мужчина называет представителей своего рода).

В 1994 г. мы с М. М. Хасановой записали от В. В. Пайран следующие нивхские термины родства: *н'-эт'ик* 'моя бабушка', *н'-атак* 'мой дедушка'; *н'-вилэ-этэк* 'старший брат моего отца' (букв. мой большой отец), *н'-мат'ки-этэк* 'младший брат моего отца' (букв. мой маленький отец), *н'-вилэ-эмэк* 'старшая сестра моей матери' (букв. моя большая мать), *н'-мат'ки-эмэк* 'младшая сестра моей матери' (букв. моя маленькая мать); *апак* 'старший брат матери', *мат'ки-апак* 'младший брат матери' (букв. маленький апак).

Интересно, что в языке уильта, возможно, под влиянием нивхского, есть два термина родства не только с определением *daaji* 'большой', но и с определением *нии́й* 'маленький': *daaji ami-* 'дедушка, дядя' — *нии́й ami-* 'дядя'; *daaji ani-* 'бабушка, тетя' — *нии́й ani-* 'тетя'⁴ [Ikegami 1997: 7–8, 59].

⁴ «*daaji ami-ni* 'an ascendant male member of the same clan (older than the father) — grandfather, uncle', *нии́й ami-ni* 'a collateral ascendant male member of the same clan (younger than the

Убедившись в том, что в ороческих словах *sāgdāmin*- 'дед' и *sāgdān'in*- 'бабушка' первым компонентом было слово *sāgdi*, причем со значением 'большой' (а не 'старый'), рассмотрим соответствующие термины родства в негидальском языке.

К. Д. Логиновский записал у самагиров⁵ на реке Горин, в частности, такие термины родства: *sagdi amin* 'дедушка' и *sagdi öñin* 'бабушка' (Schmidt 1928: 234).

В. И. Цинциус приводит соответствующие термины в стяженном виде: *сагдама* (< *сагди* + *ама*) 'дед, отец отца', *сагдан'а* (< *сагди* + *эн'э*) 'бабушка, мать отца' (оба слова относятся к «низовскому» диалекту негидальского языка; слова *ама* и *эн'э* означают 'отец' и 'мать' соответственно — Цинциус 1982: 262).

Мы с М. М. Хасановой записали у негидальцев (причем, как у восточных, или «низовских», так и у западных, или «верховских») такие варианты: *би сагди ами-м*, *би сагди ама-в* (-м и -в — посессивные показатели 1 л. ед. ч.) 'мой дедушка' (Д. Л. Кини, с. Маго, Николаевский р-н, Хабаровский край, 1994 г.); *сагдāми-м*, *сагдāма* 'дед — отец матери или отец отца', *сагди эпэ* (*эпэ*) 'самый старший дедушка' (второе слово означает 'дедушка'), *сагди эн'и-м*, *сагдэн'икэн*, *сагдэн'ај* 'бабушка' (первое словосочетание означает 'моя бабушка') (Е. М. Самандина, с. Белоглинка, Ульчский р-н, Хабаровский край, 1987 г.); *сагди эн'инин* 'его бабушка' (А. П. Казаров, с. Владимировка, р-н им. Полины Осипенко, Хабаровский край, 1988 г.).

Эти негидальские словосочетания и образовавшиеся из них слова включают компонент *сагди*, который в негидальском языке имеет только одно значение: 'старый (о человеке или о животном)'. Следовательно, эти негидальские термины родства появились под влиянием языка, в котором у соответствующего слова было значение 'большой'. Таких языков в предполагаемой зоне контактов только два: ороцкий и удэгейский. Однако в удэгейском, в отличие от ороцкого, такое слово не участвует в образовании терминов родства. Следовательно, на негидальский в данном случае повлиял именно ороцкий, точнее, его предок.

Интересно, что в хамниганском идиоме (точнее, в одном из его вариантов) мы видим по сути то же самое, что в негидальском языке: первый компонент составного термина родства (хамн. *sagdii*, нег. *сагди*) означает только 'старый', значение 'большой' передается в хамниганском словом *xəgdəgə*, а в негидальском — словом

father) — uncle', *daaji əni-ni* 'the spouse of an ascendant male member (who is older than the father) of the same clan — grandmother, aunt', *nuuci əni-ni* 'the spouse of a collateral ascendant male member (who is younger than the father) of the same clan — aunt' " (перевод этих уильтинских составных терминов родства с японского языка (Ikegami 1997: 7–8, 59) на английский сделала по моей просьбе Ё. Ямада, за что я ей очень благодарен. — А. П.).

⁵ На самом деле это был негидальский язык, что и отмечено П. Шмидтом, опубликовавшим словарные записи К. Д. Логиновского: "The words are about the same as in Negidal" (Schmidt 1928: 219).

эгдиүэ ~ эудиүэ. Совершенно очевидно, что в обоих случаях такие составные термины родства являются заимствованными. И если на негидальский в данном случае повлиял ороцкий, то на хамниганский (на один из его территориальных вариантов) — несомненно солонский, в котором слово *sadde*, как и в ороцком, имеет два значения: 'старый (о возрасте); огромный'.

Ороцкая раритетная дисемия (*cāgdi* '1) старый; 2) большой') позволяет говорить о том, что предки орочей и негидальцев контактировали друг с другом, причем контакты эти были на уровне брачных связей, иначе трудно объяснить заимствование родственной терминологии.

Вот что писал о былом соседстве негидальцев и орочей П. Шмидт: «Ульчи <...> несомненно мигрировали вниз по течению (Амура. — А. П.) и отделили негидальцев от орочей (орочами П. Шмидт называл не только орочей, но и удэгейцев. — А. П.) — и те, и другие когда-то были соседними народами» (Schmidt 1923: 230).

В первой половине XX века по-негидальски говорили в бассейне среднего и нижнего течения реки Амгунь; примерно с середины прошлого столетия негидальцы живут также в нескольких селах на нижнем Амуре. Есть основания полагать, что в прошлом негидальцы жили как севернее (в районе озер Орель и Чля), так и южнее (на реке Горин).

Что касается орочей, то «к концу прошлого века (XIX. — А. П.) территория их расселения имела следующие границы: на востоке — берег Татарского пролива, на юге — бассейн р. Ботчи /бэчи/, на севере — залив Де-Кастри, на западе — истоки рек, впадающих в Татарский пролив. На северо-западе граница пересекала Сихотэ-Алинь и захватывала долину впадающей в Амур р. Хунгари до пункта, отстоящего километров на шестьдесят от ее устья» (Аврорин, Лебедева 1966: 6).

Таким образом, в конце XIX века орочи и негидальцы вряд ли непосредственно контактировали друг с другом, однако в более раннее время ситуация могла быть иной. Негидальская лексика и морфология, а также некоторые особенности исторической фонетики (например, устранение звука «р» во всех позициях в слове) указывают на то, что именно ороцкий язык мог быть субстратом негидальского. Рассмотренный в данной статье пример влияния ороцкого языка на негидальский, причем не в периферийной лексической группе, а в весьма устойчивой к изменениям терминологии родства, служит еще одним подтверждением такого предположения.

Сокращения

монг.-писм. — монгольский письменный язык, нан. — нанайский язык, нег. — негидальский язык, ороц. — ороцкий язык, уд. — удэгейский язык, уил. — уильтинский (ороцкий) язык, ульч. — ульчский язык, хамн. — хамниганский язык (хамниганский идиом), эвен. — эвенский язык, эвенк. — эвенкийский язык

Литература

- Аврорин В. А., Е. П. Лебедева (сост.) 1966. *Орочские сказки и мифы*. Новосибирск: Наука.
- Аврорин В. А., Е. П. Лебедева 1978. *Орочские тексты и словарь*. Л.: Наука.
- БКРС 1984 (3) = *Большой китайско-русский словарь*. Т. 3. М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1984.
- Кормушин И. В. 1998. *Удэгейский (удэгейский) язык*. М.: Наука.
- Крейнович Е. А. 1973. *Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура*. М.: Наука.
- Оненко С. Н. 1980. *Нанайско-русский словарь*. М.: Русский язык.
- Певнов, А. М. 2018. Лингвистические свидетельства исторических контактов ороков и орочей на Сахалине. В: *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. XIV(1): 441–464.
- Савельева В. Н., Ч. М. Таксами (сост.) 1970. *Нивхско-русский словарь*. М.: Советская энциклопедия.
- ССТМЯ 1975 = *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю*. Т. I. Л.: Наука.
- ССТМЯ 1977 = *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю*. Т. II. Л.: Наука.
- Фасмер М. 1971. *Этимологический словарь русского языка*. Т. III. М.: Прогресс.
- Цинциус В. И. 1982. *Негидальский язык. Исследования и материалы*. Л.: Наука.
- Do Dørji 1998. 杜·道尔基 编著. 鄂汉词典. 海拉尔: 内蒙古文化出版社. [Du Dao'erji bianzhe. E-Han cidian. Naila'er: Nei Menggu wenhua chubanshe. До Дорджи (сост.). Солонско-китайский словарь. Хайлар: Культура Внутренней Монголии].
- Ikegami, Jirō 1997. *A Dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin*. Sapporo: Hokkaido University Press.
- Schmidt, P. 1923. *The Language of the Olchas*. (Acta Universitatis Latviensis VIII.) Rīgā.
- Schmidt, P. 1928. *The Language of the Oroches*. (Acta Universitatis Latviensis XVII.) Rīgā.
- Tamura, Suzuko 1996. *The Ainu-Japanese Dictionary. Saru Dialect*. Tōkyō: Sōfukan (reprinted 1998).
- Tsumagari, Toshiro 1992. A Basic Vocabulary of Khamnigan and Oluguya Ewenki in Northern Inner Mongolia. *Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures. Hokkaido University*. 21: 83–103.

A childhood reminiscence of bear ceremonialism among the Northern Selkups¹

Olga Kazakevich

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences /
Russian State University for the Humanities

1. Introduction

Though the main interest of Eugeny Helimski was in linguistics, primarily in historical linguistics, Uralic languages and Samoyedology, folklore and cultural anthropology were not alien to him at all (just to remember his works on Nenets poetry (e.g. Helimski 1989) and articles in the Encyclopedia of Mythology (Helimski 1982; Petrukhin, Helimski 1982). The evidence on the Selkup bear feast presented in the article comes from the village of Farkovo (Turukhansk district, Krasnoyarsk territory) where Zhenia did his fieldwork in 2003 checking the word forms in the manuscript of F. G. Maltsev dictionary for its future publication.

Like many other Siberian peoples, the Selkups held very special attitudes towards the bear (Alekseenko 1960; Gemuev 1985; 1989; Kreinovich 1969; Prokofieva 1976; Vasilevich 1971). Selkups respected the bear, not only as the strongest beast of the Northern taiga, but as their relative, a belief they have maintained even to this day, perhaps because a skinned bear looks very much like a man (see Prokofieva 1976). The Selkup word *qorqi* designating a 'bear' is known in all the Selkup dialect groups, known, but being a taboo is not much used. Instead, people prefer to call the strong and dangerous animal by any of several euphemisms: *ixʃʃa* 'grandfather' (or *imiʃa* 'grandmother', in case it is a female), *su:rip* 'animal', *lo:si* 'devil', or *lo:s-ira* 'devil-man', *p̣əpa* or *p̣əpa-ira* 'bogeyman'; sometimes the Russian anthroponyms *Miʃa* (for a male) and *Maʃa* (for a female) are used². Bear hunting was not forbidden among the Selkups, except for the Selkup group living at the Tym River and belonging to the Bear clan (Gemuev 1985; Prokofieva 1976). Other Selkups could kill bears if they were found to be dangerous for people, but only following

¹ The article is prepared within the project "Dynamics of language contact in the circumpolar region" supported from the Russian Science Foundation, grant 17-18-01649.

² These two names are also used in Russian as euphemisms to designate a male or a female bear.

special rules. For example, at the Middle Taz and Turukhan elderly people preferred not to use the word *ʃʃattiqo* ‘to shoot’ talking of a bear hunt, they used the verb *qo:stiʒo* ‘to sacrifice’, though in this context it meant ‘to shoot’: *Təp su:riʒ qo:stisiti* ‘He shot the bear’ (lit.: he sacrificed the bear). The most prominent expert in Selkup anthropology E. D. Prokofieva also reported that “In the old days, according to Sel’kup legend, they used to tame bear cubs, especially for hunting bears. Such a bear was kept in the tents and called *man i:jamɪ*, ‘my son’, or otherwise he became angry and could not be tamed properly. These homebred bears, according to Selkups, were used for hunting wild bear. During the fight between the two bears, the hunter would kill the wild one” (Prokofyeva 1964: 591).

Though E. D. Prokofieva, who could observe traditional Selkup culture in its fullness in the 1920s, supposed that the Selkups might have never had a proper bear ceremony (Prokofieva 1976: 117), some elements specific for bear ceremonies have been described or mentioned in passing by some ethnographers/anthropologists (Gemuev 1985; 1989; Shatilov 1927; Skalon 1931; Uraev 1927). Based on these descriptions together with her own field data, A. A. Kim made a sort of reconstruction of fragments of Selkup bear ceremony (Kim 1996). Still, to my knowledge, no ceremony description coming from a ceremony participant and produced in Selkup has ever been recorded or published.

In 2014 during my fieldwork among the Turukhan Selkups in the village of Farkovo I was privileged to work with the brilliant language consultant Galina Vladimirovna Tamelkina, a speaker of the local dialect of Selkup born in the Turukhan Taiga in 1956, resident of the village of Farkovo. For almost two weeks she helped to transcribe audio recordings of Selkup texts done from elderly people of the village more than a decade before. Meanwhile I kept asking her to tell us something herself, so that we could record her own story. She agreed, and by the end of our stay in the village we recorded from her a story lasting over two hours and giving a vivid picture of her life, as well as of the life of her family and her community from the beginning of the 1960s up to the end of the previous century³.

One of the most remarkable fragments of the story is a rather precise description of a bear feast dating back to the childhood of the story-teller. By that time Galina was eight and stayed with her family in the taiga before going to school, so the described ceremony apparently took place in 1964. In the story the bear hunting itself is not described. The storyteller mentions only that her father found a bear den, by chance while chasing a squirrel. He returned to the camp, told the men about his discovery, and the following day several men set out to “fell” the bear. They succeeded and returned to the camp with

³ A year later I returned to Farkovo, and Galina Vladimirovna and her friend Liudmila Vasilyevna Tamelkina helped me to transcribe her story. She wanted it to be published to be able to pass it to her children and grandchildren. The work with the text is moving slowly, but I do hope to complete it soon enough and publish the whole text in the nearest future.

the slain animal. Because it was the story-teller's father who shot the bear, the ceremony, which followed and greatly impressed the girl, took place in the tent of her family.

Here the annotated text of the bear festival description as excerpted from the recorded life story is presented. The extract was transcribed and translated into Russian by the author with the help of Liudmila Vasilyevna Tamelkina, a resident of Farkovo and a friend of the storyteller, and morphologically annotated by the author.

The Selkup text is given in a phonemic transcription supplied with morphological glosses and is followed by an English translation. Practically all Selkup texts recorded within the last two decades feature Selkup-Russian code-switching. In this text, the Russian insertions into the Selkup text and their translations are underlined.

2. Bear feast

1. eto pastuh-sæ ili-s-im pastuh pastuh-sæ
 this herder-INS live-PST-1PL herder herder-INS
 'Well, we lived with herders'.
2. ma a^j æmilt-ε:mp-am=tə kuti-ka Lambin ira
 1SG FOC forget-INT.PFV-PSTN-1SG.OBJ=FOC who-FOC Lambin man
 'I even forgot who (it was)... the (old) man Lambin',
3. patom na a pastuhi naznat^jalis' Lambin-ira i
 then this and herders were.appointed Lambin man and
 Nikolai Kondratij^j i:ja-ʌ mɔ:t⁴
 Nikolai Kondratij^j child-ADJ dwelling
 'then this... and herders were appointed... the (old) man Lambin and Nikolay Kondratyevich, with his family'.
4. oj aj qaj-qo^j ira^jota i ima^jota-sæ ili-s-ɔ:t
 ay also qaj-INDEF old.man and old.woman-INS live-PST-3PL
 ori^j-ʃ^j-ɔ:t tap-læ pɛlæ:qit ta^ji-ʌ mɔ:t-qit
 mess-PST-3PL this-FOC side-LOC summer-ADJ dwelling-LOC
 'Ay, and some old man with (his) old woman lived, messed around on this side in a summer dwelling'.
5. nu ladno qoj-εmæ ladno kət-εt-am
 well all.right what-INDEF well say-FUT-1SG.OBJ
 'Well, all right, all right, I'll tell something'.
6. moqonæ qən-t-im
 home/back go-IPFV-1PL
 '(We) were returning home'.

⁴ The story-teller tries to remember with whom her family stayed in the camp her last autumn without school.

7. *konnæ* *ta:ti-s-im*
up.the.river.bank bring-PST-1PL
'Up to the river bank (we) brought (our things)'.
8. *konnæ-t* *tinti* *naverno* *sæqqi-mp-ɔ:t*
up.the.river.bank-LOC here probably spend.night-PSTN-3PL
konnæ-t *mætto:-qit* *pastuhi-ɔ* *mɔ:t-qit*
up.the.river.bank-LOC way-LOC herder-ADJ dwelling-LOC
'Here on the river bank, on the way (we) probably spent the night (slept) in the herder's tent'.
9. *æ:tæ-t* *to:* *mɔ:t-qit* *illiæ* *sɔ:r-æ-l-læ* *ə:* *ʃ'e:li-ti* *uʒe*
reindeer-PL away dwelling-LOC down tie.up-SEM-CVB uh sun-POSS.3SG already
'Having tied up the reindeer at the distant dwelling: uh, (it is) already light'.
10. *konnæ*⁵ *qənn-ɛ:-s-im* *poqqi-læ*
up.the.river.bank go-INT.PFV-1PL fish.with.net-CVB
'We went down (to the river) to check the net'.
11. *moqonæ* *ty-s-im* *o:* *ʃot-qit* *kuti-ka* *æ:tæ-i:-tit=tə* *to:*
back come-PST-1PL oh forest-LOC who-FOC reindeer-PL-POSS.3PL=FOC away
to: *y:t-ɛ:-mp-a*
away let.free-INT.PFV-PSTN-3SG.SBJ
'We came back: oh, who let the reindeer free in the forest?'
12. *Mafʲka-n* *əmi* *qɔ:t*
Mashka-GEN mother possibly
'Masha's mother possibly'.
13. *a* *kuti-ka* *je:-ti* *qapɪ* *qaj-qoʃʲ* *imaqota*
and who-FOC person_POSS.3SG it.seems what-INDEF old.woman
qa: *ma* *aʲa* *əmilt-ɛi-s-am*
why 1SG FOC forget-INT.PFV-PST-1SG.OBJ
'And who it was, a certain old woman, I even forgot'.
14. *əmilt-ɛi-mp-am* *mita*
forget-INT.PFV-PSTN-1SG.OBJ it.seems
'I forgot, it seems'.
15. *na* *po:-ti* *su:ri-p* *qo-mp-at* *su:ri-p*⁶
that year-POSS.3SG beast-ACC find-PSTN-3SG.OBJ beast-ACC
'That year he found a beast, a beast⁷'.

⁵ Here not *konnæ* 'up to the bank from the river' but *karræ* 'to the river' is meant, as they went to check the net put in the river near the bank.

⁶ Here we come to that, *su:rip* 'beast' is used here for a 'bear'.

16. kotpas pɔ:ro:-qit kan-i:ja-t tɪ:na kana-t tæpæ-p qa: ʃi:-p
 hill top-LOC dog-child-PL that dog-PL squirrel-ACC or sable-ACC
 mnæ-t ni: na pɔ:-t pɔ:ro:-t
 up-LOC there that tree top-LOC
 ‘On the top of the hill puppies, that, dogs (found) a squirrel or a sable (high) up there,
 at the top of a tree’.
17. ʃʰatti-qo si:qil-pi-læ a to:nna-mi mɔ:ti-n
 shoot-INF climb.up-DUR-CVB and that.one.there-NMLZ dwelling-GEN
 pu:to:-n mnæ ty-ʎæ ʎaŋkir-s-i
 inside-LOC up come-CVB cry-PST-3SG.SBJ
 ‘Having climbed up (the hill) to shoot... and the one in his den, coming up, cried’.
18. na su:rip
 that beast
 ‘The beast!’
19. tɔp kotpas ɪllæ moqonæ na pakti-mmi-nt-i
 3SG hill down home there run-PSTN-EVID-3SG.SBJ
 ‘There he ran down from the top of the hill home’⁸.
20. imaqota ukkirna ʎaŋki-ŋ-ŋ-a ukkirna ʎaŋki-ŋ-ŋ-a
 old.woman constantly cry-DUR-EP-3SG.SBJ constantly cry-DUR-EP-3SG.SBJ
 ‘The old woman is constantly crying and crying’.
21. nu ʎadno
 well all right
 ‘Well, all right’.
22. moqonæ ty-læ æt:æ-t ponæ yt-æ-l-p-im
 home come-CVB reindeer-PL outdoors let.free-PL.OBJ-PSTN-1PL
 ‘Having come home we let the reindeer free outdoors’.
23. mɔ:t ʃe:r-s-im mɔ:t-ti na to: qaj palatka ʃʰy:
 dwelling enter-PST-1PL dwelling-ILL that there whether tent inside
 ‘We entered a dwelling, a tent or an ordinary tent’.
24. tent-ɛ:-læ qont-ɛ-l-ɛ:-s-im
 speak-INT.PFV-CVB sleep-INCH-INT.PFV-PST-1PL
 ‘Talking we fell asleep’.

⁷ It was the story-teller’s father who found the bear. It becomes clear with the time.

⁸ The majority of the hunting stories recorded among the Northern Selkups describe bear hunting. Quite often they start with an unexpected discovery of a bear den while hunting some smaller animals, sables or squirrels, as a rule. After that a hunter returns to the village or to the camp to tell about the discovery and collect a hunting team for the following day. The team should contain at least two people. Here we have several hunters.

25. to: mɔ:t-qin aj qumi-t tɛnt-ɔ:t
away dwelling-LOC also man-PL speak-3PL
'In the neighboring tent people are also talking'.
26. ni:ni qa ʃæqqi-s-im
then whether spend.night-PST-1PL
'Then we spent the night'.
27. ʃintæʎ ʃʲe:li na su:rip əsiri-qo qəs-s-ɔ:t
next day this beast fell-INF go-PST-3PL
'The following day (they) went to "fell" that bear'.
28. koʃʲʲi qum-mit ɛ-pp-a peli-i-min nɔ:t na
many man-POSS.1PL be-PSTN-3SG.SBJ mate-PL-POSS.1PL then there
'Many our people were, our mates, then there'.
29. ukkir-ʃʲaŋ ɔ:mti-s-it pɛnti
one-COORD sit-PST-3PL together
'Side by side they were staying (lit. sitting) together⁹'.
30. no Po:piʎ ira Tepan timti ɛ:-s-a Wasilij Iwanowitʃ
well Popyl man Stepan here be-PST-3SG Vasiliy Ivanovich
ɛj tɪ: iraqota
and now old.mam
'Well, the (old) man Popyl, stepan was there, Vasiliy Ivanovich and (one more) old man'.
31. nɔ:qir qaj tetti palatka na i ɔ:mn-im
three whether four tent there and sit-1PL
'Three or four tents, that's how we were sitting (in the camp)'.
32. ladno
all.right
'All right'.
33. ʃintæʎ ʃʲe:li ʃət-ti qəl-læ na najenta
next day forest-ILL go-CVB there so.it.is
'Next day having gone to the forest, well, so it is'.
34. na i yri-p su:ri-p əsiri-mp-ɔ:t kut-qoʃʲ i
there and business-ACC beast-ACC fell-PSTN-3PL where-INDEF and
'An so they did it, they felled the beast somewhere and...'
35. man əsæ-m na-mi-p ʃʲatti-mp-at mol ʃʲo
1SG.GEN father-POSS.1SG this-NMLZ-ACC shoot-PSTN-3SG.OBJ they.say what
'It was my father who shot him, they say that'.

⁹ *Were sitting* here means 'were staying' at a reindeer herder's camp, 'were living'.

36. $\text{tʃ}^{\text{h}}\text{ɔ}:\text{ji}-\text{m}$ $\text{y}^{\text{h}}\text{ti}-\text{qo}$ eto $\text{ti}:$ $\text{m}^{\text{h}}\text{ɔ}:\text{t}-\text{ti}$ $\text{tulti}-\text{s}-\text{ɔ}:\text{t}$ $\text{su}:\text{ri}-\text{p}$
 tea-ACC drink-INF this here dwelling-ILL bring-PST-3PL beast-ACC
 ‘Well, they brought the beast into the tent to have tea’¹⁰.
37. qottæ $\text{petʃ}^{\text{h}}\text{i}-\text{t}$ $\text{qan}-\text{ti}$ $\text{q}^{\text{h}}\text{ɔ}:\text{t}$ $\text{ɔ}:\text{mti}-\text{lti}-\text{s}-\text{ɔ}:\text{t}$
 backwards stove-GEN near-ILL possibly sit-CAUS-PST-3PL
 ‘Backwards they placed him, possibly near the stove’.
38. $\text{aʃ}^{\text{h}}\text{a}$ $\text{petʃ}^{\text{h}}\text{i}-\text{t}$ $\text{qan}-\text{ti}$ $\text{kunno}:\text{t}$ $\text{ɛ}:-\text{læ}$ taplæ $\text{pelæ}-\text{nti}$.
 NEG stove-GEN near-ILL far be-CVB this side-ILL
 ‘No, not near the stove, farther on, to this side’.
39. taplæ $\text{pelæ}-\text{nti}$ kuttar $\text{potʃ}^{\text{h}}\text{otna}$ $\text{qumi}-\text{n}$ $\text{ɔ}:\text{mt}-\text{ɔ}:\text{tin}$
 this side-ILL how respectable man-PL sit-3PL
 ‘To this side, how respectable people are placed’¹¹.
40. $\text{to}:$ $\text{m}^{\text{h}}\text{ɔ}:\text{tti}$ ¹² $\text{me}:-\text{kin}$ $\text{ty}-\text{s}-\text{an}$ $\text{ti}:$
 away dwelling-POSS.3SG 1PL-DAT come-PST-3SG.SBJ here
 ‘The neighbours came to us’.
41. $\text{ɔ}:\text{mti}-\text{lti}-\text{s}-\text{ɔ}:\text{t}$ $\text{oli}-\text{m}-\text{ti}$
 sit-CAUS-PST-3PL head-ACC-POSS.3SG
 ‘They placed his head’¹³.
42. $\text{n}^{\text{h}}\text{i}:\text{n}^{\text{h}}$ $\text{tʃ}^{\text{h}}\text{ɔ}:\text{ji}-\text{p}$ $\text{yt}-\text{æʃ}^{\text{h}}$ $\text{me}:-\text{sæ}!$
 then tea-ACC drink-IMP.2SG.SBJ 1PL-INS
 ‘Then: “Have tea with us!”’¹⁴.
43. $\text{tʃ}^{\text{h}}\text{ɔ}:\text{ji}-\text{p}$ $\text{təp}-\text{kin}$ $\text{pin}-\text{p}-\text{ɔ}:\text{t}$
 tea-ACC 3SG-DAT put-PSTN-3PL
 ‘They put (a cup of) tea for him’.
44. $\text{ami}-\text{r}-\text{æʃ}^{\text{h}}$
 eat-DUR.DETR-IMP.2SG.SBJ
 ‘“Help yourself!”’
45. $\text{o}:$ $\text{me}:$ aj $\text{ami}-\text{r}-\text{n}-\text{im}$
 oh we also eat-DUR.DETR-1PL
 ‘Oh, we are also eating’.

¹⁰ The bear should be a guest of the person who had killed him. That was the habit among the Evenks and Kets as well (see Kreinovich 1969; Vasilevich 1971)

¹¹ The part of the tent behind the fire where a box with sacred spirits might be preserved and where most respected guests are usually placed.

¹² *to: mɔ:tti* is used for ‘neighbours’.

¹³ The bear was skinned in the forest, all the body, but not the head. They left the skin with the head. People brought the bear’s head with his skin into the tent and put it onto the plank at the sacred place.

¹⁴ People start talking to the bear’s head as to a welcome guest.

46. ni:ni æmæ-m ʃʌʃka-p to: i:-mp-ati lɛmi-m mes¹⁵
 then mother-POSS.1SG cup-ACC away take-PSTN-3SG.OBJ table-ACC all
 ‘Then my mother took the cup away, (and) all the table¹⁶’.
47. no tat ʃʌʃji-m yti-s-al
 well 2SG westea-ACC drink-PST-2SG.OBJ
 ‘“Well, you have drunk tea”’.
48. tr: dawaj me:-kin nækæ-tti-li-nti kipi-ka-lɔ:
 now com.on 1PL-DAT smoke-DETR-OPT-2SG.SBJ little-AUG-DIM
 ‘“Now come on, smoke with us a little!”’
49. tɔpi-t-kin ɛj tap etot etot papiroska papiros
 1SG-GEN-DAT and this this this cigarette cigarette
 aʃʌ papiros kansam mi-mp-ɔ:tin ni:
 NEG cigarette pipe give-PSTN-3PL there
 ‘And they gave him that, that, a cigarette, cigarette, not a cigarette, a pipe’.
50. nɪʌʃʃi su:rip etot təm me:-kin ty-mp-a
 such beast this 3SG 1PL-DAT come-PSTN-3SG
 ‘Such a beast, this one, he came to us’.
51. mɔ:t-ti ty-mp-a
 dwelling-ILL come-PSTN-3SG
 ‘To (our) dwelling he came’.
52. me: mɔ:t-ti ʃe:r-p-a nɪʌʃʃi-k
 1PL.GEN dwelling-ILL enter-PSTN-3SG such-ADVZ
 ‘He entered our house in such a way’.
53. ʃʌʃji-m yti-s-a me:-sæ
 tea-ACC drink-PST-3SG 1PL-INS
 ‘He drank tea with us’.
54. ni:ni ʃintæʌ ʃʃe:li Po:pi ira
 then next day Popy man
 ‘Then the following day the (old) man Popy...’
55. aʃʌ tætti nɔ:qir
 NEG four three
 ‘No, not four, three (days)¹⁷...’
56. ʃintæʌ ʃʃe:li Po:pi-ʌ ira mɔ:t-ti ʃe:r-s-i iraqota tenti-læ
 next day Popy-ADJ man dwelling-ILL enter-PST-3SG.SBJ old.man speak-CVB
 ‘The following day the (old) man Popy entered the dwelling, old man, saying:’

¹⁵ A borrowing from the Russian *wes* ‘all’.

¹⁶ A small table used in the tent is meant.

¹⁷ Here the story-teller tries to recollect how many days the ceremony lasted.

57. o: me: ʈʰoʝi-m yti-s-im
oh 1PL tea-ACC drink-PST-1PL
“Oh, we have drunk tea!”
58. tr: davaj mat tat olo-l unti-p pe:-ri-læ-m¹⁸.
now come.on 1SG 2SG.GEN head louse-ACC search-TR-OPT-1SG.OBJ
“Now let me search your head for lice”.
59. tami-t qapi ε:-ŋ-a unti
2SG-GEN it.seems be-EP-3SG.SBJ louse
‘You might have lice’.
60. olo:-qanti təʃʰa-ŋ-nent-am taʃʰinti
head-LOC.POSS.2SG clean-VBLZ-FUT-1SG.OBJ 2SG.ACC
“I’ll clean your head (lit.: I’ll clean you in your head)”¹⁹.
61. fs’o ubrali najenti mes to: i:-mp-ɔ:t
everything take.away so.it.is all away take-PSTN-3PL
‘(They) took everything away, so it is, they took everything away’.
62. ni:ni iʌʈʰa-t²⁰ oli-m-ti to: kiræ-nt-iti
then grandfather-GEN head-ACC-POSS.3SG away skin-IPFV-3SG.OBJ
‘Then he was skinning the grandpa’s (the bear’s) head’.
63. kiræ-mp-at ukkir-na ti:ni tent-a təp-sæ
skin-PSTN-3SG.OBJ one-ADVZ from.here speak-3SG.SBJ 3SG.INS
‘He was skinning and all the time speaking with him’.
64. “ʈʰæ: tat namanti unti-sæ ε:-ŋ-anti”
no 2SG to.this.extent louse-INS be-EP-2SG.SBJ
“Hey, you’ve got so many lice!”
65. na qaji-ʌ nɪʌci qup
this what-ADJ such man
“What’s that, such a man!”
66. fs’o oli-m ni:ni ukkirna tenti-læ tentil-æ təp-sæ
all head-ACC then constantly speak-CVB speak-CVB 3SG-INS
‘All (the time) the head ... then constantly speaking, speaking with him’.
67. na olim-ti su:ri-n oli-sæ nɪʌ tom-n-it fs’o
this head-POSS.3SG beast-GEN head-INS so say-EP-3SG.OBJ all
‘this (his) head, with the beast’s head, so he said: “That’s all”’.

¹⁸ The expression *untyp pe:ryqo* or just the verb *untyp/ʰqo* ‘to search for lice’, means ‘to skin’ when used in the context of bear hunting or bear ceremonialism.

¹⁹ Searching for lice was a friendly sign of respect.

²⁰ The bear is meant.

68. *ɛj na to: tɪ:ti-s-it oli-m-ti.*
and there away peel-PST-3SG.OBJ head-ACC-POSS.3SG
'And here he has skinned his head'.
69. *tə:ʃa-x tə:ta-x tə:ta-x tə:ti-r-ʃi-s-it tə:ti-ri-s-it*
clean-SLIP pat-SLIP pat-SLIP pat-DUR-SLIP-PST-3SG.OBJ pat-TR-PST-3SG.OBJ
'He cleaned, patted, patted, patted, patted'.
70. *tənti-læ nɪʎʃi-k təpi-p su:ri-p oli-l-laka ʃkuru*
speak-CVB such-ADVZ 3SG-ACC beast-ACC head-GEN-SING hide
to: tɪ:ti-s-iti
away peel-PST-3SG.OBJ
'Talking like that, he skinned him, the beast, the head, the hide he skinned'.
71. *oli-m-ti po:-nti pis-s-ɔ:tin qəntik-qoʃ*
head-ACC-POSS.3SG tree-ILL put-PST-3PL how-INDEF
'They put his head onto a pole somehow'.
72. *na tɪ: imaqota*
this now old.woman
'Now the old woman (said):'
73. *tat ami-r-læ tat tɪ: me:-ti!*²¹
2SG eat-DUR.DETR-CVB 2SG now do-IMP.2SG.OBJ
'"You have eaten, do it now!"'
74. *po:-nti nɪʎ tom-n-it*
tree-ILL so say-EP-3SG.OBJ
'Addressing the pole she said this:'
75. *tat qəntik me:-t-al nɪj me:-ti!*
2SG how do-IPFV-2SG.OBJ so do-IMP. 2SG.OBJ
'"As you do, so do (it)!"'
76. *qaj Wasilij ira me:-t-it qa tap me:-t-al*
what Vasily man do-IPFV-3SG.OBJ what 2SG do-IPFV-2SG.OBJ
'"Either the (old) man Vasily does, or you do!"'
77. *məʃi-ti na i innæ po:ri-nti qumi-n ponæ pis-s-ɔ:tin.*
meat-POSS.3SG there and up platform-ILL man-PL outdoors put-PST-3PL
'And there, people put his meat outdoors up onto a platform'.

²¹ Here are three formulas (in 73, 75 and 76) pronounced by a woman addressing the bear head, though it is not clear by which woman, probably by the hostess of the tent where the bear came as a guest. The bear is reminded that he was fed so he is to continue doing as he did, coming to people, allowing them kill himself. The bear is also reminded that the old man Vasily who "was searching the bear's head for lice" had done everything properly for him and that the bear, in turn, should act properly towards the old man Vasily and the other participants of the festival.

78. ponæ qən-t-it qəs-s-ɔ:tin ʃiitti taqqil-læ tək-ε:qo
outdoors go-TR-3SG.OBJ go-PST-3PL in.all.sides collect-CVB dry-INT.PFV-INF
'Outdoors they brought (the bear's skin), they went stretching (lit. collecting) (it) in all sides to dry'.
79. yr-ti mes to: i:-mp-ɔ:t i:-mp-pɔ:tin ʃi^{top} soma-k tək-i-qo
fat-POSS.3SG all away take-PSTN-3PL take-PSTN-3PL so.that good-ADVZ dry-INF
'They took all the fat away, so that it would dry well'.
80. mnæ-t ni: eto su:ri-t qopi tək-i-mp-a me:kin
up-LOC there this beast-GEN skin dry-DUR-3SG.SBJ 1PL-DAT
'Up there (on the platform), well, the bear skin is drying for us'.
81. qoji-m me:-mp-ɔ:tin ukkirna tɔp-sæ tent-ɔ:t
what-ACC do-DUR-3PL constantly 3SG-INS speak-3SG
'Whatever they do (to him), they constantly talk with him'.
82. po:nt imnæ pin-p-ɔ:t qa po:-nti qa to:ti-nti mnæ
tree-ILL up put-PSTN-3PL whether tree-ILL whether crossbar-ILL up
'They put it up onto a pole, either up onto a pole or onto a crossbar'.
83. ʃiitti natqil-p-ɔ:t
in.all.sides scrape-PSTN-3PL
'They scraped (it) in all sides'.
84. pu:n aj næqqil-p-ɔ:tin kipi-ʎa po:-li:pi-sæ narqi-ʎ po:-sæ ʃitti
then also stretch-PSTN-3PL little-DIM tree-DIM.PEJ-INS willow-ADJ tree-INS in.all.sides
'Then they also stretched (it) out with little sticks, with willow sticks',
85. ʃi^{top} nænti iki ʃuqqir-mɔ:n-n-i
so.that together NEG shrivel-SEM.DETR-EP-3SG.SBJ
a tək-k-ε:-j-a na qa najenta su:ri-t qopi-sæ
and dry-INT.PFV-EP-3SG.SBJ this what so.it.is beast-GEN skin-INS
'so that it would not shrivel, but dry as a bearskin'.
86. ni:ni qa nɔ:r ʃi^ε:li iti-s-a qa qæntik
then what three day hang-PST-3SG.SBJ what how
'Then it hung either three days or how (long)'.
87. tepan ira tepan ira tɔp eto ætæ-p kut-qini i:-ti
Stepan man Stepan man 3SG this reindeer-ACC where-ELA take-3SG.OBJ
'The (old) man Stepan, the (old) man Stepan, he, well, took somewhere a reindeer²²'.
88. qa tepan ira qa po:piʎ ira ætæ-p qəs-s-ɔ:t
what Stepan man what Popyl man reindeer-ACC kill-PST-3PL
'Either the (old) man Stepan or the (old) man Popyl killed the reindeer'.

²² Here starts the final episode of the festival – a blood victim addressed to the bear. A reindeer is slaughtered and its blood is drunk by everyone in the community including children.

89. æ:tæ-p sɔ:ri-mpi-s-ɔ:tin po:-t tɔ:pi-qin
 reindeer-ACC tie-DUR-PST-3PL tree-GEN
 'They tied the reindeer at the tree'.
90. ni:ni tɔp so:ʎ-ti to: matt-ɛ:-s-iti.
 then 3SG throat-POSS.3SG away cut-INT.PFV-PST-3SG.OBJ
 'Then he cut his throat'.
91. tɔtto-nti pinn-ɛl-ɛ:-s-it tɔpi-t i so:ʎ-ʃʃi
 ground-ILL put-PLOBJ-PFV.PST-3SG.OBJ 3SG-PL and throat-POSS.3SG
 æ:tæ-l-laka-min innæ-ni ɪllæ ipqill-ɛi-mp-ɔ:tin
 reindeer-GEN-SING-POSS.1PL upwards-ELA down press-INT.PFV-PSTN-3PL
 'They put our reindeer on the ground and pressed his throat from upwards down'.
92. ipqill-ɛi-s-ɔ:t ej so:ʎ-ʃʃi kəm-ti po:næ tant-a
 press-INT.PFV-PST-3PL and throat-POSS.3SG blood-POSS.3SG outdoors come.out-3SG.SBJ
 'They pressed and its throat blood came out'.
93. Tepan ira ʃʃarri mænni-mp-at
 stepan man in.the.face look-DUR-3SG.OBJ
 'The (old) man Stepan is looking straight ahead'.
94. Tepan ira kruʃka ɪllæ qamt-ɛ:-læ tɔ:ti-ŋ na kəmi-p yti-s-it
 stepan man cup down pour-INT.PFV-CVB full-ADVZ blood-ACC drink-PST-3SG.OBJ
 'The (old) man Stepan taking a cup, pouring, fully drank the blood'.
95. ɲæ:nti kə:pi-ti Wasilij ira yti-mp-at sæʎ-ʎæ
 together body-POSS.3SG Vasiliy man drink-PSTN-3SG.OBJ salt-CVB
 'In the same way, the (old) man Vasiliy drank, (first) having salted (the blood)'.
96. tɔp sæʎ-ʎæ yti-s-it kipi-ka-k
 3SG salt-CVB drink-PST-3SG.OBJ little-AUG-ADVZ
 'He drank having salted (it) a little'.
97. orsæ kotʃʃi-k aʃʃa yt-ɛnt-it mita
 strongly much-ADVZ NEG drink-FUT-3SG.OBJ it.seems
 'He would not drink very much, it seems'.
98. Som-ɛj
 good-VBLZ
 'It's good!'
99. yt-qiʎ ʃʃæxæ ʃʃo
 water-ADJ like what
 'Just like water, why (not)'.
100. mækkæ ej mi-s-ɔ:t saɲar-qo
 1SG.DAT and give-PST-3PL try-INF
 '(They) gave me also (some) to taste'.

101. kipi-ka-lə:qi yti-s-aŋ na qəntik əpə: qaj
 little-AUG-DIM drink-PST-1SG there how phew what
 'I drank a little: how (could they), phew why!'
102. qəntik təm yti-k-ɔ:t?
 how 3SG drink-HAB-3PL
 'How do (they) drink it?'
103. na kuti-ka-ʎ qupɪ-n æ:tæ-l-laka ɛ:-s-a
 there who-FOC-ADJ man-GEN reindeer-GEN-SING be-PST-3SG.SBJ
 'What man's was the reindeer?'
104. nimti qo:ri-p [tə=ʎi me:s tə:ʃa-k-sə:tiʎ æ:tæ
 there bull-ACC probably all get.skinny-VBLZ-PART.DEB reindeer
 Petra ʎi ælpæ mat-ɛʎə:l-læ nɪʎʃi-k me:-ʎʃi-s-ɔ:tin
 Pete whether away cut-PLOBJ-CVB such-ADVZ do-INT.PFV-PST-3PL
 'There the most skinny reindeer bull probably was to be slaughtered, maybe the Peter's (one), (and) so they have done (it)'.
105. puto-ʎ yr-ti to: i:-s-ɔ:t
 inside-ADJ fat-POSS.3SG away take-PST-3PL
 'Visceral fat was taken out'.
106. me:s pati-ti mi:ti-ti me:s somak to: eta ze fs'o
 all gal-POSS.3SG liver-POSS.3SG all stomach away this indeed all
 somak kənpilæ me:-ʎʃi-k-ɔ:t aʃa mi-ʎ pæqqi
 stomach quickly do-INT.PFV-HAB-3PL NEG something-ADJ moose
 'All the gall, liver, all the stomach, they (take) away, all that indeed, they always do all that quickly, not like with a moose'.

3. Conclusion

There is no doubt concerning the historical existence of the bear festival among the Selkups. The tradition was preserved as recently as a half a century ago. What we observe today are just remnants of this tradition. Still, these remnants are deeply rooted and do not seem to be soon forgotten, especially that part concerning the hunting process. In 1996 in the village of Ratta (Krasnoselkup district, Yamalo-Nenets Autonomous Area) I recorded a bear hunting story containing practically all the most important bear hunting restrictions, and some ways to break these restrictions without being punished. The story-teller was Andrei Gavrilovich Boyakin, about 60 by that time, a son of a strong Evenk shaman Gavril Boyakin²³, belonging to the Evenki group assimilated by the Upper-Taz Selkups. The story-teller once found a den, returned to the village and called his relative to hunt

²³ By the way, Zhenya Helimski knew him and worked with him in 1972 when we were sent from Krasnoselkup to Ratta by Ariadna Ivanovna Kuznetsova to collect data from the Upper Tas local dialect.

the bear. They hunted with dogs. The bear managed to escape from the blocked den, and the hunters were chasing him for rather a long time following their dogs. It was the storyteller who finally managed to shoot the bear. Then he explained the bear that it was not he, a Selkup hunter, but the gun produced by the Russian, which killed him. When his companion came up and saw the dead bear he first prayed for some time; only then did the hunters start skinning the bear ("searching for lice" in his fur). Then they began to cut meat. They knew very well that the bear's carcass should be divided into pieces without breaking bones, which took much time. Meanwhile, it was getting dark and the hunters were in a hurry to return to the village before night, so they decided to break the rule, as they were experienced enough and knew how to avoid bad consequences of the rule breaking. They took axes and began to hack the bear's bones, telling a story about a bear who goes around the burnt wood and steps onto the fallen trunks and branches all the while producing cracking sounds, as if all the cracks of the bones under their axes were the cracking sounds produced by the wandering bear. This story also describes the cries of ravens, which should be imitated by people eating the bear's meat.

Thus, even if not all the bear hunting rules are observed today, nor the bear festival preserved, Selkup hunters are still mindful of the bear's unique significance and they take care to give it special treatment.

Abbreviations

ACC	accusative	INCH	inchoative
ADJ	adjectivizer	INDEF	indefinite
ADV	adverbilizer	INF	infinitive
AUG	augmentative	INS	instrumental
CAUS	causative	INT	intensive
COORD	coordinative	IPFV	imperfective
CVB	converb	LOC	locative
DAT	dative	OBJ	objective conjugation type
DETR	ditransitive	OPT	optative
DIM	diminutive	PART.DEB	participle debitive
DUR	durative	PFV	perfective
ELA	elative	PL	plural
EP	insersion	PLOBJ	plural object
EVID	evidential	POSS	possessive
GEN	genitive	PST	past
FOC	focusing particle or morpheme	PSTN	past narrative
FUT	future	SBJ	subjective conjugation type
HAB	habitual	SG	singular
ILL	illative	SING	singulative
IMP	imperative	TR	transitivizer
		VBLZ	verbalizer

References

- Alekseenko, E. A. 1960. Kul't medvedia u ketov. *Sovetskaya etnografiya* 4: 90–104.
- Gemuev, I. N. 1985. Nekotoryie aspekty kul'ta medvedia i ikh arkheologicheskiye paralleli. In: *Uralo-altaistika. Arkheologiya. Etnografiya. Yazyk*. Novosibirsk, 137–144.
- Gemuev, I. N. 1989. Bear Cult in Western Siberia. In: *Uralic mythology and folklore*. Budapest — Helsinki.
- Helimski, E. A. 1982. Samodiyskaya mifologiya. In: *Mify narodov mira: Entsiklopedia*. Vol. 2. Moscow, 398–401.
- Helimski, E. A. 1989. Glubinno-fonologicheskii izosillabizm nenetskogo stikha. *JSFOu* 82: 223–268.
- Kim, A. 1996. The relics of the Bear's cult among the Selkup. In: *Ünnepi könyv Mikola Tibor tiszteletére*. Szeged, 180–183.
- Kreinovich, E. A. 1969. Medvezhiy prazdnik u ketov. In: *Ketskiy sbornik. Mifologiya. Etnografiya, Teksty*. Moskva, 6–112.
- Nordselkupisches Wörterbuch von F. G. Mal'cev (1903)*. Hrsg. von E. Helimski und U. Kahrs. Hamburg, 2001.
- Petrukhin, V. Ya., E. A. Helimski 1982. Finno-ugorskaya mifologiya. In: *Mify narodov mira: Entsiklopedia*. Vol. 2. Moscow, 563–568.
- Prokofieva E. D. 1976. Staryie predstavleniya sel'kupov o mire. In: *Priroda i chelovek v religioznukh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa*. Leningrad, 106–128.
- Shatilov M. 1927. Ostiako-samoyedy i tungusy Prinarymskogo raiona. In: *Trudy Tomskogo oblastnogo krayevedcheskogo museya*. Vol. 1. Tomsk.
- Skalon V. N. 1931. Pisanyie liudi. In: *Okhotnik i rybak Sibiri* 4.
- Uraev R. A. 1927. Materialy k shamanizmu tymskikh selkupov. In: *Trudy Tomskogo oblastnogo krayevedcheskogo museya*. Vol 1. Tomsk.
- Vasilevich, G. M. 1971. O kul'te medved'a u evenkov. In: *Religioznyie predstavleniya I obriady narodov Sibiri v XIX — nachale XX veka*. (Sbornik Muzeya antropologii i etnografii, 27.) Leningrad, 150–169.

Трикстеры-пройдохи в ненецком фольклоре¹

М. Д. Люблинская

Институт лингвистических исследований РАН

Точно известно, когда начали записывать и популяризировать ненецкий фольклор — первая сказка на ненецком языке «Вада хасово» появилась в XII выпуске восстановленного после перерыва научно-популярного журнала «Новые ежемесячные сочинения» в июне 1787 г. (BX 1787). В XIX и в начале XX века фольклор собирали М. А. Кастрен, Т. Лехтисало. Т. Лехтисало свои записи разделил на 19 типов, или жанров (Lehtisalo 1947). До Великой отечественной войны много фольклорных сказаний записали А. П. Пырерка и Н. М. Терещенко. Записи, собранные в последней фольклорной экспедиции А. П. Пырерки в 1940 году и долгое время считавшиеся пропавшими в блокадном Ленинграде, были обнаружены А. Н. Анфертъевой в 2010 году в фондах архива РАН. На сайте ИЛИ РАН дан их перечень (<https://iling.spb.ru/nord/materia/pyrerka/index.html>).

История и результаты собирания, изучения, сохранения ненецкого фольклора на 2001 год, существующее разнообразие типов и жанров подробно описано во вступительных статьях тома «Фольклор ненцев» в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Е. Т. Пушкарёва группирует фольклорные произведения соответственно их ненецким названиям (ФН 2001: 23). Это разделение, как и рубрики Т. Лехтисало, не выделяет сюжет про трикстера — «плутовской рассказ» в самостоятельный тип: у Лехтисало он включен в *Schwänke* (сатирический рассказ), у Е. Т. Пушкарёвой относится, видимо, к *иле*́мя (предание). Деления исследователя и рассказчика не всегда совпадают: повествование №37 из группы *Schwänke* в по-ненецки названо *Сюдбабцъ*, т. е. 'Героическое сказание', а №38 — «Хэбидя лаханак» 'Миф-сказка, священное сказание' дальше характеризуется как *Явмал' илемя* 'Предание о Явмале'² и переведено как 'Похождения Явмала' (НФ 2001: 88–89). Различие классификаций естественно, потому что повествованию

¹ Выражаю большую признательность студентке ИИС Владе Артуровне Окоэтто за активное участие в переводе.

² *Явмал* — мифологический Старик-прародитель, живущий в устье Оби. Гортанный смычный -"- в слове *иле*́мя может произноситься или опускаться в разных говорах.

свойственно несколько признаков, а классификация проводится по одному из них. В последних публикациях «плутовские» по сюжету рассказы о неприятном обманщике Нардалё вошли в книгу «Ненецкий фольклор» (Лабанаускас 1995), плутом является также хитрец Ембо (Йомбо) — частый персонаж детских сказок (например, сказка «Бочонок икры»).

Начало такого рассказа (былички) о хитром ханты «Сидя хаби» записал Антон Петрович Пырерка 27 сентября 1940 года в Ненецком национальном округе (сегодня Ненецкий автономный округ) от Ефима Григорьевича Талеева. В справке-биографии Талеева сказано, что ему 60 лет, живёт всё время в Малоземельской тундре, социальное положение бедняк, стоит своим чумом у Неруты³, 6 лет состоит в колхозе. Антон Петрович записывал тексты латинскими буквами, использовал букву *ь* из Единого северного алфавита для гласного среднего ряда верхнего подъёма (сегодня буква *ы*), знак *?* для обозначения гортанного смычного звука (см. иллюстрацию). В тексте попадают слова, заимствованные из русского языка — глагол, указательные местоимения (предложения 38, 53 и др.).

При глоссировании в строке морфемного членения мы конвертировали оригинальную запись в кириллическую по современным нормам ненецкой орфографии. В рукописи по правилам того времени не указан показатель родительного падежа единственного числа, мы его восстанавливаем в этой строке. Не отмечаются значения именительного падежа единственного числа субъекта или объекта⁴ и настоящего, точнее небудущего, времени. Как *INF* маркируются ничем не осложнённые глагольные основы в составных предикатах и в полипредикативных конструкциях. Отмечается нулевой показатель 3 лица единственного числа⁵ субъектного типа спряжения. Слог *-на-* перед личным показателем в глагольных личных формах небудущего времени основ на *-* сегодня не имеет собственного значения. В случаях совпадения личных показателей единственного и множественного числа, значение числа не указывается. Пояснения устойчивых оборотов и названий этнографических реалий приводятся в скобках после перевода слова.

³ Река в Ненецком автономном округе России. Впадает в Болванскую губу Печорской губы Баренцева моря.

⁴ В ненецком языке объект в определённых случаях маркируется именительным падежом.

⁵ Личные показатели спряжения лицо+число не всегда можно однозначно разделить на компоненты, мы их рассматриваем как единый.

27/IX 1940.
Si'da habi.

MSM

Jahano sad nina si'da habi jilewa. Pda-
ra jahano sad nina jileya. Pa jaggasana
hulanom hadabi. Tonim hadabi, nenzadim
hadabi. Ta jileya? Awondabi? jingu non.
daboli? jingu. Jangom bixama jahano-
da hasinad. Janna? To? nix? laca. Non
huxoma fagdu. Per? yuonunda habi? ha-
nira? Habi? fonia. hulanom wonxunda
jixam sirwada. Wonxam foniainda nixoda
yada. Luma? ja? haxolan fu? Luma?
ja? ma? si? om?

- Haj wonxam jix fahuma fonia yom.
Habi? ja? laci? fura maljgama vrim.
Luma? ma?

- Wonxam jix fonia fonia.

- Per? wonxam biximama nixotaryas.
tonim hulanom? Wonxam? haxil? no? ja
Habi? nida jix haxa. Suxit? f? d? p?
fonia? ma? wonxam fonia? nixam? Wonx-
am? ja? jix fad? jaxada haxolan fu?
leda?

Luma? ja? yebama amab? nixi
f? j? sub? b? am b? d? o?

с. 504

0. Sid'a habi.
сидя хаби
два ханты
Два ханты.
1. Jahako s'ad n'in'a s'id'a hab'i jil'ewъ.
яха-ко-' сяд-' ниня сидя хаби иле-вы-Ø
река-DIM-GEN.SG обрыв-GEN.SG на два ханты жить-PAST-1/3SG
На обрыве речки жили два ханты.
2. Pədara jahako s'ad nin'a jil'eŋa?
Пэдара яха-ко-' сяд-' ниня иле-џа-"
лес река-DIM-GEN.SG обрыв-GEN на жить-IMPF-1/3PL
На обрыве лесной речки жили.
3. P'a poŋgac'ana hal'akom hadab'i?
Пя поџга-ця-на халя-ко-м' хада-би-"
дерево сеть-DIM-LOC.SG рыба-DIM-ACC.SG добыть-DUR-1/3PL
Деревянной сеткой (запором из прутьев) рыбку добывали.
4. T'on'am hadab'i?, n'enzadm hadab'i?
Тёня-м' хада-би-"
лиса-ACC.SG добыть-DUR-1/3PL выдра-ACC.SG добыть-DUR-1/3PL
Лису добывали, выдру добывали.
5. Ta jil'eŋa? towndadi? jangu həwndadi? jangu.
Та иле-џа-"
так жить-IPF-1/3DU придти-DEV.PTC-PX3DU отсутствовать-1/3SG
хэ-внда-ди' яџгу-Ø
уйти-DEV.PTC-PX3DU отсутствовать-1/3SG
Так живут, приходящих-их нет, уходящих-их нет (т. е. совсем одни).
6. ŋamgembirkana jahakonda tasin'ad jadna? to? n'ar luca.
ŋamgə-' пир-кана⁶ яха-ко-нда тасиняд ядна-"
что-GEN.SG длительность-LOC.SG река-DIM-PX.GEN.SG.3SG снизу идти-PTCPRS-PL
то-"
няр" луца
придти-3/3SG три русский
Через какое-то время из низовья речки пешие⁷ пришли, трое русских.

⁶ В ряде говоров ненецкого языка регулярно происходит озвончение/оглушение/аффрицирование начальной согласной слова, если оно присоединяется после назализирующей гортанной смычной предшествующей словоформы, сама гортанная чередуется с назальным сонантом того же места образования. Ряд таких устойчивых сочетаний записан Антоном Петровичем слитно.

⁷ Способ передвижения гостей указывает, что это «чужие» люди, не оленеводы, которые ездят на нартах.

7. How t'ukon'a toŋowʔ.
Хов тюконя то-џов⁸-”
хов сюда придти-1/3PL
Вот сюда пришли.
8. N'erʔ ɲawnanda hab'iʔ hanewəʔ.
Нер” џавна-н-да хаби-” хане-вэ-”
перёд прошлый-GEN.SG-PX3SG ханты-PL охотиться-PST-1/3PL
Перед тем ханты охотились.
9. Habir t'on'am hadawʔ wən'ekonda jikon s'arwəda.
Хаби-р тёня-м' хада-вы-Ø вэне-ко-нда
ханты-PX2SG лиса-ACC.SG добыть-PST-1/3SG собака-DIM-GEN.SG-PX3SG
ика-н сяр-вэ-да
шея-DAT.SG обвязать-PST-2/3SG
Ханты лису добыл, вокруг шеи собачки своей обвязал.
10. Wən'eko t'on'amda n'udernada.
Вэне-ко тёня-м-да нюдер-џа-да
собака-DIM лиса-ACC.SG-PX.3SG. тащить-2/3SG
Собачка лису свою тащит.
11. Lucakoʔjaʔ hardan t'uʔ.
Луца-ко-”я-” харда-н тю-”
русский-DIM-AUGM⁹-PL дом-DAT.SG войти-1/3PL
Эти-русские в дом вошли.
12. Lucakoʔjaʔ maʔ niʔimʔ:
Луца-ко-”я-” ма-” ни”им-”
русский-DIM-AUGM-PL сказать-CNF AFF-1/3PL
Эти русские и говорят:
13. — Naj wəneko jik t'ahana t'on'a ɲəwʔ.
— Хай вэне-ко-’ ик-’ тяхана тёня џэ-вы-Ø.
ой собака-DIM-GEN.SG шея-GEN.SG за лиса быть-PST-1/3SG
— Ой, на шее у собачки лиса.
14. Nab'inə luc'iʔ t'uwa mal'ɲgana jormʔ.
Хаби-нэ луци-” тю-ва-’ мальнган аёр-мы-Ø
ханты-ESS русский-GEN.SG.PL войти-NV.PRES-GEN.SG когда шутить-PST-1/3SG
Ханты-то, как русские вошли, пошутил.

⁸ Слог [ɲoʃ] здесь ритмический, не имеет лексического или грамматического значения, вставлен по правилам исполнения сказаний.

⁹ Допускается сочетание уменьшительного и увеличительного суффиксов в одной словоформе, увеличительный в этом случае передает значение осуждения.

15. Lusaʔ maʔ:
 Луца-” ма-”
 русский-PL сказать-1/3PL
 Русские сказали:
16. — Wəp'eko jik t'an'a t'on'a.
 — Вэне-ко-’ ик-’ тяханя тёня
 собака-DIM-GEN.SG шея-GEN.SG за лиса
 — У собачки на шее лиса.
17. — N'erʔ wəp'ekow həwn'amna n'awtarɲas' t'on'am hadawɲkʔ.
 — Нер” вэне-ко-в хэвня-мна нявтор-ɲа-Ø-сь
 раньше собака-DIM-PX1SG сторона-PROL.PL бегать-1/3SG-PRF
 тёня-м’ хада-вы-кы-Ø
 лиса-ACC.SG добыть-PST-PROB-1/3SG
 — Сперва собачка моя где-то (букв. по сторонам) бегала, лису добыла, видимо.
18. — Wəp'ekom'i han'ojkoʔja.
 — Вэне-ко-ми ханёй-ко-”я-Ø
 собака-DIM-PX.1SG замёрзнуть-DIM-AUGM-1/3SG
 — Собачка моя немного замёрзла ведь.
19. Həb'iʔ n'eda p'in həja.
 Хаби-’ не-да пи-н хая-Ø
 ханты-GEN.SG жена-PX3SG улица-DAT.SG выйти-1/3SG
 Жена ханта на улицу пошла.
20. S'en'anta tarɲ.
 Сеня-нта тарпы-Ø
 сени-DAT выскочить-1/3SG
 В сени выскочила.
21. S'en'aʔna wəp'eko t'on'am m'inaɲja.
 Сеня-”на вэнеко тёня-м’ минар-ɲа-Ø
 сени-LOC.PL собачка-GEN.SG лиса-ACC.SG носить-1/3SG
 В сенях собачка лису носит.
22. Wəp'ekonda jik t'ad jekada hardan t'ul'eda.
 Вэне-ко-н-да ик-’ тяхад ека-да
 собака-DIM-GEN.SG-PX3SG шея-GEN.SG из-за отвязать-2/3SG.OBJ.SG
 харда-н тюле-да
 дом-DAT.SG внести-2/3SG.OBJ.SG
 С шеи собаки отвязала, в дом внесла.

23. *Lucako?ja? ɲobkana amdъ? n'id'i təri suhultamb'ido?*
 Луца-ко-"я-" ɲобкана амды-" ни-ди'
 русский-DIM-AUGM-PL вместе сидеть-1/3PL товарищ-ACC.PX3DU
 тэри суху-л-та-мби-до'
 сильно подталкивать-INH-CAUS-DUR-2/3PL.OBJ.DU
 Эти русские вместе сидели, <они> друг-друга сильно подтолкнули:
- с. 505
24. — *Həj, t'ikъ wən'ekor n'ana? han'oj ɲəwъn'o?*
 — Хэй, тикы вэне-ко-р няна" ханёй ɲэ-вы-Ø-нё'
 хэй этот собака-DIM-PX2SG мы-DAT охотничья быть-PST-1/3SG-AFF2
 — Хэй, эта собачка-то нам охотничья была бы ведь.
25. — *Hə?, wən'ekoc'aw orc'am, t'ikъ'id mъm'i rəɲɲam.*
 — Хэ', вэнеко-ця-в ɲаворця-' тикы-ри-д мы-ми пэр-ɲа-м'
 хэ' собака-DIM-PX1SG пища-ACC.SG этот-DEL-ABL.SG еда-PX1SG промышлять-1/1SG
 — Хэ, только собачки моей добычу, от того я еду-мою промышляю.
26. — *Wen'eko-n'u? han'oj.*
 — Вэне-ко-ню' ханёй-Ø
 собака-DIM-AFF2 охотничья-1/3SG
 — Собачка ведь охотничья.
27. *Luca? ma?niw?*
 Луца-" ма-" ни-в"
 русский-PL сказать-CNF AFF1-1/3PL
 Тут русские сказали.
28. — *Haŋgwab? t'ikъ wən'ekoc'anda n'inakəda tat?*
 — Хаŋгва-б" тикы вэне-ко-ця-н-да
 просить-NV.PRES-COND этот собака-DIM1-DIM2-GEN.SG-PX.3SG
 ни-на-кэ-да та-т-"
 NEG-PRES-PROB-2/3SG.OBJ.SG дать-FUT-CNG
 — Если попросить, он эту собачку свою не даст ли?
29. — *M'ir'etakъ.*
 — Мире-та-кы-Ø
 дорогой-PRES-PROB-1/3SG
 — Дорогая, наверное.
30. *T'ikъ wənekowar sac' han'uj əwъ.*
 Тикы вэне-ко-ва-р саць ханюй э-вы-Ø
 этот собака-DIM1-AFF3-PX.2SG такая охотничья быть-PST-1/3SG
 Эта собачка-то хороший охотник, видать.

31. Nan'a ortakʔ.
Ханя' ор-та-кы-"
куда есть-PRES-PROB-1/3PL
Там, верно, ели.
32. Orc' mal'ejadʔ.
Ор-ць мале-я-д"
есть-CNV кончить-3/3PL
Закончили есть.
33. Ма: — Əj, habi-ŋə wən'ekos'amd n'in'akər tanguʔ?
Ма-Ø: — Эй, хаби-ŋə, вэнеко-ця-м-д
сказать-1/3SG: эй ханты-ESS собака-DIM1-DIM2-ACC.SG-PX2SG
ни-на-кэ-р та-ŋгу-"
NEG-PRES-PROB-2/2SG дать-FUT-CNG
Сказал <русский>: Эй, ханты, собачку свою не дашь ли?
34. — Həʔ, wən'ekow sawas'e.
— Хэ", вэне-ко-в сава-Ø-сь.
хэ", собака-DIM1-PX1SG хороший-1/3SG-PRF
— Хэ, собачка моя хорошей была.
35. — Hanz'erʔ wən'ekos'iʔ jil'eŋum?
— Ханзер" вэне-ко-си-' иле-ŋгу-м"?
как собака-DIM-CAR-ADV жить-FUT-1/1SG
— Как без собачки жить буду?
36. Luc'id hartoʔ puŋgnandoʔ hasŋgabwondoʔ.
Луци-д хар-то" пуŋ-гана-ндо' хасŋгаб-вон-до'
русский-PL.PX2SG сам-3PL между-LOC-PX3PL шептать-AUD-3PL
Русские меж собой слышно зашептались.
37. — Wən'ekomda m'irepata ŋoʔ təmdabaʔnaʔ tara.
— Вэне-ко-м-да мире-па-та ŋo" тэмда-ба"-на" тара-Ø
собака-DIM-ACC.SG-PX3SG дорогая-DUR-PRT.PRS вот купить-COND-1PL надо-1/3SG
— Раз собачка ценная, надо купить.
38. Tadaʔ jurʔ s'elkoj tanguda tak wən'ekow məŋguraʔ
Тада" юр" селкой та-ŋгу-да" так вэне-ко-в мэ-ŋгу-ра"
тогда сто рубль дать-FUT-2/2PL так собака-DIM1-PX1SG держать-FUT-2/2PL.OBJ.SG
Тогда сто рублей дадите, собачку мою держите.
39. Tonaʔ jurʔ s'elkoj n'in'uʔ oka aʔ.
То-на" юр" селкой ни-Ø-ню" ŋока ŋа-"
придти-PX1PL сто рубль NEG-1/3SG-AFF2 много быть-CNG
Доставшихся (букв. пришедшие <разбоем>) сто рублей ведь не много.

40. Tona? jur? s'elkojhawa tanjuwa?
 То-на" юр" селкой-хава та-нгу-ва"
 придти-PX1PL сто рубль-AFF3 дать-FUT-1/1PL
 Доставшиеся сто рублей-то дадим.
41. Parombalta? tado? jur? s'elkoj tol n'i-? mǝ?
 Паромбалта-" та-до' юр" селкой тол ни' мэ"
 заспешить-1/3PL дать-3/3PL сто рубль стол на находиться-3/3SG
 <Русские> заспешили, отдали, сто рублей на столе оказались.
42. Nǝm'ado? n'i ad'u?
 Хэ-"мя-до' ни-Ø нядю-"
 уйти-NV.PST-PX3PL NEG-1/3SG видимый-CNG
 Ушли, не прощаясь (букв. уход-их не виден был)

с. 506

43. Jadwando? s'er? mamonda?:
 Яд-ва-н-до' сер' ма-монда-":
 идти-NV.PRES-GEN.SG-PX3PL PP сказать-AUD-1/3PL
 Пока шли, слышно, сказали:
44. S'ehǝrǝ m'un'a mǝwana? s'er? t'on'a? tos'etǝ?
 Сехэры-' мюня мэ-ва-на" сер' тэня-" то-сеты-"
 дорога-GEN.SG в находиться-NV.PRES-PX1PL PP лиса-PL прийти-USIT-1/3PL
 Вот мы в дороге, <тут> лисы обычно приходят
45. ǎdarǝnguwa? tak t'on'am n'a?amngu? n'id'aw?
 Ёдара-нгу-ва" так тэня-м' ня"ам-нгу-" ни-дав"
 отпустить-FUT-1/1PL так лиса-ACC.SG схватить-FUT-CNF AFF-2/3SG
 Отпустим <собаку>, так лису точно возьмёт .
46. Wǝn'ekomdo? hana tǝr'i s'urba hajo?
 Вэне-ко-м-до' хана-Ø тэри сюрба хаё-"
 собака-DIM1-PX.ACC.SG3PL отпустить-1/3SG очень бежать пойти-3/3SG
 Собачку отпустил, быстро побежала.
47. Hab'ir jinzal'e.
 Хаби-р инзеле-Ø
 ханты-PX2SG слушать-1/3SG
 Ханты-твой слушает.
48. Hab'ir jih'in'anda ma?:
 Хаби-р и-хинянда ма-":
 ханты-PX2SG ум-PX.LOC3SG сказать-3/3SG
 Ханты-твой подумал:

49. — S'ehəŋg m'umn'a jadəŋŋa tak rasbojnik? əwəŋn'u?.
 — Сехэры-' мюмня ядэр-џа-Ø так разбойник-" џэ-вы-"-ню"
 дорога-GEN.SG в идти-1/3SG так разбойник-PL быть-PST-1/3PL-AFF2
 — <Если кто-нибудь> по дороге идёт, так разбойники бывают ведь.
50. Sawa hɯwŋ'i s'ehəŋg n'in'a n'i mənŋu?.
 Сава хибяри сехэры-' ниня ни-Ø мэ-нгу-"
 хороший человек дорога-GEN.SG на NEG-1/3SG находится-FUT-CNG
 Хороший человек на дороге не окажется
51. — T'ikɯ luca?ko?ja s'ehəŋg m'u? təwnakɯd? how at'enaŋo?.
 — Тикы луца-ко-"-я-" сэхэры-' мю' тэв-на-кы-д" хов,
 этот русский-DIM-AUGM-PL дорога-GEN.SG в прийти-PRES-PROB-1/3PL хов
 атена-Ø џо"
 ждать-1/3SG вот
 Эти русские по дороге придут наверное, ждал-ведь.
52. ɲamgemb'irkana s'ehŋg waruwna t'on'ako?je to.
 ɲамгэмбиркана сехэры-' вару-вна тёня-ко-"я то-Ø
 через некоторое время дорога-GEN.SG край-PROL.SG лиса-DIM-AUGM прийти-1/3sg
 Через некоторое время по краю дороги лисица прошла
53. Tad t'ikɯ wən'ekomdo? ɲus'xoɟba p'a.
 Тад тикы вэне-ко-м-до' ɲусьхой-ба пя-Ø
 так эта собака-DIM-PX.ACC.SG3PL науськивать-DUR начать-1/3SG
 Так эту свою собачку науськивать стал
54. Wən'ekoc'aɟjado? t'uɟur'i tara
 Вэнеко-ця-"я-до' тю"у-ри тара-Ø.
 собака-DIM-AUGM-PX3PL вверх-LIM прыгать-1/3SG
 Собачка только прыгает
55. Jat hanz'el'i? ɲus'kajb'ido?.
 Ят ханзели" ɲуськай-би-до'.
 ну по-всякому науськивать-DUR-3/3PL
 Ну по-всякому науськивали.
56. T'on'ado? ju? t'ib'am to.
 Тёня-до' ю" тибя-м' то-Ø
 лиса-PX3PL десять сажень-ACC прийти-1/3SG
 Та лиса на десять саженей подошла.
57. How wən'ekodo? tər'iwa jerwata madarŋa.
 Хов вэне-ко-до' тэрива ерва-хата мадар-џа-Ø
 хов собака-DIM-PX3PL просто хозяин-PX.DAT.PL3SG лаять-1/3SG
 Хов собака только для хозяев лает.

58. T'on'ada həwn'aʔ həja.
Тёня-да хэвня' хая-Ø.
лиса-PX3SG в-сторону уйти-1/3SG
Та лиса в сторону ушла.
59. N'arʔ lucar maʔniw:
Няхар" луца-р ма-" нив-Ø:
три русский-PX2SG сказать-CNF AFF-1/3SG
Эти трое русских тут сказали:
60. — T'edaʔ habim'i hadawanz' həbʔnaʔ tara.
— Теда" хаби-ми хада-ванзь хэ-б"-на" тара.
теперь ханты-PX.ACC.SG1SG убить-DEV.CNV пойти-COND-1PL требоваться-1/3S
— Теперь, того ханты чтоб убить, пойти нам надо
61. Ni-b-ta m'i jes'naʔ tabta tara.
ни-б-та ми есь-на" табта тара-Ø.
NEG-COND-3SG дать деньги-PX1PL прижать требоваться-1/3SG.
Если не отдаст наши деньги, прижать надо.
62. Hab'ir s'id'erʔ s'iwn'a manəsʔ n'idawʔ.
Хаби-р сидер-' си-вня манэс" ни-дав".
ханты-PX2SG окно-GEN.SG дыра-PROL увидеть-CONF AFF-2/3S.OBJ.PL
А ханты через окно <их> увидел
63. Hab'ir n'ehənda ma:
Хаби-р не-хэ-нда ма-Ø:
ханты-PX2SG жена-PX.DAT.SG3SG сказать-1/3SG
Ханты жене своей сказал:
64. Jeddawaʔ p'ir'e tara m'adond'inaʔ toʔ.
Ед-да-ва" пире тара-Ø, мядонди-на" то-".
котёл-DEST-PX1PL варить-INF надо-1/3SG гость-PX.PL1PL прийти-1/3PL
Котёл наш варить надо, к нам гости пришли.
- с. 507
65. Jedda lohomb'i.
Ед-да лохомби-Ø
котёл-PX.3SG кипеть-1/3SG
Котёл кипит.
66. Horsomda stol ni mas't'eda.
Хорсо-мда стол-' ни масьте-да.
горшок-PX.ACC.SG3SG стол-GEN.SG.SG на ставить-2/3SG.OBJ.SG
Горшок на стол поставила.

67. Stol n'in'a jedda lohomb'i.
 Стол-' ни-ня ед-да лохомби-Ø.
 стол-GEN.SG.SG на котёл-РХ.3SG кипеть-1/3SG
 На столе котёл кипит.
68. Now, luc'id t'uc'o?
 Хов, луци-д тю-" џо"
 хов русский.РЛ-РХ.2SG войти-1/3PL вот
 Хов, вот русские вошли.
69. Hardan t'u?
 Харда-н тю-".
 дом-DAT.SG войти.-1/3PL
 В дом вошли.
70. Hab'ind horsokoda stol n'in'a lohomb'i.
 Хаби-нд хорсоко-да стол-' ни-ня лохомби-Ø.
 ханты-РХ.GEN.SG2SG горшок-РХ.3SG стол-GEN.SG на кипеть-1/3SG
 А у ханты горшок на столе кипит.
71. Luc'id jih'in'anda ma?
 Луци-д и-хиня-нда ма-":
 русский-РХ.GEN.PL2SG ум-РХ.LOC.SG-3PL сказать-1/3PL
 Русские подумали (букв. русских в уме-их сказали):
72. – Hanz'er ŋamgə hab'ind horsokda stol n'in'a lohomb'i?
 – Ханзер ŋamgə хаби-нд хорсок-да стол-' ни-ня
 как что ханты-РХ.GEN.SG2SG горшок-РХ.3SG стол-GEN.SG на
 лохомби-Ø?
 кипеть.-1/3SG?
 – Как это у ханты горшок на столе кипит?
73. Wot t'uku horsokhawada təmda sawa əw.
 Вот тюку хорсок-хава-да тэмда сава џэ-вы-Ø.
 вот этот котёл-AFF3-РХ.3SG купить-INF хорошо быть-PST-1/3SG.
 Вот этот его котёл-то купить хорошо было бы.
74. Sehəŋ n'in'a mɔbʔnana? orman harwas'etwa?
 Сехэры-' ниня мы-б"на-на" џор-ман харва-сеты-ва".
 дорога-GEN.SG на находится-COND-1PL есть-PURP хотеть-USIṬ-1/1PL
 Как в дороге находимся, есть хотим.
75. P'a? n'i mas't'ed harta lohombanga.
 Пя-" ни-' масьте-д хар-та лохомба-џга-Ø.
 дерево-GEN.SG на ставить-IMP.2/2SG.SG.OBJ.SG сам-3SG кипеть-FUT-1/3SG
 На дрова поставь, сам закипит.

76. Humb'irr'i əja m'irta tamb'irm m'itawa?
 Ху'-пир-ри џэ-я мир-та та' пир-м' ми-та-ва"
 куда-размер-DEL быть-IMP.1/3SG цена-PX3SG тот размер-ACC.SG дать-FUT-1/1PL
 Сколько будет его цена, столько дадим.
77. S'ehəŋ m'un'a jerəŋobʔnana? oroj jurɫ'i wun's'etʔwa? p'aʔamʔ.
 Сехэры-' мяня ераŋго-б"на-на" џопой юр-ли
 дорога-GEN.SG в подстерегать-COND-1PL один жир-DEL
 вуни-сеты-ва" пя"ам-"
 NEG.AFF-USIT-1/1PL начать-CNF
 На дороге когда подстерегаем <кого-нибудь>, один жир ведь едим.
78. Hup'es' hadas'etʔwa? oka jes'am məs'tʔwa?
 Хупецъ хада-сеты-ва" ока еся-м' мэ-сеты-ва"
 купец убить-USIT-1/1PL много деньги-ACC.SG держать-USIT-1/1PL
 Купца убиваем, много денег получаем.
79. Hab'i jinz'el'e jid'a jadəŋŋa:
 Хаби инзеле-Ø и-дя ядэр-ŋа-Ø
 ханты слушать-1/3SG ум-PX3SG ходить-1/3SG
 Ханты слушает, думает:
80. — Tadoʔ jur'e s'elkoj tabtoʔ horsokuw m'iʔiwas'.
 — Та-до" юре селкой та-б-то' хорсоку-в ми-"и-ва-сь
 тогда сто.ACC.PL рубль дать-COND-3PL горшок-PX1SG дать-CNJ-2/1SG.OBJ.SG-PRF¹⁰
 — Тогда сто рублей, если дадут, мой горшок отдал бы.
81. N'arʔ lucar obʔ wun'iʔ manʔ s'id'a wun'iʔ manʔ.
 Няхар" луца-р џоб" вуни-" ман-" сидя
 три русский-PX2SG один NEG.AFF-1/3PL сказать-CNG два
 вуни-" ман-".
 NEG.AFF-1/3PL сказать-CNG
 Трое русских ни слова не сказали (т. е. не говоря лишнего, сразу)
82. Horsokor m'irdat!
 Хорсоко-р мирда-т"!
 горшок-PX2SG продать-IMP2/2PL
 Горшок свой продай!
83. Hab'ir ma:
 Хаби-р ма-Ø
 ханты-PX2SG сказать-1/3SG
 Ханты сказал:

¹⁰ В этом слове условность выражена сочетанием в словоформе суффикса далёкого будущего и суффикса перфекта идикатива.

84. — Tada? jur? s'elkoj tabta? horsokur tabcuw.
 — Та-да" юр" селкой та-б-та" хорсоку-р та-бцу-в
 тогда сто рубль дать-COND-1/2PL горшочек-PX2SG дать-NEC-2/1SG.OBJ.SG
 — Тогда давайте сто рублей, горшок отдам.
85. Horsokur tarawa tarawa.
 Хорсоку-р тара-ва-Ø тара-ва-Ø
 горшок-PX2SG нужным.быть-NV-1/3SG нужным.быть-NV-1/3SG
 Этот горшок полезный-полезный.
86. N'ananda sac' taranakъ.
 Нянанда саць тара-на-кы-Ø
 мы.DAT очень нужный-PRES-PROB-1/3SG
 Нам очень пригодится, видимо.
87. Stol n'i tado? jur'e s'elkoj oko?
 Стол-' ни-' та-до" юре селкой око".
 стол-GEN.SG на-LAT.ADV дать.-2/3PL.OBJ.SG сто-ACC.PL рубль много-есть-3/3SG
 На стол положили целых сто рублей.
88. Luc'ida awla?mahadanda horsokmda
 Луци-да" џавла-"ма-хада-нда хорсок-м-да
 русский-PX3PL кормить-NV.PST-PX.ABL.SG3SG¹¹ горшок-ACC.SG-PX3SG
 Русских своим, как накормил, он горшок <им>
- с. 508
 m'i?ida.
 ми"и-да.
 дать-2/2SG.OBJ.SG
 отдал.
89. Horsokomdo? n'a?ma? tər'i haja?
 Хорсоко-мдо' ня"ма-" тэри хая-".
 горшок-PX.ACC.SG3PL взять-1/3PL просто уйти-1/3PL
 Котел свой взяли и ушли
90. Hə?m'adno? s'ehərəndo? həwan təwɔd?
 Хэ-"мя-хад-ндо' сехэрэ-н-до' хэва-н тэвы-д".
 уйти-NV.PST-ABL.SG-PX3PL дорога-PX.GEN.SG-3PL сторона-DAT.SG прийти-PST-3/3PL
 Уйдя, дошли до (букв. пришли к стороне) своей дороги.
91. ʔamgəmb'irhan at'ena? pəws'um'a.
 ʔамгэ-'пир-хан џатена-" пэвсюмя-Ø.
 что-GEN.SG-размер-LOC.SG ждать-1/3PL стемнеть-1/3SG
 Некоторое время подождали, стемнело.

¹¹ В подобных предложениях (полипредикативных) отыменная форма от глагола (здесь от *џавла(сь)* 'накормить') выполняет синтаксическую роль зависимого предиката (88, 90, 96 и др).

92. How, ma? ni?im:
 Хов, ма-” ни”им.
 хов, сказать-CNF AFF-1/3SG
 Хов, и говорит <один>:
93. — Jedkowa? lohomda tara.
 — Ед-ко-ва” лохом-да тара-Ø.
 котел-DIM-PX1PL кипеть-CAUS.INF надо.-1/3SG
 — Надо наш котелок вскипятить.
94. Ti jedkomdo? p’akoc’a n’i mas’ibt’e?
 Ти ед-ко-м-до’ пя-коця-’ ни-’ масибте-”
 вот котел-DIM-ACC.SG-PX3PL дерево-DIM-GEN.SG на поставить-1/3PL
 Вот свой котелок на дровишки поставили.
95. Jedkondo? həwhana at’ena?
 Ед-ко-ндо’ хэв-хана џатена-”.
 котел-DIM-PX.GEN.SG3PL сторона-LOC.SG ждать-IMPF-1/3PL
 Рядом с котелком ждут.
96. Tar’em at’enanahando? huwə n’akuŋə həja.
 Тарем џатена-на-хандо’ хувы ня-куй-џə хая-Ø.
 так ждать-PRTC.PRS¹²-PX.DAT.3PL утро.ATR-GEN.SG к-DIM-ESS уйти.-1/3SG
 Пока так ждали, утро почти настало.
97. Ʒamd’odahando? honaraw-d?
 Ʒамдѐ-да-хандо’ хонара-вы-д”.
 сидеть-PRTC.PRS-PX.DAT.SG3PL заснуть-PST-3/3PL
 Пока сидели, заснули.
98. An’ido? s’id’odan? jeddo? tamna n’iwə lohow?
 Ʒани-до’ сидѐда-ны-” ед-до’ тамна ни-вы-Ø лохов-”.
 другой-PX3PL проснуться-IPF--1/3PL котѐл-PX3PL ещё NEG-PST-1/3SG кипеть-CNG
 Вновь просыпаются, котелок ещё не кипит.
99. Todo? oblad jedkomdo? manə?ədo? jedkodo? tamna n’iwə lohow?
 То-до’ облад ед-ко-мдо’ манə”э-до’
 подойти-2/3PL каждый-PX3PL вместе котел-DIM-PX3PL смотреть-2/3PL.OBJ.SG
 едко-до’ тамна ни-вы-Ø лохов-”.
 котел-DIM-PX3PL ещё NEG-PST-1/3SG закипеть-CNG
 Подошли по одному на котелок посмотрели, котелок ещё не закипел.

¹² В полипредикативных конструкциях отглагольные формы могут образовываться суффиксами причастий.

100. Ңамгәмб'irkana mal? sidь?.
 Ңамге-' пир-кана мал" сиды-".
 что-GEN.SG размер-LOC.SG весь проснуться.-3/3SG
 Через некоторое время все проснулись.
101. Numdo? jalumь.
 Нум-до' ялумы-Ø.
 небо-PX3PL светать.PST-1/3SG
 Рассвело.
102. Horsokdo? hanimь.
 Хорсок-до' ханимы-Ø.
 горшок-PX3PL замерзнуть.PST-1/3SG
 Котёл у них остался холодным (букв. замёрз).
103. Ңорој-до? р'ам n'aʔma t'ikь'i jahanda ladorɲada mal? maljeda.
 Ңопой-до' пя-м' ня"ма, тикы-ри я-ханда
 один-PX3PL палка-ACC.SG взять.1/3SG этот-DEL земля-PX.DAT.SG3SG
 ладорɲа-да мал" малъя-да
 ударить-2/3SG.OBJ.SG весь поломать-2/3SG.OBJ.SG
 Один из них палку взял, ею о землю ударяет, всю её поломал.
104. Ма?:
 Ма-":
 сказать-3/3SG
 Сказал:
105. T'ikь palka hab'i hada tara.
 Тикы палка хаби хада тара-Ø.
 этот дерьмо ханты убить-INF надо-1/3SG
 Этого дерьмового ханта убить надо.
106. Now, hab'imdo? hadawanz' an'i s'urbadoj?.
 Хов, хаби-мдо' хада-ванзь җани сюрбадо-й-"¹³.
 хов, ханты-ACC.SG-PX3PL убить-PURP.CNV опять бежать-2/3PL
 Хов, опять побежали убить ханта.
107. Hab'i-r n'ar s'urbadamda s'id'er s'iwn'a manəʔjada.
 Хаби-р няхар" сюрба-да-м-да сидер' си-вня
 ханты-PX2SG три бежать-PTC.PRES-PX.ACC.SG3SG окно-GEN.SG дыра-PROL.SG
 манə"-яда.
 увидеть-2/3SG.OBJ.PL
 А ханты троих бегущих в окно увидел.

¹³ В этом слове компонент -й, видимо, не несёт смысловой нагрузки.

108. Hab'ir maʔ n'iw.

Хаби-р ма-” нив.
ханты-PX2SG сказать-CNF AFF-1/3SG
И ханты сказал.

109. Owc'ita jil'elawan haja.

Овци-та иле-лава-н хая-Ø.
овца-GEN.SG.PL.PX3SG жить-NVA-DAT пойти.-1/3SG
В овечий хлев пошёл¹⁴.

110. Owc'inda palka s'in jes' saba.

Овци-нда палка-' си-н есь” саба-Ø.
овца-PX.GEN.SG3SG дерьмо-GEN.SG дыра-DAT.SG деньги.ACC.PL набить-1/3SG
В задний проход овцы деньги засунул.

111. Owc'amda hardanda t'ul'eda.

Овця-мда харда-ханда тюле-да.
овца-PX.ACC.SG3SG дом-PX.DAT.SG3SG вести.-2/3SG.OBJ.SG
Овцу домой ведёт.

112. N'arʔ luca razbojn'ik tanc'ijeʔ n'imna tantʔdʔ.

Няхар” луца разбойник танцие-' нимня танты-д”
три русский разбойник лестница-GEN.SG по подняться.-3/3PL
Три русских разбойника по лестнице поднялись.

с. 509

113. Hab'ir owc'anda puj s'iʔ həwan hɔd'am amta.

Хаби-р ъовця-нда пуй си-' хэван
ханты-PX2SG овца-PX.GEN.SG3SG задний дыра-GEN.SG сторона-DAT
хыдя-м' ъамта-Ø.
чашка-ACC.SG сажать-1/3SG
Наш ханты к заднему проходу овцы чашку поставил.

114. Umbjananda owc'anda puj s'im sabkaba p'ada.

Њумбъя-нанда ъовця-н-да пуй си-м'
палец-PX.LOC.SG3SG овца-PX.GEN.SG3SG задний дыра-ACC
сабка-ба пя-да.
ковырять-DUR.INF начать.-2/3SG.OBJ.SG
Указательным пальцем стал у овцы в заднем проходе ковырять.

115. Jes' t'ulpi.

Есь тюл-пи-Ø.
деньги.ACC.PL выковырять-DUR.-1/3SG
Деньги выковыривает.

¹⁴ Это предложение также можно перевести как форму IMP1/3SG 'Пусть идёт в овечий хлев'.

116. N'ar? lucar toʔ.
 Няхар" луца-р то-".
 три русский-PX2SG войти.-1/3PL
 Трое тех русских входят.
117. — Habi'waʔ amgem рэгҗа?
 — Хаби-ва" җамгэ-м' пэр-җа-Ø?
 ханты-PX1PL что-ACC.SG делать-1/3SG
 — Что наш ханты делает?
118. Jes' t'ulabawъn'uʔ.
 Есь тюла-ба-вы-Ø-ню".
 деньги.ACC.PL ковырять-DUR-PST-1/3SG-AFF2
 Ведь деньги выковыривал.
119. N'ar? razbojnik nidoʔ tәri suhubtambidoʔ:
 Няхар" разбойник ни-до" тәри сухубта-мби-до':
 три разбойник товарищ-PX.ACC.PL3PL очень подталкивать-DUR.-2/3PL.OBJ.PL
 Трое разбойников друг друга так и подталкивают:
120. T'ikъ owc'ar jes'ar'iʔ rapʔmъ.
 Тикы овця-р еся-ри-' пан"-мы-Ø.
 этот овца-PX2SG деньги-DEL-PL быть-наполненным-PST-1/3SG
 Эта овца ведь деньгами наполнена.
121. T'ukuwa tәmdabʔ sawa әwъ.
 Тюку-ва" тәмда-б" сава җә-вы-Ø.
 этот-PX1PL купить-COND хорошо быть-PST-1/3SG
 Это если бы купили, хорошо бы было
122. Oka jes'am haʔawraŋgowъ.
 Җока еся-м' ха"авра-җго-вы-Ø.
 много деньги-ACC.SG снимать-FUT-PST-1/3SG¹⁵
 Много денег собрано бы было.
123. Tonaʔ jurʔ s'elkoj hambʔnanda tәmdawambir әwъ.
 То-на" юр" селкой хам-б"на-нда тәмда-ва-' пир
 каждый-PX1PL сто рубль выложить-COND-PX3SG купить-NV.PRES-GEN.SG размер
 җә-вы-Ø.
 быть-PST-1/3SG
 Если выложим сто рублей, хватило бы купить.

¹⁵ Сочетание будущего и прошедшего времени в одной словоформе передает значение условного наклонения главного предиката.

124. *Hab'in maʔ:*

Хаби-н ма-":

ханты-DAT.SG сказать.-1/3PL

Ханту сказали:

125. *Owc'ar m'irdat!*

Їовця-р мирда-т!

овца-PX2SG продать-IMP2/2SG.OBJ.SG

Овцу свою продай!

126. *Owc'am aʔ n'iwʔ.*

Їовця-м' ъа-” ни-Ø-в”.

овца-ACC.SG быть-CNF AFF-1/3SG

Овцу ведь имею.

127. *An'i jes'am han'ad hongum?*

Їани еся-м' ханяд хо-ѳгу-м'?

другой деньги-ACC.SG откуда найти-FUT-1/1SG?

Другие деньги где найду?

128. *Tadaʔ jurʔ s'elkoj tangudaʔ owc'am'i tanguw.*

Та-да” юр” селкой та-ѳгу-да” ѳовця-м' та-ѳгу-в.

дать-IMP1/2PL сто рубль дать-FUT-1/2PL овца-ACC.SG дать-FUT-2/1SG.OBJ.SG

Давайте, сто рублей дадите, овцу дам.

Список сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо

1/, 2/, 3/ — субъектное, субъектно-объектное и рефлексивное спряжения

2/2SG.OBJ.SG — указание на лицо и число деятеля и число объекта при объектном спряжении глагола

AFF1 — аффирматив, вспомогательный утвердительный глагол *ni-*NEG.AFF — усиленно-отрицательный вспомогательный глагол *vin'i-*AFF2 — аффирмативная глагольная частица *-n'i*AFF3 — аффирматив имени *-хава*

ATR — атрибутивная форма имени

AUGM — увеличительно-пренебрежительный суффикс *-”я*

COND — условное наклонение зависимого предиката

CNG, CNF — конегатив, конфирматив — формы смыслового глагола в отрицательных и усиленно-утвердительных конструкциях

CNV — зависимая безличная форма глагола

DEV.CNV — долженствовательная безличная форма глагола

DEL — ограничительный суффикс *-ри/ли*

DEPR — зависимый предикат

- DIM1 — уменьшительно-ласкательный суффикс *-ко*
 DIM2 — уменьшительно-ласкательный суффикс *-ця*
 ESS — эссив (показатель *-һэ*)
 IMP — императив, повелительное наклонение
 INF — основа глагола, не принявшая никаких словоизменительных показателей, в том числе нулевых, , по сути являясь инфинитивом во всех смыслах (53. 61 и другие). Используется в составном сказуемом или в роли зависимого предиката в сложных предложениях.
 IMPF — несовершенный вид, суффиксы *-да, -на, -һа*
 NV — имя действия
 NVA — имя места действия
 NEC — нецесситатив
 LOC — местно-творительный падеж
 PART — причастие
 PP — составляющий член полипредикативного оборота *сер'*
 PRF — прошедшее совершенное *-s'*
 PROB — предположительная наклонение *-кы-*
 PRS — настоящее время
 PST — прошедшее неочевидное время *-вы*
 PTC — предположительно-долженствовательное наклонение *-быу*
 PURP — суффикс цели действия
 PX — парадигма притяжательного склонения, после показателя посессивности маркируется падеж (по умолчанию именительный) и число обладаемого (по умолчанию единственное), за ним отмечается лицо и число посессора. Может использоваться как показатель причастия настоящего времени.
 USIT — узитатив, обычное действие

Литература

- Бочонок икры — Сказка о Ембо. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e898b14dc7a763a3eea20e4/bochonok-ikry-neneckaia-skazka-5ebba4332ffad2dc153e268>.
- BX = Вада Хасово. В: *Новые ежемесячные сочинения*, XII, июнь 1787 г.: 60–69.
- Лабанаускас К. И. (сост.) 1995. *Ненецкий фольклор: мифы, сказки, исторические предания*. Вып. 5. Красноярск: Таймырский окружной центр народного творчества. (Перевод доступен на сайте «Мифологическая проза народов малых народов Сибири и Дальнего Востока»: URL <https://ruthenia.ru/folklore/novik/index.htm>.)
- Сидя хаби — Фольклорный архив А. П. Пырерка. СПАРАН фонд 77, опись 7, № 94, 504–509
- ФН 2001 = *Фольклор ненцев*. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока, 23.) Новосибирск: Наука. URL: <https://www.philology.nsc.ru/departments/folklor/books/t23.php>
- Lehtisalo, Toivo 1947 — *Juraksamojedische Volksdichtung*. Gesammelt und herausgegeben von T. Lehtisalo. (Memoires de la Societe Finno-Ougrienne 90.) Helsinki.

Хождение канинского самоедина Якушки Пирчикова самовольством в Аглинскую землю и обратно: микроистория ненецко-русско-английских контактов в первой половине XVII в.¹

¹Д. В. Арзютов, ²М. К. Амелина

¹University of Oulu

²Институт языкознания РАН / Институт системного программирования РАН

I

Архангельску было чуть более 40 лет, и он только-только обещал стать экономическим центром Северной Руси (см. рис. 1, 2), когда случилась одна история, о которой мы хотели бы рассказать в этой статье. Канинский тундровый ненец («самоедин») Иван Пирчиков был убит другими канинскими ненцами — Семейкой² Вотеевым и детьми Митьки (Дмитрия) Толстикова. В 1631 г. (7139 г. от сотворения мира) его сын Якушко³ Пирчиков (Яков Иванович Пирчиков) решает бежать на корабле в Англию, взяв с собой двух оленей. Как он позже сообщит во время допроса, причиной данного поступка стало то, что он боялся возможного покушения убийц его отца на него самого. По возвращении из своего неожиданного пла-

¹ Исследование проведено при поддержке проекта РНФ № 17-18-01649 «Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе». Мы благодарны Игорю Александровичу Грачеву (Санкт-Петербург), который много лет назад обратил внимание одного из авторов статьи на документы из РГАДА, которые и послужили источниковой базой для настоящей работы. Мы выражаем сердечную благодарность Ирине Владимировне Бегунц (Москва), специалисту по скорописным документам XVII в., за детальную проверку и вычитку нашей расшифровки, высказанные замечания и объяснение некоторых исторических реалий, связанных с написанием документов того времени.

² Данное уменьшительное наименование образовано от полного мужского имени Семён с помощью диминутивного суффикса.

³ Уменьшительное наименование Якушко образовано от полного мужского имени Яков с помощью диминутивного суффикса -ушк-.

Рис. 1. Фрагмент карты Гесселя Герритца (Hessel Gerritsz) с изображением города Архангельска (Tabula Russiae ex autographo, quod deliniandum curavit Feodor filius Tzaris Boris desumta ... Tzari et Magno Duci Michaeli Foedrowits ... dedicata ab Hesselo Gerardo M.DC.XIII). 1613 г. (открытый доступ www.wikipedia.org)

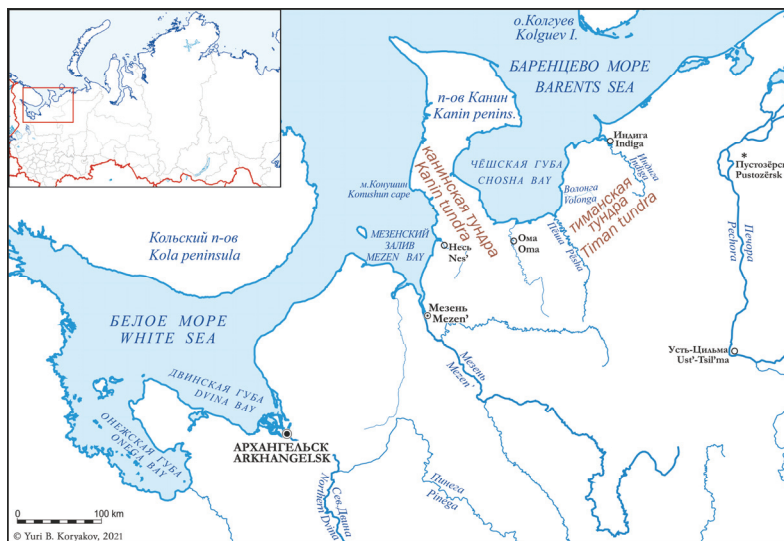

Рис. 2. Карта территории, где происходили описанные в статье события и где могла кочевать семья Якушки Пирчикова. Карта составлена Ю. Б. Коряковым (2021 г.).

вания Якушко был пойман и заключен в архангельскую тюрьму, где в 1636 г. от недоедания заболел цингой и вскоре получил разрешение быть отпущенным на свободу. Дальнейшая судьба Якушки нам неизвестна. Но даже этот небольшой фрагмент из его биографии позволяет нам провести анализ и по возможности полно контекстуализировать жизнь одного канинского ненца с точки зрения ненецко-русско-английских контактов в районе Архангельска в 1-й пол. XVII в.

Такой подход продолжает логику микроисторической традиции (Magnússon, Szijártó 2013), которая, как известно, в значительной степени полагается на данные допросов и судов, на основании которых историки пытаются выстроить сложные картины социального мира «забытых» для истории людей (Davis 1984; Ginzburg 1992). Схожий путь проделала и североамериканская этноистория (ethnohistory), которая выросла из судебной борьбы коренного населения за права на землю, в которую оказались вовлечены и антропологи, помогавшие в отстаивании его прав и объединявшие устные свидетельства и архивные документы (McMillen 2007). Микроистория коренного населения Севера и Сибири еще ждет своего исследователя, но даже предлагаемый случай дает нам основания для некоторых сопоставлений и соображений для будущего построения данного направления.

Более того, микроисторический кейс плавания Якушки Пирчикова открывает перед нами и более широкую перспективу раннемодерных транснациональных связей коренного населения Севера со «внешним миром». В сравнительном аспекте, вероятно, наиболее подходящим могло бы быть сопоставление с ситуацией на географически противоположной территории — восточной оконечности Северной Евразии, где на протяжении долгого времени можно было наблюдать схожие формы исторического транснационализма (Demuth 2019).

Стоит признать, что раннемодерная транснациональная история оставляет мало места для голосов коренного и местного населения. Однако обнаруженные архивные документы дают нам возможность услышать эти голоса «снизу».

II

Главным героем документов является Якушко Пирчиков, о котором мы знаем крайне мало. Нам известно, что до того, как Якушко добрался до Архангельска, он кочевал в Канинской тундре (на полуострове Канин), также известны некоторое подробности убийства его отца.

Прежде, чем приступить к реконструкции событий 1630-х гг., остановимся на фамилии Якушки — *Пирчиков*: по своему происхождению она является притяжательным прилагательным (с продуктивным суффиксом *-ов-*) от ненецкого имени или прозвища отца или старшего предка Якушки по мужской линии. Можно предложить две этимологических гипотезы относительно данного имени собст-

венного, но, по какому бы из двух путей мы ни пошли, в любом случае мы имеем дело с отражением «чоканья», т. е. с переходом аффрикаты [tʃʲ] (в литературной ненецкой орфографии *цʷ*, в фонологической записи *cʷ*) в [tʃ] (в орфографии можно записать как *чʷ*). «Чоканье» характерно для всех восточных диалектов тундрового ненецкого языка, а также в некоторых позициях и для крайнезападных (в том числе и для канинского) и противопоставляет их тундровому ненецкому литературному языку, в основу которого положены центральные говоры (большеземельский диалект).

По первой версии, именем собственным, от которого образована фамилия *Пирчиков*, могло быть имя *Пёрчако* букв. ‘высоконыйкий’ (*Пирцяко* — в стандартной ненецкой орфографии без отражения «чоканья»), которое с помощью продуктивного и употребительного диминутивного суффикса *-ко* образовано от *пирця* <*p'irc'a*>⁴ ‘высокий’ (Терещенко 1965: 469): ср. *пирцяко* <*p'irc'ako*>⁵ ‘уменьш. от *пирця*’, ‘Пёрцяко (имя собственное мужское)’ (там же). Аналогичное мужское имя зафиксировано и в других диалектах тундрового ненецкого языка, ср., например, в таймырском (енисейском) диалекте: *Пёрча* (*Пёрчако*) ‘Высокий’ (Ненянг 1996: 53). В таком случае в фамилии *Пирчиков* символом *и* после *ч* передается *a* после палатального согласного в безударной позиции (как следствие редукции), а ударение в фамилии предполагается на первом слоге (*Пёрчиков*).

По второй версии, именем собственным, от которого образована фамилия *Пирчиков*, могло быть одно из двух производных имен, образованных от существительного *пирци* <*p'irc'i*> (~ *пирця* <*p'irc'a*>)⁶ ‘желудок птицы’ (Терещенко 1965: 469): *Пёрчи́ко* <*p'irc'iko*> с ненецким продуктивным диминутивным суффиксом *-ко* (тогда ударение в фамилии предполагается на первом слоге — *Пёрчиков*) или *Пирчи́к* <*p'irc'ik*>⁷ с продуктивным именным суффиксом (тогда ударение в фамилии предполагается на втором слоге — *Пирчи́ков*). Так, например, в таймырском диалекте тундрового ненецкого языка (с отражением «чоканья») зафиксированы мужские имена (прозвища) *Пёрчи* и *Пирчи́к* ‘Живот, Желудок’ (Ненянг 1996: 53).

Советские исторические этнографы проделали огромную работу, чтобы воссоздать карту расселения ненецких родов и фамилий. В настоящее время нам извест-

⁴ Ср. *pyircya* (Salminen 1998: 231, 536).

⁵ Ср. *pyircyako* (Salminen 1998: 299, 536).

⁶ Ср. *pyircyi* (Salminen 1998: 273) ~ *pyircyih* (там же: 268) ~ *pyircya* (там же: 231). В Salminen 1998 символ *í* с подчеркиванием обозначает, что мы, вероятно, имеем дело с долгой фонемой (которая обозначается как *i*), но возможно, хотя и менее вероятно, — с нейтральной по длительности фонемой *i*.

⁷ Здесь и далее символом ° обозначена глубинная редуцированная гласная фонема, значимая для морфонологии тундрового ненецкого языка.

но, что ненцы, которые кочевали к западу от р. Печоры, т. е. занимали территорию Канинской, Тиманской и Малоземельской тундр, платили ясак мезенскому воеводе (Колычева 1956). Тот факт, что Якушко оказался в Архангельске, говорит о том, что он вовсе не стремился встретиться с властями и пожаловаться на произошедшее убийство отца. То, что он мог встречаться с мезенским воеводой, маловероятно, хотя бы потому, что тот должен был каким-то образом решить проблему наказания виновных, что, как мы можем судить по публикуемым ниже документам, не произошло. Отметим также, что убийцы отца (Ивана Пирчикова) преследовали и сына, что свидетельствует, скорее всего, о каком-то большом преступлении, которое Иван Пирчиков (возможно, вместе с Якушкой) совершил или жертвами или свидетелями которого они оба стали.

III

В этой связи уместен следующий вопрос. Каков был контекст убийства Ивана Пирчикова? Обращает на себя внимание то, что документы, опубликованные ниже и содержащие допросные речи Якушки об угрозе со стороны убийц его отца, никак не отражают вопросов к канинским ненцам Толстиковым и Семейке Вотееву.

Впрочем, исторические материалы позволяют нам пролить свет на социальные отношения вокруг убийства Ивана Пирчикова. Из грамоты царя Михаила Фёдоровича от 7 сентября 1631 г.⁸, т. е. написанной осенью того же года, когда Якушко бежал в Англию, нам известно, что «самоеды Меншичко Апицын с товарищами и Семейко Вотеев владели реками Индегою⁹ и Волонгою по прежнему» (Акты 1836b: 280–281). Речь здесь идет о владении «рыбными ловлями и звериными промыслами и всякими угодами».

Фамилия *Апицын* относится к роду Вануйта (Долгих 1970: 11). Фамилия *Вотеев*, как мы можем предполагать, образована от ненецкого мужского имени *Báta* 'Bátá (имя собственное мужское)', которое происходит от прилагательного *váta* <wáta> со значением 'лишний, излишний, свободный' (Терещенко 1965: 50). Передача гласной фонемы *ə* (*ä*) после билабиального (губно-губного) согласного *w* буквой для обозначения лабиализованного (огубленного) гласного среднего подъема заднего ряда *o* не противоречит этой гипотезе. Аналогичное ненецкое мужское имя зафиксировано и в других диалектах, ср., например, в таймырском (енисейском) диалекте: *Báta* 'Лишний' (Ненянг 1996: 31).

⁸ Данная грамота имеет следующий заголовок: «Царская грамота в Кевролу и на Мезень тамошнему воеводе о подтверждении, чтобы самоеды Меншичко Апицын с товарищами и Семейко Вотеев владели реками Индегою и Волонгою по прежнему».

⁹ В данном архивном документе гидроним *Инди́га* пишется как *Инде́га*.

Возвращаясь к указанной выше грамоте, отметим, что она была не первой, а лишь подтверждала право владения. В ней скрывается еще один конфликт, который мог быть связан и со смертью Ивана Пирчикова, и с бегством его сына Якушки.

История эта началась в начале 1620-х гг., когда все тот же «канинский самодина» Семейко Войтеков (неверное написание фамилии *Вотеев*) поставлял к царскому двору кречетов и «рыбий зуб» (моржовый клык), за что был награжден 17 февраля 1623 г. 5 аршинами (примерно 3,5 метра) сукна «лядчины лазревой»¹⁰. Буквально на следующий день (18 февраля 1623 г.) во время Масленичной недели он уже бился с «диким медведем» на царском дворе, за что получил 3¼ аршина (примерно 2,6 метра) сукна «кострышу червчатого»¹¹. Вероятно, отношения со двором у Семейки складывались довольно хорошо, т. к. спустя шесть лет его имя продолжает фигурировать в документах двора. 27 февраля 1629 г. он (в этот раз, видимо, перепутано его имя, и он назван Сенкой) и Андрюшка Еншин получили от царя за поставку пяти кречетов 4 аршина (примерно 2,8 метра) сукна «настрафиля червленого»¹² (Кутепов 1898, II). Отметим, что пребывание Вотеева в Москве в феврале 1629 г. не было случайным. Как справедливо пишет Е. И. Колычева:

С наступлением холодов ненцы совершали большую перекочку в районы, богатые пушшиной. Основная часть их откочевывала к юго-западу и лишь иногда к юго-востоку, за Урал. В течение нескольких месяцев ненцы охотились в тундре и к концу декабря — началу января обычно приезжали в Пустозерск для обмена промысловой добычи на необходимые им товары. К этому времени в Пустозерске открывалась ярмарка. Все челобитные ненцев, поданные в Пустозерском остроге, как правило, датируются январем-февралем, реже мартом. В это же время воевода собирал с ненцев яsak (Колычева 1956: 78).

Именно во время пребывания в 1629 г. при царском дворе в Москве Семейко воспользовался случаем и подал челобитную, в которой жаловался, что Меншичко Апицын не дает ему владеть рекой Волонгой (рис. 2), территорию близ которой он попросил себе «на кормление»: «Волонгою рекою с устья и до вершины, а берегом с Сувоя до Безустной реки к Пеши». Это привело к конфликту, который грамота от 7 сентября 1631 г. и пыталась разрешить.

Как мы можем судить из этого документа, возник конфликт интересов между тиманским (в грамоте указано по-поморски — «тиунским») ненцем Меншичкой

¹⁰ Ср. *лятина* (*лячина, лячина*) 'сорт сукна' (СлРЯ XI–XVII, 8: 351); ср. *лазоровый* (*лазоре- вый, лазоровый, лазуревый*) 'лазурный, светло-синий' (там же: 163).

¹¹ Ср. *кострышъ* (*кострожь, кострушъ, кострыжъ*) 'сорт сукна' (СлРЯ XI–XVII, 7: 371); ср. *чърватыи* (*чърчатый, черчатый*) 'красный' (Срезневский, III: 1570).

¹² Ср. *настрафиль* (*настрафилъ*) 'сорт английского сукна' (СлРЯ XI–XVII, 10: 275); ср. *чървленени* (*чървленени, чървленени, червленени*) 'красный, червленый' (Срезневский, III: 1556).

Апицыным и Семейкой Вотеевым. В грамоте говорится и о том, что в этот конфликт также оказались вовлечены мезенцы с Окладниковой слободы (ныне территория г. Мезени) Созонко Ванюков «с товарищи», которые указывали, что самоедская территория должна быть ограничена рекой Индигой (рис. 2), т. к. река Волонга «лежит в пусе» и поэтому должна принадлежать русским. Земельные тяжбы между этими тремя группами, видимо, длились несколько лет, пока грамотой 1631 г. не было подтверждено, что еще в 1545 г. Иван IV Васильевич выдал самоедам Канинской и Тиманской тундр грамоту на владение обеими реками так, «как отцы их и деды владели и ухажали ведали». К этому добавлялось также, что «река Волонга изстари их Самоядское угодье, а с тое реки платят они нашу дань»; см. текст этой грамоты в (Акты 1836а: 182–184).

Еще одной стороной конфликта был Сийский монастырь (Свято-Троицкий Антониево-Сийский монастырь, основанный в 1520 г.), который в 1620 г. «переоброчил» реку Индигу у Меншички Апицына.

Ответом на эту тяжбу стало решение царского двора дать право владеть территорией «сопча» и постараться разрешить конфликт между Меншичкой Апицыным и Семейкой Вотеевым мирно, не вовлекая в это Москву. Однако все это дает основание говорить, что Иван Пирчиков мог оказаться втянутым в конфликт относительно земельной собственности, который, вероятно, мог быть разрешен смертью Ивана и Якушки. Это косвенно подтверждает и тот факт, что сама тема убийства не обсуждается в допросных документах Якушки.

К сожалению, в нашем распоряжении нет сведений о роли детей Митьки (Дмитрия) Толстикова в данном конфликте. Единственное соображение, которое мы можем здесь высказать, касается возможной локализации территории, которая могла быть во владении Толстиковых: известно, что мыс Конушин / Конушинский на восточном побережье Мезенской губы Белого моря (рис. 2) имеет также название *Толстик*, от чего, вероятно, и происходит фамилия *Толстиковы*.

В результате этого спора Якушко, вероятнее всего, не мог уже дальше заниматься ни оленеводством, ни рыболовством, ни охотой (в том числе и на морского зверя). Ему оставалось одно — бежать, — что, собственно, он и сделал.

IV

Но что толкнуло Якушку двинуться именно в Архангельск? Вероятнее всего, его притягивало туда то, что он мог отойти от местных хозяйственных практик и начать заниматься другой деятельностью — возможно, торговлей. Если его родные места были погружены в земельные конфликты, то территория Северной Двины, наряду с Кольским полуостровом, превращалась в мировой центр северной торговли. В это время, как известно, происходят и первые шаги в развитии меновой

торговли между ненцами и русскими, которая станет массовой уже к концу XVII в. Известно, что в устье Северной Двины английские торговые склады строились уже в 50–60-е гг. XVI в. (Флоря 1973), но обменные отношения с ненцами на этой территории все же были достаточно ограниченными — в отличие от Пустозерска, Ижемской и Усть-Цилемской слобод и Мезени (были, конечно, и другие более мелкие торговые пункты). Однако Якушко отправляется в недавно построенный Архангельск. Сопоставление этих данных свидетельствует, скорее всего, в пользу того, что он действительно стремился покинуть Канинскую тундру, выйдя за пределы административного и экономического контроля данной территории со стороны Мезени. Движение на запад казалось ему наиболее подходящим.

Отдельно стоит отметить, что у Якушки было с собой всего два оленя, что, по современным ненецким меркам, крайне недостаточно для полноценной хозяйственной деятельности. Однако, как пишет Е. И. Колычева, а затем эту мысль развивает и И. И. Крупник, до конца XVII в. поголовье оленей у ненцев оставалось небольшим, а переход к крупностадному оленеводству произошел не ранее 2-й пол. XVIII в. (Колычева 1956; Крупник 1976). Подтверждением этому служит и тот факт, что в процитированных выше грамотах нет ни единого слова об оленеводстве: все отношения между «самоедами» и московскими чиновниками касались земельных угодий для охоты и рыбной ловли. Это дает основание говорить о существовании преимущественно транспортного оленеводства у ненцев в 1-й пол. XVII в. Более того, как пишет И. И. Крупник, основываясь на данных И. Г. Георги, еще в середине XVIII в. ненцы могли запрягать лишь по одному или по два оленя в упряжку. Таким образом, со значительной долей уверенности можно сказать, что два оленя Якушки были именно транспортными. Основываясь на моделях хозяйственной классификации («хозяйственно-культурных типах»), И. И. Крупник предлагает рассматривать хозяйство ненцев XVII — начала XVIII вв. как «охотников-оленьеводов тундры и лесотундры», обращая внимание на недостаточную развитость оленеводческого хозяйства как мясного.

Опираясь на наши полевые материалы, мы можем предположить, что эти два оленя, скорее всего, не были оленями, принадлежавшими семье Якушки. Описывая практики кочевания «в прошлом», до «снегоходной революции» (Peltó 1973) и даже до коллективизации, наши ненецкие знакомые часто говорили о том, что передвижение в тундре на оленях осуществлялось «попрысками»: ср. *нэдалъва* ‘перегон (расстояние между остановками в пути, от 5 до 15 километров)’ (Терещенко 1965: 416), *нэдалъва* (Salminen 1998: 224), — небольшими отрезками пути (примерно от 5 до 15 километров), после которых упряжку останавливали для недолгого отдыха.

Нам точно не известна локализация стойбища семьи Якушки накануне его «бегства». Исходя из имеющихся у нас сведений: территории земельного конфликта и постоянного именованного Якушки «канинским самоедином», — мы

предлагаем два варианта расчета протяженности его перемещения до Архангельска: первый — от современного поселка Индига (более 500 км) и второй — от села Ома (более 350 км), находящегося в материковой части Канинской тундры (рис. 2). Обе точки отсчета наводят на мысль о том, что вряд ли наш герой мог проехать на одних и тех же двух оленях все это расстояние. Как говорят наши ненецкие знакомые, чтобы перемещаться на такие большие расстояния, необходимо менять упряжных оленей. Таким образом, Якушко должен был сменить несколько упряжек прежде, чем достиг Архангельска. Стоит отметить, что возможным географическим ограничением для такого перемещения было то, что почти половина пути Якушки приходилась на территорию, находившуюся под контролем мезенского воеводы Никиты Фёдоровича Панина (служил воеводой в 1630–1631 гг.), позиция которого в этом земельном конфликте нам до конца неизвестна.

Прагматика смены оленей напоминает ямскую гоньбу, которая ко времени Якушки уже существовала в Северной Руси и активное развитие которой историки относят к периоду правления Ивана III Васильевича. Такой обмен оленями означал, что наш герой должен был оставить своих упряжных оленей у кого-то из родственников или у новых знакомых, в чуме которых останавливался на ночлег, и взять их ездовых оленей для дальнейшего отрезка пути. Эта система предполагала, что на обратном пути оленевод, двигаясь по тому же самому маршруту, будет по цепочке возвращать оленей и, в конце концов, последний отрезок пути до своего стойбища проедет на своих упряжных оленях. Мы, конечно, отдаем себе отчет в опасности «презентизма» в исторической реконструкции, однако домодерные практики использования пространства и транспортной инфраструктуры оставались довольно устойчивыми на протяжении долгого времени и зачастую менялись лишь в результате новых культурных контактов. Якушко вполне мог руководствоваться этой «транспортной логикой», если, конечно, те два оленя, которые вместе с ним отправились в Англию, не были где-то украдены. Намеком на это обстоятельство является пометка об освобождении Якушки из тюрьмы «на поруку» с обязательным обещанием, что он не только не сбежит, но и не будет воровать.

V

Но почему Якушко бежал в Англию накануне английской революции и гражданской войны? Чтобы ответить на этот вопрос, нам потребуется небольшое отступление в более ранний период истории. Известно, что рост сил английского флота был связан с ростом капитализма и расширением экономических связей Англии. Одним из ярчайших транснациональных эпизодов в истории русско-английских отношений была Московская компания (Willan 1956; Arel 2019), основанная в 1551 г. Себастьяном Каботом (Sebastian Cabot) и бывшая одним из ведущих

игроков на экономическом рынке, соединявшем Европу и северо-западную часть Руси. Возможно, что «тундровое радио» уже разносило информацию о бойкой торговле на северо-западе, и Якушко был уже в том числе осведомлен и об успехах Московской компании, что могло манить его в Архангельск, где можно было заработать какие-то деньги.

Историки считают, что мировое экономическое открытие Русского Севера начинается с плавания Ричарда Чанслера (Richard Chancellor) в 1553 г. (Гамель 1865); см. детальный обзор хождений английских судов на Русский Север в (Evans 2013). Как известно, Р. Чанслер был движим идеей найти морской путь в Китай, который позволил бы расширить торговые сети Лондона. Уже в феврале 1554 г. царь Иван IV выдал грамоту на имя английского короля Эдуарда VI, по которой разрешалась свободная английская торговля на Руси и предлагался контроль за торговлей на Русском Севере. Однако английское присутствие было в постоянной конкуренции с голландским — вторым важнейшим игроком на архангельском рынке.

То время, когда Якушко оказался в Архангельске и потом отправился в своё плавание в Англию, было непростым периодом для английской торговли. Михаил Фёдорович обсуждал ограничения английской торговли, перенаправляя торговые операции через русских купцов и предотвращая торговлю ресурсами, вместо которых предлагалось начинать торговлю произведенным товаром. Стоит напомнить, что в 1619 г. Михаил Фёдорович полностью закрывает плавания по Мангазейскому морскому ходу, что нанесло существенный урон торговле и поморским плаваниям на север Сибири; см. исследование по истории и археологии этого морского хода в (Белов, Овсянников, Старков 1980). Как полагают историки, отчасти это решение Михаила Фёдоровича было продиктовано страхом перед возможной колонизацией Русского Севера Англией (см. Lubimenko 1914; Dunning 1989). Как результат сложных переговоров, где то Московия, то Англия успешно доказывали преимущества ограничения/оставления в покое деятельности Московской компании, в 1621 г. деятельность Московской компании была все-таки заметно ограничена. Однако в 1630 г. торговля не с купцами, а именно с сельскими поставщиками возобновилась, в силу того, что предыдущие ограничения сказались на поступлениях в Московскую казну¹³. Более того, как пишет Мария Арэль, «к 1630 г. Московия готовилась к возобновлению военных действий с Польшей <т.н. Смоленская война (1632–1634 гг.) — Д. А., М. А.> и искала возможности заключения сделок на поставку оружия с голландцами, шведами и англичанами» (Arel 2004: 174).

¹³ Несколько лет назад были организованы выставки (Нью-Хейвен, 2006 и Лондон, 2007) серебра из собрания Московского Кремля, которое поставлялось английскими кораблями в Архангельск в 1629 г. (Dmitrieva and Abramova 2016).

Оставляя в стороне дальнейшие подробности истории русско-английских отношений в 1-й пол. XVII в., отметим, что для истории Якушки наиболее важным представляется тот факт, что в год его плавания английские купцы вновь получили полное право вести торговые отношения с местным населением. Этот факт важен для нас прежде всего тем, что Якушко мог знать об этих послаблениях и, если мы позволим себе некоторую фантазию, мог даже встретиться с кем-то из английских торговцев еще по пути в Архангельск.

Со значительной долей уверенности можно сказать, что в 1631 г. в порту Архангельска находилось судно именно Московской компании, на котором наш герой и отправился в Англию. Удивительно лишь то, что в допросе Якушки упоминание Московской компании все-таки не фигурирует. Возможно, что она не упоминалась осознанно, чтобы не испортить отношения с компанией, которая приносила немалый доход в казну.

VI

Резонный вопрос, который может возникнуть у читателя: «А на каком языке мог говорить Якушко с англичанами?». Этот вопрос остается непонятным и для нас. Возможно, моряки и капитаны Московской компании могли сами или с помощью переводчиков изъясняться на русском. В силу того, что английские контакты носили прежде всего торговый характер, саамы и тундровые ненцы оказывались вольно или невольно включены в этот процесс. Более того, сами плавания Р. Чанслера и других английских мореплавателей пролегли через множество островов и полуостровов на Севере, где они неизбежно встречались с местным населением. Так, например, во время плавания Стивена Барроу (Steven Borough) в 1557 г. был составлен саамский словарь, долгое время считавшийся одним из ранних словарей тундрового ненецкого языка (Бурыкин 2009). Сам факт составления такого словаря говорит о неизбежности коммуникации на местных языках, вставшей перед членами экипажа и прежде всего капитаном.

Как показывает более поздняя история, на территории Соломбальской верфи (основана в 1693 г.) использовался англо-русский пиджин, известный как *соломбала* или *Solombala English*. Название пиджина *соломбала* происходит от названия верфи Соломбала, где пришвартовывались иностранные корабли, которым было запрещено входить в главный порт Архангельска, и находилась англиканская церковь (Давыдов 1988: 14; Broch 1996: 94). Русские торговцы, портовые рабочие и все, кто хотел вступить в отношения бартера с иностранными моряками, использовали не русский язык, а пиджин *соломбала* (Broch 1996: 94).

Точки зрения ученых о времени появления, формирования и активного функционирования *соломбалы* расходятся: так, Ингвильд Брё, отмечая, что «англий-

ский период» (“English period”) в истории Архангельска продлился с сер. XVIII в. до сер. XIX в., предполагает, что пиджин *соломбала* сформировался во 2-й пол. XVIII в., что по времени совпадает со становлением пиджина *Russenorsk* (Broch, Jahr 1984: 50), и рассматривает формирование обоих пиджинов в Архангельске и на севере Норвегии как одновременные процессы (Broch 1996: 93)¹⁴; однако, по данным А. Н. Давыдова, пиджин *соломбала* использовался позже — во 2-й пол. XIX в. (Давыдов 1988: 14). Но мог ли существовать «предок» соломбалы ранее — в XVII в., до введения ограничений на английскую торговлю на Русском Севере? Свидетельствуют ли перемещения и возвращение Якушки Пирчикова в Архангельск о том, что в 1-й пол. XVII в. могла существовать какая-то форма англо-русского пиджина, которая, к сожалению, оказалась никак не отражена в допросных документах? Восстановление микроистории отношений английских мореплавателей и торговцев с жителями Архангельска XVII в. дает возможность предполагать, что такие языковые контакты могли способствовать началу формирования «предка» соломбалы уже в это время.

В настоящее время известно всего два источника, в которых приводятся фразы на соломбале: «Очерки Архангельской губернии» Василия Верещагина (Верещагин 1849) и статья Ивана Прушакевича в газете «Архангельские губернские ведомости» (Прушакевич 1867). Данные этих текстов приводятся и анализируются в статье (Broch 1996: 94–95). В обоих источниках представлено по три примера на соломбале: всего в обоих источниках насчитывается 38 словоформ на соломбале, по 19 словоформ в каждом из них. Основную лексическую базу для этого пиджина составлял английский язык (“reduced English”), а произношение адаптировалось в соответствии с артикуляционной базой русского языка, однако встречаются также русские слова, вошедшие в лексический состав соломбалы¹⁵.

VII

В 1631 г. по возвращении в Архангельск из своего непредвиденного плавания «в Аглинскую землю» Якушко был арестован и заключен под стражу. Приведем здесь список вопросов, которые задавали ему в ходе допросов («пытках»):

1) с какой целью он совершил плавание в Англию с двумя оленями без разрешения («без отпуску»)?

¹⁴ В статье Broch 1996: 94–96 отмечается ряд параллелей между соломбалой и руссенорском.

¹⁵ Так, по нашим подсчетам, из 38 словоформ на соломбале (включая междометия и повторы) 25 (т. е. 66%) восходят к английским (например, *vat* ‘что’ < англ. *what*, *ju* ‘ты’ < англ. *you*, *šus* ‘обувь’ < англ. *shoes*, *milek* ‘молоко’ < англ. *milk*, *mačka* ‘много, очень’ < англ. *much* с использованием суффикса *-ka*), *vervvel* ‘очень хороший’ < англ. *very well*), а 13 словоформ (34%) — к русским, в том числе из севернорусских говоров (например, *sjuda* ‘сюда’, *daj* ‘дай’, *bol’she* ‘очень’ < рус. *больше*). Цит. по: Broch 1996.

- 2) с кем вместе он это сделал?
- 3) был ли у него с кем-то умышленный стговор («умышленье») и какой?
- 4) не хотел ли он остаться в Англии?
- 5) с какой целью он скрывался от пристава?

Якушко отвечал, что совершил плавание один и намерения остаться в Англии у него не было. На содержание («на кормъ») ему было выделено из казны по 4 деньги в день, а с 1 марта 1636 г. по время написания грамоты — по 2 деньги в день. Все это привело к тому, что он заболел цингой («з голоду оцынжал»), а просить милостыню за пределами тюрьмы он не мог по причине своей болезни. В челобитной содержится просьба отпустить Якушку на волю, изменив ему меру пресечения. Разрешение от Михаила Фёдоровича освободить Якушку из тюрьмы «на поруку» при условии получения от него обещания не воровать и не сбежать было получено. На этом история Якушки обрывается. Описанный в допросных документах, рассмотренных в статье, эпизод из жизни «канинского самоедина» Якушки Пирчикова, без сомнения, является крайне важным для понимания отношений между тундровыми ненцами, русскими и иностранными торговцами в 1-й пол. XVII в.

* * *

Настоящая статья представляет собой эксперимент по написанию микроистории для северной части России, в основу которой лёг рассказ об эпизоде из жизни одного простого человека, канинского оленевода, жившего в 1-й пол. XVII в., эпизоде, который проливает свет на социальный и политический контексты эпохи. Мы надеемся, что эта микроистория будет продолжена новыми архивными поисками, которые позволят вернуть утраченные голоса коренного населения и вплести их в общую канву анализа политической и экономической динамики в период становления капиталистических отношений в Арктике.

Приложение

«Дѣло о ѡсвобожденїи изъ подъ стражи самоеда Якушки Пирчикова, бѣжавшаго въ Англію съ двумя живыми оленьми» (РГАДА, разряд 35, оп. 1, ед. хр. 134) датировано 1 декабря 1637 г. и состоит из трёх рукописных документов (скорописных грамот). В данном Приложении к статье представлен полный текст документов (фотокопия), снабженный расшифровкой скорописи, подстрочным переводом на современный русский язык и текстологическим комментарием.

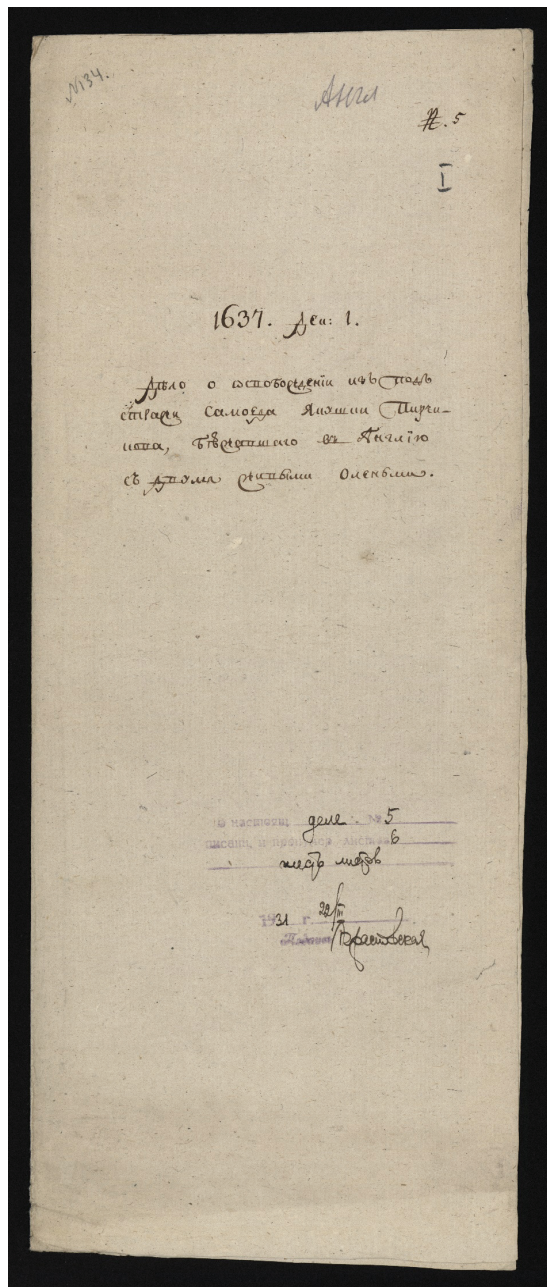
В Приложении мы приводим расшифровку рассматриваемых документов полностью. В расшифровке выносные скорописные буквы расположены над строкой, диакритические надстрочные символы также переданы в соответствии со скорописью. Пробелом в расшифровке разделены слова в тех случаях, когда они явно

отделены друг от друга в рукописных документах, и с помощью одинарной косой черты /, когда они написаны слитно в скорописном оригинале. Двойной косой чертой // в расшифровке обозначен конец строки, тройной /// — конец листа, а символом # — конец документа или отдельного текста. В начале каждой строки в круглых скобках проставлен порядковый номер ее расположения на листе в рукописном документе. В квадратные скобки в расшифровке заключены буквы, которые утрачены или написаны неразборчиво, они восстановлены нами по смыслу и контексту. После расшифровки каждого из листов рукописных документов следует выполненный нами буквальный перевод на современный русский язык, разделенный по строкам в соответствии со скорописным текстом оригинала.

1637. Дек: 1¹⁶.

Дѣло о ѡсвобожденїи изъ подѣ //
стражи самоеда Якушки Пирчи- //
кова, бѣжавшаго въ Англїю //
съ двумя живыми оленьми. /// #

¹⁶ На титульном листе дела есть позднейшие приписки, которые видны на фотокопии.

1. Документ № 1 (РГАДА, разряд 35, оп. 1, ед. хр. 134, лл. 1, 1об., 2, 3)

Первый рукописный документ насчитывает три листа. На обороте первого листа также содержится короткая запись. Документ написан кириллицей, одним почерком, чёткой, неспешной скорописью. Язык документа — русский. В данном рукописном документе буквы, используемые в цифровом значении, снабжаются надстрочными титлами, но не отделяются от окружающего текста точками. Дата объединяется под одним общим титлом.

1.1. Листы 1 и 1об.

На первом листе насчитывается 28 строк. Сверху и слева от текста значительные поля. Начиная с восьмой строки сверху правый край документа немного оторван, поэтому не все последние буквы в строках читаются ясно, некоторые из них полностью отсутствуют.

Первые три строки документа содержат стандартную этикетную формулу по типу «кому кто челом бьет» с указанием на адресата и адресантов письменного сообщения: адресат (получатель) — первый русский царь из династии Романовых, «государь, царь и великий князь всея Руси» Михаил Фёдорович; адресанты (отправители) — «Васка Львовъ» и «Тимошка Пчелинъ». Вероятно, «Васка Львовъ» — это князь Василий Петрович Львов (ум. 1659), окольничий и воевода, сын князя Петра Михайловича Львова; в 1636 г. он находился на воеводстве в Архангельске (Корсакова 1914: 771–772). Под обозначением «Тимошка Пчелинъ», видимо, подразумевается Тимофей Пчелин, который в 1635 г. получил назначение быть дьяком вместо Никифора Демидова «на Двине» (ум. в 1637 г. в Холмогорах); см.: Большая биографическая энциклопедия <http://biografii.niv.ru/>.

Далее, на строке (4), упоминается дата — 16 мая 7144 г. от сотворения мира, т. е. 1636 г. по современной системе летоисчисления (от Рождества Христова). Как сообщается в данной скорописной грамоте, в эту дату адресанты совместно с «сыном боярским» Иваном Михайловым уже писали государю об одном «канинскомъ самоедине» — «Якушке Иванове сыне Пирчикове».

На строках (9)–(13) сообщается о том, что в 1631 г. (7139 г.) Якушко без разрешения и указа государя «ходилъ самоволствомъ» на корабле из Архангельска в Англию («в Аглинскую землю»), взяв с собой двух оленей. Указания на то, на каком корабле это было совершено, не содержится. Далее также не сообщается о том, как этот факт был обнаружен и как Якушко был пойман. На строках (13)–(17) сразу повествуется о том, что по указу государя и в соответствии с указаниями из Посольского приказа, изложенными ранее в грамоте, подписанной государевым дьяком Максимом Матюшкиным, Якушко был допрошен («пытанъ накрѣпко»). На строках (17)–(23)

перечисляются те вопросы, которые задавались Якушке в ходе допроса («пытки»). На строках (23)–(27) приводятся ответы Якушки на данные вопросы, полученные в ходе допроса («Якушко с пытки говорил»). Отметим, что передача речи Якушки часто маркируется в грамоте частицей *де*.

На обороте первого листа (л. 1об.) имеется вертикальная надпись, выполненная тем же почерком, что и сама грамота, она написана чётко и направлена к левому краю: в ней указан адресат грамоты — «Государю царю и великому князю Михаилу Фёдоровичу <...>». Вторая вертикальная надпись на оборотной стороне первого листа написана другим почерком и менее ярко, она направлена в противоположную сторону (вправо): в ней указано, что грамоту подал двинской пушкаръ Ивашко (Иван) Баранов 1 декабря 1637 г. (7146 г.). Также на обороте первого листа (л. 1об.) присутствует короткая вертикальная надпись справа: «в Новгородскую чет» («в Новгородскую четь»); четъ в XVI–XVII вв. — государственное учреждение, ведавшее финансами и административно-судебными делами тяглого населения отдельных территорий государства. Горизонтальная надпись в самом верху сделана небрежно, в ней говорится о «списке» (копии) данного документа.

Лист 1: расшифровка

<первый почерк, первый документ>

- (1) Гѣрю ѣрю и/великому/кнѣю михаилу федоровичю //
- (2) всеа/русиі холопи/твой васка/лвовъ/тимо //
- (3) шка/пчелинъ челомъ бьютъ в/прошломъ //
- (4) гѣрь во рѣд^м [(7)144 = 1636] го^лу мая/въ сѣ^{де} [16-ый день] писа^{ни} //
- (5) к/тебѣ гѣрю/ѣрю и/великому/кнѣю михаилу //
- (6) федоровичю всеа/русиі мы/холопи/твой //
- (7) с/сыно^м/боя^рскимъ с/ывано^м михайловымъ //
- (8) ѡ/кани^нскомъ самоѣдине ѡ якушке/иванов[е] //
- (9) сыне пи^рчикове что о^н якушко бе^з/твѣ^г //
- (10) гѣрва/ѣка^зу ходилъ самово^лствомъ //
- (11) о^т/а^рхангѣ^лсково города на/кара^блѣ в/агли^н //
- (12) скую землю з/двѣма ѡленми живы //
- (13) ми в/прошломъ во рѣ^м [(7)139 = 1631] го^лу и/за/т[о] //
- (14) о^н якушко по/твоѣму гѣрву ѣка^зу и/п[о] //
- (15) грамоте и/с/посо^лского прика^зу за/прип[и^с] //
- (16) твоѣго/гѣрва дѣяка максима ма[т]у //
- (17) шкина пытанъ накрѣпко для/чево //
- (18) о^н в/аглинскую землю с/оленми без/[о^т] //
- (19) пуску и/с/кѣмъ ходи^т и/какоѣ ѣмы //

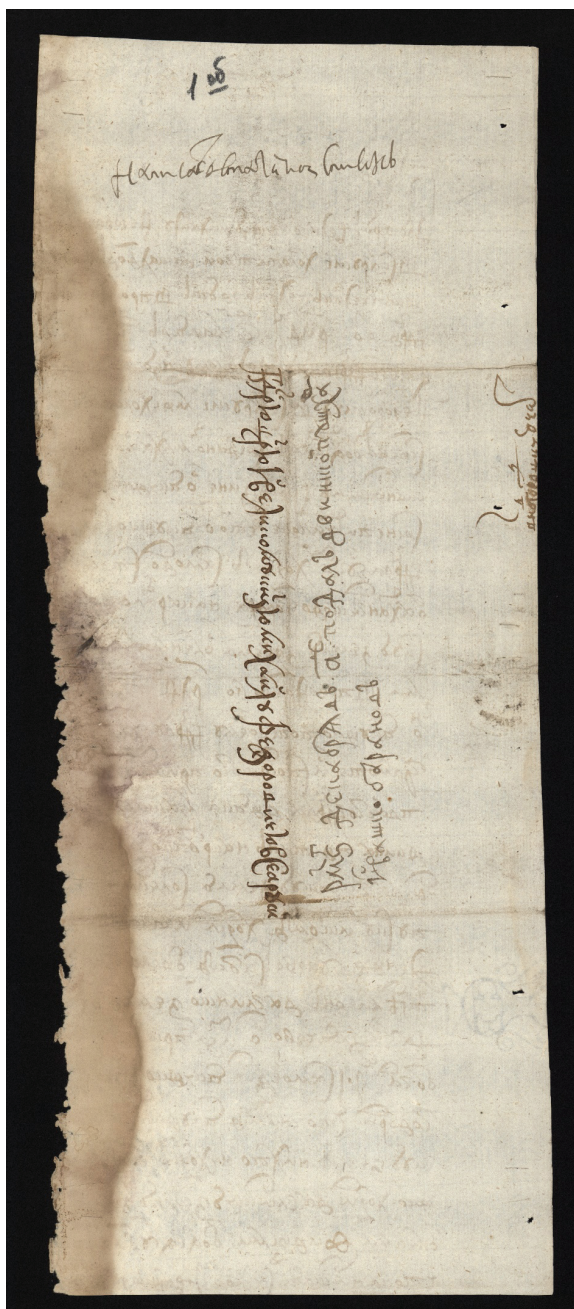
- (20) шленьё ѱ/нево с/кѣмъ было и/не/х[о] //
- (21) тѣ^л/ли онъ в/аглинско^й земли ѡст[а] //
- (22) ца и/для/чево о^н и^з за/пристава //
- (23) бѣга^л и/самоеди^н якушко с/пы^тки //
- (24) говори^л что с/нимъ якушко^м в/агли^н //
- (25) скую землю ниhto не/ходи^л ѡ/онъ^{де} яку //
- (26) шко ходи^л в/агли^нскую/землю з/двема //
- (27) ѡленми живыми бояся убивства //
- (28) что/кани^нская^{же} самое^л/ивашко/да/ми^тк[о] ///

Лист 1: перевод

<первый почерк, первый документ>

- (1) Государю царю и великому князю Михаилу Фёдоровичу //
- (2) всяя Руси холопы твои Васька Львов, Тимо- //
- (3) шка Пчелин челом бьют. В прошлом, //
- (4) государь, в (7)144 [1636] году мая в 16-ый день писали //
- (5) к тебе, государю царю и великому князю Михаилу //
- (6) Фёдоровичу всяя Руси, мы, холопы твои //
- (7) с сыном боярским, с Иваном Михайловым, //
- (8) о канинском самоедине (самоеде = ненце), о Якушке, Иванове //
- (9) сыне, Пирчикове, что он, Якушко, без твоего //
- (10) государева указа ходил самовольно //
- (11) от Архангельского города на корабле в Аглин- //
- (12) скую (Английскую) землю с двумя оленями живы- //
- (13) ми. В прошлом в (7)139 [1631] году и за то //
- (14) он, Якушко, по твоему государеву указу и по //
- (15) грамоте из посольского приказа за приписью¹⁷ //
- (16) твоего государева дьяка Максима Ма[тю]- //
- (17) шкина допрошен с пристрастием, для чего //
- (18) он в Аглинскую землю с оленями без //
- (19) разрешения и с кем ходил, и какое умы- //
- (20) шление (умышленный сговор) у него с кем было (был), и не хо- //
- (21) тел ли он в Аглинской земле оста- //
- (22) тся, и для чего он от пристава //
- (23) бегал. И самоедин Якушко на допросе //
- (24) говорил, что с ним, Якушком, в Аглин- //

¹⁷ «За приписью» — клише/штамп в делопроизводстве XVII в., по сути наподобие подписи.

РГАДА, разряд 35, оп. 1, ед. хр. 134, л. 106.

- (25) скую землю никто не ходил, а он, де, Яку- //
(26) шко, ходил в Аглинскую землю с двумя //
(27) олениями живыми, боясь быть убитым, //
(28) что канинские же самоеды Ивашко да (и) Митко (Митька), ///

Лист 1 об.: расшифровка

<жирная вертикальная надпись, первый почерк>

Гѣрю/ѣрю/ѣ/великому/кнзю/михайлу/федоровичю/всаа/руси^и // #

<бледная вертикальная надпись, другой почерк>

рмѣ^г.декабря/въ.а^{де}.подалъ/двинско^й/пушка^р //
йвашко барановъ // #

<короткая вертикальная надпись справа>

в/ѣ^в горо^дцкую/че^т // #

<горизонтальная надпись в самом верху>

написа^н _____ списокъ // #

Лист 1 об.: перевод

<жирная вертикальная надпись, первый почерк>

Государю царю и великому князю Михаилу Фёдоровичу всяа Руси // #

<бледная вертикальная надпись, другой почерк>

(7)146 [1637] года декабря в 1-ый день подал двинской пушкаръ //
Ивашко Баранов // #

<короткая вертикальная надпись справа>

в Новгородскую четъ¹⁸ // #

<горизонтальная надпись в самом верху>

написан _____ список (копия) // #

¹⁸ Четъ в XVI–XVII вв. — государственное учреждение, ведавшее финансами и административно-судебными делами тяглого населения отдельных территорий государства.

1.2. Лист 2

На втором листе насчитывается 29 строк. Слева от текста значительные поля. Часть текста в правом нижнем углу читается немного хуже.

Лист 2: расшифровка

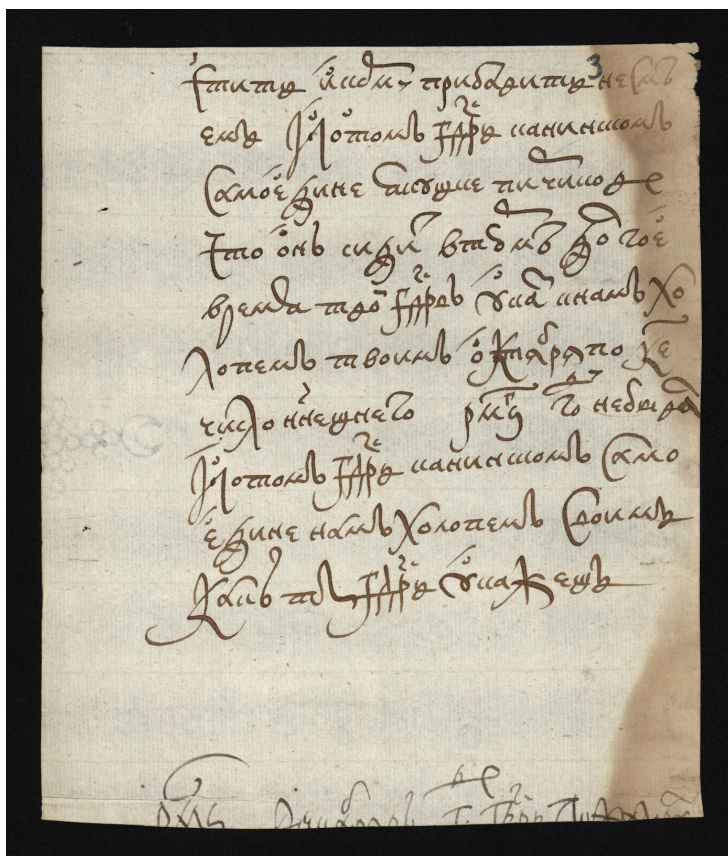
<первый почерк, первый документ>

- (1) то^л стиковы дѣти да/семе^й ка вотѣвѣ //
- (2) ѱ/нево якушка ѱбили о^т ца/ево/ивашка //
- (3) ѱ/ево^{де} якушка такъже ѱби^т/хотѣли //
- (4) и/онѣ^{де} якушко потому в/агли^нскую/землю //
- (5) ѱ/с/оленми ходи^л ѱ/умышленья у/нево //
- (6) якушка ни/с/кѣмъ никакова не/было //
- (7) и/про/то/гдѣрь то^т/самоѣдинѣ/посаже^н //
- (8) в/тюрму до/твоего гдѣрва/ѱка^{зу} а/на //
- (9) ко^рмѣ гдѣрь тому самоѣдину/давано //
- (10) ис/твое^й гдѣрвы ка^зны марта/по ѱ [1] //
- (11) число рѣд^т [(7)144 = 1636] го^{да} по/четыре денги //
- (12) на/де^н а/ма^рта/гдѣрь съ ѱ^т [1-го] числа/и/по //
- (13) сямѣсть на/ко^рмѣ давано/ѱму //
- (14) по/^лве денги на/де^н ѱ/нѣ билѣ/чело^м //
- (15) тебѣ/гдѣрю/ѱрю ѱ/великому/кнѣсю миха^йлу //
- (16) федоровичю всеѱ/русиѱ ѱ/намѣ/хо //
- (17) лопемѣ твоѱмѣ канинско^й самоеди^н //
- (18) якушко пода^л/челобитную ѱ/в/чело //
- (19) битно^й ѱ/ево написано что о^н в/тю^рмѣ //
- (20) зголо^{ду} оцынжа^л потому что нѣ //
- (21) на/ко^рмѣ мы/холопи твоѱ даваемѣ //
- (22) ѱму всего по/^лве/денги на/де^н ѱ/ѱму^{де} //
- (23) тѣмѣ сыту бы^т/нѣчимѣ ѱ/в/ми^р //
- (24) для/милостины волочи^т ца/ис/тю^р //
- (25) мы не/може^т/потому/что о^бцынжалѣ //
- (26) ѱ/что^б намѣ/холопемѣ/твоѱмѣ ѱво //
- (27) ѱс/тю^рмы на/волю выпусти^т и/мы //
- (28) холопи/твоѱ того самоѣдина/ис/тю //
- (29) рмы бе^з/твоего/гдѣрва/ѱка^{зу}/выпу ///

Лист 2: перевод

<первый почерк, первый документ>

- (1) Толстиковы дети, да (и) Семейка Вотеев //
- (2) у него, Якушка, убили отца его Ивашка, //
- (3) а его, де, Якушка, также убить хотели, //
- (4) и он, де, Якушко, потому в Аглинскую землю //
- (5) и с оленями ходил, а умышления (умышленного сговора) у него, //
- (6) Якушка, ни с кем никакого не было. //
- (7) И за то, государь, тот самоедин посажен //
- (8) в тюрьму до твоего государева указа, а на //
- (9) содержание, государь, тому самоедину выдавалось //
- (10) из твоей государевой казны марта по 1-ое //
- (11) число (7)144 [1636] года по четыре деньги //
- (12) в день, а марта, государь, с 1-го числа и по //
- (13) настоящее время на содержание выдавалось ему //
- (14) по две деньги в день. И ныне бил челом //
- (15) тебе, государю царю и великому князю Михаилу //
- (16) Фёдоровичу всея Руси, а нам, хо- //
- (17) лопам твоим, канинский самоедин //
- (18) Якушко подал челобитную, а в чело- //
- (19) битной его написано, что он в тюрьме //
- (20) с голоду заболел цингой, потому что сейчас //
- (21) на содержание мы, холопы твои, даём //
- (22) ему всего по две деньги в день, и ему, де, //
- (23) не с чего быть сытым, а в мир //
- (24) для милостыни идти из тюрь- //
- (25) мы не может, потому что заболел цингой, //
- (26) и чтоб нам, холопам твоим, его //
- (27) из тюрьмы на волю выпустить, и мы, //
- (28) холопы твои, того самоедина из тю- //
- (29) рмы без твоего государева указа выпу-[стить] ///

РГАДА, разряд 35, оп. 1, ед. хр. 134, л. 3.

1.3. Лист 3

На третьем листе насчитывается 11 строк основного текста, также есть одна отдельная строка в самом низу, написанная другим почерком (как вторая вертикальная надпись на л. 1об.) и свидетельствующая о том, что государь «пожаловал» 3 декабря 1637 г. (7146 г.). Слева от текста значительные поля.

Лист 3: расшифровка

<первый почерк, первый документ>

(1) стить и/ко^Рму прибавить не/смѣ //

(2) емъ и/о/томъ гдѣрь канинскомъ //

- (3) самоёдине якушке пи^Рчикове //
- (4) что онъ сиди^Т в/тю^Рмѣ до^Лгоё //
- (5) время тво^й гѣрвь ѹка^З к/намъ хо //
- (6) лопемъ твоимъ октя^бря/по ке [25] //
- (7) число ѣннешнего рмѣ^Г [(7)146 = 1637] го^{да} не/быва^Л //
- (8) ѹ/о/томъ гѣръ канинскомъ само //
- (9) ёдине намъ/холопемъ своимъ //
- (10) какъ ты/гѣръ ѹкажешъ //
- <надпись в самом низу>
- рмѣ [(7)146 = 1637] дека^бря/въ .г.^{де} гѣръ пожалова^Л /// #

Лист 3: перевод

<первый почерк, первый документ>

- (1) [выпу]стить и корму прибавить не сме- //
- (2) ем. И о том, государь, канинском //
- (3) самоедине Якушке Пирчикове, //
- (4) что он сидит в тюрьме долгое //
- (5) время, твой государев указ к нам, хо- //
- (6) лопам твоим, октяб^ря по 25-ое //
- (7) число нынешнего (7)146 [1637] года не бывал. //
- (8) И о том, государь, канинском само- //
- (9) едине нам, холопам своим, //
- (10) как ты, государь, укажешъ[?] //
- <надпись в самом низу>
- (7)146 [1637] <года> декабря в 3-й день государь пожаловал. /// #

2. Документ № 2 (РГАДА, разряд 35, оп. 1, ед. хр. 134, л. 4)

2.1. Лист 4

Второй рукописный документ насчитывает один лист (л. 4 в архивном деле). Документ написан кириллицей, другим почерком (не тем, что в первом документе), скорописью. Язык документа — русский. Во втором документе насчитывается 29 строк. Слева от текста значительные поля. Часть текста справа посередине читается немного хуже. Грамота имеет заголовок: «Написано в доклад». Содержание второго документа в целом повторяет содержание первого.

Начиная со строки (26) идет другой почерк (видимо, тот же, что и на л. 1об. в первом документе на горизонтальной верхней строке про «список»): им написано решение государя по делу Якушки — освободить его из тюрьмы «на поруку», взяв с него обещание не воровать и не сбегать.

Лист 4: расшифровка

<второй почерк, второй документ>

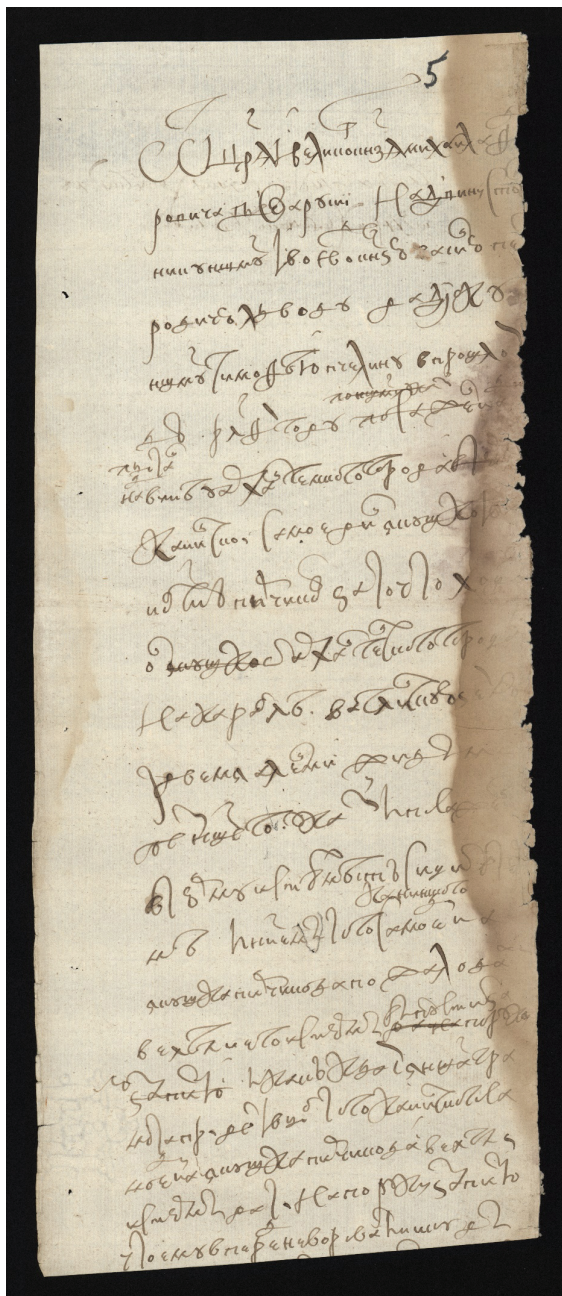
- (1) Написано/ѡ/докла^л //
- (2) В/прошломъ/во .рлѣ^м. [(7)139 = 1631] го^{ду} на/^лвинѣ //
- (3) у/а^рхангѣ^лскова/города/посажень //
- (4) в/тю^рму кани^нско^й самоѣди^н яку //
- (5) ш^{ко} ивано^в/снѣ пи^рчико^в что/ходи^л //
- (6) о^н/якушко ѡ^т/а^рхангѣ^лскова/города //
- (7) на/кара^блѣ в/аглинскую земълю //
- (8) з/двѣя а^ле^нми живыми/бе^с/[гѣрву] //
- (9) указу и/за/то/о^н/якушко пытанъ //
- (10) накрепко для/чего о^н/ходи^л/без/о^т //
- (11) пуску и/с/кѣмъ у/нѣ^г какое/умы^шле^н[ѣ] //
- (12) было и/не/хотѣ^л/ли/онъ в/аглинско^й //
- (13) зе^млѣ оста^тца //
- (14) и/самоѣди^н/яку^шко с/пы^тки/говорил[ѣ] //
- (15) ходи^л/де/о^н/в/аглинскую зе^млю з/двѣм[ѣ] //
- (16) олѣньми/живыми/бояся/убив //
- (17) ства канинско^й/же самое^{ди}/ивашка //
- (18) да/митки то^лстиковы^х дете^й/да //
- (19) семе^йки вотѣева потому что/де //
- (20) убили ѡни ево якушкова/о^тца/ива //
- (21) шка а/ево/якушка/хотѣли/убит //
- (22) такъже и/о^н/де/потому/в/аглинъ //
- (23) скую/зе^млю с/олѣньми и/ходи^л а/ино^й/де //

- (24) ни^х то с/нимъ в/аглинско^й землѣ не/бы^л //
- (25) и/умышленья/де у/нѣ^г никакова //
- (26) ни/с/кѣ^м/не/было <изменение манеры почерка> велѣ^л/самоедина //
- (27) якушка/ис/тю^рмы/дат/на/поруку //
- (28) з/зап^сю что/вперѣ^д/не/ворова^т/и/нику //
- (29) ды/не/збежа^т /// #

Лист 4: перевод

<второй почерк, второй документ>

- (1) Написано в доклад //
- (2) В прошлом (7)139 [1631] году на Двине //
- (3) у Архангельского города (в Архангельске) посажен //
- (4) в тюрьму канинский самоедин Яку- //
- (5) шко, Иванов сын, Пирчиков, за то, что ходил //
- (6) он, Якушко, от Архангельского города (от Архангельска) //
- (7) на корабле в Аглинскую землю //
- (8) с двумя оленями живыми без [государева] //
- (9) указа, и из-за этого он, Якушко, [был] допрошен //
- (10) с пристрастием, для чего он ходил без //
- (11) разрешения, и с кем у него какое умышление (умышленный сговор) //
- (12) было (был), и не хотел ли он в Аглинской //
- (13) земле остаться. //
- (14) И самоедин Якушко на допросе говорил, //
- (15) ходил, де, он в Аглинскую землю с двумя //
- (16) оленями живыми, боясь быть убитым //
- (17) канинскими же самоедами (= ненцами) Ивашкой //
- (18) да (и) Митькой, Толстиковыми детьми, да (и) //
- (19) Семейкой Вотеевым, потому что, де, //
- (20) убили они его, Якушкиного, отца Ива- //
- (21) шка, а его, Якушка, хотели убить //
- (22) также, и он, де, потому в Аглин- //
- (23) скую землю с оленями и ходил, а иной, де, //
- (24) никто с ним в Аглинской земле не был, //
- (25) и умышления (умышленного сговора), де, у него никакого //
- (26) ни с кем не было. <изменение манеры почерка> Велел самоедина //
- (27) Якушка из тюрьмы дать на поруку (на поруки) //
- (28) с записью, что[бы] вперед не воровать и нику- //
- (29) да не сбежать (с поручительством, что в будущем Якушко не будет воровать и никуда не сбежит). /// #

3. Документ № 3 (РГАДА, разряд 35, оп. 1, ед. хр. 134, лл. 5, 5об., 6, 6об.)

Третий документ представляет собой ответ государя Михаила Фёдоровича В. П. Львову и Т. Пчелину от 5 декабря 1637 г. Он насчитывает два листа (л. 5 и л. 6 в архивном деле). На обороте обоих листов также содержатся короткие записи. Документ написан кириллицей, другим почерком (не как в первой и второй грамотах), быстрой и небрежной скорописью, со множеством исправлений, зачеркиваний и вставок над строкой. Язык документа — русский.

3.1. Листы 5 и 5об.

Лист 5 архивного дела (первый лист третьего документа) насчитывает 22 полных строки (23-я строка оборвана). Слева от текста значительные поля. Часть текста справа посередине читается хуже. На оборотной стороне листа (л. 5об.) насчитываются две строки: там указано, что данная грамота написана «з двинским пушкарем» Ивашком (Иваном) Барановым.

Лист 5: расшифровка

<третий почерк, третий документ>

- (1) С^Г/црѣя/ѣ/велико^Г/кнзѣ/михаила/ф[е]^{Л^о} //
- (2) ровича/всѣа/русиѣ на/двину/сто^Л //
- (3) нику/ншмѣ ѣ/воево^{Д^е}/кнзю васи^Лю пет //
- (4) ровичю/львову да/дѣаку //
- (5) ншмѣ/тимофѣю/пчелину в/прошло^М //
- (6) въ рлѣ^М/году ^{по/ншмѣ/ука^{З^у}} ~~посажѣ^Н/на^{Д^в}~~ <зачѣркнута> //
- (7) ^{пыта^Н} на/двинѣ/у/а^Рха^Нгелского/города/у/тю^Рм[ы] //
- (8) кани^Нской самоеди^Н/якушко/ива //
- (9) но^В/снѣ пи^Рчико^В за/то/что ходи^Л //
- (10) о^Н/якушко <зачѣркнута>/от/а^Рха^Нгелского/города //
- (11) на/кара^Б лѣ . в/агли^Нскую/зе^Млю //
- (12) з/двѣма але^Нми живыми //
- (13) бе^З/ншѣго.ука^{З^у}/и/посажѣ^Н //
- (14) в/тю^Рму/и/с/тѣ^Х/мѣсть/сиди^Т/в/тю^Р //
- (15) мѣ и/ни^Чемѣ/того/^{канинского}/самое^{Д^и}на //
- (16) якушка/пи^Рчикова/пожалова^{Л^и} //
- (17) велѣли/его/ис/тю^Рмы ^{отпуститца} [да/на] <зачѣркнута> поруку //
- (18) ^{з/зани^Е} ~~ю~~ <зачѣркнута> и/какѣ/к/ва^М/ся/ншѣа/гра //
- (19) мота/приде^Т/и/вы/^Б/того/кани^Нского/са //
- (20) мое^{Д^и}на/якушка/пи^Рчикова/велѣли //
- (21) ис/тю^Рмы/дати/на/поруки/^З/запи^{С^б}ю //

(22) что/ему/впере^д/не/ворова^ти/никуда //

(23) [.....] ///

Лист 5: перевод

<третий почерк, третий документ>

- (1) От царя и великого князя Михаила Фёдо- //
- (2) ровича всея Руси на Двину столь- //
- (3) нику нашему и воеводе, князю Василию Пет- //
- (4) ровичу Львову да (и) дьяку //
- (5) нашему Тимофею Пчелину. В прошлом //
- (6) в (7)139 [1631] году ~~по нашему указу посажен на Дви[не]~~ <зачёркнуто> //
- (7) допрошен <дописано> на Двине у Архангельского города у тюрьмы //
- (8) канинский самоедин Якушко, Ива- //
- (9) нов сын, Пирчиков за то, что ходил //
- (10) он ~~Якушко~~ <зачёркнуто> от Архангельского города (из Архангельска) //
- (11) на корабле в Аглинскую землю //
- (12) с двумя оленями живыми //
- (13) без нашего указа, и посажен //
- (14) в тюрьму, и с тех пор сидит в тюрь- //
- (15) ме, и ничем того канинского <дописано> самоедина //
- (16) Якушка Пирчикова [не] пожаловали, //
- (17) велели его из тюрьмы отпустить ~~да на~~ <зачёркнуто> поруку //
- (18) ~~с записью~~ <зачёркнуто>. И, как к вам эта наша гра- //
- (19) мота придёт, и вы бы того канинского са- //
- (20) моедина Якушка Пирчикова велели //
- (21) из тюрьмы дать на поруки с записью, //
- (22) что ему вперёд (в будущем) не воровать и никуда //
- (23) [не сбежать.] (с поручной записью, что Якушко в будущем не будет воровать и никуда [не сбежит]) ///

Лист 5 об.: расшифровка

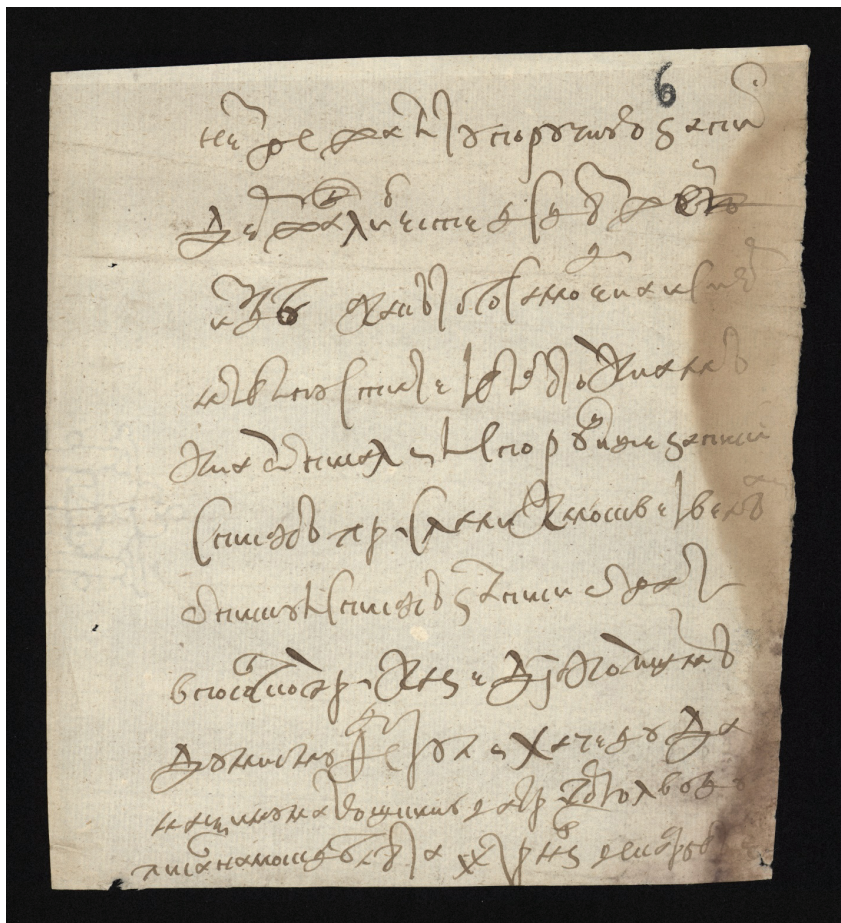
<третий почерк, третий документ>

- (1) Таков^а грамота/писана/з/дви^нски^м/пу //
- (2) шкаре^м/с/ывашко^м/барановы^м /// #

Лист 5 об.: перевод

<третий почерк, третий документ>

- (1) Эта (данная) грамота [на]писана с двинским пу- //
- (2) шкарём, с Ивашком Барановым. /// #

РГАДА, разряд 35, оп. 1, ед. хр. 134, л. 6.

3.2. Листы 6 и 6об.

Лист 6 архивного дела (второй лист третьего документа) насчитывает 11 строк. Слева от текста значительные поля.

На строках (1)–(3) следует указание: если Якушко Пирчиков не сдержит данное обещание (поручную запись), т. е. будет воровать или сбежит, то его необходимо будет заключить в съезжую избу — канцелярию воеводы, куда съезжались служилые люди уезда на смотры. Далее, на строках (3)–(10), содержится указание адресатам грамоты, чтобы после того, как Якушко будет отпущен на поруки, они написали бы об этом государю и прислали бы копию («список») с поручной записи

РГАДА, разряд 35, оп. 1, ед. хр. 134, л. 60б.

Якушки в Москву, а также отдали бы «отписку» (ответ) и «список с записи» в Посольский приказ думным дьякам Фёдору Лихачёву, Максиму Матюшкину и Григорию Львову, однако данные материалы в архивном деле, как мы видим, отсутствуют, и дальнейшая судьба Якушки Пирчикова нам неизвестна. На строке (11) содержится указание на дату и место написания данной грамоты: 5 декабря 1637 г. (7146 г.), Москва.

На оборотной стороне листа (л. 60б.) насчитываются три строки: там указано «о неметцких дѣлех» («о немецких делах») с 1636 г. (7145 г.) и стоит подпись «Михалков».

Лист 6: расшифровка

- (1) не/³дежа^т/и/ту/поручную запи^с //
- (2) де^ржали^б/есте/в/съѣ³же^и <зачёркнуто, исправлено> //
- (3) и³буѣ <исправлено> какъ/того/самое^{дн}на/ис/тю^р //
- (4) мы/отпустите и/в/тот/о/то^м/к/намъ //
- (5) к/на^м/отписали/и/с/пору^чные записи^и //
- (6) списокъ прислали/к/москве ивелѣ^{ли} //
- (7) отписку/и/списокъ/³/записи отдати //
- (8) в/посо^лско^м/приказе/дјако^м/нишмъ //
- (9) думному/фе^{до}ру/лихачеву/да //
- (10) максимуму/матюшкину/да/григо^рию/лвову //
- (11) писа^н/на/москвѣ/лѣта #зрм^{го} [7146 = 1637] дека^бря/в/то [е] /// #

Лист 6: перевод

- (1) Если не сдержит [Якушко] ту поручную запись, //
- (2) держали бы вы [его] в съезжей¹⁹ <исправлено> //
- (3) избе <исправлено>. Как того самоедина из тюрь- //
- (4) мы отпустите, и в тот [же час] (сразу) о том к нам, //
- (5) к нам отписали [бы], и с поручной записи //
- (6) список (копию) прислали [бы] в Москву, и велели //
- (7) отписку (ответ) и список (копию) с [поручной] записи отдать //
- (8) в Посольском приказе дьякам нашим, //
- (9) думному Фёдору Лихачёву, да (и) //
- (10) Максиму Матюшкину, да (и) Григорию Львову. //
- (11) Писано в Москве года 7146-го (1637-го) декабря 5-ого. /// #

Лист 6об.: расшифровка

- (1) _____ отписку //
- (2) о неме^тцки^х/дѣле^х //
- (3) съ рме^т/году/миха^лко^в /// #

Лист 6об.: перевод

- (1) _____ отписку (ответ) //
- (2) о немецких делах //
- (3) с [7]145 (1636-ого) году Михалков /// #

¹⁹ Съезжая изба в XVII в. — канцелярия воеводы, куда съезжались служилые люди уезда на смотры.

Список сокращений

англ. — английский язык
букв. — буквально

рус. — русский язык
уменьш. — уменьшительное

Литература

- Акты 1836а: *Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук*. Санкт-Петербург. Т. 1.
- Акты 1836б: *Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук*. Санкт-Петербург. Т. 3.
- Белов М. И., О. В. Овсянников, В. Ф. Старков 1980. *Мангазея: Мангазейский морской ход*. Ч. I. Ленинград: Гидрометеиздат.
- Бурыйкин А. А. 2009. Саамско-русский словарь Стефана Барроу 1557 г. В: *Вопросы уралистики 2009: научный альманах*. Под ред С. А. Мызникова. Санкт-Петербург: 111–119.
- Верещагин В. П. 1849. *Очерки Архангельской губернии*. Санкт-Петербург.
- Гамель И. Х. 1865. *Англичане в России в XVI и XVII столетиях*. Т. 1. Санкт-Петербург.
- Давыдов А. Н. 1988. *Архангельск во второй половине XIX — начале XX века: Население — городская среда — общественный быт*. Ленинград.
- Долгих, Б. О. 1970. *Очерки по этнической истории ненцев и энцев*. Москва.
- Колычева Е. И. 1956. Ненцы европейской России в конце XVII — начале XVIII вв. *Советская этнография* 2: 76–88.
- Корсакова В. Д. 1914. Львов, Василий Петрович. В: *Русский биографический словарь*, 10. Санкт-Петербург, 771–772.
- Крупник И. И. 1976. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев. *Советская этнография* 2: 57–69.
- Кутепов Н. И. 1898. *Великокняжеская и царская охота на Руси, 2. Царская охота на Руси царей Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича. XVII век*. Санкт-Петербург.
- Ненянг Л. П. 1996. *Наши имена: К вопросу об именнаяречении и бытовании собственных имён у ненцев Таймыра. Антропонимический очерк*. Санкт-Петербург.
- Прушакевич Иван 1867. Соломбала зимой и летом. *Архангельские губернские ведомости* 85: 4. *Словарь русского языка XI–XVII веков*. Москва — Санкт-Петербург, 1975–2015. <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii>
- Срезневский И. И. 1893–1912. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. 1–3. Петербург.
- Терещенко Н. М. 1965. *Ненецко-русский словарь: Около 22000 слов. С приложением краткого грамматического очерка ненецкого языка*. Москва.
- Флоря Б. Н. 1973. Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI — начало XVII в.). В: *Средние века 36*. Под ред. С. Д. Сказкина. Москва, 129–151.
- Arel, Maria Salomon 2004. The Archangel'sk Trade, Empty State Coffers, and the Drive to Modernize: State Monopolization of Russian Export Commodities under Mikhail Fedorovich. In: *Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in Seventeenth Century Russia*. Ed. by J. Kotilaine & M. Poe. London & New York, 167–193.

- Arel, Maria Salomon 2019. *English Trade and Adventure to Russia in the Early Modern Era: The Muscovy Company, 1603–1649*. London.
- Broch, Ingvid 1996: Solombala-English in Archangel. In: *Language Contact in the Arctic: Northern Pidgins and Contact Languages*. Ed. by E. H. Jahr & I. Broch. Berlin, New York, 93–98.
- Broch, Ingvid & Ernst Häkon Jahr 1984. *Russenorsk — et pidginspråk i Norge*. (= Tromsø-studier i språkvitenskap, 3.) 2nd ed. Oslo.
- Davis, Natalie Zemon 1984. *The Return of Martin Guerre*. Cambridge, Mass.
- Demuth, Bathsheba 2019: *Floating Coast: An Environmental History of the Bering Strait*. W. W. Norton, Inc.
- Dunning, Chester 1989. James I, the Russia Company, and the Plan to Establish a Protectorate over North Russia. *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies* 21 (2): 206–226.
- Dmitrieva, Olga, Natalya Abramova 2016. *Britannia & Muscovy: English Silver at the Court of the Tsar*. New Haven.
- Evans, James 2013. *Merchant Adventurers: The Voyage of Discovery That Transformed Tudor England*. London.
- Ginzburg, Carlo 1992. *The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller*. Translated by John Tedeschi and Anne Tedeschi. Baltimore.
- Lubimenko, Inna 1914. A Project for the Acquisition of Russia by James I. *The English Historical Review* 29 (114): 246–256.
- Magnússon, Sigurður Gylfi, István M. Szijártó 2013. *What Is Microhistory? Theory and Practice*. London — New York.
- McMillen, Christian W. 2007. *Making Indian Law: The Hualapai Land Case and the Birth of Ethnohistory*. New Haven and London.
- Pelto, Pertti J. 1973. *The Snowmobile Revolution: Technology and Social Change in the Arctic*. Menlo Park, Calif.
- Salminen, Tapani 1998. *A Morphological Dictionary of Tundra Nenets*. (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XXVI.) Helsinki.
- Willan, Thomas Stuart 1956. *The Early History of the Russia Company, 1553–1603*. Manchester.

Au cœur du chamanisme : une logique du renversement

Jean-Luc Lambert

EPHE (Paris), GSRL (UMR 8582), PSL

En mars-avril 1908, Konstantin M. Rytchkov (1882–1923) est en mission dans les toundras boréales de l'ouest sibérien pour le compte de l'Académie des sciences. Comme beaucoup d'autres de sa génération, il est devenu ethnographe après avoir été exilé en Sibérie pour ses activités politiques. Sur la voie terrestre reliant Doudinka à Khatanga, il apprend que la « variole noire » s'est abattue sur les Nganassanes de l'Avame, un petit peuple nomade vivant principalement de la chasse aux rennes sauvages dans l'Arctique. L'épidémie serait arrivée par des marchands venus, comme à l'accoutumée, faire du commerce avec les autochtones. La description publiée par Rytchkov en 1914 est une scène d'apocalypse, avec des morts laissés sans sépulture à l'intérieur de huttes abandonnées à la hâte par des fuyards qui tentent d'échapper à un mal implacable et meurent un peu plus loin. Les rennes domestiques qui habituellement permettent de nomadiser sont eux éventrés à coups de lance... D'après la mémoire nganassane, la dernière épidémie de variole date de 1913, mais huit décennies plus tard, les souvenirs de ce fléau sont toujours bien présents à l'esprit, comme en témoignent les histoires que j'ai alors pu noter sur le terrain.

1. Les chamanes masculins réduits à l'impuissance

La variole et la famine sont les deux hantises de ces peuples de chasseurs sibériens qui en parlent à travers de multiples récits. Cette épidémie, la pire de toutes, était particulièrement meurtrière, et quand elle touchait un campement, il n'y avait dans le meilleur des cas qu'un ou deux survivants. Le mal se propageait très vite et était attribué à un esprit d'une extrême voracité. À première vue, en cas de menace d'épidémie, la seule solution possible semble être la fuite et l'isolement. Surtout les chamanes ne doivent absolument pas chamaniser, du moins les hommes chamanes, car autrement ils seraient immanquablement repérés par l'esprit en question qui se précipiterait sur eux et sur leur groupe avec les conséquences dévastatrices que l'on sait. La menace de la variole était d'ailleurs la seule raison pour annuler la grande fête annuelle qui se tenait au lever du soleil, fin janvier, elle était menée par un grand chamane et permettait, pensait-on, au groupe qui se rassemblait pour l'occasion d'obtenir une année prospère (sur celle-ci

cf. Lambert 2002–2003 : 107–160). S'il y a un risque, autrement dit si l'on apprend que le mal sévit dans une région jugée proche, la seule possibilité pour tenter de survivre est de se disperser au loin en tentant de passer inaperçus. Cet isolement pouvait durer longtemps et l'on risquait alors la famine, c'est ce qui arriva, dit-on, à deux chamanes partis précipitamment dans le Grand Nord à une saison où il n'y a pas encore de gibier. L'un d'eux, trop impatient, voulut quand même chamaniser un peu et vit du brouillard dans le sud, sans doute l'épidémie qui s'éloignait en emmenant avec elle sa cohorte de victimes. Mais le lendemain, le chamane était mort, car en dépit de ses précautions l'esprit terrible l'avait vu (*cf.* Lambert 2002–2003: 212–215)...

Ces peuples chamanistes n'auraient-ils donc aucune possibilité d'action contre ce mal, aucune prise possible sur l'esprit qui lui est associé ? Le chamanisme en tant que tel — et non le néo-chamanisme sibérien actuel — est sous-tendu par une économie générale du souffle vital, qui est synonyme de chair, de sang et de sexe, et l'une des principales caractéristiques des esprits est d'être affamés. L'esprit de l'épidémie s'intègre parfaitement dans ce cadre métaphysique. Quasiment insatiable, il est le pire cauchemar des hommes. C'est bien ainsi aussi qu'il a été pensé plus au sud, dans les forêts de l'ouest sibérien. Une source russe (Dunin-Gorkavič 1904 : 94) rapporte en effet qu'en 1896, une femme khante de la rivière Vakh vit en rêve qu'une maladie allait s'abattre sur son peuple et pour s'en prémunir il fallait s'arrêter de fumer, sacrifier des chevaux et faire des offrandes. Nous ne savons rien du statut de cette femme, mais l'information se propagea très vite et sur une distance d'environ cent kilomètres des sacrifices de sept chevaux furent décidés en plusieurs endroits. Des offrandes ont également été déposées. Les Khantes du Vakh se sont alors probablement ruinés. En effet, ces chasseurs-pêcheurs qui vivent dans de petits hameaux le long des cours d'eau n'élèvent pas de chevaux, mais ils peuvent en acheter à des Russes pour les sacrifier à des esprits pensés comme étant russes, on offre évidemment aux esprits ce qu'ils sont supposés apprécier. S'il ne fallait plus fumer, c'est sans doute pour ne pas être repéré par l'esprit de l'épidémie qui peut-être s'est contenté de cette énorme quantité de chair offerte...

2. L'attente de la pratique épique

Les Khantes établis plus au Nord tentaient autrement de se prémunir de la variole. Avec les Mansis, les Khantes constituent l'ensemble des Ougriens de l'Ob, les peuples sibériens les plus occidentaux, ceux qui entretiennent avec les Russes les contacts les plus profonds et les plus anciens. Au début du XVIIIe siècle, Pierre le Grand décida qu'ils devaient être évangélisés de gré ou de force, le chamanisme devait être éradiqué au profit de l'orthodoxie. Officiellement, en 1720, tous ou presque sont baptisés.

La réalité est plus complexe, et les groupes ob-ougriens du nord ont réélaboré leur vision du monde en faisant une part belle et visible à l'enfant que le dieu du ciel envoie aux hommes,

c'est-à-dire à l'ours, célébré au village lors d'une fête à laquelle des Russes peuvent participer. Parallèlement les Ougriens de l'Ob organisent des rituels pour des dieux autochtones, mais sur les sites culturels dissimulés en forêt, là où habitent les dieux... Ils ont ainsi réussi à construire entre la fin du XVIIIe et le début du XIXe siècles un compromis religieux dans lequel cohabitent paisiblement des dieux locaux et l'enfant du dieu céleste. Ils ont aussi troqué leurs pratiques trop ouvertement chamaniques, facilement identifiables, pour une pratique épique, plus discrète (sur l'épopée ob-ougrienne, cf. Lambert 2017).

L'épopée ob-ougrienne est constituée par de multiples chants qui forment ensemble un tout cohérent. Elle a tout d'abord été notée par Antal Reguly qui, à l'automne 1844, rencontre Maksim Nikilov, le premier a 25 ans et le second environ 75. Le jeune hongrois, l'enfant terrible des études finno-ougriennes, prend rapidement conscience qu'il a en face de lui un très grand barde, mais il ne se doute pas que son interlocuteur est très certainement celui qui a forgé l'épopée en question. Les quatorze chants épiques notés alors alimentent les travaux de générations de chercheurs, d'autres ont été collectés par la suite. Dans chaque chant, un dieu s'exprime à la première personne et paraît raconter son histoire. À l'analyse, il n'y a que cinq trames narratives mettant en scène des dieux autochtones et à chacune d'elles correspond une attente particulière des hommes.

Une récitation épique ob-ougrienne est un rituel à part entière, avec ses caractéristiques propres. Dans tout rite, un élément au moins est autre chose que lui-même, pour prendre un exemple familial c'est le pain qui devient le corps du Christ dans l'Eucharistie. Dans le chamanisme, l'ensemble du cadre spatial prend une dimension métaphysique. On parlait à ce propos voilà déjà longtemps de mondes emboîtés avec le microcosme qui renvoie au macrocosme. Ainsi la hutte cérémonielle devient l'univers que parcourt le chamane vêtu de son lourd costume. Lors de la grande fête annuelle nganassane, le rite se termine quand le chamane scrute l'horizon en passant sa tête par le trou à fumée de la hutte, il est alors au bout du monde. Il peut voir au loin, alors l'année sera bonne. S'il apercevait du brouillard, ce serait probablement l'annonce d'une épidémie. Lors de la récitation de l'épopée ob-ougrienne, ce n'est pas l'espace qui prend une dimension métaphysique, mais le cadre temporel, l'action se passe au temps des dieux. Quand le dieu parvient à ramener la femme qu'il convoite chez lui, sur le site culturel où est effectué le rituel, cela signifie que les hommes auront du gibier.

Le dieu peut aussi devoir venger ses parents assassinés longtemps auparavant par des ennemis qui ont assailli son village et tué presque tous les habitants. Ils vont d'ailleurs revenir parachever leur œuvre de destruction, bientôt on les aperçoit. Sur le fond, il s'agit de mettre un terme définitif à un conflit armé et le dieu qui par excellence porte cette trame est le dieu de la guerre, Xont-torum (le chant est publié in Pápay 1905 : 2-68). Au milieu du XIXe siècle, il n'y a pourtant plus de guerres interethniques, la *pax russica* s'est imposée depuis longtemps. Le dieu de la guerre traque et tue ses ennemis chez eux. Le dernier, puissant et intelligent, lui propose une solution pour cesser les combats.

Il l'accepte et tous deux effectuent ensemble un imposant rite de réconciliation au cours duquel de nombreux rennes domestiques sont sacrifiés à « notre père », le dieu du ciel.

Le chant précise que des hommes de la petite ville du dieu de la guerre portent les séquelles de blessures anciennes, beaucoup aussi sont malades, sans force, sans que l'on ne sache pourquoi. Cette singularité que l'on ne retrouve nulle part ailleurs dans le corpus parle d'elle-même, et à partir des représentations ob-ougriennes, un parallèle évident se dessine entre guerres et épidémies, les deux ont en commun d'entraîner des coupes sombres dans la population. Pour les Ougriens de l'Ob du XIXe siècle, il n'y a pas de doute : l'épidémie, c'est une guerre ! C'est une agression extérieure, potentiellement récurrente, affectant l'ensemble de la communauté à la différence de la maladie individuelle perçue comme une attaque personnelle et ponctuelle. Il revient donc bien au dieu de la guerre d'aller la combattre ! La récitation rituelle de ce chant a ainsi pour objectif d'empêcher le retour imminent d'une épidémie. La pratique épique permet donc de lutter contre la variole alors que ce n'est pas possible avec le chamanisme. Mais finalement est-ce vraiment si certain ?

3. Quand les femmes s'en mêlent...

Selon le système de pensée nganassane, il est impératif qu'il y ait au moins un puissant chamane masculin en activité pour que le grand ordre du monde puisse se maintenir, en revanche en cas d'épidémie celui-ci ne doit donc rien faire. Les femmes chamanes sont moins nombreuses et trop souvent on considère hâtivement que leur sphère d'activité est simplement plus restreinte que celle des hommes chamanes. En effet, une femme chamane puissante est en principe capable de sauver son groupe d'une épidémie. Les Nganassanes connaissent de nombreux récits qui, un peu comme des *exempla*, mettent en scène des chamanes « mythiques » dans des situations variées. Un seul parle d'une femme chamane et il était raconté en particulier par Noboptié Kosterkina (ca 1911–1972), une chamane aussi réputée que redoutée. J'en ai recueilli plusieurs versions, dont une avec Valentina Tchounantchar (1938–1998), la fille de Noboptié. Le cœur de l'histoire est très simple, une épidémie s'est déclarée dans le campement où vit Neïming, une jeune chamane. Les gens tombent malades et les femmes n'arrivent plus à accoucher. La chamane décide alors de partir se donner sexuellement à l'esprit de la variole, les siens recouvrent la santé et les femmes peuvent accoucher. Mais il ne s'agit en rien d'un sacrifice ! Neïming parvient en effet à revenir et qui plus est enceinte d'un garçon qui deviendra un puissant chamane. Comme pour bien insister, l'histoire se répète et la chamane revient une seconde fois enceinte d'un garçon qui deviendra également chamane (cf. Lambert 2002–2003 : 295–296).

Pour comprendre comment Neïming est capable de réaliser ce tour de force, il faut avoir à l'esprit que les parcours des femmes chamanes sont extrêmement éprouvants. Dans cette vision du monde, les filles c'est de l'énergie vitale incarnée, et certaines

peuvent particulièrement plaire aux esprits. Pour Noboptié, comme pour d'autres, l'histoire commence véritablement par un viol par un *barus'i*, un esprit très dangereux directement associé aux morts, car dans la logique de cette métaphysique les défunts s'en prennent aux vivants qu'ils attirent chez eux, sans aucune animosité à leur égard d'ailleurs. Si la jeune femme, aidée bien entendu par sa famille, parvient à faire face à la situation et à empêcher l'esprit en question de l'emmener chez lui, alors elle deviendra chamane, mais il lui faudra beaucoup de temps et d'énergie. En revanche une fois qu'elle y est parvenue, elle pourra, comme Neïming, sauver les siens d'une épidémie mortelle et avoir un fils qui deviendra le chamane puissant nécessaire à l'ordre général du monde ! Le père de Noboptié, Dioukhadié Kosterkin (ca 1880–1936), était reconnu comme étant le plus grand chamane nganassane de son temps et il accepta au tout début des années 1930 de raconter son histoire à Andreï A. Popov (1902–1960), un ethnographe remarquable. Il expliqua qu'il avait été littéralement prédestiné, sa mère, alors qu'elle était enceinte, rêva qu'elle couchait avec l'esprit de la variole. À son réveil, elle dit à son entourage que son enfant devrait devenir « chamane de Variole » (Popov 1936: 84)... Dans cette métaphysique chamannique, totalement cohérente, ce mal, responsable de ravages indescriptibles et innommables, génère aussi, grâce à ces femmes, les individus indispensables pour maintenir l'équilibre de l'univers, toujours potentiellement instable. Ainsi cette petite société, *a priori* très vulnérable, est non seulement parvenue à penser ces épidémies meurtrières et répétées et à leur faire face, mais elle a également su transformer le pire des fléaux en son contraire !

4. Une logique chamannique

C'est finalement ce principe, pourtant simple, qui est difficile à concevoir, car nous n'arrivons pas à le transposer dans notre propre conception du monde. Il est pourtant au cœur du chamanisme. C'est en effet cette inversion salvatrice qu'il est indispensable de garder à l'esprit pour appréhender ce système de pensée. Autrement, nous ne pouvons parvenir à comprendre qu'une femme disant avoir un enfant d'une figure masculine extrêmement négative que nous assimilerions facilement au diable ou à un démon puisse sauver les siens d'un désastre annoncé. Elle pourrait être immédiatement taxée de sorcière et jetée sur le premier bûcher venu. Comment serait-il alors imaginable que son fils soit indispensable au maintien de l'univers ? C'est finalement une histoire qui commence mal mais finit bien...

Si l'on pousse cette logique jusqu'au bout, il est même possible de considérer que si Dioukhadié a été le plus grand chamane nganassane de son temps, c'est précisément parce qu'il est le fils du pire fléau des hommes. En effet, pour les autres chamanes de son époque, nous n'avons pas d'information comparable. D'autre part, si l'on sait que son père et son grand-père étaient eux aussi chamanes, rien ne nous dit qu'ils étaient aussi

forts que lui. Tous les cas de figure sont évidemment envisageables dans les lignées chamaniques. Elles peuvent s'éteindre, c'est ce qui est arrivé à celle de Monsékou Tourdagouine, l'autre puissant chamane nganassane des années 1920-1930. Un chamane peut aussi être beaucoup moins fort que son aïeul, je pense à Séreptié Iarotski, qui raconta lui aussi à Popov (1968) son histoire personnelle. Séreptié est considéré comme un petit chamane, alors que son ancêtre Tynta en était un très grand dans la seconde moitié du XIXe siècle, particulièrement respecté. Pour Dioukhadié, il est possible que ce soit l'inverse et jamais je n'ai par exemple entendu dire que Syra'a, son père, avait plusieurs épouses. Quoiqu'en dise Dioukhadié lui-même, la polygamie est l'un des signes de la puissance chamanique. Toutes ses petites-filles rappelaient d'ailleurs avec une fierté non dissimulée que leur grand-père avait trois femmes ! La force de Dioukhadié est de toute évidence liée à son lien avec l'esprit de la variole. Il nous le dit lui-même : lors de son premier voyage dans l'autre monde, les « gens de la variole » ont mis son cœur à cuire dans un chaudron. Habituellement ce serait extrêmement grave, voire mortel ; lors des rituels thérapeutiques, le chamane retrouve souvent le cœur d'un grand malade en train de cuire sous la hutte du chamane des morts dans l'au-delà, et il faut qu'il parvienne à s'en emparer pour que celui qui a fait appel à lui recouvre la santé. Pour Dioukhadié, il y a là aussi un renversement. Un homme lui redonne en effet bien plus tard son cœur, et c'est précisément parce qu'il a cuit longtemps que le chamane ne se fatigue pas durant le rituel ! On ne saurait mieux exprimer les choses...

5. Les enfants de Noboptié

Cette métaphysique chamanique est mue par une logique sans concession et sans pitié, c'est ce qui la rend si contraignante, et aussi si pesante. Noboptié a voulu que ce qu'elle a vécu comme un lourd fardeau cesse avec elle, elle voulait épargner ses enfants. Elle y est parvenue, car ni son fils, ni sa fille n'ont été tourmentés par les esprits ! Valentina était particulièrement heureuse d'y avoir échappé. Mais comment sa mère a-t-elle pu faire ? Officiellement, tout s'est joué dans le rituel funéraire, la chamane avait demandé à ce que ses cheveux ne dépassent pas de sa coiffe, le chamanisme se refermerait donc sur elle et ne se transmettrait pas à ses descendants. C'est l'explication spontanée avancée par sa fille. Mais Noboptié est morte en 1972, ses deux enfants ont déjà au moins la trentaine. Ils ont passé l'âge... Si les esprits avaient dû les élire, ils se seraient manifestés beaucoup plus précocement, du vivant de la chamane. Les signes sont là très tôt, parfois même avant la naissance. Pour comprendre ce qui est arrivé, il faut remonter beaucoup plus loin dans l'histoire personnelle de Noboptié, avant même la naissance de ses enfants, et saisir ce que Valentina disait à ce propos. Elle m'en a parlé sans que je ne lui demande rien, et je n'ai véritablement compris qu'avec le recul des années ce qu'elle m'avait raconté. Elle aimait évoquer sa mère, et je l'écoutais, sans l'interrompre, avec mon magnétophone qui

continuait à tourner sur la table. Je l'ai laissée parfois mener la conversation, et je m'en suis après coup félicité tant j'étais loin de ces questions en ce temps-là.

Noboptié a donc été violée très jeune par un *barus'i*, et pas seulement une fois. En effet, le redoutable esprit venant de l'outre-tombe est revenu régulièrement pour coucher pendant trois jours d'affilée avec elle, et cela presque jusqu'à la fin de sa vie. Noboptié en a souffert durant toute son existence et quand il était là, bien qu'elle fût chamane, il ne fallait pas se risquer à lui demander quoi que ce soit. Allongée sans rien dire, elle semblait dormir. Elle était abattue, « volée » et violée. Noboptié expliqua à plusieurs reprises à sa fille et à son fils qu'elle avait eu aussi trois enfants du *barus'i* et qu'ils devaient les considérer comme des frères. Ils avaient quelques spécificités, comme me le répéta Valentina, l'un d'eux n'avait pas d'yeux, un autre pas d'oreilles et le troisième pas de bouche. Noboptié pensait que le dernier n'avait pas vécu longtemps.

Il n'est guère étonnant que ces enfants nés d'une femme et d'un esprit, étroitement lié aux morts, aient quelques singularités, en l'occurrence qu'il manque à chacun d'eux un organe sensoriel. Mais où pouvaient bien être ces enfants ? Valentina ne m'en a pas parlé, en revanche Toubiakou (1921–1989), le frère cadet de Noboptié, grand chamane lui aussi, semble avoir eu une petite idée sur la question. En effet, quand il chamanisait, les trois Coups (Hositələ), trois esprits, pouvaient lui donner des informations essentielles en lui indiquant dans quel lieu il venait d'arriver dans l'autre monde s'il ne se reconnaissait pas lui-même ou quel était cet objet inconnu qu'il trouvait soudainement en travers de sa route, etc. L'un n'avait pas d'yeux, mais une vue extrêmement aiguë, un autre pas d'oreilles, mais il entendait tout et le troisième pas de bouche, mais il parlait de tout (Helimskij et Kosterkina 1994 : 22, 73). Le renversement en son contraire est ici aussi manifeste... Voilà donc, selon toute vraisemblance, les trois enfants de Noboptié et du *barus'i*. Ce sont des esprits et des informateurs pour Toubiakou, qui est leur oncle. Cela peut nous surprendre, mais pour Dioukhadié aussi une Nganassane peut donner naissance à des esprits. Le grand chamane a même raconté que la première de ses trois épouses avait des relations sexuelles avec ses esprits et qu'elle était la mère de certains de ses esprits auxiliaires (Popov 1936 : 98)... En outre, trois des quatre enfants qu'il eut d'elle sont devenus chamanes... Les questions entourant la paternité ne se posent pas dans les mêmes termes que pour nous. Rien ne dit en effet qu'un enfant nganassane ne soit conçu en n'ayant qu'un seul et unique géniteur...

Même s'il y avait eu des signes beaucoup plus tôt, le déclencheur le plus manifeste de l'histoire de Noboptié est donc ce viol par le *barus'i*. La jeune fille avait alors une quinzaine d'années, et l'on disait qu'elle avait été prise par un *barus'i*. Elle pouvait passer des journées et des journées à dormir, dans d'autres moments, elle manifestait des signes d'agitation extrême et disposait d'une très grande force physique. Un jour de décembre, bien qu'il fit très froid, elle sortit nue de la hutte et se mit à courir. Dioukhadié parvint à la rattraper et elle ne tomba pas malade. Le chamane organisa ensuite un rituel pour

sauver sa fille en pleine crise. Il se fit apporter son costume qu'il enfila, il mit également sa coiffe métallique ; une ramure de renne y était représentée. Ensuite, il affronta sa fille. Longtemps ils se battirent comme des rennes, elle était alors très forte, plus forte que les hommes. Dioukhadié avait du mal à prendre le dessus. Finalement, il emporta le combat. Le chamane expliqua que Noboptié vivrait jusqu'à un âge avancé et que sa folie était finie. S'il avait perdu, elle serait morte rapidement, l'esprit l'aurait emmenée dans l'au-delà. On comprend facilement ce qu'a réussi à faire Dioukhadié. Il fallait empêcher la jeune femme d'être emmenée par le *barus'i* dans l'outre-tombe, et donc de mourir. Le chamane est arrivé à déloger le mauvais esprit du corps de sa fille, et il s'est empressé ensuite de lui trouver un époux, Bintalié Tchounantchar, qui a été aussi un très bon mari. Il s'agissait véritablement de fixer la jeune femme du côté des vivants pour qu'un mort ne puisse pas l'épouser et la faire venir chez lui, comme un mari amène sa femme dans sa maison (cf. Lambert 2002–2003 : 319–320).

Noboptié est très jeune, peut-être a-t-elle seulement seize ans quand elle a son premier enfant. Nous sommes *a priori* en 1927 et un conflit éclate à propos du nom à donner au garçon. Quelques années plus tard, en 1931, Popov (1936 : 107–109) assistera à un rite conduit par Dioukhadié pour déterminer le nom à donner à un futur bébé de Noboptié, à nouveau enceinte. L'esprit alors consulté lui répond que c'est encore trop tôt. On comprend que le temps venu, une fois l'enfant né, Dioukhadié s'adressera à nouveau à lui. Et chacun acceptera le nom choisi par cet esprit féminin réputé assister les femmes en couches. Bintalié, le mari, est bien d'accord, car ce ne sera pas un nom de « mauvais esprit ». Je ne sais pas ce qu'est devenu cet enfant, peut-être n'a-t-il pas vécu longtemps... Si lors de ce rituel la question semble particulièrement cruciale pour le chamane et le jeune couple, c'est parce qu'il y a eu un problème plusieurs années plus tôt. Noboptié avait alors eu un fils, appelé Nikolai en russe, mais ce n'est pas ce nom pour l'état civil qui est important, mais le nom nganassane qu'il est nécessaire d'inventer à la naissance. En effet, chaque nouveau-né doit avoir un nom singulier qui de mémoire n'a jamais été porté. Il peut par exemple être déterminé par un événement extérieur. Le père d'une de mes interlocutrices s'appelait Dientoumié. Comme *d'entu* veut dire « aurore boréale », sa fille en avait conclu qu'il devait y avoir eu des draperies visibles dans le ciel quand son père est né. Ce nom est essentiel et doit être bien choisi. Pour le premier enfant de Noboptié, il y a eu un désaccord, car deux noms ont été proposés. Il ne s'agit pas cependant d'une dispute entre le père et la mère, qui sont tous deux les grands absents de l'histoire ! En effet, c'est le *barus'i* qui voulait appeler l'enfant Nganouriou, ce que Valentina qui me raconta l'histoire traduisait par « Homme tranquille ». Dioukhadié s'y est opposé et a donné un autre nom au bébé : Litamtié « Prématuro ». Il était particulièrement choyé, comme n'importe quel premier né, mais très vite il est devenu « mauvais ». Ses pleurs n'étaient déjà plus vraiment des pleurs d'enfant et ressemblaient davantage à des sifflements de *barus'i*. Il devenait *barus'i*, se mettait à faire mal aux seins de sa mère, et à

son visage aussi. Il bavait de plus en plus et son regard n'était pas bon — on se croirait dans *Rosemary's Baby* ! À présent, Noboptié le rejetait et avait même peur de son fils. Dioukhadié est alors intervenu en disant qu'il ne fallait plus l'appeler Litamtié, mais bien Nganouriou. Peut-être que le mauvais esprit s'était vexé que l'on nomme autrement le nouveau-né, qui par contrecoup devenait lui-même *barus'i*. Le soir, avant de se coucher, Noboptié devait installer le bébé dans le coin féminin de la hutte et dire au *barus'i* : « Donne-moi mon enfant et prends le tien. Pourquoi as-tu changé mon enfant ? Celui-là est vraiment mauvais, je n'en veux pas ». Le matin, elle devait le reprendre. Noboptié fit comme son père avait dit, et l'on appela dorénavant le bébé Nganouriou. On lui répétait tout le temps son nom. Peu à peu il changea et devint humain. Toute sa vie, il s'est appelé Nganouriou.

De deux noms possibles pour un seul nouveau-né, on en arrive à... deux enfants. L'un est humain, et, de l'avis général, Nikolaï a eu une vie tout à fait normale, tandis que l'autre est *barus'i*. C'est ainsi que le chamanisme s'est arrêté avec Noboptié, grâce à cette dissociation. Elle avait d'un côté ses enfants humains et de l'autre ses enfants *barus'i*. Précisément, elle demandait à son fils et à sa fille de les considérer comme des frères, et l'on comprend que Toubiakou se soit parfois servi de ses trois neveux comme des informateurs de l'autre monde. Nikolaï et Valentina n'ont donc pas été importunés par les esprits. En revanche, si la jeune femme avait considéré que son enfant était à la fois celui de son époux et celui du *barus'i*, elle serait immanquablement retombée dans les pas de sa grand-mère qui, enceinte, dit qu'elle a couché avec l'esprit de la variole et que son enfant doit donc être chamane. Et aussi sans doute dans ceux de sa mère qui entretenait une relation sexuelle avec ce même esprit et dont les trois aînés sont devenus chamanes. L'histoire semblait jusque-là se répéter inexorablement d'une génération sur l'autre, avec un esprit terrifiant qui couche avec les femmes de la lignée, et celles-ci donnent alors immanquablement naissance à des chamanes. En outre, dans l'histoire exemplaire de Neïming que Noboptié racontait, les enfants que la chamane mythique a de l'esprit de la variole deviennent aussi de puissants chamanes. En disant qu'elle a, d'une part, des enfants de son mari Bintalié et, d'autre part, des enfants du *barus'i*, Noboptié a protégé et épargné son fils et sa fille. Elle avait donc bel et bien stoppé le chamanisme dans sa propre descendance très longtemps avant sa mort !

Il s'ensuit que les chamanes ont, dans cette lignée au moins, ce que pourrions appeler une double nature. Ils sont à la fois humains et esprits. L'histoire de Dioukhadié est, de ce point de vue, absolument remarquable. À bien écouter le récit de sa vie, il naît deux fois et portent deux noms différents, il a des parents humains et des parents esprits (cf. Popov 1936 : 84–85). Mais le chamane n'est pas un messie qui, à l'image du Christ, est le fils d'un Dieu juste et favorable aux hommes et qui est envoyé sur terre pour rénover la métaphysique en proposant une solution nouvelle. Les chamanes eux perpétuent une

tradition qui leur préexiste et ils n'innovent pas. En revanche, ils sont indispensables et sans eux l'univers ne pourrait se maintenir. Déjà les vivants ne pourraient plus se défendre contre leurs morts qui très vite les dévoreraient et les engloutiraient. Les chamanes ne peuvent pas être comparés au Christ ou à d'autres enfants du Ciel que l'on rencontre ailleurs, car leur père métaphysique serait, à nos yeux, à chercher du côté des Enfers ! De ce point de vue, il faut se tourner vers des personnages légendaires pour rechercher des parallèles, Merlin bien entendu et aussi Robert le Diable. L'un et l'autre ont été enfantés par Satan ou du moins par un démon. Merlin, c'est le magicien par excellence, et il a été plusieurs fois comparé à un chamane. Mais il ne faut pas se leurrer et prendre ces correspondances pour ce qu'elles ne sont pas. Il n'y a pas là un argument en faveur d'un hypothétique fond chamanique commun. De la même manière, il ne serait en rien justifié de postuler par principe un lien génétique entre le Christ et un fils du Ciel surgi d'une métaphysique asiatique. Cela montre toutefois que le principe salvateur de transformation en son contraire n'est pas spécifiquement chamanique et peut tout à fait être imaginable ailleurs, y compris chez nous, même s'il n'occupe pas le cœur de nos propres métaphysiques. Dans le cas du chamanisme, il est en revanche absolument essentiel. Est-ce qu'il ne s'agirait pas *in fine* du principe fondamental structurant le chamanisme en tant que tel et qui, à ce titre, permettrait à la fois de définir et de caractériser ce système de pensée ?

Références

- Dunin-Gorkavič, A. A. 1904 *Tobol'skij Sever* I. Saint-Petersbourg : M. Z. i G. I. Departament zemledelija.
- Helimskij, E. et N. Kosterkina 1994. Malye kamlanija bol'sogo šamana. *Tajmyrskij ètnolingvističeskij sbornik* 1. Moscou : Rossijskij gos. gumanitarnyj universitet, 16–146.
- Lambert, J.-L. 2002-2003. *Sortir de la nuit. Essai sur le chamanisme nganassane (Arctique sibérien)*, (Études Mongoles et Sibériennes 33–34).
- Lambert, J.-L. 2017. Quand l'attente de l'assistance détermine l'épopée. La performance épique dans le contexte religieux ob-ougrien (Ouest sibérien). In : *Auralité: changer l'auditoire, changer l'épopée*, 3e livraison du *Recueil ouvert*, F. Goyet et J.-L. Lambert (eds), publication en ligne, <http://ouvroir-litt-arts.univ-grenoble-alpes.fr/revues/projet-epopee/263-quand-l-attente-de-l-assistance-determine-l-epopee-la-performance-epique-dans-le-contexte-religieux-ob-ougrien-ouest-siberien>
- Pápay, J. 1905. *Osztják népköltési gyűjtemény* (Zichy Jenő gróf harmadik ázsiai utazása V.) Budapest – Leipzig: Hornyánszky Viktor/Karl W. Hiersemann.
- Popov, A. A. 1936. *Tavgicy. Materialy po ètnografii avamskih i vedeevskih tavgijcev*. (Trudy Instituta ètnografii AN SSSR 1 (5).] Moscou — Léninegrad.
- Popov, A. A. 1968. How Sereptie Djaruoskin of the Nganasans (Tavgi Samoyeds) became a Shaman. In: V. Diószegi (éd.) : *Popular Beliefs and Folklore Tradition in Siberia*. La Haye : Mouton, 137–145.
- Ryčkov, K. M. 1914. Poezdka v Severo-Vostočnye tundry Turuhanskogo kraja iz s. Dudina. *Zemlevedenie* 4 : 94–123.

Шаманские напевы нганасан вне обрядовой ситуации (по материалам записей Салира Порбина 1990 г.)

О. Э. Добжанская

Арктический государственный институт культуры и искусств

1. Введение

Одним из важных направлений научной деятельности Евгения Арнольдовича Хелимского было комплексное изучение языка нганасанского музыкального фольклора. Исследователь не только считал, что лингвистические закономерности раскрываются в процессе звучащего текста, но сам неоднократно фиксировал тексты музыкально-фольклорных произведений нганасан (в частности, песни разных жанров). Особое внимание исследователя привлекали способы реализации нганасанской лексики в мелодике иносказательных песен, которые были описаны в статье «Силлабика стиха в нганасанских иносказательных песнях» (Хелимский 1989b). Интерес Е. А. Хелимского к шаманскому фольклору проявился как в публикациях шаманских текстов Тубяку Дюходовича Костеркина (Helinski, Kosterkina 1992; Костеркина, Хелимский 1994), так и в научных изысканиях, посвященных сравнению стихосложения в обрядовом и необрядовом фольклоре самодийских народов (Хелимский 1989a; Helinski 1990).

Значимость исследований Е. А. Хелимского для музыковедов, изучающих музыкальный фольклор самодийских народов, трудно переоценить. В частности, научная область автора статьи — изучение шаманской музыки нганасан — выделилась в самостоятельное поле исследования и стала доступной для изучения именно благодаря проведенным совместно с Е. А. Хелимским полевым сборам в поселке Усть-Авам¹, осуществленным этим ученым публикациям текстов нганасанских шаманских обрядов Тубяку Костеркина, а также тесному сотрудничеству с дочерью

¹ Музыкально-этнографическая экспедиция Фольклорной комиссии Сибирского отделения Союза композиторов РСФСР, август 1989 г., поселок Усть-Авам Таймырского АО. Участники экспедиции Ю. И. Шейкин (руководитель), Е. А. Хелимский, О. Э. Добжанская, Т. Оямаа, А. Линтроп, Х. Релве.

шамана, фольклористом Надеждой Тубяковной Костеркиной (в научном становлении которой важную роль сыграл Е. А. Хелимский).

В монографии «Песня Хотарэ» (Добжанская 2002) путем сравнительного изучения ритуалов трех шаманов из рода Нгамтусуо (Тубяку, Демнине, Дюлсымяку) автором были выявлены основные музыкально-стилевые черты шаманского обряда. Кратко перечислим их для того, чтобы ввести контекст для предпринятого в статье анализа шаманских мелодий: использование в обряде всех известных типов интонирования (вокального, речевого, вокально-речевого, сигнального, инструментального); многоголосное гетерофонное пение по типу респонсория (сольный запев шамана — хоровая втора помощников); пропорциональная трехчленная музыкальная структура обряда (вступление — основной раздел — заключение) с дополнительным разделом «гадание»; наличие закрепленных за духами-помощниками мелодий-лейтмотивов, составляющих музыкальное содержание ритуала; отражающая фабулу ритуала последовательность мелодий шаманских духов («попурри» мелодий); в вокальной партии использование ономотопеи и особых тембров — своеобразных голосовых «масок», меняющих окраску голоса при исполнении мелодий шаманских духов; восьмисложные стиховые структуры поэтических строк и отражающие их ритмические формулы мелодий; мелодическая структура обряда. Подчеркнем, что два последние из отмеченных признаков не могли бы быть выявлены без трудов Е. А. Хелимского.

2. Материалы статьи. Салира Мыдович Порбин — знаток и носитель обрядовой, эпической, песенной традиций нганасанского фольклора

В современной ситуации критического состояния языка и культуры нганасан все большее значение приобретают ранее записанные полевые материалы. Некоторые из них пока не становились предметом пристального изучения и обсуждения. Материалы конца XX века, хотя и отражают состояние постепенно разрушающейся традиции, обладают все же несравненно большей информативностью по сравнению с теми, которые фиксируются в наши дни. В частности, роль важного источника знаний о шаманской звуковой культуре играют не только записи полных шаманских ритуалов, но и единичные песни шаманов, зафиксированные от людей, знающих ритуальную традицию (родственников, помощников шаманов).

В данной статье будут обсуждаться музыкальные записи, сделанные в 1990 г. от Салира Мыдовича Порбина участниками музыкально-этнографической экспедиции (МЭЭ 1990)², включавшей автора статьи. Перевод с нганасанского на русский

² Музыкально-этнографическая экспедиция 1990 г. проводилась с 12 сентября по 21 сентября 1990 г. в поселке Волочанка Дудинского района Таймырского автономного округа.

язык в ходе экспедиционной работы с С. М. Порбиным производил житель поселка Волочанка Владислав Яроцкий.

Салира Мыдович Порбин (1920–2001) — нганасанин из рода Нинондя, в период записи ему было уже 70 лет и он был на пенсии. Салира Порбин родился в Авамской тундре на реке Дудыпта. Его отец, Мыдо, был оленеводом-середняком, был арестован и умер в тюрьме. Мать, Нирку, была из рода Линанчар. Салира Мыдович не имел образования, всю жизнь работал пастухом оленей, охотником, был членом КПСС. Его жена Нелютаси Фоминична Порбина (1922–2002), девичья фамилия Чу-нанчар. Всю жизнь была чумработницей, не получила образования. Вместе с мужем они вырастили 6 детей, которые в период полевых исследований (1990 год) жили в Волочанке, Дудинке, Талнахе.

С. М. Порбин и Н. Ф. Порбина (1990 г.)

Участники экспедиции: В. С. Никифорова, О. Э. Добжанская. Цель экспедиции — запись музыкального фольклора долган и авамских нганасан. Организатор экспедиции: Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки, руководитель Центра музыкально-этнографических исследований Северной Азии Ю. И. Шейкин.

С. М. Порбин был сказителем (его репертуар эпических сказаний *ситабы* включал около 50 сюжетов), знал и рассказывал исторические предания *дюрымы*, пел песни *балы*, иносказательные песни *кэйнгэйрся*. Эпические сказания *ситабы* (некоторые из них он услышал и усвоил от Тубяку Дюходовича Костеркина) он начал рассказывать, только когда переехал в поселок, так как «в тундре мало людей, некому рассказывать» (по словам С. М. Порбина). Нелютаси Фоминична Порбина также знала и исполняла *ситабы*, *дюрымы*, *балы*, *кэйнгэйрся*.

Для темы настоящей статьи очень важно следующее обстоятельство. С. М. Порбин обладал глубокими знаниями шаманской музыкально-ритуальной традиции нганасан, имел собственный практический опыт в этой сфере. В 1940–1950-е гг. он неоднократно был туоптуси (помощником-подпевателем шамана) у шаманов рода Нгамтусуо (Тубяку Дюходовича, Демниме Дюходовича, Нобобтие Дюходовны), а также шамана Мунсэку Турдагина. По словам С. М. Порбина, в последний раз он был туоптуси, когда ему было 45 лет (примерно в середине 1960-х годов) — тогда в тундре лечили больного. После этого, из-за преследований за шаманскую деятельность, камлания не проводились и он в них не участвовал.

Всего от С. М. Порбина было записано 5 шаманских песен (три мелодии шаманки Нобобтие, две — шамана Мунсэку Турдагина), которые он запомнил, участвуя в камланиях этих шаманов. Также от информанта были получены комментарии относительно этих песен, информация о духах-помощниках шаманов, имена которых маркировали данные мелодии. Аудиозаписи (фонограммы), о которых идет речь в данной статье, были произведены в доме С. М. Порбина (п. Волочанка) в сентябре 1990 г., они хранятся в личном архиве автора статьи.

Запись нганасанского текста (на слух) по этим фонограммам и перевод на русский язык выполнила Надежда Тубяковна Костеркина, нотации выполнила автор статьи. Ноты и тексты песен были опубликованы в книге «Певцы и песни авамской тундры» (Добжанская (ред.) 2014: 181–192), однако без научного музыковедческого комментария. Учитывая необходимость введения данных материалов в научный оборот, в данной статье будет произведено музыковедческое исследование данных напевов в контексте музыкально-ритуальной шаманской традиции нганасан. Для иллюстрации музыковедческого анализа мы приведем в данной статье фрагменты нотных записей.

3. Шаманские песни в исполнении С. М. Порбина. Песня шаманки Нобобтие

Первый образец, который мы рассмотрим — это песня шаманки Нобобтие (*Нобобтие балы*), которая использовалась шаманкой как начальная песня обряда. По словам С. М. Порбина, духами-помощниками Нобобтие, начинавшими шаманский обряд, были птицы (*нюоны* — малая гагара, *укудяры* — большая гагара с белым клювом, гуси *дебту*). Помимо них, Салира Порбин называл и кратко охарактеризо-

вал других духов-помощников Нобобтие. Это *Дягу-нямы*³ — мать всех духов («мать всех дьямада, все дьяволы — дети Дягу-немы»), *Баруси*, главный дух-помощник шамана («самый большой дьявол», у которого есть только половина тела — «одна нога, одна рука, один глаз»), *Кадя-коптуа* (Дочь Грома).

По музыкальной структуре мелодия песни *Нобобтие* (Нотный образец 1) представляет собой двустрочный напев с большетерцовым соотношением начальных звуков составляющих строфу строк. Обратим внимание, что в первых строках образца певец как бы «нащупывает тональность», и только со строки 3 мелодия принимает стабильный узнаваемый контур. При взгляде на нотный пример можно выявить оппозицию двух типов движения: 1) скачкообразное восходящее глиссандирование и 2) олиготонное «раскачивание» в диапазоне большой терции. Двум типам мелодического движения соответствуют разные типы интонирования (скачкообразное движение представлено возгласным, сигнальным типом интонирования; раскачивающееся — вокально-речевым, или речитативным) и разные звуковысотные зоны ($fis^{мал} - cis^1, d^{мал} - fis^{мал}$). Данные типы мелодического движения (типы интонирования) реализуются в разных строках напева, которые чередуются довольно спонтанно, не образуя регулярных последовательностей. Мелодическое движение в 1-й, 4-й, (а также в 7, 8, 10, 11, 12, 13 строке и др.) характеризуется следующими признаками. Здесь господствует скачкообразное «возгласное» интонирование, причем величина скачка — глиссандирующего возгласа — варьируется в пределах от чистой кварты до квинты, так как верхний тон скачка имеет «зонную» природу⁴ (то есть, различные по высоте реализации верхнего звука осознаются как один и тот же функциональный тон мелодии). Мелодическое движение в строках 2, 3, 5, 6, 9 основано преимущественно на секундовых (реже — терцовых) ходах в диапазоне терции, тембровая специфика строк выражена плавны-

³ В шаманском пантеоне Тубяку Костеркина есть дух с таким же именем: «Одним из главных духов-помощников, полученным Тубяку Костеркиным во время шаманского сна, является олень-важенка Дягү немы, справа от которой идут телята, а слева — собаки» (Добжанская 2002: 18). Факт совпадения имен шаманских духов неудивителен, так как Нобобтие и Тубяку были сестрой и братом, детьми великого шамана Дюходие, и данный шаманский дух, видимо, имеет наследственный характер.

⁴ Термин «зонность» в данной статье применяется по отношению к звуковысотности в музыкально-акустическом смысле, введенном Н. А. Гарбузовым в работе «Зонная природа звуковысотного слуха» (Гарбузов 1948). В нганасанских вокальных импровизациях явно ощущаются звуковысотные зоны: каждой ступени музыкального звукоряда соответствует не одна частота, а целый ряд частот, в пределах которых качество звука как определенной ступени не меняется. Эти зоны довольно широки, вследствие чего каждый тон мелодии может иметь множественное поле звуковых реализаций (до большой секунды), в пределах которых он осознается функционально как один и тот же тон.

тэгэтэнэ амы" хуа"тини
 Һэзы лэпсү" хуомэну
 Һанудежэ советскэй законэ
 эмэ мантэ дедю"тындэ.
 Һэзы" лэпсү" хуомэну
 хүнсерээде бэлымтэ
 бэлымтэ депту"тутэнэ
 тэжу"кээң ней"миаку
 тэжу"кээң дялызэмэ тэжу"кээң.
 Бэнде моуи сюдю"түндэ
 кэрүтэндун нилытыэй
 хунсэй тандю" хирэмэны
 няа тандю",
 тандю" лэпсу" сюдю"түндэ,
 тэжу"кээң, ня"гэ тэжу"кээң
 сумузэмтэ тэжу"кээң.
 Бэрэбтэ дялытэны
 эмэ дялы хорэтэну
 бэнсэ нюо моу черэ
 дейбажэимтүндэ
 десежичиң, немежичиң хули"э".

Ныне, в бегущие годы,
 вослед за властью шаманов
 уклад уважаем советский,
 который отрёк от былого.
 Но всё же старинную
 песню,
 песню шаманки спою я.
 За это у духа её попрошу-ка
 хороших нам дней и удачи.
 Теперь, когда нас осталось немного,
 с живущими рядом без веры
 с другими, чужими родами,
 родам нганасанским,
 оставшимся без старейшин,
 дай же хорошее ты,
 доброе предсказанье.
 В эти текущие годы,
 в наше тревожное время
 всякие поколения
 чего-то, кого-то лишившись,
 корни терять не желают.

Интересно, что данный напев Нобобтие, представленный в Нотном образце 1, близок мелодии Микулуска Баса Диндуа из ритуала Тубяку Костеркина из шаманского ритуала 1989 г. (Добжанская 2002: 96–105). При более пристальном рассмотрении мы можем увидеть близость данных напевов, имеющих подобную 2-строчную структуру, с противопоставлением типов интонирования — глиссандирующих скачков и олиготонного мелодического раскачивания на соседних звуках.

Структура текста песни Нобобтие (см. текст Нотного образца 1) представляет собой 8-сложный стих, который Е. А. Хелимский обосновал как нормативный для ритуальной поэзии самодийских народов: «Метрическая схема с изосиллабическими строками, содержащими по восемь вокалических мор (слов) каждая, при ударности нечетных слогов и с цезурой после четвертой моры, является нормативной для шаманских песнопений» (Костеркина, Хелимский 1994: 25). Однако общее содержание текста и особенно начальные строки «У матери Николая-Нганурю...» указывают на то, что данная песня — это не цитата из шаманского камлания, а воспоминание о нем. Интересно, что шаманка Ноботие не названа по имени, а фигурирует как «мать Николая», что в целом типично для нганасанской традиции, в которой существовал запрет на прямое обращение к родственникам по имени собственному, более традиционным было обозначение человека по имени детей («мать такого-то», «отец такого-то»).

Песня шаманки Нобобтиэ исполняется сольно (без помощников-подпевателей), без сопровождения каких-либо обрядовых инструментов, и эти признаки сближают пение шаманской песни в исполнении С. М. Порбина с интонированием лирических и эпических жанров.

Н. Т. Костеркиной был записан и переведен еще один текст, спетый Салира Порбиным на эту же мелодию. Он очень интересен благодаря своему содержанию, во многом автобиографическому (шаманка описывает перенесенные ею гонения, выражавшиеся в отъеме обрядовых атрибутов — бубна, костюма). Второй мотив текста — рождение ребенка — к сожалению, не был прокомментирован во время записи и остался загадкой. В связи с уникальностью данного текста мы помещаем его в статью.

Ѓэзэ бэлы

Песня Нобобтиэ из шаманского ритуала

Исполнил Салира Мыдович Порбин

Запись текста на нганасанском языке и перевод на русский язык: Н. Т. Костеркина

Запись образца: п. Волочанка, 1990 г., О. Э. Добжанская и В. С. Никифорова

Ѓонээзу бэлызы.
Эхы никээ мунугэлэ”
Ѓанүрү”о немыгүмү
Манутуо нилыби”этэ чухэгүону
Ѓуоэзэ нюонэ нутумтэби”э.
Ченынтымэ бэлыгүомтэ,
нуоолымэ дептүгэлэ”.
Тэ чухэну дялытэны
эхы ныхың мунугэлэ”.
Котурэтэ нуогумү
нэзэ” денсязырэ нильхи”кэса
мэнэ неү”тэкэдоо.
Нагамтаку денсямэ
хуоэутуо денсямэ.
Салираку мүнү”огуо
эмэ денсянэ, дендянэ
нилы”тынды.
Хуоэутуо денсягүомэ,
сыты тала”калимхүтү,
нуоолызы тэптэ някэлэры”.
Котурэндэ някэлэры”.
Нагамтаку денсянтэнэ
бэрэбтэгэгэте дебицема нутэгүзэм,

Вот еще шаманки песня.
Уж не говаривала ли
мать Николая-Нганурю давно,
когда она ещё живой-здоровой была,
когда родиться должен был ребёнок мой один.
Знаю, тётя, песню я твою,
и, конечно же, исполню.
В те давние дни
уж не сказала ли ты:
Бог-Котура
шаманские вещи стал отбирать
и меня раздевать.
Третий-то бубен –
мой последний бубен.
Салираку, сын мой, успел обратиться,
когда этот бубен
еще живет.
Последний-то мой бубен,
коли Салираку в счастье и удаче не повезёт,
тоже, верно, отнимут.
Бог Котура заберёт его.
На третьего бубна
краешке найду я опору

нюокүнэ хирэмэны.
 Эмкэтэты нера"а,
 мааче нюо Һанамтэкэбүтү
 дюзүтэ, ани"э люоса дюзүтэ,
 эмэ нюо Кирбиптү"о,
 нюоозэмэ туйхуа"хаңху.
 Кэндү тандю"
 немымыхи"э чубэдэ
 сэмузэмэ лайкуки"э.
 Суоптиай" хоара"лүбүнүнэ
 нюоны хызэ сызы"тыэ
 Салираку денся мейнэ
 денсязэмэ мейчебяңху.
 Талаңкэ нимтиарыты.

для камлания ради счастья детей.
 Впредь, если суждено здоровым
 всякому ребёнку родиться
 в русских больницах,
 по имени Кирбиптиэ
 дитя ко мне идёт.
 Увидим, может,
 до достижения материнства
 девочку начнём растить.
 Если я воистину избрана богами,
 похожий на гнездо гагары бубен
 Салираку сделает,
 Бубен такой изготовить духи велят ему.
 Он будет называться «Приносящий счастье».

4. Песня Дочери Грома

Обратимся к следующему примеру — Песне Дочери Грома (*Кадя-коптуа балы*):

♩ ≈ 104

Ка-дю - а коп-ту - а Һа-бу - и - та (хэ - у - хэ - хэ)

ку-рә- (хэ) - ди - че (хэ) та - ги - (е) - кө (хэ) ә - тә (хэ)

мә-һә (хэ) хә чи-дү (хэ) (ә - у хә) сү - тә и - ху - (ә)-һүн-тә

хе - ли - зи - (йй хә хә)-ле (хә) Һә-(хә)-тум - м - Һә (хәв хә хәв хә).

Ка-дүә(хәв хә) коп-туә (вә хә) Һа - бу - п - та (ху)

Нотный образец 2

Үэжэ бэлы Кадя Коптуа
Шаманская песня Дочери Грома
 Исполнил Салира Мыдович Порбин

Запись текста на нганасанском языке и перевод на русский язык: Н. Т. Костеркина

Запись образца: п. Волочанка, 1990 г., О. Э. Добжанская и В. С. Никифорова

Кадюа" коптуа җабупта"а,
 курэдице такугэтэ
 мэнэ чидю"сүтэ ихүнүнтэ,
 хелиҗиле җэгүмҗэ.
 Кадюа" коптуа җабупта"а,
 нюонэ дедим дюку"омэ.
 Җуогитэ имунтэтэ,
 нюонэ дедим җэтэгүжэм,
 мәли"түом җэтэгүмэ.
 Кадюа коптуа җабупта"а
 хелиҗиле җэгүмҗэ.
 Нюонэ дедим дюку"омэ:
 җанасану" күрүдюдоедэ,
 тюрма кунди җомтү"иҗэ.
 Сүоптиай" җуоги" диэмыэнтэ ихү"
 эмэ хи дүченынэ
 дюдоеҗэмэ кээҗ — тэҗу"кээҗ.

Дочь Громов, старшая дочь,
 от любого несчастья, от бед
 если ты мне готова помочь —
 пусть тебе духи помогут, надёжнее так.
 Дочь Громов, старшая дочь,
 я мужа своего потеряла.
 Силою духов-отцов помоги, заклинаю,
 отыскать отца моим детям,
 вырви попавшего в сети!
 Дочь Громов, старшая дочь,
 пусть тебе боги помогут, чтоб сбылось.
 Я отца своих детей потеряла:
 он злыми людьми оклеветан,
 в тюрьму его посадили.
 Если ты вправду дочь сильных богов,
 в эту ночь средь иных сновидений
 пусть вещей придёт ко мне сон.

Дочь Грома — наследственный дух-помощник, который достался детям шамана Дюхадие от отца. На примере анализа данной мелодии мы можем верифицировать высказанный глубоким исследователем нганасанского фольклора и этнографии Г. Н. Грачевой в 1980-е гг. тезис о «преемственности песенных мотивов» в репертуаре шаманов (Грачева 1981: 73). С. М. Порбин исполнил этот напев таким, каким он слушал его от Нобобтие, и характерные особенности мелодики напева позволяют его распознать в шаманском репертуаре целого ряда представителей рода Нгамтусуо. Наличие мелодии Кадя-коптуа было зафиксировано нами ранее в шаманском обряде Демниме Дюходовича, а также у его детей — в обряде Дюлсымяку Демнимеевича Костеркина, в имитационных шаманских покурри Евдокии Демнимеевны Порбиной и Нины Демнимеевны Логвиновой (Добжанская 2002: 49–50).

Хотелось бы сначала рассмотреть применение этой мелодии в зафиксированных ранее записях шаманских ритуалов и отдельных песен, а затем — в исполнении С. М. Порбина.

Дюлсымяку Костеркин в комментарии к своему ритуалу 1990 г. говорит следующее: «Это гремющий шайтан, она летучая как птица — гром ведь тоже

летит»⁵. Мелодия Кадя-коптуа в исполнении Д. Д. Костеркина очень выразительна благодаря возгласному интонированию квартовых скачков, составляющих остов песни. Воодушевление шамана и постоянно повышающийся регистр пения, а также нарастание темпа, сообщают песне Гром-девушки полетность, устремленность. Пение Кадя-коптуа в исполнении Дюлсымяку Костеркина сопровождается интенсивными встряхиваниями погремушек на шаманской парке (Нотный образец 2a). Кроме того, имеются и другие записи для сравнения данной мелодии: песню Гром-девушки мы можем сравнить с мелодией этого духа на пластинке «Нганасанская музыка»⁶, где она исполнена Демниме в сопровождении бубна, с подпевателем-помощником (Нотный образец 2b), а также с исполнением песни Гром-девушки Н. Д. Логвиновой и Е. Д. Порбиной (Нотный образец 2c).

Нотный образец 2a

Нотный образец 2b

Нотный образец 2c

Проанализируем напев Кадя-коптуа в исполнении С. М. Порбина (Нотный образец 2) по признакам звуковысотной, мелодической и ритмической организации. В данной мелодии явственно выделяются три основные звуковысотные зоны, темброво противопоставленные: верхняя ($b^{\text{мал}}-c^1$) — вершина кварто-квинтового скачка, достигнутая глиссандирующим предъиктом и из-за своего высокого регистрового положения имеющая назальный тембровый оттенок; средняя ($f^{\text{мал}}$), интонируемая нейтрально; и нижняя ($des^{\text{мал}}$), интонируемая подчеркнуто напряженно,

⁵ Этот и другие комментарии исполнителя, относящиеся к данному обряду, зафиксированы автором статьи в апреле 1990 непосредственно после камлания Дюлсымяку Костеркина в Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки (дневник музыкально-этнографической экспедиции 1990 г.). Участники: музыковеды Ю. И. Шейкин, О. Э. Добжанская, В. С. Никифорова, Т. Оямаа.

⁶ На пластинке «Нганасанская музыка» данная мелодия представлена как «Песня-подарок Нгучамаку» (№ 13), и исполняется Демниме Костеркиным в сопровождении бубна и помощников (Бродский 1982).

с внутритоновой пульсацией и вибрато. Такое хазматонное (скачкообразное) строение напева вызывает в памяти тип α -мелодики (сопоставление поляризованных тембро-регистров), выявленный Э. Е. Алексеевым (Алексеев 1986: 53–56) и описанный им как весьма типичный для архаических песенных культур, к которым, несомненно, принадлежит и нганасанская.

Как структурную особенность мелодии, отметим чередование широкообъемных (возгласно-хазматонных) мелодических строк с узкообъемными (двузвучная олиготоника в диапазоне терции). Это хорошо видно в Нотном образце 2: 1, 2, 4, 6 строки — скачкообразные, 3 и 5 — узкообъемные (в пределах терции).

Текст песни Кадя-коптуа по содержанию и 8-сложной ритмической организации является нормативным для шаманских ритуалов, в нем содержится обращение к шаманскому духу-помощнику.

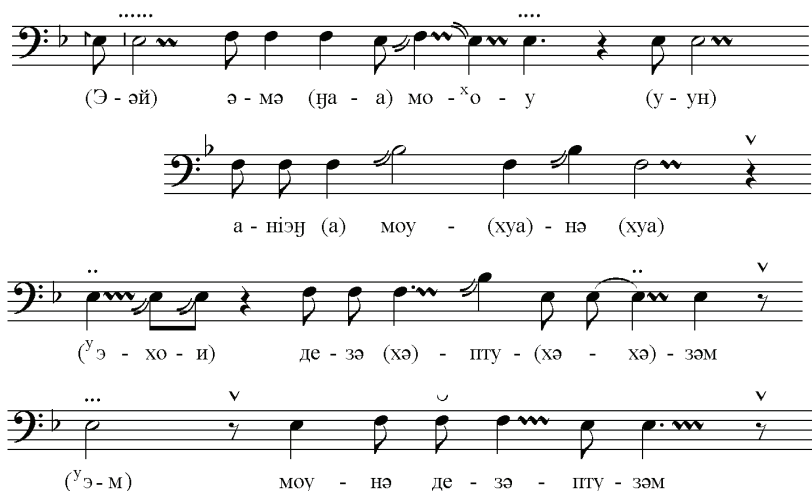
Однако вновь обратим внимание на тип исполнения: сольное интонирование без сопровождения обрядового инструмента, вне ритуальной ситуации обряда ни в коем случае нельзя назвать шаманским. Образец представляет собой, безусловно, воспроизведение (другими словами — имитационное исполнение) шаманской песни, слышанной информантом ранее в ходе шаманского обряда.

5. Песня Мунсэку Турдагина

Последний из образцов в данной статье — это песня шамана Мунсэку Турдагина. По словам С. М. Порбина, этот шаман жил в тундре, умер на реке Таймыра⁷. Песня Мунсэку Турдагина кратко прокомментирована Салира Порбиным: она звучала в начале камлания, когда шаман созывал шаманских духов («вызывал дьяволов»). В числе духов-помощников Мунсэку Турдагина, были названы *Мэүжа* (передовой олень-трехлетка, «третьяк»), *депту* (гуси), *дянкуйя* (лебеди), *укудяры* (гагара с белым носом), *Калаһу* (мамонт), *Хезы* (горностай), *Нарка* (медведь), главным духом-помощником был назван некто *Нега* (к сожалению, нам не удалось выяснить, кто это был).

Мелодия (Нотный образец 3) представляет собой уже знакомый нам структурный тип: произвольное чередование мелодических строк хазматонной и олиготонной организации. Интонационной основой олиготонных строк (1-й, 4-й, 5-й, 6-й) является узкообъемное мелодическое движение в диапазоне секунды ($es^{мал} - f^{мал}$). В хазматонных строках (2-й, 3-й, 7-й, 8-й) мелодическое движение представлено восходящими скачками мелодии на кварту/квинту ($f^{мал} - b^{мал}$, $f^{мал} - c^1$), передающими возгласное интонирование.

⁷ Возможно, шаман Мунсэку Турдагин и шаман Иван Горнок, камлание которого описано в работе А. А. Попова, — одно и то же лицо (Попов 1984: 77–93).

Нотный образец 3

Ңэжэ бэлы

Песня шамана Мунсэку Турдагина

Исполнил Салира Мыдович Порбин

*Запись текста на нганасанском языке и перевод на русский язык: Н. Т. Костеркина**Запись образца: п. Волочанка, 1990 г., О. Э. Добжанская и В. С. Никифорова*

Эма моу, ани"эҗ моунэ
 дежэ"птужэм, моунэ дежэ"птуожем
 ху"диасы
 бэнде моуҗ сий"мэны,
 дюраки"моуҗ җэтэдюом,
 бэдиайди"моуҗ дюом-җэтэдюом.
 Котураа җуо нийку
 кэку мантэ лайкабиижэ.
 Ңэжэ нюо
 ани"э койкэ хонтыэ җанасанэ,
 ани"э нимтиарэ хонтыэ
 җүниай җанасанэй тисүриха
 бэнсэ моумэ тисүкээрэ.

Для своей земли огромной
 духов-покровителей ещё я
 поискал,
 искал повсюду,
 даже к ненцам заходил,
 и к вадеевским⁸ ходил я.
 Дух Котура, страшный дух
 поднял над землей туман.
 И тогда потомок Нгаза⁹
 попросил у всех хозяев,
 знаменитых, очень сильных,
 помогающих богатым,
 пусть все идолы помогут.

⁸ Вадеевские нганасаны — группа восточных нганасан, кочевавших по рекам Малая и Большая Балахня, а также в восточной части хребта Бырранга. Сейчас проживают в пос. Новая Хатангского района.

⁹ Буквально: «шаманский потомок».

Эмэҥ моум
 нийкуту моум
 сылы бярадиэ ихүтү
 куниэм нюомэ тэны ичеҥу?
 Котура”а нийкунтэ
 бэнсэ моум лайка”дяра”иҗэ.
 Ньюокүне ченыҥыры хотэди...
 Хотэдиэ сиҗыйчиты.
 Бырычиҥ нинту” дендитиэ”
 җэҗэ нюо” җойбуодярайчуҥ
 җиле бэнде” җойбүүчүҥ
 кэнсэджунду”.
 Хонирэ Дякэ
 хоандачи минсиэде
 Мэүҗаҥку Җузулюмэ,
 җутоҗуро икэджоҥ,
 кэнду җуҗэмтэ денди”тэҥыҥ?
 Хоандэчи минсиэде
 моу черэ нэндитиакү
 канэджомэ кой”рыэҥ
 нюокүнэ нэндисяҗэ дялыҗэм
 кэнду бэтэрутэбүнүнэ.
 Хуом сиэ җийку
 хотэдиэ
 Җузулюмэ Мэүҗаҥку
 Хонизэ Дякэ Җузулюмэ
 сульмэ”птиайрү
 җэнэ ходегэлгэҗаҗэ
 җонэй” бүү”катаҗэ.
 Бу”кичебүтү,
 нямо буогэлса мумунучу:
 Нагэмту хуо мәльчитәнү
 хелиэ кэй”тэ җутэҗэми,
 җутэҗэми бяраҗэ.
 Хоанэ сиэ мейсиэде
 хидихуазу ходегэли”э.

Надо всей землёю нашей,
 необъятной, оголённой
 кто бы сей туман рассеял?
 Как впрямь будут жить потомки?
 Кружит дух убийств – Котура,
 оголяя нашу землю.
 Есть известная всем детям
 очень яркая звезда...
 Потерявшие все силы
 все потомки наши сникли,
 вниз их головы как будто
 опускаются в безверьи.
 Хонирэ Дякэ,
 Дух, хранящий счастье дома,
 ты, Трёхлетний Бык Җузулю,
 что всегда возил надёжно,
 одолеем ли мы путь?
 Дух, хранивший счастье дома
 ныне здравствующих, бодрых,
 сколько ты сберёг детей?
 Дней для жизни им
 смогу ли я прибавить?
 Наверху сияет ярко
 непонятная звезда.
 И единственный Трёхлетний,
 что зову Хонизэ Дякэ,
 грустно морду тянет вниз,
 он шатается неверно,
 но потом стремится в путь.
 Собираясь отправляться,
 слышно, он сказал как будто:
 «В третий год, считай, отсюда
 по-другому будет нечто,
 новый путь откроем в жизни».
 У помощника Хонизэ
 колотушка искривилась.

Текст песни является интереснейшим описанием сакральных шаманских путешествий, посвященных поискам духов-защитников в дни тяжелого для народа безвременья, когда «кружит дух убийств — Котура, оголяя нашу землю». В поисках духов-помощников шаман путешествует в земли ненцев, в земли вадеевских (восточных) нганасан. В конце текста звучит обращение к проверенным духам-

помощникам — хранящему счастье дома *Хонирэ Дяка*, и к Трехлетнему оленю-быку *Мэүжаңку Ёузулюма*. Данный текст менее нормативен по размеру, нежели предыдущие: 8-сложная ритмическая организация с цезурой между четырехсложными полустихами в нем встречается не очень часто. Однако она типична для строк, в которых упоминаются ритуальные имена духов-помощников: в этом смысле показательны три последние строки песни (*хоандачи минсиэде, Мэүжаңку Ёузулюма, Ёутожуро икэдяоу*).

6. Выводы

Проанализированные в данной статье шаманские песни в исполнении Салира Мыдовича Порбина принадлежат к разновидности имитационных шаманских напевов. «Имитационный напев» означает, что он исполнен не самим шаманом в обрядовой ситуации, а другим человеком и является имитацией (повторным исполнением слышанной когда-то на обряде шаманской песни). Отсутствие обрядового контекста влияет на музыкальную стилистику шаманских напевов: в образцах имитационных шаманских песен полностью изменен тип интонирования (нет обрядовых инструментов, звукоподражаний), отсутствует многоголосие и респонсорное пение, нет тембрового «маскирования» звука, сокращена продолжительность звучания обрядовых напевов. Несмотря на сохранение «шаманской мелодики» (мелодий-лейтмотивов духов-помощников) и 8-сложного стихового метра, исполнение имитационных шаманских напевов приближается к исполнению эпических и лирических жанров, для которого характерно сольное вокальное интонирование без сопровождения инструмента.

Хотелось бы обратить внимание на ведущий в мелодиях С. М. Порбина интонационный признак — возгласное интонирование, которое встречается во всех имитационных песнях шаманского обряда. Возгласы-скачки на широкие интервалы похожи на сигнальное интонирование пастухов, управляющих оленьим стадом (*хэ-хэй, хэ-хэй, хэ-хэй*). Такое побуждающее интонирование является типичным для мелодики шаманского обряда (по словам Дюлсымяку Костеркина, духи-олени спят, и перед тем как начать камлание, их надо разбудить и поднять). Использование в имитационных напевах Салира Мыдовича Порбина данного типа мелодики (α -мелодики, по терминологии Э. Алексеева) является музыкально-стилевым подтверждением жанровой принадлежности этих мелодий шаманскому ритуалу.

В заключение хотелось бы сделать вывод о зависимости музыкального стиля шаманского напева от наличия/отсутствия ритуальной ситуации. Как показано в данной статье, музыкальный стиль шаманского пения полностью изменяется вне ритуальной ситуации. Звучание шаманских мелодий в сольном вокальном исполнении без сопровождения обрядовых инструментов приближает интонирова-

ние к лирическому типу (исполнению личных песен), к нему относятся и вводимые исполнителем текстовые реминисценции, благодаря которым исполнение ощущается как личная песня-воспоминание о виденном когда-то шаманском обряде.

Литература

- Алексеев, Э. Е. 1986. *Раннефольклорное интонирование: Звуковысотный аспект*. Москва: Советский композитор.
- Бродский, И. А. 1982. Нганасанская музыка. Москва: Мелодия. — 2 грп. — С30-17651003.
- Гарбузов, Н. А. 1948. *Зонная природа звуковысотного слуха*. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Грачева, Г. Н. 1981. Шаманы у нганасан. В: *Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири*. Ленинград: Наука, 69–89.
- Добжанская, О. Э. 2002. *Песня Хотарэ. Шаманский обряд нганасан: опыт этномузыковедческого исследования*. Санкт-Петербург: Дрофа.
- Добжанская, О. Э. (ред.) 2014. *Певцы и песни авамской тундры : Музыкальный фольклор нганасан / Составление, статьи, комментарии, нотирование — О. Э. Добжанская. Запись текстов на нганасанском языке и перевод нганасанских текстов — Н. Т. Костеркина, К. И. Лабанаускас, В. Ю. Гусев, М. М. Брыкина*. Норильск: АПЕКС.
- Костеркина, Н. Т., Е. А. Хелимский 1994. Малые камлания большого шамана. Первое камлание. Второе камлание. В: *Таймырский этнолингвистический сборник*. Вып. 1. Москва, 17–107.
- Попов А. А. 1984. *Нганасаны. Социальное устройство и верования* / Отв. ред. Г. Н. Грачева, Ч. М. Таксами. Л.: Наука.
- Хелимский, Е. А. 1989а. Глубинно-фонологический изосиллабизм ненецкого стиха. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 82: 223–268 (2–46).
- Хелимский, Е. А. 1989b. Силлабика стиха в нганасанских иносказательных песнях. В: *Музыкальная этнография Северной Азии*. Новосибирск: Новосибирская государственная консерватория, 52–76.
- Helinski, Eugene 1990. Octosyllabic and hexasyllabic verse in Northern Samoyed. In: *Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristratum 2A. Summaria Dissertationum: Linguistica*. Debrecen. Vol. 75, 120–128.
- Helinski, Eugene, Nadezhda Kosterkina 1992. Small seances with a great Nganasan Shaman. *Diogenes*, 158: 39–55.

Zur Stellung des Matorischen innerhalb der samojedischen Sprachen¹

Eugen Helimski

1. Bisherige Klassifizierungen der samojedischen Sprachen

Traditionelle Klassifizierungen gehen davon aus, dass die heutige geographische Verteilung der samojedischen Sprachen ihre genetischen Verbindungen widerspiegelt und postulieren zwei eigenständige Zweige des Protosamojedischen: Nach einer groben Anwendung des arealen Kriteriums sind die Gruppen der Nord- bzw. der Südsamojedischen Sprachen und Dialekte festgelegt; die Bezeichnungen Tundra-, Tajga- und Berg- oder Sajasamojedisch differenzieren die Sprachen nach den öko-geographischen Zonen ihrer Verbreitung (vgl. Abbildungen 1. und 2.).

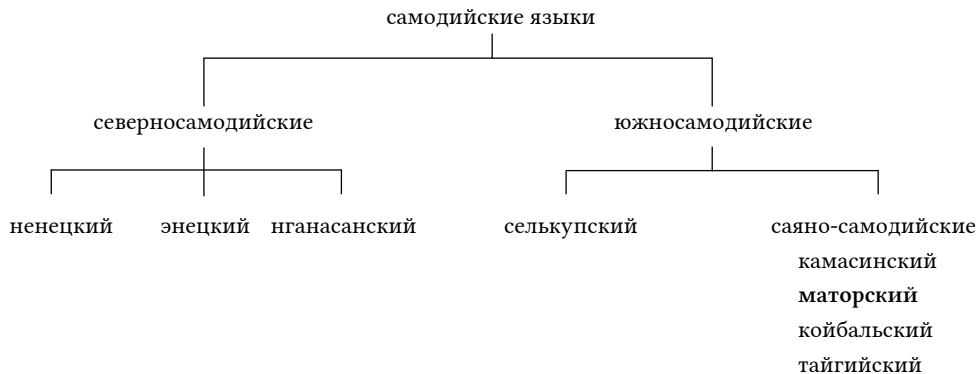

Abbildung 1. Traditionelle Taxonomie

¹ Bei dem hier veröffentlichten Text handelt es sich genau genommen nicht um einen zur Publikation bestimmten Artikel, sondern vielmehr um einen Vortrag, der in der Sitzung der *Suomalais-Ugrilainen Seura* vom 16. Mai 1997 in Helsinki gehalten wurde. Der Text wurde von A. Urmanchieva für die Veröffentlichung aufbereitet. Die Anmerkungen der Bearbeiterin sind in Fußnoten gegeben (der ursprüngliche Text wies keine solchen auf), die Ergänzungen A. Urmanchievas im Text sind in geschweiften Klammern gesetzt.

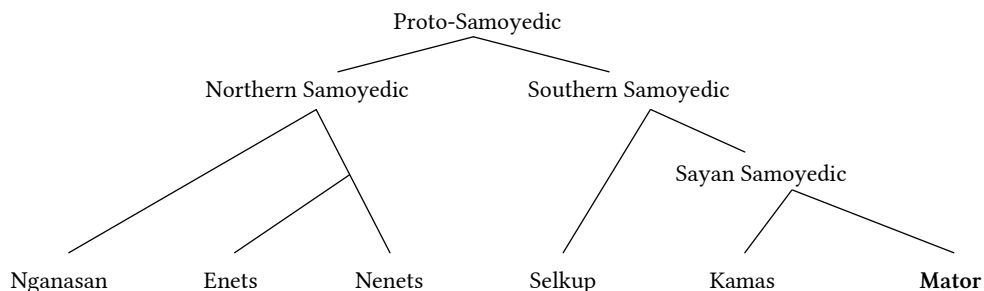

Abbildung 2. Die „konventionelle Taxonomie“ nach J. Janhunen (1998: 459)

Neuere Taxonomien, die das traditionelle Bild korrigieren, weichen in einigen Details voneinander ab, gemeinsam ist jedoch allen neueren Modellen die Ablehnung der Annahme eines südsamojedischen Sprachzweiges. Während Helimski (Хелимский 1982) Selkupisch, Kamassisch und das Idiom der matorischen Dialekte (Matorisch, Taiginsisch und Karagassisch) als gleichwertige Tochterzweige des Protosamojedischen postuliert, geht Katz (1987) von einer gesonderten Stellung des Matorischen innerhalb der samojedischen Sprachen aus. Laut Janhunen (1991; 1998) wiederum spalteten sich die matorischen Dialekte erst nach der Absonderung des Nganasanischen von den restlichen samojedischen Sprachen ab.

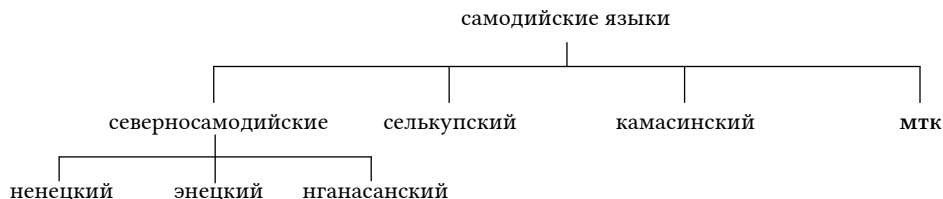

Abbildung 3. Хелимский 1982

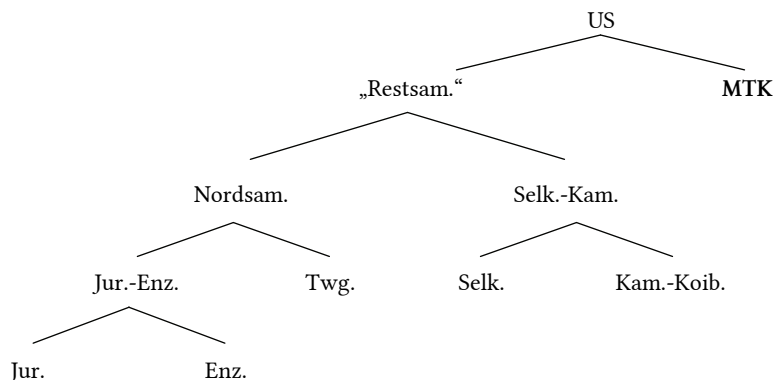

Abbildung 4. Katz 1987

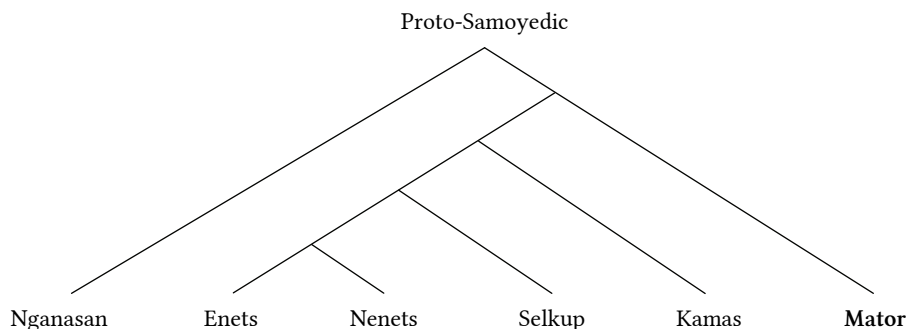

Abbildung 5. Janhunen 1991; 1998: 459

2. Neue Evidenz für die Einordnung des Matorischen

Die intensive Beschäftigung mit dem matorischen Sprachmaterial im Zuge der Erarbeitung der Monographie „Die Matorische Sprache“ (MS) brachte neue Erkenntnisse, die mit den bisherigen Annahmen zur Stellung des Matorischen innerhalb der samojedischen Sprachen – die auch der Verfasser dieses Artikels in früheren Arbeiten geteilt hat – nicht vereinbar sind. Entgegen der auf bisherigen Klassifizierungen gegründeten Annahme überwiegender Gemeinsamkeiten mit den im benachbarten Areal gesprochenen, verwandten Sprachen, nämlich dem Selkupischen und Kamassischen, zeigten überraschender Weise auf allen sprachlichen Ebenen solche Parallelen zu den nordsamojedischen Sprachen (vorwiegend zumENZischen und NENZischen, in geringerem Maße auch zum Nganasanischen), die im Selkupischen und Kamassischen nicht nachweisbar sind.

2.1. Gemeinsamkeiten im Bereich des Lexikons

Eine systematische Auswertung des matorischen Lexikons offenbart, dass der gemeinsame Wortschatz des Matorischen und der übrigen südsamojedischen Sprachen für die Postulierung einer engeren genetischen Verwandtschaft als jene des Matorischen mit den nordsamojedischen Sprachen weder ausreichend noch semantisch relevant ist.

Die Anzahl der in den südsamojedischen Sprachen bewahrten exklusiven lexikalischen und semantischen Isoglossen bewegt sich zwischen 10 und 15 – wertet man je zwei Sprachen oder alle drei aus. Insgesamt sind es 38 Lexeme, die dem Matorischen und den anderen südsamojedischen Sprachen gemeinsam sind (vgl. Wortlisten b)-e)). Diese Zahl unterschreitet die Erwartungen, wenn man sie – nach „Zufallsbereinigung“ – mit der Zahl der ausschließlich im Matorischen belegten Reflexe protouralischer Lexeme vergleicht: nach den bisher bekannten Etymologien liegen 6 solcher Lexeme vor (vgl. Wortliste a)).

Auffällig hoch ist die Anzahl der Begriffe aus dem Bereich der Flora und Fauna unter den exklusiven südsamojedischen Isoglossen (b)1-4, 8, 13; c) 7; d) 2, 6, (7), 8). Dies steht im

Einklang mit dem Szenario der Wanderungsbewegungen der samojedischen Völker: Da die südsamojedischen Völker aus der protosamojedischen Urheimat ins Sayan-Gebiet zurückgedrängt wurden und dort weiterlebten, haben sie einen für dieses geographische Areal typische Artefakte, Pflanzen und Tiere bezeichnenden Wortschatz bewahrt, im Unterschied zu verwandten Sprachgemeinschaften, die nach ihren Wanderungsbewegungen nach Norden in einem anderen öko-geographischen Räumen fortlebten. Die Erhaltung bestimmter Teile des Urwortschatzes, wie auch seine Weiterentwicklung durch semantischen Wandel und seine Erweiterung durch Entlehnung (vgl. die Beispiele e) 10-15) kann in einem erheblichen Maße auf areale Faktoren zurückgeführt werden.

Die Etymologie PS **munt¹o* 'Bock' ('Ziegenbock' oder 'Steinbock') (MS 702) liefert den Beweis für eine solche areal bedingte Entwicklung: Dieses Wort (wie auch PS **pajt¹3* (Et 20) und mt. *hasta* 'wilde Ziege' (MS 265)) wurde aus zoogeographischen Gründen nur im Matorischen und Kamassischen in der ursprünglichen Bedeutung bewahrt, als Wurzel einer Ableitung mit einer von zoogeographischen Zonen unabhängigen Bedeutung ist es jedoch auch in den Sprachen derjenigen Samojeden erhalten geblieben, die heute keine Ziegen und Steinböcke mehr kennen, so im nenzT *muno-č?* 'Bart' = 'Gegenstand des Bocks' (vgl. MS 702).

a) Ausschließlich im Matorischen bewahrte PU Lexeme:

1. UEW 343 *orob* K 'Eutamias sibiricus' < PS **orap* < PU **orap(a)* (UEW: **ora*)
2. UEW 449 *taja* 'Finger' < PS **tâja* < PU **suδ'a*
3. Et 29 *kündahä* 'schwarz' der. < PS **sünt3* < PU **ś3nt3* (? **śünt3*)
4. Et 44 *ńęli* (KM *njōli* 'Knochenpfeil') < PS **ńęl3* der. < PU **ńil* (? **ńęl*) 'Pfeil'
5. MS 436 *kartə-* 'brennen, braten' < PS **kar3-* (? **kart3-*) < PU **korta-* (UEW: PFU)
6. MS 644 *mä* 'heute' < PS **mä* ~ Hung. *ma* id. < ? PU *ma(-)*

b) In nordsamojedischen Sprachen nicht belegte PS Lexeme
matorisch-kamassisch-selkupische exklusive lexikale Isoglossen

1. Et 16 **kejm* 'Stute, Weibchen' (< PU)²
2. Et 39 **tok3l* (? **tuk3l*) 'capana, Lilium martagon' (~ Ob-Ugr.)³
3. Et 57 **tet* 'Otter' (< PU)⁴
4. Et 59 **kejk3* 'Kuckuck'
5. MS 1 ? **ăpa* 'Vater'
6. MS 222 **jō(ə)-* 'schmieren'

² Uralische Entsprechungen sind in [Et 16] aufgeführt.

³ Ob-Ugrische (und auch Tungusische) Parallelen kann man in [Et 39] finden.

⁴ Uralische Parallelen kann man in [Et 16] und in [UEW 488-489] (ohne Mat.) finden.

7. MS 248 **əmɜl(ta)-* ‘vergessen’
8. MS 474 **käsɜrɜ¹* ‘Nußhäher, *Nucifraga caryocatactes*’
9. MS 489 **kɪnsɜkajə* ‘Stern’ (< PU)⁵
10. MS 522 **kɛ* ‘Winter’
11. MS 581 **kümtə-* ‘pfeifen’
12. MS 777 **üətɜ* (? **ütɜ*) ‘Abend’ (? < PU)⁶
13. MS 811 **əŋɜ* ‘Schneehuhn’ (? < PU)⁷

c) In nordsamojedischen Sprachen und im Kamassischen nicht belegte PS Lexeme matorisch-selkupische exklusive lexikale Isoglossen

1. Et 53 **pəktɜ* ‘Wade’ (< PU)⁸
2. Et 66 **kentɜ* ‘neu, frisch’
3. Et 73 **orɜm* ‘stark, Stärke, Kraft’
4. MS 277 **pəj-al-* ‘hauen, spalten’
5. MS 504 **kuj-* ~ **kij-* ‘liegen’⁹
6. MS 622 **ləkkɜ(la)* ‘Stück’
7. MS 693 **mu* ‘Traubenkirsche’
8. MS 749 **ji* ~ **ni* ‘Kessel’¹⁰
9. MS 1023 **t¹in-* ‘drücken’
10. MS 1062 **toər-* ‘zählen’ der.

d) In nordsamojedischen Sprachen und im Selkupischen nicht belegte PS Lexeme matorisch – kamassische exklusive lexikale Isoglossen

1. Et 6 **jək(ɜ)t¹ɜ* ‘alt, alter Mann, Greis’¹¹
2. Et 20 **pajt¹ɜ* ‘Wildziege’
3. Et 65 **na-* (? **na-*) Negativpartikel (? < PU)¹²
4. Et 74 **peŋ-* ‘(Zeichen) zeichnen, schreiben’
5. Et 77 **kɜr-* ‘öffnen’

⁵ Uralische Parallelen kann man in [UEW 210–211] finden.

⁶ Mögliche uralische Parallelen kann man in [UEW 99] finden.

⁷ Mögliche uralische Parallelen kann man in [UEW 19] finden, ein Kommentar dazu in [MS 811].

⁸ Uralische Parallelen sind in [Et 53] besprochen.

⁹ Auch in diesem Fall gibt es äußere uralische Entsprechungen, die in [MS 504] besprochen sind.

¹⁰ Entsprechungen liegen auch in anderen Samojedischen Sprachen vor, vgl.: “die in SW 44 unter PS **jetə* (? ~ **jitə*) ‘Gefäß’ (ohne Mat.) angeführte Formen sind von diesem Stamm abgeleitet” [MS 749].

¹¹ In [Et 6] ist wird dieses Wort mit nordsamojedischen **jəkətə* ‘Renntierkuh’ verglichen (mit auffallender paralleler semantischer Entwicklung in Ostjakischen).

¹² Mögliche uralische Parallelen kann man in [Et 65] finden.

- 6. MS 651 **mäjmi* ‘Rothirsch, Maral (*Cervus elaphus*)’
- 7. MS 702 **munt*¹*o* ‘Bock’ (‘Ziegenbock’ oder ‘Steinbock’)
- 8. MS 855 **sarca-* ‘melken’
- 9. MS 862 **sät*¹*ɜ* / **sət*¹*ä*¹ ‘Biber’
- 10. MS 330 **puəra* ‘Sand’

e) Weitere matorisch-kamassische lexikale und semantische areale Isoglossen

- 11. MS 18 ‘Wiesel’:
Mat. (MS 18) *aksagas* ‘Wiesel’ ~ Kam. (PZ) *aksagas* ‘ласка, Wiesel’ < Türk. **aqsyy-as* (lit. ‘weißes Wiesel/Hermelin’), im Türk. nicht belegt (vgl. jedoch Alt. (Radlow) *aq as* ~ *ayas* ~ *ās* ‘Hermelin’)
- 12. MS 487 ‘Asche’:
Mat. (MS 487) *kimä* (? *kīma*) ‘Asche’ (KP *giīma* ‘зола’) < PS **kime* id.
Mat. > kam. (D) *ki?mē* ‘Asche’
- 13. MS 879 ‘Knochenpfeil’:
Mat. (MS 879) *sichdā* ‘Knochenpfeil’ ~ Kam. (Mueller) *sichdā* id. (? ~ Ewenkisch *sigde* ‘mittlerer Teil (eines Schießbogens)’ < ‘Spanne, Intervall’)
- 14. MS 338 Polysemie ‘ziehen’ / ‘rauchen’ / ‘malen’:
Mat. (MS 338) *ikəl-* ~ *ekəl-* ‘ziehen; rauchen; mahlen’
Kam. (D) *ne?lēm* ‘ziehen; rauchen; mahlen; blasen’
- 15. MS 564 Polysemie ‘leicht (nicht gewichtig)’ / ‘billig’:
Mat. (MS 564, 570) *kühä* (?) ‘billig’ (MSp *кумыгамъ* ‘дешево продаю’), ‘leicht’
Kam. (D) *šūmkε* ‘leicht, billig’
- 16. MS 446 ‘Geld’ = ‘Fischschuppe’:
Mat. (MS 446) *kalən kăbti* (MSp *каменганты*) ‘Geld’ (*kăbti* ‘Schuppe’)
Kam. (D) *kōlan kam* ‘Fischschuppe, Geld’

f) Exklusive nordsamojedisch-matorische lexikale Isoglossen

Überraschend hoch fällt die Anzahl der nordsamojedisch-matorischen Isoglossen aus: Es sind je nach Stringenz der Anwendung der etymologischen Kriterien etwa 100 Wörter. Dies übersteigt zwei- bis dreimal die Zahl der matorisch-südsamojedischen lexikalischen (und semantischen) Isoglossen (38); aber auch die der aufgrund von SW ausgewerteten kamassisch-nordsamojedischen Isoglossen (28 bis 33, vgl. Wortliste e), so dass es sich hierbei kaum um Zufall handeln kann. Der Unterschied ist so deutlich, dass er auch eventuelle Verzerrungen durch die Mängel in der etymologischen Forschung ausgleicht.

Im Gegensatz zu den von zoogeographischen Begriffen dominierten matorisch-südsamojedischen Isoglossen ist hier in semantischer Beziehung eine große Streuung festzustellen: Wörter aus den unterschiedlichsten „Begriffskreisen“, Simples wie auch Ableitungen gehören zu dieser Schicht. Die das Kamassische mit den nordsamojedischen Sprachen verbindenden gemeinsamen Wörter treten nicht nur numerisch hinter die matorisch-nordsamojedischen zurück, sondern gehören überwiegend dem Grundwortschatz an und sind meist Simples mit konkreter Bedeutung.

Insbesondere die dem Matorischen und den nordsamojedischen Sprachen gemeinsamen und diese von den übrigen südsamojedischen Sprachen trennenden semantischen Entwicklungen (vgl. Liste h)) deuten auf eine engere genetische Verbindung hin, als bisher angenommen.

1. SW {17}	* <i>ajwa</i> ‘Kopf’ (archaisch) ¹³	ng	en	ne	mt
2. SW {18}	* <i>apta</i> - ‘setzen’ innovational der.	?	en	ne	mt
3. SW {22}	* <i>esoŋ</i> ‘Gelenk’	ng	en	ne	mt
4. SW {28–29}	* <i>omta</i> - ‘vereinigen’ ¹⁴		[en] ¹⁵	ne	mt
5. SW {36}	* <i>ja¹ηker-</i> ‘singen’ ¹⁶			ne	mt
6. SW {39}	* <i>jat3r-</i> ‘(zu Fuß) gehen’ {der.}	ng	en	ne	mt
7. SW {46}	* <i>jok(ə)-</i> ‘sich verirren’	ng	en	ne	mt
8. SW {47–48}	* <i>jupa?</i> ‘warm’ der.			en ne	mt
9. SW {49}	* <i>jurkə-</i> ‘aufstehen’			ne	mt
10. SW {49}	* <i>jüntə</i> ‘Bescheid’ ¹⁷		[en]	ne	mt
11. SW {51}	* <i>kəj-</i> ‘gehen’			ne	mt
12. SW {54}	* <i>kəru</i> ‘Messer’			en ne	mt
13. SW {55}	* <i>kəre-</i> ‘verscheuchen’	ng	en	ne	mt
14. SW {55}	* <i>kəŋəjə</i> ‘Rabe’			ne	mt
15. SW {56}	* <i>kəŋ-</i> ‘rufen, bitten’ ¹⁸			en ne	mt
16. SW {62}	* <i>kat¹apt¹ə-</i> ‘leuchten’ {der.}			ne	mt
17. SW {77}	* <i>kuəm-</i> ‘Morgen’			ne	mt
18. SW {78}	* <i>kuŋkəj</i> ‘Lufttröhre’	ng	[en]	ne	mt
19. SW {81}	* <i>ləpta</i> ‘eben, Ebene’ ¹⁹			en ne	mt

¹³ [UEW 336].

¹⁴ Auch *ŋuəmtu-* im Nganasanischen.

¹⁵ Eckige Klammern bedeuten, dass das Wort in [SW] nicht belegt ist.

¹⁶ Vgl. jedoch auch das spärlich belegte selkupische Substantiv *čəŋkə* ‘~ Lied’ [Alatalo 2004: 1562].

¹⁷ Auch *d’indt^c* im Nganasanischen. Aus historisch-phonetischen Gründen jedoch ist es problematisch, das nganasanische Zeitwort als unmittelbaren Reflex von **omta* aufzufassen. Vielleicht haben wir es mit unabhängigen parallelen Ableitungen zu tun.

¹⁸ Vgl. jedoch auch *kuəŋə* im Selkupischen [Alatalo 2004: 2250].

20. SW {81–82}	* <i>lakom-</i> ‘kochen (intr.)’		en	ne	mt
21. SW {81–82}	* <i>lakomta-</i> ‘kochen (tr.)’		en	ne	mt
22. SW {83}	* <i>le³kaptə-</i> ‘spalten’		en	ne	mt
23. SW {88}	* <i>märkä</i> ‘Schulter’	ng	en	ne	mt
24. SW {92–93}	* <i>mera</i> ‘schnell, bald’	ng	en	ne	mt
25. SW {98}	* <i>nara</i> ‘Frühling’	ng	en	ne	mt
26. SW {115–116}	* <i>pajŋa</i> ‘Bettfell’		en	ne	mt
27. SW {127}	* <i>poŋkajə</i> (? <i>poŋkəj</i>) ‘Wirbelwind’			ne	mt
28. SW {132}	? * <i>səjw/ma</i> ‘Wurm, Schlange’			ne	mt
29. SW {135}	* <i>salə-</i> ‘blinken’ ²⁰			ne	mt
30. SW {137}	* <i>säŋər-</i> ‘spielen’ der.	ng	en	ne	mt
31. SW {138}	* <i>ser</i> ‘Eis’	ng	en	ne	mt
32. SW {144}	* <i>sünsə</i> ‘Brust’	ng	en		mt
33. SW {154}	* <i>t¹äjwa</i> ‘Nagel, Keil’ ²¹		[en]	ne	mt
34. SW {156}	* <i>temtor-</i> ‘handeln’ {der.}	ng	en	ne	mt
35. SW {156}	* <i>t¹əsə-</i> ‘tropfen’		en	ne	mt
36. SW {160}	* <i>t¹ira-</i> ‘(hart) trocknen’ ²²			ne	mt
37. SW {163}	* <i>tijmä</i> ‘Klafter’ der.	ng	en	ne	mt
38. SW {166}	* <i>t¹ut¹</i> ‘Fett’	ng	en	ne	mt
39. SW {168}	* <i>tüt³</i> (* <i>tük</i>) Indefinitpronomen ‘all’ mat. <i>tupuj</i> = nenzW {(L) Nj. <i>čūj^hpoj</i> [MS 1069]} ²³		en	ne	mt
40. SW {171}	* <i>waəta</i> ‘Wort’	ng	en	ne	mt
41. SW {171}	* <i>waləm-</i> ‘böse werden’ {der.}		en		mt
42. SW {172}	* <i>warə</i> ‘Rand’ ²⁴	ng	en	ne	mt
43. SW {176}	* <i>wiŋi</i> ‘Schwiegersohn’	ng	{en}	ne	mt
44. Et 8	* <i>pārā</i> ‘Arm’			ne	mt
45. Et 9	* <i>əm-</i> ‘saugen, Zitze’ ²⁵			ne	?mt
46. Et 11	* <i>səpoj</i> ‘Harnblase’		{en}	ne	mt
47. Et 14	? * <i>ä¹t¹ä¹</i> ‘(ein Typ) Rentierschlitten’		en		mt
48. Et 22	* <i>piŋz(-)</i> ‘Hermelin’	ng	en	ne	mt
49. Et 26	* <i>pit¹ə-</i> (? * <i>pit¹-</i>) ‘satt sein’		en		mt
50. Et 30	* <i>t¹əŋkə-</i> ‘blau’		en	ne	mt

¹⁹ Auch *ləbti* ‘glatt, bequem’ im Nganasanischen.

²⁰ Auch *solə-* ‘glänzen’ im Nganasanischen.

²¹ Dazu auch NenT *muəa*, EnT *tea*, vgl. [MS 973].

²² Vgl. auch Nr. 54 unten.

²³ Die matorische Ableitung ist in [MS 1069] kommentiert.

²⁴ Eine alternative – gemeinsamojedische – Etymologie ist in [MS 102] angeführt.

²⁵ Auch *uu* ‘Zitze’ im Tundraenzischen, *ui* ‘Zitze’ im Waldenzischen.

51. Et 31	* <i>puəpti-</i> ‘hinten befindlich, Hinter-’	ng	en	ne	mt
52. Et 32	* <i>ir-</i> ‘gegenüber liegender Ort, Stelle’	ng	en	ne	mt
53. Et 35	* <i>peŋkəpsin</i> ‘Schlegel der Schamanentrommel’			ne	mt
54. Et 36	* <i>t¹iri</i> ‘ausgetrocknet, vertrocknet, dürr’	ng			mt
	* <i>t¹iripta-</i> ‘austrocknen’			ne	mt
	* <i>tirəpə</i> ‘сушеный, vertrocknet’		en	ne	mt
55. Et 47	* <i>wikərä</i> ‘Harpune’ ²⁶			ne	mt
56. Et 50	* <i>t¹a(ə)j</i> ‘Zweig’	ng	en		mt
57. Et 52	* <i>pər</i> ‘testiculi’	ng	en	ne	mt
58. Et 55	* <i>sujəm</i> ‘Niere’	ng		ne	[km] ²⁷ mt
59. Et 60	* <i>ukət¹ə</i> ‘Lippe, Schnabel’ ²⁸ der.			ne	mt
60. Et 61	* <i>käpt¹i</i> ‘Rinde, (Fisch-)Schuppe’	?ng		ne	mt
61. Et 62	* <i>ansa-</i> ‘harnen’		en	ne	mt
62. Et 63	* <i>pənsə</i> ‘Laus’ ²⁹		en	ne	mt
63. Et 64	* <i>secmi-</i> ‘schwer sein’		en	ne	mt
64. Et 67	* <i>posama</i> ‘Fäulnis, Mulm’ {der.}		en	ne	mt
65. Et 68	* <i>ensa</i> ‘gerade’	ng	en	ne	mt
66. Et 69	* <i>seja</i> ‘Ecke, Winkel’	ng	en	ne	?sk mt
67. Et 71	* <i>jar</i> ‘Seite, angrenzende Stelle’ ³⁰			ne	mt
68. Et 72	? * <i>harpə</i> ‘neu’		en		mt
69. Et 75	* <i>t¹ok-</i> ‘schlagen, klopfen’			ne	mt
70. Et 76	* <i>ä¹t¹a-</i> ‘feuern, schießen, verletzen’	ng	en		mt
71. Et 78	* <i>səŋkə</i> ‘Tannenzapfen, Nuss’	ng		ne	mt
72. MS 96	* <i>wal-</i> ‘führen, leiten’			ne	mt
73. MS 230	* <i>əkə-</i> ‘nicht können’	?ng	en	ne	mt
74. MS 260	* <i>pərata-</i> ‘anzünden’ {der.}		en	ne	mt
75. MS 281	* <i>pəlt(i)</i> ‘dicht’		en	ne	mt
76. MS 298	? * <i>pəle</i> ‘Stein, Fels’ der.	ng			mt
77. MS 303	? * <i>pintə</i> ‘Nacht’ der.	ng			mt
78. MS 325	* <i>puəna</i> ‘hinten’ der.			ne	mt
79. MS 369	* <i>kat³wor-</i> [der.] ‘absteigen, sich senken’		en	ne	mt

²⁶ Dies auch im Kamassischen, vgl. [Et 47].

²⁷ Kamassisches Wort ist in [SW 143], sowie auch in [Et 55] angeführt, “[km]” ist hier bei E. Helmski hinzugefügt, und es bleibt unklar, warum **sujəm* als exklusive nordsamojedisch-matorische Isoglosse betrachtet wird.

²⁸ Auch *uxodo* ‘Oberlippe und Stelle unter der Nase’ im Tundra Enzischen.

²⁹ Auch *hon’d’ajt’iʔa* ‘große Laus’ im Nganasanischen.

³⁰ Vgl. auch *cār* ‘Seite’ im Selkupischen (der Vergleich wird in [Alatalo 2004: 1586] vorgeschlagen).

80. MS 416	? * <i>kant</i> ¹ ə ‘Blutopfer’, nordsam. * <i>kantos</i> - ‘ermorden’	ng	en	ne	?mt
81. MS 405	* <i>kāmaka</i> ‘umgefallener, liegender Baum’	ng	en		mt
82. MS 447	* <i>ket</i> ¹ ə- ‘einwickeln’			ne	mt
83. MS 490	* <i>kij̥kə</i> - ‘ausgraben, eine Höhle oder Grube machen’	ng	en	ne	mt
84. MS 494	? * <i>kij̥r</i> ‘grau, hellgrau’			ne	mt
85. MS 549	? * <i>koŋk</i> :- mt <i>koŋgo</i> ‘Quelle, Zufluss’ ~ ne <i>χōŋkār</i> ‘Seitenarm’ (+Ostj. ³¹)			ne	mt
86. MS 631	? * <i>mat</i> ³ kə- ‘biegen’, * <i>mat</i> ³ <i>kantə</i> - ‘sitzen’ der.	ng	en		mt
87. MS 639	? * <i>mân</i> - ‘rollen’	ng	en	ne	mt
88. MS 686	? * <i>makt</i> ¹ - ‘stöhnen’ ³²			en	mt
89. MS 699	* <i>wj̥n̥z</i> -, * <i>wj̥n̥zpta</i> - ‘biegen’ {der.}			en	ne
90. MS 707	? * <i>murə</i> - ‘netzen, anfeuchten’ ³³			ne	mt
91. MS 752	? [mt <i>нуксу</i> -, ng <i>ńotibtj</i> - (< * <i>ńoj-tj-btj</i> -), enzT <i>nio</i> -)] ‘ausspannen, abspannen’	ng	en		mt
92. MS 767	* <i>n</i> ¹ ə- ‘entkleiden’	ng			mt
93. MS 932	* <i>t</i> ¹ <i>absə</i> ta- ‘anzünden’			ne	mt
94. MS 951	* <i>t</i> ¹ ə <i>mə</i> - ‘(sich) schließen’			en	ne
95. MS 954	* <i>täne</i> (? ~ * <i>tāna</i>) ‘da’	ng	en	ne	mt
96. MS 1034	* <i>t</i> ¹ <i>isi</i> - ‘behalten, bewahren’ (vgl. Et. 27)	?ng		ne	mt

g) Exklusive nordsamojedisch-kamassische lexikale Isoglossen

1. SW {19}	* <i>ämäjtəmə</i> ‘neun’	ng			km	
2. SW {21}	? * <i>elə</i> - ‘Tauschnee’			ne	km	
3. SW {26}	? * <i>i</i> - ‘dieser da’			en	km	
4. SW {30}	* <i>u(j)ŋkə</i> ‘Schnabel’	ng			km	
5. SW {40}	* <i>jäm</i> ‘Meer’	ng	en	ne	km	
6. SW {42}	* <i>jem̥nə</i> - ‘flicken’	ng	en	ne	km	
7. SW {42}	* <i>jem̥nəj</i> - ‘Flicken’	ng	[en]		km	
8. SW {55}	* <i>kəsər/l</i> ‘Warze’			[en]	ne	km
9. SW {55}	* <i>kət</i> ¹ ‘Eiter, Geschwulst’			en	ne	km
10. SW {59}	* <i>kalmə</i> - ‘Leiche, Geist’	[ng]	en	ne		km

³¹ “~ oder < ostj. O *χōŋkar* id., s. DEWOS 527” [MS 85].

³² Auch *mət’ar*- im Nganasanischen.

³³ In [MS 708] ist nen. (L) O *mūr̥*, *mj̥r̥*, P *mj̥ll̥* ‘schneeiges Wasser, Schneebrei’ (‘angefeuchter Schnee’) angeführt. Dieses nenzisches Wort ist vom enzischen *morado* und nganasanischen *murə*, *murədaʔa* mit derselben Bedeutung kaum zu trennen.

11. SW {62}	* <i>kat</i> ¹ <i>ə</i> ¹ <i>r</i> ‘Flügel’ {der.}			ne	km
12. SW {63}	* <i>käjwa</i> ‘Spaten’	ng	en	ne	km
13. SW {65}	* <i>ke/uczmka</i> ‘Ameise’ {der.}			ne	km
14. SW {73}	* <i>ko</i> (? <i>j</i>) <i>r</i> - ‘versuchen’ der.			ne	km
15. SW {79–80}	* <i>kür</i> - ‘laufen’			ne	km
16. SW {87}	* <i>mər</i> ‘Drüse’	[ng	en]	ne	km
17. SW {87}	? * <i>mərəj</i> ‘geizig’ {der.}			ne	km
18. SW {93}	* <i>merö</i> ‘Wunde’	ng	en	ne	km
19. SW {94}	* <i>min</i> - ‘gehen’	ng		ne	km
20. SW {95}	? * <i>mun</i> - (?* <i>mon</i> -) ‘Lippe, Stimme’	en		ne	km
21. SW {98}	* <i>nat</i> ¹ <i>ə</i> ‘Schwager’	[ng	en]	ne	km
22. SW {103}	* <i>nont</i> ¹ <i>a</i> - ‘nass werden’		en	ne	km
23. SW {114}	* <i>pə</i> ¹ <i>r</i> ‘Blase’	ng			km
24. SW {115}	* <i>pət</i> ³ <i>mä</i> ‘scharf’	ng	en	ne	km
25. SW {121}	* <i>perŋt</i> ¹ <i>ət</i> ¹ ‘Fußsohle (auf dem Schneeschuh)’			ne	km
26. SW {148}	* <i>t</i> ¹ <i>əpt</i> ¹ <i>ə</i> - ‘eng sein’	ng	en	ne	km
27. SW {151}	* <i>t</i> ¹ <i>alwə</i> - ‘dunkel’		[en]	ne	km
28. SW {151}	* <i>t</i> ¹ <i>ant</i> ¹ <i>ə</i> - ‘treten’		en	ne	km
29. SW {151}	* <i>t</i> ¹ <i>aŋä</i> - ‘reiben’ ³⁴			ne	km
30. SW {156–157}	? * <i>t</i> ¹ <i>ejwə</i> - ‘Magen’	ng	[en]	ne	km
31. SW {158}	* <i>t</i> ¹ <i>et</i> ¹ ‘Zeltdecke’			ne	km
32. SW {162}	* <i>tiə</i> - ‘kämmen’	ng	en	ne	km
33. SW {169}	* <i>wəj</i> ¹ <i>ə</i> ¹ <i>rə</i> ¹ - ‘überfahren’ der.	ng	en	ne	km
34. SW {169–170}	* <i>wə</i> ¹ <i>js</i> - ‘Greis, Ehemann’	ng	en	ne	km

h) Nordsamojedisch-matorische semantische Parallelen

1. ‘freies, unabhängiges Mitglied einer Gemeinschaft, Landsmann’ < ‘echter Mensch’
Mat. (MS 69) *Enä kasa* ‘Herr(?)’ (TM *ennégasse* ‘dominus’, *Enä* ‘echt, richtig’ vgl. PS **ena* ‘Wahrheit’, **enajə* ‘richtig’; (MS 438) *kasa* ‘Mensch’). Nicht nur durch die semantische Struktur ist das matorische Wort mit der Bedeutung ‘Herr(?)’, freies, unabhängiges Mitglied einer Gemeinschaft, Landsmann’ mit den Selbstbenennungen der Nenzen und der Enzen verbunden, sondern (teilweise) auch etymologisch: eine genaue etymologische Entsprechung dieses Kompositums stellt Nen. *ńenej ɣasawa* ‘ein Nenez’ dar, En. *onaj enet* ‘ein Enez’, wörtl. ‘echter Mann’ ist eine semantische Parallele, wobei nur das erste Glied des Kompositums eine etymologische Entsprechung darstellt.

³⁴ Auch EnT *tau*-, EnF *tauðo*- ‘abgenutzt werden’.

2. PS **pəʃi* ‘Spalt, Riss’ (SW 114) in der Bedeutung ‘cunnus’:

Mat. (MS 129) *bisigä* ~ *biskä* ‘cunnus’ ~ neT der. (L) O *pasī* = neW (L) Lj. *pišsi* < **pəsə-j* ‘Geschlechtsorgan der Frau und des Tierweibchens’ vgl. sk (D) Ty. *pāzʷ*, OO *pāš* ‘rako, halkeama’, (? der.) (C) NP *pāssi* (id.), der. (Pr) va *passeiqo*, *passieqo* ‘расколоться’ ~ km (? der.) (C) *puzoi*, (D) *buzoi* ‘Spalt’.

3. PS **pucə* ‘das innere, Körper’ als Stamm des Reflexivpronomens:

Mat. (MS 321) *hudu-* ‘selbst, sich selbst’ (MSp *худумохадыа* ‘самоубийца’). PS **pucə* ‘das innere, Körper’ hat folgende Entsprechungen: Ngan. der. *hütəə* ‘Kern, Mitte des Flusses’, *hütədə* ‘Rumpf’; EnzT. der. *puðodo* ‘Körper, Rumpf, der Mensch selbst’. Im Nenzischen fungiert sein Reflex als reflexiver Pronominalstamm sowie als Stamm der Personalpronomina der 2. und 3. Person: NenT (T) *xapta nydamda* ‘он сам себя’, NenW (L) Nj. *mañ pītam* ‘ich selbst’, *pīt pītar* ‘du selbst, nenzT (L) T *puðer* ‘du’, *puðe* ‘er, sie, es’ (< ‘dein Körper, sein Körper’ usw.). Die semantische Entwicklung, wie sie für das Nenzische und Matorische aufgrund aller Reflexe festzustellen ist, hat möglicherweise bereits im Gemeinsamojedischen stattgefunden (MS 2.4.3).

4. Ableitungen von PS **ne* ‘Frau’ in der Bedeutung ‘begatten’:

Mat. (MS 739A) *nāni-*: MSp *куштеннаніям* ‘насилую женщину’ (*куштен* ‘gewalt-sam’ Präs. -j- + Sg1). Vgl. NenzT *ñes-* ‘begatten’, EnzT *nes-*, Ngan. *ñilə-* (id.).

Lexikalische Isoglossen des Matorischen im Vergleich

	südsamojedisch			nordsamojedisch		
	mt	km	sk	ne	en	ng
mt	6	9+6	10	(5)		
		(13)		23	5	2
				(25)		
				(6)		
				(27)		
		38		97		

i) Nordsamojedisch-matorische phonologische Parallelen

Zahlreiche gemeinsame Entwicklungen bzw. konservative Tendenzen können auch auf der phonologischen und morphologischen Ebene, die für die enge Verbindung des Mato-

rischen zu den nordsamojedischen Sprachen noch eher ins Gewicht fallen als die lexikalischen Entsprechungen, festgestellt werden.

1. Palatale Reflexe des PS **ä* im Nen., En. und Mat. (Mikola-konferencia?)³⁵
2. Glottisstop³⁶
3. Stufenwechsel³⁷
4. Vokalharmonie³⁸
5. Stammauslautender schwacher Konsonant nach einem Labialvokal³⁹

³⁵ In diesem Fall handelt es sich um die Reflexion des Phonems, das in der traditionellen Rekonstruktion gemäß [SW] als *ä* bezeichnet ist, doch in der Rekonstruktion gemäß [Helimski 2005] (hier als „Mikola-konferencia“ bezeichnet) als *a* uminterpretiert wird: E. Helimski hierzu: „it is typically reflected as a back vowel (*a*, *ä*) in Nganasan, Selkup, and Kamassian; its front articulation attested in Nenets (*a* with the palatalization of preceding consonant), in Enets (usually *e*), and in Mator (usually *ä*) may go back to a feature of a Proto-Samoyedic dialectal unity which included the predecessors of these three languages“ [Helimski 2005: 37].

³⁶ Höchstwahrscheinlich hatte E. Helimski die Möglichkeit im Sinn, den Glottalklusil als separates Phonem zu rekonstruieren, siehe [MS 1.5.2] (Glottalklusil gibt es auch im Kamassischen). Es sollte jedoch beachtet werden, dass in Mator-Aufzeichnungen zumindest die morphemauslautenden Konsonanten, die in den anderen nordsamojedischen Sprachen zu einem Glottalklusil geworden sind, regelmäßig ihre etymologische Qualität behalten (*mät* ~ *mäʔn* 'Haus, Zelt, Heim', *oʔb* ~ *oʔm* 'eins, ein', *nik* ~ *nīʔ* 'Adler', *äŋ* 'Mund', *ten* 'Sehne'). Den Matorischen Reflexen der morphemauslautenden Konsonanten stehen die Reflexe im Kamassischen am nächsten; eine Parallele findet man auch im Selkupischen, vgl. [MS 1.5.2.1].

³⁷ In diesem Fall finde ich es schwierig zu bestimmen, was E. Helimski meinte. Einerseits könnte er den Verlust dieses Phänomens, welches das Matorische mit dem Nenzischen und Enzischen verbindet, andererseits ist der Stufenwechsel in einer anderen nordsamojedischen Sprache, Nganasan, und auch im Ket-Dialekt des Selkupischen erhalten, ging aber in Kamassischen verloren. Nun kann dieses Phänomen nicht als exklusive Matorisch-Nordsamojedische oder Matorisch-Nenzisch-Enzische Isoglosse betrachtet werden. Für einen Überblick über den Stufenwechsel in uralischen Sprachen (einschließlich der Reliktphänomene) siehe [Helimski 1995].

³⁸ Auch in diesem Fall fällt es mir schwer zu bestimmen, was E. Helimski gemeint haben könnte. Die Vokalharmonie (die Wahl eines Suffix-Allomorphs in Abhängigkeit von der harmonischen Klasse des Stammes) ist in Kamassischen, Matorischen und Nganasanischen erhalten, in Selkup verloren gegangen und ist kein produktiver Mechanismus mehr in Enzischen und Nenzischen (aber einige Reliktphänomene finden sich in diesen Sprachen auch). Es scheint also, daß die Vokalharmonie auch keinen exklusiven Isogloss bildet. Über Vokalharmonie im Matorischen siehe [MS 1.5.15].

³⁹ In [MS 1.3, 1.5.5.1] ist dieses Phänomen sehr kurz als Epithese des Konsonanten *h* nach einem wortauslautenden labialen Vokal beschrieben. Es werden keine etymologischen Parallelen aus anderen samojedischen Sprachen geliefert. Anscheinend wurde dieser Text jedoch von E. Helimski später überarbeitet (zumindest an einer Stelle des Artikels gibt er einen bibliographischen Hinweis auf seine Arbeit aus dem Jahre 2005). Könnte er in diesem Fall ein Phänomen im Sinn gehabt haben, das von V. Yu. Gusev schon kurz nach dem Tod von E. Helimski und unabhängig hiervon entdeckt

j) Nordsamojedisch-matorische morphologische Parallelen

1. Formen des possessiv Plurals (-n- in PxSg1):

Mat. (MS 11) *aja* 'Kind': Pl+PxSg1 *ajənə* oder *ajəñə* (MSp *аине* 'дети')⁴⁰

2. Suffix des Adverbialkasus (Prolativ) -*mna*/-*mnä*:

Mat. (MS 578) *kumnä* 'wieviel' (MSp *кумня* 'сколько; цена')

Nen.

En.

Ngan. (ChrNg: 77) -*mənu*/-*məñi*⁴¹

3. (?) Interrogativsuffix -s-:

Mat. (MS 130) *bisin*- 'lachen': KP *amgandyɨnbischingə*? 'что ты смеешься? warum lachst du?'; (MS 182) *čarə*- 'weinen': KP *amgandyɨntschaaaras machanider* 'что ты плачешь? warum weinst du?' Das im Matorischen nur zweimal belegte Suffix, das wahrscheinlich mit dem Suffix des Präteritums -z/-s- < PS *-s- verwandt ist, erscheint in der Funktion als Interrogativmarker, wie auch im Nenzischen und Wald-Enzischen (MS 2.6.4).

4. Suffix des Verbalnomens -*kma*/-*kmä*/-*ɣma*/-*ɣmä*:

Mat. (MS 664) *mI*- (? me-) 'nehmen': MSp *алмымекме* 'дар' (*алмы*- 'Schuld'); (MS 842) *salə*- (?) 'blitzen': MM *tui-sálongma* 'fulgur' (*tui* 'Feuer'). Dieses Suffix, dessen Varianten -*kma*/-*kmä* die ursprünglichen sind, ist mit dem nordsamojedischen Suffix *-*ɣma*/*-*ɣmä* (nenzT -*ɣma*/*ɣmä*, ngan. -*ɣmu-ə*/-*ɣmi-ə*⁴²) der perfektiv-präteritalen Verbalnomina unmittelbar verbunden (MS 2.6.6.4.2).

und in [Гыцев 2008] beschrieben wurde?: die Möglichkeit der Identifizierung des wortauslautenden *h* in Mator mit dem nganasanischen Morphonem -^C, das eine phonetisch offene Silbe schließt? Diese Idee wird jedoch in keiner von Helimskis Arbeiten formuliert.

⁴⁰ Die Matorische Form wird in [MS 2.1.2.3] kommentiert. Für die Geschichte von Possessivflexion in den samojedischen Sprachen siehe [Хелимский 1983 // 2000].

⁴¹ Es ist nicht ganz klar, was E. Helimski meint. Höchstwahrscheinlich nicht die Möglichkeit selbst, ein Prolativ-Suffix als Ableitungssuffix der Adverbien zu verwenden (solche Ableitungen sind in der Tat üblich im Nenzischen, Enezischen und Nganasan, doch die einzige bekannte adverbiale Matorische Form mit dem Prolativsuffix *kumna* (? *kumnä*) 'wieviel?' [MS 578] hat eine genaue Entsprechung in Kamassischen *куминэ* 'wieviel' [SW 75]). Dann Offenbar meint er den Allomorph des Adverbialprolativeffixes: Matorisches Suffix -*mna* (? -*mnä*) mit einem Cluster hat eine genaue Parallele im Nenzischen -*mna* (siehe [MS 2.1.1.2.7] mit Bezug auf [Salminen 1997: 132]). Es bleibt jedoch unklar, warum E. Helimski in diesem Fall auch Nganasanisch und Enzisch auflistete: in diesen Sprachen ist adverbiales Prolativsuffix mit nominalen Prolativsuffix identisch (in beiden Fällen ist der Standardreflex des gemeinsamojedischen Prolativsuffixes verwendet).

⁴² Auch EnzT -*ʔo-i*, EnzF -*ʔa*.

5. Adjektivsuffix *-mbuj/-mbüj* (nach Konsonanten *-buj/-büj*):

Mat. (MS 1069) *tü?büj* (?) ‘alles’ (Ableitung von PS **tük-* ‘alle, alles’). Die Adjektive mit diesem Suffix unterscheiden sich in semantischer Hinsicht kaum von ihren historischen Prototypen ohne dieses Suffix. Der formativen Funktion des Suffixes liegt wahrscheinlich der adjektivische Gebrauch von Partizipien des Zustandspassivs (PS **-mpeje* o.ä.) zugrunde (MS 3.1.6.3.1). Fortsetzung in den nordsam. Spr?⁴³

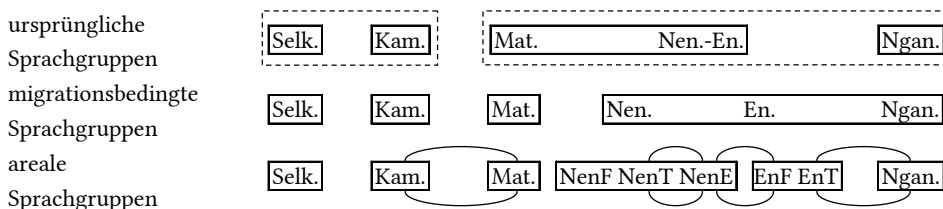
6. Suffix des Nomen agentis *-gat/-kat/-gät/-kät*:

Mat. (MS 974) *täl(ə)gät* (?) ‘Dieb’ (Ableitung von PS **talä-* ‘stehlen’). Das Suffix bezeichnet einen Agens als jemand, der die durch den Verbalstamm ausgedrückte Handlung üblicherweise ausübt, der zu dieser Handlung geneigt ist. Es geht auf die proto-samojedische Form PS **-kat¹(ə)/*-ket¹(ə)* zurück, deren Fortsetzungen in den nordsamojedischen Sprachen (NezT *-xad*, EnT *-xaðo*, Ngan. *-kutə*) belegt sind (MS 3.2.1).

7. Nomina instrumenti mit dem Suffix *-bsin/-bsün* (nach Konsonanten *-sin/-sün*):

Mat. (MS 971) *tedibsin* ‘Stützhaken’ (Ableitung von PS **teti-* ‘herausziehen (i.B. aus dem Wasser)’). Im Matorischen dient vorwiegend dieses Suffix, das auf PS **-ps3n* zurückgeht, zur Bildung von Nomina instrumenti (MS 3.2.2). Fortsetzung in den Nord-samojedischen Sprachen?⁴⁴

3. Taxonomie der samojedischen Sprachen und Dialekte

⁴³ In [MS 3.1.6.3.1] sind Matorische Adjektivableitungen mit dem Suffix *-(m)büj* besprochen. Es wird jedoch nur das verwandte Nenzische Suffix *-(m)boj* erwähnt, ohne dass angegeben ist, ob es Entsprechungen dieses Suffixes in anderen samojedischen Sprachen gibt. Im Matorischen war dieses Suffix offenbar produktiv: in [MS 3.1.6.3.1] werden sieben solcher Derivate aufgeführt, was angesichts des Mangels an bekanntem Matorischen Material gar nicht so wenig ist. Für Tundra-Nenzisch kann man in [Salminen 1998: 168] 33 abgeleitete Adjektive mit diesem Suffix finden. Soweit ich es beurteilen kann, ist das verwandte Suffix nicht in Enzischen (der Hauptsprache meiner Feldforschungen) und nicht in Nganasanischen (gemäß der Liste der Ableitungsmorpheme (einschließlich unproduktive) in [Katzschmann 2008: 492–556]) belegt.

⁴⁴ Es ist nicht klar, was E. Helimski hier meint. Das Suffix **psin* ist zweifellos ein gemeinsamojedischer Marker, der Nomina instrumenti bildet, vgl. das Wort ‘Kamm’, in dem Reflexe von **psin* im Nenzischen, Enzischen, Nganasanischen, Selkupischen und Kamassischen erhalten sind, siehe [SW 162].

Abkürzungen:

Matorisch = Matorisch (M; incl. MM[ueller], MP[allas]R[eise], MPV[ocabularia], MPZ[oographia], MSp[asski]) + Taigi (T; incl. TM, TPZ, TPF[lora]) + Karagassisch (K; incl. KM, KP, KPR, KPZ, KPF, "Monticolae" in PZ, PF) + Abakanisch (Ab.; incl. AbStr[ahlenberg], AbMess[erschmidt]; excl. numerals)

En. — Enzisch

EnT — Tundraenzisch

EnW — Waldenzisch

Kam. — Kamassisch

Mat. — Matorisch

Nen. — Nenzisch

NenT — Tundranenzisch

NenW — Waldnenzisch

Ngan. — Nganasanisch

Selk. — Selkupisch

SW — Janhunen, Juha 1977. *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien* (Castrenianum Toimitteita, 17). Helsinki.

UEW — Rédei, Károly 1986–1991. *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Budapest: Akadémiai kiadó.

Et — Хелимский, Е. А. Etymologica 1–48, 49–79: Материалы по этимологии маторско-тайгійско-карагасского языка. *Nyelvtudományi Közlemények* 1986, 88: 119–143. о.; *Nyelvtudományi Közlemények* 1993, 93: 101–123. о.)

MS — E. Helinski 1997. *Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte*. Unter Mitarbeit von Beáta Nagy (Studia Uralo-Altaica 41). Szeged.

Literatur

Janhunen, Juha 1998. Samoyedic. In Daniel Abondolo (Hrsg.): *The Uralic Languages*. London, New York: Routledge, 457–479.

Katz, Hartmut 1987. Zur Phonologie des Motorisch-Karagassisch-Taigischen. In Károly Redei (Hrsg.): *Studien zur Phonologie und Morphologie der uralischen Sprachen. Akten der dritten Tagung für uralische Phonologie, Eisenstadt, 28. Juni — 1. Juli 1984* (Studia Uralica 4). Wien: Verband der wissenschaftlichen Gesellschaften Österreichs, 336–348.

Хелимский, Е. А. 1982. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация). М.: Наука.

Janhunen, Juha 1991. Нганасаны и распад прасамодийской языковой общности. In Р. Д. Голдина (ред.). *Семинар «Проблемы происхождения народов уральской языковой семьи» (Тезисы докладов)*. Ижевск, 16–19.

Helinski, Eugen 1995/2000. Proto-Uralic gradation: Continuation and traces. In *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I: Orationes plenariae et conspectus quinquennales*. Jyväskylä, 17–51 (= Е. А. Хелимский 2000. *Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи*. М.: Языки русской культуры, 167–190).

- Helimski, Eugen 1983/2000 — Е. А. Хелимский 1983. Прасамодийские серии посессивов и их рефлексy. In: Вяч. Вс. Иванов, Т. Н. Молошная, Т. М. Николаева (ред.): *Категория притяжательности в славянских и балканских языках*. М.: Наука, 107–112 (= Е. А. Хелимский 2000. *Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи*. М.: Языки русской культуры, 45–49).